VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ

ГЕОГРАФГИЗ
1948

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

ИЗЪ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗЪ ХАМИ

ВЪ

ТИБЕТЪ

И

НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РѢКИ

Н. М Пржевальскаго.

съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Высочайше дарованныя средства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, № 1.

1883.

ПЕРЕВОДЪ БЕЗЪ СОГЛАСІЯ АВТОРА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ И НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1948

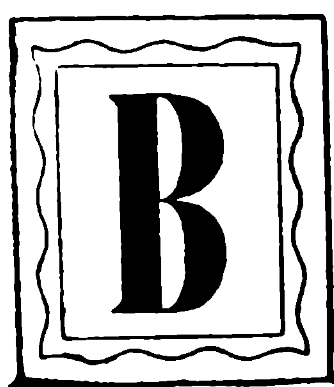
Н. М. Пржевальский

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
65	5 сверху	Posa pimpinellifolia	Rosa pimpinellifolia
78	8 »	едут верхом или на подеодах, или привешиваются сбоку седла	едут верхом или на подводах; оружие везется на тех же подводах, или привешивается сбоку седла
277	28 »	коры;	норы;
304	3 »	Cibiraea	Sibiraea
304	3 снизу	Cathcaria	Cathcartia
312	23 сверху	[житняк]---Hypecoum leptocarpum	[житняк]—Hypecoum leptocarpum,
319	Таблица, помещенная в середине полосы, относится к третьему подстрочному примечанию.		
363	В конце 7 строки сверху ошибочно напечатано «путе»- которое относится к началу 9 строки сверху.		
393	21—22 сверху	Psatbyrostachys	Psathyrostachys
»	19 снизу	F. roientalis	F. orientalis
394	13 сверху	H. myltijugum	H. multijugum
»	L. Roborowskii на 1 строке снизу относится к 3 строке снизу		
399	21 сверху	даурская малина	даурская калина

Н. М. Пржевальский—Из Зайсана через Хами в Тибет.

ПЕРВОЕ ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

1879—1880 гг. Н. М. Пржевальский совершил третье центральноазиатское путешествие, которое он назвал первым тибетским путешествием[1]

Это путешествие было организовано Пржевальским вскоре после возвращения из Лобнорской экспедиции, когда уставший и измученный болезнью наш путешественник: прерывает свои работы и по вызову из Петербурга уезжает туда лечиться и набираться новых сил. Но недолго продолжается этот перерыв. С фанатической страстью рвется Пржевальский в новое путешествие: Тибет попрежнему не исследован, неизвестность манит, высокая заветная страна влечет путешественника. Расставаясь с Зайсаном и уезжая больным в Петербург, Пржевальский записывает в своем дневнике:

«Хотя остановка экспедиции совершилась не по моей вине и притом я сознаю, что это самое лучшее при настоящем состоянии моего здоровья, — все-таки мне крайне тяжело и грустно ворочаться назад. Целый день вчера я был сам не свой и много раз плакал. Даже возвращение в Отрадное меня мало радует...».

В конце дневника лаконичная, но выразительная подпись, отмеченная 31 марта 1878 г.: «Перерыв, но не конец дневника». И действительно, через год—21 марта 1879 г.—из того же Зайсанского поста, направляясь в Центральную Азию, вновь выходит экспедиция Пржевальского. Длинной цепочкой протянулся караван, состоящий из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей. Мерная поступь, неторопливый ход, изредка слышится недовольный рев верблюда, и опять тишина и безмолвие.

«Итак, мне опять пришлось итти в глубь Азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его кормилица и защитница».

Туда, в пустыни и высокие, холодные, неприветливые горы Центральной Азии, всегда тянет Пржевальского, этого ученого—рыцаря путешествий. Нет места беспокойному и мятущемуся путешественнику в большом

---

[1] Такое название не совсем правильно, так как в первом своем «монгольском» путешествии он, в сущности, также был в Тибете.

городе, с его академиями, музеями, приемами и театрами, церемониями и условностями. Как истый отшельник, он тоскует, когда остались позади пустыни и окончен опасный путь, а следующая экспедиция будет только через два-три долгих и скучных года.

Эта книга заканчивается рассказом о заманчивости страннической жизни.

«Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе... Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную execute страническую жизнь».

Трудно представить себе Пржевальского вне его путешествий, вне его научных работ в Центральной Азии; ведь для него время между экспедициями было только необходимым перерывом, который нужно было использовать для обработки привезенного научного материала, для написания полного отчета, для составления и утверждения нового плана работ опять в Центральной Азии.

Все путешествия Пржевальского—подвиг! Удивительный подвиг, вернее, целая цепь подвигов, совершенных русским человеком, величие которого подчеркивается тем, что для него они явились обычной работой на благо своего народа, принесшего за это Пржевальскому глубокую благодарность. Не случаен приказ Пржевальского по поводу окончания четвертого путешествия, приказ, обращенный к своим верным спутникам: «Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили».

Третье путешествие в Центральную Азию Пржевальского является одним из самых интересных и плодотворных, богатых научными результатами. Маршрут этой экспедиции охватил Джунгарию, Восточный Тянь-шань, Нань-шань, Тибет, Куку-нор и верховья Желтой реки (страна Амдо), Ала-шань, Монголию.

К главнейшим научным результатам третьего путешествия следует отнести:

1. Съемку на карту более 8 тысяч км пути по новым, неизвестным и не посещенным ранее районам. Съемка эта опиралась на определяемые Пржевальским астрономические и гипсометрические пункты.

2. В течение всего времени путешествия ежедневно, трижды в день, проводились метеорологические наблюдения, давшие ценнейший материал для суждения о климате Центральной Азии. Именно на основании этих

исследований Пржевальский ставит вопрос о границах воздействия индийских муссонов в Восточном Тибете, об образовании сильных и тяжелых центральноазиатских бурь, их геологической деятельности.

3. Был открыт ряд новых горных хребтов в Северном Тибете; они получили названия, данные им Пржевальским; пройден тибетский хребет Танла [Тангла] и найден путь к Лхасе, к которой путешественник ближе всего приблизился именно в этой экспедиции.

4. Плодотворны были сборы растений и животных, которые явились собранием ряда уникальных, не известных до этого науке видов. Одним из таких видов является дикая лошадь—джунгарский скакун,—получивший название лошади Пржевальского. Помимо флористического и фаунистического материала, неменьшую ценность для науки представляют записки о перелете птиц, о жизни животных в условиях Центральной Азии и Тибета, по экологии растений.

5. Этнографические исследования, к которым часто и охотно обращается путешественник, подробно, хотя и не всегда объективно, описывая народы, встречающиеся по маршрутам. В этом отношении интересны характеристики тибетцев, тангутов (северных тибетцев), китайского населения оазисов Нань-шаня, китайской администрации и т. д.

6. Большое значение этой экспедиции состоит еще в том, что Пржевальский своей «научной рекогносцировкой» в Тибете показал сюда пути для последующих русских путешественников по Центральной Азии. Это прекрасно понимал и сам Пржевальский и гордился этим, что видно из следующего: «Но утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые поведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание, в своих различных отраслях, обогатятся сторицей против того, что им дали нынешние наши путешествия». Впрочем, это замечание полностью относится и к предыдущим экспедициям.

7. В третьем путешествии в Центральную Азию Пржевальский выступает уже как опытный путешественник, на себе испытавший тягости путешествий по пустыням и высоким нагорьям, выработавший свою методику комплексных научных рекогносцировок. В настоящей работе уже содержится немало рекомендаций по технике путешествий, по методам научно-исследовательской работы. На этот раз одним из помощников Пржевальского оказался В. И. Роборовский, сопровождавший Пржевальского и в четвертом путешествии по Центральной Азии, а затем работавший в Тибетской экспедиции М. В. Певцова и, наконец, возглавлявший большую экспедицию Русского Географического общества в Центральную Азию в 1893—1895 гг. Всеволод Иванович Роборовский—достойный ученик Николая Михайловича Пржевальского, продолжавший его дело, и если бы не тяжелая болезнь[1], приковавшая навсегда Роборовского к дому, мы, без сомнения, были бы свидетелями еще многих плодотворных путешествий этого исследователя. Таким образом именно в третьем путешествии начала формироваться школа русских географов-путешественников, которую можно назвать школой Пржевальского, сделавшей так много для славы русской географической науки.

---

[1] Был разбит параличом 28 января 1895 г. во время экспедиции в горах Амнэмачин.

Помимо В. И. Роборовского, на этот раз Пржевальского сопровождал также Ф. Л. Эклон, уже ходивший вместе с ним в Лобнорское путешествие на Алтын-таг и по Джунгарии до Гучена.

Третья центральноазиатская экспедиция нелегко далась Пржевальскому и его спутникам. Не говоря уже о тяжести путешествия в пустынях Гоби и в Тибете, обстоятельства здесь осложнились в результате упорного нежелания китайских и тибетских властей допустить русских в Южный Тибет, в Лхасу, к которой всю жизнь стремился наш путешественник. Какие только хитрости и угрозы не приходилось обходить Пржевальскому, который только своей волей и решимостью, находчивостью и бесстрашием гениального исследователя смог достичь того, что ему удалось сделать, и проникнуть в Центральный Тибет, дойдя почти до хребта Ниенчин-танла.

Вот некоторые интересные для читателя факты, с которыми пришлось столкнуться Пржевальскому при следовании в Тибет.

Китайская администрация в оазисе Са-чжоу всячески старалась отговорить путешественника следовать в Тибет, ссылаясь при этом на трудности путешествия, на бескормицу в пути, на разбойничьи племена Северного Тибета, наконец на пример венгерского путешественника графа Сечени, который послушался благоразумия китайцев и повернул в сторону, по пути, указанному администрацией.

«Нам с первого же раза отказали дать проводника не только в Тибет, но даже в соседние горы, отговариваясь неимением людей, знающих путь. При этом китайцы стращали нас рассказами о разбойниках-тангутах, о непроходимых безводных местностях, о страшных холодах в горах и т. д. На все это я поставил один категорический ответ: дадут проводника — хорошо; не дадут — мы пойдем и без него...».

Самое большое препятствие, которое труднее всего было преодолеть, это тайный приказ китайцев всему населению, всем феодальным князьям, всей администрации на местах не давать проводников русским, не сообщать никаких сведений, вообще не общаться с путешественниками.

Пржевальский же был тверд в своем намерении выполнить задачи экспедиции, он шел без проводников, нередко сбиваясь с пути, отыскивая правильную дорогу и вновь ее теряя. В пустынных, редко населенных местах Северного Тибета, где тропинка часто пропадает, нелегко было ориентироваться, а неправильный вариант приводит к тупику в ущелье, к невозможности перевалить через высокие и труднодоступные горы Наньшаня или Тибета. Часто было плохо с продовольствием, с топливом, особенно с кормами для животных. Один за другим гибли верблюды от бескормицы и холодов. Голодные животные съели свои седла, набитые соломой; путешественники вынуждены были набивать седла волосами дикого яка.

Холодной, суровой зимой, уйдя в пустыни Тибета, населенные воинственными тангутскими племенами, Пржевальский надолго исчез из поля зрения китайской администрации. Подвергшись нападению тангутов, экспедиция с боем пробилась через их окружение и невредимой вышла в Центральный Тибет.

Пока шли трудные экспедиционные будни, в Пекин доносились вести об исчезновении Пржевальского, о его гибели. Слухи распространялись очень быстро, и уже скоро русская столичная печать писала о смерти путешественника. В поисках следов Пржевальского усиленно переписывался русский поверенный в делах в Пекине А. И. Кояндер с китайскими министрами. Последние ссылались на то, что Северный Тибет населен непокоренными тангутами, не признающими власти китайских чиновни-

ков, на труднопроходимые горные перевалы, занесенные снегом, и говорили, что при таких условиях гарантировать жизнь путешественников китайское правительство не может.

Ссылка на несостоятельность китайского влияния в Тибете явно имела характер дипломатического хода. В то время в Лхасе жили постоянные китайские резиденты; на их помощь напрасно надеялся Пржевальский, когда полагал, что выдача ему китайского паспорта и визы для следования в Тибет обеспечит защиту и поддержку китайских представителей при далай-ламе. Наоборот, программа китайского правительства состояла в том, чтобы всеми силами не допускать иностранцев в Тибет, ибо их проникновение сюда грозило Китаю потерей политического влияния и торговой монополии. Это легко понять, учитывая отдаленность Тибета от восточных, наиболее важных и производящих областей Китая, труднодоступность Тибета и свободолюбие его кочевых скотоводческих племен.

Давая Пржевальскому визу в Тибет, китайское правительство одновременно приняло все возможное для недопущения его в Лхасу. Сделать это было не так трудно через своих резидентов в Лхасе. Помимо лхасских представителей, Китай располагал еще целым сонмом чиновников во всех крупных населенных пунктах Тибета. Во второй столице Тибета — Шигатце — постоянно пребывал китайский амбань. В пограничных пунктах Тибета стояли китайские пикеты, строго следящие за путниками, направляющимися в Тибет. Пржевальский справедливо подозревал китайскую администрацию в лицемерии, когда они отговаривали его не ходить в Тибет, не давали ему проводников, чинили всяческие препятствия.

В своем очередном письме китайскому правительству 12 января 1880 г. А. И. Кояндер писал:

«Хотя, если судить по донесениям этих властей, в тех краях и господствует почти полная анархия, однако по сведениям, полученным из других источников, можно заключить, что картина рисуется вашими начальниками более страшная, нежели действительность, доказательством чему служит вполне безопасность проследования через эти места того же полковника Пржевальского и в 1872 году. Все эти соображения, а также известная осторожность и энергия нашего путешественника, не оставляют во мне сомнения в том, что он благополучно проследовал через пустыни Северного Тибета и достиг местностей, где начинается оседлое население и где властям почтенного государства не может представиться затруднительным оказывать ему должную защиту и покровительство» (по Н. Ф. Д у б р о в и н у, Н. М. Пржевальский, СПб., 1890, стр. 322).

Впрочем, тот же Кояндер, не имея в течение полугода никаких известий от Пржевальского и от китайского правительства, сам очень сомневался в вопросе о судьбе экспедиции, и в письме в Министерство иностранных дел в Петербург он пишет: «... что ввиду пустынности проходимых мест китайские власти не могут быть ответственными за случайности. Что означают эти донесения? Простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякий случай, или же желание подготовить меня к более тревожным и неприятным вестям, — определить трудно». Газета «Голос» призывала отправиться на поиски Пржевальского и возмущалась, что «Ливингстона искали, Пайера[1] искали, Норденшельда искали, а Пржевальского никто искать и не думает».

---

[1] Юлиус Пайер, путешественник — исследователь Арктики, открыл землю Франца-Иосифа; его экспедиция была спасена на Новой Земле русскими зверопромышленниками.

За границей также интересовались судьбой нашего путешественника. Через графа Сечени, вернувшегося из Китая, стало известно, что с Пржевальским что-то неладно. Газеты писали, что весь конвой разбежался, что Пржевальский ограблен и так оставлен в пустынях Тибета, где ему грозила верная смерть, наконец, сообщалось, что он убит.

Между тем Пржевальский продолжал свое дело; он стоически преодолевал трудности, поставленные ему природой и людьми, расширяя территорию своих исследований. Коллекции его росли, распухали дневники, куда путешественник ежедневно и аккуратно своим размашистым и крупным почерком вносил все виденное и замеченное. Экспедиционная жизнь текла своим чередом, впрочем, об этом гораздо интереснее и полнее расскажет сама книга.

Книга «От Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» впервые появилась в печати в 1883 г. В 1881 г. Пржевальский принялся за обработку своих полевых материалов, за писание этого труда. В обработке коллекций приняли участие виднейшие русские ученые: академики К. И. Максимович и А. А. Штраух, профессора А. А. Иностранцев, С. М. Герценштейн, К. В. Шарнгорст, а позже и А. И. Воейков. Данные этих ученых Пржевальский частично включил в настоящий том, полностью же они были опубликованы в специальных выпусках, выходивших под общим названием «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии».

В первом издании книга была иллюстрирована многочисленными рисунками с натуры, сделанными спутником Пржевальского—В. И. Роборовским. Роборовский не профессионал-художник, но его иллюстрации хорошо дополняют текст и являются также документами путешествий Пржевальского. Внимательно просматривая рисунки Роборовского, замечаешь, как хорошо удавались ему зарисовки животных, людей, этнографические картинки. Хуже, по нашему мнению, исполнены рисунки, изображающие рельеф и вообще пейзаж. Индивидуальная манера стилизации пейзажных рисунков лишила их реалистичности и в научном отношении, конечно, снизила их ценность. В настоящем издании мы оставляем часть, по нашему мнению, наиболее удачных рисунков В. И. Роборовского, которые очень оживили текст. Известно, что первые два отчета Пржевальского: «Монголия и страна тангутов» и «Из Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» в первом издании были без иллюстраций.

Книга «Из Зайсана через Хами в Тибет» в свое время была очень тепло принята в России, и уже через год после выхода ее из печати в Петербурге она появилась в переводах за границей. Замечательная манера, принятая Пржевальским в своих отчетах,—совмещать увлекательность и красочность описания путешествия со строгой научностью, сделали эту книгу интересной не только для специалистов. Ею зачитывались все и всюду. Писательский талант Пржевальского, его непосредственность и искренность сразу же располагают читателя к книге, к ее автору.

Известный русский общественный деятель М. И. Семевский (умер в 1892 г.), историк и редактор «Русской старины», поздравил Пржевальского с выходом книги и написал ему:

«От всей души благодарю Вас за наслаждение, какое доставило мне чтение Вашего «Третьего путешествия в Центральную Азию». Я только что кончил чтение этого превосходного труда и под живым впечатлением восторга написал отзыв в «Русскую старину». Изложение сжато, просто, никаких вычурностей, ни слова лишнего, а между тем—ничего сухого,

нет и тени той вялости, какую зачастую встречаешь в описаниях других путешественников. Необходимо будет сделать дешевое, популярное издание этой книги, в особенности для юношества. В заключение повторяю: я в восторге от Вашей книги. Давно, очень давно не читал ничего с таким удовольствием. Как прочел ее, и в моем воображении—вслед за Вами: от Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Крепко жму Вам руку и горжусь тем, что имел случай первым выразить, в торжественном заседании С.-Петербургской городской думы, общее желание моих сограждан—видеть Вас почетным гражданином столицы дорогого нашего отечества»[1].

Не говоря уже о большом научном материале, содержащемся в этой книге, изложение порою дается настолько мастерски—точно и в то же время в блестящей литературной форме, что чтение отдельных мест доставляет читателю большое удовлетворение.

Не могу не обратить внимания на некоторые такие разделы. Третья глава начинается с описания походной «обыденной» жизни. Это описание просится в географическую хрестоматию:

«Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в центральноазиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки,—тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во все время путешествия.

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек...

В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр; затем разводит огонь и варит чай...» и т. д.

Прекрасно описание пустыни Ала-шань: «Тяжелое, подавляющее впечатление производит Алашанская пустыня, как и все другие, на душу путника» (глава восемнадцатая), или общая характеристика Тибета, написанная в виде пролога к главе девятой: «Грандиозна природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны...».

Можно было бы привести еще несколько примеров, но читатель сам оценит яркий талант Пржевальского, талант не только путешественника, но и писателя. Как в этом, так и в предыдущих его отчетах много интересного о научных работах, о походной жизни, о населении, о жизни растений и животных, о всех проявлениях природы. Таким образом—это своеобразная географическая энциклопедия; которая далеко не каждому путеше-

[1] Цитирую из книги Л. С. Берга «Всесоюзное Географическое общество за сто лет», М.—Л., 1946, стр. 91—92.

ствующему под силу. Но как мало в отчетах Пржевальского о самом себе, о своих настроениях, о своих привязанностях, о думах! Интимного у Пржевальского в дневниках и отчетах нет! Поэтому так скупы многочисленные биографии, написанные с упором больше на освещение путешествий, чем личности самого путешественника.

Редко-редко когда Николай Михайлович скупо скажет о себе и при этом как бы просит прощения у читателя за свою нескромность: «В заключение да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям».

В настоящем сочинении Пржевальский нередко ссылается на труды других путешественников, изучавших Центральную Азию. В тексте и подстрочных примечаниях можно встретить ссылки на М. В. Певцова, З. Л. Матусовского, Сечени, Крейтнера, а также на труды миссионеров, изучавших Восточный Китай и Тибет (Дезгодин, Одорик, Давид Арманд и др.), и на свидетельства индусов, пандитов, собравших в путешествиях по Тибету интересные географические сведения (Наин Синг, Сарат Чандра-дас и др.). Но, к сожалению, нигде Пржевальский не упоминает о замечательном путешествии русских, совершенном еще в самом начале XVIII века. Об этом путешествии мало известно, однако оно представляет большой интерес, так как наши соотечественники первыми достигли берегов Кукунора, побывали на Алтан-голе, представляющем самые верховья Желтой реки, в Синине. Причиной, побудившей русских совершить столь далекое и полное опасностей путешествие, были слухи о «песочном золоте в Эркети», т. е. Яркенде. По указанию сибирского губернатора князя Гагарина для проверки слухов и нахождения этого золота был послан тобольский дворянин Трушников, который еще в 1713 г. прошел через Восточный Туркестан в Северный Тибет, откуда направился в город Калган, вернувшись в Тобольск в 1716 г. Трехлетнее путешествие Трушникова громадным маршрутом охватило всю Центральную Азию от Сибири до Северного Тибета, от Кашгарии до Калгана (т. е. почти до берегов Тихого океана). Сведения об этом путешествии сообщены Ф. И. Миллером в статье «Известия о песочном золоте в Бухарии» в «Ежемесячных сочинениях» за 1760 г.; на них ссылается и Н. В. Кюнер в своем «Описании Тибета» (вып. 1. Владивосток, 1907, примечания, стр. 55 и сл.).

Остается сделать еще одно замечание. Выше мы говорили о лицемерии китайских администраторов, получивших соответствующие указания из Пекина не допускать русских путешественников в Лхасу. Пржевальский это хорошо понял и имел немало тому доказательств, на них он часто останавливается в этой книге. Однако справедливость требует отметить, что раздраженный путешественник не жалел резких слов даже там, где они не совсем были оправданы, награждая, например, весьма нелестными характеристиками мелких монгольских князей-феодалов, которые получили строгий и определенный приказ—не оказывать никакого содействия русским и всячески постараться выпроводить их обратно. Можно представить себе, что нарушение такого приказа ничего хорошего не сулило мелким князькам, находившимся в полной зависимости от китайских наместников.

Сошлемся на свидетельства других русских путешественников, побывавших в тех же местах, где был Пржевальский. В примечании № 123 мы привели выдержку из книги В. А. Обручева, в которой он дает характеристику монгольского князя Курлык-бэйсе и приводит его высказывание относительно третьей экспедиции Пржевальского. Обручев и Курлык-

бэйсе расстались друзьями, и русский путешественник уезжает в дальнейший путь, напутствуемый пожеланиями хорошего пути, угощениями и охранной грамотой, в которой предлагалось оказывать всяческое содействие нашему геологу в его путешествии.

В связи с этим свидетельством В. А. Обручева интересно отметить, что когда Пржевальский в своем первом—монгольском—путешествии шел в сопровождении очень небольшой группы, состоящей всего из четырех человек, без специального конвойного охранения, он встречал к себе хорошее отношение со стороны мелких князей и небольших чиновников. Правда, и в первом путешествии Пржевальский не раз сетует на препятствия, которые ему чинили представители китайской администрации в городах Внутренней Монголии и Северного Тибета.

Пржевальский удивляется, почему те же люди, те же монгольские князья, с которыми он дружески расстался несколько лет назад, теперь угрюмо встречали третью экспедицию и старались поскорее отделаться от нее.

Другой путешественник, слову которого есть все основания верить, Г. Н. Потанин, пишет, что сининский амбань был с ним очень любезен и просил Потанина не ходить по разбойничьим местам, которых не боялся Пржевальский, потому что у него была охрана. Все же амбань, уступая настойчивым желаниям Потанина, разрешил ему итти в избранном направлении, снабдив рекомендательными письмами и проводником.

Вот что пишет Потанин, характеризуя сининского амбаня:

«Генерал Лин был тот самый амбань, который совершенно в той же обстановке принимал за год перед нами Пржевальского; характеристика, которую сделал Пржевальский, совсем другая; не знаю, кто из нас ошибся, мы ли были одурачены и не раскусили коварства под знаком внешней любезности, или Пржевальский был вовлечен в ошибку своей излишней мнительностью и увидел там подозрительность, где ее вовсе не было. Кажется, вернее объяснить эти старания местных властей отклонять европейских путешественников от опасных пустынь боязнью за них перед пекинским начальством» («Тангутско-Тибетская окраина Тибета и Центральная Монголия», т. I, СПб., 1893, стр. 207 и сл.).

В обоих этих случаях местные власти—монгольский князь и сининский амбань—не получали специальных указаний из Пекина, которые, без сомнения, были даны относительно Пржевальского. Может быть, здесь сыграло роль то, что Пржевальский был военным, в то время как Обручев и Потанин путешествовали без всякого конвоя и без вооружения, хотя всех их объединяла лишь одна цель—научное изучение Центральной Азии. Пржевальский же, встречая препятствия на каждом шагу своего путешествия, имел основания быть мнительным и подозрительным и поэтому не всегда справедливо и резко критиковал людей, с которыми ему пришлось встречаться.

Долго помнило население Монголии и Северного Тибета экспедицию Пржевальского. Глубокое впечатление оставили у монголов и тангутов храбрость Пржевальского, его решительность, воля, способность ориентироваться; они всегда удивлялись умению Николая Михайловича метко стрелять, охотиться за диким зверем.

Г. Ц. Цыбиков указывает, что, когда во время путешествия 1899—1902 гг. он посетил реку Баян-гол в Цайдаме, то местные монголы расспрашивали и вспоминали об «изхэ гэдэ-суту амбане» (большебрюхом генерале), под которым должно разуметь знаменитого Пржевальского, а также о многих других европейских путешественниках, собственных имен которых

не знают, но определяют по каким-нибудь отличительным признакам.

В их рассказах с примесью былей и небылиц замечается какое-то уважение к русским, сознание справедливости их требований, сознание того, что даже «уртай-амбань», т. е. «сердитый генерал» (Пржевальский) наказывал лишь за неправый поступок и щедро награждал за полезные услуги» («Буддист паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг.». Русское Географическое общество, Петроград, 1918, стр. 63 и 64).

Настоящее издание нами подготовлено в соответствии с изданием 1883 г. Редактор счел возможным сделать очень небольшие сокращения из первоначального текста, там, где ему казалось это целесообразным по ряду причин, и только в тех местах, которые сейчас не представляют особого научного и литературного интереса. Такое сокращение, в общем весьма незначительное, ничего не изменило ни в конструкции, ни в содержании книги. В остальном текст оставлен без изменений. Только в ряде мест мы внесли некоторые разъясняющие названия или термины. Это касается русских названий животных и растений, географических названий, даваемых в современной транскрипции при первом упоминании, и их синонимов и т. д. Все такие вставки или сноски взяты в прямые скобки. Старые меры длины и веса, употребляемые Пржевальским, мы не переводили в современные, это очень загромоздило бы текст. В конце книги даны таблицы перевода таких мер, по которым в случае необходимости легко и просто это сделать.

Все латинские названия растений и животных, упоминаемые в настоящем сочинении, подверглись ревизии в соответствии с формами, принятыми в современной систематике. В тексте всюду оставлены формы, употреблявшиеся Н. М. Пржевальским, но в конце книги приложены таблицы, в которых в алфавитном порядке указаны латинские названия растений и животных, какие были приняты во второй половине прошлого столетия, соответствующие им формы, наиболее принятые ныне, и русские названия.

Проверку зоологической номенклатуры взял на себя, как и в предыдущих книгах Пржевальского, доцент А. Г. Банников, а ботаническая номенклатура подверглась сверке старшим научным сотрудником Ботанического института Академии наук СССР—Л. Е. Родиным. Обоим им — большая благодарность за их кропотливый, но весьма полезный труд.

А. Г. Банников просил меня привести здесь следующее его замечание:

«За 60 лет со времени, когда эту книгу писал Н. М. Пржевальский, систематика животных сделала большие успехи. Ревизия многих групп показала, что число видов значительно меньше, чем представлялось систематикам раньше. Большое количество видов редуцировано или сведено до ранга подвида.

Поскольку обозначить подвидовую принадлежность всех животных, упоминаемых Н. М. Пржевальским, без специального пересмотра его коллекционных материалов не представляется возможным, постольку для однообразия в прилагаемом индексе дается только видовое название, что необходимо иметь в виду при его использовании».

Л. Е. Родин также считает целесообразным снабдить настоящее введение к книге такими словами:

«Названия растений проверены по работе В. Л. Комарова «Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию, вып. 1. Маршруты Н. М. Пржевальского». Труды Главного Ботанического сада, т. 34, вып. 1, Петроград, 1920. Названия растений от семейства

Hymenophyllaceae до семейства Leguminosae изменены согласно «Флоре СССР», тт. I—XII. При современном более дробном понимании вида, отличном от понимания, имевшего место во времена Пржевальского, легко могли вкрасться иногда ошибочные названия, устранение которых возможно лишь при условии пересмотра заново всего гербария, собранного Н. М. Пржевальским».

В дополнение к тексту книги настоящее издание мы снабдили примечаниями и комментариями; они пронумерованы от № 1 до № 178 и соответствуют номерам в тексте.

Все примечания сгруппированы по главам, на которые разбита книга, в том же порядке, как и в издании 1883 г.

Э. МУРЗАЕВ

Страница из дневника Н. М. Пржевальского, посвященная окончанию третьего центральноазиатского путешествия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совершенная мною в 1879 и 1880 годах третья экспедиция в глубь Азиатского материка представляет собою, как и два первые здесь путешествия, *научную рекогносцировку Центральной Азии*. Этими подчеркнутыми словами определяется характер и содержание настоящей книги. В ней рядом с последовательным, нередко сжатым, описанием пройденных нами стран ведется рассказ о ходе экспедиции и передаются личные наши впечатления; словом, вместе с объективными описаниями вносится и элемент субъективный. Такая форма изложения казалась для меня удобнее потому, что дает возможность читателю проследить шаг за шагом все путешествие и представить себе более или менее полную картину описываемых местностей. Насколько эта цель достигнута—судить не мне. Скажу лишь, что многие пробелы как в самых описаниях, так и в исследованиях наших вообще обусловливались, с одной стороны, немалыми пробелами личной нашей подготовки, а с другой—исключительностью тех условий, в которых находилась экспедиция: не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии, не один раз приходилось, скрепя сердце, жертвовать меньшим большему и вообще исполнять то, что «возможно», а не то, что «желательно» было сделать.

Но так или иначе, а три путешествия в Центральной Азии нами совершены. Их научные результаты, перечисленные в конце настоящей книги, получили широкую, в высшей степени лестную оценку со стороны многих ученых обществ, как наших, так и иностранных. Ученые специалисты обязательно приняли на себя разработку собранных нами материалов[1], и их труды, по мере исполнения, будут появляться в свет. Те же ученые много помогли мне и при составлении настоящей книги: растения определены академиком К. И. Максимовичем; горные породы—профессором А. А. Иностранцевым; пресмыкающиеся и земноводные—академиком А. А. Штраухом; рыбы—консерватором музея Академии наук С. М. Герценштейном; наблюдения широты и барометрические вычислены полковником К. В. Шарнгорстом.

---

[1] Кроме птиц, которые частью описаны мною («Монголия и страна тангутов», т. отд. 2), частью будут обработаны мною впоследствии.

Рисунки, приложенные к книге[1], исполнены в Экспедиции заготовления государственных бумаг с оригиналов моего спутника В. И. Роборовского. Обе карты составлены из моих маршрутов[2]. Для связи на них нанесена съемка моего Лобнорского путешествия, некоторые промежуточные местности и сведения, добытые по расспросам.

Май 1883 года, С.-Петербург. *Н. Пржевальский*

---

[1] 1-й том моей книги «Монголия и страна тангутов», С.-Петербург, 1875 г. напечатан в русском оригинале без рисунков, но во французском переводе, изданном в Париже фирмою Hachette et C°, эта книга снабжена, помимо моего ведома, 41 рисунком, из которых одиннадцать (№№ 8, 18, 19, 20, 24, 25, 28, 32, 35, 37 и 40) не имеют ни малейшего сходства с действительностью.

[2] При составлении этих карт вкралась ошибка, именно: город Са-чжеу отнесен слишком на запад. Он должен быть подвинут верст на 50 к востоку и вместе с тем пропорционально подвинут к востоку же весь наш путь от колодца Ку-фи через Сыртын и северный Цайдам до оз. Курлык-нор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАЙСАНЕ. ПУТЬ ПО ЧЖУНГАРИИ ДОЛИНОЮ Р. УРУНГУ

[21 марта/2 апреля—1/13 мая 1879 г.]

План и состав экспедиции.—Окончательное снаряжение в Зайсане: запасы продовольственные; боевые и охотничьи; для научных работ; одежда, обувь и жилище; подарки туземцам; деньги; укладка багажа; экспедиционные животные.—Важность вооружения экспедиции.—Предположенный путь.—Проводник Мирзаш.—Выступление из Зайсана.—Мысли у порога пустыни.—Первые дни путешествия.—Местность от Зайсана до оз. Улюнгура.—Описание этого озера.—Городишко Булун-тохой.—Река Урунгу.—Ее нижнее течение.—Местная флора и фауна.—Соседняя пустыня.—Среднее течение Урунгу.—Путь наш вверх по этой реке.—Зимовка бежавших киргизов.—Верхняя Урунгу.—Река Булугун.—Охота на кабанов.—О торгоутах.

сследованием Лоб-нора и западной Чжунгарии закончилось второе мое путешествие в Центральной Азии[1]. Постигнутый болезнью как результатом чрезмерного напряжения сил, различных лишений и неблагоприятных климатических условий, я принужден был отказаться от намерения пройти из Кульджи в Тибет через Хами и в конце 1877 года возвратился из г. Гучена в наш пограничный пост Зайсанский[2]. Здесь в течение трех месяцев, при заботливом внимании местных врачей, здоровье мое достаточно восстановилось. Тогда я выступил было вновь из Зайсана в путь, как получил телеграммою из С.-Петербурга приказание отложить на время экспедицию, ввиду обострившихся затруднений наших с китайцами по поводу владения Илийским краем(1).

---

[1] Краткий отчет об этом путешествии «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» написан мною в Кульдже, тотчас по возвращении с Лоб-нора, и помещен в «Известиях императорского Русского Географического общества», 1877 г., т. XIII, вып. V; издан также отдельной брошюрой. Описание же первого (1871—1872 и 1873 годов) путешествия в Центральной Азии сделано мною под заглавием «Монголия и страна тангутов», т. I, 1875 г. На эту книгу впоследствии я буду неоднократно здесь ссылаться, во избежание повторений. [Второе издание: 1) «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». М., 1947, 2) «Монголия и страна тангутов», М., 1946.]

[2] Ныне город Зайсанск [в то время Семипалатинской, а теперь Восточно-Казахстанской области].

По пословице «нет худа без добра» подобная, обязательная отсрочка путешествия явилась весьма кстати. Мне можно было ехать на родину, и здесь в продолжение лета 1878 года, в тиши деревни, окончательно отдохнуть от многоразличных невзгод Лобнорского путешествия.

Между тем недоразумения с китайцами не только не улаживались, но еще более осложнялись. Казалось, им не предвиделось и конца. Ожидание «благоприятного» времени для путешествия могло отдалить это путешествие на целые годы. Да и тогда кто мог поручиться, что экспедиция наша не встретит препятствий в том или другом виде и характере? По опыту предшествовавших странствований мне было достаточно известно, что успех путешествия в таких диких странах, какова Центральная Азия, много, даже очень много, зависит от удачи, счастья, т. е. от таких условий, которые невозможно определить заранее. Необходимо рисковать, и в этом самом риске кроется значительный, пожалуй даже наибольший, шанс успеха...

Со всегдашней горячей готовностью откликнулись Географическое общество и Военное министерство на поданный мною проект о новом путешествии в глубь Азии. Целью этого путешествия намечался далекий, малоизвестный Тибет. Путем же следования было избрано направление из Зайсана через Хами, Са-чжеу и Цайдам—по местностям, которые сами по себе представляли высокий научный интерес. Срок путешествия полагался двухлетний; личный состав экспедиции определен был в 13 человек; на расходы исчислялось 29 000 рублей[1].

Ближайшими моими помощниками, принесшими неоценимые услуги делу экспедиции, были два офицера, прапорщики—Федор Леонтьевич Эклон и Всеволод Иванович Роборовский. Первый из них, еще будучи юнкером, сопутствовал мне на Лоб-нор; второй теперь впервые отправлялся в Азию. Эклону поручено было препарирование млекопитающих, птиц и пр., словом заведывание зоологической коллекцией; Роборовский же рисовал и собирал гербарий. Кроме того, оба названные офицера помогали мне и в других научных работах экспедиции. В составе последней находились, кроме того, трое солдат: Никифор Егоров, Михаил Румянцев и Михей Урусов. Пять забайкальских казаков: Дондок Иринчинов — мой неизменный спутник при всех трех путешествиях в Центральной Азии, Пантелей Телешов, Петр Калмынин, Джамбал Гармаев и Семен Анносов; вольнонаемный препаратор отставной унтер-офицер Андрей Коломейцев и переводчик для тюркского и китайского языков уроженец города Кульджи Абдул Басид Юсупов, уже бывший со мною на Лоб-норе.

Таким образом вся наша экспедиция состояла из 13 человек,—как нарочно, из цифры, самой неблагоприятной в глазах суеверов. Однако последующий опыт путешествия доказал всю несправедливость нареканий, возводимых на так называемую «чортову дюжину».

Притом более обширный персонал экспедиции едва ли был бы на пользу дела. В данном случае, более чем где-либо, важно заменить количество качеством и подобрать людей, вполне годных для путешествия. Каждый лишний человек становится обузой, в особенности если он не удовлетворяет вполне всем требованиям экспедиции. В длинном же ряду этих требований далеко не на последнем месте стоят нравственные или, вернее, сердечные качества. Сварливый, злой человек будет неминуемо великим

---

[1] Из них 10 000 рублей золотом в номинальной цене.

несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела.

Затем на стороне маленькой экспедиции то великое преимущество, что нужно гораздо меньше различных запасов, равно как вьючных и верховых верблюдов, которых иногда совершенно нельзя достать; легче добыть продовольствие, топливо и воду в пустыне; легче забраться в труднодоступные местности; словом, выгоднее относительно выполнения прямых задач путешествия. При этом, конечно, обязательно откинуть всякий комфорт и довольствоваться лишь самым необходимым.

Окончательное снаряжение в Зайсане. В конце февраля 1879 года мы все собрались в посту Зайсанском, в котором оставлено было на хранение прошлогоднее снаряжение экспедиции. Теперь оно пополнилось новым привозом, так как требовалось запастись всем необходимым до последних мелочей и притом на долгий срок. Правда, мы не позволяли себе роскоши, скорее даже урезывали необходимое, но тем не менее в багаже нашем собралась куча самых разнообразных предметов, требовавших тщательной сортировки и укладки.

Запасы продовольственные. Продовольственные запасы составляли, конечно, вопрос первостепенной важности. У нас, как и в караванах туземцев, они состояли из трех главных предметов: баранов, которых гнали живьем, кирпичного чая и дзамбы, т. е. поджареной ячменной или пшеничной муки. Мука эта, завариваемая в виде толокна горячим чаем с прибавкой соли, масла или бараньего сала, хорошо заменяет хлеб, притом долго сохраняется и весьма удобна для перевозки вьюком. Затем, где возможно, мы покупали во время путешествия рис и просо; иногда же китайскую финтяузу и гуамян[1], а также пшеничную муку, из которой, обыкновенно на дневках, пекли лепешки в горячей золе. Из Зайсана было взято сверх того семь пудов сахара, около пуда сухих прессованных овощей, по ящику коньяка и хереса и два ведра спирта для коллекций.

Презервов мы с собой не брали, так как, во-первых, их надо было бы слишком много; во-вторых, они возбуждают сильную жажду; затем портятся при сильных жарах в пустыне (2). Не годятся здесь также водоочистители. Лучшее питье при путешествии—это чай, в особенности если к нему прибавлять лимонной кислоты или клюквенного экстракта. Тем и другим можно запастись вдоволь, без излишнего обременения вьючного багажа. Табак ни я, ни офицеры не курим, так что в этом отношении не предстояло заботы.

Кухонная наша посуда состояла из большой медной чаши, где варились суп и чай, медного котелка, двух небольших, также медных, чайников, кастрюли, сковороды, железной миски и двух железных ведер для черпания воды. Запас последней летом всегда возился в двух плоских деревянных бочонках, вмещавших в себе девять ведер.

Столовые принадлежности также гармонировали с кухонными. Каждый из нас имел деревянную чашку, в которую попеременно наливался то суп, то чай; складные ножи служили для разрезывания мяса, а пальцы рук заменяли вилки; ложки имелись вначале, но впоследствии поломались и растерялись, так что заменены были самодельными деревянными лопаточками.

---

[1] То и другое род вермишели, только финтяуза приготовляется из гороховой [или картофельной] муки, а гуамян из пшеничной.

Один из казаков назначался поочередно на месяц поваром,—уменье в расчет не принималось—тем более, что наш обед и ужин почти всегда состояли из одного и того же бараньего супа, с приложением жареной или вареной дичины, если таковую удавалось добыть на охоте. Рыба попадалась редко, как исключение. Продовольствовались мы вместе с казаками из общей чаши, одной и той же пищей. Только сахар к чаю, за невозможностью достать его в пустыне, давался казакам лишь изредка, по праздникам. На случай заболевания взята была небольшая аптека. Но так как никто из нас не знал медицины, то в дороге мы не прибегали ни к каким другим средствам, кроме хины и желудочных капель, да притом и не заболевали серьезно.

Боевые и охотничьи. Боевое и охотничье снаряжение нашей экспедиции было вполне удовлетворительное. Каждый из нас имел винтовку Бердана за плечами и два револьвера Смита и Вессона у седла; за поясом же штык к винтовке и два небольших патронташа с двадцатью патронами в каждом. Охотничьих ружей имелось семь. К ним взято было, для стрельбы птиц в коллекцию и для охоты вообще, три пуда пороха и двенадцать пудов дроби. Для винтовок отпущено нам было шесть тысяч патронов, а для револьверов—три тысячи. Патроны возились в цинковых ящиках, нашей войсковой укладки, по 870 штук в каждом. Ящики эти, весом около двух с половиною пудов, взамен деревянной форменной обложки обшивались толстым войлоком, обвязывались веревками и в таком виде отлично сохранялись в дороге. Порох сохранялся в жестянках, уложенных в деревянный ящик. Дробь же размещалась вместе с другими вещами по кожаным сумам и служила прекрасным материалом для уравновешивания вьюков.

Для научных работ. Для научных работ имелись: два хронометра, небольшой универсальный инструмент, барометр Паррота с запасными трубками и ртутью, три буссоли Шмалькальдера, несколько компасов, шесть термометров Цельсия, гипсометр и психрометр(3). Сверх того сделаны были запасы для препарировки зверей и птиц, как-то: пинцетки, ножики, мышьяковое мыло, квасцы, гипс, несколько пудов пакли и ваты. Для сбора рыб и пресмыкающихся уложены были в особый ящик с гнездами стеклянные квадратные банки с притертыми пробками; наливались они спиртом. Впоследствии спирт можно было заменить крепкой китайской водкой. Для гербария запасено было полторы тысячи листов пропускной бумаги, которой, впрочем, нехватило на два летних сбора. Пришлось экономить перекладкою растений между листами и добавить весьма плохой бумаги китайской.

Одежда, обувь и жилище. В путешествии форменного военного платья мы не носили. Тем не менее с нами везлись наши мундиры, которые иногда приходилось надевать для визитов крупным китайским властям. Казакам на тот же случай были сшиты из плиса русские костюмы. Затем во время самого пути как мы так и казаки, носили ситцевое белье, летом парусиновые блузы и панталоны; зимою же панталоны суконные или теплые из бараньего меха и полушубки. Обувью служили охотничьи сапоги. Казаки же нередко шили себе из сыромятной кожи сибирские унты, чирки и ичиги. Вообще как одежды, так и обуви изнашивалось очень много; поэтому запасы того и другого были немалые.

Постелью всем нам служили войлоки, постилавшиеся на землю; в изголовьях клались кожаные подушки. Покрывались летом байковыми одеялами; зимой теплыми одеялами из бараньего меха. Впрочем, казаки

ни подушек, ни одеял не имели; покрывались же всегда своими шубами, а изголовье устраивали из снятого на ночь верхнего платья.

Походным нашим жилищем были две парусиновые, монгольского образца, палатки—одна для нас, другая для казаков. Впоследствии, зимою в Тибете, одна из таких палаток заменена была войлочной юртой[1].

Подарки туземцам. Для подарков туземцам, без чего невозможно обойтись в Азии, закуплено было в Петербурге на 1 400 рублей: несколько охотничьих ружей, револьверов, игральных машинок, карманных часов, складных нейзильберных [мельхиоровых] зеркалец, ножей, ножниц, бритв, бус, ожерелий и гармоний; сверх того иголки, магний, сусальное золото, несколько магнитов, кусок плису, стереоскоп, калейдоскоп, две маленькие электрические батареи и, наконец, телефон. Последний, впрочем, не производил впечатления, так как требовал для своей оценки достаточно умственного развития. Зато электрическая батарея и раскрашенные карточки актрис (да простят они мне это) везде производили чарующее впечатление на туземцев Монголии и Тибета.

Деньги. Наконец, чтоб довершить перечисление нашего экспедиционного багажа, скажу, что в нем находилось еще десять пудов купленного в Семипалатинске китайского серебра в больших (около $4^1/_2$ фунтов) и маленьких слитках, так называемых ямбах, и мелко нарубленных кусочках. Серебро это, принимаемое на вес, заменяет собою ценную монету на всем обширном пространстве Китайской империи. Здесь единицей монетного веса служит, как известно, лан, ценою равняющийся, средним числом, двум нашим металлическим рублям, а по весу заключающий в себе 8,7 золотников серебра. Впрочем, вес лана бывает троякий: казенный, рыночный и малый. Десятая часть лана называется цян, а десятая часть цяна—фын. Мелкая монета, так называемая чжосы или чохи, состоит из сплава чугуна с цинком и имеет бесконечно различные счет и курс. Средним числом таких монет, величиною с нашу прежнюю копейку, только с квадратным отверстием для нанизывания на нитки, приходится около тысячи на наш металлический рубль. В Пекине и в других больших городах существуют в обращении бумажки, выпускаемые солидными торговыми домами; только эти бумажки не принимаются вне городских стен.

Укладка багажа. Как ни старались мы ограничиться в своих запасах только самым необходимым и притом в умеренном количестве, все-таки багаж наш с укупоркой весил около двухсот пудов. Распределено было все это на 46 вьюков, которыми предназначалось завьючить 23 верблюда. Сортировка вьюков и их упаковка произведены были самым тщательным образом—от этого очень много зависит как благополучное сохранение самых вещей, так и вьючных животных.

Наиболее подверженные порчи вещи размещены были в двенадцать больших и средней величины деревянных ящиков, большая часть которых, сверх того, наполнялась ватой и паклей для набивки чучел птиц, укладывающихся в те же самые ящики. Две пары из них определены были под растения; еще в одной паре, всегда вносившейся в нашу палатку или юрту, сохранялись дневники, инструменты, походная аптека и такие вещи, которые необходимо было всегда иметь под рукой.

Кожаные сумы, числом восемь, вмещали в себе белье, платье, обувь, дробь, серебро и пр., словом, те предметы, которые не требовали тщательной

---

[1] Описание юрты см. в моей «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 34, 35 и 331 [или стр. 68—69 и 269 в издании 1946 г.].

укладки и не портились от случайных ударов. Наконец патронные ящики и мешки с продовольствием дополняли собою ту кладь, которая ежедневно возлагалась на спины наших верблюдов.

Экспедиционные животные. Понятно, что от качества этих последних много зависел самый успех путешествия, тем более при крайней затруднительности, даже почти невозможности достать вьючных животных по нашему пути через Чжунгарию и в Хамийской пустыне. Да и ни на каких других животных, кроме верблюдов, нельзя пройти по этим местностям, нередко представляющим на многие сотни верст бесплодную пустыню. В этой-то пустыне, на своей родине, верблюд действительно составляет для путешественника самую надежную движущую силу, пожалуй, даже более удобную, нежели сила любой машины. Для последней необходима вода и топливо, не говоря уже о других приспособлениях. Верблюд же разыщет себе корм в самой бесплодной местности и обойдется без воды в течение нескольких суток. Умейте только обращаться с этим животным, и оно, не требуя почти ничего, перенесет благополучно и вас и ваши вьюки через сыпучие пески, бесплодные солончаки и галечные равнины, словом, через самые дикие места пустыни[1].

Необходимость добыть не только хороших, но даже отличных верблюдов доставила нам немало хлопот. Только благодаря содействию военного губернатора Семипалатинской области генерала А. П. Проценко и начальника его штаба полковника В. Ф. Ильинского мы купили у зайсанских киргизов [казахов] 35 превосходных верблюдов. Из них 23 предназначались под вьюки, 8 под верх казакам; остальные 4 шли как запасные. Сверх того, при экспедиции состояло 5 верховых лошадей: для меня, моих помощников офицеров, препаратора и переводчика.

Важность вооружения экспедиции. В продолжение более трех недель, проведенных в Зайсане, мы каждый день занимали казаков практической стрельбой из берданок и револьверов. Уменье хорошо стрелять стояло вопросом первостепенной важности,—это была гарантия нашей безопасности в глубине азиатских пустынь, наилучший из всех китайских паспортов. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховья Желтой реки. Мы не могли бы, как то нередко случалось во время настоящего путешествия, итти напролом, не спрашивая позволения или, лучше сказать, не слушая китайских стращаний и запрещений. И если бы наша маленькая кучка не уподоблялась ощетинившемуся ежу, который может наколоть лапы и большому зверю, то китайцы нашли бы тысячи случаев затормозить наш путь или, быть может, даже истребить нас подкупленными разбойниками.

Предположенный путь. Как выше сказано, более трех недель пробыли мы в Зайсанском посту, снаряжаясь в предстоящий путь. Правда, сборы наши окончились скорее, но выступлению мешала поздняя весна, наступавшая в этом году особенно лениво. В степи Зайсанской, вообще обильной снегом, в зиму 1879/80 года этого снега выпало более против обыкновенного, так что до половины марта не показывались даже проталины. Наконец, потеплело, снег быстро начал таять, и мы могли двинуться в путь. Последний избран был нами мимо оз. Улюнгура через город Булун-тохой и вверх по р. Урунгу, а отсюда прямо на гг. Баркуль и Хами. Следуя этим направлением, мы выгадывали себе

---

[1] Подробно о верблюде см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 85—92 [в новом издании стр. 102—107].

несколько верст движения вдоль реки; затем проходили по неизвестной местности между Алтаем и Тянь-шанем, наконец избавлялись от необходимости следовать, между Гученом и Баркулем, по довольно густому, вдоль Тянь-шаня, китайскому населению и по линии расположения китайских войск, где весьма легко могли встретить самые неприятные случайности со стороны грубых и недисциплинированных китайских солдат.

Проводник Мирзаш. Проводником на первое время взят был нами киргиз Зайсанского приставства Мирзаш Аллиаров, тот самый, который осенью 1877 года водил нас из Кульджи в Гучен. Мирзаш отлично знал прилежащую к нашей границе западную часть Чжунгарии, где много лет занимался барантою, т. е. воровством лошадей. Как известно, подобный промысел нисколько не презирается у киргизов; наоборот, искусный барантач считается удальцом, заслуживающим удивления и похвалы. Мирзаш своими подвигами снискал себе даже почетное прозвище батырь, т. е. богатырь. Этот богатырь сам сознавался нам, что в продолжение своей жизни (ему тогда было 53 года) украл более тысячи лошадей; неоднократно бывал в самом трудном положении, но обыкновенно выпутывался из беды. Впрочем, большой шрам на лбу, нанесенный топором хозяина украденной лошади, ясно свидетельствовал, что не всегда благополучно проходили нашему герою его воровские похождения. Как проводник, Мирзаш был очень полезен; только необходимо было его держать, как говорится, в ежовых рукавицах.

Выступление из Зайсана. На восходе солнца 21 марта[1] караван наш был готов к выступлению. Длинной вереницей вытянулись завьюченные верблюды, привязанные один к другому и разделенные, для удобства движения, на три эшелона. Казаки[2] восседали также на верблюдах. Остальные члены экспедиции ехали верхом на лошадях. Каждый эшелон сопровождался двумя казаками, из которых один вел передового верблюда, другой же подгонял самого заднего. Впереди всего каравана ехал я с прапорщиком Эклоном, проводником и иногда одним из казаков. Прапорщик Роборовский следовал в арьергарде, где также находился переводчик Абдул Юсупов, препаратор Коломейцев и остальные казаки. Здесь же, под присмотром казака, то шагом, то рысью, не забывая притом о покормке, двигалось небольшое стадо баранов, предназначенных для еды. Наконец волонтерами из Зайсана с нами отправилось несколько собак, из которых, впрочем, впоследствии оставлено было только две; одна из них выходила всю экспедицию.

Мысли у порога пустыни. Итак, мне опять пришлось итти в глубь азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его кормилица и защитница. И, по всему вероятию, люди живут здесь с незапамятных времен, так как пастушеская жизнь, не требующая особого напряжения ни физических, ни умственных сил, конечно, была всего пригоднее для младенчествующего человечества. Притом же, в зависимости от постоянного однообразия физических условий, быт номадов, конечно, не изменился

[1] Все числа месяцев в настоящей книге по старому стилю.

[2] Как уже было сказано, в составе экспедиции находились, кроме казаков, трое солдат; но для удобства я буду иногда и их называть также казаками.

со времен глубочайшей древности. Как теперь, так и тогда, войлочная юрта служила жилищем; молоко и мясо стад—пищей; так же любил прежний номад ездить верхом; так же был ленив, как и в настоящее время. Сменялись народы пустыни, вытесняя один другого; сменялась их религия, переходя от фетишизма и шаманства к буддизму, но самый быт кочевников остался неизменяемым. Консерватизм Азии достиг здесь своего апогея!

И надолго останется таковою большая часть Центральной Азии! Природа пустыни едва ли будет вполне побеждена даже при помощи науки. Конечно, со временем местности, пригодные для культуры, оседло населятся, и артезианские колодцы отнимут еще несколько клочков у бесплодной пустыни. Быть может, ее прорежет железная дорога, хотя бы сибирско-китайская. Вообще район кочевой жизни в будущем значительно сократится, но все-таки большая часть Центральной Азии останется пустыней навсегда. Здесь не то, что в Северной Америке, где все прерии годны для обработки и где поэтому культура подвигается исполинскими шагами. Природа азиатской пустыни всего лучше и всего дольше защитит туземних номадов перед напором цивилизации. В далеком будущем эти номады останутся живыми памятниками исторического прошлого. Стада домашнего скота, антилопы, хуланы [куланы], а на Тибетском нагорье дикие яки еще долго, долго будут бродить по пустыням Центральной Азии...(4).

Первые дни путешествия. Выступив из Зайсана, мы сделали первый переход в 25 верст до небольшого и весьма бедного казачьего селения Кендерлык, за которым невдалеке проходила государственная наша граница с Китаем.

От с. Кендерлык колесная дорога ведет через урочище Майхабцагай на оз. Улюнгур и далее в г. Булун-тохой. По этой дороге от Зайсана до Улюнгура считается 175 верст. Мы же должны были сделать 15 верст лишних и итти от Кендерлыка до урочища Туманды обходным, более южным путем, где снегу в это время лежало меньше. Все-таки и на этом обходе мы немало натерпелись с своими верблюдами от грязи и снежных зимних наносов, встречавшихся в каждой попутной рытвине. Притом 26 марта нас угостило таким снежным бураном, какой впору было видеть лишь в глубокую зиму. При сильнейшей буре с запада и морозе в 9°Ц[1], снег, разбиваемый в мелкую пыль, залеплял глаза, а ветер сшибал с ног. Едва-едва мы могли добраться до места ночлега и поставить свои палатки. Верблюдов тотчас уложили возле вьюков; лошадей привязали здесь же. Ни тех, ни других невозможно было отпустить на покормку. Лошадям дано было только на ночь по гарнцу ячменя, взятого с собой из Зайсана. К утру снег сплошь покрыл землю, и грянул мороз в 16°Ц; зима явилась настоящая, по крайней мере на этот день. Впрочем, в Центральной Азии подобные сюрпризы весной довольно обыкновенны.

Местность от Зайсана до оз. Улюнгур. Местность по пути от Зайсана до оз. Улюнгур довольно рельефно обрисована. На юге высокой стеной стоит хребет Саур, достигающий в вечноснеговой группе Мус-тау 12 300 футов абсолютной высоты; на севере вдали виден Алтай. Между этими хребтами расстилается обширная долина Черного Иртыша, изобилующая вблизи названной реки бугристыми сыпучими песками. Пески эти поросли мелкой березой, осиной и джингилом (Halimodendron argenteum); кроме того, здесь встречаются Calligonum mongoli-

---

[1] Все показания температуры в настоящей книге по стоградусному термометру Цельсия.

cum, Tragopyrum и Ephedra [джузгун монгольский, курчавка, хвойник]; нередок также песчаный тростник (Psamma arenaria); по лощинам, между буграми, растет довольно хорошая трава, доставляющая корм стадам кочующих здесь зимою киргизов. Вне песков описываемая равнина имеет почву глинисто-солонцеватую, в лучших местах покрытую высоким чием или, по-монгольски, дырисуном (Lasiagrostis splendens). Ближе к горам местность начинает полого повышаться, а вместе с тем являются галька и щебень—продукты разложения горных пород Саура. Последний коротко и круто обрывается на юг; на север же имеет длинный, изборожденный ущельями склон и непосредственно связывается здесь с дру ими меньшими горными группами, из которых Кишкинэ-тау стоит возле самого Зайсана. К северо-западу от Саура [ответвляется] невысокий хребет Манрак, а на западе [Саур] соединяется с Тарбагатаем. На востоке, от снеговой группы Мус-тау, описываемый хребет начинает быстро понижаться и, с поворотом к северо-востоку под именем Кара-адыр, небольшими возвышениями оканчивается возле западного берега оз. Улюнгура.

Южный склон Саура безлесен. На северном же склоне этих гор, в которых, нужно заметить, побывать нам не удалось, в высоком поясе видны с долины довольно обширные площади лесов, состоящих, как говорят, почти исключительно из сибирской лиственицы. Другие древесные породы, как-то: осина, береза, тополь, рябина, дикая яблоня и кустарники—смородина, жимолость, малина, боярка, черемуха, шиповник, таволга и пр. запрятаны в глубине ущелий, по дну которых, от вечных снегов Мус-тау, бегут многочисленные ручьи. Соединившись, эти ручьи образуют речки—Кендырлык, Уласты, Туманды и др., из которых лишь первая впадает в оз. Зайсан; остальные же пропадают в соседней равнине, образуя там местами болотистые разливы. На Зайсанскую равнину описываемый хребет имеет то неблагоприятное влияние, что заслоняет собою скоро нагревающуюся и малоснежную Чжунгарскую пустыню. Поэтому зима на северной стороне Саура бывает суровее и обильнее снегом; весна же наступает позднее, в особенности вблизи самых гор, как например, в селении Кендырлык и в Зайсане.

К северу от гор Кара-адыр, но отделенные от них широкой и довольно высокой (до 2 700 футов абсолютной высоты) долиною, стоят несколько связанных между собою небольших и невысоких горных кряжей, из которых самый восточный, называемый Нарын-кара, тянется по северной стороне оз. Улюнгура (5).

О п и с а н и е э т о г о о з е р а. Это озеро, по берегам которого в 1253 году проходил францисканский монах Рубруквис, посланный Людовиком IX к великому хану монголов в Кара-корум, имеет около 130 верст в окружности и лежит, по моему барометрическому определению, на абсолютной высоте 1 600 футов[1]. С востока оно принимает довольно большую р. Урунгу; стока же вовсе не имеет. Вода в Улюнгуре светлая, слегка лишь солоноватая[2], вполне пригодная для питья. Глубина озера, судя по наклону его южных, западных и в особенности северных берегов, должна быть весьма значительная. На северной стороне Улюнгура стоят,

---

[1] Собственно 1 586 футов; но, принимая во внимание неминуемые погрешности абсолютных барометрических определений во время путешествия, я всегда буду при настоящем описании показывать цифры высот лишь в круглых сотнях, считая от 50 и выше за сто, а ниже 50 отбрасывая. По измерению подполковника Певцова оз. Улюнгур имеет 1 740 футов абсолютной высоты, а по Рафаилову—1 530 футов(6).

[2] Да и то, вероятно, лишь у берегов(7).

как упомянуто выше, горы Нарын-кара. К западному и южному берегам, впрочем немного в отдалении, подходят невысокими холмами отроги хребтов Кара-адыр и Салбурты. Между этими холмами и берегом самого озера, местами обрывистым, простирается бесплодная солончаковая равнина, поросшая редким саксаулом, тамариском (Tamarix sp.), сугаком (Lycium sp.) и Suaeda sp. [шведка]. На восточном берегу, в особенности при устье р. Урунгу, раскидываются болота, покрытые высоким и густым тростником (Phragmites communis). Эти болота, мешаясь с песчаными буграми и солончаками, тянутся к юго-востоку, верст на 15, до другого несравненно меньшего, но все-таки довольно значительного оз. Баганор[1]. Названное озеро некогда было частью нынешнего Улюнгура, но, отделившись от него в замкнутый резервуар, сделалось соленым. По этой причине в Бага-норе нет рыбы, которою столь изобилует оз. Улюнгур. Характерной особенностью этого последнего является невысокий и притом узкий (не более 4—5 верст в поперечнике) увал, который отделяет северо-восточный угол описываемого озера от Черного Иртыша, следовательно от сообщения с бассейном Оби и Ледовитым океаном.

Мы пришли на Улюнгур 31 марта. Озеро еще сплошь было покрыто льдом[2], хотя уже непрочным; небольшие полыньи встречались только у берегов. Сверх ожидания, пролетных птиц, даже водяных, оказалось немного, хотя валовой пролет уток начался близ Зайсана еще в половине марта, и к концу этого месяца в прилете замечено было 37 видов птиц. На Улюнгуре же мы встретили в это время валовой пролет только лебедей (Cygnus bewickii), обыкновенно стадами в несколько сот экземпляров. Стада эти летели то довольно высоко, то очень низко и присаживались отдохнуть на льду озера. Притом все лебединые стаи направлялись не прямо на север, но с западного берега Улюнгура поворачивали к востоку на оз. Зайсан, конечно, для того, чтобы облететь высокий, в это время еще весьма обильный снегом, Алтай.

Городишко Булун-тохой. Пройдя по западному и южному берегам оз. Улюнгура, караван наш направился к р. Урунгу, близ устья которой расположен китайский городишко Булун-тохой, основанный в 1872 году на месте небольшого китайского же поселения. Несмотря на свое недавнее существование, Булун-тохой несколько раз подвергался нападениям дунган, ради чего большая часть жителей переселилась в окрестности Гучена и Чугучака. При нашем посещении в Булун-тохое находилась лишь сотня китайских солдат, да несколько десятков частных обывателей. В окрестностях кое-где встречались поля, обрабатываемые китайцами и тургоутами. Летом здешние жители сильно страдают от невообразимого обилия комаров.

Река Урунгу. В четырех верстах за Булун-тохоем мы вышли на берег р. Урунгу, единственного, но вместе с тем весьма значительного притока оз. Улюнгур. Истоки Урунгу лежат в южном Алтае; длина всего ее течения (принимая за вершину р. Чингил [Чингиль]) около 450 верст; общее направление восточно-западное с уклонением, в особенности в низовье, к северу. В среднем и нижнем своем течении Урунгу проходит по северной окраине Джунгарской пустыни и не имеет ни одного, хотя бы маленького, притока. Ложе реки сильно врезано в почву, так что Урун-

[1] Это озеро имеет от 10 до 20 верст в длину и версты 4 в ширину.

[2] Поэтому мы и не могли изловить рыбы для определения видов, водящихся в Улюнгуре; впрочем, такая неудача вскоре вознаградилась рыболовством на р. Урунгу.

гу течет как бы в глубокой рытвине. Дно этой рытвины, расширяющейся верст на пятнадцать в низовьях описываемой реки, футов на 300—400 ниже ее окрестностей. Последние представляют сначала, т. е. в нижнем течении Урунгу, необозримую слегка шероховатую равнину, которая дальше к востоку начинает волноваться небольшими увалами, горками и скалистыми холмами, а затем, на верховьях той же Урунгу, переходит в настоящую горную страну южного Алтая.

Ее нижнее течение. Нижнее течение описываемой реки простирается верст на 70 вверх от ее устья; здесь лучшая и наиболее плодородная часть всей Урунгу. Она имеет от 35 до 40 сажен ширины; течение весьма быстрое; дно большей частью песчаное, иногда галечное; направление русла довольно извилистое. Глубина реки при малой воде (весной и осенью) не велика; броды часты, но также часты и омуты. Летом в июне и июле от дождей и таяния снегов в Алтае вода Урунгу сильно прибывает, и течение делается еще стремительнее. Тогда по реке несется множество карчей, т. е. деревьев, упавших с подмытых берегов. Это обстоятельство, вместе с быстротой течения, делает крайне затруднительным плавание даже в нижнем течении Урунгу, в средней же и верхней ее частях плавание вовсе невозможно[8].

Местная флора и фауна. Берега нижней Урунгу поросли довольно густыми рощами высоких осокорей (Populus nigra) и талом нескольких видов; реже здесь попадается серебристый тополь (Populus alba). Из кустарников обыкновенны: джида (Elaeagnus sp.), изредка встречающаяся деревом; шиповник (Rosa sp.), малина (Rubus idaeus), смородина (Ribes nigrum?), жимолость (Lonicera sp.) и боярка (Crataegus pinnatifida). Густой высокий тростник (Phragmites communis) часто сплошь зарастает значительные площади, в особенности ближе к оз. Улюнгуру. Вблизи наружной окраины долины реки, где почва более солонцевата и песчана, встречаются: джингил (Halimodendron argenteum), саксаул (Haloxylon ammodendron), тамариск (Tamarix sp.) и обширные площади дырисуна (Lasiagrostis splendens), одного из самых характерных растений всех степей Внутренней или так называемой Средней Азии от Каспийского моря до собственно Китая.

Из зверей в береговых рощах Урунгу водятся кабаны (Sus scrofa aper), косули (Cervus pygargus) и волки (Canis lupus), также лисицы (Canis vulpes), зайцы (Lepus sp.) и барсуки (Meles taxus). Среди птиц больше разнообразия, хотя все-таки здешняя орнитологическая фауна не может похвалиться своим богатством даже в период весеннего пролета. В большем обилии замечены нами были в апреле: орланы (Haliaetus albicilla, H. macei), скопы (Pandion haliaetus), коршуны (Milvus melanotis), черные вороны (Corvus orientalis), сороки (Pica leucoptera), галки (Corvus monedula), скворцы (Sturnus purpurascens), гнездящиеся во множестве в дуплах старых деревьев, пеночки (Phyllopneuste tristis), синицы-ремезы (Aegithalus pendulinus), висячие гнезда которых часто попадались на глаза. Кроме того, обыкновенны были дятлы (Picus leuconotus, P. canus, P. minor); бородатые синицы (Panurus barbatus), бухарские синицы (Parus bucharensis) и серые куропатки (Perdix cinerea)[9]. Поближе к наружной окраине долины реки часто попадались сорокопуты (Lanius isabellinus), славки (Sylvia curruca) и чекканы (Saxicola atrogularis, S. morio). По самой реке и на небольших болотцах или озерках, образованных пересохшими ее рукавами, встречались в достаточном числе гуси (Anser cinereus, A. cygnoides), утки (Anas boschas, A. crecca), гоголи (Bucephala

clangula), крохали (Mergus merganser) и бакланы (Phalacrocorax carbo). Последние были в особенности обильны в первой половине апреля, так как встречали на Урунгу множество рыбы, которую нельзя было добывать на покрытом еще льдом оз. Улюнгур.

Мы также усердно занимались рыболовством во все время двадцатидневного следования вверх по Урунгу, но добыли здесь только пять видов рыб. Вероятно, большего разнообразия не имеется и в самом Улюнгуре, в котором, нужно заметить, рыболовство вовсе не производится, хотя рыбы, по всему вероятию, великое множество. На Урунгу, из пяти найденных нами видов, голавли—Squalius sp. [елец]—встречались в невероятном обилии; сколько кажется, они направлялись вверх по реке для метания икры. В меньшем количестве, но все-таки обильны были, по заливам и озеркам, крупные (до 12 дюймов длиною) караси (Carassius vulgaris); здесь же изредка попадались и лини (Tinca vulgaris); в самой реке нередко излавливались пескари (Gobio sp.), реже окуни (Perca fluvialitis), из которых иные достигали $1^1/_2$ фута в длину.

Хотя, конечно, лесные и кустарные заросли по Урунгу производили отрадное впечатление, сравнительно с дикостью и бесплодием окрестной пустыни, но все-таки в этих рощах весенняя жизнь проявлялась далеко не в том обилии и прелести, в каковых мы привыкли встречать это время в лесах наших стран. Певчих птиц было немного, да и те не могли вдоволь петь при частых и сильных северо-западных ветрах, господствовавших здесь в апреле. Растительная жизнь развивалась также туго, несмотря на перепадавшие сильные жары. Вообще всюду заметно было, что только благодаря влаге, приносимой рекою, на узком пространстве ее берегов приютилась небогатая органическая жизнь среди мертвого царства окрестной пустыни.

С о с е д н я я   п у с т ы н я. Эта пустыня залегла по обе стороны описываемой реки—к северу до Алтая, к югу до Тянь-шаня. В местностях, ближайших к берегам Урунгу, она несет один и тот же характер: то раскидывается необозримой гладью, то волнуется пологими увалами; лишь далее вверх по реке, в ее среднем течении, начинают появляться невысокие глинистые горки и каменистые холмы. Почва пустыни почти везде усыпана острым щебнем и нередко прорезана оврагами с сухими в них руслами дождевых потоков. Из растений только кое-где торчит уродливый кустик саксаула, бударганы (Kalidium) или Reaumuria songarica. Впрочем, весной растительная жизнь, правда также весьма бедная, пробуждается не надолго даже и в описываемой пустыне. По каменистым скатам холмов тогда нередко встречается ревень (Rheum leucorhizum) и дикий лук (Allium sp.), а в пологих ложбинах, где более задерживается влаги, цветут молочай (Euphorbia blepharophylla) и тюльпаны (Tulipa uniflora); здесь же, равно как иногда и в самой пустыне, внимание путника привлекается красивыми крупными листьями какого-то зонтичного растения, которое в апреле еще не цвело. Но и весенние травы встречаются лишь врассыпную или небольшими кучками и нисколько не изменяют однообразного грязно-серо-желтого фона пустыни. Общий пейзаж здесь одинаков как весной, летом, так и поздней осенью, пока не выпадет снег. Только крайности климата отмечают собою времена года: страшные зимние морозы заменяются страшными летними жарами, и подобный переход весной делается быстро, почти без промежутка. Да, много нужно жизненной энергии, чтобы в таком климате и на такой почве не погибнуть окончательно даже той злосчастной растительности, которая развивается

в пустыне весной на несколько недель. Недаром многие здешние травы до того упорны в сохранении влаги, что их весьма трудно высушить для гербария.

Бедна растительность пустыни—еще беднее (в смысле разнообразия) ее животная жизнь. Даже весной, пройдя здесь целый десяток верст, только кое-где встретишь маленькую ящерицу (Phrynocephalus sp.), окрашенную как раз под цвет почвы, или непоседливого чеккана (Saxicola atrogularis, S. morio); иногда быстро пролетит с своим обычным криком небольшое стадо больдуруков—Syrrhaptes paradoxus или плавно пронесется коршун (Milvus melanotis), высматривающий добычу. Мертво, тихо кругом днем и ночью. Только частые бури завывают на безграничных равнинах и еще более дополняют безотрадную картину здешних местностей...

Площадь пустыни, как выше упомянуто, поднята от 300 до 400 футов над долиной р. Урунгу, к которой спускается то крутыми скатами, то высокими (60—80 футов) обрывами, так что долина или, вернее, рытвина, в которой течет река, резко обозначена.

Ширина этой рытвины, в низовьях Урунгу, достигает верст 15 или даже более. Затем, с поднятием вверх по реке, ее рытвина значительно суживается и, наконец, в 70 верстах от оз. Улюнгура, боковые обрывы впервые подходят к самой Урунгу, так что нередко вовсе не оставляют места для долины.

Среднее течение Урунгу. Отсюда и начинается среднее течение описываемой реки, характеризуемое обилием ущелий, по которым Урунгу иногда проходит целые десятки верст. Затем береговые обрывы, то глинистые, то, реже, скалистые, снова отходят в стороны, даже довольно далеко, оставляя место для зеленеющего оазиса. В этих оазисах, равно как и на всей средней Урунгу, растительность вообще беднее, но та же самая, что и на низовьях реки; фауна также одинакова. Вообще на Урунгу встречается явление, свойственное всем степным рекам, именно однообразие растительного и животного царства вдоль течения, часто на многие сотни верст.

Земледелия по долине Урунгу нигде нет; кочевники здесь также не живут летом, по причине обилия комаров и оводов, мучающих стада. Зимой же на описываемую реку приходят урянхайцы и частью тургоуты [монголы торгоуты] из южного Алтая.

Путь наш вверх по этой реке. Придя на Урунгу, мы разбили свой бивуак в прекрасной роще на самом берегу реки. Место это показалось еще приятнее сравнительно с пустынными берегами оз. Улюнгур. Там всюду было мертво, уныло; здесь же, наоборот, можно было послушать пение птиц и подышать ароматом распускающихся почек высоких тополей; глаз приятно отдыхал на начинавшей уже пробиваться травянистой зелени; кое-где можно было встретить и цветущий тюльпан (Tulipa uniflora),—первый цветок, замеченный нами в эту весну. К довершению благодати вода в Урунгу в это время (5 апреля) уже имела $+13°$, так что можно было с грехом пополам купаться, тем более, что в воздухе полуденное тепло достигало $+16{,}8°$ в тени. Между тем всего восемь дней тому назад нас морозил сильный снежный буран и холод в $-16°$ на восходе солнца. Впрочем, в данном случае быстрому увеличению тепла помогло и то обстоятельство, что мы уже миновали высокий, снежный Саур и находились в районе скоро согревающейся Чжунгарской пустыни.

Рыболовство, которым мы тотчас же занялись по приходе на Урунгу и продолжали практиковать во все время следования по этой реке, давало

результаты баснословные. Небольшой сетью, всего в пять сажен длины, мы нередко вытаскивали из реки за одну тоню 5—6 пудов голавлей, все, как один, около фута длиною. В меньшем количестве попадались и другие рыбы из числа пяти поименованных видов, водящихся в Урунгу. Несколько десятков экземпляров положены были в спирт для коллекций. Рыбы эти должны были пропутешествовать с нами всю экспедицию, а затем уже попасть в музей С.-Петербургской Академии наук. В этом-то и великое затруднение собирания коллекций, да и снаряжения научной экспедиции в азиатские пустыни вообще, что каждая вещица, даже самая ничтожная, но часто необходимая, должна возиться тысячи верст на вьюке, прежде чем пригодится для дела.

Обилие рыбы давало нам возможность иметь ежедневно отличную уху, а иногда и жаркое. Впрочем, подобная постная пища мало пригодна для волчьего аппетита, каким все мы обладали во время путешествия. Баранина, обыкновенно вареная, составляет здесь незаменимую пищу, которая притом имеет то великое достоинство, что никогда не надоедает, подобно, например, разной дичине или мясу рогатого скота.

Рядом с рыбной ловлей ежедневно производились и охотничьи экскурсии. Однако птиц добывалось для коллекции немного, при сравнительной бедности здешней орнитологической фауны. Еще меньше добывали мы зверей, хотя вместе с казаками усердно преследовали кабанов и косуль, довольно обильных в лесных зарослях на нижней Урунгу. Охотничьим экскурсиям много мешали частые и сильные северо-западные бури.

Миновав низовья Урунгу, мы вступили в область ее среднего течения, где, как упомянуто выше, котловина реки сильно суживается скалами и окрайними обрывами соседней пустыни. Эти скалы и обрывы оставляют по берегам Урунгу лишь узкую полосу, обыкновенно поросшую лесом, часто же совершенно стесняют течение реки и только изредка отходят от нее на несколько верст в стороны. Дорога, все время колесная, не может уже следовать, как в низовьях Урунгу, невдалеке от ее берега, но большей частью идет по пустыне, где щебень и галька скоро портят подошвы лап вьючных верблюдов. Не меньше достается и сапогам путешественника, который хотя едет верхом, но все-таки нередко слезает с лошади, чтобы пройтись и размять засиженные ноги. Притом же и время перехода, при таком попеременном способе движения, проходит быстрее.

Однако ночлеги попрежнему располагаются на берегу Урунгу, где караваны находят все для себя необходимое т. е. воду, топливо и корм животным. Впрочем, подножный корм на средней Урунгу не особенно обилен, да и лесная растительность гораздо беднее, нежели на низовье реки. Рощи, за небольшими исключениями, более редки; лугов и тростниковых зарослей мало, так что почва в лесах зачастую голая глина, из которой, при неимении другого материала, наши обыкновенные муравьи строят свои жилые кучи. Кочевников попрежнему нам не встречалось, и только, в расстоянии 25—30 верст друг от друга, попадались китайские пикеты, на которых жили по нескольку человек тургоутов, исполнявших должность ямщиков при перевозке китайской почты.

Зимовка бежавших киргизов. Но незадолго перед нами, в тех же самых местах, т. е. на средней Урунгу, провели целую зиму киргизы [казахи], убежавшие летом и осенью 1878 года из Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области в пределы Китая. Всего ушло тогда 1 800 кибиток в числе, приблизительно, около 9 000 душ обоего пола.

Беглецы укочевали частью в южный Алтай, частью на р. Урунгу. Впрочем, они попали сюда, попробовав сначала двинуться из Булун-тохоя прямой дорогой к Гучену. Пустыня оказалась непроходимой, и партия вынуждена была возвратиться на Урунгу, где провела зиму 1878/79 года, испытав страшные бедствия от бескормицы для скота. Мы шли по средней Урунгу, как раз теми самыми местами, где зимовали киргизы, укочевавшие, незадолго перед нашим приходом, к верховьям описываемой реки. На этой последней, начиная верст за сто от ее устья и до самого поворота гученской дороги вправо от Урунгу, т. е. всего верст на полтораста, зимовые кочевья киргизов встречались чуть не на каждом шагу. На всем вышеозначенном пространстве положительно не было ни одной квадратной сажени уцелевшей травы; тростник и молодой тальник были также съедены дочиста. Мало того, киргизы обрубили сучья всех решительно тополей, растущих рощами по берегу Урунгу. Множество деревьев также было повалено; кора их шла на корм баранов, а нарубленными со стволов щепками кормились коровы и лошади.

От подобной пищи скот издыхал во множестве, в особенности бараны, которые возле стойбищ валялись целыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поедать такого количества дохлятины, она гнила и наполняла заразою окрестный воздух. Притом помет тысячных стад чуть не сплошной массой лежал по всей долине средней Урунгу.

Грустный вид представляла эта местность, довольно унылая и сама по себе. Словно пронеслась здесь туча саранчи,—даже нечто худшее, чем саранча. Та съела бы траву и листья; на Урунгу же не были пощажены даже деревья. Их обезображенные стволы торчали по берегу реки, словно вкопанные столбы; внизу же везде валялись груды обглоданных сучьев. Местность обезображена была на многие годы.

Так ознаменовали свой проход и временное стойбище несколько тысяч кочевников. Что же было, невольно думалось мне, когда целые орды тех же номадов шли из Азии в Европу! Когда все эти гунны, готы и вандалы тучами валили на плодородные поля Галлии и Италии! Какой карой божьей должны были они тогда казаться для культурных местностей Западной Европы! На наше счастье молодая трава к половине апреля уже начала отрастать, и корма для вьючных животных нашлось достаточно, иначе мы не могли бы пройти вверх по Урунгу.

За 260 верст от устья этой последней колесная дорога сворачивает от реки вправо и направляется к Гучену. Всего здесь восемь станций, расстояние же 275 верст. Местность сначала довольно гористая; затем пустынная, весьма бедная водой. Но все-таки здесь лежит лучший путь сообщения между Гученом и Зайсаном. Прямая дорога между этими пунктами, направляющаяся из Зайсана через кумирню Матеня, колодцы Бадан, Кашкыр и Сепкюльтай, хотя короче, но до того бедна подножным кормом и в особенности водой, что летом вовсе непроходима даже для малых караванов.

Верхняя Урунгу. Невдалеке от вышеупомянутого сворота гученской дороги начинается верхнее течение Урунгу, которая образуется здесь из трех рек: Чингила—главной по величине, и двух, близко друг от друга в тот же Чингил впадающих,—Цаган-гола и Булугуна [Булаган-гол]. От устья последнего соединенная река принимает название Урунгу и сохраняет это название до самого впадения в оз. Улюнгур. Впрочем, в своем низовье та же Урунгу нередко называется местными жителями Булун-тохой-гол, т. е. Булунтохойская река.

Порешив еще заранее следовать в Баркуль не на Гучен, но через отроги южного Алтая, а затем напрямик через пустыню, мы миновали сворот гученской дороги и, пройдя немного вверх по Урунгу, пересекли по хорде крутую дугу ее южного поворота. Здесь в последний раз ночевали мы на берегу описываемой реки, которая все еще имеет сажен 25 ширины и быстро катит по каменистому дну светлую воду. На берегах попрежнему растут рощи высокоствольных осокорей; нередки также и кустарники, к которым здесь прибавляется акация. Вообще растительность на верхней Урунгу снова делается лучше, нежели в средних частях реки; притом же здешние рощи уцелели от обезображения их киргизами.

Местность принимает вполне гористый характер на обеих сторонах верхней Урунгу,—это южный Алтай надвинулся сюда своими отрогами. В особенности высоки, дики и каменисты горы на южной стороне описываемой реки. Преобладающими породами являлись по нашему пути по правой стороне Урунгу сиенитовый гранит, сильно выветрившийся, и серый глинистый сланец; на левом же берегу преобладает серый гнейс. Но как там, так и здесь, описываемые горы очень бедны водой и растительностью. Лесов нет вовсе, а из кустарников по ущельям встречаются свойственные соседней пустыне саксаул и тамариск, рядом с небольшими площадками дырисуна; кое-где под скалами виднелись кустики невысокой таволги (Spiraea hypericifolia); по горным же склонам, большей частью оголенным, врассыпную росли дикий лук и несколько видов трав, которые во время нашего прохода еще не цвели.

Река Булугун. Почти такая же бедность флоры царит и на берегах Булугуна, куда мы пришли 24 апреля. Местность поднялась здесь до 3 500 футов абсолютной высоты, поэтому как молодая трава, так и тальник еще только начали зеленеть; между тем на Урунгу к этому времени деревья и кустарники уже вполне развернули свои листья. Ширина Булугуна не более 8—10 сажен; длиною же он менее Чингиле(¹). Так по крайней мере узнали мы из расспросных сведений. Рощи по Булугуну уже не встречаются; берега реки поросли высоким тальником, иногда же и джингилом; изредка попадается тростник, а на лучших местах долины растет дырисун. Окрестные горы высоки и крайне бесплодны.

Пройдя верст сорок вверх по Булугуну, мы встретили невдалеке от реки небольшое озеро Гашун-нор, имеющее версты 4 в окружности и воду немного горьковатую. Глубина этого озера невелика; из рыб в нем водятся крупные караси и окуни. На Гашун-норе мы пробыли четверо суток и отлично поохотились на кабанов.

Охота на кабанов. Последние в обилии держались, невдалеке от нашей стоянки, по зарослям лозы и тростника на берегах Булугуна. Площадь этих зарослей была здесь не обширная—версты две в длину и около версты в ширину; притом лоза и тростник скучивались небольшими островами. Тем не менее кабанов собралось множество, вероятно потому, что здесь не было кочевников; на нижнем же и на верхнем Булугуне везде жили тургоуты. Самки [кабанов] в это время уже имели поросят, иногда довольно взрослых. Ходили обыкновенно стадами по нескольку выводов вместе; старые самцы держались в одиночку. Те и другие вообще были не пугливы, хотя довольно чутки.

Ранним утром, еще на заре, отправлялись мы с несколькими казаками в обетованные заросли и шли цепью, осторожно высматривая кабанов. Последние обыкновенно ранее замечали нас, бросались на уход

и набегали на кого-нибудь из охотников. Иногда подобным образом наскакивало целое стадо, так что глаза разбегались, в которого зверя стрелять. При такой суматохе немало было промахов, еще более уходило раненых; но все-таки мы добыли несколько кабанов, в том числе одного старого самца длиною в 5 футов 8 дюймов, высотою в 3 фута и весом около 10 пудов. Больших экземпляров, по словам туземцев, здесь не встречается, чему можно верить, так как азиатский кабан вообще меньше европейского.

Добытый на Булугуне старый кабан наскочил на меня очень близко, притом почти на чистом месте, так что я успел посадить в зверя четыре пули из превосходного двухствольного скорострельного штуцера Ланкастера, подаренного мне моими товарищами, офицерами Генерального штаба. Этот дорогой для меня подарок сопутствовал мне в двух экспедициях и немало послужил на различных охотах. Берданки же, с которыми охотились казаки, несмотря на свою меткость, весьма малоубойны, именно потому, что пуля имеет малый калибр и громадную начальную скорость. Рана, причиняемая зверю такой пулей, в большинстве случаев не бывает тотчас смертельна, если только снаряд не попадет в голову, сердце или в позвоночный столб. С простреленным же насквозь животом или грудью не только кабан, но и всякий другой зверь уходят иногда очень далеко. Даже заяц, пронизанный пулей берданки, нередко убегает; дикий гусь, с выбитыми той же пулей внутренностями, улетает за несколько сот шагов; пробитый орел делает то же самое. Для устранения, хотя отчасти, подобного недостатка, мы делали бердановские пули разрывными, просверливая цилиндрическое гнездо в передней половине пули и наполняя его смесью бертолетовой соли с серой. Меткость стрельбы, по крайней мере шагов до пятисот, для подобного снаряда почти не уменьшалась, зато действие пули было лучше.

Здесь кстати сказать, что стрельба зверей пулями на большом расстоянии мало приносит процентов удачи не только для берданок, но и для всяких других штуцеров. Средним числом можно положить, что при охоте в степях или в горах, при стрельбе с дистанции около 300 шагов, как всего чаще и случается, на десять выстрелов хорошего стрелка убиваются наповал лишь один или два зверя, хотя ранятся еще два-три экземпляра, которые обыкновенно уходят и пропадают для охотника. Такой незавидный результат выведен из многократных опытов наших охот в Центральной Азии[1]. Правда, при стрельбе в мишень на отмеренное расстояние и при спокойном состоянии стрелка можно притти к выводам более утешительным; но при них всегда отсутствует весьма важный фактор—практическое живое дело, со всеми вариациями внешней обстановки.

О т у р г о у т а х. Во время пути по Булугуну нам нередко встречались кочевья тургоутов [торгоутов], народа, принадлежащего к племени западных монголов. Эти тургоуты, как свидетельствует Потанин[2], исконные здешние жители и кочуют по рр. Чингилу и Булугуну, следовательно на южном склоне Алтая. Они подчинены китайскому губернатору в Кобдо и делятся на пять сумо—почему называются табын-сумын-тургоут,—управляемых родовыми князьями различных степеней.

Другая часть тургоутов, называемая цохор-тургоут, живет в северо-западной Чжунгарии, к югу от Тарбагатая и Саура. Это те самые

[1] Исключение составляет лишь Северный Тибет, где зверей бесчисленное множество и они почти вовсе не боятся человека.
[2] «Очерки Северо-западной Монголии», выпуск 2, стр. 43.

тургоуты, предки которых, будучи вытеснены чжунгарами, прикочевали в конце XVII века в пространство между Уралом и Волгой и приняли наше подданство. Затем, в 1770 году, большая часть тургоутов с их соплеменниками—хошотами, дурботами, хойтами и олютами (11),—незадолго перед тем также прикочевавшими с р. Или на Волгу, всего около 460 000 кибиток[1], под предводительством хана Убаши, неожиданно вновь ушли в глубь Азии, сначала на оз. Балхаш, а потом в Илийский край. Дорогой беглецы сильно натерпелись от бескормицы, равно как и от стычек с попутными кочевниками. Погибло множество людей и скота. Однако на Или пришло все-таки 260 000[2] человек обоего пола. Они приняли подданство Китая и были поселены в различных местах провинции Или, а также на Юлдусе—высоком и обширном, притом, весьма богатом пастбищами, степном плато Центрального Тянь-шаня. На Юлдусе тургоуты кочевали до последнего дунганского (магометанского) восстания. Затем, будучи разграблены инсургентами [повстанцами], ушли на юг Тянь-шаня, частью в окрестности г. Карашара, частью укочевали к своим собратьям в Чжунгарию; в большом же числе поселились в долине верхней Или, в бывших наших кульджинских владениях. После окончательного покорения в 1878 году китайцами Кашгарского царства Якуб-бека тургоуты вновь убрались с Или на Юлдус и к Карашару.

По своему наружному типу тургоуты резко отличаются от коренных монголов—халхасцев. Роста обыкновенно среднего или небольшого, сложения не сильного, тонкие, сухопарые; в общем имеют вид изнуренный, в особенности женщины. Настолько же разнятся тургоуты от халхасцев и по своему характеру.

Одежда тургоутов, как и вообще у монголов, состоит из халата, сшитого из синей китайской далембы (дриллинга) и подпоясанного кожаным ремнем, за которым висят огниво и небольшой китайский нож; сапоги тоже китайские; на голове низкая войлочная шляпа с отвороченными полями. Зимой халат заменяется шубой, шляпа—меховой шапкой с широкими наушниками и назатыльником. Голову свою тургоуты бреют, оставляя косу на затылке; бороду и усы, вероятно, выщипывают. Женщины-тургоутки носят платье, похожее на мужское; волосы на голове тщательно причесывают, нередко смазывая их шубным клеем.

Язык описываемого народа, сколько кажется, мало отличается от халхаского. Религия буддийская, хотя, быть может, далеко не в той силе, как у других монголов, имеющих постоянные сношения с Тибетом. Жилищем служит, как и для всех монголов, войлочная юрта. Такие юрты располагаются в одиночку или по нескольку вместе, но не скучиваются в большие аулы, как то обыкновенно можно встретить у киргизов. Главное занятие тургоутов скотоводство. Земледелие хотя и существует в удобных для того местах, но служит лишь подспорьем к доходам от скота; притом подобное занятие весьма не нравится тургоутам, как и всем вообще номадам.

[1] Иакинф. Описание Чжунгарии, перев. с китайского, стр. 188.

[2] Там же, стр. 192. По Риттеру («Землеведение Азии», перев. Семенова, т. 2, стр. 161), на Или прикочевало тогда около 300 000 душ обоего пола, а через год пришли еще 180 000 человек.

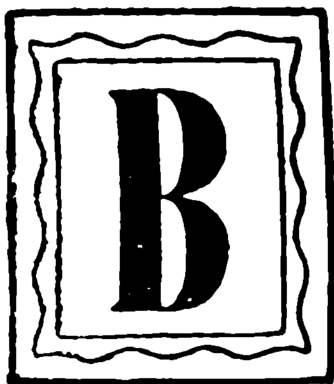

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ АЛТАЯ ДО ТЯНЬ-ШАНЯ

[2/14 мая—18/30 мая 1879 г.]

Чжунгарская пустыня.—Форма ее поверхности.—Лёсс.—Орошение.—Климат.—Причины центральноазиатских бурь.—Флора описываемой пустыни: саксаул, дырисун.—Фауна; дикая лошадь, дикий верблюд.—Наш путь от озера Гашун-нор.—Обманчивость расстояний.—Равнина к югу от Алтая.—Состояние погоды.—Горы Хара-сырхэ и Куку сырхэ.—Общий характер пройденной пустыни.—Предгорья Тянь-шаня.—Всегдашние затруднения с проводниками.—Выход в Баркульскую равнину.

В пространстве между Алтаем на севере и Тянь-шанем на юге расстилается обширная пустыня, для которой, по общему названию этой части Центральной Азии, может быть приурочено название пустыни Чжунгарской. На западе она также резко ограничивается Сауром и теми горными хребтами (Семиз-тау, Орхочук, Джаир и Майли), которые тянутся от Тарбагатая к Тянь-шаню. На востоке описываемая пустыня, много суженная тем же Алтаем и тем же Тянь-шанем, непосредственно соединяется со степями и пустынями Центральной Азии, известными под общим названием Гоби. Эта связь существовала и в те далекие времена, когда вся площадь нынешней Гоби была покрыта морем, о котором, под названием Хан-хая, знают и китайцы. Тогда пустыня Чжунгарская представляла собой огромный залив этого моря, сообщавшийся в свою очередь с другим обширным морем—Арало-Каспийским. Но в позднейшую геологическую эпоху Внутреннее азиатское море высохло; взамен же его явились или маловодные степи, или бесплодные пустыни. Чжунгарское море превратилось также в пустыню, притом в одну из самых диких и неприветливых во всей Центральной Азии (12).

Формы поверхности Чжунгарской пустыни. Если исключить одинокие бесплодные группы холмов или невысоких гор, там и сям разбросанных по описываемой пустыне, то ее поверхность, в особенности на западе и севере, представляет в общем обширную волнистую равнину; в восточной части почва повышается и здесь являются горы более значительные. Абсолютная высота в диагональном направлении от Саура к г. Гучэну не превосходит 2 500 футов; но опускается до 2 100 футов в северной и до 1 800 футов в южной части того же пути.

По дороге от р. Урунгу к Гучену (через колодец Кайче) наименьшая абсолютная высота найдена также в южной части пустыни и равняется 2 100 футам; да и сам г. Гучен, лежащий у северного подножья Тянь-шаня, поднят лишь на 2 300 футов над морским уровнем. Вообще самые низкие части Чжунгарской пустыни лежат на ее юге. Здесь, в котловине оз. Эби-нор, местность ниспадает даже до 700 футов абсолютной высоты, т. е. на такую цифру, каковой уже нигде более не встречается в Центральной Азии (13).

В северной и восточной частях Чжунгарской пустыни почва состоит из острого щебня и гравия—продуктов разложения местных горных пород. На западе же и в особенности на северо-западе преобладают залежи лёссовой глины; на юге раскидываются сыпучие пески, которые в окрестностях оз. Аяр-нор мешаются с мелкими солеными озерами и обширными солончаками[1].

Л ё с с. Вышеназванная лёссовая глина, столь распространенная во Внутренней Азии[2] и известная китайцам под названием куанг-ту [хуан-ту, т. е. желтозем], представляет собой серовато- или беловато-желтую массу, состоящую из мелкоземлистой глины, мельчайшего песка и углекислой извести. Вся масса лёсса проникнута, наподобие губки, множеством мельчайших, часто инкрустированных известью, трубочек или пор, происшедших от истлевших травянистых растений. Эти трубочки, вместе с известью, настолько крепко цементируют лёсс, что последний в сухом виде хотя и представляет породу нежную, мягкую, легко растирающуюся между пальцами, но тем не менее, под влиянием удобно просачивающейся внутрь воды, а также ветров и других атмосферных деятелей на готовые обнажения, образует вертикальные обрывы в несколько сот футов высотой и дает правильные параллелепипедальные оползни. Такое свойство обрываться вертикальными оползнями, вместе с пористым сложением и отсутствием слоистости, составляет характерные особенности лёсса. Кроме того в нем, благодаря присутствию той же извести, нередко образуются мергельные стяжения (конкреция). Наконец в лёссе встречаются ископаемыми лишь сухопутная и пресноводная фауны, но никогда фауна морская.

О происхождении лёсса было высказано много мнений, но вероятнее всего, что он образовался в лишенных стока бассейнах из осадков атмосферной пыли, столь обильной и постоянной во Внутренней Азии. Местами эти воздушные осадки вымыты были из своего первоначального залегания водой и вновь отложены в озерах. Таким путем получился вторичный, озерный лёсс, который отличается от первичного или сухопутного

[1] Солончаками во всей Внутренней Азии называются более или менее обширные пространства влажной и вязкой от подземного питания водой лёссовой глины, на поверхности которой выделяются натр и сода, реже нечистая поваренная соль. По свойству этих выделений, называемых монголами гуджир, втягивать в себя влажность, солончаки в сухую погоду обыкновенно белые, перед дождем сыреют и через то темнеют на своей поверхности. В сильные же бури с них поднимаются тучи мельчайшей соленой пыли, которая издали кажется дымом или туманом. Почва настоящих солончаков непригодна для растительности; только по их окраинам, там, где процентное содержание соли меньше, обыкновенно растут невзрачные галофиты, т. е. солянковые растения.

[2] Впервые лёсс, как известно, открыт на Рейне. Исследованием этой почвы в Китае занимались сначала английские геологи, но всего более барон Рихтгофен, изложивший результаты своих наблюдений в превосходном, еще не оконченном сочинении «China».

более бледным цветом, отсутствием пористости, большим содержанием соли, а также включением прослоек песка и гальки (14).

Благодаря чрезвычайной тонкости своих составных частей, прекрасному механическому их смешению и, по большей части, выгодному процентному содержанию солей, лёсс при орошении необыкновенно плодороден. Во всех культурных местностях Внутренней и Восточной Азии, до Китая включительно, он играет роль нашего чернозема. Из лёсса же возводятся там и все постройки, так как, будучи смоченной, эта глина делается весьма вязкой, а высыхая на солнце, твердеет, как камень.

На юго восточной окраине Центральной Азии и в западных частях собственно Китая лёссовая почва, будучи размыта реками во всю свою толщину, обнажает мощные пласты, иногда до 2 000 футов по вертикали. В Гобийской же пустыне, при крайней бедности атмосферных осадков и отсутствия стекающих к океану вод, лёссовые залежи лишь изредка и обыкновенно незначительно изборождены. Здесь лёссовый осадок то в чистом виде, то в смеси с продуктами разложения местных горных пород, то, наконец, покрытый массами сыпучего песка, выполняет глубокие котловины, трещины и впадины горного скелета, чем придает стране однообразный, равнинный характер.

Орошение. Орошение Чжунгарской пустыни крайне бедное, да и то только по окраинам. На севере здесь протекает р. Урунгу; на юге, с Тянь шаня, бегут многочисленные речки, но они оплодотворяют лишь узкую подгорную полосу и исчезают вскоре по выходе на равнину. Только два притока озера Аяр-нор —Цин-шуй и Улан-усу и р. Кийтын, впадающая в оз. Эби-нор[1], пробегают на некоторое расстояние по южной части пустыни. В последней, кроме двух вышеупомянутых соляных озер и солончаков, перемешанных с мелкими озерками на юге, в западной части лежит также соленое оз. Орху, а в северо-западном углу — озеро Улюнгур, пресное и наибольшее по величине.

Затем внутри описываемой пустыни весьма редки даже ключи, да и то, большей частью, они соленые; еще реже колодцы. Только во время случайных летних ливней или весной, при быстром таянии зимнего снега, образуются кратковременные потоки, вырывающие себе глубокие русла и разливающиеся иногда небольшими озерами на глинистых площадях.

Климат. По своему климату Чжунгарская пустыня не отличается от всей Гоби вообще. Как там, так и здесь главной характеристикой климатических явлений служат: огромная сухость воздуха при малом количестве атмосферных осадков в течение всего года; резкие контрасты летнего жара и зимнего холода; наконец, обилие бурь, в особенности весной.

Точных метеорологических наблюдений в Чжунгарской пустыне пока еще не делалось; поэтому для характеристики здешнего климата[2] можно воспользоваться лишь теми отрывочными данными, которые добыты здесь нами в октябре, ноябре и в первой половине декабря 1877 года[3], а затем в апреле и в первой половине мая 1879 года, т. е. при настоящем

[1] С запада в это озеро впадает еще р. Боро-тала, но она проходит по довольно плодородной долине, принадлежащей Тянь-шаню, а не пустыне.

[2] Подробности климатических явлений будут описываться в настоящей книге лишь настолько, насколько они служат для общей характеристики физической географии пройденных местностей.

[3] При следовании из Кульджи по западной окраине Чжунгарии до Саура; отсюда через пустыню по диагонали к Гучену и обратно в Зайсан.

путешествии; сверх того кое-какие расспросные сведения заимствованы от туземцев.

Если начать с осени, то это время года, как и для всей Центральной Азии, наилучшее. Сильных жаров нет, равно как и больших холодов; погода стоит постоянно ясная и тихая. Так, в течение всего октября 1877 года[1] облачных дней было только два; бурь также считалось две. Однажды шел дождь, и четыре раза падал снег, но всегда в небольшом количестве; сухость воздуха постоянно была очень велика. При наблюдениях в 1 час пополудни максимум тепла в первой половине описываемого месяца (11-го числа) равнялся +15° в тени; тем не менее 23 октября, после накануне выпавшего снега, мороз на восходе солнца достигал —23°. В ноябре минимум температуры, также при наблюдениях на восходе солнца[2], равнялся —26,2°. В декабре же, с 5 до 10-го числа, следовательно пять суток сряду, ртуть в термометре по ночам замерзала, т. е. охлаждение переходило за 40° Ц[3]. И это происходило под 46° северной широты; притом же на абсолютной высоте, не превосходившей 2 500 футов. Бурь в ноябре не было ни одной, в декабре только две; погода также стояла большей частью ясная. Снег шел девять раз в ноябре[4] и четыре раза в первой половине декабря, но всегда в самом малом количестве. В южной части пустыни этот снег едва прикрывал землю; далее же к северу, в особенности ближе к Сауру, снежный покров достигал от 2 до 4 дюймов толщины; местами надуты были сугробы в 2—3 фута. Вообще Чжунгарская пустыня, находящаяся под более близким влиянием Сибири, вероятно, обильнее атмосферными осадками, нежели лежащие под одной с ней широтой средние части Гоби. По крайней мере киргизы нам сообщали, что в описываемой пустыне нередки дожди во время лета. Это последнее, как и следует ожидать, характеризуется сильными и продолжительными жарами, дающими себя чувствовать и в культурной полосе вдоль северной подошвы Тянь-шаня.

Весна в Чжунгарской пустыне, вероятно, наступает рано, так как оголенная почва, в особенности песчаная, быстро нагревается солнцем, стоящим уже в феврале довольно высоко на этой широте.

Максимум температуры в апреле достигает +27,2°[5], но тем не менее, утренние морозы в последних числах этого месяца, правда на обсолютной высоте 3 900 футов, возле оз. Гашун-нор, доходили до —7,8°. Даже в низкой котловине р. Урунгу случилось 8 апреля, что после полуденного жара в +22,5°, следующею ночью шла снежная крупа. В первой половине мая, в восточной более возвышенной части пустыни, трижды случились морозы по —2,5°; притом 11 числа термометр в 1 час пополудни показывал лишь +7,7° тепла.

---

[1] Сентябрь 1877 года был проведен мной в пути по западной гористой окраине Чжунгарии, где климатические условия иные, нежели в пустыне.

[2] Наблюдения при восходе солнца делались каждодневно, при всех моих путешествиях в Центральной Азии, взамен показаний минимального термометра, который путешественнику невозможно устанавливать здесь на целую ночь.

[3] К сожалению, я не имел тогда спиртового термометра, чтобы измерить, как велик был мороз. Ртутный же термометр 5, 6, 7 и 8 декабря замерзал как при наблюдении в 7 часов вечера, так и в 7 утра; следовательно, мороз не уменьшался в продолжение целой ночи.

[4] Сравнительно большое число снежных дней в ноябре произошло потому, что почти весь этот месяц мы стояли под Тянь-шанем возле города Гучена.

[5] При наблюдении в 1 час пополудни. Эти наблюдения заменяли, конечно приблизительно, показания максимального термометра, который невозможно употреблять при постоянных передвижениях.

Рядом с резкими скачками температуры стояла страшная сухость воздуха[1]. Хотя в апреле считалось 9 дождливых дней, а в первой половине мая 3, но дождь шел обыкновенно не подолгу и почти не увлажнял собою атмосферы, разве на самое короткое время. Погода стояла почти постоянно ясная; в апреле было 9 облачных дней, а в первой половине мая 6.

Причины центральноазиатских бурь. Но самую характерную черту весеннего климата Чжунгарии, как и всей вообще Центральной Азии, от Сибири до Гималаев, составляют частые и сильные бури, приходящие, почти исключительно, с запада и северо-запада. Зимой эти бури также обыкновенны, но редки летом и, в особенности, осенью. Начинается буря часов около девяти или десяти утра, реже с полудня, или после него, и почти всегда стихает к закату солнца. Сила ветра достигает огромной напряженности; атмосфера наполняется тучами пыли и песка, иногда затемняющих солнце. Таких бурь в Чжунгарии мы наблюдали в апреле 10, в первой половине мая—7; кроме того, в этот же период времени, ветер все так же западный или северо-западный, 6 раз достигал значительной силы, хотя и не превращался в настоящую бурю.

Появление описываемых бурь почти исключительно днем, в определенные часы, притом в одинаковом направлении—с запада или северо-запада, наконец, преобладание их весной, наводят на мысль, что помимо общих, главных причин, обусловливающих в Восточной Азии воздушные течения, причины местные, истекающие из особенностей физического характера этих стран, играют в данном случае весьма важную роль.

Известно, что зимой в Монголии и в Восточной Сибири, вследствие сильного охлаждения, а следовательно, и сгущения воздуха, барометр стоит очень высоко[2], тогда как в океане, омывающем восточные и южные берега Азии, в это время, при значительной температуре, воздушное давление несравненно меньше. Летом же бывает наоборот: пустыни Монголии сильно нагреваются, и над ними образуется громадный восходящий ток расширенного воздуха, тогда как воздух над Восточным и Индийским океанами в это время нагрет менее, а потому и тяжелее. В обоих случаях для восстановления равновесия в атмосфере холодный воздух должен притекать к странам, где воздушная оболочка нагрета более; следовательно, зимой направляться изнутри азиатского материка к его восточным и южным морям; летом—наоборот.

Такая главная причина обусловливает господство на востоке Азии зимой северных или северо-западных ветров; летом же—южных и юго-восточных. Первые приносят сухую, ясную погоду; последние, приходя с океана, несут тучи и дождь.

Правильная смена воздушных течений и атмосферных осадков, словом, область муссонов, захватывает огромное пространство Восточной Азии от южной Кохинхины до северных частей Охотского моря. Внутри материка она распространяется, кроме побережья Охотского моря и частью Забайкалья, на весь бассейн Амура, Корею, восточную окраину Монго-

---

[1] Изредка производившиеся психометрические наблюдения в апреле давали иногда только до 10° относительной влажности в атмосфере.

[2] В Восточной Сибири в это время барометр, приведенный к уровню моря, показывает 778 мм,—так высоко, как нигде на земном шаре.

лии, собственно Китай и восточную часть Индо-Китая[1]. Нагорье Тибета и вся почти Гоби находятся вне этой области[2]. Между тем, именно здесь, т. е. во всей Центральной Азии, замечается решительное преобладание весной и зимой западных и северо-западных ветров.

Причина такого явления, мне кажется, местная и заключается в ежедневно, при ясной погоде, являющейся разности температуры всех вообще выдающихся предметов пустыни (гор, скал, холмов, песчаных бугров и пр.) на стороне, освещенной солнцем, и той, которая находится в тени. Известно, что в разреженном воздухе высоких плоскогорий, тем более при оголенной почве, как охлаждение ночью вследствие лучеиспускания, так и нагревание днем от солнца происходят весьма быстро. Освещенная взошедшим солнцем, т. е. восточная сторона каждого предмета в пустыне, скоро нагревается и сообщает свою теплоту ближайшему слою воздуха; тогда как на западной, теневой, стороне тех же предметов все еще остается гораздо низшая, ночная температура. Отсюда в тысяче тысяч пунктов является стремление воздуха уравновеситься, и образуется ветер, который, раз возникнув, уже не имеет препон на безграничных равнинах пустыни, но, постоянно усиливаясь, вскоре превращается в бурю. А так как более тяжелый, холодный воздух находится на западной стороне предметов, то понятно, что и движение бури должно быть с запада на восток. Частое же уклонение к югу, другими словами, северо-западное направление бурь можно отчасти объяснить тем, что пока солнце достаточно нагреет освещенные им предметы, само оно уже успеет подвинуться на юго-восток, оставляя теневую сторону на северо-западе.

Вероятно, существуют и другие более общие причины центрально-азиатских бурь, но они весьма сильно маскируются причиной вышеизложенной. Эта последняя достаточно объясняет также, почему описываемые бури редки в облачную погоду[3] и еще реже ночью; почему они, начинаясь поздним утром[4], оканчиваются обыкновенно к вечеру, когда обошедшее горизонт солнце восстанавливает равновесие в атмосфере. Наконец, так как сила ветра зависит от разности температур, нарушивших атмосферное равновесие, то, конечно, наиболее частые и сильные бури должны господствовать именно весной, когда разность ночного охлаждения и дневного нагревания, в особенности для пустынь Центральной Азии, наибольшая.

Флора. Растительность Чжунгарской пустыни крайне бедна и в общем мало отличается от наиболее бесплодных частей всей Гоби. Как там, так и здесь на почве песчаной, в особенности если к ней примешано немного лёссовой глины, флора все-таки разнообразнее, нежели на площадях чисто лёссовых или покрытых щебнем; солончаки еще того бесплоднее. В горных же группах, изобильных в восточной части описываемой пустыни, растительная жизнь несколько богаче.

Деревьев в Чжунгарской пустыне нигде нет. Из кустарников преобладает саксаул (Haloxylon ammodendron), маленькая Ephedra [эфедра, хвойник] и низкорослая, издали похожая на траву, Reaumuria songa-

[1] См. прекрасную статью «Климат области муссонов Восточной Азии» нашего известного метеоролога А. И. Воейкова, помещенную в XV томе «Известий императорского Русского Географического общества», 1879, вып. V.

[2] Нагорье Северного Тибета находится летом под влиянием юго-западного индийского муссона. Об этом см. в IX главе настоящей книги.

[3] Облачность нередко наступает после того, как буря уже началась.

[4] Только в Северном Тибете бури начинаются большей частью после полудня. Причина тому будет объяснена в IX главе настоящей книги.

rica [реамюрия]. Последняя растет почти исключительно на лёссовой глине; саксаул и Ephedra, напротив, изобилуют на песках. Здесь же обыкновенны: Hedysarum [копеечник] и Calligonum [джузгун], а из трав полынь и какой-то мелкий злак[1]. Вне песков к растениям описываемой пустыни прибавляются, хотя и не в особенном обилии: хармык (Nitraria Schoberi), золотарник (Caragana pygmaea [карликовая карагана]), Zygophyllum xanthoxylon [парнолистник], Atraphaxis compacta [курчавка скученная]; из трав же преобладают здесь различные солянки (Kalidium, Suaeda, Kochia ets. [поташник, шведка, кохия и др.]); возле редких ключей кое-где растет дырисун (Lasiagrostis splendens). Затем разбросанно весной попадаются: Zygophyllum macropterum [парнолистник], Phelipaea salsa [заразиха], Cynomorium coccineum [циноморий]; в распадках же холмов—ревень (Rheum leucorhizum) и маленькие тюльпаны (Tulipa uniflora). Последние обыкновенно скучиваются небольшими обществами, цветут ранней весной и являются для путешественника неожиданной аномалией среди общего бесплодия пустыни.

Из всех вышепоименованных растений самые замечательные, конечно, саксаул и дырисун. Оба они свойственны всей Внутренней Азии от пределов собственно Китая до Каспийского моря. Много раз придется еще нам встречаться с этими дарами Азиатской пустыни[2], поэтому расскажем теперь о них несколько подробнее.

С а к с а у л (Haloxylon ammodendron) принадлежит, как известно, к семейству солянковых растений, имеет безлистные, похожие на хвощ, и притом вертикально торчащие, ветви. Само растение, называемое монголами зак [дзак] является в форме корявого куста или дерева, иногда до двух сажен высотой, при толщине ствола у корня от $^1/_2$ до $^3/_4$ фута. Впрочем, подобных размеров саксаул достигает не часто и то в самых привольных для себя местностях, как, например, в северном Ала-шане,— там царство саксаула. Последний всегда растет на голом песке и притом врассыпную. Рядом с живущими экземплярами обыкновенно торчат или валяются экземпляры уже иссохшие, так что саксаульный лес, если только можно так его назвать, имеет самый непривлекательный вид, даже в пустыне, тем более, что описываемое растение почти не дает тени; песчаная же почва саксаульных зарослей лишена всякой другой растительности и почти всегда выдута бурями, в виде бесконечно чередующихся ям и бугров.

Для номадов пустыни саксаул составляет драгоценное растение: дает хороший корм верблюдам[3] и доставляет превосходный материал для топлива. Древесина описываемого растения чрезвычайно тяжелая и крепкая, но до того хрупкая, что даже большой ствол разлетается на части при ударе обухом топора. Следовательно, на постройки саксаул не годен; да и не найти в нем хотя бы двухаршинного ровного бревна. Зато горит превосходно, даже сырые ветки, которые, как у многих солян-

---

[1] Растения джунгарских песков не могли быть точно определены, так как мы проходили в этих песках только в ноябре 1877 года, следовательно, не имели возможности в такую позднюю пору года видеть даже листья, не говоря уже о сборе гербария.

[2] Такими же «дарами пустыни» могут быть названы цульхир (Agriophyllum gobicum) и хармык (Nitraria Schoberi); первый для Ала-шаня, последний для Цайдама. Об этих растениях будет рассказано при описании вышеназванных стран в VIII и XVIII главах настоящей книги.

[3] Другие домашние животные саксаула не едят, разве козы и бараны в Ала-шане.

ковых растений, чрезвычайно обильны соком, вероятно потому, что очень плотная наружная кожица препятствует даже в сухом климате пустыни испарению вытянутой корнями влаги. Саксаульные дрова, словно каменный уголь, горят очень жарко и, перегорев, еще надолго сохраняют огонь. Цветет саксаул в мае мелкими, чуть заметными желтыми цветочками; семена также мелкие, плоские и крылатые, серого цвета, густо усаживают ветви и поспевают в сентябре.

Географическое распространение саксаула во Внутренней Азии весьма обширно. С запада на восток это растение встречается от Каспийского моря до пределов собственно Китая. Северная граница проходит в Чжунгарии под $47^1/_4°$ северной широты (на оз. Улюнгур), а южная— в Цайдаме под $36^1/_2°$ северной широты; здесь саксаул растет на высоте

Саксауловый лес

около 10 000 футов[1]. Впрочем, описываемое растение принадлежит всего более Гоби (главным образом северному Ала-шаню и Чжунгарии), да нашему Туркестану(15); на Тибетском нагорье встречается лишь в Цайдаме. Замечательно, что саксаул не растет на Лоб-норе и нижнем Тариме[2], хотя обширные здешние пески, повидимому, совершенно одинаковы с теми, которые залегают в северном Ала-шане; нет также саксаула по пескам южной половины того же Ала-шаня.

Саксаульные заросли дают пищу и приют для некоторых животных пустыни. В них укрываются волки и лисицы, но всего обильнее песчанки (Meriones), которые выкапывают норы в песчаных буграх; питаются же влажными ветками описываемого растения, следовательно могут обходиться без воды. Кроме того, саксаул едят антилопы хара-сульты (Antilope subgutturosa)[3], зайцы и (в Чжунгарии) дикие верблюды. Вероятно, им также пользуются при сильной засухе и другие травоядные звери пустыни.

Оседлых птиц в саксаульниках держится немного. Всего чаще здесь встречаются саксаульный воробей и саксаульная сойка. Летом по саксаулу

---

[1] Близ болота Иргыцык в восточном Цайдаме.

[2] Во время Лобнорского путешествия (1876—1877 годы) мы встретили на нижнем Тариме лишь несколько кустиков саксаула, взамен которого в Таримской пустыне преобладает тамариск (Tamarix loxa).

[3] У киргизов кара-курюк; то и другое название означает «чернохвостая» [джейран].

также мало гнездится пернатых, но на пролете в саксаульных зарослях находят для себя временный отдых и кое-какую пищу многочисленные пташки. Пресмыкающиеся (ящерицы, змеи) в саксаульниках редки; земноводные не живут вовсе.

Дырисун [дэрэс]. Другое, еще более важное для обитателей пустыни, растение принадлежит к семейству злаков и называется монголами дырисун, киргизами — чий; научное же его название Lasiagrostis splendens.

Дырисун

Подобно саксаулу, дырисун распространен по всей Внутренней Азии: к северу заходит до 48° северной широты, южная же его граница, в местностях, нами исследованных, проходит по окраине Северного Тибета к Цайдаму, немного южнее 36° северной широты. Здесь описываемое растение, правда уже чахлое, поднимается до 13000 футов абсолютной высоты[1].

В Монголии дырисун растет всего обильнее по долине Желтой реки, там, где она огибает Ордос; встречается спорадически и всегда лишь небольшими площадями. На Тариме, в Гань-су и Северном Тибете дырисун не растет вовсе; на Куку-норе и в Цайдаме довольно редок.

Везде описываемый злак избирает для себя почву глинисто соленую и притом хотя немного влажную, но настоящих солончаков избегает. Растет дырисун отдельными кустами и достигает от 5 до 6, иногда даже от 7 до 9 футов вышины. Каждый такой куст, у своего основания, представляет кочкообразную массу от 1 до 3 футов в диаметре. Отсюда весною выходят новые побеги; старые же стебли, обыкновенно объеденные скотом, торчат подолгу. Пространство между отдельными кустами дырисуна — почти всегда голая глина. Как видно на приложенном рисунке, кусты дырисуна обыкновенно развешиваются немного в стороны своими длинными, но жидкими серовато-коричневыми метелками. Собственно зелени такой куст показывает немного, так что площадь, поросшая дырисуном,

[1] Последний дырисун найден был нами в Северном Тибете в урочище Дынсы-обо, у южной подошвы гор Бурхан-Будда. В горах Нань-шань, к югу от оазиса Са-чжеу, дырисун поднимается до 11 200 футов абсолютной высоты.

имеет даже летом зелено-серый цвет. Человеку, забравшемуся в высокий дырисун, ничего не видно, кроме неба да ближайших кустов самого растения; если заросль обширна, то легко заблудиться.

В дырисуне находят для себя приют фазаны, куропатки, перепела, жаворонки, а также зайцы, лисицы, волки и барсуки. Для домашнего скота описываемое растение составляет превосходный корм (16). Кроме того, из чрезвычайно крепких, почти как проволока, стебельков дырисуна китайцы делают летние шляпы и метелки; киргизы же плетут прочные цыновки, которыми обставляют бока своих войлочных юрт или кибиток[1].

Фауна. Животное царство Чжунгарской пустыни так же бедно, как и ее флора. Правда, фауна этой местности мало исследована. В оба раза, которые нам привелось здесь проходить, мы шли быстро и притом не могли посвящать себя, как вообще в путешествии, исключительно зоологическим занятиям. Тем не менее, при однообразии физических условий пустыни, даже при сравнительно быстрых караванных передвижениях, можно сделать достаточно наблюдений над флорою и фауною, по крайней мере для общей характеристики страны.

Всего в Чжунгарии нами найдено 27 видов млекопитающих, кроме домашних. Но если исключить из этого числа виды, свойственные горам западной и северной частей той же страны, равно как долину р. Урунгу, то собственно для пустыни останется только 13 видов. Из них наиболее характерными могут считаться: антилопа хара-сульта (Antilope subgutturosa), свойственная всем вообще пустыням Центральной Азии, но везде не особенно обильная[2]; антилопа сайга (Antilope saiga), обитающая, и в достаточном числе, лишь в западной части Чжунгарской пустыни; два вида песчанок (Meriones), многочисленных в песчаных буграх; дикий верблюд (Camelus bactrianus ferus), живущий также в песках южной части пустыни; наконец, три вида однокопытных: джигетай (Asinus hemionus), хулан (вероятно, Asinus onager) (17) и дикая лошадь (Equus przevalskii n. sp.). Из перечисленных животных самые замечательные, конечно, дикий верблюд и дикая лошадь. Немного ниже о них будет рассказано подробнее.

Птиц в Чжунгарии нами найдено около 160 видов, считая пролетных, гнездящихся и оседлых. Но такая значительная цифра относится, главным образом, к горам, в особенности западным, к оз. Улюнгур и р. Урунгу. В самой пустыне едва наберется десяток оседлых видов, из которых более обыкновенны: больдуру, или больдурук—Syrrhaptes paradoxus [копытка, саджа], весьма характерная птица для пустынь всей Внутренней Азии; саксаульная сойка (Podoces hendersoni), пустынный вьюрок (Erythrospiza mongolica), ворон (Corvus corax) и рогатый жаворонок (Otocoris albigula); реже встречаются мохноногий сыч (Athene plumipes) и саксаульный воробей (Passer ammodendri). Пролетные птицы являются здесь также в весьма ограниченном числе, так как многие виды, главною своею массою, облетают описываемую пустыню, захватывая отчасти лишь западную ее окраину. Действительно, Чжунгарская пустыня представляет весьма невыгодное место для пролета птиц как по своему собственному бесплодию и безводию, так и потому, что далее на

[1] У монголов такого обыкновения нет.

[2] Подробно о хара-сульте см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 141—143 [в издании 1946 г. стр. 140—141].

юг, вплоть до Индии, лежат самые непригодные пролетным птицам местности: сначала высокая стена Тянь-шаня, далее Таримская пустыня, а за нею громадное плоскогорье Тибета. Вот почему многие виды пернатых направляются с Енисея и верхней Оби, вероятно, не прямо на юг, но облетают Чжунгарскую и другие названные пустыни, вдоль западных подножий Алтая и Тянь-шаня, на верховья Сыр- и Аму-дарьи и уже отсюда, через Памир и Гиндукуш, попадают в Индию. Этим, более удобным, путем, вероятно, пользуются даже сильные птицы, каковы лебеди и журавли. Те и другие замечены нами на пролете в пустынях Чжунгарии и Лоб-нора только как редкость; между тем, весьма обыкновенны на оз. Зайсане, а лебеди и на оз. Улюнгуре. Правда, громадная масса

Больдурук

уток, появляющихся раннею весною на Лоб-норе, летит отсюда прямо через Тянь-шань и пустыню на север; но эти утки находят на рано вскрывающемся Тариме прекрасное для себя место отдыха и все-таки, как показали мои наблюдения весною 1877 г., попадают на Лоб-нор с юго-запада и запада, т. е. пересекают из Индии Тибетское нагорье в самом узком его месте. Осенью же, по словам лобнорцев, на их озере пролетных уток бывает гораздо меньше, вероятно потому, что возвращаясь обратно, они не пускаются напрямик через Чжунгарскую пустыню.

Рыбы в этой последней нигде нет, за исключением р. Урунгу и оз. Улюнгура. Земноводные нами также не найдены. Из пресмыкающихся же обильны ящерицы, принадлежащие исключительно к двум родам — Phrynocephalus и Podarces.

Теперь о дикой лошади и о диком верблюде.

Дикая лошадь. Дикая лошадь, единственный экземпляр которой находится в музее С.-Петербургской Академии наук, недавно описана нашим зоологом И. С. Поляковым и названа моим именем — Equus przewalskii [1]. Она хотя и представляет некоторые, даже значительные, признаки (отсутствие длинных волос на верхней половине хвоста, отсут-

[1] Статья Полякова о дикой лошади, вместе с ее рисунком, помещена в «Известиях императорского Русского Географического общества», 1881, т. XVIII, выпуск 1; издана также и отдельною брошюрою.

ствие челки, короткая, прямостоячая грива), свойственные ослам, но по общности других, более важных, зоологических отличий (по форме черепа и копыт, присутствию мозолей на задних ногах, чего не бывает у ослов, неимению спинного ремня, наконец, по общему складу) весьма приближается к домашней лошади и в зоологической системе должна быть поставлена рядом с этою последнею. Таким образом, новооткрытый вид представляет, по исследованию Полякова, промежуточную форму между ослом и лошадью домашней; быть может, и весьма даже вероятно, составляет уцелевшего еще родоначальника некоторых пород домашней лошади, много уклонившейся от первоначального типа, под влиянием давнишнего приручения человеком.

По своей наружности Equus przewalskii роста небольшого[1]. Голова, сравнительно, велика, с ушами, более короткими, нежели у ослов; грива короткая, прямостоячая, темнобурого цвета, без челки; спинного ремня нет. Хвост на верхней половине мохнатый, но без длинных волос и только в нижней своей половине покрыт черными, длинными, как у лошадей, волосами. Цвет туловища чалый, на нижних частях тела почти белый; голова рыжеватая; конец морды белый. Шерсть (зимняя) довольно длинная, слегка волнистая. Ноги сравнительно толстые; передние—снаружи, в верхней половине, беловатые, над коленями рыжеватые, далее вниз черноватые и возле копыт черные; задние—беловатые, возле копыт также черные; копыта круглые и довольно широкие.

Новооткрытая лошадь, называемая киргизами кэртаг[2], а монголами также [тахи], обитает лишь в самых диких частях Чжунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5—15 экземпляров) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности звери эти, как говорят, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; притом одарены превосходным обонянием, слухом и зрением. Встречаются довольно редко; да притом, как сказано выше, держатся в самых диких частях пустыни, откуда посещают водопои. Впрочем, описываемые животные, как и другие звери пустыни, вероятно, надолго могут оставаться без воды, довольствуясь сочными солончаковыми растениями.

Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; притом на такую охоту можно пускаться лишь зимою, когда в безводной пустыне выпадает снег. Тогда, по крайней мере, нельзя погибнуть от жажды. Зато в это время охотников будут донимать день в день сильнейшие морозы. Чтобы укрыться от них хотя ночью, необходимо взять с собою войлочную юрту; затем следует запастись продовольствием и вообще снарядить небольшой караван, так как на подобной охоте придется выездить многие сотни верст и потратить месяц времени. Мне лично удалось встретить только два стада диких лошадей[3]. К одному из этих стад можно

[1] Таков экземпляр, доставленный в музей Академии наук. По определению Полякова, эта лошадь (жеребец) имеет около трех лет. В Чжунгарии я видел издали диких лошадей, более крупных, нежели описываемая, хотя все-таки достигавших лишь среднего лошадиного роста.

[2] А не зуртакэ, как сказано у Полякова, заимствовавшего также название от д-ра Брэма. Суртагом киргизы называют джигетая—Asinus hemionus [т. е. кулана](18).

[3] Экземпляр дикой лошади, доставленный мною в музей Академии наук, убит охотниками киргизами в песках южной Чжунгарии и подарен мне бывшим начальником Зайсанского поста А. К. Тихановым(19).

было подкрасться на меткий выстрел, но звери почуяли по ветру, по крайней мере за версту, моего товарища и пустились на уход. Жеребец бежал впереди, оттопырив хвост и выгнув шею, вообще с посадкою совершенно лошадиною; за ним следовали семь, вероятно, самок. По временам звери останавливались, толпились, смотрели в мою сторону и иногда лягались друг с другом; затем опять бежали рысью и, наконец, скрылись в пустыне. Замечательно, что в упомянутом стаде два экземпляра были какие-то пегие—хорошенько нельзя было рассмотреть.

Дикая лошадь

За исключением Чжунгарии кэртаг нигде более не водится. Таким образом, прежний обширный, как показывают палеонтологические изыскания, район распространения дикой лошади в Европе и Азии ныне ограничен лишь небольшим уголком центральноазиатской пустыни. В других ее частях диких лошадей нет. Об этом я могу теперь утверждать положительно. Рассказы монголов, слышанные мною в Ала-шане, еще во время первого (1870—1873 годы) путешествия в Центральной Азии, о стадах диких лошадей на Лоб-норе, оказались выдумкою[1].

Дикий верблюд. Противоположно дикой лошади, о существовании которой в Центральной Азии до сих пор ничего не знали, дикий верблюд (Camelus bactrianus ferus), обитающий в той же центральноазиатской пустыне, известен был по слухам уже шесть веков тому назад, со времен Марко Поло, который первым из европейцев упоминает об этом животном. Еще ранее, по словам синологов, неоднократно говорится о нем в китайских летописях. В более близкие нам времена, о диком верблюде упоминают Дюгальд и Паллас, а из новейших путешественников—Шау, Форзейт, Беллю, Элиас, Певцов и другие ([20]). Но ни один

[1] «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 299 [в издании 1946 г. стр. 247].

из них лично не видал и не наблюдал дикого верблюда; сообщались только рассказы, слышанные от туземцев. Даже вопрос о существовании истинно дикого верблюда подлежал сомнению, так как многие натуралисты, и в том числе знаменитый Кювье ([21]), полагали, что верблюды, живущие на свободе в некоторых местностях Центральной Азии, суть только одичавшие животные, ушедшие от своих хозяев или выпущенные ими на свободу, по обычаю буддистов. Впрочем, Паллас держался противоположного мнения и полагал найти в верблюдах, живущих на свободе, вполне диких животных.

На мою долю выпало счастье отыскать дикого верблюда на его родине, в пустынях Лоб-нора, и наблюдать здесь это замечательное животное. Его нрав и образ жизни описаны были мною тогда же, в отчете о путешествии на Лоб-нор[1]. Вместе с тем я высказался, что найденные мною верблюды суть дикие животные. Мнение это подтверждено И. С. Поляковым, сделавшим специальное зоологическое описание дикого верблюда[2] по экземплярам и черепам, привезенным мною с Лоб-нора, а также добытым в 1878 году охотниками киргизами в песках южной Чжунгарии.

По исследованию Полякова зоологические отличия дикого верблюда от домашнего (также двугорбого) невелики и заключаются, главным образом, в малых горбах диких экземпляров; затем в отсутствии у этих последних мозолей на коленях передних ног[3]. Черепа диких верблюдов, при сравнении их с черепами прирученных двугорбых, представляют различия лишь в мелочах. Но, с другой стороны, весьма также схожи черепа двугорбого и одногорбого верблюдов и их ископаемого собрата, недавно найденного на Волге[4].

Подобное явление можно объяснить лишь одинаковостью пищи, климата, местности, словом, всех тех физико-географических условий, среди которых жили и живут как домашние верблюды, так и дикие. Понятно, что при отсутствии изменяющих причин не могло произойти каких-либо значительных изменений в типе животного, изменений, которые, по законам «соотношения развития», отразились бы и на устройстве черепа. Только спины верблюдов домашнего и дикого, как справедливо указывает Поляков, находятся уже много веков не в одинаковых условиях. Домашний верблюд целые тысячелетия таскает на себе кладь; дикий же его собрат не знает этого. Вот почему малые горбы диких верблюдов, находящиеся, быть может, в связи с меньшим развитием или даже несколько измененным положением тех отростков на спинных позвонках, которые образуют горб, составляют весьма важный зоологический признак. К сожалению, скелета дикого верблюда еще нет в музеях.

Не буду повторять здесь уже сказанного мною в вышеупомянутом отчете о путешествии на Лоб-нор относительно образа жизни и привычек

---

[1] «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 30—44 [в издании 1947 г. стр. 64—68].

[2] К сожалению, статья Полякова «О диком верблюде», давно уже приготовленная для печати, до сих пор еще не могла быть напечатана. [Это статья как будто так и не увидела света].

[3] И. С. Поляков даже не придает особого значения последнему признаку. Но мне кажется, что отсутствие мозолей на коленях передних ног составляет также характерное отличие дикого верблюда от домашнего; хотя, конечно, можно объяснить подобное явление тем, что дикий верблюд, обитающий почти исключительно в песках, выбирает для себя лежбища всегда мягкие, тогда как домашнему верблюду часто приходится ложиться на твердой почве.

[4] Череп этого верблюда отличается, по словам Полякова, лишь громадною величиною.

дикого верблюда. Во время нынешнего путешествия в Тибет мы не охотились (по недостатку времени) за этим животным, хотя и проходили районы, им обитаемые.

Теперь можно с точностью указать местности Центральной Азии, где еще доныне живет дикий верблюд. Везде эти местности обозначаются недоступными сыпучими песками, в которых описываемое животное укрывается от человека. Вообще район распространения дикого верблюда несравненно обширнее, нежели район жительства дикой лошади. Остатки этой последней сохранились только в Чжунгарии. Дикий же верблюд занимает пустыни нижнего Тарима, Лоб-нора и Хамийскую; затем обитает, в достаточном числе, в песках южной Чжунгарии, к северу от городов Гучена и Манаса; наконец, на Тибетском нагорье живет в северо-западном Цайдаме—в песках близ урочища Сыртын и в пустынных окрестностях оз. Хыйтун-нора.

Наш путь от оз. Гашун-нор. Начнем снова о путешествии.

Простояв четверо суток на оз. Гашун-нор, мы наняли себе проводника-тургоута и направились к югу прямым путем на г. Баркуль. Киргиз Мирзаш, до сих пор провожавший нас из Зайсана, но далее не знавший дороги, был отпущен обратно и награжден за свои услуги. С новым проводником мы выступили в путь 2 мая и в тот же день оставили позади себя южный Алтай. Его отроги, сопровождавшие до сих пор левые берега Булугуна и верхней Урунгу, резко окончились. Впереди нас раскинулась необозримая равнина, ограниченная на юге довольно высоким[1] хребтом Байтык и его более низкими восточными продолжениями, носящими имена Хаптык и Барлык. К востоку упомянутая равнина уходила за горизонт; на западе же, т. е. вправо от нашего пути, виднелись невысокие горы, составляющие, быть может, продолжение хребта Кутус, расположенного на левом берегу Урунгу, близ сворота гученской дороги.

От ключа Холусутай-булык предстоял безводный переход в 74 версты. Поэтому мы запаслись водою и тронулись с места после полудня, чтобы ночевать, пройдя треть пути; на следующий день прошли остальные две трети и сильно усталые, уже почти ночью, разбили свой бивуак на ключе Хыльтыге, в восточном подножии гор Байтык. Эти последние видны были нам совершенно ясно еще верст за пятьдесят. Казалось, вот-вот скоро доберемся до желанного места. А между тем, проходили час, другой, третий в непрерывном движении—и все-таки горы не приближались заметно.

Обманчивость расстояний. Так везде обманчивы, еще более для новичка, расстояния в пустынях Центральной Азии, конечно, если только атмосфера свободна от поднятой ветром пыли. В особенности ясно видны бывают на громадном расстоянии высокие горы. Так, например, Тянь-шань из Чжунгарской пустыни виден довольно хорошо верст за двести. Громадную же вершину того же Тянь-шаня—Богдо-ула, стоящую близ Гучена, мы могли заметить с высот на р. Урунгу, близ сворота гученской дороги, следовательно за 250 верст. Причины такой дальности, а вместе с тем и обманчивости обозреваемых расстояний в равнинных местностях пустыни, заключаются: во-первых, в разреженности, сухости, следовательно и прозрачности воздуха, в осо-

[1] До 8 000 футов абсолютной высоты, по свидетельству Певцова, «Записки Западно-Сибирского отдела Географического общества», книжка 1, стр. 38.

бенности на больших высотах; затем в отсутствии большей частью промежуточных предметов; наконец, в контрасте равнин и гор, обыкновенно являющихся рядом, без постепенного перехода.

Равнина к югу от Алтая. Вышеупомянутая равнина, по которой мы проходили от Алтая до Байтыка, имеет около 3500 футов абсолютной высоты и кой-где испещрена небольшими группами холмов. Почва в северной ее половине глинисто-солончаковая, достаточно поросшая травою, удобною для корма скота. Здесь зимовые кочевья тургоутов. Местами соль лежит сплошными кусками в дюйм толщиною. Солончаки эти составляют продолжение речек Уюнчи [Уинчи] и Барлык, которые выбегают из Алтая и теряются в описываемой равнине. Южная, бо́льшая, ее половина состоит из гальки и гравия, по которым растут редкий саксаул и Ephedra [эфедра]. Зелени и цветов, несмотря на май, здесь не имелось. Зверей также мы не видали, кроме небольшого стада диких лошадей и нескольких антилоп хара-сульт; из птиц же встретили несколько пролетных, быть может заблудившихся, розовых скворцов (Pastor roseus) и синиц-ремез (Aegithalus pendulinus). Зато на ключе Хыльтыге, где мы дневали, нашлось, сверх ожидания, достаточно мелких пташек — Erythrospiza mongolica, Saxicola atrogularis, Corydalla richardii, Budytes flava etc. [пустынный снегирь, пустынная каменка, степной конёк, желтая трясогузка и др.], несколько десятков которых убиты были для коллекции. Окрестные горы оказались совершенно бесплодными. Но в них, невдалеке от нашего бивуака, встретились, лежащие совсем наружу, залежи каменного угля довольно хорошего качества.

Состояние погоды. Несмотря на перепадавшие до сих пор довольно сильные жары (до 27,0° в тени), утром 8 мая случился мороз в —2,5°, так что вода на болоте Тала-окчин, где мы тогда ночевали, замерзла. Затем, лишь только взошло солнце, как по обыкновению, началась буря. Эти бури, все с запада и северо-запада, сильно донимали нас во время пути от Гашун-нора через Чжунгарскую пустыню. При таких бурях, если они начинались рано утром, обыкновенно становилось холодно; если же буря поднималась перед полуднем, когда солнце уже достаточно нагревало почву, то порывы ветра не охлаждали значительно атмосферу.

Во время бури воздух наполнялся тучами мелкого песка и соленой пыли. От последней обыкновенно страдали глаза; самый же ветер, в особенности если он был встречным, сильно мешал ходу вьючных верблюдов, да и людям надувал в лицо и уши до головной боли. Притом в такую погоду трудно было делать дорогой съемку, а по приходе на место бивуака иногда вовсе нельзя было итти на экскурсии. В редкие затишья, при ясном небе, всегда становилось жарко. Сухость воздуха постоянно была очень велика[1]. Словом, погода стояла та же самая, как и вообще во всей Гоби весною.

Горы Хара-сырхэ и Куку-сырхэ. От урочища Тала-окчин, довольно обильного кормом и ключевой водою, нам снова предстояло пройти 50 безводных верст. Вышли после полудня, ночевали с запасною водою на полпути, а на завтра, без особенного труда, сделали остальную часть дороги. Впрочем, последней здесь нигде нет; нет даже тропинок; вожак вел нас напрямик, по известным приметам местности.

---

[1] В конце апреля в атмосфере наблюдалось только 10% относительной влажности.

Пустыня была дика, как и прежде. Почва залегала та же: галька и гравий, реже песок или песок с лёссовою глиною. Из растений встречались только саксаул и Ephedra, да и то не в обилии.

Во второй половине того же безводного перехода, среди пустыни встретилась невысокая горная группа, известная в западной своей части под именем Хара-сырхэ, а в восточной Куку-сырхэ. На северном склоне эти горы бесплодны, как Хаптык, предгорья Байтыка и посещенные нами части южного Алтая; но на южной стороне тех же гор почва делается глинисто-песчаною (с небольшою примесью гальки) и довольно плодородною. Из кустарников здесь в небольшом количестве найдены: золотарник—Caragana pygmaea [карликовая карагана], сплошь залитый своими желтыми цветками, и Zygophyllum xanthoxylon [парнолистник желтодревесный]. Из трав же цвели: молочник (Tragopogon ruber), лапчатка (Potentilla bifurca), три вида Astragalus, узколистный касатик (Iris tenuifolia), молочай (Euphorbia subcordata), Sterigma sulphureum, Pontestemon perennis; кроме того, обильны были лук (Allium sp.) и кипец (Festuca sp.).

Абсолютная высота описываемых гор, вероятно, не превосходит 5 000 футов. Из зверей здесь попадались нам довольно часто хуланы, привлекаемые в это время из пустыни молодою травою; изредка встречались хара-сульты; по валявшимся рогам видно было, что здесь водятся и аркары, т. е. горные бараны.

О б щ и й   х а р а к т е р   п р о й д е н н о й   п у с т ы н и. По обе стороны гор Куку-сырхэ и Хара-сырхэ, к востоку и западу, раскидывается необозримая равнина, совершенною гладью убегающая за горизонт,—это Чжунгарская пустыня в последний раз являлась перед нами. Здесь, сколько кажется, проходит главный рукав описываемой пустыни, которым она соединяется с остальною Гоби. Вообще вся местность к югу от Алтая до предгорий Тянь-шаня, в пройденном нами направлении, представляет высокую пустынную равнину, по которой разбросаны большею частью невысокие горы. Ближе к этим горам почва обыкновенно взволнована пологими увалами и прорезана сухими руслами дождевых потоков. В лучших местах, там, где почва сырее от влаги, просачивающейся изнутри и иногда выходящей наружу в виде тощего ключа, являются дырисун, тростник, джингил, тамариск; изредка шиповник и золотарник. Возле самого ключа иногда выдастся зеленая площадка травы в несколько десятков квадратных сажен; покажутся птички—Anthus aquaticus, Budytes citreola, Budytes flava, Corydalla richardii, Totanus ochropus, Totanus calidris [горный конек, желтоголовая трясогузка, желтая трясогузка, степной конек, черныш, травник], которых нигде до сих пор не было видно; иногда встретится гнездящаяся пара турпанов (Casarca rutila) или отсталая утка. Но и подобные оазисы попадаются лишь изредка. Безжизненная пустыня заполнила все собою; даже на горах везде лежит ее мертвая печать.

Встречаются оазисы и безводные, обыкновенно солончаковые. Здесь если найдется ямка воды, то она негодна для питья. Растительность в таких местах еще беднее; птиц обыкновенно нет; из зверей же изредка попадется пугливое стадо хуланов, а иногда и диких лошадей. Издалека почуют они караван и умчатся в пустыню. Вообще, сколько можно было заметить, все звери в Чжунгарии гораздо пугливее, нежели в Монголии, на Куку-норе и в Тибете; вероятно потому, что реже видят человека, но усерднее им преследуются.

Жителей, как в этой части, так и во всей Чжунгарской пустыне, нет; даже привычному ко всяким лишениям номаду здесь невозможно кочевать. Лишь по окраинам той же пустыни, в более плодородных гористых местностях на западе и севере, кочуют тургоуты и киргизы. К ним, на верховьях Урунгу, в небольшом числе примешиваются урянхайцы. Наконец подгорная полоса вдоль Тянь-шаня занята оседлым китайским и частью мусульманским (дунганы, таранчи) населением.

Предгорья Тянь-шаня. Сделав от гор Куку-сырхэ два небольших перехода, мы опять вошли в горы, которые, по словам туземцев, составляют предгорья Тянь-шаня, но не носят общего определенного названия. Впрочем, местность здесь не имеет вполне гористого характера; скорее же представляет обширное, довольно высокое (приблизительно до 6 000 футов абсолютной высоты) плато, на котором густо рассыпаны, без всякого порядка, отдельные горки и небольшие хребтики. Ближе к наружной окраине, откуда мы вошли, описываемые горы скалисты и довольно дики. Преобладающей в них породой, как и в горах Куку-сырхэ, является серый гнейс. На самом плато отдельные вершинки ниже скал и меньше. Узкие долины, или по-сибирски пади, встречаются очень часто, более редки ущелья; ключей довольно и вода в них прекрасная; по горным скатам и в падях отличные пастбища. Из трав преобладают: кипец, низкорослая полынь и дырисун; изредка попадается ковыль. Сверх того, найдены цветущими, кроме уже поименованных для гор Куку-сырхэ: герань (Geranium pseudcsibiricum), дымянка (Fumaria cfficinalis), Nonnea caspia, Hypecoum erectum [житник] и др. Из кустарников встречены: казачий можжевельник (Juniperus Sabina), довольно обыкновенный; таволга (Spiraea hypericifolia), также обыкновенная; жимолость (Lonicera microphylla var. Sieversiana) и карагана (Caragana tragacanthoides), довольно редкие; шиповник (Rosa sp.), попадающийся лишь изредка, и еще более редкая дикая яблоня (Pyrus sp.), растущая в узких ущельях небольшим деревцом ст 5 до 7 футов высотою. Вообще флора описываемых гор была настолько разнообразна, что в один день (13 мая) мы собрали в свой гербарий 32 вида цветущих растений, тогда как до сих пор, в течение всего апреля и почти всей первой половины мая, нами найдено было лишь 52 вида цветов. Впрочем, далее к г. Баркулю горы становятся гораздо бесплоднее.

Из млекопитающих в тех же горах мы встретили много аркаров (Ovis heinsii?), но не могли взять в коллекцию ни одной их шкуры, так как звери находились в сильном линянии; добыта была каменная куница (Mustela foina); попадались лисицы, а по широким долинам—хуланы и хара-сульты. Норы мелких грызунов встречались часто; самих же зверьков мы не видали.

Из птиц обыкновенны были: стренатка (Emberiza huttoni), прекрасно поющий чеккан (Saxicola isabellina), каменный дрозд (Petrocincla saxatilis), горный и пустынный вьюрки (Montifringilla leucura, Erythrospiza mongolica).

В описываемых горах впервые встретилось и население, которого мы не видали от оз. Гашун-нора. То были китайцы, живущие оседло возле ключевых ручьев и занимающиеся земледелием. Прежде этих китайцев обитало здесь больше, чем можно было видеть по разоренным во время дунганского восстания фанзам. Кочевников же в горах, несмотря на привольные пастбища, нигде не было; вероятно, китайцы не позволяют им здесь жить.

Всегдашние затруднения с проводниками. Проводник-тургоут, взятый нами с Гашун-нора и плохо вообще знавший даже до сих пор направление пути, теперь окончательно сбился с толку, войдя в горы, не имеющие никаких резких примет для ориентировки. Тем не менее монгол не сознавался в своем неведении и водил нас наугад из одной пади в другую. Так, блуждая, сделали мы целый переход. На следующий день повторилось то же самое. Тогда я прогнал негодяя-проводника, который и раньше того не один раз обманывал нас, за что, конечно, получал должные внушения.

Вообще путешественнику в Центральной Азии редко когда удается иметь хорошего проводника. Обыкновенно бывает одно из двух: или плут, или дурак. Притом же тот и другой одинаково получают от китайцев приказания следить за тем, что мы делаем, не говорить ничего лишнего и возможно больше обманывать нас во всем, чего мы не можем увидеть собственными глазами. Поэтому все расспросы, в особенности про окрестную страну, ее производительность, быт населения и т. п., из десяти раз на девять приводят к совершенно отрицательным результатам. Даются показания ложные, а если проводник глуп, да притом еще усердствует отличиться перед своим начальством, то обыкновенно рассказывает совершенную галиматью.

При этом нужно правду сказать, что расспросы через переводчика также немало влияют на суть самого рассказа. Такое неудобство чувствуется всего сильнее при разговоре о предметах более или менее отвлеченных. Тут нужно сначала втолковать своему толмачу, а затем уже немало ждать, пока он, конечно по-своему, разъяснит монголу и получит от него ответ, который также передаст по собственному разумению. В результате обыкновенно получается такая ахинея, что только махнешь рукою и перестанешь понапрасну тратить время.

Выход в Баркульскую равнину. Прогнав вожака-монгола, мы расспросили у китайцев про дальнейший путь и спустя немного вышли на колесную дорогу, которая ведет из Гучена в Баркуль. Следуя по ней, мы и без проводника не могли заблудиться. Впрочем, это была только боковая ветвь главной дороги, направляющейся вдоль всего северного подножия Тянь-шаня. Снега последнего совершенно ясно виднелись вправо от нас. С каждым днем мы понемногу к ним приближались. Местность же, по которой мы теперь шли, была попрежнему усыпана мелкими горами; только горы эти сделались бесплоднее и вода в них стала редкостью. Наконец, 18 мая, караван наш вышел в обширную равнину и расположился бивуаком близ китайской деревни Сянто-хуаза, в 20 верстах от города Баркуля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТ БАРКУЛЯ ДО ХАМИ

[20 мая/1 июня—26 мая/7 июня 1879 г.]

Обыденный порядок нашей походной жизни: ночевка; снимание бивуака; движение в пути; устройство нового стойбища; продовольствие и ежедневные занятия; двойные переходы, дневки.—Баркульская равнина.—Город Баркуль.—Дальнейшее наше движение.—Дороги вдоль Тянь-шаня.—Прелестная стоянка.—Пройденный Тянь-шань.—Леса северного его склона.—Перевал.—Южный склон.—Переход до Хами.

астоящую главу начнем с рассказа о нашей обыденной жизни во время путешествия.

Как ни разнообразна, повидимому, почти ежедневно изменяющаяся обстановка путешественника во время его движения с караваном, но все-таки, несмотря на частую новизну в том или другом отношении, на постоянную смену внешних впечатлений, общее, внутреннее так сказать, течение жизни принимает однообразный характер. Почти одинаково проводили мы свои дни как в Чжунгарской пустыне, так и близ ледников Нань-шаня, на высоком плоскогорье Тибета, на берегах Куку-нора или Желтой реки и в песках Ала-шаня. Разница, если случалась, то только в мелочах.

Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в центральноазиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки,—тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во все время путешествия.

Н о ч е в к а... Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек...

В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа.

Снимание бивуака. Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр[1], затем разводит огонь и варит чай. Когда последний готов, поднимаются остальные казаки; встаем и мы. В прохладной утренней атмосфере сначала немного пробирает дрожь, но чашка горячего чая хорошо и быстро согревает. Завтрак же, обыкновенно в виде оставшегося с вечера куска вареной баранины или уцелевшей лепешки, тщательно прячется в карман на дорогу; но казаки теперь наедаются дзамбы с чаем, зная, что следующая еда будет только на следующем бивуаке. Затем начинается седлание верховых лошадей и вьюченье верблюдов; на кухне и у нас в палатке в это время идет уборка разбросанных вещей. Наконец, наши ящики уложены, постель собрана и оружие вынесено вон из палатки; тогда эта палатка снимается и укладывается в войлочный футляр. Казаки давно уже сняли свою палатку и привязали ее поверх более легкого вьюка. Половина верблюдов уже завьючена; остальные завьючиваются еще быстрее, так как теперь и мы, т. е. я и офицеры, принимаем участие в этой работе. «Готово!» —наконец восклицает один из казаков. Все они идут тогда за своими ружьями, отложенными пока в сторону; затем направляются к непотухшему огню и закуривают трубки. Тем временем мы надеваем на себя оружие и садимся на верховых лошадей; казаки, с трубками во рту, спешат садиться на своих верблюдов. Караван выстраивается и трогается в путь, в порядке уже описанном в первой главе.

Движение в пути. Выходим мы с места ночлега обыкновенно на восходе солнца. Средний переход занимает около 25 верст—иногда меньше, иногда немного больше. В удобных для себя местах, т. е. вообще в равнинах пустыни, верблюд, с вьюком в десять пудов, идет, средним числом, 4½ версты в час. Но если принять во внимание нередкие остановки, чтобы поправить искривившийся вьюк, или привязать оторвавшегося верблюда, или помедлить на дурном спуске и подъеме в каком-нибудь неожиданно встретившемся овраге, то можно положить время от 6 до 7 часов, необходимое на переход от одного бивуака к другому. Весь этот путь едешь шагом, вперемежку с пешим хождением. Нередко приходится также слезать с лошади для засечек главного пути и более важных боковых предметов буссолью, которая для простоты и удобства держится при этой работе прямо в руках без штатива. Результаты таких засечек, как вообще вся съемка, заносятся сейчас же в небольшую записную книжечку, которая постоянно имеется в кармане и в которой отмечается все наиболее важное и необходимое в виду самого предмета. По приходе на бивуак из таких заметок составляется дневник, записывается что нужно в отделах специальных исследований, а съемка переносится на чистый планшет. Дорогою мы также собираем для коллекции растения, ловим ящериц, а иногда и змей, стреляем попадающихся зверей и птиц. Впрочем, все это делается мимоходом, так как долго медлить нельзя. Только иногда случается увлечься преследованием какой-нибудь раненой антилопы или, встретив большое стадо тех же антилоп, пустить в них залп из всех наличных берданок.

Первый десяток верст пути всегда проходит как-то незаметно; но на втором десятке, в особенности к его концу, начинает уже чувствоваться

---

[1] Для измерения температуры на восходе солнца, взамен ночного показания минимального термометра.

небольшая усталость, тем более, что в это время обыкновенно наступает жара или поднимается буря. Разговоры в караване также смолкают; даже верблюды и лошади идут лениво, апатично. Чаще повторяется спрос у проводника: далеко ли до места остановки?—и не один раз бранят того же проводника за его бестолковые ответы.

Но вот, наконец, показывается вдали желанное место—колодец или ключ, возле которого иногда бродит монгольское стадо, ожидая водопоя. Оживляются тогда силы всего каравана: быстрее пойдут верблюды, вскачь побегут собаки к воде, рысью еду и я туда выбирать место для бивуака. Дело это привычное, тем более что и выбирать в пустыне обыкновенно не из чего. Смотришь только, чтобы место остановки не было каменисто или не чересчур загрязнено скотом и чтобы поблизости нашлось хотя сколько-нибудь травы для наарканенных на ночь верховых лошадей.

Устройство нового стойбища. Через несколько минут является к колодцу весь караван. В три ряда укладываются три эшелона вьючных верблюдов. Их быстро развьючивают; затем отводят немного в сторону и связывают попарно, чтобы перед покормкою дать выстояться часа полтора или два. Тем же способом связываются и верховые лошади. Затем устанавливаются две палатки: одна для нас, другая для казаков. Если жарко, то эти палатки покрываются сверху войлоками, а задняя их половина приподымается, чтобы продувал ветерок.

В нашу палатку вносятся наши ружья, револьверы, постель, а также два ящика с дневниками, инструментами и другими ценными или необходимыми вещами. Все это раскладывается известным, раз определенным образом: постельный войлок расстилается посредине палатки, между двух вертикальных стоек, ее поддерживающих; к задней из этих стоек, где у нас изголовье, складываются подушки и одеяла; по другую сторону той же стойки, т. е. в самой задней половине палатки, также на разостланном войлоке, укладывается оружие, патронташи, охотничьи сумки, вынутые из ящиков дневники и другие мелочи. Тут обыкновенно просушиваются и препарированные птицы; растения же для гербария сушатся на солнце, на войлоках, разостланных вне палатки. В казачью палатку также вносятся ружья и револьверы, патронташи к тем и другим и постельные войлоки, которые вместе с тем служат вальтрапами под седлами верховых верблюдов. Впрочем, летом казаки всегда предпочитали спать вне своей палатки.

Продовольствие и ежедневные занятия. Пока совершается вся вышеописанная процедура установки бивуака, казак, заведывающий кухней, наскоро разводит огонь и варит чай. Топливом, как и везде почти в пустыне, служит сухой помет домашних животных, называемый монголами аргал. Лучшим считается аргал рогатого скота, затем верблюжий и лошадиный; при нужде употребляется и бараний. Зажигать подобное топливо нужно с уменьем, тогда оно горит хорошо.

Едва ли какой-либо гастроном ест с таким аппетитом разные тонкости европейской кухни, с каким мы принимаемся теперь за питье кирпичного чая и за еду дзамбы с маслом, а за неимением его—бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах сальных свечей, но путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфорт, даже при больших материальных средствах, здесь невозможен: никакие деньги не переменят соленой воды пустыни на пресную,

не уберегут от жаров, морозов и пыльных бурь, от грязи, а иногда и паразитов. В самом себе должен искать путешественник сил для борьбы со всеми этими невзгодами, а не стараться избавиться от них разными паллиативными мерами.

Во время чаепития, заменяющего завтрак, обыкновенно являются к нам ближайшие монголы, которые тотчас же заводят знакомство, а иногда и дружбу с нашими казаками. Эти последние, живя в Забайкалье, по соседству Монголии, почти все говорят по-монгольски и до тонкости знают обычаи монголов. В тех местах, где возле нашего бивуака кочевников встречалось побольше, посетители обыкновенно приходили и приезжали целыми толпами и невыносимо надоедали своим нецеремонным любопытством. Нередко приходилось чуть не силою выпроваживать подобных гостей или, как мы их называли, «зрителей», так как сами они на вопрос: зачем пришли? обыкновенно давали один и тот же ответ: «смотреть на вас». Впрочем, монгольские зрители вели себя далеко не так нахально и вдесятеро меньше надседали, чем китайцы в тех городах, которые нам приходилось посещать.

Окончив чаепитие и утолив голод, все принимаются за работы. Одни казаки идут собирать аргал; другие, которым сегодня очередь пасти караванных животных[1], возятся около верблюдов; третьи обдирают зарезанного на обед барана. В нашей палатке также все заняты: я перевожу на чистый планшет сегодняшнюю съемку и пишу на свежую память дневник, Роборовский рисует, Эклон и Коломейцев препарируют убитых дорогою птиц. В час пополудни делается третье метеорологическое наблюдение[2], а затем можно, в ожидании обеда, отдохнуть, если не слишком жарко. Тем временем казаки расседлывают, поят и пускают на покормку верблюдов и лошадей; с ними отправляются два человека с винтовками за плечами. Свободные же люди каравана теперь также отдыхают, улегшись в тени между большими багажными ящиками.

Наконец обед готов. Он всегда один и тот же: суп из баранины с рисом или просом, изредка финтяузою и гуамяном. Иногда казак-повар, желая устроить сюрприз, сделает лапшу из запасной пшеничной муки или напечет в золе лепешек из той же муки; случается, обыкновенно на дневках, что мы сделаем себе пирожков или сварим рисовую кашу. После удачной охоты обыкновенно жарится дичь или, в редких случаях рыболовства, варится уха из пойманной рыбы. Словом, мы никогда не пропускали случая полакомиться тем или иным способом. Только случаи эти в пустыне, к сожалению, представляются довольно редко; в горах же или на реке в этом отношении гораздо привольнее.

Зато баранина, которой главным образом приходится продовольствоваться путешественнику в Монголии, всегда бывает превосходного качества, а главное никогда не надоедает, подобно другому мясу, даже дичине. Ну и поедали же мы этой баранины во время путешествия! Каждый день уничтожался целый баран, который дает средним числом полтора пуда мяса. Нередко к такому барану еще делались приложения в виде застреленных фазанов, уток, гусей или куропаток. Теперь мне даже самому не верится, как мог быть у нас такой волчий аппетит.

Когда велено подавать обед, тогда один из прислуживающих при нас казаков[3] приносит нам часть мяса и супа. Мы обедаем отдельно вчет-

[1] Для такой цели ежедневно назначались по два казака.
[2] Первое—на восходе солнца; второе—в 7 часов утра во время пути.
[3] При нас постоянно находились один из солдат и один из казаков.

вером[1] в своей палатке; казаки же, переводчик и проводник едят обыкновенно возле огня на кухне. Там у них свое общество и свои беседы. Иногда к обедающим казакам пристраивается тот или другой из посетителей монголов, которые всегда рады полакомиться куском жирной баранины. Впрочем, подобное угощение казаки производили обыкновенно не даром. Смотришь—после еды, обедавший монгол снаряжен таскать воду, собирать аргал, или послан пригнать разбредшихся верблюдов.

Завершив всегда чаем свою обеденную трапезу, мы отправлялись на экскурсии или на охоту. Если поблизости стоянки водились звери, то на охоту отпускались также и казаки. Почти все они весьма любили это удовольствие, поэтому охотились поочередно. Впрочем, в самой пустыне зверей вообще мало, так что в подобной местности лишь изредка удавалось добыть антилопу хара-сульту, шкура которой поступала в коллекцию, а мясо отправлялось на кухню. Зато в привольных для дичи местах—в горах, луговых степях, по рекам, или озерам—наши охоты иногда бывали баснословно удачны.

Возвратясь перед закатом солнца к своему стойбищу, мы укладывали в листы пропускной бумаги собранные растения, клали в спирт пойманных ящериц или змей и наскоро обдирали убитых птиц, если случалось добыть более редкие экземпляры.

Между тем наступают сумерки и караванные животные пригоняются к бивуаку. Здесь их снова поят; затем лошадей привязывают на длинных арканах (для покормки) немного в стороне от бивуака; верблюдов же, расседланных днем, опять седлают и, уложив в два ряда, мордами друг к другу, привязывают бурундуками[2] к общей веревке. На кухне разводится потухший огонь и снова варится чай. Этим чаем, с приложением дзамбы и изжаренной дичины или, чаще, оставшейся от обеда баранины, мы ужинаем. Потом вывешивается для вечернего наблюдения термометр, и, в ожидании его показания, мы болтаем с казаками у огня. Наконец в нашей палатке зажигается стеариновая свеча[3], записываются по раз принятой форме метеорологические наблюдения—и тем оканчивается работа дня. Расстилаются один на другом два войлока, в изголовье кладутся кожаные подушки, и мы втроем ложимся рядом, покрывшись, если не жарко, своими одеялами. Казаки летом обыкновенно спали вне палатки, возле багажа; укладывались попарно, чтобы экономить для подстилки войлок, а в холодную погоду—для тепла. Каждую ночь наряжался дежурный казак, который спал, не раздеваясь. На его обязанности лежало: по временам осматривать бивуак, а утром вставать раньше всех и варить чай. В опасных от воров или разбойников местах, как например, в Тибете, на Желтой реке и на оз. Куку-норе, ночью поочередно дежурили на часах казаки, на две или на три смены, смотря по состоянию погоды и времени года. Но всегда, в течение всей экспедиции, мы и казаки спали, имея возле себя оружие. Так мною было заведено с самого начала путешествия по пословице, что «береженого и бог бережет». Мы же в большой части случаев не могли рассчитывать на доброжелательство местного населения.

---

[1] Я, Эклон, Роборовский и препаратор Коломейцев.

[2] Бурундуком называется тонкая веревочка, заменяющая для верблюда повод и привязанная к деревянному костыльку, продетому сквозь ноздри животного ([22]).

[3] Таких свечей в экспедиции полагалось по одной на неделю.

После того как все улягутся, несколько времени еще слышатся разговоры и смех; но мало-помалу они стихают, и через полчаса все уже спят здоровым, крепким сном.

Двойные переходы, дневки. Когда предстоял большой безводный переход, что, впрочем, случалось довольно редко, тогда мы разделяли его пополам и в средине останавливались часа на два. Иногда же, чтобы избавиться от сильной жары или осенью при коротких днях, мы выступали с места после полудня и ночевали, пройдя половину пути или немного более; другая половина приходилась на следующий день. Воду брали с собою в запасных бочонках. Если же их оказывалось недостаточно, то запасали еще воду в бурдюках, сделанных из свежих шкур убитых для еды баранов.

На дневках или при более продолжительных остановках в удобных для естественно-исторических исследований местностях порядок нашей жизни несколько изменялся. Тогда, вставши с рассветом и напившись чаю, мы отправлялись на экскурсии или на охоту и проводили так время часов до десяти утра. Затем обедали; после обеда час или два отдыхали. Потом каждый принимался за свою работу до вечера, смотря, впрочем, по имевшимся материалам. На дневке обыкновенно окончательно укладывались препарированные птицы и высушенные растения, писались специальные заметки о том или о другом и вообще очищались все накопившиеся работы. Казаки на тех же дневках, помимо охоты, занимались починкою своей или нашей одежды и обуви, верблюжьих седел и вьючных принадлежностей; иногда подковывали и расковывали лошадей или подшивали кожею протершиеся пятки верблюдов. Одним словом, для казаков и для нас в течение всего путешествия вдоволь было работы.

Зимою процедура нашей походной жизни в общем оставалась та же, что и летом, только палатка заменялась войлочною юртою, да и то не для казаков, так как другой юрты негде было достать[1].

Вернемся снова к путешествию.

Баркульская равнина. Равнина, в которую мы вышли близ города Баркуля, лежит между восточною оконечностью Тянь-шаня и другим параллельным ему хребтом, который называется монголами Мачин-ула. Эти горы ниже Тянь-шаня, хотя все-таки довольно высоки, так как во второй половине мая еще были покрыты местами снегом, даже на южном склоне.

В восточной своей части Баркульская равнина, протянувшаяся верст на 100, значительно уже, нежели в западной половине, где лежит невдалеке от г. Баркуля обширное соленое озеро того же названия. Это озеро, по словам местных жителей, имеет в окружности около 50 верст. Берега его состоят из тонких солончаков; в средине же залегает хорошая осадочная соль. С запада в названное озеро впадает небольшая речка Ирды-хэ, которая протекает большую часть описываемой равнины. Почва этой последней глинистая, частью солончаковая, но вообще плодородная, в особенности в западной половине. Здесь везде превосходные пастбища, живо напоминающие лучшие места центрального Тянь-шаня, как, например, Юлдус. Кроме

---

[1] Подробности о нашей зимней жизни будут изложены при описании пути по Северному Тибету в главах X, XI, XII и XIII; также см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 331—334 [в новом издании 1946 г. стр. 269—271].

того, в Баркульской равнине, несмотря на то, что она имеет больше 5000 футов абсолютной высоты, хорошо родятся различные хлеба — ячмень, пшеница, просо и др., поэтому здесь прежде местами жило довольно много китайцев. Но магометанское или, как его обыкновенно называют, дунганское восстание, пронесшееся в начале шестидесятых годов ураганом по всему Западному Китаю[1], оставило и здесь памятные следы своего неумолимого разрушения. Все китайские деревни были разорены дотла инсургентами; уцелел лишь г. Баркуль. Ныне все это быстро восстанавливается, и окрестности названного города во время нашего посещения были уже достаточно заселены. Переселенцы являются сюда из Гань-су и других провинций Внутреннего Китая; нередко они приходят пешими с киркою в руках и мешком пожитков за плечами.

Город Баркуль. Самый Баркуль нам посетить не удалось. Туда послан был только переводчик Абдул Юсупов и с ним один из казаков сделать кой-какие покупки и предъявить наш пекинский паспорт для дальнейшего пути. Главным лицом в описываемом городе в это время был некий Чжен-тай, который принял наших посланцев не особенно дружелюбно, однако же согласился дать проводника до Хами. Покупок посланные сделали очень мало, так как дороговизна на все, в особенности на съестные продукты, стояла страшная. Она обусловливалась малым местным производством этих продуктов и большим на них спросом для китайских войск. Последних в Баркуле в это время было много — частью гарнизоны, частью отряды, направлявшиеся к Кульдже.

С места нашей стоянки возле деревни Сянто-хауза Баркуль был виден довольно хорошо. Расположен он под самым Тянь-шанем и весьма обширен. Состоит из двух частей: военной и торговой. Каждая из них обнесена высокою глиняною стеною; но внутри этих стен немало также пустырей и развалин. В торговом городе много лавок с товарами, привозимыми главным образом из Пекина. Основан Баркуль китайцами в 1731 году и до последнего дунганского восстания принадлежал в административном отношении, вместе со своим округом, к провинции Гань-су [ныне к Синь-цзяну][2].

Дальнейшее наше движение. На другой день после того, как наши посланные съездили в Баркуль, к нам явился проводник и шестеро солдат, назначенных провожать нас до Хами. Хотя нам и объяснили, что конвой из солдат означает почет, но для нас лично стократ покойнее и приятнее было бы следовать с одним только проводником. Солдаты составляли лишнюю обузу и невыносимо надседали своим наглым любопытством и попрошайничеством. Притом, имея постоянно возле себя стольких соглядатаев, я не мог, как до сих пор при одном вожаке, делать съемку[3], которую необходимо производить секретно, ибо на это дело весьма подозрительно, даже враждебно, смотрят как китайцы, так и в особенности туземцы Центральной Азии.

---

[1] Магометанское восстание в Западном Китае вспыхнуло, как известно, в начале шестидесятых годов и окончательно было подавлено лишь в 1878 году после покорения китайцами Кашгарского царства Якуб-бека.

[2] Туда же относился и город Урумчи с округом.

[3] К счастью, местность от Баркуля до Хами была снята раньше капитаном Матусовским в 1875 году и поручиком Рафаиловым в 1877 году(23).

Тронувшись в путь, мы сделали первый переход только в 12 верст по случаю сильного дождя, падавшего по временам со снегом. Температура в полдень упала до +8,8°; на Тянь-шане снег укрыл все горы до самой их подошвы. Высокое поднятие местности давало себя чувствовать и малым развитием растительной жизни: весенние посевы хлебов только что начинали зеленеть, а листья на тополях, несмотря на 20 мая, развернулись лишь в половину.

На следующий день необходимо было сначала обождать, пока просохнет грязь, по которой почти вовсе не могут ходить верблюды—они скользят и падают. Затем, выступив перед полуднем, мы вышли к концу дня на большую колесную дорогу, которая пролегает вдоль всей северной подошвы Тянь-шаня.

Дороги вдоль Тянь-шаня. Это так называемая северная дорога—бэй-лу по-китайски. Другая такая же дорога пролегает вдоль южной подошвы того же Тянь-шаня и известна под названием нань-лу, т. е. южной дороги. Обе они ведут из Хами на крайний запад китайских владений: северная дорога, перевалив Тянь-шань, направляется на Баркуль, Гучен, Урумчи, Манас, Шихо, Джинхо и далее через Талкинское ущелье, в Кульджу; южная же дорога из Хами идет на Пичан, Турфан, Карашар, Курлю, Куча, Бай, Аксу в Кашгар. Тот и другой пути существовали с глубокой древности[1], но были вновь устроены во второй половине прошлого столетия при императоре Цун-люне, после окончательного завсевания китайцами Чжунгарии и Восточного Туркестана. Впрочем, особенных работ на улучшение этих дорог не требовалось, так как сама местность, обыкновенно ровная, с почвою из твердой глины или щебня дает возможность почти везде удобно проехать на колесах. Северный путь только на двух перевалах—через Тянь-шань у Хами и близ оз. Сайрам ущельем Талки—представляет естественные препятствия; на пути южном подобных препятствий не имеется. Сами дороги и теперь не лучше наших обыкновенных проселочных(24). На известных расстояниях устроены почтовые станции, в виде тесных и грязных глиняных помещений как для людей, так и для животных. На этих станциях, со времени последних военных действий, помещались китайские пикеты.

Прелестная стоянка. Третий переход привел нас к перевалу через Тянь-шань. Хребет этот в последние два дня нашего пути крутою стеною тянулся невдалеке вправо и соблазнительно манил своими темнозелеными лесами; но конвойные солдаты всячески старались помешать нам завернуть в горы. Наконец теперь, когда стоянка выпала возле самых этих гор, мы не послушали проводников, свернули с дороги немного в сторону, в лес, и разбили там свое стойбище.

Трудно передать радостное чувство, которое мы теперь испытывали. Вокруг нас теснился густой лес из лиственниц только что распустившихся и наполнявших воздух своим смолистым ароматом; вместо солончаков явились зеленые луга, усыпанные различными цветами, всюду пели птицы... В таком благодатном уголке решено было передневать. Это решение объявлено нашим провожатым таким тоном, что они рассудили лучше не перечить и уехали на ближайший пикет, чем, конечно, помимо своего желания, несказанно нас обрадовали. Остаток дня и весь следующий

[1] Устроены еще были при династии Хань, в первых двух веках нашей эры. «Землеведение Азии», Риттера, перев. Семенова, т. II, стр. 54.

день были посвящены экскурсиям и охоте. Нового и интересного встретилось много. К сожалению, мы не могли остаться здесь подольше, но должны были спешить в Хами по приглашению тамошнего амбаня (губернатора), от которого явились сюда к нам посланцы.

После дневки в один прием мы перешли через Тянь-шань: поднялись на перевал и спустились по южному склону до выхода из гор в Хамийскую пустыню.

Теперь о пройденном Тянь-шане.

Пройденный Тянь-шань. В крайней восточной части этот хребет теряет свою характерную черту—расширение высокими плоскогорьями—и превращается в узкую гряду, не более 25—30 верст в поперечнике. Но грандиозный характер исполинского хребта все еще сохраняется: его гребень и вершины уходят в облака, местами за снеговую линию, а боковые скаты круто обрываются к югу, в Хамийскую пустыню, и еще круче на север, в Баркульскую равнину.

Здесь, т. е. к стороне равнины Баркульской, Тянь-шань стоит высокой, чуть не отвесной стеною. Бока его изборождены короткими, узкими и скалистыми поперечными ущельями; долин нет вовсе и вообще характер гор дикий, вполне альпийский. Гребень хребта поднят так высоко, что отдельные вершины, даже самые большие, мало выдаются над общею массою гор. Эти последние переходят за снеговую линию[1] только в крайней восточной группе, лежащей восточнее перевала к Хами и называемой китайцами Баши-дао [Баркуль-даван]. Названною группою высокий Тянь-шань и оканчивается. Но, по сообщению местных китайцев, на продолжении описываемого хребта еще далеко тянутся к юго-востоку невысокие горы, которые теряются в пустыне в двух днях пути севернее города Су-чжеу([25]).

Леса северного склона. Подножия северного склона Тянь-шаня луговые, но приблизительно от 6 000 футов абсолютной высоты появляются хвойные леса (лиственных здесь нет) и сразу густо одевают собою горные склоны. Эти леса поднимаются вверх до 9 000 футов[2], затем, как обыкновенно в высоких горах, следует луговая альпийская область. Она была посещена нами лишь мимоходом; леса же исследованы несколько подробнее. Нижний пояс этих лесов состоит почти исключительно из сибирской лиственицы (Larix sibirica), достигающей средних размеров—футов 40—50 высоты, при толщине ствола в один, редко в два фута. Немного повыше является, также невысоким (25—40 футов) деревом, ель (Abies Schrenkiana)[3], которая чем далее вверх, тем чаще встречается, хотя нигде исключительно не преобладает. По дну ущелий, впрочем лишь в самых их устьях, изредка попадается тополь (Populus sp.). Других древесных пород в этой части Тянь-шаня нет.

[1] Высота снежной линии восточного Тянь-шаня от меридиана Кульджи была определена до сих пор только однажды подполковником Певцовым 16 июля 1876 года на горе Богдо-ула близ Гучена. Полученная цифра равняется 12 100 футов. «Записки Западно-Сибирского отдела Географического общества», книжка 1, стр. 60.

[2] По определению подполковника Певцова (там же, стр. 59 и 61), верхний предел хвойных лесов на северном склоне Богдо-ула лежит на высоте 9 500 футов, а нижний—5 500 футов. В центральном Тянь-шане, при следовании из Кульджи на Лоб-нор в 1876 году, нижний предел хвойных лесов найден был мною на р. Цанма на абсолютной высоте 6 000 футов, а верхний—8 000 футов или немного более. «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 6 [в новом издании 1947 г. стр. 29—30].

[3] Оба дерева—лиственица и ель—встречались нам лишь средних размеров, вероятно потому, что здешние леса издавна опустошаются китайцами. Судя по оставшимся пням, здесь некогда росли лиственицы более 3 футов в диаметре ствола.

Киргиз Мирзаш Алдиаров

Кустарники, как обыкновенно в горах, всего лучше развиваются в ущельях, на дне которых бегут по гранитным валунам быстрые, светлые ручьи. На их берегах, хотя узкой, но густой каймой, растут два вида жимолости (Lonicera microphylla var. Sieversiana, L. hispida), желтоцветный шиповник (Rosa pimpinellifolia), таволга (Spiraea hypericifolia), лоза (Salix sp.), реже крыжовник (Ribes aciculare) и черная смородина (Ribes nigrum). Те же кустарные породы встречаются и в самых лесах, в нижнем их поясе, но только не бывают здесь густо скучены. Сверх того, в лесах растут: рябина (Sorbus aucuparia), шомпольник (Cotoneaster vulgaris), вьюнец (Atragene alpina var. sibirica), обыкновенный можжевельник (Juniperus communis) и на открытых площадках можжевельник казачий (Juniperus Sabina); последний, впрочем, преобладает в альпийской области южного склона Тянь-шаня. В верхнем поясе лесов обширные площади деревьев истреблены пожарами. В подобных местах обгорелые деревья навалены в таком хаосе, что человеку, да, пожалуй, иногда и зверю, невозможно пробраться.

Травянистая флора описываемых лесов весьма разнообразна, но в конце мая многие травы еще не расцвели. Украшением лесных лужаек в это время служили: великолепный желтый касатик (Iris Bloudowi), голубой прострел (Pulsatilla vulgaris), мелкая голубая фиалка (Viola sylvestris var. rupestris) и незабудка (Myosotis sp.); на сырых местах—первоцвет (Primula sibirica), водосбор (Aquilegia sibirica), желтоголовник (Trollius asiaticus), анемон (Anemone sylvestris) и пионы (Paeonia anomala); последние только что начинали цвести.

В альпийской области гор цвели пока еще немногие виды: лютик (Ranunculus affinis), тюльпан (Tulipa uniflora), тот же, что и в пустыне Чжунгарской, голубой прострел (Pulsatilla vulgaris), Callianthemum rutaefolium—часто рядом с нерастаявшими пластами зимнего снега.

Их фауна. Животная жизнь лесов северного склона Тянь-шаня не слишком разнообразна. Из крупных зверей здесь водятся в изобилии маралы (Cervus sp.), но нет косуль, столь обыкновенных в лесах центральной и западной частей того же хребта; говорят, что нет также и медведей. В альпийской области живут аркары и дикие козлы, или тэки (Capra sp.); но ни тех, ни других видеть нам не удалось. Из птиц всего более попадались пеночки (Phyllopneuste viridana?), пискливый голос которых слышался в течение целого дня; затем обыкновенны были синицы (Parus piceae?), славки (Sylvia cinerea), красные вьюрки (Carpodacus erythrinus) и овсянки (Emberiza pithyornus); изредка слышался голос нашей кукушки (Cuculus canorus). В верхнем поясе лесов часто встречались: трехпалый дятел (Picoides tridactylus), огненнолобый вьюрок (Serinus ignifrons) и ореховка (Nucifraga caryocatactes); реже—дубонос (Mycerobas carnipes), дрозд деряба (Turdus viscivorus), поползень (Sitta uralensis) и горлица (Turtur auritus).

Перевал. Подъем на перевал через Тянь-шань с северной стороны тянется около 5 верст и сравнительно весьма удобен по своему природному характеру; только близ самого гребня хребта вырыты в крутом скате искусственные аппарели[1]. На высшей точке перевала, называемого Кошёты-дабан, при абсолютной высоте, по моему барометрическому определению, в 8 700 футов[2], выстроена небольшая кумирня и фанза для отдыха.

[1] [Въезд, спуск с военного укрепления].

[2] По барометрическому определению Матусовского абсолютная высота этого перевала 8 980 футов.

Отсюда открывается отличный вид на Баркульскую равнину, но Хамийская пустыня заслонена горами. Во время нашего прохода (24 мая) снег еще лежал в верхнем поясе гор и отдельными пластами спускался футов на 600—700 ниже перевала как на северном, так и на южном его склонах. Леса снизу поднялись до самого перевала.

Южный склон. Южный склон описываемой части Тянь-шаня втрое длиннее северного; притом горы здесь еще более дики, более изборождены ущельями, гораздо беднее лесами и, в общем, бесплоднее. Всего от высшей точки перевала до выхода в Хамийскую пустыню 18 верст. Первые 6—7 верст спуск довольно пологий и местность луговая. Затем начинается ущелье, весьма узкое, с боков же обставленное громадными скалами сначала зеленоватого глинистого сланца, потом кремнистого глинистого сланца, а в нижней части крупно-зернистого гранита. Для проложения здесь колесного пути требовалось много работы; нередко приходилось пробивать дорогу в боковых скалах. Впрочем, здешняя дорога весьма дурная и притом настолько узкая, что две встречные телеги только кой-где могут разъехаться. Наклон местности крутой; разница между высшею точкою перевала и выходом из гор составляет около 3 300 футов.

Леса по горам, окрестным описываемому ущелью, несравненно беднее, чем на северном склоне Тянь-шаня. Лиственица спускается только на 1 000—1 500 футов ниже перевала; далее следует одна ель, да и то лишь до 7 000 или до 6 500 футов абсолютной высоты. Отсюда, вниз по берегу протекающей ущельем речки, появились опять желтоцветный шиповник, золотарник, лоза (Salix sp.) и новые кустарники: ломонос (Clematis orientalis, C. songarica var. integrifolia), Cotoneaster multiflora, Dodartia orientalis. Из трав в том же ущелье, в особенности ближе к его устью, найдены были цветущими многие виды, не встреченные нами на северном склоне Тянь-шаня[1], а именно: черенковый ревень (Rheum rhaponticum), бузульник (Ligularia macrophylla), медовая трава (Pedicularis comosa), альпийский мак (Papaver alpinum), касатик (Iris ensata), подмаренник (Galium verum), герань (Geranium collinum), Dracocephalum nutans, Parrya stenocarpa; на мокрых местах возле ключей: прикрыт (Aconitum Napellus), дягиль (Archangelica sp.), гулявник (Sisymbrium brassicaeformae), ятрышник (Orchis salina) и др. На устье ущелья, в наружной окраине гор, найдены свойственные уже пустыне: Convolvulus Gortschakowii, Gymnocarpos Przewalskii, Lagochilus diacanthophyllus, Marrubium lanatum, Arnebia guttata.

Зверей при спуске с Тянь-шаня мы не видали. Из птиц, кроме прежде названных, вновь были замечены: ягнятник (Gypaetus barbatus), каменная куропатка (Caccabis chukar), каменный дрозд (Petrocincla saxatilis), горная завирушка (Accentor montanellus), индейская пеночка (Phyllopneuste indica), водяная щеврица (Anthus aquaticus), горихвостка (Ruticilla phoenicura), стренатка (Emberiza cioides) и ласточка (Chelidon lagopoda).

В общем хотя южный склон Тянь-шаня близ Хами бесплоден, но далеко не в такой степени, как тот же склон того же хребта в его центральной части, при спуске с Юлдуса в Карашарскую равнину[2]. Вероятно, здесь,

[1] Весьма вероятно, что многие из нижепоименованных видов растут и на северном склоне Тянь-шаня, но во время нашего там пребывания еще не цвели или не найдены по кратковременности экскурсий.

[2] Где я проходил дважды: в октябре 1876 года и в мае 1877 года, при следовании на Лоб-нор и обратно.

близ Хами, и на южном склоне Тянь-шаня кой-где падают водяные осадки, задержать которые сполна, подобно Юлдусу, не может узкий северный склон описываемых гор.

Переход до Хами. Спустившись с Тянь-шаня, остановились ночевать возле китайской станции Нан-шань-кэу [Нань-шань-ку или Хашутэ-караул], лежащей при выходе из гор и состоящей из нескольких грязных лачужек. Сюда вновь явились посланные хамийского губернатора с приглашением спешить в Хами, для какой цели—нам не объясняли. Между тем, важно было хотя передневать близ упомянутой станции, чтобы сколько-нибудь обследовать окрестные горы. Но к нам так неотступно приставали с просьбою спешить, что я принужден был отказаться от дневки; только утром следующего дня мы успели сходить на кратковременную экскурсию[1]; затем, в сопровождении толпы солдат и китайского офицера, двинулись далее. Пройдя полпути, остановились ночевать, среди совершенно бесплодной равнины, которая покато спускается к югу от подножия Тянь-шаня; назавтра, наконец, добрались до Хами. От Зайсана пройдено было 1 067 верст.

---

[1] На этой экскурсии добыт был весьма крупный (более фута длиною) экземпляр ящерицы (Stellio sp.), к сожалению, разбитой выстрелом, так как поймать ее между камнями было невозможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОАЗИС ХАМИ И ХАМИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ

[*27 мая/8 июня—12/24 июня 1879 г.*]

Общие условия образования оазисов Центральной Азии.—Описание оазиса Хами.—Туземцы.—Стратегическое и торговое значение Хами.—Наше там пребывание.—Осмотр города.—О китайских войсках.—Их безобразное состояние.—Сборы в дальнейший путь.—Выступление.—Топографический рельеф Хамийской пустыни.—Ее ужасающая дикость.—Памятный ночной переход.—Станция Ку-фи.—Горы Бэй-сянь.—Кое-что о переходе через пустыню.—Река Булюнцзир.—Прибытие в оазис Са-чжеу.

Знаменитый с глубокой древности оазис Хами, или Комул, составляет крайний восточный пункт той группы оазисов, которые тянутся вдоль северной и южной подошвы Тянь-шаня. Такие же оазисы сопровождают западное подножие Памира и прерывчатою цепью являются вдоль Куэн-люня [Куэн-луня], Алтын-тага и Нань-шаня, словом, вдоль всей северной ограды Тибетского нагорья. Эти разбросанные уголки намечают собою в громадной центральноазиатской пустыне те места, где возможна оседлая, земледельческая жизнь, которая действительно и водворилась здесь с незапамятных времен.

Горные хребты, вдоль которых исключительно расположены оазисы Центральной Азии, обусловливают собою как их происхождение, так и дальнейшее существование. Со снеговых вершин этих хребтов бегут более или менее значительные речки, которые выносят к подошвам своих родных гор вымытую с них же плодородную землю и, осаждая здесь ее в течение веков, накопляют пригодную для культуры почву. Этим путем, а также орошением уже готовых подгорных лёссовых залежей образовались все оазисы, которые и ныне продолжают орошаться и оплодотворяться теми же горными речками. Последние обыкновенно разводятся жителями по полям на множество мелких канав, так называемых арыков, и не выходят за пределы оазиса; только более крупные реки выбегают дальше в пустыню. Но везде в оазисах, как и во всей Внутренней Азии, лишь щедрое орошение пробуждает на здешнем жгучем солнце богатую растительную жизнь. Сплошь и кряду можно видеть по одной стороне оросительного арыка прекрасное хлебное поле или фруктовый сад, а по другой,

тут же рядом, оголенную почву, которая протянулась иногда на многие десятки верст.

Таким образом центральноазиатские оазисы, площадь которых даже вместе взятых очень невелика сравнительно с пространством всей Гоби, являются как бы островами в обширном море пустыни. Эта пустыня непрерывно грозит им гибелью от своих сыпучих песков, от всей страшной засухи. Только заботливая рука человека бережет, да и то не всегда успешно, те плодородные зеленеющие уголки, которые, словно иной, отрадный мир, являются перед истомленным путником...

Описание оазиса Хами. К таким счастливым уголкам пустыни принадлежит и оазис Хами. Он расположен в 40 верстах от южной оконечности Тянь-шаня, с которого орошается небольшою речкою; абсолютная высота местности падает здесь до 2 600 футов[1].

В сущности, описываемый оазис не оправдывает своей исключительной славы и ничем не лучше некоторых других оазисов Центральной Азии. В сравнении же с недавно уступленным нами китайцам Кульджинским краем, оазис Хами не более как маленькое поле. Впрочем, Илийский, или Кульджинский край—это перл в Центральной Азии, и не даром так много и долго хлопотали за него китайцы(26).

Собственно Хамийский оазис, т. е. местность, орошенная и, следовательно, удобная для возделывания, занимает небольшое пространство — верст на 12—15 с востока на запад и еще менее того, с севера на юг. Почва здесь глинисто-песчаная, весьма плодородная. Хлеба (пшеница, просо, ячмень, овес, горох) родятся очень хорошо[2], равно как огородные овощи, арбузы и дыни. В особенности славятся последние, так что некогда их посылали в Пекин ко двору. В конце мая хлеба уже колосились; арбузы и дыни начинали цвести.

Деревьев и садов в Хамийском оазисе теперь нет[3]. Все они истреблены во время магометанской инсуррекции; что уцелело от дунган, то докончили потом китайские солдаты. Между тем в прежние времена садоводство находилось здесь в цветущем состоянии. Ныне же всюду видны лишь разоренные деревни, которые, впрочем, начинают возобновляться переселенцами из Западного Китая. Полей же засеяно довольно много; засорившиеся арыки расчищаются; сады будут разведены впоследствии, и местность в недалеком будущем, вероятно, примет свой прежний вид. Ничто тогда не будет напоминать о страшной резне, которая здесь происходила(27). Так неоднократно случалось не в одном Хамийском оазисе, но и во всей Центральной Азии: уничтожались войнами целые народы; на их места оседали другие, которые, в свою очередь, были истребляемы впоследствии.

Некультурные флора и фауна Хамийского оазиса весьма бедны. В гербарий нами собрано было здесь только 37 видов цветущих растений. Из них наиболее обыкновенны: солодка (Glycyrrhyza glandulifera), сугак (Lycium ruthenicum), софора (Sophora alopecuroides), мышьяк (Thermopsis lanceolata), [буян] Sphaerophysa salsula, [вьюнок полевой] Convolvulus

---

[1] 3 150 футов по определению Матусовского анероидом и точкою кипения воды; на карте Северо-западной Монголии Рафаилова абсолютная высота Хами показана 2 810 футов. [Ныне принимается высота 740 м].

[2] В прежние времена в Хами процветало и скотоводство, в особенности разведение лошадей.

[3] Исключая магометанской части города Хами, в которой еще есть старые деревья и небольшие сады.

arvensis, [девясил] Jnula ammophila; реже попадаются [каперцы] Capparis herbacea; по окраине пустыни обильна дикая рута (Peganum harmala).

Крупных зверей в Хамийском оазисе нет вовсе. Птиц также мало; всего замечено нами 32 вида. Чаще других встречаются сопровождающие культуру: полевой воробей (Passer montanus), деревенская ласточка (Hirundo rustica) и хохлатый жаворонок (Galerida magna); реже—горлица (Turtur auritus), сокол-пустельга (Falco tinnunculus), коршун (Milvus melanotis), черногорлый чеккан (Saxicola atrogularis), саксаульный воробей (Passer timidus, n. sp.), полуночник (Caprimulgus sp.?) и желтоголовая плисица (Budytes citreola). В окрестной пустыне кишат ящерицы: Phrynocephalus—двух или трех видов, Eremias pylzowii [ящурка], Eremias sp. Teratoscincus keyserlingii [геккон], Gymnodactylus sp. [геккон]; нередки змеи—Taphrometopon lineolatum [стрела-змея], Eryx jaculus [степной удавчик]. Притом множество фаланг (Galeodes sp.), укушению которых, в иных случаях даже смертельному, легко подвергнуться. Не один раз мы ловили этих страшных пауков в своей палатке, даже в постели; к счастию, никто из нашего каравана укушен не был.

Туземцы. Коренные жители Хами—потомки древних уйгуров, смешавшихся впоследствии частью с монголами, частью с выходцами Туркестана. Все они магометане. По наружности весьма напоминают наших казанских татар. Сами себя называют, по крайней мере нам называли, таранча[1]. Китайцам те же хамийцы известны под именем чан-ту или хой-хой; впрочем, последнее название общее для всех мусульман Китая(28).

Национальная одежда хамийцев состоит из широкого цветного халата и особенной, надеваемой на затылок, шапки, имеющей форму митры. Эта шапка шьется из сукна или из бархата, красного или зеленого, и украшается вышивными цветами; сверху нее прикрепляется черная кисть. Подобный головной убор носят как мужчины, так и женщины. Последние вместо халата надевают длинный балахон, а поверх его кофту без рукавов. Чалмы хамийцы не носят. Некоторые из них, не исключая и женщин, надевают всю вообще китайскую одежду. Мужчины бреют головы; те же, которые состоят на службе, оставляют косу подобно китайцам. Женщины носят свои роскошные волосы опущенными на спину и заплетенными на конце в две косы после свадьбы и в одну до нее. Замуж выходят рано, иногда лет двенадцати. По своей наружности хамийки довольно красивы: все черноглазые, чернобровые и черноволосые, с отличными белыми зубами; роста среднего или, чаще, небольшого. К сожалению, они, по обычаю китаянок, нередко сильно румянят себе лицо. На улице ходят без покрывала и вообще пользуются большою свободою от своих мужей; поведения весьма легкого.

Управляются описываемые таранчи наследственным князем из местных ходжей. Князь этот получает от китайцев титул цзюнь-вана, т. е. князя 3-й степени. Во время нашего пребывания в Хами правительницею была жена старого вана, погибшего, как нам сообщили, в войне с дунганами. Эта ванша имела 54 года от роду. Под ее ведением состояло до 8 000 таранчей, значительная часть которых во время дунганской смуты разбежались из Хами в разные города Восточного Туркестана и ныне водворяются китайцами на прежние места. До дунганского восстания, в котором

[1] От слова «тара», т. е. пашня. Таранча, следовательно, означает вообще «землепашец». Под тем же названием известны в Кульдже таджики (туркестанские иранцы), выселенные сюда в прошлом столетии из Кашгара.

описываемые таранчи не принимали участия, число их много превосходило цифру нынешнюю. Влияние хамийских ванов на дела в Хами тогда было очень велико; но теперь вся власть находится в руках китайцев, к которым поступают и подати с таранчей. Сама же правительница получает из Пекина ежегодно 40 ямбов серебра[1] «на румяны», как хитро мотивируют китайцы это содержание.

Не знаю, насколько то верно, но, по словам нашего переводчика Абдула Юсупова, уроженца Кульджи, язык хамийских таранчей почти не отличается от говора таранчей кульджинских(29).

Стратегическое и торговое значение Хами. По своему положению Хамийский оазис весьма важен как в военном, так и в торговом отношениях. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая на города Са-чжеу и Ань-си, в Восточный Туркестан и Чжунгарию. Других путей в этом направлении нет и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении 380 верст от Ань-си до Хами[2], да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности. Справа же и слева от него расстилаются самые дикие части Гоби: к востоку песчаная пустыня уходит через Ала-шань до Желтой реки; к западу та же недоступная пустыня потянулась через Лоб-нор до верховьев Тарима[3].

Таким образом, Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшанским. Раз этот пункт будет занят неприятелем — вся китайская армия, находящаяся к западу, будет отрезана от источников своего снабжения, т. е. от собственно Китая. Для нее останется только весьма кружной и трудный северный путь через г. Улясутай, но и тот, конечно, будет занят неприятелем, наступающим с севера.

Трудно сказать, почему притяньшанские мусульмане, освободившись в начале шестидесятых годов от китайского владычества, не поняли всей важности стратегического значения Хамийского оазиса и не напрягли все свои силы, чтобы утвердиться в нем, как не сделал этого и умный Якуб-бек кашгарский, тем более, что из Турфана ему было уже недалеко до Хами. А между тем, доколе описываемый оазис находился бы в руках инсургентов, дотоле китайцы ничего не могли им сделать с этой стороны, несмотря на свое численное превосходство. Им пришлось бы вести свою армию через Улясутай, тратить многие месяцы времени и миллионы денег.

Не менее важно значение оазиса Хамийского и в торговом отношении. Через него направляются товары, следующие из Западного Китая в Восточный Туркестан и Чжунгарию, а также идущие отсюда в Западный Китай. Этот транзит еще более усилится, если только упрочится и разовьется, согласно недавно заключенному трактату, наша торговля в застенных владениях Китая. Тогда в густо населенных притяньшанских оазисах для нее найдется более широкое поприще, чем в пустынной Монголии. Притом весьма возможно, что путь через Хами и Су-чжеу ко внутренним

---

[1] 4 000 наших металлических рублей.

[2] Здесь собственно две параллельные дороги; обе для колесной езды.

[3] На верблюдах можно пройти в Хами с востока: из Ала-шаня через город Сого (близ озера того же имени) и от северного изгиба Хуан-хэ напрямик через Гоби(30). Но тот и другой пути весьма затруднительны для караванного движения; притом лежат в стороне от прямого сообщения внутренних провинций Китая с притяньшанскими землями.

провинциям Китая, как более короткий и пролегающий, кроме небольших исключений, по местностям населенным, сделается со временем важною артерией наших сухопутных сношений со Срединным государством. Но для этого прежде всего, конечно, необходимо, чтобы китайцы не на одной только бумаге, а в действительности желали вступить с нами в торговые сношения; затем чтобы с нашей стороны взялись за это дело люди опытные и солидные, но не аферисты, мечтающие лишь о быстрой наживе. Будущее, быть может недалекое, покажет, насколько оправдаются или поблекнут эти надежды(31).

Наше там пребывание. Придя в Хами, мы разбили свой бивуак в полутора верстах от города на небольшой лужайке, по которой протекал мелкий ручеек. На нем тотчас была устроена запруда, чтобы иметь возможность хотя кое-как купаться, а то сильная жара доходившая днем до + 35,8° в тени, давала сильно себя чувствовать, в особенности после прохладной, даже холодной, погоды, какую мы имели еще так недавно на высокой Баркульской равнине и в Тянь-шане.

Тотчас по приходе к нам явились китайские офицеры с приветствием от командующего войсками и военного губернатора в Хами, титулуемого чин-цаем. К этому титулу, или правильнее чину, китайцы прикладывали слово да-жень, т. е. «большой человек»; собственное же имя хамийского чин-цая было Мин-чун. Как обыкновенно в Китае, посланные осведомились, между прочим, о том, не имеем ли мы продажных товаров и привезли ли подарки чин-цаю. Последний, как нам тут же сообщили, большой приятель главнокомандующего западной армией, наместника провинции Гань-су и всего западного края, знаменитого Цзо-цзун-тана или Цзо-гун бо. Этот Цзо-цзун-тан уже несколько лет жил в Су чжеу и оттуда прежде руководил военными операциями против магометанских инсургентов, а по усмирении мятежа заправлял вверенною ему страною. Вместе с тем нам сказали, что чин-цай очень желает поскорее меня видеть, но, как и прежде не объясняли для какой именно цели. Так эта цель осталась неразъясненною и впоследствии. По-моему, желание скорого свидания обусловливалось просто любопытством, а затем нетерпением получить подарки, без которых нигде невозможно отделаться в Азии. Хамийский же чин-цай-да-жень был так же жаден на эти подарки, как и все вообще китайские сановники. Впрочем, этот чин-цай оказался наилучшим из всех когда-либо виденных мною китайских генералов—был к нам внимателен, вежлив и немало расспрашивал о Европе, хотя, конечно, эти расспросы имели самый ребяческий характер. Ласковому же с нами обращению хамийского начальника, вероятно, немало способствовало ходатайство на этот счет в пекинском цзун-ли-ямыне (палате внешних сношений) со стороны нашей дипломатической миссии в Пекине, заведывавший в то время которою А. И. Кояндер(32) во все продолжение настоящего нашего путешествия горячо ратовал перед китайским правительством о возможных облегчениях трудностей нашего пути. В Хами же мне было передано и письмо от уважаемого А. И. Кояндера, посланное им сюда еще в 1877 г. и дожидавшееся меня более года[1].

Перед вечером того же дня, когда мы пришли в Хами, я отправился верхом в город, в сопровождении переводчика и двух казаков, с визитом к чин-цаю. Встреча была довольно парадная. Во дворе губернаторского

[1] Так как в конце 1877 года я принужден был по болезни вернуться из Гучена и не дошел до Хами.

дома стояли несколько десятков солдат со знаменами; чин-цай вышел на крыльцо своей фанзы и пригласил в приемную. Здесь, как обыкновенно, подали чай; затем начались обыденные расспросы о здоровье и благополучии пути, о том, сколько нас, куда идем и т. д. Сам чин-цай 51 года, но на вид выглядывает старше; держит себя довольно просто. Проведя у губернатора с 1/2 часа, я уехал обратно в свой лагерь.

На другой день чин-цай явился к нам отдать визит и пригласил меня с обоими товарищами-офицерами обедать в свою загородную дачу. Эта дача находилась в одной версте от города и представляла собою самое лучшее место, каксе только мы видели в Хами. На парадный обед приглашены были также высшие местные офицеры и чиновники, так что набралось всего человек тридцать. Офицеры младших чинов прислуживали и подавали кушанья. Обед состоял из шестидесяти блюд, все во вкусе китайском. Баранина и свинина, а также чеснок и кунжутнсе масло, играли важную роль; кроме того подавались и различные тонкости китайской кухни, как-то: морская капуста, трепанги, гнезда ласточки саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обед начался сластями, окончился вареным рисом. Каждое кушанье несбходимо было хотя отведать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегрет, от ксторого даже наши ко всему привычные желудки были расстрсены весь следующий день. Вина за столом не было по неимению его у китайцев; но взамен того подавалась нагретая водка двух сортов: очень крепкая и светлая (шань-дзю) и более слабая, цветом похожая на темный херес (хуань-дзю); та и другая—мерзсстъ ужасная. Китайцы же пили ее в достаточном количестве из маленьких чашечек и, как всегда, подпив немного, играли в чет и нечет пальцев[1], причем проигравший должен был пить. Наше неуменье есть палочками, в особенности питье за обедом холодной воды, сильно смешили китайцев, которые, как известно, никогда не употребляли сырой воды.

На следующий день чин-цай опять приехал к нам в сопровождении своего помощника по гражданской части и целой толпы офицеров; с некоторыми из них мы познакомились накануне во время сбеда. Свита эта держала себя крайне неприлично. Увидав какую-нибудь у нас вещь, сфицеры тотчас же прсcили ее продать или подарить. Поданные для угощения сласти и даже сахар к чаю офицеры расхватали, как школьники, пользуясь тем, что этого не видит чин-цай, помещавшийся со мною и несколькими более важными лицами в нашей палатке; [тогда как] остальные за неимением места оставались на дворе. Не многим лучше оказался и сам чин-цай, наперед осведомившийся через своих адъютантов, какие у нас имеются вещи, в особенности оружие. И хотя, наученные прежними опытами, мы припрятали теперь все лишнее, но губернатор прямо прсcил показать ему такое-то ружье, револьвер или часы, словом, все то, что ранее видел у нас который-либо из его адъютантов. Таким образом улика имелась налицо, отнекиваться было невозможно. Осмотр же вещи обыкновенно завершался просьбою продать ее или намеком о подарке. Кончилось тем, что когда по отъезде губернатора я послал ему в подарок револьвер с прибором в ящике, то чин-цай, «обзарившийся», как выражались наши казаки, на хорошее оружие, объявил посланному переводчику, что желает получить не револьвер, а двухствольное ружье. Возвращается наш Абдул и объявляет в чем дело. Тогда, зная, что при уступчивости с моей стороны попро-

[1] Игра эта, называемая хуа-цюань, весьма распространена в Китае.

шайничеству не будет конца, я тотчас же отправил Абдула обратно с подарком к чин-цаю и приказал передать ему в резкой форме, что дареные вещи ценятся как память и что я принял двух баранов, присланных губернатором, вовсе не из нужды в них, а из вежливости. Абдул, всегда нам преданный, исполнил все как следует. Сконфуженный губернатор взял револьвер; на другой же день я послал ему еще несессер с серебряным прибором. Так наша дружба восстановилась; китаец же получил должное внушение. Чтобы сколько-нибудь замять свой поступок, чин-цай устроил другой для нас обед, опять на той же даче. Этот обед ничем не отличался от первого, только число кушаний было уменьшено до сорока.

На втором обеде по просьбе чин-цая и других присутствующих я обещал показать им стрельбу нашего экспедиционного отряда. Действительно, когда опять явился к нам со свитою чин-цай, то мы, вместе с казаками, произвели пальбу из берданок и револьверов. В самый короткий срок было нами выпущено около двухсот пуль, мишенями для которых служили глиняные бугорки в степи. Ввиду отличного результата стрельбы чин-цай с улыбкою сказал: «Как нам с русскими воевать; эти двенадцать человек разгонят тысячу наших солдат». В ответ на такой комплимент я возразил, что нам воевать не из-за чего и что Россия еще никогда не вела войны с Китаем. Но чтобы довершить впечатление, я взял дробовик и начал стрелять в лет стрижей и воробьев. Похвалам и просьбам пострелять еще не было конца. Когда же напуганные птички улетели, пришлось, уступая общему желанию, разбивать подброшенные куриные яйца по одному и по два разом двойным выстрелом. Жаль было попусту тратить заряды, которых здесь нигде уже нельзя достать; но репутация хорошего стрелка весьма много мне помогала во все прежние путешествия. Это искусство производит на азиатцев чарующее впечатление.

Осмотр города. В антрактах губернаторских обедов и посещений нас чин-цаем мы осматривали, с его разрешения, город Хами. Как и везде в Китае, жители сбегались взглянуть на ян-гуйзы, т. е. на «заморских дьяволов», каковым именем окрещены в Китае все вообще европейцы без различия наций. Однако же толпа вела себя довольно сдержанно, благодаря присутствию с нами нескольких полицейских, которые не один раз пускали в дело свои длинные палки для уразумления наиболее назойливых из публики. Подробных сведений относительно г. Хами мы, конечно, не могли собрать, как невозможно это и в каждом китайском городе для проезжего европейца.

В продолжение магометанской инсуррекции жители Хами оставались верными китайскому правительству, за что трижды подвергались нападению инсургентов. После таких посещений описываемый город наполнился развалинами, которые, во время нашего там пребывания, понемногу начинали восстанавливаться. Всего в Хами считалось при нас около 10 000 жителей, а именно: $1^1/_2$ тысячи китайцев, по 2 тысячи дунган и таранчей, наконец, $4^1/_2$ тысячи китайских солдат. В числе их состоял батальон из дунган, оставшихся верными китайскому правительству. Этот батальон, которому все-таки не доверяют китайцы, помещался особо.

Хами состоит из трех городов: двух китайских (старого и нового) и одного таранчинского. В пространствах между ними расположены огороды, поля и разоренные жилища. Каждый из трех городов обнесен зубчатою стеною, до крайности плохого устройства. Это просто землебитная глиняная ограда квадратной формы; по углам ее и в средине размещены башни для продольного обстреливания стен.

Внутри каждого города тесно скучены жилые глиняные фанзы[1], из которых многие находятся еще в разрушенном состоянии, в особенности в таранчинском городе. В обоих китайских городах довольно много лавок, где торгуют почти исключительно китайцы. Товары привозятся из Пекина. Дороговизна на все страшная; местные продукты также очень дороги. «Дешево у нас только серебро»,—комично говорили нам китайские лавочники. Действительно, серебро в Хами было в изобилии, так как его много получали войска. В таранчинском городе лавок нет вовсе; только раз в неделю здесь устраивается временный торг. В этом городе живет, в особом большом здании, частью также разоренном, нынешняя правительница таранчей.

В обоих китайских городах нет ни садов, ни даже простых деревьев. В таранчинском же городе уцелели деревья (тополь, ива, шелковица) по улицам и, в небольшом числе, фруктовые в садах; но виноградники все истреблены окончательно. Теперь в Хами мы видели в саду ванши несколько стеблей некогда славившейся здешней виноградной лозы. Уцелело также в таранчинском городе знаменитое дерево джуга-лун, т. е. девять драконов. Это дерево—старая ива (Salix alba?), от корня которой идут наклонно над землею девять больших дуплистых, изогнутых стволов, формою своею представляющих в воображении туземцев девять драконов. Говорят, был еще десятый ствол, но его спилили, так как он мало походил на дракона. Лишь только ствол этот был срезан, гласит легенда, как из него тотчас же потекла черная вода, образовавшая целебный источник у корня дерева. Там действительно мы видели маленькую грязную лужу. Вода из нее, по сообщению наших провожатых, прежде вылечивала от всех болезней; ныне же спасает только от лихорадки. Описываемое дерево почитается святым как китайцами, так и таранчами. Между его стволами выстроена небольшая молельня, рядом с которою похоронен какой-то святой.

При осмотре таранчинского города нам прежде всего бросились в глаза вывешенные в клетках над входными воротами стены головы трех недавно казненных ваншею преступников, в том числе одной женщины. Как видно, в этом отношении власть правительницы попрежнему очень велика; китайцы не поперечат, когда дело идет им наруку. Они очень бы были рады истребить не только таранчей, но и всех вообще своих подданных-мусульман. Самую ваншу мы не видали. Как обыкновенно в Китае, она отклонила свидание под предлогом болезни. Зато нам показали курьезную замечательность таранчинского города—«осужденные ворота», которые находятся на восточном фасе городской стены. В эти ворота некогда ворвались дунганы, осаждавшие город. В наказание за такое попущение виновные ворота по уходе неприятеля были навсегда заперты и заделаны вровень со стеною

Рядом с таранчинским городом, с западной его стороны, лежит довольно обширное мусульмансксе кладбище, на котором выстроен большой семейный склеп таранчинских ванов.

О китайских войсках. Китайские войска, виденные нами в Хами, составляли один из отрядов той армии, которая под начальством Цзо-цзун-тана усмирила сначала магометансксе восстание в Гань-су; затем возвратила под власть Китая занятые дунганами города (Манас,

---

[1] Фанзой называется глиняный китайский дом, помещающийся обыкновенно внутри глиняной же ограды.

Урумчи) северной подошвы Тянь-шаня; наконец завоевала эфемерное царство Якуб-бека кашгарского. Численность этой армии точно определить было нельзя. Но, судя по некоторым данным, можно с большим вероятием утверждать, что цифра ее, даже впоследствии, когда китайцы намеревались воевать с нами из-за Кульджи, не превосходила 25—30 тысяч человек, разбросанных притом на огромном пространстве от Хами до Кашгара.

Оставляя в стороне разбор вопроса, почему китайцы сравнительно быстро (с 1874 до 1878 годов) вновь завоевали все свои западные земли — тогда как более десяти лет перед тем никаких серьезных операций против западных инсургентов не предпринималось—скажу только, что главными причинами, погубившими дело магометан, были раздоры между ними самими, а затем неожиданная (в мае 1877 года) смерть владетеля Кашгарии Якуб-бека. Притом китайцы давили численностью. Что же касается до военного искусства обеих сторон, то в этом отношении, как китайцы, так и их противники магометане представляли так много ребяческого и так мало отличались друг от друга в способах ведения войны, что на вопрос, которая из сторон действовала лучше, можно дать только один русско-немецкий ответ: «оба лучше».

Известно, что вся китайская армия состоит из двух отдельных частей: маньчжурских войск и войск собственно китайских. В недавнее время сверх того учреждена милиция. За исключением последней военное звание наследственно.

Маньчжурские войска, лучшие в Китае, составляют потомков тех воинов, с помощью которых утвердилась в половине XVII века на китайском престоле ныне царствующая династия Да-цинь. До сих пор эти войска служат опорою престола. Они сохранили свое прежнее разделение на 8 знамен или отрядов, различающихся по цвету знамени. В состав знаменных войск, кроме собственно маньчжур, вошли также монголы и китайцы, помогавшие завоевателям. Все эти войска поселены на отведенных им землях в Пекине и важнейших городах империи. Общее число выставляемых ими солдат простирается по новейшим сведениям до 250 000 человек[1].

Войска собственно китайские, или войска «зеленого знамени», расположены в провинциях, несут там всего более полицейскую службу и подчиняются местным губернаторам. Это войска территориальные. По числу провинций они разделяются на 18 отрядов или корпусов, в которых считается до 650 000 человек. Количество милиции определяют в 100 000, разбросанных также по различным провинциям государства.

Таким образом, общее число людей, подлежащих военной службе, простирается в Китае до 1 000 000. Численность же войск, которые могут быть выставлены в поле, полагают до 600 000; но эта цифра, по всему вероятию, весьма преувеличена, так как из войск территориальных и милиции лишь малая часть поступает в строй регулярных частей[2]. Затем следует помнить, что при обширности Поднебесной империи и при отсутствии паровых путей сообщения, китайская армия не способна к быстрому сосредоточению на известном театре военных действий.

---

[1] См. прекрасную статью капитана нашего Генерального штаба Н. И. Янжул «О китайских войсках», помещенную в № 85 «Русского инвалида» за 1881 год.

[2] Кроме указанного количества 600 000, китайское правительство располагает контингентом монгольской и маньчжурской милиции, численность которой неизвестна, но, во всяком случае, невелика.

Вооружение китайских солдат состоит из ружей фитильных и гладкоствольных пистонных, луков со стрелами, пик и сабель. Небольшие, сравнительно, части, расположенные в Пекине, Тянь-дзине, Чи-фу, а также входящие в состав армии, действовавшей против дунган, вооружены скорострельными ружьями, нарезными орудиями и обучены европейскими инструкторами. В последнее время китайцы, под руководством европейцев, устроили у себя пять заводов (в Тянь-дзине, Шанхае, Нанкине, Кантоне и Ланчжоу) для выделки скорострельных ружей, пушек и пороха; кроме того делали большие заказы оружия в Европе.

Вот что известно из официальных источников; теперь же расскажем о войсках китайских по личным нашим наблюдениям.

Армия Цзо-цзун-тана, действовавшая против дунган, составлена была, главным образом, из знаменных маньчжурских войск. Форменная одежда этих солдат, виденных нами в Хами, состояла из красной, вроде кофты, курмы[1]; в этой курме на груди и спине, на круглом белом поле, словно на яблоке мишени, вышито название части, к которой солдат принадлежит. Под курму надевается далембовый халат; затем далембовые панталоны с плисовыми наколенниками и плисовые, с войлочными подошвами сапоги дополняют костюм описываемых воинов[(13)]. На голову свою летом они повязывают большой пестрый платок, из-под которого сзади спускается, или иногда обматывается вокруг головы, длинная коса. В таком уборе, с безусым и безбородым лицом, притом с сильно развязными, даже нахальными манерами, маньчжурские солдаты много напоминают наших разгульных деревенских женщин, на которых еще более походят своими неудобоописываемыми привычками. Вооружение этих воинов состоит из старых английских гладкоствольных пистонных ружей, большая часть стволов которых была урезана на $^1/_3$ длины для удобства привешивания ружья к седлу, как объяснили нам сами солдаты. Последние, нужно заметить, хотя большею частью пехотинцы, но все ездят верхом на лошадях, отбитых у дунган или отнятых у мирных жителей. Скорострельных ружей у солдат в Хами мы не видали. Вероятно, количество этих скорострелок во всей армии Цзо-цзун-тана невелико, и их вовсе не было в Хами; иначе нам не преминули бы показать такую редкость. Обращаются со своими ружьями китайские солдаты крайне небрежно: помимо привешивания к седлу, бросают на землю где попало, чистят только снаружи. Понятно, что при таких условиях и самые лучшие скорострелки послужат недолго. Притом же не только солдаты, но даже и офицеры, нами виденные, почти вовсе не умели стрелять. Кроме ружей, у маньчжурских солдат имелись также сабли, обыкновенно заржавленные и из крайне плохого железа. Некоторые из этих воинов вооружены были длинными (аршина 4) бамбуковыми пиками, изукрашенными большими флагами. Вообще китайская армия всего более может похвалиться обилием различных флагов, значков и знамен.

Их безобразное состояние. Во всех войсках китайских, нами виденных как ныне, так и в прежние путешествия по Центральной Азии, солдаты и офицеры почти поголовно преданы курению опиума, результатом чего является у людей, в особенности с летами, слабость физическая и угнетение нравственное. Известно, что каждый опийный куриль-

---

[1] Обмундирование китайских войск отличается от обыкновенной одежды китайцев только курмою, разноцветною (смотря по цвету знамени) в войсках маньчжурских. Офицеры в своих чинах (коих 9 классов) различаются по цвету и величине шариков на шляпах.

щик делается чрезвычайно боязливым и впечатлительным; притом после всякого курения он проводит несколько часов в непробудном сне. Китайские же воины не покидают своей пагубной привычки даже перед глазами неприятеля.

Но это еще далеко не все. Избалованные китайские солдаты, трусливые и невыносливые по самой своей природе, всячески стараются уклоняться от трудностей военного времени. В походе даже пехотинцы постоянно едут верхом или на подводах, или привешиваются сбоку седла во время верховой езды. При солдатах, в особенности маньчжурских, состоят прислужники (обыкновенно из монголов или пленных дунган), которые убирают лошадей, чистят амуницию, оружие и вообще исполняют обязанности наших офицерских денщиков. Бивуачная жизнь для воинов Поднебесной империи — великое наказание, в особенности при непогоде. На часах китайский солдат зачастую сидит и пьет чай или занимается починкою собственной одежды; в жар прохлаждает себя веером. На ученье, как например, при стрельбе в цель, офицеры помещаются в палатке и пьют там чай; редкий из офицеров умеет сам выстрелить. Военного образования нет ни малейшего, даже у командиров крупных частей. Все искусство боя ограничивается фронтальною атакою или пассивною обороною за глиняными стенами городов. Дисциплина в армии существует лишь в наружном чинопочитании; воровство и взяточничество развиты до ужасающих размеров[1]; понятия о чести и долге неизвестны.

При таком состоянии китайской армии, при известной вражде китайцев ко всяким нововведениям, тем более от ненавистных ян-гуйза, наконец, при отсутствии воинских наклонностей у всего китайского народа вообще, можно с большим вероятием сказать, что еще далеко то время, когда китайская армия будет в состоянии померяться с армиею какой-либо из держав европейских. Поклонники китайцев, конечно, возразят мне на это указанием на пороховые и оружейные заводы в Китае, на обученные по-европейски отряды в Пекине и главнейших приморских пунктах империи, на желание «благоразумных» (как, например, Ли-хун-чан) китайских военачальников следовать советам европейцев и т. д. Но на это я могу отвечать, во-первых, указанием, выше мною сделанным, на безобразное состояние лучшей, действующей китайской армии, а во-вторых, тем соображением, что если бы китайские заводы действительно наделали тысячи пушек, а также миллионы усовершенствованных ружей и снабдили бы последними всех до единого своих солдат, — то и тогда эти солдаты все-таки останутся теми же курильщиками опиума, теми же невыносливыми, неэнергичными и безнравственными людьми, теми же трусами, как и ныне. Переделать внутренний дух армии, обусловливаемый нравственными качествами целого народа, конечно, невозможно одною переменою оружия или формы одежды, или даже обучением усовершенствованному строю. Для этого необходима назревшая потребность прогресса во всей нации или гениальная руководящая личность и благоприятные обстоятельства, а главное — здоровый материал в лице самого солдата. Без такого же нравственного очищения, для китайской армии весьма и весьма гадательного, эта армия и со всеми усовершенствованиями европейской военной

---

[1] Приведу достаточный тому пример. Китайский главнокомандующий Цзо-цзун-тан во время своего долгого пребывания в Су-чжеу обыкновенно сразу закупал весь привозимый купцами опиум, затем запрещал на время привоз этого продукта, а сам продавал его солдатам по двойной цене. Если подобную аферу открыто производит главнокомандующий, то что же делают более мелкие начальники?

техники все-таки не будет в состоянии успешно бороться даже против малочисленного, но сильного своим духом неприятеля([34]).

Сборы в дальнейший путь. В течение пяти суток, проведенных в Хами, продолжались наши сборы в дальнейший путь. В сущности, сборы эти, состоявшие в закупке на месяц провизии для себя и немного корму для пяти верховых лошадей, могли бы быть окончены в несколько часов; но не так-то просто совершалось это для нас в Китае. Никто без разрешения чин-цая не хотел ничего продавать; потребовалось испросить позволение сделать закупки. Назначен был для этого особый офицер, который взял себе помощника, и еле-еле, в продолжение пяти суток, устроилась столь обширная торговая операция, как покупка десяти баранов, пуда рису, трех пудов пшеничной муки, двухсот печеных булок, по полпуду финтяузы и гуамяну, наконец, двенадцати пудов ячменя для верховых лошадей. Обо всем этом много раз переспрашивалось, уверялось в готовности поспешить, постараться и купить все самого лучшего качества; а между тем переводчику внушалось, что «сухая ложка рот дерет», что за труды следует получить подарок. Подобная процедура надоедала невыносимо, в особенности в последние два дня, когда каждый к нам прикосновенный офицер или чиновник старался что-нибудь для себя выпросить. Чин-цай также не отстал от своих подчиненных и получил складное нейзильберное зеркало.

Наконец все необходимое для нас было доставлено по ценам, нужно заметить, чуть не баснословным в Китае; впрочем, в Хами в это время действительно все было очень дорого. Казаки принялись устраивать багаж. Я же тем временем съездил в город попрощаться с чин-цаем, который, повторяю опять, хотя был взяточник и попрошайка (без этого невозможно представить себе в Китае ни одного чиновника, тем более важного), но все-таки изображал собою лучшего из всех виденных мною китайских сановников. Прощальный визит продолжался недолго. В сумерки же чин-цай сам приехал к нам на бивуак. В это время я писал свой дневник и оканчивал его следующими строками: «Завтра двинемся далее. Перейти Хамийскую пустыню будет нелегко, в особенности теперь, при страшных дневных жарах. Зато отсюда начинается самый интересный путь, по местностям почти неведомым. Счастие попрежнему благоволит мне: хорошо проскользнули мы в Баркуле, хорошо отделались в Хами. Теперь уже можно сказать, что мы одной ногой в Тибете». Как раз под этим местом дневника я попросил чин-цая сделать мне на память свою подпись. Он подписал по-китайски и по-маньчжурски, словно официально утвердил нашу надежду пробраться в Тибет.

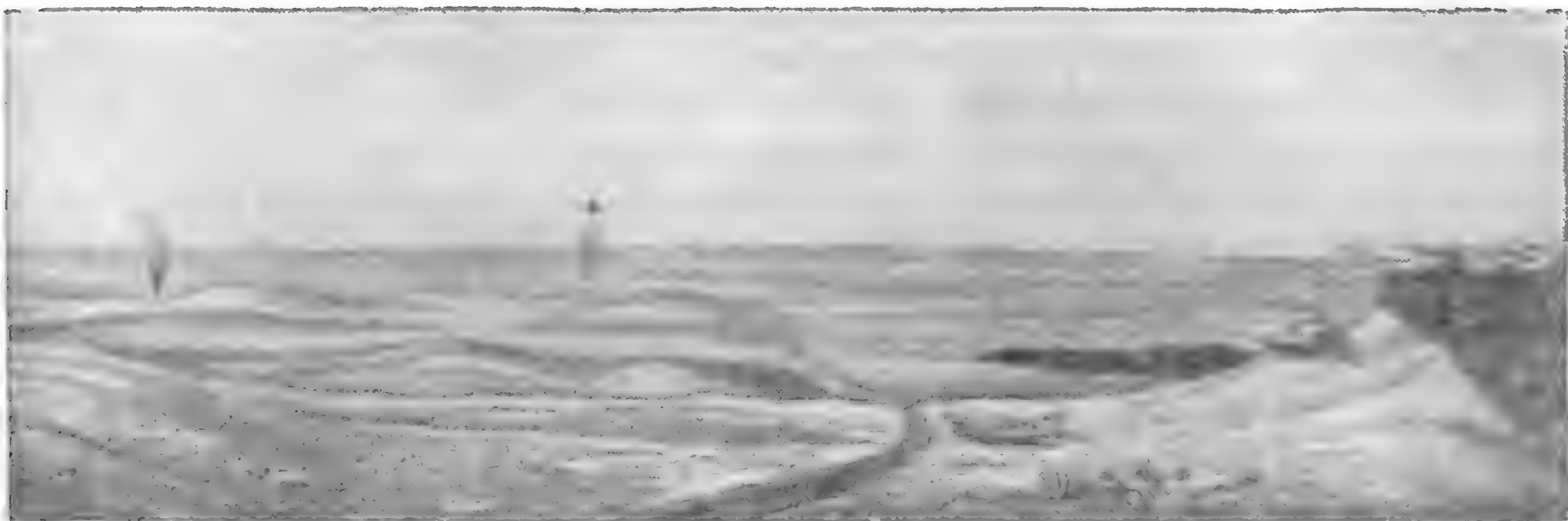
Выступление. На восходе солнца 1 июня мы завьючили своих верблюдов и двинулись в путь по дороге, которая ведет из Хами в г. Ань-си[1]. Этою колесною дорогою мы должны были итти четыре станции; потом свернуть вправо также по колесной дороге, направляющейся в оазис Са-чжеу.

Первые десять верст от города Хами путь наш лежал по местности плодородной; здесь везде поля, арыки и разоренные жилища, из которых многие начинали возобновляться. Затем собственно Хамийский оазис кончился. Далее на несколько верст залегла голая галька и дресва, а потом явился песок, поросший всего более мохнатым тростником (Psamma villosa) и джантаком (Alhagi camelorum); много здесь также Cynanchum acu-

[1] Как выше упомянуто, здесь две почти параллельные колесные дороги.

tum [ластовень]. За этими песками, на довольно обширной площади, орошенной ключевою водою, снова встретились китайские деревни, и возле первой из них, называемой Хуан-лу-чуань, мы разбили свой бивуак. Корм был здесь хороший, и наши верблюды, голодавшие в Хами, могли до невозможности набить желудки своим любимым джантаком [верблюжьей колючкой].

Здесь же нас догнали и провожатые в Са-чжеу, посланные чин-цаем. Несмотря на мои неоднократные просьбы дать нам только двух вожаков, чин-цай все-таки командировал офицера и человек пятнадцать солдат. Положим, этот конвой означал почет, но для нас, преследовавших исключительно научные цели, подобные чествования были одною помехою. Поэтому я настоятельно просил прибывшего офицера оставить при себе лишь нескольких солдат, остальных же отправить обратно в Хами. После долгой нерешительности просьба эта была исполнена. С нами осталось

Хамийская пустыня

только шестеро солдат и сам офицер по имени Шоу-фу-сянь. Этот последний оказался порядочным человеком, да и солдаты, сверх ожидания, мало надоедали нам, так как всегда уезжали вперед на станцию.

Второй от Хами переход привел нас также к небольшой китайской деревне Чан-лю-фи. Местность, по которой мы на этот раз шли, представляла солончаковую равнину, кой-где поросшую мохнатым тростником; кроме того изредка попадался цветущий кендырь (Apocynum venetum, A. pictum); верст за пять до станции встретился небольшой лес из разнолистного тополя, или, по-местному, тогрука (Populus diversifolia). Но птиц, как и прежде, было мало; из зверей же мы видели только нескольких хара-сульт [джейранов].

Топографический рельеф Хамийской пустыни. Тотчас за деревнею Чан-лю-фи, следовательно в расстоянии 40 верст от собственного Хамийского оазиса, оканчивается площадь, покрытая хотя кое-какою растительностью и местами представляющая возможность оседлой жизни. Далее отсюда расстилается страшная пустыня Хамийская, которая залегла между Тянь-шанем с севера и Нань-шанем с юга; на западе она сливается с пустынею Лобнорскою, а на востоке с центральными частями великой Гоби.

В направлении, нами пройденном, как раз поперечном, описываемая пустыня представляет в своей средине обширное (120 верст в поперечнике) вздутие, приподнятое над уровнем моря средним числом около 5 000 фу-

Хамийский таранча

тов[1] и испещренное на северной и южной окраинах двойным рукавом невысоких гор Бэй-сянь [Бэй-шань]. К северу от этого вздутия до самого Тянь-шаня расстилается слегка волнистая бесплодная равнина, дважды покатая: от подошвы Тянь-шаня к югу, а затем, достигнув наименьшей (2 500—2 600 футов) абсолютной высоты в оазисе Хами и прилегающей к нему полуплодородной площади, эта равнина снова начинает повышаться к горам Бэй-сянь, недалеко от которых, близ колодца Ку-фи, достигает уже 3 700 футов абсолютного поднятия. Точно так же с южной подошвы гор Бэй-сянь потянулась к югу совершенная равнина, значительно (на 1 000 футов) покатая до русла р. Булюнцзир, а затем до поднятия Нань-шаня выровненная в одинаковую абсолютную высоту 3 700 футов. На этой последней равнине лежит и оазис Са-чжеу.

Таков, в самых общих чертах, топографический рельеф Хамийской пустыни в ее поперечнике, занимающем с небольшим 300 верст от южной подошвы Тянь-шаня до подножия Нань-шаня. По нашему же пути, от Хами до Са-чжеу, вышло 346 верст, которые были пройдены в 14 дней с двумя в том числе дневками.

Ее ужасающая дикость. На третьем и четвертом переходах от Хами, пустыня явилась нам во всей своей ужасающей дикости. Местность здесь представляет слегка волнистую равнину, по которой там и сям разбросаны лёссовые обрывы в форме стен, иногда столов или башен; почва же покрыта галькою и гравием. Растительности нет вовсе. Животных также нет никаких, даже ни ящериц, ни насекомых. По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленною днем почвою висит мутная, словно дымом наполненная, атмосфера; ветерок не колышет воздуха и не дает прохлады. Только часто пробегают горячие вихри и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играет обманчивый мираж. Если же этого явления не видно, то и тогда сильно нагретый нижний слой воздуха волнуется и дрожит, беспрестанно изменяя очертания отдаленных предметов.

Жара днем невыносимая. Солнце жжет от самого своего восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до $+62{,}5°$ в тени же, в полдень[2], мы не наблюдали от самого прибытия в Хами меньше $+35°$. Ночью также не было прохлады, так как с вечера обыкновенно поднимался восточный ветер и не давал атмосфере достаточно охладиться через лучеиспускание. Напрасно, ища прохлады днем, мы накрывали смоченными войлоками свою палатку и поливали водою внутри ее. Мера эта помогала лишь на самый короткий срок: влага быстро испарялась в страшно сухом воздухе пустыни; затем жара чувствовалась еще сильнее и негде было укрыться от нее ни днем, ни ночью.

Чтобы избавиться от жгучих солнечных лучей, при которых решительно невозможно долго итти ни людям, ни вьючным животным, мы делали бо́льшую часть своих переходов ночью и ранним утром. Обыкновенно вставали после полуночи, выступали около двух часов ночи и часам к девяти утра приходили на следующую станцию. При таких ночных хождениях делать съемку до рассвета было невозможно; приходилось лишь приблизительно наносить направление пути, ориентируясь по звездам[3].

[1] И даже до 5 500 футов близ колодца Ма-лян-чуань.

[2] Собственно в 1 час пополудни, когда именно делалось ежедневное метеорологическое наблюдение.

[3] Эти съемочные пробелы были причиною того, что оазис Са-чжеу на карте, приложенной к настоящей книге, отнесен слишком далеко к западу—верст на 40—50, как то оказалось впоследствии, уже по напечатании нашей карты.

Днем же съемка производилась попрежнему секретно, так как, к великому нашему благополучию, китайский офицер и конвойные солдаты, не желая тащиться с нами, всегда вперед уезжали на станцию. Оставался только один из солдат, который обыкновенно ехал с нашим переводчиком позади каравана.

Памятный ночной переход. Дважды, ввиду больших переходов, мы выступали с вечера, чтобы сделать первую, меньшую, половину дороги до полуночи, а затем, отдохнув часа два, снова продолжать путь. Ну и памятен же остался нам один из таких двойных переходов, именно четвертый от Хами, между станциями Ян-дун и Ку-фи. Расстояние здесь 52 версты, на которых нет ни капли воды, ни былинки растительности. Мы тронулись с места в 8 часов вечера, лишь только закатилось солнце. Несмотря на наступавшие сумерки, термометр показывал + 32,5 ; дул сильный восточный ветер, который, однако, не приносил прохлады, наоборот, взбалтывая нижний, раскаленный днем, слой воздуха, делал атмосферу удушливою.

Сначала все шли довольно бойко; в караване слышались разговоры и смех казаков. Наступившая темнота прикрыла безотрадный вид местности; ветер разогнал пыль, висевшую днем в воздухе, и на безоблачном небе зажглись миллионы звезд, ярко блестевших в сухой, прозрачной атмосфере. По торно набитой колее дороги моя верховая лошадь шла, не нуждаясь в поводьях; можно было вдоволь смотреть вверх на чудные звезды, которые, мерцая и искрясь, густо унизывали весь небосклон.

Часа через три по выходе караван уже молча шел в темноте. Не слышно было ни крика верблюдов, ни говора казаков; раздавались только тяжелые шаги животных. Все устали, все хотят отдохнуть; но переход велик—необходимо сделать еще десяток верст. Чем ближе к полуночи, тем более начинает одолевать дремота; тогда слезешь с коня и идешь пешком или понюхаешь взятой у казака махорки. Чаще и чаще зажигаются спички, чтобы взглянуть на часы и узнать, скоро ли придет желанная минута остановки. Наконец, наступает и она. Караван сворачивает на сотню шагов в сторону от дороги и останавливается. В несколько минут развьючены верблюды, привязаны оседланные лошади; все делается быстро, каждый дорожит минутою покоя. Через полчаса все уже спит. Но слишком короткий достается отдых; чуть свет надо вставать, снова вьючить верблюдов и продолжать трудный путь.

Станция Ку-фи. На станции Ку-фи [Кушуй], куда мы добрались часов около десяти утра, оказалось всего три или четыре плохих колодца с соленою притом водою, да и той оказалось немного. Проезжих же китайцев, дожидавшихся ночи, чтобы отправиться на следующую станцию, скопилось здесь столько, что из-за воды для животных произошла у них драка, в которой двое или трое были ранены. Благодаря протекции провожавшего нас офицера мы могли напоить своих верблюдов и купить (за три рубля, считая на наши кредитные деньги) пуд сухого тростника для лошадей. Такой же недостаток воды и такая же бескормица были и на предыдущей станции Ян-дун. Однако как там, так и здесь можно бы было накопать колодцев[1] и достать хотя соленую воду, но в достаточном количестве. Китайцы же об этом до сих пор не позаботились. Между тем,

[1] В Хамийской пустыне, как и во всей Гоби, воду можно достать не глубоко в почве: колодцы обыкновенно от 5 до 7, редко от 10 до 13 футов глубиною.

по этой дороге и другой, ей параллельной, также не лучшей, прошла в 1874—1875 годов вся китайская армия, действовавшая против дунган и Якуб-бека кашгарского; потом этим трактом подвозилось все необходимое для той же армии.

Нам сообщали, что китайские солдаты ехали на подводах, верблюдах и мулах маленькими партиями и собирались в Хами. Теперь еще понятнее становится стратегическая важность этого оазиса, который, если бы был занят магометанскими инсургентами, то неминуемо бы сделался неодолимым их сплотом с запада.

От станции Ку-фи дорога, по которой мы до сих пор шли, разделяется: одна ветвь направляется на юго-восток в г. Ань-си, другая же идет на юг в оазис Са-чжеу. Эта последняя также колесная; движение по ней довольно значительное, несмотря на страшное бесплодие пустыни и на бедность воды, которая встречается лишь на ночлегах. Здесь выкопаны скверные колодцы, очень неглубокие, дающие соленую, иногда даже горько-соленую воду. Хорошей пресной воды нет нигде до самого оазиса Сачжеу. Нет здесь также станций и вообще какого-либо жилья человеческого; даже кочевникам невозможно жить. Китайцы, проезжая этою дорогою, запасаются кормом для своих мулов; верблюды же находят себе достаточно пищи и в подобной пустыне.

Горы Бэй-сянь [Бей-шань.] Своротив на сачжеускую дорогу и пройдя по ней верст 20, мы неожиданно встретили горы Бэй-сянь, о которых было упомянуто выше. Эти горы, по сообщению китайцев, тянутся с запада от Карашара (составляя быть может, продолжение Курук-тага), а на востоке соединяются с юго-восточными строгами Тянь-шаня.

По своему характеру горы Бэй-сянь, за небольшими исключениями, представляют отдельные холмы или группы холмов, достигающих лишь незначительной (от 100 до 300 футов, редко более) относительной высоты и набросанных в беспорядке на высоком (около 5 000 футов абсолютной высоты) поднятии этой части Хамийской пустыни. Определенного гребня в описываемых горах нет, хотя общее их направление, как сказано выше, от запада к востоку.

Из горных пород здесь встречен темносерый доломит, но исключительно преобладают наносные толщи глины с галькою. Сами горы совершенно бесплодны. Только по ущельям и долинам встречается крайне бедная растительность, характерная для всей вообще южной Гоби: Calligonum mongolicum, Reaumuria songarica, Zygophyllum xanthoxylon, Tamarix Pallasii, Atraphaxis lanceolata, Nitraria Schoberi, Haloxylon Regelii?, Ephedra sp. Artemisia campestris, Arnebia guttata, Arnebia fimbriata n. sp., Statice aurea[1], изредка попадался и ревень (Rheum leucorhizum) с семенами, совершенно сгоревшими от солнца. Но весьма замечательною находкою здесь был новый вид хармыка, названный известным нашим ботаником К. И. Максимовичем—Nitraria sphaerocarpa [селитрянка вздутоплодная]. Этот густоветвистый кустарник, высотою в полтора фута, был усыпан беловатыми прозрачными ягодами величиною с крупную горошину; внутри они пустые и состоят лишь из продолговатого сухого зерна, окруженного тонкою, как бумага, оболочкою.

[1] [Русские названия этих растений следующие: джузгун монгольский, реамюрия джунгарская, парнолистник, тамариск, курчавка кустарная, нитрария Шобера или хармык; следующий вид не имеет общепринятого русского названия; хвойник, чернобыльник; для двух следующих видов также нет русского названия, кермек].

Животная жизнь гор Бэй-сянь, равно как и всей Хамийской пустыни, крайне бедная. Даже ящериц, и тех сравнительно немного; между ними найдены: Prynocephalus sp., та же, что в Хами, и Stellio sp.

Из зверей здесь встречались только зайцы (Lepus sp.), хара-сульты (Antilope subgutturcsa), изредка куланы[1], а также дикие верблюды, которые заходят сюда из пустыни Лобнорской. Мы сами видели, в южной части гор Бэй-сянь, поперек нашей дороги, следы небольшого стада этих животных, в числе которых были и молодые верблюжата.

Птиц, за все время перехода через Хамийскую пустыню, замечено было только 9 видов, из которых чаще попадались: саксаульная сойка (Podoces hendcrsoni), больдурук (Syrrhaptes paradoxus), пустынный вьюрок (Erythrospiza mongolica), пустынная славка (Sylvia aralensis) чеккан (Saxicola atrogularis). Всюду царила гробовая тишина, лишь местами нарушаемая скрипучим писком многочисленных кобылок (Ephippigera vacca) и трещанием цикад (Cicada querula). Это были единственные певуны Хамийской пустыни.

Вслед за пройденными вышеописанными горами раскидывается верст на 50 в поперечнике, бесплодная равнина, к востоку и западу убегающая за горизонт. За этою равниною вновь стоят горы с таким же характером и высотою, как предыдущие. Они также называются Бэй-сянь и, вероятно, составляют южную ветвь северной группы. Дорога идет поперек этих гор на протяжении 40 верст. Попрежнему здесь везде преобладают наносы глины с галькою. Только в южной окраине, там где горы делаются несколько выше и круче, появляется сначала темно-серый доломит, а потом глинистый сланец (35).

Кое-что о переходе через пустыню. На пятые сутки по выходе со станции Ку-фи мы разбили свой бивуак у колодца Ши-бендун, в южной окраине южной ветви гор Бэй-сянь. Далеко впереди нас, но совершенно ясно, виднелся громадный хребет Нань-шань с двумя обширными вечноснеговыми группами. С неописанною радостью увидели мы эти горы, рассчитывая, что там нас ждет богатая научная добыча и избавление от невыносимых жаров пустыни. Эти жары, вместе с большими каждодневными переходами, дурною водою и невозможностью отдохнуть хотя бы ночью, истомили как нас, так и наших животных, несмотря на сравнительно недолгое пребывание в пустыне. Постоянная жара отзывалась и на всей деятельности организма. Так волосы на голове и бороде росли необыкновенно быстро, а у молодых казаков вдруг начали рости усы и борода. Особенных приключений во время перехода пустыни с нами не было. Только однажды неожиданно налетевший вихрь мгновенно разорвал половину нашей парусинной палатки, и вырванными из земли железными колышками, которыми эта половина была прикреплена, словно пулями, пробил уцелевшую противоположную сторону той же палатки. По счастию, в это время никто из нас в ней не находился, а то можно было быть убитым наповал.

Помимо жаров и сильной сухости как главных характерных явлений летнего климата Хамийской пустыни[2], кратковременные наши наблюде-

[1] Какой вид—не знаю, не добыли. Издали же невозможно отличить онагра (Asinus onager) от кианга (Asinus kiang). [Ныне все эти формы систематиками объединены в один вид Equus hemionus.]

[2] Однако при наблюдениях в 1 час пополудни здесь не было замечено более +38,1 в тени; почва же нагревалась до +62,5°. Вообще при всех своих путешествиях в Центральной Азии я только однажды, именно 20 июля 1873 года в Ала-шане, наблюдал +45° в тени(36). Сильно чувствуется жара пустыни потому, что она продолжается целый день, нередко даже круглые сутки, и негде от нее укрыться.

ния показывают, что днем здесь большею частью тихо, только пробегают частые вихри. Вечером же на закате солнца обыкновенно поднимается, иногда довольно сильный, восточный или реже северо-восточный ветер, который дует до утра. Этот ветер, как и западные весенние бури в Монголии[1], вероятно вызывается разностью температуры на стороне предметов, освещенных заходящим солнцем, и теневой; утром же, на восходе солнца равновесие атмосферы восстанавливается и ветер стихает на целый день.

Река Булюнцзир. Переход в 30 верст по покатой, совершенно бесплодной галечной равнине, привел нас от гор Бэй-сянь к р. Булюнцзиру [Сулэй-хэ], которая вытекает из Нань-шаня и проходит сюда мимо г. Ань-си. На обширных хлебных полях возле этого города вода Булюнцзира вся разводится по арыкам, так что в продолжение четырех летних месяцев (с мая до сентября) русло описываемой реки в местностях, ближайших к оазису Са-чжеу, бывает совершенно сухо. Осенью же вода в Булюнцзире стоит довольно высоко и даже иногда затопляет ближайшие окрестности. По сообщению китайцев, Булюнцзир течет к западу от перехода через него хамийской дороги еще верст на 70, затем теряется в обширных солончаках. Миновав эти солончаки, вода будто бы снова выступает на поверхность почвы и течет в Лоб-нор([37]).

Прибытие в оазис Са-чжеу. За Булюнцзиром, сухое русло которого мы перешли ночью, так что почти его не заметили, почва вдруг изменяется; взамен гальки является солонцовая лёссовая глина, покрытая, хотя бедною растительностью (саксаул, тамариск, хармык; там, где влажнее,—тростник), но все-таки не совершенно оголенная, как в соседней пустыне. Абсолютная высота местности падает до 3 700 футов. Еще 20 верст пути—и мы остановились возле китайской деревни Маджэн-тэн, уже в северной окраине оазиса Са-чжеу([38]). Этот оазис, прекрасный сам по себе, показался нам вдвое очаровательнее после ужасного бесплодия пройденной пустыни. Но, словно для того, чтобы еще раз напомнить нам о ней, после полудня того же дня, когда мы вошли в оазис Са-чжеу, поднялась сильнейшая буря от юго-запада. Тучи соленой пыли и песку наполнили воздух и густою пеленою заслонили солнце; атмосфера сделалась сначала желтою, но вскоре стало темно, как в сумерки. Бешеные порывы ветра грозили с корнем вырвать деревья и уничтожить всякую растительность. Между тем жара стояла в $+34,7°$. Все мы были в поту, и нас осыпало соленой пылью, которою залепляло и глаза. Так продолжалось до самой ночи. К утру собрался дождь, падавший с промежутками весь следующий день. Температура понизилась до $+13,8°$ в полдень; в воздухе чувствовалась прохлада и сырость. На дневке, которую мы в этот день устроили, можно было, впервые от самого Тянь-шаня, хорошенько выспаться и отдохнуть.

[1] О которых было сказано во II главе настоящей книги.

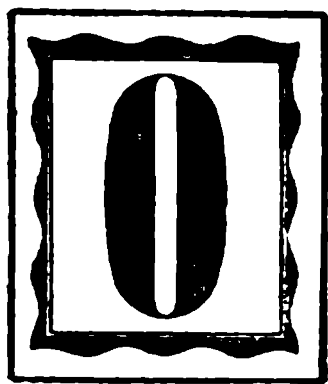

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОАЗИС СА-ЧЖЕУ. ПРЕДГОРЬЯ НАНЬ-ШАНЯ.

[*14/26 июня—28 июня/10 июля 1879 г.*]

Общая характеристика оазиса Са-чжеу.—Его флора, фауна и население.—Окрестности описываемого оазиса.—Наш в нем бивуак.—Назойливость городской толпы.—Недружелюбие китайских властей.—Закупка продовольствия.—Продолжение пути.—Святые пещеры.—Переход до р. Дан-хэ.—Обман проводников.—Передовой уступ Нань шаня.—Среднее и верхнее течение р. Дан-хэ.—Разъездами отыскиваем путь.—Случайная встреча монголов.—Они указывают нам дорогу в Цайдам.—Прекрасная стоянка.—Причины подозрительности китайцев.

Оазис Са-чжеу[1], называемый также Дун-хуан, один из лучших в Центральной Азии, лежит в южной окраине Хамийской пустыни у северной подошвы громадного хребта Нань-шань, с которого орошается быстро бегущею речкою Дан-хэ. До Булюнцзира эта речка не достигает, по крайней мере летом. Вся ее вода, весьма мутная, разводится по сачжеуским полям, на которых осаждает вымытую в горах лёссовую глину и, таким образом, из года в год, оплодотворяет почву оазиса. Этот последний лежит на абсолютной высоте 3 700 футов и занимает площадь верст на 25 от севера к югу и верст на 20 с востока на запад[2]. Все это пространство почти сплошь заселено китайцами, фанзы которых, расположенные поодиночке, укрыты в тени высоких ив (Salix alba?), ильмов (Ulmus campestris) и пирамидальных тополей. По многочисленным арыкам везде растут: джида (Elaeagnus hortensis v. spinosa), тальник (Salix sp.), реже тогрук (Populus diversifolia). В районе, ближайшем к самому городу Са-чжеу, расположенном в южной части оазиса, разведены многочисленные сады, в которых изобильны яблоки, груши и абрикосы; персиков же и винограда здесь нет.

В пространствах между отдельными фанзами помещаются поля, разбитые красивыми, тщательно обработанными квадратными площадками и обсаженные кругом деревьями по берегам орошающих арыков. На этих

[1] Или Ша-чжеу по иному произношению начальной буквы этого названия; близлежащий хребет Нань-шань сачжеуские китайцы называют Нань-сянь.

[2] Кроме того, к северу до р. Булюнцзира кой-где также возможна обработка почвы; здесь, по нашему пути, встретилась китайская деревня Хуан-дунза.

полях засеиваются всего более: пшеница, горох, ячмень и лен; реже — рис, кукуруза, чечевица, фасоль, конопля, арбузы и дыни; возле самых фанз обыкновенно устроены небольшие огороды.

В половине июня посеянные хлеба уже выколосились и наливали зерна. Урожай, по отзывам местных жителей, всегда бывает прекрасный. Вообще оазис Са-чжеу, после Илийского края, самый плодородный из всех мною виденных в Центральной Азии; притом обилие деревьев придает местности чрезвычайно красивый вид.

Его флора. Но плодородный относительно культуры, описываемый оазис весьма небогат разнообразием как своей флоры, так и своей фауны. Кроме вышеназванных деревьев, засеваемых хлебов и нескольких видов трав, обыкновенно сопутствующих культуре (Medicago sativa, Convolvulus arvensis, Jnula ammophila etc.) [люцерна, вьюнок полевой, девясил и др.], здесь можно встретить лишь немного дикорастущих представителей флоры. Из них наиболее обыкновенны: солодка (Glycyrrhiza glandulifera), кендырь (Apocynum venetum), джантак (Alhagi camelorum), касатик (Iris sp.), Sophora alopecuroides, Polygonum Bellardi [талхак обыкновенный, горец], реже попадаются Lycium ruthenicum, Capparis herbacea [сугак или дереза, каперцы], Dodartia orientalis. На солончаковых необработанных площадках обильны: тамариск (Tamarix Pallasi) и мохнатый тростник (Psamma villosa); к ним, на северной окраине описываемого оазиса, вплоть до р. Булюнцзира, прибавляются — саксаул (Haloxylon ammodendron) и Atraphaxis compacta [курчавка скученная]. Вот и все наиболее замечательное здесь из царства растительного.

Фауна. Не разнообразна также и фауна. Из зверей встречаются лишь волки, лисицы, зайцы и антилопы хара-сульты. Последние приходят из пустыни на китайские поля в окраинах оазиса и бесцеремонно поедают засеянный хлеб.

Птиц найдено было нами только 29 видов, из которых обильны: грачи (Corvus frugilegus), голуби (Turtur auritus), стрижи (Cypselus murarius), ласточки (Hirundo rustica), камышевки (Salicaria turdoides), воробьи (Passer montanus, реже P. timidus n. sp.), сорокопуты (Lanius isabellinus), фазаны (Phasianus n. sp.), кукушки (Cuculus cancrus), полуночники (Caprimulgus europaeus), хохлатые жаворонки (Galerida magna) и кулички (Aegialitis curonicus). Против ожидания в Са-чжеу вовсе нет перепелов, полевых жаворонков, мухоловок, иволги и мелких Silvia [славок], хотя местность для них, повидимому, самая пригодная.

Наилучшею же орнитологическою находкою был для нас здешний фазан, весьма близкий к Phasianus torquatus, но, сколько кажется, достаточно отличный, чтобы отделить его в особый вид, тем более принимая во внимание близкое сходство между собою и других центральноазиатских фазанов. С установлением этого фазана новым видом, который, пожалуй, можно назвать Phasianus satscheuensis, получится полный список центральноазиатских фазанов, всего семи или восьми видов[1].

---

[1] А именно: Phasianus mongolicus—в Чжунгарии, Тянь-шане и на Или; Ph. torquatus—в Ордосе и Юго-восточной Монголии; Ph. schawi et Ph. insignis—найденные не так давно англичанами в окрестностях Яркенда и Кашгара; оба, быть может, один и тот же вид. Затем четыре вида, мною найденные: Ph. tarimensis—на Тариме; Ph. satscheuensis—в Са-чжеу; Ph. strauchi—в Гань-су; Ph. vlangalii—Цайдаме. Других фазанов, по всему вероятию, не найдется в Центральной Азии; разве окажется новым видом тот фазан, который водится возле города Черчена, под горами Алтын-таг. [Упоминаемые фазаны лишь подвиды одного вида Phasianus colchicus.]

Пресмыкающихся в оазисе Сачжеуском вообще немного; между прочими нами здесь была добыта небольшая ($2^1/_2$ фута длиною) змея (Eryx jaculus)—единственный представитель семейства удавов в северном полушарии.

Население описываемого оазиса состоит исключительно из китайцев и прежде было гораздо многочисленнее. Об этом можно судить по многим заброшенным полям и опустошенным фанзам. Дунганы дважды приходили сюда, в 1865 и 1872 годах, разорили все деревни, но самого города взять не могли. При нас во всем оазисе, т. е. в городе и деревнях, считалось до 10 тысяч взрослых мужчин, в том числе 2 тысячи солдат; число женщин и детей было неизвестно.

Наружным типом сачжеуские китайцы не отличаются, сколько кажется, от своих собратий, обитающих в других оазисах Центральной Азии, да и во всем Северном Китае вообще. Язык их, по отзыву нашего переводчика, тот же самый, каким говорят китайцы в Хами, Гучене и Кульдже. Городские жители имеют большею частью истасканные, противные физиономии; деревенское население выглядывает лучше, здоровее. Но у тех и у других одинаково нередки накожные болезни.

Сам город Са-чжеу больше Хами. Снаружи обнесен глиняною зубчатою стеною; внутри состоит из скученных фанз и грязных тесных улиц; словом, одинаково похож на все китайские города. Торговля в нем небольшая, удовлетворяющая лишь нуждам местного населения. Этою торговлею занимаются купцы из Хами и Ань-си; в небольшом числе и местные. Все привозные товары очень дороги; некоторые даже дороже, чем в Хами. Цены на местные продукты при нас были также высоки.

Окрестности описываемого оазиса. Окрестности оазиса Са-чжеу представляют собою дикую бесплодную пустыню. На южной его стороне, в расстоянии не более четырех или пяти верст от зеленеющих садов и полей, стоит высокая гряда холмов сыпучего песку. Гряда эта уходит к западу, но как далеко—мы не могли достоверно узнать от местных жителей. Быть может, эти пески тянутся до самого Лоб-нора и составляют таким образом восточный край Кум-тага[1], посещенного мною в январе 1877 года([39]).

Недалеко я был тогда от Са-чжеу—менее чем за 300 верст. Но пройти это расстояние оказалось невозможным по многим причинам, а главное по неимению проводников. Пришлось возвратиться в Кульджу и отсюда предпринять обходный путь через Чжунгарию на Хами в тот же Са-чжеу, т. е. сделать круговой обход по пустыням в три тысячи верст[2]. Между тем, пройти из Са-чжеу на Лоб-нор все-таки возможно. Известно, что здесь в древности пролегал караванный путь из Хотана в Китай. Тою же дорогою в 1272 году н. э. шел в Китай Марко Поло, а 150 лет спустя возвращалось из Китая в Герат посольство шаха Рока, сына Тамерланова.

В близкие к нам времена, лет десять тому назад, из Са-чжеу на Лобнор прошли несколько небольших партий дунган. Начальник одной из них даже ехал в двухколесной телеге, разбиравшейся и укладывавшейся на вьюк в трудных местах[3]. Конечно, необходимо только иметь проводника, хорошо знающего местность; или, если пуститься самому, то выбрать для этого зиму и запастись льдом на продолжительное время.

---

[1] Как то и сообщали прежде мне лобнорцы.

[2] И даже 4 200 верст, если считать возвращение из Гучена по случаю болезни.

[3] Я сам видел глубоко врезавшиеся в глинистой почве следы колес этой телеги в высоких долинах Алтын-тага в январе 1877 года.

Наш в нем бивуак. Придя в оазис Са-чжеу, мы расположились, не доходя шести верст до города, в урочище Сан-чю-шуй, на берегу небольшого рукава р. Дан-хэ, возле которого раскидывался обширный солонцеватый луг; на нем удобно могли пастись наши верблюды. Притом место это находилось несколько в стороне от проезжей дороги и густого населения, так что мы до известной степени избавлялись от «зрителей». Нужно на деле испытать всю назойливость этих последних в Китае, чтобы вполне оценить благополучие уединенной стоянки. Сачжеуские власти, выславшие к нам навстречу нескольких человек, предлагали остановиться в самом городе или возле него, но я решительно отклонил подобное предложение и сам выбрал место для бивуака. Если бы с нашим караваном забраться в китайский город, то можно ручаться, что дни, здесь проведенные, были бы днями истинных мучений от назойливой и грубой толпы. Я уже испытал это в 1871 году в городах Бауту и Дын-ху[1]. С тех пор мы располагали свой бивуак всегда подальше от города и уже отсюда ездили за необходимыми покупками. Так поступили и в Са-чжеу. Зато ежедневно посылаемые в город переводчик и один или двое казаков испивали до дна чашу нахального любопытства и грубого отношения китайцев к чужеземцам.

Назойливость городской толпы. Обыкновенно, с первым же шагом посланных в городские ворота, являлись «зрители», которыми были все встречные китайцы. Иные, завидя чужеземцев издали, забегали в дома и давали знать о необыкновенном событии. Из этих домов, из лавок и из боковых улиц, словом, отовсюду сбегались любопытные, толкались, давили друг друга, лишь бы поближе взглянуть на «заморских дьяволов». В несколько минут скоплялась громадная толпа, запружавшая улицу и двигавшаяся следом за ян-гуйзами. Мальчишки и даже взрослые забегали вперед, останавливались, пристально смотрели, смеялись и громко передавали свои впечатления; по временам из толпы слышался возглас: «Ян-гуйзы!», иногда с приложением ругательств. Но вот наши посланные останавливаются, слезают с лошадей и входят и лавку или под навес рыночных лотков. Толпа также останавливается и плотною стеною окружает переводчика и казаков. Более назойливые начинают ощупывать платье, обувь, руки, ноги и снимать фуражки с голов; при этом общий смех и различные остроты. Наш переводчик Абдул, говорящий, хотя и плохо, по-китайски, с своей стороны не дает спуску и ругает нахалов; но эта ругня возбуждает еще больший смех. По временам казак отмахивает в сторону то того, то другого из лезущих на него китайцев—опять смех и остроты. Между тем начинается покупка. Сначала торговец, увлеченный общим любопытством, только смотрит, вытаращив глаза, на чужеземцев, но потом смекает, что от ян-гуйзы можно поживиться, и обыкновенно запрашивает непомерную цену. Абдул вступает в торговлю, в чем принимают теперь участие и некоторые из «зрителей». Они кричат продавцу: «проси столько-то», «смотри, серебро у ян-гуйзы нехорошее, вески малы». Но торговец теперь уже сам не рад толпе, набившейся в его лавку, и старается поскорее отделаться, хотя все-таки не преминет взять лишнее и обвесить при получении платы. Последнюю необходимо производить, отвешивая серебро на маленьких весах вроде нашего безмена, так как в Китае не существует ни серебряной или золотой монеты, ни государствен-

[1] См. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 121—125 и 151—156 [в новом издании 1946 г. стр. 126—128 и 146—149].

ных кредитных бумажек. При подобном отвешивании европеец неминуемо передаст или недополучит серебра процентов на пять, даже на десять. Спорить бесполезно. Подобный обман практикуется китайскими торговцами и с своими покупателями; поэтому споры, даже драки в китайских лавках и на базарах, составляют явление самое обыденное. Покончив в одной лавке, наши посланные отправляются в другую. Там и дорогою повторяется прежняя история; только наглядевшиеся «зрители» теперь заменяются новыми, не менее, конечно, назойливыми и нецеремонными. Так продолжается во все время пребывания посланных в городе; только за его воротами они могут вздохнуть свободнее и без помехи ехать к своему бивуаку.

Недружелюбие китайских властей. Противоположно тому, как в Хами, в Са-чжеу мы встретили очень холодный прием со стороны китайских властей. Нам с первого же раза отказали дать проводника не только в Тибет, но даже в соседние горы, отговариваясь неимением людей, знающих путь. При этом китайцы стращали нас рассказами о разбойниках-тангутах, о непроходимых безводных местностях, о страшных холодах в горах и т. д. На все это я поставил один категорический ответ: дадут проводника—хорошо; не дадут—мы пойдем и без него. Тогда сачжеуские власти просили дать им время подумать и, вероятно, послали запрос, как поступить в данном случае, к главнокомандующему Цзо-цзунтану, проживавшему в то время в г. Су-чжеу.

Закупка продовольствия. С своей стороны, мы занялись покупкою и заготовлением продовольствия на весь дальнейший путь в Тибет. Статья эта была весьма важная, так как, будучи обеспечены продовольствием, мы могли уйти в горы без проводника и вообще действовать решительнее. Большую услугу оказал нам при этом провожавший из Хами офицер, за что и получил хорошие подарки. Этот офицер закупил для нас все, что было нужно, и с его помощью мы смололи себе из поджаренной пшеницы 35 пудов дзамбы, которой нельзя было достать в Са-чжеу. Дальнейшие же запасы нашего продовольствия состояли из 8 пудов рису, 5 пудов проса, 21 пуда пшеничной муки, 10 пудов пшеницы для корма лошадей, 4 пудов соли для себя и для верблюдов в горах, $1^1/_2$ пуда кирпичного чая, 1 пуда китайского сахара, 1 пуда финтяузы и 15 баранов.

Для приобретения всего этого потребовалась целая неделя времени, которая, однако, не прошла бесполезно относительно естественно-исторических исследований. Что же касается населения оазиса или окрестной страны, то об этом мы решительно ничего не могли узнать: от нас все скрывали, нас обманывали на каждом шагу. При этом местные власти постоянно уговаривали нас отложить дальнейший путь, и в подкрепление своих доводов указывали на пример венгерского путешественника графа Сечени[(40)], посетившего за два месяца до нас тот же Са-чжеу и отказавшегося от дальнейшего следования на Лоб-нор или в Тибет[1].

Продолжение пути. План моих дальнейших действий состоял в том, чтобы итти в соседние к Са-чжеу части Нань-шаня и провести там месяц или полтора. Необходимо это было для того, чтобы подробнее обследовать самые горы, дать отдохнуть и перелинять нашим верблюдам, отдохнуть самим и, наконец, подыскать за это время проводника в Тибет, или по крайней мере в Цайдам. Для того же, чтобы китайцы не распоря-

[1] Недарно вышло в Вене описание этого путешествия одним из спутников упомянутого графа, капитаном Kreitner'ом: «Im fernen Osten», 1881.

дились послать впереди нас запрещение давать нам провожатых, я объяснил сачжеускому начальству, что иду в горы лишь на время, а затем опять вернусь в Са-чжеу; просил, чтобы нам приготовили к тому времени и проводника в Тибет. Сколько кажется, сачжеуские власти поверили тому, что мы еще вернемся к ним и, после нескольких настоятельных с моей стороны внушений, согласились, наконец, дать нам проводников в ближайшие горы; но и тут покривили душою, как оказалось впоследствии.

Ранним утром 21 июня мы направились с места своего бивуака к Нань-шаню. Провожатыми явились офицер и трое солдат из Са-чжеу. Мы прошли возле стены этого города, где, конечно, не обошлось без многочисленных зевак; затем, сделав еще три версты к востоку, достигли окраины оазиса. Здесь, как и везде в Центральной Азии, культура и пустыня резко граничили между собою: не далее пятидесяти шагов от последнего засеянного поля и орошающего его арыка не было уже никакой растительности — пустыня являлась в полной наготе. Кайма деревьев и зелени, убегавшая вправо и влево от нас, рельефно намечала собою тот благодатный островок, который мы теперь покидали. Впереди же высокою стеною стояли сыпучие пески, а к востоку, на их продолжении, тянулась гряда бесплодных гор — передовой барьер Нань-шаня. Снеговые группы этого последнего резко белели на ярком летнем солнце и темноголубом фоне неба. В особенности грандиозною представлялась более обширная восточная снеговая группа. К ней мы теперь и направились, с лихорадочным нетерпением ожидая той минуты, когда, наконец, подойдем к самому подножию нерукотворных гигантов. Заманчивость впереди была слишком велика. Перед нами стояли те самые горы, которые протянулись к востоку до Желтой реки, а к западу — мимо Лоб-нора, к Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетского нагорья с северной стороны. Вспомнилось мне, как впервые увидел я эту ограду в июне 1872 года из пустыни Алашанской, а затем, четыре с половиною года спустя, с берегов нижнего Тарима. Теперь мы вступали в середину между этими пунктами — и тем пламеннее желалось поскорее забраться в горы, взглянуть на их флору и фауну...

С в я т ы е п е щ е р ы. Пройдя 12 верст от оазиса Са-чжеу к юго-востоку, мы круто повернули на юг и, войдя в ущелье, отделяющее сыпучие пески от гряды вышеупомянутых бесплодных гор, неожиданно встретили прекрасный ручей, протекавший под сенью ильмовых деревьев. Оказалось, что это весьма замечательное место, изобилующее святыми буддийскими пещерами и называемое китайцами Чэн-фу-дун, т. е. «тысяча пещер»[41]. До сих пор нам никто единым словом не намекнул об этой замечательности[1], которую, как оказалось впоследствии, посетил из Са-чжеу также и граф Сечени.

Все пещеры выкопаны людскими руками в громадных обрывах наносной почвы западного берега ущелья. Расположены они в два неправильных яруса; ближе к южному концу прибавлен третий ярус. Нижние ряды сообщаются с верхними посредством лесенок. Все это тянется на протяжении почти версты, так что здесь действительно наберется, если не тысяча, то, наверное, несколько сот пещер больших и малых. Немногие из них сохранились в целости; остальные же более или менее разрушены

---

[1] Впоследствии мы узнали также, что подобные пещеры, только в гораздо меньшем числе, находятся еще в пяти верстах прямо на юг от Са-чжеу, в окраине сыпучих песков, возле ключа Яо-чуань.

дунганами, дважды здесь бушевавшими. Кроме того, разрушению помогло и время; многие карнизы и даже целые половины верхних пещер обвалились, так что помещавшиеся внутри их идолы стоят теперь совсем наружу.

На южной оконечности пещер находится кумирня, где живет монах (хэшен), заведующий всей этою святыней. Он сообщил нам, что пещеры устроены весьма давно, еще при династии Хань[1], и что постройка их стоила очень дорого. Действительно, работы при этом было гибель. Необходимо было каждую пещеру выкопать в отвесном обрыве почвы (правда, нетвердой), а затем внутри оштукатуривать глиною. Кроме того, верхние своды и стены всех пещер покрыты, словно шашками, маленькими изображениями какого-либо божка; местами же нарисованы более крупные лица богов и различные картины.

Каждая из малых пещер имеет от 4 до 5 сажен в длину, 3—4 сажени в ширину и сажени 4 в высоту, Против входа в углублении стены, помещен в сидячем положении крупный идол, сам будда; по бокам его стоят несколько (обыкновенно по трое) прислужников. У этих последних лица и позы изменяются в различных пещерах. Большие пещеры вдвое обширнее только что описанных. В них идолы гораздо крупнее, иногда вдвое более роста человеческого; стены же и потолок отделаны старательнее. Притом в больших пещерах главные идолы поставлены посредине на особом возвышении; идолы же помельче расположены сзади этого возвышения и по бокам стен.

В особом помещении находятся два самых больших идола всех пещер. Один из них, называемый Да-фу-ян, имеет около 12—13 сажен высоты и от 6 до 7 толщины; длина ступни 3 сажени; расстояние между большими пальцами обеих ног 6 сажен. Этот идол обезображен дунганами. Другой большой идол, называемый Джо-фу-ян, по величине почти вдвое меньше первого. Наконец в двух пещерах, вдоль задней стены, помещены в каждой по одному очень большому идолу в лежачем положении. Один из этих идолов изображает женщину. Другой, называемый Ши-фу-ян, окружен своими детьми, числом 72. Голова этого идола, кисти рук, сложенных на груди, и босые ноги вызолочены, одеяние же выкрашено в красный цвет. Все идолы, как большие, так и малые, сделаны из глины с примесью тростника.

Перед входом в главные пещеры, а иногда внутри их, помещены глиняные же изображения разных героев, часто с ужасными, зверскими лицами. В руках они держат мечи, змей и т. п.; в одной из пещер такой герой сидит на слоне, другой на каком-то баснословном звере. Кроме того, в одной из пещер поставлена большая каменная плита, вся исписанная по-китайски; вверху ее и на сторонах видны какие-то крупные надписи, непонятные для китайцев, как нам сообщал провожавший хэшен. При больших пещерах, а иногда и при малых, висят большие чугунные колокола; внутри же находятся особые барабаны. Все это, конечно, употреблялось прежде при богослужении.

Таинственный мрак царствует в особенности в больших пещерах; лица идолов выглядывают какими-то особенными в этой темноте. Понятно, как сильно должна была действовать подобная обстановка на воображение простых людей, которые некогда, вероятно во множестве, стекались сюда, чтобы поклониться воображаемой святыне.

[1] Старших или младших Ханей—объяснить нам не могли. [Китайская династия Хань: западная Хань—202 г. до н. э.—8 г. н. э., восточная Хань—25—220 гг. н. э.]

Идол (Да-фу-ян) в одной из пещер Чэн-фу-дун

П е р е х о д д о р. Д а н-х э. Та речка, близ устья которой расположены вышеописанные пещеры, называется Шуй-го и образуется из ключей в верхних частях ущелья, прорезывающего окрайнюю гряду гор. Пройти по этому ущелью в его нижней части оказалось невозможно; мы должны были сделать трудный шестиверстный обход по сыпучим пескам, а затем опять опустились в самое ущелье. Его боковые скалы отвесны, довольно высоки и состоят из серого мелкозернистого гнейса. Ширина окрайней гряды в этом месте около двенадцати верст; затем горы, и без того невысокие, еще более мельчают; наконец, раскрывается обширная равнина, на противоположной стороне которой высится главный кряж Нань-шаня.

На упомянутую равнину мы вышли возле ключа Да-чуань, близ которого некогда стояла китайская фанза и обрабатывалось небольшое поле. Все это было заброшено, вероятно, со времени дунганского разорения.

От ключа Да-чуань двое из наших провожатых, именно офицер и один из солдат, отправились обратно в Са-чжеу. С нами остался только полицейский и его помощник. Эти вожаки объявили, что впереди лежит большой безводный переход. Поэтому мы только пообедали возле ключа Да-чуань, а затем двинулись далее. Дорогою ночевали с запасною водою; назавтра же, еще довольно рано утром, добрались до р. Дан-хэ, той самой, которая орошает оазис Са-чжеу.

О б м а н п р о в о д н и к о в. Но не на радость пришли мы к этой речке. В ее крутых, часто отвесных, берегах едва отыскалась тропинка, по которой можно было спуститься к воде с вьючными верблюдами. Затем проводники, заведя нас, совершенно умышленно, как оказалось впоследствии, в столь трудное место, объявили, что далее не знают дороги. Опять-таки это была ложь, исполненная, вероятно, по приказанию сачжеуских властей, рассчитывавших, что, не имея проводников, мы не пойдем в горы и вернемся в Са-чжеу. Однако китайцы ошиблись в своем расчете. Проводники были прогнаны, и мы решили сами поискать пути в горы, до которых теперь уже было недалеко. С большим трудом выбрались мы со своим караваном из глубокого ущелья Дан-хэ, с тем чтобы итти равниною вверх по этой реке; но глубокие балки с отвесными боками сразу преградили нам дальнейший путь. Пришлось вернуться, спуститься опять в ущелье Дан-хэ и, переправившись через эту чрезвычайно быструю и довольно глубокую (до 3 футов на переправе) реку, остановиться на противоположном берегу ее, так как крутой подъем, спуск и переправа заняли более трех часов времени и утомили наших верблюдов. На следующий день мы направились вверх уже по левому берегу Дан-хэ, притом в некотором от нее расстоянии. Итти было гораздо удобнее, и через 17 верст мы достигли того места, где Дан-хэ выходит из высоких гор. Здесь я решился остановиться и серьезно позаботиться о дальнейшем пути. Пока же опишем местность, уже пройденную.

П е р е д о в о й у с т у п Н а н ь - ш а н я. Обширная равнина, по которой в последние дни лежал наш путь, составляет в этом месте передовой уступ Нань-шаня к стороне Хамийской пустыни. Поперечник этой равнины, по нашему пути, заключал в себе более 50 верст; абсолютная же высота, поднявшаяся близ ключа Да-чуань более чем на 5 000 футов, достигла, постепенно прибавляясь, до 7 600 футов при выходе р. Дан-хэ из высоких гор. Северною оградою этой, покатой от юга к северу, плоскости служит, как сказано выше, гряда невысоких бесплодных гор, которые

западнее речки Шуй-го заменяются холмами, или, пожалуй, даже горами сыпучего песка; наконец, еще западнее, далеко на горизонте, чуть виднеются в том же направлении горы, которые, вероятно, составляют один из отрогов лобнорского Алтын-тага[1].

По своему характеру описываемая высокая равнина у подножия главного кряжа Нань-шаня совершенно напоминает пустыню. Почва состоит из солонцеватой глины с галькою. Растительность та же, что и в пустыне: саксаул, хармык, сульхир (Agriophylium gobicum), [джузгун, хвойник, полынь чернобыльник]—Calligonum, Ephedra, Artemisia campestris; ближе к Нань-шаню эта растительность гуще покрывает почву.

Воды нет вовсе, за исключением лишь р. Дан-хэ, которая вытекает далеко из восточных снеговых гор и перед прорывом гряды сыпучих песков принимает, как нам сообщили впоследствии монголы, другую речку, приходящую от западной снеговой группы.

Среднее и верхнее течение р. Дан-хэ. В среднем своем течении, принадлежащем вышеописанной высокой равнине, р. Дан-хэ[2] имеет сажен 10, местами 15 ширины, при глубине во время высокой летней воды от $2^1/_2$ до 4 футов. Течение чрезвычайно быстрое, так как наклон местности очень велик. Вода до того мутная, что кажется густою и имеет грязно-желтый цвет. Подобная мутность обусловливается тем, что описываемая река в большей части своего течения проходит по лёссовой почве, которую размывает своими быстрыми волнами. Разрушительное действие такого размывания всего сильнее проявляется в среднем течении Дан-хэ. Здесь она промыла себе очень глубокое ложе, так что течет словно в коридоре или траншее. Отвесные бока этого коридора имеют от 20 до 30 сажен высоты; верхний их пояс, приблизительно на толщину от 4 до 7 сажен, состоит из округленной гальки. Пониже этого наносного водою слоя обрывы берегов Дан-хэ состоят из желтоватой лёссовой глины, которая здесь, как и везде, проявляет особенную способность к вертикальному растрескиванию. Результатом этого растрескивания являются многочисленные, также с отвесными боками, балки, которые сбегают к описываемой реке от окрайних гор правого берега в верхней части ее среднего течения.

Здесь ширина той траншеи, в которой течет Дан-хэ, не более 300, местами 500 шагов. Сама река беспрестанно ударяется то в правый, то в левый берег своего коридора, бока которого постоянно обваливаются, иногда огромными глыбами. Свободные площадки, образуемые излучинами реки, сплошь почти поросли кустарниками—тальником, джидою и облепихою; реже встречаются барбарис (Berberis integerrima), чагеран (Hedysarum multijugum, n. sp.), сугак (Lycium turcomanicum) и ломонос (Clematis orientalis). Из трав обыкновенны: дырисун и тростник; местами прокидываются два-три вида Astragalus [астрагал], на мочежинах Orchis и Gentiana [кукушкины слезки или ятрышник и горечавка]; кой-где встречается Cynomorium coccineum [циноморий], достигающий весьма большого роста[3].

Птиц по кустарникам и обрывам, против ожидания, мы нашли немного. Сачжеуский фазан сюда не заходит. Чаще же других встречались: сорокопут (Lanius isabellinus), славка (Sylvia curruca), стриж (Cypselus

[1] Быть может—восточный край Алтын-тага. См. «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 36 [горы Анимбар-ула, связующее звено между Алтын-тагом и Нань-шанем].

[2] У монголов Данхын-гол.

[3] Над землею ствол 11 дюймов высоты при толщине $2^1/_4$ дюймов.

murarius) и горная куропатка (Caccabis chukar); реже попадались каменный голубь (Columba rupestris), пустынный воробей (Passer timidus n. sp.), плисица (Motacilla paradoxa), а по самой реке горные гуси (Anser indicus) с выводками молодых.

Жителей нигде не было, хотя местами встречались заброшенные поля и разоренные фанзы.

Верхнее течение р. Дан-хэ принадлежит вполне горам. Исследовано оно нами лишь в местности ближайшей к наружной окраине этих гор. Здесь грязные волны быстро несутся по огромным валунам, которыми усеяны дно и берега реки; кустарников уже мало. Береговые же обрывы часто заменяются крутыми скатами гор, также состоящих на своей поверхности почти исключительно из лёссовой глины и галечного наноса. Местами эти наносы имеют от 8 до 12 сажен толщины; в нижнем их поясе попадается много крупных гранитных валунов.

Вся местность на верхней Дан-хэ, как и вообще в этой части Нань-шаня, изобилует золотом. В прежние времена, до дунганского восстания, это золото усердно разрабатывалось китайцами. Старые шахты встречались нам часто; обыкновенно они имели от 5 до 10 сажен глубины. Рабочие жили тут же в небольших пещерках, выкопанных в обрывах наносной почвы. Местами в горах видны были также следы прежних канав, иногда проведенных издалека для промывки золотоносного песку.

Разъездами отыскиваем путь. С места нашей стоянки, при выходе р. Дан-хэ из гор, мы предприняли розыски дальнейшего пути. Для этого снаряжены были два разъезда на верховых лошадях. В один из этих разъездов послан был казак Иринчинов с препаратором Коломейцевым. Им приказано было ехать возможно далее вверх по Дан-хэ. В другой разъезд, в горы на юг, отправился я сам с унтер-офицером Урусовым.

Все мы поехали налегке, захватив с собою по небольшому котелку для варки чая и по нескольку фунтов дзамбы; войлок из-под седла должен был служить постелью, седло изголовьем. При таком снаряжении, на привычной верховой лошади, и проходя трудные места пешком, можно пробраться решительно везде, даже в самых диких горах. При больших летних днях нетрудно проехать верст пятьдесят, делая в полдень отдых часа на два-три. Следовательно, дня в три-четыре можно обследовать местность далеко и разыскать более удобный путь. Подобный способ практиковался нами много раз впоследствии и почти всегда приводил к благоприятным результатам. Главное—делаешься сам хозяином пути и не нуждаешься в проводниках, по крайней мере в тех местах, где этих проводников затруднительно или вовсе невозможно достать.

Лишь только, отправившись в разъезд, заехали мы в горы, как поднялась гроза, и хотя дождь был не очень велик, но тем не менее выпавшая влага не могла удержаться на оголенных глинистых скатах. Отовсюду побежали ручьи, мигом образовавшие на дне ущелья, по которому мы ехали, ручей, сажени в две ширины и около фута глубиною. С шумом бежала навстречу нам, по совершенно сухому перед тем руслу, густая от грязи вода, которая прыгала через камни, местами же на обрывах образовывала водопады. Но лишь только окончился дождь, как через полчаса или даже того менее ручей исчез, и только полосы нанесенной грязи свидетельствовали о его непродолжительном существовании.

Случайная встреча монголов. Отъехав еще немного и перебравшись через крутой отрог гор, мы неожиданно услышали недалеко в стороне от нас в боковом ущелье людские голоса. Минуту спустя

Куку-яман

оттуда выехали верхом двое монголов; у каждого из них была еще запасная лошадь. Испугавшись неожиданной встречи, монголы хотели было удрать назад, но мы уже стояли возле них и, поздоровавшись, начали расспрашивать, кто они такие, куда едут, знают ли дорогу в Цайдам. Все еще не оправившиеся от страха, монголы объяснили сначала, что они охотятся за сурками, а потом стали утверждать, что они пастухи и ищут потерявшихся лошадей. Весьма вероятно, что то и другое было ложь и что встреченные нами монголы промышляли воровством лошадей. Но для нас в эту минуту было решительно все равно, какою профессией занимаются эти монголы. Встреча с ними в данных обстоятельствах оказалась счастливою находкою, упустить которую было невозможно. Люди эти, несомненно, отлично знали окрестные горы и могли показать нам путь в Цайдам. Поэтому, поговорив немного, мы ласково пригласили встреченных ехать вместе с нами к нашему бивуаку. Монголы наотрез отказались от этого. Напрасно обещана была хорошая плата и подарки — ничего не действовало. Тогда я объявил монголам, что поведу их насильно в свой лагерь, и велел ехать с нами; на случай же бегства предупредил, что по ним будут стрелять. Волею-неволею, дрожа от страха, монголы поехали под нашим конвоем. Дорогою, видя, что мы ничего дурного не делаем, наши пленники немного успокоились и прежде всего начали расспрашивать, кто наш начальник и какую имеет он на шляпе шишку, т. е. чин, нисколько не подозревая, что сам начальник едет с ними в простой парусинной рубашке. Поздно ночью приехали мы к своему бивуаку, где монголы были напоены чаем, накормлены, но для предупреждения бегства посажены под караул. На следующий день утром эти простаки сильно удивлялись, что приведший их из гор «орос-хун», т. е. русский человек, был сам начальник отряда. Видя безысходность своего положения, плененные монголы, сначала отговорившиеся незнанием пути в Цайдам, объявили, наконец, что покажут нам туда дорогу.

Они указывают нам дорогу в Цайдам. И вот, после полудня того же дня, мы отправились с своими новыми провожатыми в дальнейший путь. На случай, если бы нам не встретились посланные в другой, еще не вернувшийся, разъезд, мы оставили записку, куда идем и прикрепили эту записку в расщеп палки, воткнутой в землю на месте покинутого бивуака.

Оставив его, мы должны были переправиться, с большим опять трудом, на правую сторону Дан-хэ; затем следовали верст пять по горной долине; наконец, повернули вправо на перевал через хребет, который невдалеке отсюда отделяется от главного и уходит к северо-востоку. Подъем и спуск были круты, но тропинка хорошо проложена, местами даже выбита в скалах; видно было, что по этой дороге прежде часто ездили. Спустившись опять к Дан-хэ, мы остановились ночевать. На следующий день утром, пройдя около пяти верст вверх по берегу той же Дан-хэ, мы встретили перекинутый через нее мостик, возле которого стояла заброшенная фанза, — то был некогда китайский пикет, как сообщили провожавшие нас монголы. Однако по мостику могли проходить только люди и лошади; верблюдов опять пришлось переводить в брод через быструю Дан-хэ, которая и здесь имеет 6—8 сажен ширины при глубине от 2 до 3 футов.

Прекрасная стоянка. От этой последней переправы мы пошли вверх по речке Куку-усу, левому притоку Дан-хэ. Отойдя менее трех верст, встретили довольно обширное (десятины две-три) луговое место, обильное ключами и превосходным кормом. Кроме того, по берегу

Куку-усу здесь рос тамариск, годный на топливо; даже солонцы—и те нашлись для верблюдов. Словом, место выпало такое, лучше которого невозможно было бы найти в здешних горах. Конечно, мы здесь остановились, благословляя судьбу, неожиданно пославшую нам столь благодатный уголок. В нем мы могли спокойно отдохнуть и поправить своих животных, а между тем исследовать окрестные горы.

Двое казаков были посланы дальше с провожатыми монголами узнать дорогу в Цайдам. Посланные возвратились на следующий день и объявили, что монголы указали им желанную тропинку, которая вела на южную сторону Нань-шаня. Там уже жили монголы Цайдама. Наши же невольные проводники, получив плату, уехали куда-то далее.

Таким образом, благодаря счастливой случайности, мы так легко отыскали себе отличную стоянку в горах и узнали дальнейший путь в Цайдам. Теперь, на радостях, решено было сначала хорошенько отдохнуть, а затем уже отправиться в ближайшие снеговые горы.

Давно мы не видали такой благодати, какая была теперь вокруг нас: палатка наша стояла на зеленом лугу, мы пили ключевую воду, купались в светлой речной воде[1], отдыхали в прохладе ночи. Кругом нас не было ни китайцев, ни монголов, а это тоже благо великое. Наши животные могли каждый день наедаться сочной зеленой травы; их не беспокоили ни мошки, ни оводы. Только одно печалило нас—именно то, что окрестные горы имели совершенно пустынный характер и не предвещали обильной добычи ни в растительном, ни в животном мире. Лесов, на которые мы так рассчитывали, не оказалось вовсе. Только одна альпийская область могла вознаградить бедность нижнего и среднего пояса этой части Нань-шаня: но и эта надежда исполнилась впоследствии только отчасти.

Посланные в разъезд Иринчинов и Коломейцев вернулись только на пятый день. Они рассказали, что ездили верст за сто вверх по Дан-хэ, которая все время течет близ северной подошвы громадного снегового хребта. Хребет этот уходит еще далее к востоку-юго-востоку, но везде одинаково безлесен и бесплоден. До истоков Дан-хэ посланные не добрались, хотя до них, вероятно, оставалось уже недалеко.

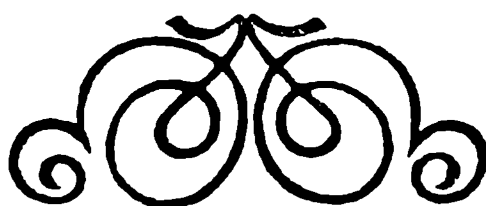
Дорога, хорошо проложенная, не терялась все время. В одном месте посланные встретили трех китайцев, которые, вероятно тихомолком, промывали золото. Один из этих китайцев, говоривший по-монгольски и ранее виденный нами по пути из Са-чжеу, сообщил Иринчинову и Коломейцеву, что дорога, по которой они едут, ведет к большим рудникам золота, ныне заброшенным. По этой дороге наши посланные нередко встречали, также заброшенные китайские пикеты и даже небольшие глиняные крепостцы, которыми, вероятно, обеспечивалось движение к золотым рудникам из Са-чжеу.

Причины подозрительности китайцев. Тот же китаец в минуту откровенности сообщил Иринчинову и Коломейцеву, что когда он повстречался с нами близ пещер Чэн-фу-дун, то наши провожатые из Са-чжеу тотчас объявили ему, чтобы он ничего не смел рассказывать про горы; в противном случае грозили отрубить голову. Наше начальство и весь народ говорят, продолжал китаец, что вы ходите здесь, чтобы разыскать золото; от вас велено все скрывать, вас велено постоянно обманывать. Таким образом объяснилось, почему сажчеуские власти так упорно не хотели пускать нас в горы и даже прибегли к умышлен-

[1] Вода в р. Куку-усу, противоположно воде в Дан-хэ совершенно чистая.

ному обману в пути, посредством данных нам проводников. К опасению относительно золота присоединилось и другое опасение, чтобы русские не проведали новый путь в Тибет, как известно, не слишком-то подчиненный Китаю.

Неутешительны были такого рода сведения. Теперь можно было наверное рассчитывать, что китайцы постараются всеми средствами затруднить нам дальнейший путь в столицу далай-ламы. Оставалось только уповать на самих себя и на свое счастье, так много раз выручавшее меня в различных трудных обстоятельствах совершенных путешествий.

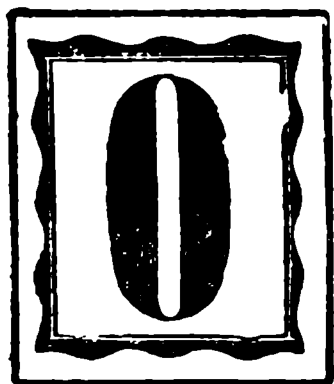

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХРЕБЕТ НАНЬ-ШАНЬ

Две характерные части Центральной Азии.—Хребты Гумбольдта и Риттера в Нань-шане.—Связь этого последнего с Алтын-тагом.—Нань-шань близ Са-чжеу.—Средний пояс северного склона описываемых гор.—Его флора и фауна.—Область альпийских лугов.—Пояс каменных россыпей.—Область вечного снега.—Фауна альпийской области.—Климат западного Нань-шаня.—Сравнение этих гор с их восточною окраиною.

ткрытием мною в конце 1876 года громадного хребта Алтын-тага близ Лоб-нора, определилась неизвестная до тех пор связь между Куэн-люнем и Нань-шанем и выяснилось, по крайней мере в общих чертах, положение северной ограды всего Тибетского нагорья. Это последнее на меридиане Лоб-нора обогатилось придатком почти в 3° широты; Цайдам оказался замкнутою высокою котловиною, а знаменитый Куэн-люнь, протянувшийся, под различными названиями, от верховьев Яркендской реки внутрь собственно Китая, только западной своей частью оградил высокое Тибетское плато к стороне низкой Таримской пустыни. Дальнейшею оградою того же Тибетского плато служит новооткрытый Алтын-таг, соединяющийся с одной стороны посредством Тугуз-дабана с Куэн-люнем, а с другой—как то теперь уже смело можно утверждать—примыкающий к Нань-шаню, протянувшемуся от Са-чжеу до Желтой реки.

Таким образом, является непрерывная, гигантская стена гор от верхней Хуан-хэ до Памира. Эта стена огораживает собою с севера самое высокое поднятие Центральной Азии и разделяет ее на две, резко между собою различающиеся, части: монгольскую пустыню—на севере и Тибетское нагорье—на юге.

Нигде более на земном шаре нельзя встретить, на таком обширном пространстве, столь резкого различия двух рядом лежащих стран. Горная гряда, их разделяющая, часто не превосходит нескольких десятков верст в ширину, а между тем по одну и по другую ее стороны лежат местности, совершенно различные по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец, по происхождению и историческим судьбам народов, здесь обитающих.

Но обратимся собственно к Нань-шаню.

Хребты Гумбольдта и Риттера в Нань-шане. Хребет этот, как выше сказано, тянется к западу от верхней Хуан-хэ и, состоя из нескольких параллельных цепей[1], образует горную альпийскую страну, наиболее расширенную к северу и северо-западу от озера Куку-нора. Здесь же описываемые горы местами переходят за пределы вечного снега; от Южно-Кукунорского хребта они отделяются долиною р. Бухайн-гола.

На меридиане оазиса Са-чжеу Нань-шань суживается верст на 40 и даже более близ снеговой группы Анембар-ула [Анимбар, 4 419 м]. Но перед

Один из ледников южного склона хребта Гумбольдта

таким сужением, в 90 верстах восточнее вышеназванной снеговой группы и также на главной оси описываемых гор, встает громадный вечноснеговой хребет, протянувшийся более чем на 100 верст в направлении от запада-северо-запада к востоку-юго-востоку. На восточной окраине этого хребта к нему примыкает от юго-юго-запада почти под прямым углом другой хребет, также вечноснеговой и немного разве меньший по длине. Южною своею частью этот хребет упирается в пустыню северного Цайдама близ озера Ихэ-цайдамин-нор. Ни тот, ни другой из указанных снеговых хребтов не имеют общего названия у местных жителей, различающих, как обыкновенно, названиями лишь отдельные части гор и их главные вершины. Пользуясь правом первого исследователя я назвал, там же на месте, снеговой хребет, протянувшийся по главной оси Нань-шаня—хребтом Гумбольдта, а другой, ему перпендикулярный—хребтом Риттера, в честь

---

[1] По крайней мере из трех, как то было по нашему пути 1872—1873 годов от города Даджина до кумирни Чейбсен. «Монголия и страна тангутов», стр. 229 [стр. 202 и примечание 91 и 96 в издании 1946 г.].

двух великих ученых, столь много работавших для географии Центральной Азии[1]. Отдельные вершины хребта Гумбольдта поднимаются на абсолютную высоту до 19 000 футов[2].

Связь этого последнего с Алтын-тагом. Снеговая группа Анембар-ула, гораздо меньшая по величине, нежели хребет Гумбольдта, составляет крайний западный пункт Нань-шаня. Отсюда лишь немного более 150 верст до той части лобнорского Алтын-тага[3], которая посещена была мною в январе 1877 года. Связь тех и других гор несомненна. Только какое приурочить название для этой промежуточной части, если такого названия не существует? Мне кажется, удобнее оставить и для нее название Алтын-таг, так как горы эти своим характером, по всему вероятию, не отличаются от гор ближайших к Лоб-нору.

Что же касается до снегового хребта Чамен-таг, о котором рассказывали мне лобнорцы[4], то, весьма вероятно, что этот хребет принадлежит к системе Алтын-тага и составляет северную ограду западной части цайдамской котловины. Южною же оградою всей этой котловины стоит, на продолжении хребта Бурхан-Будда, громадная цепь гор, прямо уходящая к западу, и, по всему вероятию, составляющая главную ось Куэн-люня. Но об этом речь впереди (43). Теперь же подробно о Нань-шане близ Са-чжеу.

Нань-шань близ Са-чжеу. Хребет этот состоит здесь из двух, рядом почти лежащих, цепей, отделяющихся близ западной оконечности гор Гумбольдта и вновь соединяющихся в снеговой группе Анембар-ула. Северная, т. е. ближайшая к Са-чжеу, цепь должна быть принята за главную. От нее, при выходе р. Дан-хэ из гор, отделяется новая широкая гряда гор, уходящих к северо-востоку. Между этою грядою и горами, расположенными на правой стороне верхней Дан-хэ, расстилается обширная высокая равнина с совершенно пустынным характером. Такого же свойства равнины, только меньших размеров, залегают и между двумя вышеупомянутыми цепями Нань-шаня; наконец передний его уступ к стороне Са-чжеу[5] представляет также высокую пустынную равнину. Таким образом, Нань-шань в своей крайней западной части, подобно Тянь-шаню имеет ту особенность, что изобилует высокими обширными плоскостями, несущими совершенно пустынный характер. Сходен он в этом отношении с Алтын-тагом и вообще с горами Северного Тибета, где местности равнинные являются не более, как обширными долинами между горными хребтами.

Средний пояс северного склона описываемых гор. Впрочем, весь почти средний пояс Нань-шаня, в описываемой части его северного склона, несет пустынный характер. Почва гор этого пояса, лежащего приблизительно между $7^1/_2$—11 тысяч футов абсолютной высоты, состоит исключительно из лёссовой глины и мелкой гальки; в последней часто встречаются сильно округленные гранитные валуны. Скал

---

[1] В китайских географиях, быть может, и существуют названия для новоокрещенных хребтов, но этих названий, равно как и самых хребтов, нет ни на одной из европейских карт(42).

[2] Быть может, и выше—в средней и восточной частях этого хребта. При этом следует оговорить, что направление обоих хребтов нанесено на моей карте приблизительно, насколько то можно было определить издали буссолью.

[3] Близ ключа Галечан-булык.

[4] «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 36 [новое издание 1947 г. стр. 60].

[5] Описанный в предыдущей главе.

очень мало; они состоят из сиенита, серого гнейса и темного глинистого сланца; кой-где попадается белый мрамор. Горные скаты везде очень круты; местами, в узких ущельях, почти отвесны.

Вообще описываемый пояс Нань-шаня несет весьма дикий характер и трудно доступен. Орошение его, вследствие сухости климата, очень бедное. Эта-то причина обусловливает, главным образом, отсутствие лесов и скудость флоры вообще.

Его флора. Всего беднее и однообразнее эта флора по вышеупомянутым высоким равнинам. Их глинистая почва нигде не прикрыта зеленым ковром; наоборот, равнины эти издали кажутся совершенно серыми. Скудная растительность обыкновенно рассажена здесь редкими кустиками. Только повыше, в соседстве альпийского пояса, становится немного лучше. Здесь в большом количестве появляются мелкая полынь (Artemisia pectinata) и ковыль (Stipa sp.). Из других же растений, свойственных описываемым равнинам, можно назвать только представителей пустынной флоры: бударгану (Kalidium gracile), [реамюрию]—Reaumuria songarica, Reaumuria trigyna n. sp. и кой-где дырисун (Lasiagrostis splendens). Не богаче растительность и на горных скатах среднего пояса Нань-шаня. Там, на глинистой, также большей частью оголенной почве, врассыпную растут вышеназванные невзрачные представители флоры, к которым прибавляются: Salsola abrotanoides n. sp., Sympegma Regelii [солянка и бударгана], Tanacetum sp. [по В. Л. Комарову Pyretrum, т. е. ромашник], изредка Astragalus monophyllus [астрагал однолистный], а повыше на лучших местах курильский чай (Potentilla fruticosa) и кипец (Festuca sp.)

По горным долинам, в особенности там, где бегут речки, растительность, как и следует ожидать, разнообразнее. Здесь встречаются, хотя и в небольшом числе, кустарники: чагеран (Hedysarum multijugum, n. sp.), изредка попадающийся по горам почти до 11 тысяч футов абсолютной высоты; тамариск (Tamarix elongata?), хармык (Nitraria Schoberi), который на этой высоте в начале июля еще только цветет; красивый сабельник (Comarum Salessowii); Caryopteris mongolica, растущая также и в пустыне Алашанской; наконец кой-где тальник (Salix sp.) и облепиха (Hippophae rhamnoides), поднимающиеся лишь до $8^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты; ломонос (Clematis orientalis) нередко обвивает эти кустарники и покрывает их густою шапкою своих желтых цветов. Из трав в тех же долинах встречаются: злаки (Hordeum pratense, Triticum strigosum(44), Poa sp. [ячмень, пырей, мятлик]), лапчатки (Potentilla dealbata, P. bifurca), [астра]—Calimeris alyssoides, колокольчик (Adenophora Gmelini), [молокан]—Mulgedium tataricum, лук (Allium tenuissimum), изредка ревень (Rheum spiciforme var.) и красивая генциана (Gentiana barbata). Местами в орошенных долинах, попадаются ключи, а возле них небольшие площадки тростника (Phragmites communis) и зеленеющие болотистые лужайки, на которых произрастают: синий зверобой (Pleurogyne rotata), [млечник приморский],—Glaux maritima, [кобрезия]—Elyna n. sp., два-три вида [лютика]—Ranunculus, [горец сибирский]—Polygonum sibiricum.

Фауна. Бедный своею флорою средний пояс Нань-шаня не богат и животною жизнью. Из крупных зверей, по высоким долинам, здесь живут, местами даже в большом количестве, хуланы[1] (Asinus kiang), изредка

---

[1] Подробности о хулане см. в моей «Монголия и страна тангутов», 1875, стр. 282—285 [в издании 1946 г. стр. 236—238].

попадаются хара-сульты (Antilope subgutturosa); в самых горах обыкновенны зайцы (Lepus sp.) и волки (Canis lupus), но лисиц мало; немного также и мелких грызунов.

Птиц в среднем поясе Нань-шаня также очень мало. Чаще других встречаются: скалистая куропатка (Caccabis chukar), завирушка (Accentor fulvescens), чечетка (Linota brevirostris), чеккан (Saxicola salina), сокол пустельга (Falco tinnunculus), ворон (Cervus corax); возле речек — плисица (Motacilla paradoxa), горихвостка (Ruticilla rufiventris), кулик-красноножка (Totanus calidris) и кулик-черныш (Totanus ochropus). Все эти птицы, даже мелкие пташки, весьма осторожны, вероятно потому, что редко видят человека.

В речках и ключах среднего пояса Нань-шаня нет ни рыб, ни лягушек; змеи же—Trigonocephalus intermedius [подкаменщик] попадаются нередко по долинам до $9^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты; обыкновенны здесь также и ящерицы, но одного только вида—Phrynocephalus sp. [круглоголовки].

Жителей в описываемых горах во время нашего там пребывания не было вовсе. Между тем, местами попадались старые монгольские стойбища, а по р. Дан-хэ, как уже было говорено выше, прежде расположены были китайские пикеты, оберегавшие дорогу из Са-чжеу к золотым рудникам.

Область альпийских лугов. Верхний альпийский пояс Нань-шаня обнимает собою все горы выше 11 тысяч футов и, как вообще в громадных хребтах, представляет три характерные части: область альпийских лугов, область каменных россыпей и область вечного снега.

Начнем по порядку с альпийских лугов.

Поднимаясь вверх по сухим, волнистым долинам или по бесплодным глинистым скатам Нань-шаня, путешественник приближается к диким, грандиозным вершинам, венчающим главный гребень описываемого хребта. Здесь горные громады теснятся сплошною стеною; их боковые скаты чрезвычайно круты и обыкновенно усеяны каменными россыпями; там же, где горы поднимаются еще выше, они покрыты белою шапкою вечного снега. Между бесплодным средним поясом и совершенно оголенными россыпями лежит область альпийских лугов, где, благодаря сравнительно большему орошению, травянистая растительность довольно обильна и разнообразна.

Собственно пояс альпийских лугов занимает в вертикальном отношении неширокую полосу от 11 до $12\ ^1/_2$ или до 13 тысяч футов абсолютной высоты, да и то в верхней своей части нередко изборожден оголенными россыпями, а внизу иногда уступает место бесплодным глинистым площадям и вершинам. Всего привольнее раскидываются альпийские луга Нань-шаня там, где они укрыты горами и притом орошены горными речками или ключами. Во время нашего посещения этих местностей, в июле, стояла пора самой энергичной жизни описываемого пояса, и пестрый ковер цветов часто сплошь покрывал довольно значительные площади.

По количеству на первом месте стояли горошки (Oxytropis, Astragalus), которых нами было здесь собрано 11 или 12 видов. Из них везде преобладал Astragalus alpina affinis [астрагал альпийский]; затем обыкновенны были: Astragalus confertus, Oxytropis falcata, Oxytropis kansuensis, Oxytropis strobilacea [астрагал плотный и три вида остролодки] и др. Между ними пестрели: крупная темносиняя и крошечная голубенькая генциана (Gentiana decumbens, G. prostrata), желтый лютик (Ranunculus affinis), желтая лапчатка (Potentilla multifida) и белые головки чесноку (Allium platyspathum) [правильно: лук широкочехольный]. Там, где сочились

небольшие ключи, цвели: розовый мытник (Pedicularis labellata), мякир (Polygonum viviparum), одуванчик (Taraxacum glabrum), осока (Carex ustulata) и маленький Calamagrostis sp.[вейник]. По берегам речек встречались: сабельник (Comarum Salessowii) с крупными белыми цветами и курильский чай (Potentilla fruticosa) с цветами желтыми; генциана (Gentiana tenella), [колокольчик гималайский]—Adenophora Gmelini и красивенькая [скерда] Voungia flexuosa; по лугам же касатик (Iris sp.), в то время уже отцветший.

Таковы альпийские луга Нань-шаня, лежащие в области вечноснеговых вершин. Там же, где горы не переходят за снеговую линию и где они. сравнительно, обильнее скалами, там на площадках лугов, залегающих между этими скалами, преобладают другие растения: кипец (Festuca sp.), обыкновенный и в верхней области долин среднего пояса гор; превосходно пахучая Sterigma sulfureum, дикий лук (Allium Szovitsi) и ярко-желтая скерда (Crepis Pallasii); из кустарников же—курильский чай (Potentilla fruticosa) и низкая колючая [остролодка трагантовая]—Oxytropis tragacanthoides с лиловыми и розовыми цветками.

П о я с к а м е н н ы х р о с с ы п е й. Выше $12^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты, луга альпийского пояса начинают быстро беднеть и чем, далее вверх, тем более и более заменяются голыми каменными россыпями, которые вскоре вытесняют всякую растительность и сплошь покрывают собою горы до самых вечных снегов. Крайний предел растительности на северном склоне снегового хребта Гумбольдта лежит на абсолютной высоте 13 700 футов[1]. Последними представителями растительной жизни мы нашли здесь: камнеломку (Saxifraga n. sp.), Saussurea sorocephala, Pyretrum sp., Thylacospermum n. sp.; последний растет небольшими кочковидными массами и поднимается даже на несколько сот футов выше означенного для растительности предела. Все эти растения составляют обыденные формы в нижних частях россыпей, там, где эти россыпи перемешиваются с альпийскими лугами, т. е. приблизительно в полосе от 12 до $13^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты. В нижней части этого пояса, следовательно, в ближайшем соседстве с настоящими альпийскими лугами, встречается довольно разнообразная горная флора. Кроме четырех вышеупомянутых видов растений, здесь обыкновенны: ревень (Rheum spiciforme var.), стелющий по земле кружками свои некрупные листья и едва поднимающий из них цветочные стебли, хохлатка (Corydalis stricta?), красиво пестреющая между камнями кучами своих желтых цветов, очиток (Sedum quadrifidum), обыкновенный спутник здешних гор, альпийская астра (Aster alpinus), Werneria nana, найденная и на Гималае, мелкий лилово-белый горошек (Oxytropis sp.), миниатюрные василистник (Thalictrum alpinum) и валериана (Valeriana Jaeschkei), мытник (Pedicularis pilostachya n. sp.) с темновишневыми цветами, мохнатая крупная Saussurea n. sp., растущий обыкновенно по скалам Isopyrum grandiflorum, довольно, впрочем, здесь редкий, Physolychnis alaschanica, Arenaria formosa [песчанка], Anaphalis Hancockii n. sp., Draba alpina var. algida [крупка], Leontopodium alpinum [эдельвейс].

Эти растения проводят свою кратковременную жизнь, повидимому, в самых неблагоприятных условиях; теснятся под камнями, или на крутых скатах, где иногда едва находят несколько шагов глинистой почвы,

---

[1] На южном склоне тех же гор предел растительности лежит на абсолютной высоте 15 000 футов. Об этом будет сказано в следующей главе.

подвергаются в самой средине лета морозам и непогоде, но все-таки не покидают своей родины и не спускаются в более низкую область гор.

В верхнем поясе каменных россыпей прекращается всякая растительная жизнь. Там царствует настоящий хаос. Разрушение здесь очень велико, только силы, им заправляющие (морозы, дождь, снег, ветры), действуют медленно, бесшумно, хотя и постоянно. Перед глазами путника является их вековая работа, и результаты ее поразительны. Громадные гранитные массы расколоты на куски, которые близ своих родных твердынь, и вообще на верху гор, имеют несколько футов в длину и толщину, но чем далее вниз, тем более и более мельчают. Только изредка валяется здесь гранитный великан, пока еще устоявший против всеобщего разрушения

Наклон россыпей обыкновенно весьма крутой (45—60°), иногда чуть не отвесный. В их ложбинах почти всегда журчит вода, но ее не видно под камнями. Здесь начало горных ручьев и речек, которые затем, соединившись, образуют потоки более значительные. Ходьба по россыпям чрезвычайно затруднительна; нужна большая к тому привычка и крепость физическая. Тем более, что камни, в особенности мелкие, лежат непрочно и за каждым шагом человека катятся вниз. Острые, неокругленные бока этих камней быстро уничтожают обувь.

Вообще те горы, которые изобилуют россыпями, но бедны скалами, всегда трудно доступны; так в Нань-шане, по крайней мере в той части его, которую мы теперь исследовали; здесь настоящих скал очень мало, в особенности в снеговом хребте Гумбольдта; даже на самых высоких его гребнях и вершинах встречаются только россыпи, несмотря на то, что гранит составляет исключительно преобладающую породу.

Область вечного снега. Царство каменных россыпей доходит до 14 700 футов абсолютной высоты и отсюда начинается уже пояс вечного снега. Впрочем, вышеозначенная цифра представляет лишь среднюю высоту нижнего края ледников на северном склоне хребта Гумбольдта; отдельные пласты льдистого снега местами спускаются футов на 200, а в более укрытых ущельях, быть может, и еще ниже означенного предела. На южном склоне того же хребта нижний край ледников поднят на 15 700 футов абсолютной высоты, за исключением, конечно, укрытых ущелий, где эти ледники опять-таки спускаются на несколько сот футов ниже. Притом здесь, т. е. на южном склоне описываемых гор, вечного снега гораздо меньше, нежели на их склоне северном.

Обе вышеприведенные цифры могут быть приняты и за среднюю высоту снеговой линии хребта Гумбольдта, так как здешние ледники, при их близком соседстве с высокими обширными долинами, малом пополнении атмосферными осадками и быстром таянии летом в сухом воздухе на жгучем солнце этой широты, едва ли могут продвигаться значительно ниже снеговой линии. Такое явление, вероятно, общее и для всего Северного Тибета(45).

Фауна альпийской области. Животная жизнь альпийского пояса Сачжеуского Нань-шаня вообще небогатая, можно даже сказать бедная, сравнительно с фауной (в особенности орнитологическою) Кукунорских гор или с обилием зверей в Северном Тибете. Но в Нань-шане являются уже представители млекопитающих, свойственных исключительно Тибету. Они находят здесь, подобно тому как и в лобнорском Алтын-таге, северную границу своего географического распространения. Из крупных тибетских зверей в альпийской области описываемых гор

водятся куку-яман (Pseudois nahoor) и дикий як (Poephagus mutus)[1]. Первый из них держится исключительно в каменных россыпях и довольствуется маленькими площадками скудной растительности. Дикие же яки, всегда требующие прохлады, летом уходят к вечным снегам, но зимою спускаются в более теплый и менее снежный средний пояс гор. Затем, на альпийских лугах Нань-шаня живет аркар (Ovis sp.), убить которого для определения вида нам не удалось. Здесь же, т. е. в альпийской области, несмотря на ее безлесность, водится марал (Cervus albirostris), представляющий собою новый вид[2]. Далее в альпийском поясе Нань-шаня держится медведь (Ursus sp.), нами также не добытый. Медведь этот питается отчасти сурками (Arctomys roborowskii), норы которых местами весьма здесь многочисленны.

Из других млекопитающих по альпийским лугам много зайцев (Lepus sp.), изредка бродят волки (Canis chanko?). Из мелких грызунов обыкновенны два вида пищух (Lagomys): один из них живет в норах по лугам, а другой в каменных россыпях.

Из птиц, кроме трех видов грифов: ягнятника (Gypaetus barbatus), грифа бурого (Vultur monachus) и грифа снежного (Gyps himalayensis)[3], а также ворона (Corvus corax), в верхнем поясе альпийской области изобильны: тибетский улар (Megaloperdix thibetanus), клушица (Fregilus graculus), альпийская галка (Pyrrhocorax alpinus) и горный вьюрок (Leucosticte haematopygia); изредка гнездится здесь горихвостка (Ruticilla erythrogastra). Пониже, собственно в луговой области, обыкновенны: чечетка (Linota brevirostris) и горихвостка (Ruticilla rufiventris); реже встречается [саксаульная сойка]—Podoces humilis, а возле речек сифаньская куропатка (Perdix sifanica). Пресмыкающихся, земноводных и рыб в альпийской области Нань-шаня нет вовсе. Насекомых здесь также мало.

Климат западного Нань-шаня. Климат Сачжеуского Нань-шаня, несмотря на огромную его высоту, характеризуется прежде всего сухостью. Даже в альпийской области дожди падают сравнительно редко; зимою снег, вероятно, здесь также необилен. По нашим наблюдениям, в течение июля, в среднем и альпийском поясах описываемых гор, дождливых дней считалось только 8, да и из этого числа на долю среднего горного пояса пришлось лишь 3 сильных дождя. Затем погода стояла большею частью ясная[4], хотя, собственно говоря, только после дождя атмосфера становилась совершенно прозрачной и небо являлось яркоголубым. Большей же частью воздух был наполнен пылью, поднятою из соседней пустыни ветрами, которые, при умеренной силе, дули почти исключительно от северо-запада, притом всегда лишь днем—часов с 10 утра до заката солнца. Если же этот ветер иногда становился сильным, то он приносил тучи пыли, наполнявшей мглою всю атмосферу. Даже вечные снега делались серыми после такой погоды, обыкновенно разрешавшейся дождем, очищавшим воздух.

---

[1] Об этих зверях не один еще раз будет упоминаться впоследствии. Подробное же описание характера и образа его жизни см. «Монголия и страна тангутов», 1875, стр. 311—321. О куку-ямане, правда алашанском (Pseudois burrhei), но весьма близком к описываемому(46), рассказано в той же книге, стр. 174—179 [в издании 1946 г. стр. 255—262 и 163—166].

[2] Об этом марале рассказано в следующей главе.

[3] Об образе жизни грифов и охоте за ними см. «Монголия и страна тангутов», стр. 348—351 [в издании 1946 г. стр. 281—283].

[4] Всего в июле считалось 22 ясных дня, из которых 5 дней были ясны только наполовину.

В среднем поясе гор температура днем в июле поднималась до 20° в тени; ночи же всегда стояли прохладные. В альпийской области, конечно, было еще прохладнее, и по ночам, несмотря на июль, здесь иногда перепадали морозы до —2,5° на абсолютной высоте 11 700 футов. Росы в горах не падало вовсе[1], даже в альпийской области. Грозы, вероятно, также здесь очень редки. Нами наблюдалась в течение июля только одна гроза, да и то небольшая.

Таким образом, летняя погода в западном Нань-шане совершенно иная, нежели в восточной части тех же гор, лежащих к северу и северо-востоку от озера Куку-нора, в расстоянии всего 500—600 верст от Са-чжеу. Там, т. е. в восточном Нань-шане, или как я его называл, в горах Гань-су[2], летом постоянные дожди и затишья или ветры юго-восточные; часты также и жары, по крайней мере в июле. В Сачжеуском же Нань-шане, наоборот, преобладают ветры северо-западные, гроз почти не бывает, дожди редки и сухость воздуха очень велика.

Обусловливается подобный контраст тем, что восточный Нань-шань находится еще под влиянием летнего юго-восточного китайского муссона, который осаждает здесь свою последнюю влагу и прекращается. На верховьях же Хуан-хэ, и отчасти на озере Куку-норе, сильные летние дожди, как то показали мои последние наблюдения, приносятся западными или, вернее, западо-юго-западными ветрами из Тибета(47). Это, по всему вероятию, юго-западный индийский муссон, приносящий свою влагу из-за Гималаев[3]. Но район его распространения не захватывает местностей к западу от Куку-нора. Таким образом, западный Нань-шань, вероятно также и Алтын-таг, находятся вне области периодических дождей. Наоборот, они подвержены непосредственному влиянию близких пустынь Хамийской и Лобнорской. Там летом воздух ежедневно сильно нагревается; образуется восходящий ток, который, отливая к северу и югу, является в Сачжеуском Нань-шане в виде постоянного северо-западного ветра, а в верхнем поясе южного склона Тянь-шаня—в виде ветра южного и юго-западного[4]. Там и здесь, т. е. в Тянь-шане и Нань-шане, эти ветры одинаково сухи и одинаково невелики по силе своей напряженности.

Сравнение этих гор с их восточною окраиною. Если будем продолжать сравнение восточного и западного Нань-шаня, то найдем еще бо́льшую между ними разницу. В общем восточный Нань-шань весьма походит на соседние горы Западного Китая, тогда как Сачжеуский Нань-шань представляет, подобно Алтын-тагу, хребет центральноазиатской пустыни.

При одинаковом почти направлении с запада на восток, с небольшим притом уклонением к югу, Сачжеуский Нань-шань выше, нежели Нань-шань восточный, и поэтому гораздо обильнее вечными снегами. Притом

[1] В течение всего лета 1879 года мы наблюдали росу только в оазисе Са-чжеу.

[2] «Монголия и страна тангутов», глава IX. Название «горы Гань-су» приурочено было мною в 1872 году восточному Нань-шаню, потому что эти горы лежат в пределах провинции Гань-су, впервые тогда мною посещенной. Хотя, как известно, весь Нань-шань лежит в пределах Гань-су, однако, для устранения сбивчивости, я оставлю за восточной частью этих гор их прежнее название «гор Гань-су», тогда как западную часть тех же гор буду называть «Сачжеуским Нань-шанем».

[3] О нем будет изложено подробнее в IX главе.

[4] Во время моего пребывания в 1877 году во второй половине мая на Малом Юлдусе в Тянь-шане, там действительно преобладали слабые юго-западные ветры. Не чисто южное их направление, равно как и не чисто северное для Нань-шаня, можно объяснить положением долин и ущелий в горах.

здесь, как уже было говорено ранее, везде высокие пустынные долины, которых нет в восточном Нань-шане[1]. Этот последний изобилует скалами, состоящими из гнейса, сланцев, известняков и фельзита; изредка встречается красный гранит. В Сачжеуском же Нань-шане скал очень мало; каменные породы в среднем и нижнем поясе гор замаскированы наносною галечною и лёссовою почвами. В альпийской области хребта Гумбольдта исключительно преобладает крупнозернистый сиенитовый гранит, которого нет в восточном Нань-шане.

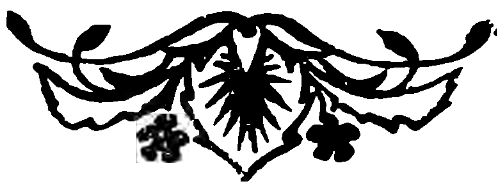
Далее, в зависимости от резкого различия климата, возникает и огромная разница растительности тех и других гор. Восточный Нань-шань, в особенности на своих северных склонах, покрыт густыми лесами разнообразных деревьев и кустарников; альпийская его область изобилует рододендрами и превосходными лугами. В горах же сачжеуских нет ни одного дерева, всего с десяток видов большей частью уродливых кустарников, а среди трав мало разнообразия даже в альпийской области. В ней и в среднем поясе гор мы собрали в самую горячую пору летней жизни всего лишь 120 видов цветущих растений, тогда как в восточном Нань-шане добыто нами около 450 растительных видов. Из них только весьма немногие общи обеим оконечностям Нань-шаня.

Велика также разница тех и других гор относительно фауны. Правда, млекопитающими не богат и восточный Нань-шань, т. е. так называемые горы Гань-су, но зато леса их полны различных птиц, в особенности певчих. Всего нами найдено там 150 видов пернатых; тогда как в Сачжеуском Нань-шане число найденных нами птиц простирается только до 59 видов. Из них лишь 28 видов встречаются и в восточном Нань-шане. В речках этого последнего водится рыба, хотя и не в обилии; между тем, в речках западного Нань-шаня, стремительно бегущих и иногда чрезвычайно грязных, рыбы нет вовсе.

Вообще, Нань-шань близ Са-чжеу и тот же Нань-шань к северу и северо-востоку от озера Куку-нора так различны по своему топографическому и отчасти минералогическому характеру, в особенности же по климату, флоре и фауне, как будто это горы двух совершенно различных систем, удаленных между собою на тысячи верст. С первого же шага в описываемый хребет со стороны Са-чжеу мы увидели, что сильно обманулись в своих ожиданиях. Взамен тенистых лесов, пахучих лужаек и светлых ручьев, густо обросших кустарниками; взамен неумолкаемого пения птиц, как то некогда было в горах Гань-су, мы встретили в Сачжеуском Нань-шане дикие каменные россыпи, голые глинистые горы и серые безжизненные долины. Не на чем было отдохнуть глазу, нечего послушать для уха... Только однообразный шум горных потоков нарушал гробовую тишину здешних местностей, а из живых звуков изредка слышалось клокотанье каменных куропаток, карканье ворона или пискливый крик клушиц; в альпийской же области раздавался громкий голос уларов и свист сурков(48)...

---

[1] Обширная равнина, залегающая в восточном Нань-шане по р. Чагрын-гол представляет плодородную степь, а не пустынное плато, каковыми являются почти все значительные долины Сачжеуского Нань-шаня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАШЕ ПРЕБЫВАНИЕ В НАНЬ-ШАНЕ

[*29 июня/11 июля—9/21 августа 1879 г.*]

Отдых в горах.—Новый марал.—Перебираемся в альпийскую горную областъ.—Неудачные здесь охоты.—Посещение ледника.—Возвращение на прежнюю стоянку.—Переход за главный кряж Нань-шаня.—Описание его южного склона.—Новая поездка к ледникам.—Пропажа унтер-офицера Егорова; поиски его; неожиданная встреча.—Переход в равнину Сыртын.—Оригинальные подножья центральноазиатских гор.

абравшись в Нань-шань, мы расположили свой бивуак в прелестном ключевом оазисе, о котором было уже упомянуто в конце пятой главы. Место это, привольное во всех отношениях, окрещено было нами прозвищем «Ключ благодатный», чего и действительно вполне заслуживало. Устроились мы здесь даже с известным комфортом. Обе палатки, наша и казачья, были поставлены на зеленой лужайке; постельные войлоки, насквозь пропитанные соленою пылью пустыни, были тщательно выколочены; вьючный багаж уложен в порядке, а кухня, как притон всякой нечистоты, отведена несколько поодаль. На противоположном берегу тут же протекавшей речки Куку-усу в глинистом обрыве казаки вырыли печку и в ней пекли довольно сносные булки из муки, купленной в Са-чжеу. Ели мы сытно, спали вдоволь и спокойно в прохладе ночи; далеких экскурсий по окрестным горам вначале не предпринимали; словом, отлично отдыхали и запасались новыми силами.

Спустя несколько дней переводчик Абдул и двое казаков с семью верблюдами посланы были обратно в Са-чжеу забрать остальные запасы дзамбы, риса и пшеничной муки. Сразу мы не могли перетащить в горы всю эту кладь, имея ограниченное число верблюдов. Для нас же необходимо было запастись продовольствием, по крайней мере, на четыре месяца, т. е. на все время пребывания в Нань-шане и на весь путь через Северный Тибет.

Посланные возвратились через неделю и привезли все в исправности. Сачжеуские власти, уже знавшие о том, что мы прошли в Нань-шань,

помирились с совершившимся фактом. Вместе с тем они объявили Абдулу, что по распоряжению главнокомандующего Цзо-цзун-тана нам не велено давать проводников в Тибет, но предлагается или совсем возвратиться, или направиться в страну далай-ламы через Са-чжеу и Синин, т. е. как раз тем путем, по которому выпровожен был незадолго перед нами граф Сечени с своими спутниками. Однако такая услуга для нас со стороны китайцев немного опоздала. Имея теперь под руками открытый путь в Цайдам, а в крайнем случае через верховье Дан-хэ на Куку-нор, с запасом продовольствия на четыре месяца и даже более, мы могли располагать собою помимо желаний Цзо-цзун-тана. Для нас важно только было, чтобы китайцы заранее не запретили давать нам провожатых в самом Цайдаме. Поэтому Абдул опять уверил китайских начальников, что через месяц мы вернемся из гор в Са-чжеу. Для вящего же отвода глаз заказано было в одной из сачжеуских лавок приготовить к нашему возвращению на 5 лан дзамбы и деньги заплачены вперед.

Почти две недели провели мы на «Ключе благодатном», и мирное течение нашей жизни ничем здесь не нарушалось. Вскоре мы совершенно свыклись с своим милым уголком и понемногу изучили его окрестности. Последние бедны были как флорою, так и фауною; экскурсии мало давали научной добычи. Только однажды казак Калмынин, хороший охотник, убил двух маралов, оказавшихся новым видом. Находка была прекрасная. Но так как маралы эти были убиты перед вечером и далеко от нашего стойбища, то их пришлось оставить на месте до следующего дня. Ночью волки испортили шкуру молодого экземпляра. Другой же, взрослый самец, уцелел и красуется ныне в музее нашей Академии наук ([49]). Мясо убитых маралов, которое с большим трудом мы на себе вытаскали из ущелья и привезли к стойбищу на верховых лошадях, изрезано было на тонкие пласты, посолено и развешено для просушки на солнце. Этот запас очень пригодился впоследствии, когда были съедены бараны, взятые из Са-чжеу.

Новый марал. Добытый марал характерно отличается от других своих собратий белым концом морды и всего подбородка до горла, почему может быть назван Cervus albirostris, т. е. марал беломордый. Ростом он не из самых крупных: общая длина, меряя от конца носа до основания хвоста, около 7 футов; высота у загривка 4 фута 3 дюйма. Туловище в летней шерсти рыжевато-бурое; каждый отдельный волосок темнобурого цвета с рыжеватым кольцом близ своей вершины. По хребту, от загривка далее середины спины, шерсть растет в обратную сторону, так что здесь образуется как бы подобие седла[1]. Вокруг хвоста на крестце и ляжках большое округленное пятно светлоохристого цвета с малозаметною черноватою каймою; хвост длиною (без волос) 5 дюймов, покрыт также светлоохристыми волосами. Грудь и брюхо беловато-рыжеватые. Ноги, в верхней своей половине, снаружи одноцветные с туловищем, снутри—с брюхом; нижняя половина как передних, так и задних ног, цвета рыжеватого, более темного на передней стороне. Пучки волос на задних ногах небольшие, одноцветны с окраскою той же части ног. Голова сравнительно небольшая, рыжевато-бурого цвета, несколько темнее туловища. Нос, обе губы и весь подбородок до горла белые. По бокам переносья и вокруг глаз также рассыпаны белые волосы. Ниже (на $3^1/_2$

[1] Ради такого признака, если только он не составляет единичного исключения, описываемый марал может быть назван также Cervus sellatus [от латинского sella—стул, кресло].

дюйма) заднего угла обоих глаз лежит по небольшому белому пятну. Уши сзади темнобурые с проседью; внутренняя кайма белая. Рога у описываемого экземпляра (добытого в июле), кровянистые, сверху покрытые пушистою грязно-серою шерстью. В длину по изгибу эти рога имеют 3 фута 7 дюймов; глазной отросток лежит на 3 дюйма от корневого пня; затем в 16 дюймах выше глазного отростка на правом роге отходит другой отросток одинаковой длины с лопаткою, оканчивающею главный ствол. На левом роге второй отросток отломан, но этот рог также оканчивается лопаткою, составляющей, как и на правом роге, не развившийся от главного ствола третий отросток.

Подобные не вполне еще выросшие кровянистые рога всех азиатских маралов, называемые в нашей Сибири «панты», имеют огромный сбыт в Китай. Там они идут на приготовление каких-то возбудительных лекарств, что, впрочем, тщательно скрывается китайцами от европейцев. Лучшими считаются не слишком старые, не начинающие еще твердеть, и не слишком молодые панты. Если они притом велики, имеют, например, по пяти или шести боковых отростков, то китайцы платят за пару таких пантов от 80 до 100, иногда даже до 150 рублей[1]. Такая приманка заставляет всех сибирских охотников, русских и инородцев, усердно преследовать маралов в пору назревания их молодых рогов, т. е. в мае и июне. Тысячи самцов убиваются в это время в громадных лесах Сибири и отчасти Туркестана. Тысячи пар пантов закупаются в различных местах нашей китайской границы и прямо отправляются внутрь Поднебесной империи [Китай] или свозятся, обыкновенно на почтовых в Кяхту и отсюда отсылаются в Пекин. В пределах Китая маралы также везде преследуются туземцами из-за тех же пантов.

Приготовляются эти панты следующим образом: у убитого марала тотчас же отрубают рога с частью черепа, наблюдая притом, чтобы кровь из рогов не вытекла; для этого их держат постоянно отрезанною частью кверху. Затем по возвращении с охоты обмазывают добытые рога известью и подвешивают в тени на просушку; иногда же предварительно обваривают соленой водой.

Что касается до географического распространения марала в Центральной Азии, то здесь этот зверь, заменяющий, как и в Сибири, европейского оленя (Cervus elaphus), встречается не только в лесных гористых местностях, например: на Тянь-шане, Муни-ула, горах Алашанских, в восточном Нань-шане и в лесных ущельях на верховьях Желтой реки, но живет также в горах, совершенно безлесных, каковы: Нань-шань Сачжеуский, хребет Шуга и горы за хребтом Тан-ла в Северном Тибете. Притом, даже в лесных горах, он нередко забирается в безлесный альпийский пояс, и я встречал маралов близ ледников Тянь-шаня и Нань-шаня вместе с аркарами и горными козлами.

Марал нередок также в долине Тарима, где иногда, за неимением густых лесных или кустарных зарослей, он держится в тростниках с кабанами и тиграми или прячется с антилопами хара-сультами по бугристым зарослям тамариска в соседней пустыне.

Везде этот зверь очень чуток и осторожен. Образ его жизни, конечно, сообразуется с условиями обитаемой им местности. На Тариме марал ест свежие побеги тростника, джингил и тамариск; в альпийской области высоких гор пасется на превосходных лугах, а в лесах Тянь-шаня лако-

[1] Панты меньших размеров ценятся различно, обыкновенно от 10 до 50 рублей.

Марал

мится яблоками вместе с медведями и кабанами. Несомненно, в громадном районе географического распространения азиатского марала, называемого в Восточной Сибири изюбром, обитают несколько видов этого животного, еще мало изученного научно. В Сачжеуском Нань-шане маралов сравнительно немного, как и других крупных зверей вообще.

Перебираемся в альпийскую горную область. Поотгулявшись в продолжение почти двух недель на «Ключе благодатном», мы перебрались повыше в альпийскую область гор. Предварительно я съездил туда для рекогносцировки местности. Но поездка эта была неудачна, так как вблизи снеговых вершин нас захватил дождь со снегом и в течение ночи вымочил до костей. Продрогли мы хуже, чем зимой, и вернулись обратно к своему стойбищу, едва успев взглянуть на альпийские луга.

Новая наша стоянка была расположена в небольшой горной долине на абсолютной высоте 11 700 футов, в расстоянии 4—5 верст от вечноснеговых вершин, называемых монголами Мачан-ула и составляющих западный край хребта Гумбольдта. Здесь под рукою у нас было все, что нужно: россыпи, скалы и альпийские луга. На последние мы и набросились с жадностью. В первый же день собрали около 30 видов цветущих растений—все недоростков или даже карликов, как обыкновенно в альпийской области. Назавтра ботаническая добыча была также обильна; а затем, увы, нового почти ничего не встречалось. Напрасно В. И. Роборовский, страстный коллектор по части ботанической, лазил целые дни по россыпям и скалам; его труды лишь скудно вознаграждались какими-нибудь двумя-тремя видами невзрачных растений.

Погода в альпийской области стояла прохладная; по ночам, несмотря на июль, случались иногда морозы; по временам в воздухе появлялась пыль из соседней пустыни. Иногда падал дождь, но лишь только проглядывало солнце, все быстро высыхало. Тем не менее наши верблюды, непривыкшие к сырости и притом облинявшие, чувствовали себя весьма неловко на этой высоте.

Неудачные здесь охоты. Охоты наши были также весьма неудачны, в особенности за крупными зверями. Последних водилось здесь мало; однако кой-где можно было увидеть в горах стадо кукуяманов, аркара, иногда и медведя; местами попадались следы диких яков. Все мы весьма усердствовали убить какого-нибудь зверя, как для его шкуры в коллекцию, так и затем, чтобы иметь свежее мясо на еду. Бараны, взятые из Са-чжеу, в это время уже все были прикончены, и мы продовольствовались сушеною маралятиною.

Обыкновенно рано утром, иногда еще до рассвета, отправлялись мы на охоту. Я брал с собою двуствольный охотничий штуцер; товарищи же офицеры и казаки ходили с берданками. Охоту все страстно любили, поэтому между казаками, отпускаемыми в горы, соблюдалась очередь, так как за вычетом охотников и пастухов у верблюдов, половина наличного состава экспедиции всегда оставалась на стойбище—«дома», как мы обыкновенно говаривали. Впрочем, лучшим стрелкам делалось иногда исключение, и они отпускались за зверями не в очередь.

И вот на завтра утром назначена охота. С вечера приготовлены ружья и патроны; каждому приблизительно указано, куда итти. На этот счет помехи друг другу мы не делали; кругом горы были огромные, нашлось бы место и для многих десятков охотников. Дежурному казаку, назначавшемуся на каждую ночь и спавшему не раздеваясь, приказано встать

в потемках, развести огонь, сварить чай и будить нас. Если таким дежурным приходилось в эту ночь быть одному из участников охоты, в особенности охотнику страстному, то он обыкновенно усердствовал и будил нас чуть не с полночи. Нехотя проглатывалась чашка горячего чая, и мы тихонько оставляли свой бивуак. Сначала шли вместе кучею, но вскоре рассыпались по ущельям. Каждый спешил не потерять дорогое для охоты время раннего утра. Но поспешность возможна была лишь до тех пор, пока не приходилось лезть на крутую гору. Тут уже начиналось иное хождение—медленное, с частыми расстановками, иногда ползком. Но здесь же и место жительства дикого зверя, который утром выходит из своих убежищ пастись на скудных лужайках. С замирающим сердцем начинается высматривание из-за каждой скалы, с каждого обрыва, с каждой новой горки. Вот-вот, думаешь, встретится желанная добыча,— но ее нет как нет. А между тем беспрестанно видишь старые следы и помет то яков, то куку-яманов. Но ведь зверь бродит долго и много, так что несколько штук способны наследить немало в большом районе. Однако это соображение не принимается тогда в расчет. Все помыслы направлены к одному: поскорее увидеть зверя и выстрелить по нему. Так проходит час, другой... Ноги начинают чувствовать усталость, разочарование в успехе понемногу закрадывается в душу.

Между тем, охотник незаметно поднялся чуть не до вечных снегов. Дивная панорама гор, освещенных взошедшим солнцем, расстилается под его ногами. Забыты на время и яки и куку-яманы. Весь поглощаешься созерцанием величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этих ступенях, ведущих к небу, лицом к лицу с грандиозною природою, вдали от всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуты становишься действительно духовным существом, отрываешься от обыденных мелочных помыслов и стремлений...

Солнце быстро пригревает. Необходимо снять теплую рубашку, далеко нелишнюю в прохладное, часто здесь даже морозное, утро. Остаешься в одной парусинной блузе и после отдыха снова лезешь в горы. Опять начинается осматривание скал и ущелий, то простым глазом, то в бинокль; опять сотни раз делается все это даром. Но вот в соседней россыпи зашумели и покатились вниз камни... Мигом настораживаешься в ту сторону, всматриваешься, но ничего еще не видишь; камни же продолжают катиться вниз с небольшими перемежками. Несомненно, их сбрасывает ногами убегающий зверь, которого не видно среди громадных гранитных обломков. Темносерая, как раз под цвет горных пород, окрашенная шкура не выдает куку-ямана даже там, где он и открывается глазу охотника, поэтому нередко зверь уходит даже незамеченным. Только иногда, уже много спустя, заметишь далеко на вершине скалы его стройную фигуру и еще более пожалеешь о своей неудаче. В лучшем случае, если и придется выстрелить, то обыкновенно далеко. Сделанный промах обиден еще тем, что гул выстрела, с перекатами разносящийся по ущельям, пугает всех окрестных зверей.

Ходьба по каменным россыпям, каковыми усеяны все горы верхнего пояса Нань-шаня, в буквальном смысле адская. Там, вверху, в соседстве вечных снегов, эти россыпи обыкновенно состоят из крупных гранитных обломков. Словно искусственно наколоты такие плиты, величиною каждая в несколько десятков кубических футов. И лежат здесь эти глыбы сотни, тысячи лет, дожидаясь своей очереди скатиться вниз, разбиться на куски, измельчать, истереться в пыль... Трудность ходьбы увеличивает еще

и громадная высота. В разреженном воздухе чувствуется, в особенности с непривычки, одышка и какая-то особенная усталость. Через каждую сотню шагов останавливаешься вздохнуть на минуту-другую, иногда же и присядешь на более удобном месте. Набежит облако—обдаст сыростью; дунет ветер со снегов—станет холодно. Но не знает и не должен знать охотник простуды. Полезешь вновь по камням и живо снова согреешься.

Между тем время близится к полудню. Залегли накормившиеся звери и смолкли улары, неумолкаемо кричавшие все утро по россыпям. Пора возвратиться к бивуаку. Присядешь еще раз, еще раз осмотришь внимательно окрестные горы и, убедившись, что ничего не видно, начнешь спускаться вниз. Теперь дело это идет гораздо спорее, в особенности, когда выберешься на мелкие россыпи. Быстро, чуть не бегом, шагаешь по рыхлой осыпи все вниз и вниз; целые кучи мелких камней с дребезжащим шумом катятся вслед. Незаметно очутишься и на лугах, по которым идешь уже спокойно до самого бивуака. Другие охотники также вернулись и также с пустыми руками, как то обыкновенно случалось для нас в Нань-шане.

Причина таких неудач объяснялась малым количеством зверей в тамошних горах, а затем труднодоступностью этих гор. Зверей мало водилось в них потому, что мало было скал, доставляющих надежное убежище, и мало имелось высоких альпийских лугов для пастбищ; в среднем же поясе гор отсутствовали леса. Наконец, до дунганского восстания описываемые горы были далеко не так безлюдны, как ныне. Только одни сурки (Arctomys sp.) местами в изобилии водились по альпийским лугам; немало встречалось их и возле нашего стойбища. С утра до вечера, в особенности вначале, можно было видеть этих зверьков, осторожно сидящих у своих нор, и слышать их пискливый свист.

Что же касается до птиц, то их мало было даже в альпийской области. Притом, несмотря на июль, линяние для большей части видов здесь еще не началось. Понемногу пернатые все-таки попадались в нашу коллекцию. Стреляли мы их обыкновенно вблизи своего стойбища по лугам, в соседних россыпях и скалах. Здесь всего более нас дразнили улары (Megaloperdix thibetanus)[1], всегда начинавшие громко кричать еще на ранней заре и тем, конечно, не дававшие покою страстным охотникам.

П о с е щ е н и е л е д н и к а. На седьмой день нашего пребывания в альпийской области я отправился с Роборовским, препаратором Коломейцевым и одним из казаков посмотреть поближе на вечные снега и ледники. Поехали мы верхами рано утром и, сделав верст десять к востоку от нашей стоянки, увидели вправо от себя снеговое поле. Лошади, под присмотром казака, были оставлены на абсолютной высоте 12 800 футов, и мы втроем отправились пешком вверх по небольшой речке, бежавшей от снегов. До последних, повидимому, было очень недалеко, но на деле расстояние это оказалось почти в четыре версты. Подъем по ущелью был довольно пологий; только сплошные груды камней сильно затрудняли ходьбу. На высоте 13 700 футов исчезла растительность, а еще через тысячу футов вертикального поднятия мы достигли нижнего края самого ледника[2]. Этот последний составлял лишь малую часть обширных масс вечных льдов хребта Гумбольдта и, будучи расположен в распадке между

---

[1] Об этой замечательной птице будет рассказано в XIII главе.

[2] Небольшие отдельные массы льдистого снега местами спускались футов на 200 ниже предельной линии главного ледника.

двумя горными вершинами, простирался от 2 до 2 $^1/_2$ верст с запада на восток. Кверху, в направлении к главному гребню гор, ледник был немного шире; по вертикальному же поднятию занимал 2400 футов. Наклон льда в нижней половине имел (на глаз) от 30 до 40°; в верхней части 50—60°, местами и более; но совершенно отвесных обрывов нигде не было.

В самом нижнем поясе лед имел едва несколько футов толщины, тогда как в середине ледника эта толщина превосходила, быть может, сотню футов. Трещин на леднике нами замечено было только три или четыре и притом поперечных. Эти трещины, прикрытые недавно выпавшим снегом, имели вверху не более фута в поперечнике, но в глубину значительно расширялись; на внутренних их боках висели сосульки.

Боковых морен на леднике не было, так как восточный его край поднимался на самый гребень горы и только западная часть упиралась в обнаженный горный скат. Здесь кой-где виднелись упавшие камни. На нижнем же крае ледника, там, где отдельные его мысы вдавались в ущелье, нами встречены были два или три небольших поперечных каменных вала, образованных, вероятно, прежними моренами. Из-под ледника в ущелье бежали три ручья; поверх льда небольшие ручейки струились лишь в самой нижней его окраине.

Весь ледник сверху был прикрыт снегом, слой которого внизу достигал от 1 до 3 дюймов, тогда как в верхней половине ледника снежный покров имел в толщину около трех футов. Старый снег казался серым, от осевшей на него из воздуха пыли, но верхний снежный слой, недавно выпавший, притом покрытый тонким ледяным налетом, блестел яркою белизною.

Погода во время нашего восхождения на описываемый ледник стояла отличная—теплая, тихая и ясная. Тем не менее, само восхождение сопряжено было с большим трудом, так как помимо предварительного пути на протяжении почти четырех верст по каменистому ущелью, на самом леднике, в особенности в верхней его половине, пришлось подниматься зигзагами, беспрестанно проваливаясь в глубокий снег. Для отдыха необходимо было садиться на тот же снег, отчего нижнее платье вскоре сделалось совершенно мокрым.

Хотя для облегчения мы оставили свои ружья внизу ледника и взяли с собою только барометр, но тем не менее едва-едва могли взойти на самую высшую точку горы, покрытой ледником. Барометр показал здесь 17 100 футов абсолютной высоты. В это время было 5 часов пополудни; между тем, от своих лошадей мы отправились в 11 часов утра и больших остановок нигде не делали. Зато же поднялись в это время на 4 300 футов по вертикали и сделали верст 7—8 по направлению пройденного пути.

На самом леднике мы не видали ни птиц, ни зверей, даже не было никаких и следов; заметили только несколько торопливо пролетавших бабочек и поймали обыкновенную комнатную муху, бог весть каким образом забравшуюся в такое неподходящее для нее место.

С вершины горы, на которую мы теперь взошли, открывался великолепный вид. Снеговой хребет, на гребне коего мы находились, громадною массою тянулся в направлении к востоку-юго-востоку верст на сто, быть может, и более. На этом хребте, верстах в десяти впереди нас, выдвигалась острая вершина[1], вся покрытая льдом и превосходившая своей высо-

[1] Гора эта посещена была нами впоследствии по переходе на южную сторону главного хребта Нань-шаня.

тою, примерно тысячи на две футов ту гору, на которой мы стояли. Сами по себе высокие второстепенные хребты, сбегавшие в различных направлениях к северу от снеговых гор, казались перепутанными грядами холмов, а долины между ними суживались в небольшие овраги. Южный склон снегового хребта был крут и обрывист. У его подножья раскидывалась обширная равнина замкнутая далеко на юго-востоке громадными также вечноснеговыми горами, примыкавшими к первым почти под прямым углом. Оба эти хребта, как уже сказано в шестой главе, названы мною именами хребтов Гумбольдта и Риттера. Помимо них, снеговая группа виднелась далеко на горизонте к востоку-северо-востоку, а еще далее, в прямом восточном направлении, видна была одинокая вечноснеговая вершина[1]; наконец позади, на западе, рельефно выделялась, на главной оси того же Нань-шаня, также вечноснеговая группа Анембар-ула.

Приближавшийся вечер заставил нас пробыть не более получаса на вершине посещенной горы. Тем не менее, время это навсегда запечатлелось в моей памяти. Никогда еще до сих пор я не поднимался так высоко, никогда в жизни не оглядывал такого обширного горизонта. Притом открытие разом двух снеговых хребтов наполнило душу радостью, вполне понятной страстному путешественнику.

Обратный спуск по леднику был довольно удобен; мы только старались удерживать излишнюю скорость движения. Взрытые ногами кусочки льдистой снежной коры сотнями катились впереди нас по скользкой поверхности ледника. Незаметно очутились мы опять у его подножия, забрали здесь свои ружья и сначала в сумерках, а потом в темноте продолжали путь по каменистому ущелью. К лошадям своим вернулись в 9 часов вечера. Здесь ожидал нас казак, сваривший чай и приготовивший скромный ужин. Но сильно усталые, мы вовсе не ощущали голода, напились только чаю и крепко заснули на разостланных войлоках, с седлами в изголовьях. Назавтра, еще довольно рано утром, вернулись к своему бивуаку.

Возвращение на прежнюю стоянку. Привезли мы с собой только три вида растений, еще не собранных в коллекцию; но ни птиц, ни зверей новых не видали. Ясно было, что альпийская область гор уже достаточно обследована. Притом подходило время подумать и о дальнейшем пути к Тибету. Результатом всего этого явилось решение вернуться к прежнему стойбищу на «Ключе благодатном», пооткормить там еще несколько дней верблюдов, а между тем послать за горы к монголам разведать насчет проводников. В случае же отказа в этих последних, я рассчитывал обследовать разъездами местность к истокам р. Дан-хэ, выйти этим путем к озеру Куку-нору и уже отсюда направиться в Тибет той самой дорогой, по которой мы шли в 1872 и 1873 годах.

Легко и быстро сделан был переход с высокой стоянки в альпийской области на прежнее «благодатное» местечко. С радостью мы здесь опять устроились бивуаком. На следующий день Коломейцев и Иринчинов снаряжены были верхами за горы, на ту равнину, которую мы видели со снеговых вершин и на которой, по полученным от первых невольных проводников сведениям, жили монголы Цайдама. В ожидании результатов этой поездки мы попрежнему отдыхали и ленились на своей прекрасной стоянке. Только теперь насчет продовольствия, именно мясной

[1] Обе эти снеговые группы, как оказалось впоследствии при составлении карты, лежали в окрайнем, к стороне пустыни, хребте.

пищи, было не особенно привольно. Уже давно питались мы сухой маралятиной, из которой варили скверный суп, а теперь и эта маралятина оказалась на исходе. Правда, посланным за горы велено было купить у монголов баранов, но еще стоял вопрос, насколько возможно будет это исполнить. Как на зло, и охота вокруг нашей стоянки была плохая. Не жалея ног, разыскивали мы несчастных зайцев и куропаток; иногда доставали даже из гнезд каменных голубей и из такой постной дичи варили себе суп.

Здесь кстати сказать, что ежедневная мясная пища совершенно необходима в путешествии, при постоянных усиленных трудах. Притом же аппетит всегда бывает удивительный. Зато мучной пищи мы употребляли сравнительно немного, главным, впрочем, образом потому, что не на чем и не из чего было испечь хороший хлеб; жареная же мука, или дзамба, обыкновенно заменявшая нам этот хлеб, несмотря на привычку, все-таки не особенно была привлекательна для еды.

Переход за главный кряж Нань-шаня. На пятый день посланные за горы люди вернулись и привезли радостную весть, что монголы приняли их хорошо, обещали дать нам проводника, продали баранов и масла. По всему видно было, что из Са-чжеу никаких внушений насчет нас еще не последовало, оттого и монголы, всегда вообще добродушные, так ласково обошлись с нашими посланцами. Узнали мы также, что обширная равнина, виденная нами с гор, называется, по крайней мере в западной своей части, Сыртын, и на ней живут цайдамские монголы, принадлежащие к хошуну князя Курлык-бэйсе.

На следующий день мы покинули свое облюбленное местечко и двинулись вверх по р. Куку-усу. Переход через главный кряж Нань-шаня сделан был по ущелью, образуемому глубоким прорывом этой речки. Самая дикая часть ущелья тянется версты на три, при ширине от 50 до 60 сажен, а иногда и того менее. По бокам здесь громадные, чуть не отвесные горы, покрытые россыпями; возле самой речки стоят небольшие гранитные скалы. Тропинка узкая, весьма трудная для верблюдов.

Тотчас за ущельем горы вдруг оборвались и раскрылась довольно широкая (4—5 верст) долина, выйдя на которую, мы опять остановились возле хорошего ключа и недалеко от берега Куку-усу. Место это находилось на абсолютной высоте 10 600 футов, в 15 верстах от прежней нашей стоянки. Впереди нас, на противоположной стороне упомянутой долины, высился другой окрайний, к стороне Сыртына, хребет, который примыкает к главному верстах в тридцати юго-восточней прорыва Куку-усу, близ самого истока этой речки. К западу же окрайний хребет тянется самостоятельно до снеговой группы Анембар-ула.

Описание его южного склона. Южный склон главного кряжа Нань-шаня в окрестностях новой нашей стоянки был весьма крут и бесплоден. Притом минералогический состав гор изменился. Взамен гранита, исключительно преобладавшего в верхнем поясе северного склона, здесь появился темносерый глинистый сланец, который, вместе с хлоритовым сланцем, преобладал и в окрайнем к Сыртыну хребте, вверх от $11^{1}/_{2}$ тысяч футов абсолютной высоты. Породы эти редко образуют здесь небольшие скалы, но все разбиты на тонкие пластинки различных величин; из таких пластинок состоят и россыпи. В горах попрежнему встречается золото, старые разработки которого изредка видны по берегам речек.

Не только сами горы, но даже долины и ущелья этой части Нань-шаня, весьма бесплодны; небольшие зеленые лужайки можно встретить лишь возле ключей. Почва долин состоит из соленой глины, кое-где поросшей

мелким злаком, в конце июля уже совершенно иссохшим, затем врассыпную здесь попадаются: касатик (Iris sp.), лук (Allium Szovitsi), [кермек]— Statice aurea, Saussurea n. sp., а из кустарников—бударгана (Kalidium gracile), [реамюрия]—Reaumuria trigyna, n. sp. и низкая колючая [остролодка трагантовая]—Oxytropis tragacanthoides; по берегам же речек: сабельник (Camarum Salessowii), курильский чай (Potentilla fruticosa) и облепиха (Hippophae rhamnoides) менее фута высотой.

За исключением трех последних кустарников, исчезающих на абсолютной высоте $11^1/_2$ тысяч футов, растительность долин поднимается вверх еще на тысячу футов. Затем начинается собственно альпийская область, в которой изредка, на лучших местах, встречаются растительные виды, свойственные альпийской области северной стороны тех же гор. Крайний предел растительности на южном склоне Нань-шаня лежит на абсолютной высоте 15 000 футов. Впрочем Saussurea sorocephala и Thylacospermum sp. поднимаются как и на склоне северном, почти до вечного снега.

Новая поездка к ледникам. С места новой стоянки предпринята была новая поездка к ледникам, чтобы определить на южном склоне Нань-шаня пределы растительности и высоту снежной линии. Поехал я опять с Роборовским и одним из казаков. Рано утром мы направились верхами от своей стоянки вверх по р. Куку-усу, до истока которой из ледника оказалось 26 верст. В первой половине пути пролегала довольно хорошая тропинка, которая привела нас к большим, ныне заброшенным, разработкам золота. Здесь выкопано сотни две неглубоких (от 1 до 3 сажен) шахт. Рабочие жили в маленьких фанзах, сложенных из камней. Выстроена была даже небольшая кумирня, в которой уцелела писаная на полотне картина, изображавшая группу богов. Эту картину я взял себе на память.

Вторую половину пути мы ехали все по берегу той же Куку-усу и, благодаря весьма удобному подъему, верхами добрались до самого ледника. Этот последний покрывал собой весь южный склон той самой островершинной горы, которую мы видели при первом восхождении на ледник северного склона Нань-шаня. Спускаясь с вершины названной горы, описываемый ледник расползался по нескольким ущельям и сплошь наполнял их своей массой. Общее протяжение ледника с востока на запад, т. е. вдоль оси гор, простиралось версты на три или немного более. Наклон в нижней части был пологий—от 15 до 20°, в средине же и вверху весьма крутой.

В том же ущелье, где мы были, ледник вдавался полукругом, хорда которого имела в длину около 30 сажен. Толщина льда достигала почти такой же цифры, и по его обрыву красиво низвергались водяные каскады. Так как день уже клонился к вечеру, то мы не могли взойти на самую вершину горы и поднялись лишь футов на шестьсот вверх по леднику. Последний был покрыт неглубоким свежим снегом; с западной стороны набросана была довольно большая морена.

По барометрическому измерению, нижний край описываемого ледника лежал на абсолютной высоте 16 000 футов; кверху же ледник простирался не менее, чем тысячи на три футов вертикального поднятия. Таким образом и по вновь полученным данным, островершинная гора в хребте Гумбольдта поднимается до 19 000 футов абсолютной высоты. Погода во время нашего посещения ледника стояла отличная. Несмотря на огромную высоту, термометр в тени возле самого ледника показывал в 4 часа пополудни 8° тепла; летали мухи, по камням ползали пауки.

Проведя на леднике около двух часов, мы поехали обратно и с закатом солнца остановились ночевать на небольшой лужайке возле р. Куку-

усу. Здесь наши лошади, не евшие целый день, могли в течение ночи пощипать хотя скудной травы. Мы сами также достаточно проголодались. Живо набран был сухой помет диких яков и из него разведен огонь, на котором сначала вскипячен чай, а потом изжарена взятая с собой баранина. Затем мы крепко заснули под пологом звездного неба. Холод раннего утра заставил подняться на рассвете. Снова вскипячен был чай, оседланы лошади, и мы, не торопясь, поехали к своему бивуаку.

Здесь мне приготовлен был сюрприз, именно добыт недалеко от нашей стоянки, в окрайнем к Сыртыну хребте, гималайский улар (Megaloperdix himalayensis), обитающий кроме Гималаев, на Тянь-шане и Сауре. На Тибетском же нагорье этот вид найден был нами только в одном вышеназванном небольшом уголке Нань-шаня. Здесь гималайский улар живет рядом с уларом тибетским (Megaloperdix thibetanus), весьма обыкновенным в Северном Тибете, в горах Куку-нора и Гань-су.

Из двух добытых экземпляров новых уларов самец оказался совершенно разбит выстрелом, так что не годился на чучело; самка же находилась в сильном линянии. Между тем, казак Калмынин, убивший этих птиц, сообщил мне, что видел довольно много уларов с выводками молодых. Тогда я решил пробыть еще день—другой на той же стоянке, чтобы поохотиться за заманчивыми птицами. Обождать было необходимо еще и потому, что наш переводчик Абдул простудился и серьезно захворал; но усиленные приемы хины через несколько дней поставили опять Абдула на ноги.

П р о п а ж а у н т е р - о ф и ц е р а Е г о р о в а. Между тем нежданно-негаданно на нас грянула беда, чуть было не окончившаяся погибелью одного из лучших людей экспедиции—унтер-офицера Егорова. Но, видно, и теперь фортуна хотела мне только погрозить, не лишая своей постоянной благосклонности.

Вот как случилось это памятное для нас событи .

В тот самый день, когда Калмынин убил пару тибетских уларов, он встретил в горах дикого яка, по которому выстрелил из винтовки четыре раза. Сильно раненый зверь убежал, но Калмынин не стал его следить, потому что время уже близилось к вечеру. На другой день—это было 30 июля—я послал того же Калмынина и вместе с ним унтер-офицера Егорова искать раненого яка. Так как последний иногда бросается на охотника, то посланным велено было для безопасности ходить вместе.

Опираясь на рассказы Калмынина и охотившегося с ним тогда Коломейцева о лужах крови, истекавшей на следах яка, я был вполне уверен, что зверь не уйдет далеко и издохнет в течение ночи; поэтому приказал посланным охотникам ехать до ущелья на верблюдах и на них привезти часть мяса, а главное—часть яковой шкуры. Последняя необходима была на подметки всем казакам, уже сильно износившим свою обувь.

Отправившись утром о места бивуака, Калмынин и Егоров проехали верст восемь до входа в ущелье, привязали там верблюдов, а сами направились в горы. Здесь вскоре отыскали след раненого яка и пошли этим следом. Оказалось, что зверь, вопреки рассказам, был не слишком сильно ранен, поднялся на гребень окрайнего к Сыртыну хребта и спустился на южную сторону этих гор. Наши охотники, увлекшись, также пошли за ним. Сделав версты две или три от перевала, они встретили стадо аркаров, по которым выстрелили залпом. Рассчитывая, что который-нибудь из аркаров ранен, Калмынин пошел посмотреть следы; Егоров же снова отправился за яком, уверяя, что он пройдет только немного и вернется на это место.

Калмынин осмотрел аркарьи следы, убил здесь случайно подвернувшегося хулана, а затем начал криком звать Егорова, но ответа не было. Между тем солнце склонялось к закату. Рассчитывая, что Егоров пошел к верблюдам прямым путем, Калмынин поднялся снова на перевал и спустился к тому месту, где дожидались привязанные верблюды. Егорова здесь также не оказалось, а уже стало темнеть. Тогда Калмынин, предполагая, что Егоров, быть может, прямо пешком пошел к бивуаку, отправился с верблюдами туда же и приехал на наше стойбище часов в десять вечера.

Сначала я не слишком беспокоился, думая, что Егоров вернется ночью, как то не раз случалось с нашими казаками, ходившими на охоту. Но наступило утро, а Егоров не возвращался. Между тем погода стояла холодная и сильно ветреная. Егоров же отправился на охоту в одной рубашке, оставив при верблюдах свой сюртук; огня с собой у Егорова не было, так как он не курит. Дело становилось серьезным; нельзя было медлить ни минуты.

П о и с к и е г о. Тотчас же снарядил я прапорщика Эклона, препаратора Коломейцева и трех казаков (Калмынина, Телешова и Румянцева) в поиски Егорова. Все пятеро поехали верхами до ущелья, в котором вчера дожидались верблюды. Здесь Эклон и Телешов должны были искать в ближайших окрестностях; остальным же велено было итти на то место, где Егоров расстался с Калмыниным, и отсюда начать поиски. Сам я остался на бивуаке и в тревожном ожидании провел целый день.

Поздно вечером вернулись Коломейцев с Телешовым и объявили, что поиски оказались неудачными, поэтому Эклон с двумя казаками остался ночевать в горах в ожидании моих распоряжений на завтра. О поисках же нынешнего дня Коломейцев объяснил следующее.

Придя втроем на то место, где Егоров разошелся с Калмыниным, посланные направились по следам яка, рядом с которыми кое-где на глине неясно были видны и следы Егорова, обутого в то время в самодельные чирки, т. е. сапоги без каблуков. Версты через две встретилось место, где лежал раненый як, к которому Егоров, вероятно, неожиданно подошел близко, так как зверь огромными прыжками бросился с места лёжки. Егоров пустился за ним и начал переходить из одного ущелья в другое. Нужно заметить, что окрайний хребет пускает к стороне Сыртынской равнины частые и довольно длинные гривы, каменистые и крутые; между этими отрогами лежат глубокие, узкие ущелья. Вся местность изборождена. Заблудиться здесь человеку, непривычному к горам, весьма легко, тем более, что Егоров, преследуя яка по горячим следам, конечно, не обращал внимания на местность и не старался ориентироваться.

Продолжая итти далее следами яка, посланные встречали кое-где и следы Егорова, но версты через три от того места, с которого вскочил як, эти следы пропали окончательно. Вероятно, Егоров здесь бросил преследовать зверя и решил вернуться к верблюдам или прямо к нашему бивуаку; но, видя перед собой дикие скалистые хребты, все похожие друг на друга, не попал на истинный путь, а пошел, всего вероятнее, или поперек боковых горных отрогов, или к стороне Сыртынской равнины. Между тем наступила холодная ночь. Егоров, щеголявший в одной рубашке, поневоле должен был проплутать всю эту ночь, и, вероятно, зашел куда-нибудь далеко.

Потеряв след Егорова, Коломейцев, Калмынин и Румянцев до вечера лазили наудачу по ущельям, стреляли там для сигналов, но ничего не нашли. Не было даже никаких признаков, жив ли Егоров, или нет,

в горах ли он, или на Сыртынской равнине. Уже после заката солнца все трое, сильно усталые, вернулись к ожидавшим их Эклону и Телешову, которые также ничего не нашли.

С рассветом следующего дня я сам отправился продолжать поиски. Взял с собой, кроме Телешова, Калмынина и Румянцева, свежих людей — Урусова и Гармаева. Прапорщик же Эклон, ночевавший в горах с двумя казаками, возвратился на стойбище.

Отъехав верст двенадцать к юго-востоку от нашего бивуака, мы неожиданно встретили в горах нескольких монголов, которые гнали из Цайдама в Са-чжеу стадо баранов на продажу. Разумеется, к монголам тотчас же было приступлено с расспросами, не видали ли они где-нибудь Егорова. Получился ответ отрицательный, но вместе с тем мы узнали, что верстах в 20 или 25 от южной подошвы окрайнего хребта в Сыртынской равнине кой-где встречаются монгольские стойбища. Тогда у меня мелькнула мысль: не зашел ли туда заблудившийся Егоров? Сейчас же Калмынин и Гармаев отправлены были за горы в монгольские кочевья по тропинке, указанной встреченными монголами. Я же с Телешовым и Урусовым отправился пешком продолжать поиски с того места, откуда вчера вернулись Коломейцев и казаки; Румянцев остался при лошадях.

До вечера бродили мы по горам, стреляли в каждом ущелье, но ничего не нашли. Вместе с тем убедились, что если Егоров заболел или оборвался со скалы, или, наконец, погиб каким-либо иным образом, то его невозможно отыскать в этих гигантских горах, сплошь усеянных каменными россыпями. На расстоянии нескольких сот шагов мы сами с трудом замечали здесь друг друга даже в движении. Умаялись мы сильно, и переночевав в горах, на следующий день вернулись к своему бивуаку.

Таким образом, в течение двух дней горы были обшарены, насколько возможно, верст на двадцать пять к востоку от нашей стоянки до того места, где окрайний хребет соединяется со снеговым. Далее Егорову, если бы даже со страху он совсем потерял голову, ни в каком случае нельзя было итти. Думалось нам одно из двух: или Егоров, выбившись из сил, погиб в горах, или ушел в Сыртынскую равнину и, быть может, отыскал там монголов. Разъяснить последний вопрос должны были посланные казаки. В тягостном ожидании их возвращения мы провели еще трое суток на прежнем стойбище.

Между тем в горах уже наступала осень, и морозы на восходе солнца достигали —7,0° на нашей стоянке. Повыше же температура, конечно, упала градусов до 10, а быть может, и более; днем дули северо-западные ветры, наполнявшие воздух пыльной мглой. Словом, как нарочно, климатические условия сложились теперь самым неблагоприятным образом.

Поздно ночью 4 августа посланные за горы казаки возвратились и рассказали, что они объездили верст полтораста, отыскали кочевья монголов, но об Егорове нигде ничего не слыхали. Участь несчастного теперь, повидимому, была разъяснена: его погибель казалась несомненной, тем более, что прошло уже пять суток с тех пор, как Егоров потерялся. Тяжелым камнем легло на сердце каждого из нас столь неожиданное горе. И еще сильнее чувствовалось оно при мысли, что погиб совершенно бесцельно и безвинно один из членов той дружной семьи, каковой мог назваться наш экспедиционный отряд.

Неожиданная встреча. Назавтра мы покинули роковое место и направились к западу по высокой долине, которая залегла между главным и окрайним хребтами. Пройдя верст 25, встретили ключ, отдох-

нули на нем часа два, а затем пошли опять, с целью уйти в этот день как можно дальше. Караван шел в обычном порядке, все ехали молча в самом мрачном настроении духа. Спустя около часа после того, как мы вышли с привала, казак Иринчинов, по обыкновению ехавший во главе первого эшелона, заметил своими зоркими глазами, что вдали, вправо от нас, кто-то спускается с гор по направлению нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь зверь, но вслед за тем я рассмотрел в бинокль, что то был человек и не кто иной, как наш, считавшийся уже в мертвых, Егоров. Мигом Эклон и один из казаков поскакали к нему, и через полчаса Егоров был возле нашей кучки, в которой в эту минуту почти все плакали от волнения и радости...

Страшно переменился за эти дни наш несчастный товарищ, едва державшийся на ногах. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и нос распухшие, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взгляд какой-то дикий... С подобной наружностью гармонировал и костюм или, вернее сказать, остатки того костюма, в котором Егоров отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталон не имелось; ноги же были обернуты в изорванные тряпки.

Тотчас мы дали Егорову немного водки для возбуждения сил, наскоро одели, обули в войлочные сапоги и, посадив на верблюда, пошли далее. Через три версты встретился ключ, на котором мы разбили свой бивуак. Здесь напоили Егорова чаем и покормили немного бараньим супом. Затем обмыли теплой водой израненные ноги и приложили на них корпию, намоченную в растворе арники, из нашей походной аптеки; наконец больному даио было пять гран хины, и он уложен спать. Немного отдохнув, Егоров вкратце рассказал нам о своей пропаже следующее.

Когда 30 июля он разошелся в горах с казаком Калмыниным и пошел по следу раненого яка, то вскоре отыскал этого зверя, выстрелил по нему и ранил еще. Як пустился на уход... Егоров за ним — и следил зверя до самой темноты; затем повернул домой, но ошибся и пошел в иную сторону. Между тем наступила холодная и ветреная ночь. Всю ночь напролет шел Егоров, и когда настало утро, то очутился далеко от гор в Сыртынской равнине. Видя, что зашел не туда, Егоров повернул обратно к горам, но, придя в них, никак не мог обознать местность, тем более, что, как назло, целых трое суток в воздухе стояла густая пыль. Егоров решился итти наугад и направился к западу (вместо севера, как следовало бы) поперек южных отрогов окрайнего хребта. Здесь блуждал он трое суток и все это время ничего не ел, только жевал кислые листья ревеня и часто пил воду. «Есть нисколько не хотелось, — говорил Егоров, — бегал по горам легко, как зверь, и даже мало уставал».

Между тем плохие самодельные чирки износились в двое суток; Егоров остался босым. Тогда он разорвал свои парусинные панталоны, обернул ими ноги и обвязал изрезанным на тонкие пластинки поясным ремнем. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала от острых камней, и вскоре обе пятки Егорова покрылись ранами. А между тем ходить и ходить было необходимо — в этом только и заключалась возможность спасения. Застреливши из винтовки зайца, Егоров содрал с него шкуру и подложил эту шкуру, вместе с клочками случайно найденной бараньей шерсти, под свои израненные, обернутые в тряпки ноги. Болели они сильно,

в особенности по утрам, после ночи. Невозможно даже было тогда встать, так что Егоров выбирал себе ночное логовище на скате горы для того, чтобы утром ползти сначала на четвереньках, «размять свои ноги», как он наивно выражался. Не менее муки приносили и ночные морозы, доходившие в горах, как сказано выше, по крайней мере до 10 градусов, да еще иногда и с ветром. Забравшись где-нибудь под большой камень, Егоров с вечера разводил огонь, добывая его посредством выстрела холостым патроном, в который вкладывал, вместо ваты или трута, оторванный кусок фуражки. При выстреле этот кусок загорался, потом тлел, и Егоров раздувал огонь, собирая для него помет диких яков. Но поддерживать огонь всю ночь было невозможно — одолевали усталость и дремота. Вот тут-то и начинались вдобавок к страданьям израненных ног новые муки от холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоров ухитрялся туго набивать себе за пазуху и вокруг спины сухого помета диких яков и, свернувшись клубком, тревожно, страдальчески засыпал... В это время пропотевшая днем рубашка обыкновенно примерзала к наложенному помету, зато по крайней мере не касалась своей ледяной корой голого тела.

На четвертые сутки своего блужданья Егоров почувствовал сильную усталость и голод. Последний был еще злом наименьшим, так как в горах водились зайцы и улары. По экземпляру того и другого застрелил Егоров и съел сырой часть улара; зайца же, также сырого, носил с собой и ел по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

В это время Егоров блуждал возле тропинки, которая ведет из Сыртына в Са-чжеу. Несколько раз пускался он в безводную степь, но, мучимый жаждой, снова возвращался в горы. Здесь, на пятые сутки своего блужданья, Егоров встретил небольшое стадо коров, принадлежавших, несомненно, кочевавшим где-либо поблизости монголам; но пастухов при коровах не оказалось. Вероятно, они издали заметили незнакомого странного человека и спрятались в горах. Конечно, Егорову следовало застрелить одну из коров, добыть таким образом себе мяса, а кожей обернуть израненные ноги. Однако он не решился на это; хотел только взять от коров молока, но и тут неудача—коровы оказались недойными.

Оставив в покое этих соблазнительных коров, Егоров побрел опять по горам и переночевал здесь шестую по счету ночь. Между тем силы заметно убывали... Еще день-другой таких страданий—и несчастный погиб бы от истощения. Он сам уже чувствовал это, но решил ходить до последней возможности; затем собирался вымыть где-нибудь в ключе свою рубашку и в ней умереть. Но судьба судила иначе... Егоров случайно встретил наш караван и был спасен.

И как не говорить мне о своем удивительном счастии! Опоздай мы днем выхода с роковой стоянки или выступи днем позже, наконец, пройди часом ранее или позднее по той долине, где встретили Егорова—несчастный, конечно, погиб бы наверное. Положим, каждый из нас в том был бы не повинен, но все-таки о подобной бесцельной жертве мы никогда не могли бы вспомнить без содроганья, и случай этот навсегда остался бы темным пятном в истории наших путешествий...

Переход в равнину Сыртын. Невольных двое суток простояли мы опять на одном месте. Все ухаживали за Егоровым. К общей радости, у него не сделалось ни горячки, ни лихорадки; только сильно болели ноги, на которые попрежнему прикладывалась корпия, намоченная в растворе арники. Аппетит у больного был хороший, но сначала

мы кормили его понемногу. Через двое суток Егоров уже мог, хотя с трудом, сидеть на верблюде, и мы пошли далее.

В двух верстах от нашего ключа пролегала вьючная тропа, которая, как оказалось, вела из Са-чжеу в Сыртын. По этой тропинке мы взошли на перевал через окрайний хребет. Абсолютная высота этого перевала 13 200 футов. Подъем с севера весьма пологий. Спуск на южную сторону, также пологий и удобный, идет широким безводным ущельем на протяжении 15 верст. Это ущелье, равно как горы, его обставляющие, да и весь южный склон окрайнего к Сыртыну хребта совершенно бесплодны. В верхнем горном поясе преобладали здесь по нашему пути россыпи; в среднем—глина, а в нижнем, ближе к наружной окраине, явились скалы из слюдосодержащего глинистого сланца.

Переночевав с запасной водой, но без корма для животных, на устье вышеописанного ущелья, с восходом солнца следующего дня мы направились на юго-запад к озеру Бага-сыртын-нор, до которого оставалось около 25 верст. Шли все время по покатой от гор голой галечной равнине.

Оригинальные подножия центральноазиатских гор. Такие покатости, часто с большим наклоном, составляют характерную принадлежность горных хребтов центральноазиатской пустыни. Они обыкновенно сопровождают широкой каймой подножие гор, имеют почву из глины с галькой, совершенно бесплодны и местами прорезаны глубокими руслами дождевых потоков.

Образование подобных оригинальных равнин, по всему вероятию, обусловливается разрушением тех же горных хребтов пустыни, в которой нет ни обильных водяных осадков, ни текучих вод для перенесения продуктов разложения. Они осыпаются с гор возле их подножий, закрывая мало-помалу нижние каменные пласты и образуя постоянно увеличивающуюся пологую осыпь. Ее размеры и наклон зависят, конечно, от большей или меньшей разрушаемости и самого времени разрушения той каменной породы, из которой состоит хребет. В некоторых небольших хребтиках, там и сям разбросанных по Гоби, можно наблюдать, как постоянно увеличивающаяся осыпь уже замаскировала собой почти всю прежнюю площадь гор, уцелевших только небольшим островком на вершине своего куполообразного пьедестала([50]).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЦАЙДАМ

[*10/22 августа—11/23 сентября 1879 г.*]

О Цайдаме вообще.—Местные монголы.—Грабежи их оронгынами.—Северный Цайдам.—Его флора и фауна.—Равнина Сыртын.—Ее жители.—Избранный нами путь.—Мираж.—Большой безводный переход.—Местность до оз. Ихэ-цайдамин-нор.—Описание этого озера.—Дальнейшее наше движение.—Пашни цайдамских монголов.—Хармык.—Тамариск.—Князь Курлык-бэйсе.—Крутое наше с ним обращение.—Комическая закупка продовольствия.—Озера Курлык-нор и Тосо-нор.—Климат августа.—Крайне бесплодная местность.—Река Баян-гол.—Невольные ошибки.—Выход на старый путь.—Возня с князем Дзун-засаком.—Результаты первого периода путешествия.

айдамом называется страна, лежащая на передовом северном уступе Тибетского нагорья, невдалеке к западу от оз. Куку-нора. С севера ее отражают хребты, принадлежащие к системам Нань-шаня и Алтын-тага. С юга еще более рельефной границей служит громадная стена гор, которые от Бурхан-Будда на востоке тянутся, под различными названиями, далеко к западу. Здесь, т. е. на западе, граница Цайдама неизвестна; быть может, она намечается отрогами южных и северных окрайних гор. Наконец, на востоке описываемую страну окаймляют горы, служащие крайним западным продолжением некоторых хребтов верхней Хуан-хэ([51]).

С востока на запад Цайдам тянется верст на восемьсот[1]; ширина же его, не переходящая сотни верст в восточной части, значительно увеличивается к средине. Вся эта страна, поднятая от 9 до 11 тысяч футов над уровнем моря, состоит из двух, довольно резко между собой различающихся частей: южной—к которой собственно и приурочено монгольское название Цайдам—несомненно бывшей недавно дном обширного соленого озера, а потому более низкой, совершенно ровной, изобилующей ключевыми болотами, почти сплошь покрытой солончаками, и северной—более возвышенной, состоящей из местностей гористых или из бесплодных глини-

[1] Но ни в каком случае не доходит до Лоб-нора, как в том уверяли меня цайдамские монголы в 1872—1873 годах, см. «Монголия и страна тангутов», стр. 298 [в издании 1946 г. стр. 245].

стых, галечных и частью солончаковых пространств, изборожденных невысокими горами.

Местные монголы. За исключением небольшого числа тангутов, обитающих в восточном Цайдаме, население этой страны составляют монголы, принадлежащие, подобно значительной части кукунорцев, к олютам, но ныне сильно утратившие свой родовой тип. Всего чаще здесь встречается помесь с тангутами, в особенности в восточном и южном Цайдаме; иногда перепадают и китайские физиономии.

Для одежды цайдамские монголы обыкновенно употребляют собственного приготовления войлоки. Из них шьют халаты, которые носят как мужчины, так и женщины. Рубашек и вообще нижнего белья ни те, ни другие не знают; тела никогда не моют; нечистоплотны до крайности. Панталоны из бараньих шкур носят только зимой; тогда же надевают и бараньи шубы. Голову покрывают зимой бараньей шапкой с отвороченными полями, а летом обвертывают красным кушаком наподобие чалмы. Сапоги носят китайские или самодельные, так называемые гу́тулы. Костюм женщин вообще не отличается от костюма мужчин. У тех и других обычай, перенятый, впрочем, от тангутов, спускать с правого плеча надетую шубу или халат, так что правая рука и часть груди остаются голыми. Делается это не только дома, но даже и во время пути, если не слишком холодно; в присутствии же старшего лица или при разговоре с ним подобной вольности не допускается.

Обычное занятие цайдамских монголов составляет скотоводство—разведение баранов, лошадей и рогатого скота; в меньшем количестве содержатся здесь яки и верблюды. Последние гораздо хуже верблюдов халхаских: мельче ростом и слабосильней. В Цайдаме для этих животных местность неблагоприятна, как по неимению в достаточном количестве пригодного корма, так и по обилию болот, на которых летом роятся тучи мошек, комаров и оводов, весьма вредных для скота вообще, а для верблюдов в особенности. Бараны цайдамские не курдючные или с весьма маленьким продолговатым курдюком, ростом невелики. Рогатый скот довольно хорош. Лошадей здесь много, но порода малорослая, некрасивая. Все стада летом обыкновенно угоняются в горы, как северные, так и южные. Здесь животным прохладнее и нет му́ки от насекомых, зато корм большей частью скудный. Осенью стада возвращаются в равнины на болотистые луга и откармливаются выросшей в течение лета травой.

Обитая вдали от культурных местностей Китая и не имея часто возможности, в особенности в период дунганского восстания, добывать себе хлеб покупкой от китайцев, цайдамские монголы сами кое-где начали заниматься земледелием. Таких местностей мы видели две: возле озера Курлык-нор и на р. Номохун-гол; кроме того слышали, что пашни есть на верховье р. Булунгира. Способ обработки земли самый жалкий; занятие это ненавистно цайдамским монголам, как и всем номадам вообще. Притом же количество распаханной земли ничтожно: оно едва ли достигает сотни десятин во всем Цайдаме. Засевается ячмень с голым зерном, и, в меньшем количестве, пшеница; урожай бывает довольно хороший. Хлеб идет на приготовление дзамбы для собственного пропитания. Важной статьей в этом отношении служит хармык, ягоды которого едят свежими и сушат впрок. Затем обыденную пищу составляют: чай, молоко, масло и баранина; последняя, впрочем, не редкость лишь у зажиточных.

В административном отношении Цайдам подчинен кукунорскому вану [князю] и разделяется на пять хошунов([52]): Курлык-бэйсе и Куку

бэйле—на севере, Барун-засак—на востоке, Дзун-засак—на юге и Тайджинер-хошун[1]—на западе. Узнать правду о количестве населения для нас было невозможно. Одни из рассказчиков (мне кажется это более вероятным) говорили, что во всех пяти хошунах Цайдама около тысячи юрт; другие же сообщали, что число этих юрт переходит за две тысячи. Но во всяком случае население крайне ничтожно сравнительно с обширностью страны.

Грабежи их оронгынами. Далеко не спокойно живут цайдамские монголы. Каждогодно они подвергаются, то в одном, то в другом хошуне, набегам хара-тангутов с верховьев Желтой реки и голыков[2], также тангутского племени, обитающих на р. Мур-усу в Северном Тибете. Те и другие разбойники слывут у цайдамцев под общим именем оронгын. В особенности страдает от них население южного Цайдама. Грабители приезжают сюда обыкновенно поздней осенью, партиями в несколько десятков человек, разыскивают стойбища монголов, отнимают у них скот, хлеб и разное имущество. Для защиты от подобных набегов цайдамцы выстроили в каждом хошуне по небольшой квадратной загороди, обнесенной глиняными стенами. Подобная постройка, примитивный образчик наших крепостей, носит громкое название хырма, т. е. крепость(53). Сюда складываются лишние пожитки и хлеб, а при нападении оронгын, если успеют их во время заметить, загоняется скот. Притом в каждой хырме живут поочередно человек двадцать или тридцать защитников-монголов, вооруженных саблями, пиками и изредка фитильными ружьями. Для оронгын подобная хырма с тонкими глиняными стенами сажени три высотой, при длине сажен в тридцать каждого фаса, составляет преграду неодолимую. Разбойники обыкновенно и не думают заниматься штурмом или осадой, но едут далее, рассчитывая захватить где-нибудь врасплох.

Конечно, не все обитатели хошуна могут воспользоваться защитой хырмы, так как оронгыны появляются обыкновенно внезапно. Поэтому монголы, кочующие вдали от хошунной хырмы, зарывают хлеб, масло и лишние пожитки в землю. Сами же при появлении разбойников прячутся в зарослях тамариска и хармыка; сюда загоняют на время и стада. Но оронгыны имеют волчье чутье и нередко разыскивают спрятанное, в особенности скот, его забирают и гонят во-свояси.

Сопротивление вооруженной силой разбойники почти никогда не встречают, во-первых вследствие трусости самих монголов, а во-вторых, потому, что за каждого убитого оронгына платится большой штраф его семейству. Такой порядок узаконен сининскими амбанями (губернаторами), с которыми разбойники, вероятно, делятся своей добычей (54).

Цайдамцы страшно ненавидят оронгын. Это слово служит здесь ругательством. Так, например, когда цайдамский монгол бранит свою лошадь, то взамен нашего пожелания в подобном случае быть съеденной волком, он обыкновенно говорит: «Чтоб тебя оронгын украл». Про дурную местность цайдамцы говорят: «Здесь жить только оронгынам»; маленьких детей пугают также оронгынами.

Северный Цайдам. Теперь более подробно о северном Цайдаме.

---

[1] Вторые названия у первых четырех хошунов обозначают родовые степени князей, управляющих этими хошунами; пятый хошун—Тайджинерский—назван прямо по родовой степени своего князя.

[2] О тех и других будет рассказано впоследствии.

Цайдамский князь Дзун-засак (в центре)
и его приближенные

Южной границей обширной равнины Сыртынской служит горный хребет средней высоты (не имеющий общего названия у местных жителей), протянувшийся от южной оконечности снеговых гор Риттера к западу до оз. Хыйтун-нор, лежащего, как сообщали нам монголы, верстах в 60—70 западней оз. Ихэ-сыртын-нор. Туда же, т. е. к Хыйтун-нору, тянется и равнина Сыртынская, западное продолжение которой уходит еще далее на запад, но куда именно—сказать нам не могли. По уверению сыртынских монголов, в тех местах, крайне бесплодных, состоящих из голых глинистых площадей, никто не бывал, и места эти никому не принадлежат.

На продолжении окрайних южно-сыртынских гор, к юго-востоку от южной оконечности хребта Риттера, тянутся также горы, которые, однако, вскоре мельчают и окончательно расплываются пологими глинистыми холмами. Но вслед за тем, в том же восточном направлении, встает новый хребет, протянувшийся непрерывной стеной к ставке кукунорского вана (Дулан-киту), и далее по южную сторону оз. Куку-нор. На меридиане оз. Курлык-нор эти горы, сколько кажется, достигают снеговой линии, впрочем, лишь отдельными своими вершинами ([55]).

К югу от вышеописанных окрайних гор, вплоть до болотистых и солончаковых равнин, наполняющих собой юг Цайдама, залегают местности, крайне бесплодные и безводные, состоящие то из волнистых пространств, то из небольших горных хребтов и в общем напоминающие собой худшие части Гоби. Здесь даже кочевая жизнь почти невозможна. Она ютится под окрайними северными горами, с которых кое-где бегут речки, теряющиеся затем в солончаках или впадающие в озера, весьма богатые превосходной осадочной солью. По берегам этих озер, речек и кое-где у подножья гор образуются подземной водой, стекающей с тех же гор, иногда довольно обширные ключевые болота, представляющие собой хорошие пастбищные места.

Его флора. На таких болотах растут европейские знакомцы: ситовник (Scirpus maritimus var. affinis), осока (Carex sp.), тростник (Phragmites communis), водяная сосенка (Hippuris vulgaris), пузырчатка (Utricularia vulgaris), изредка куга (Typha stenophylla), по окраинам же местами изобилен колосник (Elymus junceus).

Берега рек почти всегда сопровождаются узкой полосой кустарников, но только трех видов; из них преобладают: балга-мото (Myricaria alopecuroides) и хармык (Nitraria Schoberi), более редок сугак (Lycium turcomanicum). Затем эти кустарники обыкновенно исчезают, лишь только речка выбегает подальше от гор.

В пространствах между орошенными, сравнительно весьма небольшими, местностями расстилается бесплодная пустыня. Иногда на многие десятки верст почва совершенно оголена; также голы и все здесь горы. Только на солончаках встречаются уродливые кусты бударганы (Kalidium gracile, Sympegma Regelii), невзрачные солянки (Salsola kali, Salsola n. sp., Halogeton sp., изредка Kochia millis), а там, где почва делается глинисто-песчаной, появляются: белолозник (Eurotia ceratoides), кустарный чернобыльник (Artemisia campestris), [полынь]—Artemisia n. sp., [курчавка кустарная]—Atraphaxis lanceolata, [реамюрия джунгарская]—Reaumuria songarica, Tanacetum sp. [при проверке оказалось—ромашник—Pyrethrum]; кое-где [реамюрия]—Reaumuria trigyna n. sp. и [остролодка]—Oxytropis aciphylla.

Ф а у н а. Царство животных северного Цайдама также весьма бедное Здесь нет вовсе ни рыб, ни земноводных. Для первых—речки слишком быстры и мелки; для последних—болота солены.

Среди млекопитающих встречаются только два представителя северно-тибетской фауны: хулан (Asinus kiang) и пищуха (Lagomys ladacensis), оба свойственные также степям Куку-нора. В песках восточной части Сыртынской равнины (в урочище Куку-сай) и близ озера Хыйтун-нор водятся дикие верблюды. Затем обыкновенны: хара-сульта (Antilope

Глинпные бугры, образуемые в пустыне корнями тамариска и хармыка

subgutturosa), заяц (Lepus sp.), волк (Canis lupus), лисица (Canis vulpes) и полевка (Arvicola sp.); реже попадаются: песчанка (Meriones sp.), тушканчик (Dipus sp.) и Myodes sp. Всего вообще в Цайдаме, как в северном, так и южном, нами найдено было только 15 видов млекопитающих, кроме домашних.

Орнитологическая фауна описываемой страны может похвалиться большим разнообразием. За оба путешествия[1] мы наблюдали в Цайдаме (северном и южном) 97 видов птиц[2]. Впрочем, если исключить окрайние горы, то число это значительно уменьшится.

По своему характеру цайдамская орнитологическая фауна гораздо более сходствует с монгольской, нежели с севернотибетской, и резко отличается от фауны соседних кукунорских гор, не говоря уже о лесной области восточного Нань-шаня (гор Гань-су). Своего собственного предста-

---

[1] Первое—в ноябре 1872 года и феврале 1873 года; второе—в августе 1879 года, январе и феврале 1880 года.

[2] Распределяющихся приблизительно следующим образом: оседлых—28 видов, пролетных—56 (из них около 17 остаются гнездиться), зимующих—13 видов.

вителя птиц Цайдам имеет только одного[1], именно фазана (Phasianus vlangalii), весьма обыкновенного по тростниковым зарослям южной половины этой страны.

К характерному явлению по части цайдамской орнитологии можно указать еще на то, что на тамошних болотах, несмотря, повидимому, на полную их пригодность, вовсе не гнездятся ни утки, ни гуси, да и на осеннем пролете (за исключением турпанов) попадаются в этих местах весьма редко.

Из оседлых птиц северного Цайдама наиболее обыкновенны: саксаульная сойка (Podoces hendersoni), ворон (Corvus corax), тибетский жаворонок (Melanocorypha maxima), жаворонки чернолобый и малый (Otocoris nigrifrons, Calandrella brachydactyla?), больдурук (Syrrhaptes paradoxus).

Осенний пролет, наиболее здесь сильный во второй половине августа и в начале сентября, был вообще далеко не обилен. Нами отмечено за это время только 29 пролетных видов, из которых в бо̀льшем количестве встречались: плисицы (Motacilla baikalensis, Budytes citreola, Calobates boarula [белая, желтоголовая и горная трясогузки], славки (Sylvia curruca), стрижи (Cypselus murarius), удоды (Upupa epops), сорокопуты (Lanius isabellinus), турпаны (Casarca rutila), ржанки (Charadrius xanthocheilus), кулички-воробьи (Tringa temminckii) и кулики красноножки (Totanus calidris); последние в большом числе также гнездятся на северноцайдамских болотах.

Равнина Сыртын. Наиболее обширное из этих болот раскидывается в равнине Сыртын[2], представляющей собой лучшее место во всем северном Цайдаме. Строго говоря, равнина эта, носящая в своей восточной части название Куку-сай, принадлежит Нань-шаню и составляет переход от него к Цайдаму. В западной ее части, т. е. собственно в Сыртыне, лежат два больших соляных озера: Бага-сыртын-нор (Малое Сыртынское озеро) и Ихэ-сыртын-нор (Большое Сыртынское озеро). Последнее, как само название показывает, больше первого, но посетить его нам не удалось. Мы были только на оз. Бага-сыртын-норе, которое расположено в западной окраине большого ключевого болота, образуемого подземной водой, сбегающей, вероятно, со снеговой группы Анембар-ула, с хребтов Гумбольдта и Риттера. В самом низком месте равнины, раскинувшейся между вышеназванными горами, вода, доставляемая почве ручьями и речками, бегущими от снегов, снова выходит на поверхность в виде многочисленных пресных ключей. В промежутках между ними залегают, обыкновенно в небольших ямках, отложения соли, слоями от 2 до 4 дюймов толщины. Соль эта часто белая и отличного вкуса. На оз. Бага-сыртын-нор, по крайней мере в восточной его части, соляных отложений нет; здесь даже вода почти пресная, так как она постоянно обновляется ключевыми ручейками. На противоположном же западном берегу видны голые солончаки; там, быть может, на дне самого озера, залегают отложения соли.

В восточной части сыртынского болота соляных отложений мало, поэтому и травянистая растительность гораздо лучше. Ее представителями служат немногочисленные виды, общие всем северноцайдамским боло-

[1] Или, быть может, двух, если при специальной обработке орнитологического отдела окажется новым найденный на болотах северного Цайдама жаворонок, которого. в таком случае, можно назвать Alaudula zaidamensis [это оказался A. arvensis].

[2] Монгольское название «Сыртын» обозначает вообще сырое или болотистое место(58).

там; по окраинам же, на влажной глинисто-песчаной почве, в изобилии растет колосник (Elymus junceus). Здесь пасутся многочисленные стада хуланов; обильны и хара-сульты. Из птиц на болотах Сыртына мы встретили много только куликов красноножек (Totanus calidris), которые, несмотря на август, все еще возились со своими детьми и с тревожным криком преследовали охотника. Кроме того, обыкновенны были: крачки (Sterna hirundo), плисицы (Budytes citreola) и кулички (Tringa temminskii, Aegialites cantianus); изредка попадались журавли (Grus nigricollis), которые здесь гнездятся. Из местных видов преобладали жаворонки: малый (Calandrella brachydactyla?), чернолобый (Otocoris nigrifrons) и тибетский (Melanocorypha maxima). Этот последний, впервые здесь появившийся, как известно, самый большой между всеми своими собратьями — ростом с крупного дрозда; поет громко и хорошо [он так и называется — большой жаворонок].

Абсолютная высота оз. Бага-сыртын-нор равняется 9 600 футам. Цифру эту можно принять за среднюю и для всей Сыртынской равнины, которая в восточной своей половине, именуемой, как выше сказано, Кукусай, делается безводной и отчасти изобилует сыпучими песками.

Е е ж и т е л и. В Сыртыне на восточной части вышеописанного ключевого болота мы встретили довольно много монголов, подведомственных цайдамскому князю Курлык-бэйсе, стойбище которого находилось на озере Курлык-нор в восточном Цайдаме. Сыртынские монголы довольно зажиточны. Стада их плодятся обильно, так как корм здесь хороший и соли много; летом же, вероятно вследствие высокого, открытого положения местности и близости снеговых гор, не бывает ни мошек, ни комаров. Притом сбыт скота, в особенности баранов, всегда обеспечен в оазис Са-чжеу. С последним, вопреки уверенью нас тамошними китайскими властями, сношения бывают частые и постоянные. Несколько сачжеуских торговцев даже живут в Сыртыне, выменивая у монголов скот на чай, табак, дабу [мануфактуру] и другие товары. Для защиты от прежних грабежей дунган и нынешних набегов тангутов в Сыртыне выстроена глиняная хырма, куда жители прячутся при появлении разбойников.

И з б р а н н ы й н а м и п у т ь. Сыртынские монголы встретили нас довольно радушно; принесли молока, продали баранов и масла. Проводник на дальнейший путь также скоро отыскался, но не прямо в Тибет через западный Цайдам, как нам того желалось, а дорогой окружной, через стойбище курлыкского князя. Вероятно, без разрешения своего властителя сыртынцы не посмели препроводить нас прямо в страну далайламы; да кроме того, желали и прислужиться князю, показав ему не виданных еще здесь людей, от которых, притом можно получить подарки. Так нам сразу и объявили, что в Сыртыне нет проводника, знающего прямую дорогу в Тибет; притом же путь этот, говорили нам, лежит сначала по безводным местностям, а затем по обширным болотистым солончакам, на которых в то время года еще роились тучи мошек и комаров. Общим голосом советовали итти дорогой обходной, на что мы и должны были согласиться. Впрочем, для нас даже выгодней было итти окружным путем именно потому, что через это можно было лучше познакомиться с северным Цайдамом; затем мы рассчитывали купить у курлыкского князя несколько новых верблюдов, или выменять их на более плохих из своих и оставить, под надзором того же князя, весь лишний багаж
возвращения из Тибета.

Около полудня 13 августа к нам явился проводник, весьма приличный монгол, по имени Тан-то. Впоследствии оказалось, что это был один из местных ловеласов, каковые встречаются и между номадами. Вопреки своим собратьям, Тан-то каждый день умывался, чистил зубы и носил опрятную одежду. Человек он был хороший и услужливый. Впоследствии мы одарили Тан-то, сообразуясь с его вкусами и привычками, кусочками мыла, бусами, ножницами и т. п. мелочами, которые, конечно, будут служить немаловажным подспорьем при атаках цайдамских красавиц.

Выступив в тот же день в дальнейший путь, мы прошли только 18 верст и остановились на ночевку. Местность представляла попрежнему равнину, но болото кончилось. Его заменила глинисто-соленая почва, поросшая редким колосником, по которому паслись большие стада хуланов. Влево от нас расстилались голые глинистые площади; на них играл мираж.

М и р а ж. Явление это, весьма обыкновенное в пустынях Монголии, всего чаще случается на гладких и голых глинистых площадях или на обширных солончаках. Поэтому в Северном Тибете, где таких местностей нет, мы ни разу не наблюдали миража. Последний всего чаще бывает весною и осенью; реже летом и еще более редок зимою. Само явление, как известно, состоит в том, что перед глазами путника неожиданно появляется более или менее обширная поверхность озера или вообще воды. Обман часто до того велик, что в появившихся волнах ясно видны отражения соседних скал, или холмов. Передняя рамка берега обозначается резко, но вдаль призрачная вода уходит, как бы сливаясь с горизонтом. Если мираж появится невдалеке, то ближайшие к наблюдателю предметы, иногда даже звери, кажутся подвешенными или плавающими в воздухе. С переменою угла зрения при движении каравана изменяются положения и очертания обманчивого озера: оно то убегает, то появляется сзади или с боков, то, наконец, вовсе исчезает. И по какому-то непонятному чувству всегда жалеешь расстаться с обманчивым виденьем, словно самый призрак воды отраден в пустыне...

Б о л ь ш о й б е з в о д н ы й п е р е х о д. На второй день пути от Сыртына нам предстоял безводный переход в 65 верст. Как обыкновенно в подобных случаях, мы прошли это расстояние в два приема: выступили в полдень, ночевали на половине дороги с запасною водой, а на следующий день добрались до речки Орёгын-гол. На всем пути местность была отвратительная: сначала голая, глинистая, покрытая мелкою галькою равнина, полого повышавшаяся к южносыртынским горам; затем эти самые горы, также совершенно бесплодные. Они состоят из глины и темного глинистого сланца. Перевал весьма пологий, имеет 12 400 футов абсолютной высоты. Весь переход пройден был нами быстро и хорошо. Так вообще везде в Центральной Азии — в самых худших, бесплодных, но зато обыкновенно ровных местностях, за исключением сыпучих песков и влажных солончаков, итти с верблюдами легко и споро; но лишь только местность делается лучше, притом, конечно, пересеченнее — ход каравана затрудняется.

На Орёгын-голе мы дневали.

Больной Егоров теперь почти совсем поправился; не зажили только еще раны на ногах и не позволяли надеть кожаного сапога. Зато с другим из экспедиционных казаков, именно со старшим урядником Иринчиновым, ветераном всех моих экспедиций в Центральной Азии, случилось на Орёгын-голе маленькое несчастье, показывающее, насколько в путешествии

подобного рода легко подвергнуться всякой случайности. Совершенно беззаботно, конечно уже не в первую сотню, если только не тысячу раз, заколачивал Иринчинов в землю железный шорон (колышек в 1 фут длиною), к которому на общей веревке привязываются верблюды, как вдруг один из этих верблюдов, уже бывший на привязи, так сильно дернул веревку, что шорон выскочил из земли, со всего размаха ударил Иринчинова в губы и вышиб в верхней челюсти три передних зуба.

Несколько ранее того, во время ловли для привязывания на ночь экспедиционных баранов, один из них случайно прыгнул на казака Калмынина и, ударив его рогом в лоб, чуть было не вышиб глаз, а опухоль и синяк присадил на продолжительное время.

Местность до оз. Ихэ-цайдамин-нор. Передневав на Орёгын-голе, мы направили свой путь к юго-востоку под окрайними северноцайдамскими горами, которые крутою стеною поднимались влево от нас. Попрежнему горы эти были совершенно бесплодны, зато сделались крупнее и скалистее. В наружной их окраине преобладающими породами являлись серый гнейс и кремнистый черный глинистый сланец.

Вправо, т. е. к югу от нашего пути, виднелись небольшие неправильно разбросанные группы холмов, которые затем выравнялись в небольшой хребтик, протянувшийся на южной стороне обширного соленого озера Ихэ-цайдамин-нор. Та же местность, по которой мы шли до названного озера, в общем представляла высокую (около 11 000 футов абсолютной высоты) равнину, совершенно бесплодную. Только в 18 верстах восточнее Орёгын-гола и на речке Бомын-гол встречены были солончаковые болота представлявшие собою хорошие пастбищные места.

На Бомын-голе жили монголы, недавно прикочевавшие сюда из северных гор, в которых они провели лето. Последнее уже, видимо, приближалось к концу, хотя в тихую и ясную погоду солнце все еще жгло очень сильно. Зато ночи стояли прохладные, и при ясной погоде по утрам перепадали заморозки не только в горах, но и в более низких равнинах. Пролет птиц, начавшийся с конца июля, тянулся вяло, тем более, что местностей, пригодных для остановки пролетных видов, было очень немного. Только на редких ключевых болотах и кой-где в кустарниках по берегам речек находили для себя временный приют и отдых летевшие на юг пернатые. Из последних, кроме видов, поименованных при общем описании фауны Цайдама, нередко встречались по болотам азиатские дупеля (Scolopax stenura, в меньшем числе S. heterocerca), которые, как и у нас в это время года, были очень жирны и по временам доставляли нам превосходное жаркое. Но замечательно, что все вообще пролетные птицы, даже мелкие пташки, держали себя весьма осторожно.

Описание этого озера. На третий день пути от Орёгын-гола мы пришли к обширному соленому озеру, называемому монголами Ихэ-цайдамин-нор, что означает в переводе «Большое цайдамское озеро». Впрочем, такое название не совсем верно, так как описываемое озеро может считаться большим разве относительно Сыртынских озер. Неподалеку же к югу от него лежащее озеро Бага-цайдамин-нор (т. е. Малое цайдамское озеро) лишь немногим уступает первому по своей величине, а более восточные озера—Курлык-нор и Тосо-нор даже превосходят его своими размерами.

Ихэ-цайдамин-нор лежит на абсолютной высоте 10 800 футов и имеет в окружности около 35 верст. По берегам его неширокою (1 — 2 версты) каймою раскидываются солончаковые болота, на которых превос-

ходного качества соль залегает в небольших ямках. Тут же рядом, но обыкновенно ближе к наружной окраине болот, из-под земли бьют многочисленные пресные ключи, окрест которых зеленеет хорошая трава. На ней пасутся монгольские стада; сами же монголы живут несколько поодаль, там, где почва суше. С восточной стороны Ихэ-цайдамин-нора в него впадает небольшая речка, приходящая из соседних северных гор. На самом озере вода чрезвычайно соленая, имеет у берегов лишь около фута глубины. На дне лежит осадочный соляной слой не более дюйма толщиною, но далее к средине соляной осадок, вероятно, гораздо значительнее. Кое-где близ берега описываемого озера выкопаны монголами небольшие бассейны в которых соль, выпаренная солнцем, покрывает воду, словно лед, слоем от $^1/_2$ до $^3/_4$ фута толщиною. Вообще богатство превосходной соли огромное, но оно, как и в других местностях Цайдама, почти вовсе не эксплоатируется человеком.

На меридиане восточного берега Ихэ-цайдамин-нора, в расстоянии от него 15 верст к северу, высится южная оконечность хребта Риттера(57), который и здесь поднимается более, чем на 16 000 футов абсолютной высоты. Такую цифру можно было определить на глаз, судя по положению вечного снега. Этот снег на южных склонах, ближайших к окраине гор, лежал в половине августа только близ самых вершин, но обильно покрывал собою склоны северные. Сами горы, сколько можно было видеть издали, совершенно здесь бесплодны.

Дальнейшее наше движение. В 32 верстах на юго-восток от оз. Ихэ-цайдамин-нор, лежит другое, немного только меньшее по величине, также соленое, озеро Бага-цайдамин-нор. Его абсолютная высота 10 500 футов; берега—болотистые солончаки. С севера впадает небольшая речка. Про обилие соли на самом озере сказать не могу, так как наш бивуак был расположен в расстоянии шести верст от берега; притом, придя сюда уже довольно поздно, на следующий день рано утром мы двинулись далее(58).

Вправо от нашего пути попрежнему виднелись беспорядочные группы холмов, которые восточнее Бага-цайдамин-нора превратились в невысокий горный хребет, довольно далеко протянувшийся к востоку и служащий границею болотистых равнин южного Цайдама. Северные же горы, в крупных размерах продолжавшиеся к юго-востоку от южной конечности хребта Риттера(59), немного восточнее меридиана оз. Бага-цайдамин-нор, вдруг измельчали и невысокими глинистыми холмами отошли к северо-востоку. Вдали на севере за ними виднелись другие высокие горы—вероятно, главный кряж Нань-шаня.

Лишь только окончились высокие северные горы, близ которых мы до сих пор шли, тотчас исчезли и болотистые оазисы, образуемые подземными ключами и горными речками. Далее к востоку потянулась безводная и бесплодная местность, сначала довольно ровная. Затем вновь появились песчано-глинистые холмы, которые вскоре выравнялись в два хребта средней высоты. Южный из этих хребтов продолжается недалеко, но северный разрастается до громадных размеров и высокою стеною уходит на восток, к озеру Куку-нор. Близ оз. Курлык-нор, описываемый хребет поднимается, быть может, до 16 000 футов абсолютной высоты[1]. Здесь же впервые появляются и леса древовидного можжевельника,

---

[1] Судя по тому, что в конце августа на южных склонах некоторых отдельных вершин виден был снег, быть может, не растаивающий и летом.

называемого монголами арца (Juniperus pseudo Sabina), дерева столь характерного для многих горных хребтов Центральной Азии. По нашему же пути мы не видали лесов от самого Тянь-шаня. И по всему вероятию, меридиан оз. Курлык-нор служит западною границею древесной растительности для всего Нань-шаня вообще.

Вместе с тем, с удалением к востоку, описываемые горы становятся несколько плодороднее, но вода в них по нашему пути встречалась весьма редко. По той же, вероятно, причине редки были и птицы; зверей мы не видали никаких, хотя сами горы, повидимому, весьма пригодны для аркаров и куку-яманов.

От озера Бага-цайдамин-нор или, правильнее, от речки Сончжин-гол наш путь, направляющийся до сих пор к юго-востоку, принял совершенно восточное, местами даже северо-восточное, направление. Таким образом мы все более и более уклонялись в сторону от прямой дороги в Тибет. Но, как сказано выше, обход этот необходимо было предпринять, дабы побывать в стойбище князя Курлык-бэйсе. И вот, наконец, 25 августа, сделав 305 верст от Сыртына, мы добрались до вожделенной местности. Впрочем, местопребывание князя находилось на восточной стороне обширного оз. Курлык-нор. Мы же остановились по западную сторону того же озера на впадающей в него речке Балгын-гол, где встретили большую редкость тех стран, именно поля, обрабатываемые местными монголами.

П а ш н и ц а й д а м с к и х м о н г о л о в. Правду сказать, земледелие здесь весьма необширное: всего-навсего оно занимает несколько десятков или, много, с полсотни десятин земли. Зато слава про этот плодородный уголок гремит по всему Цайдаму. Сюда обыкновенно приезжают западноцайдамские (Тайджинерского хошуна) монголы за хлебом для дзамбы. Большая часть полей принадлежит самому князю Курлык-бэйсе; меньшая—его подданным. Обработка земли отвратительная. Местность не очищена даже от зарослей весьма изобильного здесь хармыка. Между кустами этого последнего взрыхлена почва и на ней засеян ячмень (с голым зерном), в меньшем количестве—пшеница. Вода для орошения выводится канавами из р. Балгын-гол. Урожай, по общим отзывам,всегда бывает хороший; сбор хлеба производится в конце августа. Работа эта была в полном ходу во время нашего прибытия в те места. Везде на полях виднелись мужчины и женщины, которые срезывали гладкими, без зазубрин, серпами стебли ячменя и пшеницы, выше чем на половину их роста и тут же обмолачивали на твердых глиняных площадках. Для безопасности от грабежей оронгын хлеб ссыпается в небольшие ямы и земля на них так выравнивается, что разве только сам хозяин может узнать то место, где закопаны зерна. Последние добываются по мере надобности, поджариваются на огне и затем мелются для дзамбы на ручных жерновах, до того миниатюрных, что два работника в день едва успевают намолоть пуд муки.

Вместе с культурою тотчас появился и полевой воробей (Passer montanus), который нигде не встречается на кочевьях в пустыне. Из других же птиц на Балгын-голе добыта была [кустарница]—Rhopophilus deserti n. sp., вертлявая птичка, впервые открытая мною в том же Цайдаме еще в 1872 году, а затем вновь найденная в 1876 году на нижнем Тариме. Кроме двух названных местностей, т. е. Цайдама и Тарима, описываемый вид нигде не встречается в Центральной Азии. Держится исключительно в густых зарослях хармыка (в Цайдаме) или джингила (на Тари-

ме), по которым проворно лазает. По земле бегает быстро; летает же плохо, обыкновенно лишь от одного густого куста до другого. Пение—прекрасный громкий свист, который можно слышать в течение почти круглого года.

Х а р м ы к. Местность по Балгын-голу весьма изобильна хармыком (Nitraria Schoberi)—кустарником, принадлежащим к семейству крушиновых (Rhamneae) и свойственным всей вообще Внутренней Азии от Каспийского моря до собственно Китая[1]. Впрочем, в Тибете хармык не растет вовсе; его нет также на нижнем Тариме и на Лоб-норе. Царство описываемого растения—это обширные солончаковые болота южного Цайдама. Изобилен хармык, кроме того, в Ала-шане, Ордосе и средней Гоби. Но чем далее к северу, тем этот кустарник все более и более становится редок и мельчает в своих размерах; выше 47° северной широты в собственно Гоби не распространяется[2].

Растет хармык на влажной, глинисто-соленой почве, чаще врассыпную, нежели густыми зарослями. По внешней форме это кустарник корявый, густоветвистый, ростом в 2—3 фута; но в Цайдаме и в долине верхней Хуан-хэ достигает высоты от 5 до 7 футов и выглядит гораздо стройнее.

Цветет хармык обыкновенно в мае, в начале или в конце этого месяца, смотря по местности. Небольшие, собранные в кисти, белые цветки густо усыпают все ветви. Также изсбильны и ягоды, по величине и форме отчасти напоминающие черную смородину. Поспевают эти ягоды в конце августа и в первой половине сентября, но висят долго, даже после того, как опадут листья[3]. Цветом ягоды хармыка бывают красные, темновишневые и даже почти черные, вероятно, по степени зрелости. Впрочем, в южном Ала-шане мы встречали, как исключение, зрелые ягоды описываемого растения розового и розовато-палевого цвета. Вкус всех этих весьма сочных ягод сладко-соленый; примесь соли бывает то в большей, то в меньшей степени, смотря по местности и качеству почвы. Быть может, под влиянием культуры, хармык исподволь совершенно потерял бы свою соленость; тогда эти ягоды сделались бы вполне пригодными для еды. Но и теперь ими не брезгают монголы. Для обитателей же Цайдама хармык составляет важное подспорье к пище; его собирают осенью и сушат впрок на зиму. В таком виде хармык едят, обыкновенно примешивая к дзамбе и предварительно сваривши; кроме того, пьют сладко-соленый отвар.

Верблюды также весьма любят ягоды хармыка. Кроме того, в Цайдаме им питаются многие местные птицы[4], не исключая даже воронов; волки, лисицы и медведи также усердно поедают хармык; им питаются даже ящерицы. Медведи для подобной лакомой пищи ежегодно осенью спускаются из Тибета в южный Цайдам и проводят здесь месяц или два, специально занимаясь пожиранием ягод хармыка.

Т а м а р и с к. Другой кустарник, весьма изобильный в южном Цайдаме и также свойственный всей вообще Центральной Азии—это тамариск, называемый монголами сухай-мото. Он представляет несколько видов, из которых наиболее распространен Tamarix Pallasii; на Тариме изобилен Tamarix laxa, а в Ордосе, по долине Желтой реки, кроме

---

[1] Кроме того, хармык растет в южной России и в Австралии.

[2] В Алтае хармык поднимается несколько выше на север.

[3] Впрочем, такую особенность мы заметили лишь на цайдамском хармыке; в Гоби ягоды этого растения опадают вскоре после их созревания.

[4] Замечательно, что перелетные птицы, даже дрозды, большей частью не едят ягод хармыка или едят его неохотно, по нужде.

Т. Pallasii, встречается и Tamarix elongata. В Хамийской пустыне тамариск (Tamarix Pallasii) попадается спорадически; в собственно Гоби и в Ала-шане его нет вовсе.

Подобно хармыку, тамариск произрастает на почве глинистой, лёссовой, только менее соленой и менее влажной. Само растение представляет стройный кустарник от 5 до 7 футов, даже до 10 футов высотою. Но в Цайдаме и по долине верхней Хуан-хэ, тамариск (Т. Pallasii) иногда является деревом до 20 футов высотою при толщине ствола у корня от 1 до $1^1/_2$ футов. Яркозеленые ветви описываемого растения в июне покрываются развесистыми метелками розовых цветов, скученных обыкновенно на вершине куста. Тогда и в пустыне подобные заросли напоминают собою сад.

Тамариск доставляет хорошее топливо. Кроме того, его ветви с охотою поедают верблюды[1], и эта пища весьма для них полезна, в особенности при кашле.

Растет тамариск обыкновенно довольно редким насаждением, хотя на более выгодных местах (например, в долине верхней и средней Хуан-хэ) нередки и густые заросли этого кустарника. Там же, где почва, им покрытая, состоит из рыхлой лёссовой глины, ветры выдувают промежуточный слой и наваливают эту пыль вместе с песком на соседние кусты, отчего почва под ними постоянно повышается. Мало-помалу из такого наноса и истлевших остатков самого растения образуются значительные бугры, на которых растут следующие поколения. Подобные бугры, образуемые также и хармыком, весьма изобильны в некоторых местах центральной азиатской пустыни—на нижнем Тариме, в Ордосе, Ала-шане и частью в Цайдаме([60]).

К н я з ь К у р л ы к-б э й с е. Через день после нашего прибытия на р. Балгын-гол сюда приехал с противоположной стороны оз. Курлык-нор местный князь бэйсе (т. е. князь 5-й степени), почему-то не пожелавший, чтобы мы сами пришли на его стойбище. В одной версте от нашего бивуака была поставлена юрта, в которой приехавший князь переоделся в свое парадное одеяние и тотчас явился к нам со свитою человек в десять. Сам бэйсе—молодой человек лет тридцати, немытый и грязный. Помимо парадного красного одеяния, он надел на себя, вероятно, желая хвастнуть перед нами, множество различных побрякушек, в особенности серебряных колец на руки, которые тем не менее были грязнее самого грязного сапога. Свита князя выглядывала также подстать своему повелителю.

После обычных приветствий и расспросов о благополучии пути разговор перешел на самые интересные для нас предметы: проводников, верблюдов, баранов и т. п. Все это необходимо было нам добыть для дальнейшего пути в Тибет. Но, к крайнему нашему удивлению и огорчению, курлыкский бэйсе, вероятно, уже получивший должные внушения от китайцев, сразу начал отказывать во всем, отговариваясь то своею неопытностью, то трудными для скотоводства годами, то, наконец, неимением в курлыкском хошуне людей, знающих дорогу в Тибет. Пришлось пока выжидать и предложить князю подумать, как бы устроить нас на дальнейший путь. С тем бэйсе и уехал в свою юрту.

---

[1] Верблюды в особенности любят близкий к тамариску, обыкновенно растущий по горным долинам, кустарник Myricaria, называемый монголами балга-мото.

Немного погодя, я сам отправился к нему отдать визит и возобновить переговоры. Князь вышел навстречу и ввел меня в свое временное обиталище. Это была грязная дырявая юрта, против лазейки в которую лежал на земле красный войлок; на нем я уселся вместе с бэйсе. Перед нами тотчас поставили чашки с чаем и дзамбою; сбоку же князя положили баранью требушину, наполненную маслом. Из столь прелестного сосуда князь доставал своими грязнейшими пальцами масло и клал его в чай как себе, так и своим приближенным. Предложено было и мне подобное угощение, но я от него отказался.

К р у т о е н а ш е с н и м о б р а щ е н и е. Затем опять возобновлен был разговор о нашем дальнейшем следовании в Тибет; опять начались со стороны князя и его приближенных рассказы о трудности дороги, неимении проводников, верблюдов и т. д. Чтобы сразу покончить эту вздорную болтовню, я велел своему толмачу монгольского языка и главному дипломату при всех сношениях с монголами, уряднику Иринчинову, передать князю, что уже не в первый раз путешествую в этих местах, знаю хорошо, что в Тибет из Цайдама постоянно ходят монголы и что, опираясь на свой пекинский паспорт, я не только прошу но даже требую от бэйсе, конечно, не даром, снабдить нас проводником и всем необходимым на дальнейший путь. Срок такого ультиматума был назначен до завтра. В противном случае я грозил князю, во-первых. жаловаться на него в Пекин (конечно, бесполезно), а во-вторых, отнять силою необходимое нам продовольствие, если его не продадут по доброй воле. С тем я и уехал от бэйсе. Иринчинов же на несколько времени остался у князя и еще более напугал его относительно возможности завтрашней экзекуции.

Утром следующего дня бэйсе приехал к нам и опять начал было прежние свои уверения в готовности, но невозможности исполнить наши требования. Тогда я разругал князя и его ближайших советников, велел им убираться вон из нашей палатки и грозил тотчас же прибегнуть еще к более крутым мерам. Как и везде в Азии, подобное обращение сразу отклонило все проволочки и привело к осязательным результатам. Прогнанные из нашей палатки бэйсе и его приближенные, уселись, отойдя немного, в кружок на земле, несколько времени советовались и, наконец, объявили, что готовы исполнить наши требования, за исключением проводника прямо в Тибет, но обещали дать вожака до стойбища соседнего цайдамского князя Дзун-засака, того самого, у которого мы были в 1872 и 1873 годах при своем первом путешествии в Тибет. На такую комбинацию пришлось согласиться, тем более, что после подобных недоброжелательных сношений с Курлык-бэйсе уже невозможно было оставить у него на хранение нашу лишнюю кладь до возвращения из Тибета.

К о м и ч е с к а я з а к у п к а п р о д о в о л ь с т в и я. Остаток дня и весь следующий день употреблены были на покупку от Курлык-бэйсе войлочной юрты, необходимой при сильных зимних холодах Тибета, 15 баранов, 6 пудов дзамбы, 15 пудов ячменя для верховых лошадей. веревок, войлоков и других потребных при вьючной езде мелочей. Все это продавал лично сам князь, не стыдившийся даже выбирать наиболее плохих баранов из своих стад. Но всего комичнее производилась продажа ячменя. Для столь важной операции отправился также сам бэйсе в сопровождении свиты и трех посланных мною с мешками казаков. Приехав на то место, где было закопано в землю зерно, князь и его приближенные сошли с лошадей; рабочие же монголы начали откапывать землю. Когда

добрались до глубоко спрятанного, словно великое сокровище, ячменя, тогда доверенный князя с небольшой меркой, шином[1], залез в яму и нагребал там зерна. Князь же и его свита сообща вели счет, и лишь только наполненный ячменем шин показывался из ямы, все в один голос кричали: «гурбу» (третий), «дурб» (четвертый), «табу» (пятый) и т. д., словом такой-то по счету. Мои казаки хохотали до упаду при виде всей этой процедуры и даже внушали князю: «как, мол, тебе не стыдно заниматься такими пустяками». Но Курлык-бэйсе был не из особенно совестливых людей. Он даже не стеснялся выпрашивать табак у тех же казаков и на обратном пути пригласил их к себе в юрту пить чай. Здесь казаки стали с князем в самые короткие отношения. Когда же один из них спел русскую песню, то бэйсе пришел в такой восторг, что сам подносил запевале чай и заставлял своих приближенных закуривать ему трубку. На прощанье казаки подарили князю горсть табаку, серебряный гривенник и случайно найденный в кармане завалявшийся кусочек сахару; расстались полными друзьями.

Право, видя подобных князей и подобные княжества воочию, как-то не верится, чтобы могло существовать что-либо похожее в действительности. Словно грезится все это во сне или слышится в сказке. И такова вся Внутренняя Азия со всеми своими Цайдамами, Куку-норами, Алашанями, да, пожалуй, и другими среднеазиатскими ханствами.

Но, несмотря на неожиданно возгоревшуюся дружбу с казаками, князь бэйсе все-таки брал с нас за все самые крупные цены. Верблюдов же и вовсе не продал, отговорившись неимением хороших или запрашивая за сносных несообразные деньги. Поневоле пришлось отказаться от этой покупки, тем более, что надо было спешить к Дзун-засаку. Присланный проводник оказался почти совершенным идиотом—опять уловка, к которой прибегли, конечно, для того, чтобы толковый человек не мог во время пути с нами быть подкупленным или вообще проговориться о чем не следует. Таких идиотов-вожаков мы не один раз получали и впоследствии.

Озера Курлык-нор и Тосо-нор. От места нашей стоянки на Балгын-голе до хырмы Дзун-засак, куда мы теперь направлялись, расстояние равнялось 120 верстам, и путь все время лежал почти в прямом южном направлении. Озеро Курлык-нор осталось влево; но зато мы побывали на южной оконечности другого, немного даже более обширного, озера Тосо-нор.

Оба эти озера лежат рядом друг с другом и разделяются лишь узким перешейком, который перерезывается рукавом, служащим стоком воды из северного озера, т. е. Курлык-нора в Тосо-нор. Вода в последнем соленая, но в Курлык-норе, куда впадают протекающие с северных гор речки Балгын-гол и Баян-гол, вода, по словам монголов, пресная или лишь немного солоноватая, годная для питья. Рыбы в описываемых озерах, по собранным сведениям, нет вовсе.

На Тосо-норе мы встретили довольно много пролетных уток, турпанов и лебедей (Cygnus bewickii?); последние, по сообщению монголов, здесь гнездятся. Во всяком случае Тосо-нор единственное в Цайдаме место, где замечено было довольно много пролетных водяных птиц.

Окружность Курлык-нора занимает около 36 верст, Тосо-нор версты на три больше. На западной стороне первого озера, за береговыми солончаками, раскидывается обширная глинистая равнина, где и лежат выше-

[1] Около восьми наших фунтов.

описанные пашни местных монголов; на восточной стороне того же озера, близ устья Баян-гола, обильны, как нам говорили, ключевые болота с хорошим кормом для скота. Берега Тосо-нора большей частью солончаковые; окрестности его крайне бесплодны.

Климат августа. Между тем наступил уже конец августа, первая треть которого проведена была нами в горах Нань-шаня, а остальные две трети в северном Цайдаме. Сообразно различию физико-географических условий этих местностей различались и климатические их явления в течение описываемого месяца.

С первых его чисел в горах Нань-шаня, в поясе вверх от 10 000 футов абсолютной высоты, уже начинала чувствоваться осень: погода днем стояла прохладная, в особенности при ветре; в ясные ночи выпадали морозы, доходившие до —7,3°Ц; наконец 6-го числа целый день падала перемежками снежная крупа.

В северном Цайдаме, в двух последних третях августа, было гораздо теплее, несмотря на то, что местности, по которым мы проходили, все-таки были подняты от 9½ до 11 тысяч футов над морским уровнем. Но здесь, т. е. в северном Цайдаме, сравнительно высокая температура обусловливалась влиянием обширных, оголенных глинистых и галечных пространств, сильно нагревшихся солнцем, а также отчасти защитою с севера высокою стеною Нань-шаня.

Впрочем, сильных жаров в августе не было, и термометр в тени при наблюдениях в 1 час пополудни не показывал выше +25,5°Ц. Однако несмотря на то, что дневная температура в тени стояла не слишком высоко, само солнце грело очень сильно, просто жгло в тихую и ясную погоду. Обусловливалось подобное обстоятельство большим разрежением на такой высоте воздуха и весьма малым количеством содержавшихся в нем паров; другими словами—прозрачностью и сухостью атмосферы.

По ночам охлаждение через лучеиспускание происходило быстро, и температура нередко падала ниже точки замерзания (до—3,3°). В общем погода стояла большей частью ясная; облачных дней в течение всего августа считалось 9, а полуоблачных 4. По ночам ясность еще более преобладала.

Атмосферных осадков почти вовсе не падало; в течение всего месяца дождь трижды только крапал. Случалось, что дождь, посылаемый тучами (обыкновенно небольшими), не долетал до земли и испарялся вновь в страшно сухой атмосфере. Подобное явление и прежде замечено было мною в южном Ала-шане. Вообще в северном Цайдаме, как и в соседнем ему Нань-шане, летние дожди редки, и местность эта лежит вне влияния обильных влагою муссонов—китайского и тибетского. По той же, вероятно, причине редки в описываемом районе и грозы, которых в течение августа мы не наблюдали ни одной.

Ветры в августе, в особенности в северном Цайдаме, являлись часто и нередко (10 раз) достигали значительной силы, хотя собственно бурь было только три. Преобладающее, даже почти исключительное направление августовские ветры имели, как и в июле, северо-западное. Начинались они обыкновенно с полудня и стихали к вечеру, иногда же только к полночи. Сильный ветер всегда наполнял атмосферу пылью, более или менее густою. Но иногда пыль являлась в воздухе и при слабом сравнительно ветре, вероятно, в том случае, когда этот ветер, наиболее сильными своими порывами, проходил по глинистым или солончаковым местностям.

Днем, почти всегда с полудня, на равнинах северного Цайдама бегали частые вихри, достигавшие весьма большой высоты и различных форм. Подобные вихри, только обыкновенно меньших размеров, свойственны в летний период всем вообще пустыням Центральной Азии; но, как исключение, наблюдались нами иногда и зимою в Северном Тибете.

Крайне бесплодная местность. Запасшись скверною соленою водою из ключа на южной оконечности Тосо-нора[1], мы прошли двойным переходом 42 версты и остановились ночевать неподалеку от р. Булунгира. Вся пройденная местность состояла из совершенно голых лёссовых и галечных площадей; местами залегали солончаки, на которых росли кой-где редкие корявые кусты саксаула. Всюду было мертво — ни птицы, ни зверя, ни даже ящериц, точь-в-точь [как] в худших местах Хамийской пустыни[2].

Несмотря на 1 сентября, жара в тени доходила до +26,8° Ц, т. е. до такой температуры, какой мы ни разу не наблюдали в течение августа. Но тем не менее в следующую же ночь при сильной буре от юго-запада, перемежками с дождем, падал снег, принесенный сюда из недалеких уже заоблачных нагорий собственно Тибета. Утром 2 сентября буря свирепствовала с такой силой, что мы, несмотря на крайне неудобную стоянку, принуждены были обождать выступлением с бивуака почти до полудня. Затем ветер сразу стих, и наш караван двинулся в путь.

Тотчас же перед нами раскинулась обширная глинисто-солончаковая площадь без малейшего даже признака растительности. Мы прошли 18 верст поперек этой площади, которая к востоку тянется до болота Иргицык и к западу продолжается также довольно далеко. Почва здесь состоит из влажной лёссовой глины, на поверхности твердой и гладкой, как пол. Только местами, ближе к южной окраине, глина эта, вероятно, от действия развивающихся внутри газов, взрыхлена, словно недавно вспаханное поле. По северной окраине описываемой площади, находящейся во владении князя Куку-бэйле, проходит р. Булунгир (т. е. мутная), которая вытекает из болота Иргицык и впадает в Баян-гол. Там, где мы переходили, Булунгир имеет сажени 3—4 ширины и глубину около фута; по берегам его растительности нет вовсе.

Река Баян-гол. Тем отраднее было для нас добраться, наконец, до Баян-гола, лучшей и наибольшей во всем Цайдаме реки, на берегах которой встречается и лучшая растительность этих местностей.

Баян-гол (в переводе «Богатая река») вытекает, по словам местных монголов, из оз. Тосо-нор(61), лежащего в окрайних к Цайдаму Тибетских горах. Затем, выйдя в равнины южного Цайдама, описываемая река течет здесь около 250 верст в северо-западном направлении и впадает в мелководное соленое озеро, название которого узнать мы не могли[3]. В своем среднем и нижнем течении Баян-гол проходит срединою восточной части тех обширных солончаковых равнин, которые напол-

[1] Запасную воду мы всегда возили в двух плоских деревянных бочонках; если же требовалось большее количество воды, то набирали ее в свежие бараньи шкуры, ободранные мешком.

[2] В моем дневнике записан на этом переходе следующий характерный случай. Во время пути на сильном зное, около полудня, ко мне на руку села большая мясная муха и не хотела улетать, несмотря на то, что я сгонял ее несколько раз. Я плюнул на руку, муха принялась с жадностью пить слюну, потом улетела. Видно, и насекомым подчас жутко приходится в безводной пустыне.

[3] В первое наше путешествие некоторые цайдамские монголы говорили нам, что это озеро называется Хара-нор.

няют собою весь юг и отчасти запад Цайдама. Равнины эти состоят то из совершенно бесплодных шероховатых солончаков, местами покрытых слоем соли в дюйм и более толщиною, то (ближе к южной и восточной окраинам) из площадей, поросших кустами тамариска и хармыка, то, наконец, из ключевых и болотистых пространств, по которым растут тростник, осока и другие болотные травы, доставляющие подножный корм стадам местных жителей.

В том месте, где мы вышли на Баян-гол, река эта состоит из двух рукавов, лежащих в расстоянии около двух верст один от другого. Северный рукав, главный, имеет, при малой воде, от 7 до 10 сажен ширины, местами расширяется сажен на 15—20; глубина его от 1 до 2 футов; дно состоит из твердой глины, так что переходить в брод везде удобно. Южный же рукав еще меньше своими размерами.

Берега Баян-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которых решительно преобладают хармык (Nitraria Schoberi) и тамариск (Tamarix Pallasii); в меньшем гораздо числе встречается сугак (Lycium ruthenicum, реже L. turcomanicum) и кой-где кендырь (Apocynum venetum?); на более влажных местах изобилен тростник (Phragmites communis). Из других же трав, кроме нескольких злаков, здесь обыкновенны: касатик (Iris sp.) и Salsola sphaerophysa; нередко также Cynomorium coccineum (солянка и циноморий).

Рыбы в описываемой реке довольно много. Нами добыты: Schizopygopsis stoliczkai, Nemachilus stoliczkai и два новых вида того же рода Nemachilus [гольцы].

Из птиц на Баян-голе впервые теперь нам встретился цайдамский фазан, новый вид, найденный мною здесь еще в 1872 году и описанный под названием Phasianus vlangalii. Кроме того, из оседлых видов обыкновенна была саксаульная сойка (Podoces hendersoni), а из пролетных: Lanius isabellinus, Motacilla baikalensis, Upupa epops [пустынный сорокопут, белая трясогузка, удод], но водяных пород попрежнему почти не встречалось.

Из зверей мы нашли на Баян-голе только хара-сульт (Antilope subgutturosa) и медведей (Ursus n. sp.)[1]. Последние, как выше было упомянуто, ежегодно осенью спускаются с нагорья Северного Тибета в равнины южного Цайдама и кормятся здесь ягодами хармыка. Пища, эта, вероятно от неумеренного ее употребления, действует расслабляющим образом на желудок медведя, который нередко оставляет на своих следах характерные признаки собственного обжорства.

Некоторые места на Баян-голе пригодны для земледелия, но его здесь не имеется. Летом монголы также не живут на описываемой реке, по несметному обилию там насекомых, мучающих стада.

Невольные ошибки. Таким образом оказывается, что Баян-гол, в сущности, река скромных размеров. Между тем, во время первого моего посещения этих местностей, в ноябре 1872 и в феврале 1873 годов, измеряя немного выше места нынешней переправы ширину того же Баян-гола, я нашел ее равной 230 саженям, т. е. почти полуверсте[2]. Местные монголы уверяли, что такова ширина всей реки вообще и что летом ее невозможно переходить в брод, по причине топкого илистого дна. Подобной невзгоды мы сильно опасались, направляясь теперь

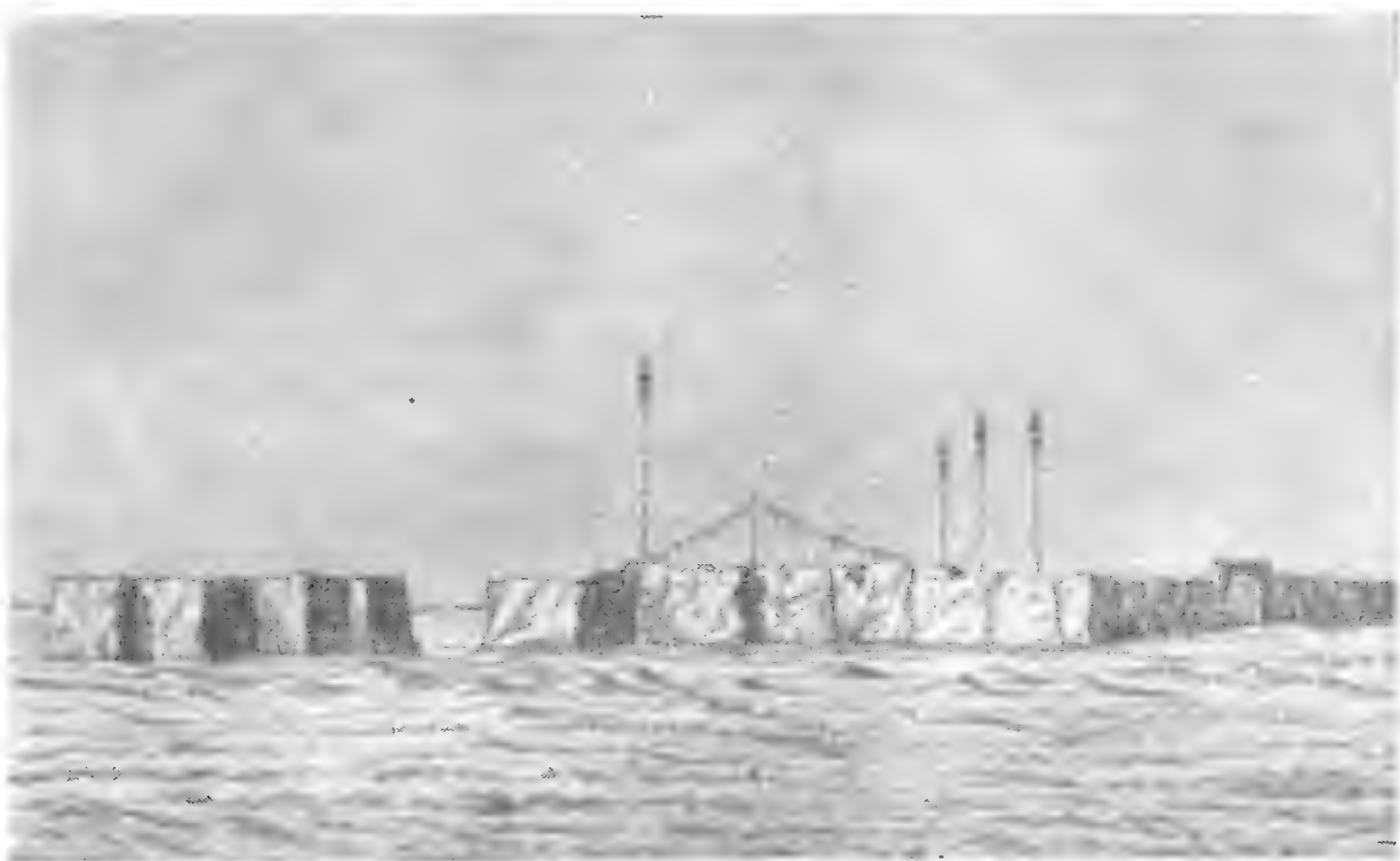
---

[1] Медведь этот описан в X главе под названием Ursus lagomyiarius.

[2] «Монголия и страна тангутов», стр. 296 [в издании 1946 г. стр. 245].

к Дзун-засаку. Но, к великой нашей радости, опасения эти оказались ложными, и Баян-гол, к немалому также удивлению, вдруг явился небольшою сравнительно рекою. Правда, вода в это время стояла низкая. Во время же дождей в соседних тибетских горах Баян-гол разливается и затопляет свои плоские берега. При такой высокой воде описываемая река, вероятно, и замерзла осенью 1872 года, когда впервые мы производили здесь свои измерения.

Не менее ложное понятие вынес я тогда и о самом Цайдаме, представляя себе, согласно уверению монголов, эту страну сплошным солончаковым болотом, тогда как подобная характеристика вовсе непри-

Хырма Дзун-Засак

годна для Цайдама северного. Наконец, те же монголы единогласно уверяли меня, что цайдамские равнины тянутся, не прерываясь, до самого Лоб-нора—и опять-таки это оказалось вздором.

Приведенные факты достаточно показывают, насколько трудно путешественнику в таких диких и малоизвестных странах, какова Центральная Азия, доверяться рассказам туземцев. Обман будет на каждом шагу, частью умышленный, частью по глупости рассказчиков или переводчика, наконец, по подозрительности к чужестранцу вообще. И если в чем-либо захотят вас обмануть, то, поверьте, все и везде будут говорить, как один человек, так что нет никакой возможности даже случайно, убедиться в неправде.

В ы х о д н а с т а р ы й п у т ь. Переход в 23 версты привел нас от Баян-гола к хырме Дзун-засак, той самой, которая дважды была мною посещена при первом путешествии в Центральной Азии в 1871—1873 годах. Таким образом мы вышли на старую дорогу и сомкнули с ней линию нового пути.

Более шести лет протекло уже с тех пор, как я был в этих местах, но теперь для меня так живо воскресло все прошлое, словно после него

Хармык

минуло только несколько дней. Помнилось даже место, на котором тогда расположен был наш маленький бивуак; помнилось ущелье, по которому вчетвером мы направились через хребет Бурхан-Будда в Тибет, без гроша денег, полуголодные, оборванные, словом, нищие материально, но зато богатые силою нравственною...

Лишь только поставили мы палатки в трех верстах восточнее хырмы Дзун-засак, к нам тотчас явился давнишний ее обитатель Камбы-лама, с которым я и Иринчинов, как старые знакомые, встретились друзьями. От Камбы-ламы узнали мы, что наш тибетский проводник Чутул-дзамба умер; также умер тибетский посланник Камбы-нансу, который виделся с нами в 1872 году на Куку-норе и предлагал свои услуги в Лхасе; наконец, умер и молодой кукунорский ван, отправившийся на поклонение далай-ламе и не выдержавший трудностей пути через Северный Тибет. Молодой ван скончался почти мгновенно, вероятно от разрежения воздуха, на горах Тан-ла. С его смертью пресекся род владетельных кукунорских князей Цин-хай-ванов. До выбора же и утверждения нового вана Куку-нором управлял тосалакчи, т. е. бывший помощник умершего князя[62].

Возня с князем Дзун-засаком. Шесть дней простояли мы возле хырмы Дзун-засак, и все это время прошло в хлопотах по дальнейшему снаряжению в Тибет. Местный князь Дзун-засак, тоже один из старых знакомцев, вопреки нашему ожиданию и, повидимому, без всякой причины, встретился с нами далеко не радушно. Подобно Курлык-бэйсе, Дзун-засак сразу начал отговариваться неимением людей, знающих путь в столицу далай-ламы. Конечно, это была явная ложь, так как из Цайдама в Тибет и обратно каждогодно ходят караваны богомольцев или торговцев, и местные монголы служат для них проводниками. Да, наконец, редкий из этих монголов сам не бывал в Лхасе в качестве богомольца. Дзун-засак несомненно знал все это очень хорошо, но, вероятно, получил заранее приказание всякими средствами затормозить наш путь в Тибет и пожелал отличиться перед китайцами.

Сначала я ласково уговаривал засака найти нам проводника, а затем, видя, что просьбы и вежливое обращение ни к чему не ведут, наоборот—еще более утруждают дело, назначил князю двухдневный срок для приискания проводника. Опять с этим ультиматумом был отправлен к засаку урядник Иринчинов, который, как знаток дела, приложил еще несколько собственных внушений, даже весьма крутых, в особенности относительно ближайших княжеских советников. Дзун-засак просил дать ему несколько времени на размышление и послал за своим соседом Барун-засаком. После долгого совещания оба князя решили дать нам вожака и исполнить другие наши требования. Словно из земли вырос проводник, которого привели нам оба князя и рекомендовали, как человека, хорошо знающего путь через Тибет. С нашей стороны этому вожаку обещано было 50 лан[1] за проводы; но вместе с тем объявлено, что если он вздумает нас обманывать и заведет куда-либо, то будет расстрелян. Угроза эта, повидимому, не произвела на вожака особенного действия; итти с нами он согласился.

Таким образом главное дело уладилось. Теперь нужно было кончать вопросы второстепенные и развязаться с излишним багажом. Приятель Камбы-лама много помог нам в этом отношении. Он согласился принять

[1] 150 кредитных наших рублей.

к себе в хырму на хранение наши коллекции и лишний багаж, всего пудов тридцать клади. Затем оба засака, после опять-таки настоятельных с моей стороны требований, взяли от нас на сохранение 20 ямбов серебра. Теперь обоз наш значительно убавился, но все-таки оставшимся багажом необходимо было завьючить 22 верблюда; зато вьюки сделались легкими, не более как по 6—7 пудов весом на каждое животное.

Счастье великое, что почти все наши верблюды, отдохнув в Нань-шане, чувствовали себя бодрыми и годились на переход через Тибет. Иначе мы не могли бы туда вовсе итти, по крайней мере теперь, так как ни у Дзун-засака, ни у Барун-засака хороших верблюдов не оказалось. Да их мало было, вероятно, и во всем Цайдаме, где, по словам монголов, уже три года сряду свирепствовал падеж на этих животных.

Как бы там ни было, но мы удачно переформировали свой караван и 12 сентября, распрощавшись с Камбы-ламой, двинулись в Тибет. Начался второй период нашего путешествия, более интересный как по самому характеру впереди лежавших местностей, так и по их совершенной неизвестности.

Результаты первого периода путешествия. Если же подвести итог первому, только что завершенному, периоду нашей экспедиции, то, откровенно говоря, мало у нас осталось отрадных о нем воспоминаний. Пустыня залегла сплошь от Зайсана до [хребта] Бурхан-Будда, более чем на две тысячи верст[1]. На всем этом пространстве мы только однажды, именно на Тянь-шане, встретили настоящий лес, в котором провели сутки. Понятно, что при таких условиях местностей нами пройденных, в них не слишком обильна была научная добыча как среди царства растительного, так и среди царства животного. За пять весенних и летних месяцев нами наблюдалось 43 вида млекопитающих[2] и 201 вид птиц; тех и других собрано в коллекцию около 600 экземпляров. Пресмыкающихся добыто было довольно много, но рыбы найдены только в реках Урунгу и Баян-голе. В гербарий собрано было 406 видов растений. Кроме того, по всему пройденному пути, интересному в особенности от Хами до Бурхан-Будда, где еще ни разу не проходил кто-либо из европейцев, добыто много данных, чисто географических: глазомерная съемка пути, несколько определений широты, барометрические измерения высот и метеорологические наблюдения. Этнографические же исследования вообще были скудны, так как по пути мы встречали почти сплошь бесплодную пустыню, за исключением лишь оазисов Хамийского и Сачжеуского да немногих местностей северного Цайдама.

---

[1] Расстояние по нашему пути от Зайсана до хырмы Дзун-засак, у подножия гор Бурхан-Будда, равнялось 2 060 верстам.
[2] В том числе 11 видов домашних.

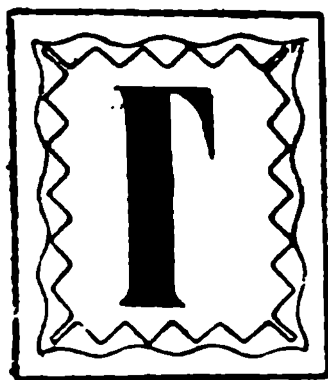

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СЕВЕРНЫЙ ТИБЕТ

О Тибете вообще.—Его малоизвестность.—Тому причины.—Различные части Тибета.—Окрайние горы северной половины этой страны.—Куэнлюнь.—Внутреннее плато.—Хребты на нем.—Их общий характер.—Равнины.—Озера и реки.—Климат.—Флора.—Фауна: млекопитающие; птицы; пресмыкающиеся и земноводные; рыбы.—Минеральное царство.—Жители.

рандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны — ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под названием Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на страшную высоту от 13 до 15 тысяч футов. И на этом гигантском пьедестале громоздятся сверх того обширные горные хребты, правда относительно невысокие внутри страны, но зато на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны труднодоступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки [83] ...

Его малоизвестность. Действительно, если исключить Ладак и Балтистан на верхнем Инде, то весь собственно Тибет, к которому, в обширном смысле, по сходству физического характера, следует отнести также северный придаток, ограниченный Алтын-тагом и Нань-шанем, равно как бассейн оз. Куку-нора и страну си-фаней (тангутов) к югу от него, представляет собою столь обширную неведомую площадь, равной которой еще не найдется в Азии, да и с трудом отыщется даже на африканском материке. Лишь южные, лежащие в бассейне Брамапутры и более населенные части Тибета, равно как провинция Нгари-корсум на юго-западе этой страны, кое-где урывками исследованы европейскими путеше-

ственниками и в недавнее время (с 1865 года) пундитами [пандитами] (обученными съемке браминами), секретно снаряжавшимися англичанами из Индии. Вся же северная площадь Тибетского нагорья, приблизительно между 30—36°, а с прибавком к Алтын-тагу—39° северной широты и от 52 до 72° восточной долготы от Пулкова, представляет собою полнейшую terra incognita, в деталях топографии менее известную, чем видимая поверхность спутника нашей планеты[1].

Только поперек восточной части намеченного пространства, путем буддийских богомольцев, следующих из г. Синина в Лхасу, удалось, начиная с половины XVII века[2], проехать нескольким европейцам. То были: в 1661 году миссионеры Грубер и Д'Орвиль, проследовавшие из Пекина через Лхасу в г. Агру на Ганге; в 1723—1736 годах голландец Самуил-ван-де-Путте, пробравшийся из Индии через Лхасу в Пекин и обратно; в 1845 году—миссионеры Гюк и Габе, следовавшие из Северного Китая в столицу далай-ламы и проехавшие отсюда через Восточный Тибет и Южный Китай в Кантон. К сожалению, ни один из этих путешественников не оставил подробного географического описания своего пути по Северному Тибету. Несравненно важнее в данном отношении заслуга пундита Наин Синга, который в 1873 году совершил замечательнейшее путешествие из Ладака мимо оз. Тенгри-нор в Лхасу, сделал съемку своего пути, измерил абсолютную высоту 497 точек и определил широту 276 пунктов. Другой пундит[3] в 1871 и 1872 годах пробрался из восточного Непала к оз. Тенгри-нор, обошел его с северной стороны и через Лхасу возвратился в Индию. В промежутке между странствованиями этих двух пундитов удалось и мне, в конце 1872 и начале 1873 года, при первом путешествии в Центральной Азии, пройти из Цайдама по Северному Тибету тем же путем буддийских богомольцев около 300 верст, до впадения р. Напчитай-улан-мурень в р. Мур-усу, составляющую верхнее течение знаменитого Ян-цзы-цзяна. При вторичном посещении Центральной Азии в 1876 и 1877 годах я только коснулся северно-тибетской окраины, именно хребта Алтын-таг близ Лоб-нора. Наконец в 1879 и 1880 годах мне удалось прорезать Тибетское нагорье от оазиса Са-чжеу по северному и восточному Цайдаму, а отсюда через верховья Голубой реки за хребет Тан-ла; кроме того, исследовать часть местности на верхнем течении Желтой реки к югу от оз. Куку-нор.

Вот перечень тех немногих и отрывочных изысканий, которые были произведены в Северном Тибете[4]. Легко видеть что громадная площадь

---

[1] Известно, что все, даже новейшие, карты Тибета, за исключением немногих здесь местностей, посещенных европейцами и пундитами, копируются с карты д'Анвиля, основанной исключительно на китайских источниках, в данном случае весьма неполных (64).

[2] Три века ранее того, именно в первой четверти XIV столетия, быть может, тем же путем пробрался в Лхасу со стороны Китая монах Odorico von Pordenone, бывший первым из европейцев в Тибете. «Markham. Bogle and Manning», p. 46(65).

[3] Обозначенный буквою D в отчете Монгомери, одного из членов Ост-Индского географического бюро. Вообще имена пундитов, для их личной безопасности, скрывались и эти путешественники в отчетах из Индии обозначались цифрами или буквами. Так, Наин Синг известен был под № 9.

[4] В районе, выше мною указанном, но собственно в Восточном Тибете побывал в 1862 году из Батана до г. Ча-му-то миссионер де Годен «La mission du Thibet de 1855—1870, par C. H. Desgodins». Кроме того, во время печатания настоящей книги заявлено было в «Proceedings ef the Royal Gecgraphical Soceity», London February, 1883, p. 99—101, что недавно возвратился в Индию из Тибета, после 4-летнего там пребывания, один из пундитов, которому удалось пробраться из Лхасы с караваном монгольских

этой страны остается почти совершенно неведомою и настоятельно ждет своих исследователей (66).

Тому причины. Но рядом с столь высокою и заманчивою задачей много, даже очень много, различных невзгод поджидают здесь европейского путешественника. Против него встанут и люди, и природа. Огромная абсолютная высота и, вследствие того, разреженный воздух, в котором мускулы человека и вьючных животных отказываются служить как следует; крайности климата, то слишком сухого, то (летом) слишком влажного; холода и бури, отсутствие топлива, скудный подножный корм, наконец гигантские ущелья и горы в восточной части страны—вот те препоны, бороться с которыми придется на каждом шагу. С другой стороны, в местах обитаемых туземное население подозрительно, или даже враждебно, будет смотреть на неведомого пришельца и, несомненно, постарается если не уничтожить его открытой силою, то всякими способами затруднить дальнейший путь. Совокупность всех этих причин и сделала Тибет столь неведомым до наших дней. Но, по всему вероятию, подобный мрак продолжится лишь немного, и та могучая сила, которая называется энергией духа, сломит все преграды и проведет европейских путешественников вдоль и поперек по загадочной стране буддизма...

Различные части Тибета. Если исключить северный придаток Тибетского нагорья, исследованный лишь по пути, нами здесь пройденному в 1879 году, и, обратившись собственно к Северному Тибету, свести в одно целое скудные географические сведения, имеющиеся об этой стране, то можно, хотя в самых крупных чертах, набросать ее общий характер, тем более, что местность здесь, как и во всей Азии, отличается отсутствием мелкой мозаики, но построена по широко-размашистому плану.

Границами обширной площади, нами рассматриваемой, служат на севере Куэн-люнь, а на юге северная Гималайская цепь; с запада же на восток эта площадь простирается от Каракорума и его юго-восточных продолжений до пределов Сы-чуани и Гань-су. Восточная, меньшая по величине, половина отмеченного пространства по своему характеру резко отличается от половины западной. Приблизительная граница такого деления может быть обозначена диагонально[1] от озера Тенгри-нор к истокам Желтой реки. К западу от этой линии залегает сплошною массою столовидное плато, на своей поверхности почти вовсе лишенное резких рельефов и не имеющее, кроме небольшой восточной части, вод, стекающих к морю. К востоку же от проведенной черты все воды текут к океану, местность понемногу теряет свой столовидный характер и исподволь превращается в грандиозную альпийскую страну, в которой перемешиваются системы центрального Куэн-люня, китайских и индо-китайских хребтов[2]. Здесь

богомольцев на север до урочища Тингали, приблизительно под 36° северной широты и 96° восточной долготы от Гринвича. (Почти под теми же координатами на нашей карте лежит в южном Цайдаме урочище Тенгелик, по всему вероятию то же самое). Отсюда пундит прошел в северо-западный Цайдам в урочище Сайтанг (Сыртын на нашей карте) и далее в г. Сайту (Са-чжеу). Обратно через Сайтанг и Баруп-цайдам (т. е. хошун князя Барун-засака в восточном Цайдаме) тот же пундит пробрался в г. Да-дзянь-лу в Сычуане. Попытавшись отсюда пройти прямо в Ассам, пундит принужден был предпринять окружный путь через г. Чамту на гг. Четанг и Гианце в Дарджелинг. Результаты этого путешествия еще не опубликованы, но важнейший из них, как заявлено, состоит в окончательном решении вопроса, что тибетская [река] Яру-цампо не составляет верховьев Иравадди.

[1] Richthofen, China, стр. 255.

[2] Там же, карты 2, 3, 8 и 9.

лежит страна тангутов, или си-фаней, и восточнотибетская провинция Кам—обе весьма мало известные и, по всему вероятию, чрезвычайно богатые разнообразием как флоры, так и фауны.

В общем весь Тибет, по различию своего топографического характера, равно как и органической природы, может быть разделен на три резко между собою различающиеся части: южную,—к которой относятся высокие долины верховьев Инда, верхнего Сетледжа и Брамапутры, северную—представляющую сплошное столовидное плато, и восточную—заключающую в себе альпийскую страну переходных уступов, далеко вдающуюся внутрь собственно Китая [67]. Дальнейшее наше изложение всецело будет относиться к Северно-тибетскому плато.

Окрайние горы северной половины этой страны. Начнем с пограничных его окраин, каковыми, как уже было сказано выше, служат на севере—Куэн-люнь, а на юге—северная Гималайская цепь, составляющая раздел притоков верхней Брамапутры от вод, текущих на внутреннее плато [68]. О существовании этой цепи узнали лишь недавно через пундита Наин Синга, который сообщил, что в центральной части, называемой Гандизри, пик Таргот-яп поднимается, быть может, до 25 000 футов абсолютной высоты. До такой же цифры достигают, по уверению другого пундита (D), и вершины в восточной части северной Гималайской цепи, лежащей невдалеке к югу от оз. Тенгри-нор. Подробных сведений об южных окраинах гор не имеется.

В таком же мало известном состоянии находятся и горы западной окраины Северно-тибетского плато, служащие продолжением, или, вернее, связью Каракорума с северными Гималаями и разделом внутренних вод от истоков Сетледжа и Инда. Отрывочные сведения об этих горах получены также от пундитов, дознавших, между прочим, что вершина Алингангри поднимается на 23 000 футов абсолютной высоты.

Куэн-люнь. Наконец северные окрайные горы, т. е. Куэн-люнь, исследованы только в самой западной своей части до меридиана города Керии, а затем на 12° восточной долготы остаются совершенно неведомыми. К ним, немного западнее Керии, примыкает система Алтын-тага, протянувшегося высокою стеною мимо города Черчена к Лоб-нору; тогда как собственно Куэн-люнь, по всем данным, сохраняет свое прежнее восточное направление и является оградою высокого плато Северного Тибета к стороне цайдамской котловины. Здесь нам удалось проследить и частью исследовать описываемый хребет на протяжении 400 верст, между верховьями рек Баян-гол и Найджин-гол. На этом пространстве Куэн-люнь имеет прежнее западно-восточное направление и состоит из двух, местами же из трех, параллельных цепей, которые занимают в ширину от 60 до 90 верст, иногда переходят за снеговую линию и в различных своих частях несут различные названия. Так, горы передней цепи, от истока Баян-гола из оз. Тосо-нор, до прорыва р. Номохун-гол, называются Бурхан-Будда; западнее их до р. Уныгын-гол стоит хребет Го-шили; далее до Найджин-гола—хребет Толай; еще западнее тянется хребет Торай, которого дальнейшие продолжения к р. Узу-мурени называются Юсун-обо и Цаган-нир [Цаган-нур].

Параллельно этой передовой цепи рассматриваемой части Куэн-люня стоит непосредственно прилегающая к высокому плато вторая ограда, которую на востоке составляют хребты Урундуши и Шуга, а далее к западу—Гурбу-гундзуга и Гурбу-Найджи. Последний примыкает к третьей параллельной цепи, названной мною, в честь великого азиатского путеше-

ственника, хребтом Марко Поло. Этот хребет троит описываемую горную ограду лишь своей восточной частью; затем, соединившись с горами Гурбу-найджи, уходит на запад параллельно передовой цепи, т. е. горам Юсун-обо и Цаган-нир. По всему вероятию, подобная двойственность, а местами и тройственность, невдалеке друг от друга лежащих параллельных цепей, характеризуют и всю западную неизвестную часть Куэн-люня, вплоть до того узла, к которому примыкает Тугуз-дабан, составляющий юго-западное продолжение Алтын-тага. Этот последний, с своими параллельными хребтами—Безымянным (69) и Чамен-тагом, равно как со всем Нань-шанем и хребтом Южно-Кукунорским, окаймляют и прорезывают передовой уступ Тибетского нагорья к стороне великой Гоби. Тогда как собственно Куэн-люнь, как сказано выше, служит на громадном протяжении северною оградою высокого Тибетского плато, затем перерезывает верховья Желтой реки и уходит далеко внутрь собственно Китая. Но представляют ли северные горы отдельную самостоятельную систему, или, как полагает барон Рихтгофен[1], принадлежат к расширенному центральному Куэн-люню—вопрос этот могут решить лишь подробные геологические исследования, еще вовсе не коснувшиеся описываемых местностей, да и всей Центральной Азии вообще (70)

Внутренние плато. Внутри своих горных окраин—северной, западной и южной, а с востока—черты, проведенной от оз. Тенгри-нор на истоки Хуан-хэ, следовательно от 1 000 до 1 500 верст с востока на запад и более 500 верст с севера на юг, Северно-Тибетское плато представляет однообразную столовидную массу, поднятую над уровнем моря от 14 до 15 тысяч футов. Об этом теперь можно утверждать с большим вероятием, после измерений абсолютных высот пундитом Наин Сингом от оз. Пангонг до оз. Тенгри-нор, промеров другого пундита от того же оз. Пангонг в город Керию и, наконец, после моих барометрических определений в восточной части Северно-Тибетского плато.

По пути Наин Синга абсолютная выста местности держалась средним числом между 79 и 85° восточной долготы от Гринвича от 14 до 15 тысяч футов[2], а между 85 и 91° той же долготы от 15 до 16 тысяч футов. По нашему следованию от хребта Марко Поло до ключа Ниер-чунгу, за хребтом Тан-ла, равно как и по прежнему (1872—1873 годы) пути от р. Шуга к р. Мур-усу, барометрические и гипсометрические определения нигде не показывали высоту над уровнем моря менее 14 000 футов, за исключением лишь глубже врезанной долины Мур-усу при впадении в нее р. Напчитай-улан-мурени[3]. Средним числом, по нашим путям на Северно-Тибетском плато, абсолютная высота долин держалась около 14 500 футов, хотя иногда достигала 15 000 футов и даже превосходила эту цифру[4]. Перевалы же обыкновенно не превышали тысячи футов над долинами, расположенными у подошвы гор, и даже перевал через Тан-ла, самый высокий по нашему пути (16 700 футов), поднимался лишь на 2 100 футов

[1] China, гл. VII. К тому же центральному Куэн-люню Рихтгофен причисляет и хребет Баян-хара-ула.

[2] Изредка понижалась и до 13 700 футов.

[3] Здесь по гипсометрическому определению абсолютная высота равняется 13 100 футов. При этом следует оговорить, что во время моей экспедиции 1871, 1872 и 1873 годов абсолютные высоты определялись лишь точкою кипения воды (гипсометрически); в экспедициях же 1876, 1877 и 1879, 1880 годов все измерения абсолютных высот производились посредством барометра.

[4] Например, исток р. Уан-харза (15 300 футов) и ключ Ниер-чунгу (15 500 футов).

над долинами рек Мур-усу и Сан-чю. Наконец в самой западной части Северно-Тибетского плато измерения пундита от оз. Пангонг к г. Керии показали, что и здесь абсолютная высота местности колеблется между 15 700 и 17 000 футов; местами даже превосходит эту последнюю цифру.

Таким образом, все имеющиеся до сих пор измерения по окраине Северно-Тибетского плато единогласно свидетельствуют о громадном и притом почти одинаковом поднятии над уровнем моря всей этой обширной страны. Но поверхность ее не представляет собою непрерывной равнины, хотя бы и волнистой, как, например, во многих местах Гоби. В Северном Тибете, наоборот, равнины являются только более или менее обширными долинами между горными хребтами, разбросанными по всему нагорью.

Хребты на нем. По пройденным нами путям, на водоразделе истоков Желтой реки и верхнего течения Голубой (Мур-усу), стоит хребет Баян-хара-ула, которого восточные продолжения, известные под названием гор Дакцы и Соломà, протянулись верст на 400 к востоку от низовья р. Напчитай-улан-мурени. К западу же от этой реки вышеупомянутый хребет разделяется на две части, из которых северная, называемая Кукушили, тянется на запад, по расспросным сведениям верст на 600, а южная, именуемая хребтом Думбуре, уходит параллельно северным горам, также на запад верст на 450 от места своего отделения близ р. Хапчик-улан-мурени. От этой последней ветви вскоре отходит новый невысокий горный кряж, известный под названием Цаган-обо, или, по-тангутски, Лапцы-гари. Он стоит на левом берегу Мур-усу и протягивается недалеко; но на его продолжении после небольшого перерыва появляются новые невысокие горы Кангин, которые, по собранным сведениям, тянутся к верховьям р. Токтонай-улан-мурени. А между тем, на правом берегу той же Мур-усу появляются новые, все так же с востока на запад протянувшиеся хребты, каковы Дачин-дачюм и другой ему параллельный, достигающий в вершине Джома пределов вечного снега. Притом, вся местность начинает еще более повышаться и достигает, наконец, быть может, наибольшего во всем Северном Тибете вздутия, венчаемого громадным вечноснеговым хребтом Тан-ла. Название это может быть приурочено и ко всему описываемому подъему, склоны которого, как северный, так и южный, весьма длинны и пологи. Наконец еще далее к югу, за речкою Сан-чю, снова начинается повышение местности к тибетской деревне Напчу, за которой невдалеке стоит обширный вечноснеговой хребет Самтын-кансыр, принадлежащий уже, по всему вероятию, крайней восточной части северной Гималайской цепи, открытой пундитом на южной стороне озера Тенгри-нор(71

Их общий характер. Прочие горные группы, там и сям разбросанные на плоскогорье Северного Тибета[1], имеют второстепенный характер, достигают лишь средней высоты и иногда представляют собою только холмы без определенного гребня. Но общий характер здешних, как главных, так и второстепенных хребтов одинаков и состоит: 1) в том, что все эти хребты имеют одно и то же направление с востока на запад, следовательно, тянутся параллельно друг другу; 2) даже главные хребты, при своей огромной абсолютной высоте, представляют сравнительно небольшую высоту относительную; 3) в самых больших хребтах высокие,

[1] Здесь собственно говорится о районе, нами исследованном; но, по всему вероятию, от него не отличаются, по общей характеристике, и остальные части Северно-Тибетского плато.

обыкновенно вечноснеговые, вершины расположены лишь отдельными группами, но не имеют сплошного протяжения на большое пространство; 4) формы гор, за исключением вечноснеговых, мягкие, не дикие, с пологими боковыми скатами и куполообразными вершинами; поэтому 5) все хребты, как главные, так и второстепенные, удободоступны и перевалы через них весьма пологи; 6) скал вообще мало, их заменяют россыпи, как продукт разложения горных пород, среди которых преобладают глинистые сланцы, известняки и песчаники.

Что же касается до вечных снегов, то они встречены были нами всего более в хребтах Тан-ла и Марко Поло; затем в меньшем количестве вечноснеговые вершины найдены в горах Шуга, Думбуре, Дорзы, Самтынкансыр и в хребтах на верховьях Хуан-хэ. Крайний предел здешних ледников, подобно тому как и в западном Нань-шане, вероятно, близко совпадает с среднею высотою снеговой линии[1]. Точно измерить эту высоту нам не удалось по причине позднего времени года и при спешности нашего движения по Тибету. Но, судя по положению вечного снега близ перевалов через хребты Тан-ла, Думбуре и Марко Поло, можно обозначить средний предел снеговой линии в горах Северно-Тибетского плато от 16 500 до 17 000 футов. На южном склоне Тан-ла и далее к югу снеговая линия, вероятно, поднимается несколько выше[2], а на северной стороне гор Джахар, лежащих на правом берегу верхней Хуан-хэ, опускается до 15 500 футов.

Р а в н и н ы. В свободных между гор пространствах на Северно-Тибетском плато, раскидываются равнины, более или менее обширные. Они то обозначают собой долины рек, то представляют замкнутые котловины, то, наконец, раскидываются волнистою гладью между параллельными горными хребтами.

Почва всех этих равнин глинистая или, реже, глинисто-песчаная, местами галечная, вообще весьма скудная растительностью; больших лёссовых залежей мы не встречали. Сыпучий песок попадается довольно редко; но солончаков много, так что в некоторых, даже значительных, речках (например, в Напчитай-улан-мурени и в Думбуре-голе) вода имеет соленый вкус. Собственно же озера осадочной соли, вероятно, редки и по нашему пути найдены были лишь на левом берегу Мур-усу, близ устья Токтонай-улан-мурени. По высоким горным долинам, равно как и на всех северных склонах больших гор, часто залегают весьма обширные кочковатые болота, составляющие характерную принадлежность Северно-Тибетского плато.

О з е р а и р е к и. Северно-Тибетское плато вообще довольно богато орошением, но, как говорено выше, не имеет, за исключением лишь небольшой восточной части, вод, стекающих к океану. Вся выпадающая влага остается на месте и, помимо испарения, образует многочисленные, нередко обширные, озера. Они в изобилии найдены были пундитом Наин Сингом при его следовании из Ладака в Лхасу, но по нашим путям, лежавшим в районе сточных к океану вод, большие озера не встречались[3].

---

[1] Тому причины объяснены при описании Сачжеуского Нань-шаня, гл. VI.

[2] Так как гора Бумза (близ ключа Ниер-чунгу), при 17 100 футов абсолютной высоты, совершенно свободна от вечного снега.

[3] В оба путешествия по Северному Тибету нами найдены только два небольших озера: Буха-нор, к северу от хребта Баян-хара-ула, и другое, безымянное, невдалеке от истока р. Уян-харза.(72).

Вода почти во всех тибетских озерах, вследствие их замкнутости и большого испарения, соленая. Озерный район заканчивается на западе обширным озером Пангонг, или Цо-монгалари, а на юго-востоке также большим озером Тенгри-нор. Первое лежит на абсолютной высоте 14 000 футов; последнее, почитаемое святым, поднято над уровнем моря на 15 200 футов. Кроме того, Наин Сингом открыты большие озера Дангра-юм-чо, Киаринг-чо и Чаргут-чо. Последнее, нанесенное на маршруте пундита по расспросам, по всему вероятию, тождественно с показанным на моей карте, по расспросным же сведениям, озером Митык-Джансу за хребтом Тан-ла. Без сомнения, во внутренности страны лежат еще и другие, нам неизвестные, озерные водоемы.

Что же касается до текучих вод на Северно-Тибетском плато, то в районе, замкнутом здесь от моря, реки и речки, по всему вероятию, достаточно изобильные, впадают во внутренние озера. В восточной части того же плато лежат истоки китайских рек Хуан-хэ (Желтой) и Янцзы-цзяна (Голубой), а также двух индокитайских—Салуэна и Камбоджи (⁷⁰).

В районе, нами обследованном, ключи, реки и речки встречались часто; словом, орошение местности было весьма достаточное. С окрайных северных гор реки текут в Цайдам, где они теряются в солончаковых болотах. С южного склона тех же гор, т. е. собственно с хребта Марко Поло, равно как с гор Куку-шили, Думбуре и со всего северного склона Тан-ла, реки впадают в Мур-усу. Наконец, в северо-восточном углу Северно-Тибетского плато лежат, до сих пор никем еще из европейцев не посещенные, истоки Желтой реки, для которых фантазия китайцев некогда отводила место в верховье Тарима.

К л и м а т. Климат Северного Тибета, насколько можно судить по немногим нашим наблюдениям, равно как и по расспросам туземцев, характеризуется: во-первых, низкою температурою во все времена года, несмотря на столь южное положение этой страны; во-вторых, господством сильных бурь, в особенности весною; наконец, в-третьих, крайней сухостью атмосферы осенью, зимою и весною, наоборот, обилием влаги во время лета.

Что касается до первого положения, т. е. вообще низкой температуры описываемой страны, то главная тому причина—высокое поднятие над уровнем моря. Ведь даже долины Северного Тибета, в общем, немного только ниже вершины Монблана, высшей точки европейских Альпов. Горные же хребты на Тибетском плато нередко покрыты вечным снегом, что, конечно, еще более способствует охлаждению атмосферы. Притом описываемая страна лежит внутри обширного материка, вдали от смягчающего климат влияния океана и закрыта с юга громадною Гималайскою цепью. Словом, все физико-географические данные сложились, как нарочно, не в пользу Тибета. Но хотя его климат вообще мало заслуживает похвалы, он все-таки не столь ужасен, как повествуют о том индусы и китайцы, привыкшие к благодатной природе своих стран. Сравнительно с последними, Тибет, конечно, поражает дикостью и суровостью; поэтому-то его и окрестили местом вечного холода и снегов.

По нашим наблюдениям, производившимся в Северном Тибете лишь поздней осенью и зимой[1], в октябре и ноябре здесь довольно тепло,

[1] Весь декабрь 1872 года и январь 1873 года—при первом моем путешествии в Центральной Азии; вторая половина сентября, октябрь, ноябрь и декабрь 1879 года и первая треть января 1880 года—при третьем там путешествии.

в особенности в тихую и ясную погоду[1]; хотя по ночам морозы достигают в первом из названных месяцев до —23°, а во втором —30°[2]. Если же днем является буря, в особенности начавшаяся утром, а не в полдень, когда почва достаточно нагреется солнцем, тогда и при ясном небе холодно.

Озера и речки замерзают в половине или в конце октября, но более значительные реки сплошь покрываются льдом лишь в начале ноября. В декабре еще холоднее: его средняя температура равнялась в 1872 году —14 5°, а в 1879 году —16,5°; минимум же температуры для декабря в 1872 году был —27,1° в 1879 году — 33,5° Для января наблюдения за полный месяц имеются лишь для 1873 года. Тогда минимум температуры равнялся —30,9°; средняя же температура всего месяца была —14,1°. Для других времен года в Северном Тибете нами добыты лишь расспросные сведения. По ним климат весны и лета относительно тепла характеризуется быстрыми и крутыми скачками температуры. Если днем ясно и тихо, то тепло, даже жарко, солнце жжет; но как только набежит облако, в особенности с дождем, или подует сильный ветер, тотчас же становится холодно. Такие перемены нередко происходят по нескольку раз в течение одного и того же дня. В ясные и тихие ночи небольшие морозы перепадают через все лето, а весною даже бывают и очень значительны. Осень лучшее время года; тогда погода стоит ясная, довольно теплая и сравнительно редко появляются бури.

Последние составляют весьма характерную принадлежность климатических особенностей Тибета, равно как и всех пустынь высокой Внутренней Азии вообще. Как там, так и здесь эти бури преобладают весною и являются почти исключительно с запада горизонта, с той лишь разницей, что в Тибете они начинаются обыкновенно позднее —с полудня или даже после него; стихают же почти всегда к закату солнца.

Сила тибетских бурь громадная: они наполняют воздух тучами пыли и песка; иногда взметают даже мелкую гальку. На поверхность почвы, в особенности горных склонов, описываемые бури производят разрушающее действие и, конечно, в продолжение веков, совокупно с другими атмосферными деятелями (морозами зимой, дождями летом), способны изменить конфигурацию страны.

Наибольшее количество бурь в Северном Тибете бывает весною — с февраля до мая или до июня. Тогда, по словам туземцев, редкий день проходит тихо, и самые бури достигают страшной напряженности. В летние месяцы, равно как и осенью, бури случаются сравнительно реже, но уже зимой начинают прибывать. Так, по нашим наблюдениям в 1879 году, в октябре считалось 10 бурных дней, в ноябре также 10, в декабре —14, а в январе 1873 года —18[3]. Притом все эти бури являлись с запада, с нередкими, впрочем, уклонениями к северу и югу.

Подобное направление, одинаковое для всех бурь Центральной Азии, указывает на их происхождение от одних и тех же причин, между которыми весьма важную роль играет разница температуры, порождаемая от быстрого нагревания взошедшим солнцем всех вообще выдающихся предметов

---

[1] До +8,2°, в тени, в 1 час дня —в октябре и до +6° —в ноябре.

[2] Считаю уместным еще раз повторить, что все изменения температуры, показанные в настоящей книге, сделаны по 100-градусному термометру Цельсия.

[3] В 1880 году мы провели на Тибетском плато только первую треть января, но и за это время уже считалось 5 бурных дней.

пустыни, в особенности холмов и гор[1]. Каким образом возникает отсюда ветер, превращающийся затем в бурю, уже объяснено при описании джунгарских бурь[2]. Появление таких же бурь в Тибете в более поздние часы дня можно объяснить тем, что воздух на высоком плато гораздо разреженнее, следовательно требует большего нагревания для нарушения своего равновесия.

Затем другая причина тибетских, равно как и монгольских бурь заключается в резком контрасте температуры этих высоких и холодных местностей, сравнительно с соседним теплым Китаем. Такая разница, конечно, всего более проявляется зимою и весною, когда именно господствуют бури в пустынях Монголии и на высоком нагорье Тибета. Замечательно, что в последнем даже зимою, при больших холодах, мы иногда наблюдали на равнинах крутящиеся днем вихри, чего ни разу не встречали в более низкой Гоби.

Относительно атмосферных осадков Северный Тибет также представляет крайности: осенью, зимою и весною здесь господствует сильная сухость воздуха; летом же, наоборот, обилие влаги весьма велико.

Что касается до осенней и зимней сухости атмосферы на Северно-Тибетском плато, то мы имеем для этого свои собственные наблюдения. По ним оказывается, что хотя число снежных дней, в особенности зимою, достаточно велико[3], но снег обыкновенно выпадает лишь в самом незначительном количестве и всего чаще на другой же день уничтожается ветром и солнцем. Только на высоких горах, и притом на северных их склонах, зимний снег кое-где уцелевает на более или менее продолжительное время; долины же Северного Тибета и южные склоны гор в продолжение всей зимы свободны от снега. Правда, монголы Цайдама сообщали нам, что, иногда, в редкие зимы, на Тибетском плато выпадает глубокий снег, но это едва ли верно, так как в подобном случае, несомненно, погибли бы те бесчисленные стада диких зверей, которые населяют Северный Тибет и круглый год пасутся на скудном подножном корме. Вероятно, в обильные, по-здешнему, снегом зимы этот снег выпадает по временам лишь более толстым (например $^1/_2$—1 фут) против обыкновенного слоем и сохраняется по долинам на несколько дней—как то мы и сами наблюдали на Тибетском нагорье в начале октября 1879 года.

О сильной же сухости воздуха Северного Тибета осенью и зимою свидетельствовали все высохшие здесь тогда обширные кочковатые болота, летом, несомненно, полные воды. Притом трава, за исключением лишь растущей на вышеупомянутых болотах, зимою большей частью была до того суха, что при давлении рассыпалась пылью, и животные, как, например, яки, нередко принуждены были не щипать, но лизать языком свой скудный корм. Весною, по свидетельству туземцев, та же сухость воздуха совместно с бурями и холодами долго и сильно задерживает развитие растительности. Зато в продолжение трех или даже четырех летних месяцев, по единогласному уверению тех же туземцев, в Северном Тибете падают обильные, почти ежедневные дожди, которые на высоких горах

---

[1] Нам случалось наблюдать (27 октября 1879 года) в Северном Тибете одновременно на солнечной стороне нашей юрты +16,3°, а в теневой —8,0°.

[2] См. гл. II.

[3] В 1879 году в октябре было 7 снежных дней; в ноябре—3; в декабре—7. В 1873 году в декабре—5; в январе—11.

заменяются снегом или градом, нередко с сильной грозой[1]. О большом количестве летних дождей на Северно-Тибетском плато свидетельствуют также разливы тамошних рек, обозначаемые после спада вод широкими полосами наносной гальки по берегам[2]; затем обилие воды вообще в виде озер, рек, речек, ключей и болот. Наконец, наши наблюдения в продолжение мая, июня и первой трети июля 1880 года на верхней Хуан-хэ и на оз. Куку-нор, показали несомненное господство в этих местах периодических летних дождей, приносимых притом почти исключительно западными или, вернее, западо-юго-западными ветрами из Тибета. Между тем, в соседнем Куку-норе и восточном Нань-шане летние дожди, как показали мои же наблюдения в 1872 года, приносятся юго-восточными ветрами из Китая.

Причину подобного явления, равно как и обильных летних дождей Северного Тибета, можно, мне кажется, объяснить тем, что вся эта страна, со включением Куку-нора, находится в районе юго-западного индийского муссона, который, перейдя Гималаи, проносится еще далеко внутрь материка Азии и, по мере поднятия в высшие широты, принимает все более и более западное направление. На Гималайских горах индийский муссон осаждает громадное количество своей влаги, но все-таки доставляет часть ее и в Тибет. Возможно это потому, что 1) южные склоны Гималаев летом сильно нагреваются даже на больших высотах; 2) сам муссон достаточно тепел, чтобы способствовать повышению температуры верхних воздушных слоев[3]; наконец, 3) описываемый ветер, являющийся в Северном Тибете, вероятно, переходит Гималайские горы в более низкой западной их половине. Все это способствует сохранению хотя небольшой части той влаги, которою муссон насыщен в начале и которую окончательно выжимают из него высокие, местами вечноснеговые, хребты Северно-Тибетского плато.

Крайний восточный предел индийского муссона на Тибетском нагорье лежит, по всему вероятию, на верхней Хуан-хэ и в бассейне Куку-нора. Здесь описываемый муссон встречается с юго-восточным китайским муссоном, который, перейдя через весь Китай, является в восточный Нань-шань уже сильно ослабевшим, но все же еще достаточно влажным. От встречи обоих муссонов, вероятно, и происходят частые летние затишья в горах Гань-су; тогда как на Куку-норе, как мы неоднократно наблюдали, даже и при восточном внизу ветре, дождевые тучи все-таки несутся с запада.

Но ни китайский, ни индийский муссоны не захватывают собою западного Нань-шаня, лобнорского Алтын-тага, да, по всему вероятию, и местностей отсюда на юг вплоть до собственно Куэн-люня. Оттого в намеченном районе, несмотря на его высокое абсолютное поднятие, круглый год господствует сильная сухость атмосферы, обусловливающая как бед-

---

[1] Нами наблюдались частые грозы летом 1880 года на верхней Хуан-хэ и на оз. Куку-нор. По сведениям же пундитов, в Южном Тибете грозы очень редки, да притом и водные здесь осадки в течение круглого года незначительны.

[2] Так, р. Мур-усу при устье Напчитай-улан-мурени имела при нашем посещении в январе 1873 году 108 сажен ширины по льду, тогда как пространство, засыпанное по обоим берегам наносною галькою, занимало в поперечнике около 800 сажен. Река Токтонай-улан-мурень при нашем переходе через нее в конце октября 1879 года имела всего 10—12 сажен ширины и глубину 1—2 фута; между тем, судя по наносной гальке, она разливается летом на 1/2 версты.

[3] Повышение температуры при наступлении юго-западного муссона замечено во многих высоколежащих метеорологических станциях Индии.

ность органической природы, так и скудость воды вообще; словом, претворяющая эти страны в совершенную пустыню (74).

Флора. Если обратимся к флоре и фауне Северного Тибета, то опять-таки здесь странное явление: бедный растительный мир и рядом с тем изобилие крупных млекопитающих.

Условия произрастания северотибетской флоры крайне неблагоприятны. Зимние и весенние морозы при бесснежии, частых бурях и сильно сухой атмосфере, ночные холода летом, рядом с жарким по временам солнцем, скудная песчаная или глинистая почва, большей частью солончаковая, наконец, быть может, и разрежение воздуха на подобной высоте—все это обусловливает бедность здешнего растительного мира. Впрочем, альпийская флора северотибетских гор, вероятно, довольно разнообразна, так как для нее и в других странах выпадают не лучшие условия существования. Но мы лично не могли наблюдать эту флору, как и вообще летнюю растительность Северного Тибета, проведя в нем только осень и зиму. Одно можно сказать, что при однообразии топографических, почвенных и климатических условий Северно-Тибетского плато тамошняя растительность должна быть весьма однообразна на всей обширной площади описываемой страны. Деревьев там нет вовсе, а из кустарников нам встречались лишь три уродливых вида: облепиха (Hippophäe sp.), курильский чай (Potentilla sp.) и [реамюрия]—Reaumuria sp. Из них только облепиха достигает $^1/_2$ фута высоты; остальные же стелются по земле. Притом облепиха встречается довольно редко; курильский чай растет кой-где на южных склонах гор, а Reaumuria—на песчаных и галечных берегах рек, покрывая здесь своими высохшими (зимою) красноватыми веточками площадки в несколько квадратных футов.

Травянистые растения в Северном Тибете всего лучше развиваются там, где почва глинисто-песчаная или чисто песчаная. На подобных местах наиболее встречавшихся нам по берегам Мур-усу и в некоторых других долинах, являются, благодаря обильному летнему орошению, три-четыре вида злаков, кой-где лук, касатик и астрагалы; словом, здесь наиболее плодородные пространства. Однако таких местностей немного, сравнительно с общим протяжением страны. В большей ее части почва совершенно оголена или только кой-где прикрыта редкими кустиками злака в дюйм высотою.

В горах, изредка и на высоких равнинах, встречались нам зимою иссохшие формы растений, между которыми замечены: Werneria, Saussurea, Anaphalis, Allium, Thylacospermum, а также изредка Przewalskia tangutica—новый род и вид, установленные академиком Максимовичем[1]; кой-где, в укрытых местах, иногда на абсолютной высоте в 15 тысяч футов попадалась крапива (Urtica sp.) и мелкая полынь (Artemisia sp.). В тех же горах, в полосе 14 000—16 000 футов абсолютной высоты, притом почти исключительно на северных склонах, везде преобладает тибетская осока (Kobresia thibetica n. sp.) высотою от $^1/_2$—1 фута, твердая, как проволока. Она образует своими корнями обширные кочковатые болота, о которых уже было упомянуто выше. Монголы называют такие болота мото-ширик, т. е. деревянными (75), по необычайной твердости покрывающей их травы, о которую верблюды накалывают в кровь не только свои губы, но даже толстейшие подошвы своих лап.

---

[1] Впоследствии, именно весною 1880 года, это растение собрано нами с цветами в горах на верхней Хуан-хэ.

Что же касается до хлебных растений, то их возделывание совершенно невозможно на Северно-Тибетском плато, следовательно здесь невозможна и оседлая жизнь человека[1].

Ф а у н а. Относительно своей фауны весь Тибет вообще представляет особую зоологическую область, но опять-таки в животном царстве северной части этой страны, подобно тому как и в мире растительном, мало можно встретить разнообразия. За все время нашего двукратного путешествия по Северно-Тибетскому плато мы нашли здесь только 17 видов дико живущих млекопитающих, 5 видов домашних и 51 вид птиц. Что же касается до пресмыкающихся и рыб, то мы почти не могли их наблюдать по причине позднего времени года.

Дикий як

М л е к о п и т а ю щ и е. Все млекопитающие, как домашние, так и дикие, найденные нами в Северном Тибете, принадлежат только к четырем отрядам, между которыми виды распределяются следующим образом: хищных (Carnivora)—5; грызунов (Glires)—6; однокопытных (Solidungula)—2; жвачных (Ruminantia)—9 [76].

Зато бедность видов вознаграждается чрезвычайным обилием в особенности крупных млекопитающих. Действительно, вряд ли где-либо на на другом месте земного шара—разве в недоступных европейцам землях внутренней Африки и Австралии можно найти такое количество зверей. Встречая по пути, иногда в продолжение целого дня, сотенные

[1] Маленькое исключение в данном случае составляет лишь небольшая группа оседлых поселений, встреченная пундитом Наин Сингом на берегах озера Дангра-юм-чо, почти в середине расстояния между Лхасою и Ладаком. В указанном месте выходцы из Тибета живут в домах из камня и засевают ячмень на абсолютной высоте 15 200 футов.

стада яков[1], хуланов и множество антилоп, как-то не верится, чтобы то могли быть дикие животные, которые притом обыкновенно доверчиво подпускают к себе человека, еще не зная в нем самого злого врага своего. Невольно переносишься мыслью в далекие первобытные времена, когда подобную картину можно было встретить и в других странах земного шара. А теперь только дикие пустыни Тибета, да немногие иные местности нашей планеты пока еще уберегли неповинных животных от беспощадного уничтожения их человеком... Да, его веяние страшнее и истребительнее всяческих невзгод природы. Ни холода и бури, ни скудный корм, ни разреженный воздух, ни сравнительное обилие хищников на плоскогорье Северного Тибета—ничто это, конечно, далеко не может сравниться с той роковой гибелью, которую несут для диких созданий прогрессивно возрастающая культура и так называемая цивилизация рода человеческого. Равновесие природы нарушается, искусство заменяет творчество и со временем, как говорит Уэллес[2], быть может, только океан в своих недоступных недрах останется девственным и непокорным человеку...(77).

Помимо отсутствия людей[3], как главной причины обилия крупных млекопитающих в Северном Тибете, для зверей здесь важно богатство воды, чего нигде нет в пустыне Гоби. Скудость же подножного корма вознаграждается обширностью страны, по которой травоядные животные кочуют с одного пастбища на другое. И, по всему вероятию, картина эта не изменяется ни в количестве, ни в качестве для всего Северного Тибета от истоков Желтой реки до Каракорума на западе и северной Гималайской цепи на юге. На этом громадном пространстве обитают не десятки или сотни тысяч, но, вероятно, миллионы крупных млекопитающих[4].

Между ними на первом плане стоит дикий як[5], отличающийся от домашнего многими, хотя и сравнительно мелкими, зоологическими признаками. Но, принимая во внимание всю сумму этих признаков, дикий як, мне кажется, может быть отделен от домашнего в особый вид, который всего удобнее назвать Poëphagus mutus, т. е. як немой, так как животное это решительно не издает никакого голоса. Между тем, домашний як своим хрюканьем напоминает свинью, за что и назван знаменитым Палласом—Bos grunniens (78)

Далее среди жвачных животных Северного Тибета следуют красавицы-антилопы двух видов: оронго (Pantholops hodgsoni) и ада (Procapra picticauda). Первая из них встречается гораздо чаще, нежели последняя, и нередко скучивается в большие стада[6]. Затем здесь водятся два вида горных баранов: аркар, или белогрудый аргали (Ovis hodgsoni), встречающийся довольно редко, и куку-яман (Pseudois nahoor), населяющий в большом количестве хребты, изобильные скалами. Наконец последним представителем жвачных Северного Тибета служит марал (Cervus sp.)[7],

---

[1] Дикие яки иногда скучиваются и в тысячные стада.

[2] «Естественный подбор», русский перев. проф. Вагнера, стр. 355.

[3] Необходимо оговорить, что абсолютного отсутствия человека в Северном Тибете нет; кой-где и здесь кочуют орды, о чем будет сказано ниже.

[4] Баснословное обилие травоядных зверей встретил также в некоторых местностях своего пути из Ладака в Лхасу пундит Наин Синг.

[5] Подробное описание образа жизни дикого яка см. в моей «Монголия и страна тангутов», 1875, стр. 311—321 [в издании 1946 г. стр. 255—262].

[6] Подробности об антилопах оронго и ада см. «Монголия и страна тангутов», стр. 323—328 [в издании 1946 г. стр. 264—267].

[7] Северотибетский марал нами не добыт; вид его неизвестен.

Тамариск

который в небольшом числе водится в горах Шуга и за Тан-ла, но на самом плоскогорье на найден.

Из грызунов, в описываемой стране, прежде всего следует назвать пищуху (Lagomys ladacensis?), которая в бесчисленном множестве населяет луговые склоны гор, другая же пищуха (Lagomys sp.) водится в камнях или скалах и встречается лишь изредка. Затем следует сурок, или, как его монголы называют, тарабаган [тарбаган]—(Arctomys sp.), норы которого встречались нам на абсолютной высоте в 16 000 футов[1]. Зайцы (Lepus sp.) местами чрезвычайно многочисленны, несмотря на то, что сильно

Антилопа ада

истребляются четвероногими и пернатыми хищниками. Наконец из самых мелких грызунов в Северном Тибете нами найден только один вид полевки (Arvicola sp.) и в окрайних к Цайдаму горах—Myodes sp., вероятно здесь редкий (79).

Среди хищников право первенства принадлежит новому виду медведя, которого следует назвать Ursus lagomyiarius[2], так как зверь этот всего более питается пищухами (Lagomys), выкапывая их из нор. Затем следуют три вида собачьего рода: тибетский волк (Canis chanko)[3], лисица (Canis vulpes), довольно редкая, и корсак, или кярса, опять новый вид, который можно бы назвать именем одного из моих спутников офицеров, впервые добывшего это животное—Canis ekloni [4]. Наконец из отряда однокопыт-

---

[1] Шлагинтвейт встречал в Западном Тибете норы сурков на абсолютной высоте в 17 000 футов.

[2] Описание этого медведя помещено в следующей главе.

[3] О нем см. «Монголия и страна тангутов», стр. 328—329 [в новом издании 1946 г. стр. 267—268].

[4] При неимении экземпляра для определения вида ошибочно назван Canis corsak в моей «Монголия и страна тангутов», стр. 329; там же описан и образ жизни этой лисицы [в издании 1946 г. стр. 268].

ных Северному Тибету свойствен хулан (Asinus kiang), пасущийся большими табунами по горным долинам[1].

Вот и все представители здешних диких млекопитающих. К ним можно прибавить только 5 видов домашних животных, содержимых кочевниками на Тан-ла и далее к югу. Из этих животных всего более разводятся яки[2] и бараны; в меньшем числе содержатся козы и лошади; собака, как и везде, следует за человеком.

Хулан

П т и ц ы. Относительно птиц Северный Тибет еще беднее, нежели млекопитающими. У последних малое количество видов вознаграждается массою индивидуумов, но среди пернатых обитателей описываемой страны подобного богатства не встречается. Всего нами найдено собственно на Северно-Тибетском плато 51 вид птиц, следующим образом распределяющихся по отрядам и по образу жизни ([80]):

	Оседлые	Пролетные	Зимующие
Хищные	7	9	3
Воробьиные	9	9	—
Кричащие	—	—	—
Голубиные	1	—	—
Куриные	2	—	—
Голенастые	—	6	—
Водяные	—	5	—
Всего	19	29	3

[1] Описание образа жизни хулана см. «Монголия и страна тангутов». стр. 282—285 [в издании 1946 г. стр. 236—238].

[2] Обыкновенного рогатого скота в Северном Тибете нет—его заменяет як.

Затем сюда, пожалуй, можно прибавить, хотя и с натяжкой, 15 видов, наблюдавшихся нами только в горной окраине, к Цайдаму, т. е. в хребтах Бурхан-Будда, Го-шили, Толай и Торай[1]. Из этих видов: 6 оседлых, 2 пролетных и 7 зимующих. Правда, наши орнитологические исследования в Северном Тибете производились только осенью и зимой; следовательно, мы не могли наблюдать птиц, здесь гнездящихся и являющихся на весеннем пролете;но, по всему вероятию, число тех и других весьма ограничено.

Наиболее характерными представителями орнитологической фауны на Северно-Тибетском плато служат: грифы (Gypaëtus barbatus, Vultur monachus, Gyps himalayensis), ворон (Corvus corax), клушица (Fregilus graculus), тибетский жаворонок (Melanocorypha maxima), живущие в норах вьюрки (Onychospiza taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis, Pyrgilauda barbata n. sp.) и [саксаульная сойка] Podoces humilis; голубей один только вид—именно голубь каменный (Columba rupestris); куриных всего два вида: тибетский улар (Megaloperdix thibetanus) и тибетский больдурук (Syrrhaptes thibetanus); голенастые и водяные наблюдались нами только на осеннем пролете, да и то в малом количестве.

Причины бедности орнитологической фауны Северного Тибета заключаются, конечно, в исключительности и притом крайней невыгодности тех физико-географических условий, которые представляет эта страна для ее пернатых обитателей. Здесь нет ни лесов, ни травяных зарослей, обильных кормов, удобных как для жительства, так и для вывода молодых. Берега северотибетских рек везде голые, открытые, да притом в озерах большей частью соленых, только изредка водится рыба[2]; горные же хребты бедны скалами, в которых обыкновенно держатся альпийские виды птиц. Ко всему этому присоединяется огромная абсолютная высота и, как результат ее, невыгодные климатические условия. Словом, сумма неблагоприятных влияний настолько велика, что несмотря на обширность пройденного нами по Северно-Тибетскому плато пространства, мы нашли здесь только 19 оседлых видов пернатых. Да и едва ли число это удвоится на всем протяжении от нашего пути к западу до Каракорума.

Даже пролетные птицы спешат без оглядки перенестись через Северный Тибет; только некоторые хищники остаются здесь на время осенью, находя в бесчисленных пищухах (Lagomys ladacensis?), обильную для себя пищу. Но и это обстоятельство, играющее важную роль в выборе места зимовки, не соблазняет этих хищников остаться на зиму в Северном Тибете. Главная их масса все-таки пролетает далее к югу—на Брамапутру или, быть может, за Гималаи; остаются лишь три вида—Archibuteo aquilinus, A. strophiatus? Falco sacer[3], да и то в самом ограниченном числе экземпляров. Сильные голенастые, именно журавли (Grus cinerea, G. virgo), по крайней мере осенью огромными стадами и в один мах переносятся через Северный Тибет; отчасти пролетают здесь в это время года и водяные птицы. Мелкие же пташки, в особенности лесные, по всему вероятию, облетают высокое нагорье и следуют более восточным путем.

[1] Северный склон ниже указываемой горной северотибетской окраины по характеру своей орнитологической фауны отличен от самого плато и, правильнее, должен быть отнесен к Цайдаму, в особенности к северному.

[2] По пути пундита Наин Синга встречены им были только три рыбных озера. Дангра-юм-чо, Киаринг-чо и Тенгри-нор. На двух первых, по словам пундита, множество водяных птиц—вероятно, по большей части пролетных, так как эти озера посещены были пундитом во время осени.

[3] Falco sacer встречена была только одна пара на Тан-ла(81).

За всю осень, правда, уже позднюю[1], нами наблюдалось на Северно-Тибетском плато 29 пролетных видов птиц. Но можно с достаточным вероятием предположить, что весенний пролет бывает здесь еще беднее, так как климатические условия в ту пору года, т. е. весною, несравненно хуже, нежели во время осени. Летом на Северно-Тибетском плато, по всему вероятию, гнездятся, кроме оседлых, также лишь немногие степные и горные виды пернатых.

Лучшие условия относительно зимовки, и вообще жительства птиц представляет горная окраина высокого Тибетского плато к стороне Цайдама. На северном склоне этой окраины, развивающемся грандиозными альпийскими формами, в глубоких долинах, орошенных быстрыми речками, берега которых поросли густым кустарником Myricaria, изобилуют ключами и кой-где сносными лужайками,—в этих сравнительно крохотных уголках находят для себя тихий приют некоторые оседлые и зимующие виды, не встречающиеся на самом плато. Из оседлых наиболее обыкновенны: стенолаз (Tichodroma muraria), завирушка (Accentor fulvescens), скалистая куропатка (Caccabis magna), а из зимующих: вьюрки (Leucosticte haematopygia, Montifringilla adamsi), скопляющиеся огромными стадами, и бекас-отшельник (Scolopax solitaria), в одиночку попадающийся на уединенных ключах.

П р е с м ы к а ю щ и е с я и з е м н о в о д н ы е. Позднее время года помешало нам исследовать пресмыкающихся и земноводных Северно-Тибетского плато. Только однажды, в начале октября, мы встретили здесь на абсолютной высоте более 14 000 футов[2] один вид маленькой ящерицы (Phrynocephalus sp.), найденной впоследствии в долине верхней Хуан-хэ и в пустыне Гоби близ гор Хурху. Во всяком случае этим классом животных Северный Тибет, без сомнения, крайне беден.

Р ы б ы. Что же касается до рыб, то, в реках и речках описываемой страны, они водятся в достаточном обилии. В р. Номохун-гол (в горной окраине к Цайдаму) добыты нами были губачи (Diplophysa n. sp.) и вьюнки (Nemachilus n. sp.), последние, быть может, также нового вида, равно как и Schizopygopsis n. sp., водятся в изобилии в глубоких ключевых ручьях долины р. Шуга; видели мы также (но не добыли) довольно рыбы в незамерзших омутах р. Мур-усу; наконец встречали вьюнков (Nemachilus n. sp.), во многих ключевых озерах, речках и ключах. Даже в горячих минеральных ключах на южном склоне Тан-ла на абсолютной высоте 15 800 футов водятся Schizopygopsis n. sp. и Nemachilus n. sp., там, где стекающая от источников вода, охлаждаясь, принимает температуру от +19 до +20°.

В озерах Северно-Тибетского плато рыба водится, по всему вероятию, лишь в тех, где вода не особенно солена. По крайней мере пундит Наин Синг, встречавший на своем пути много озер, упоминает только о трех из них —Дангра-юм-чо, Киаринг-чи, Тенгри-нор, в которых держится рыба. Шлагинтвейт нашел ее также в озере Цо-монгалари. Рыбы всех этих озер не добыты и совершенно неизвестны натуралистам.

В текучих же водах Северно-Тибетского плато, судя по рыбам, нами здесь собранным, ихтиологическая фауна [определяется] только двумя

---

[1] С 20 сентября.

[2] Шлагинтвейт встречал в Западном Тибете ящериц и змей на абсолютной высоте 15 200 футов.

семействами: Cyprinidae [карповые] и Cobitidae, характерными для всех высоких вод Центральной Азии.

Минеральное царство. Относительно минерального царства Северного Тибета нет почти никаких сведений. Известны лишь золотые россыпи в юго-западном углу описываемого плато, в местностях Сартол и Ток-джалун, невдалеке от истоков Инда. Кроме того, по пути Наин Синга из Ладака в Лхасу местами им были встречаемы разработки золота; из них самые значительные лежат в урочище Ток-дуаракпа под 56° восточной долготы от Пулкова. Из своих наблюдений мы можем сказать только, что на р. Мур-усу, да, вероятно, и на ее притоках, много золота, которое кой-где добывают, конечно, самыми грубыми способами номады [т. е. кочевники]—голыки и ёграи, прикочевывающие сюда зимою с гор Тан-ла. Каменного угля мы нигде не встречали. Со временем, вероятно, и в Северном Тибете найдутся такие же минеральные богатства, какими изобилует южная часть того же Тибета.

Жители. Крайняя невыгодность климатических и вообще физико-географических условий Северно-Тибетского плато делает эту страну непригодною для человека. Не говоря уже про жизнь оседлую, связанную с большею или меньшею степенью культуры, в Северном Тибете по большей части невозможно, или по крайней мере чрезвычайно трудно, жить даже кочевникам. Не найдется здесь достаточного корма для их стад, которые не могут же, подобно диким якам, хуланам и антилопам, беспрестанно кочевать с места на место; трудно будет и самим номадам свыкнуться с разреженным воздухом, крайностями тепла и холода, сухости и влажности атмосферы; даже отсутствие летом топлива[1], в свою очередь, поставит немало затруднений.

Вот почему на описываемом плато никогда не могли густо усесться номады, и земля эта до сих пор остается, по выражению монголов, «гуресу гадзыр», т. е. «звериною страною» [вернее—звериной землей]. Однако абсолютного отсутствия человека на Северном Тибете нет. Правда, по нашему пути мы встретили людей лишь на Тан-ла и далее к югу, но по сведениям, имеющимся от китайцев и тибетцев, внутри Северно-Тибетского плато кочуют небольшие орды, известные в западной части страны под названием гор-па, а в восточной—сок-па. Те и другие номинально считаются подданными Тибета. Кроме того, пундит Наин Синг встречал в западной части своего пути из Ладака в Лхасу кочевья народа кам-па, эмигрировавшего сюда в пятидесятых годах нынешнего столетия из восточнотибетской провинции Кам. На берегах озера Дангра-юм-чо, в округе Накчан-омбо тот же пундит нашел даже оседлые поселения, жители которых возделывают ячмень на абсолютной высоте 15 200 футов ([82]). Наконец китайские летописи рассказывают о царстве амазонок, существовавшем в Северном Тибете в VI и VII веках христианской эры ([83]).

---

[1] Так как высохший зимою сухой помет диких животных летом ежедневно смачивается дождем и не годен для горения; заготовить же впрок этого материала невозможно при частых перекочевках.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАШ ПУТЬ ПО СЕВЕРНОМУ ТИБЕТУ

[12/24 сентября—10/22 октября 1879 г.]

Неблагоприятные нам напутствия.—Обходная дорога.—Номохун-хото.—Хитрость князя Дзун-засака.—Хребет Бурхан-Будда и ущелье р. Номохун-гол.—Урочище Дынсы-обо.—Догадливый монгол.—Юрта взамен палатки.—Перемена абсолютной высоты и климата.—Хребет Шуга.—Река Шуга-гол и ее долина; окрайние горы.—Баснословное обилие травоядных зверей.—Птицы и рыбы.—Наша охота.—Оригинальная долина.—Перевал Чюм-чюм.—Трудное положение.—Снег и морозы.—Глазная болезнь.—Равнина по р. Напчитай-улан-мурень.—Утешительные предзнаменования.—Дурное топливо.—Хребет Куку-шили.—Новооткрытый медведь.—Изгнание проводника.

На восходе солнца 12 сентября 1879 года бивуак наш, возле хырмы Дзун-засак в южном Цайдаме, был снят, и мы направились в Тибет. Караван состоял из 34 верблюдов[1] и 5 верховых лошадей; участники экспедиции были те же, что и прежде, переменился только проводник.

Немало различных бед насулили нам впереди цайдамские монголы. Нас пугали и глубоким снегом, который, по местным приметам, должен был выпасть в Тибете нынешнею зимою, и болезнями от непривычной высоты, и разбойниками, поджидающими караван в горных ущельях; наконец впервые мы услышали теперь о том, что тибетцы выставили отряд войск с целью не пускать чужеземцев в свою столицу. Словом, напутствия нам были самые неблагоприятные; но, по обыкновению, мы мало придавали цены подобным стращаньям и пошли вперед с самыми лучшими надеждами на успех.

Обходная дорога. Чтобы избавиться от высокого перевала через хребет Бурхан-Будда, мы решили обойти его по ущелью р. Номохун-гол. К этой реке теперь и направились, следуя вдоль бесплодной, хрящеватой и галечной равнины, которая, подобно тому как и во многих других центральноазиатских хребтах, широкою, с пологим скатом, полосою окаймляет подножие Бурхан-Будда и его западных продолжений. Местность же, по которой мы шли, представляла попрежнему солонча-

---

[1] Из них 22 были завьючены.

ковую, кое-где болотистую равнину, поросшую в большей своей части хармыком и тамариском. Последний на самом Номохун-голе принимает размеры небольшого дерева[1], так что местные монголы, от роду не видавшие чего-либо лучшего, с восхищением рассказывали нам про этот «огромный», по их словам, лес.

Здесь же, т. е. в тамарисковых зарослях на берегу Номохун-гола, мы встретили, подобно тому как и близ оз. Курлык-нор, пашни, принадлежащие монголам двух цайдамских хошунов,—Дзун-засака и Тайджинерского. Всего обработано десятин около двадцати земли, на которой засевается ячмень. Вода для орошения полей отводится из Номохун-гола, а сами поля расположены на маленьких площадках, свободных от тамариска. Почва лёссовая, весьма плодородная, несмотря на всю неумелость ее обработки. Этим делом занимаются беднейшие из монголов и монголок обоих вышеназванных хошунов, так как земледельческий труд, о чем уже было упомянуто прежде, ненавистен номадам и презирается ими. Ко времени нашего прихода сбор ячменя оканчивался. Его обмолачивали тут же на полях, выбирая только площадки поровнее и потверже, причем срезанные колосья насыпали довольно толстым слоем на землю и ездили по ним на верховых лошадях. Затем зерна провеивали на ветре и зарывали где-либо неподалеку в землю для сохранения. Рабочих обоего пола собиралось около сотни человек. Жили они или прямо под корнями высокого тамариска или устраивали себе, из ветвей того же тамариска и глины, маленькие конусообразные шалаши, по форме весьма похожие на муравейники.

Номохун-хото. Невдалеке от обработанных полей стоит большая глиняная хырма, которая, благодаря своим размерам, носит название даже города Номохун-хото. Форма этого укрепления, как обыкновенно в Азии, квадратная; каждый фас имеет в длину 130 сажен при высоте стены в $2^1/_2$ сажени и толщине сажени в полторы; сверху стена эта зубчатая. С западной и восточной сторон проделаны входы внутрь самого укрепления, в котором, однако, никто не живет и нет никаких построек; да и прежде, вероятно, их не было. Почему это так—нам не сказали. Сообщили только, что само укрепление выстроено не очень давно; строитель же его был казнен по приказанию сининского амбаня (губернатора) за то, что осмелился сделать в своей постройке стены на один фут выше тех, которыми обнесен город Донкыр.

На Номохун-голе мы дневали. Однако экскурсии по окрестностям не прибавили к нашим коллекциям ничего нового. Несмотря на кусты, хлеб и ягоды (хармык), птиц найдено было немного и притом все прежние: фазаны (Phasianus vlangalii), полевые воробьи (Passer montanus), [кустарница]—Rhopophilus deserti, сорокопуты (Lanius isabellinus), славки (Sylvia curruca), плисицы (Motacilla baikalensis?). Ящериц добыто было довольно много, но все один вид Phrynocephalus sp. [круглоголовки].

Хотя уже наступила половина сентября, но днем температура в тени доходила еще до +21,9°; по ночам же случались морозы в —5,0°. Притом в ночь с 16 на 17 сентября, после великолепного, теплого и освещенного полною луною вечера, вдруг поднялась сильная буря с запада и, как обыкновенно, наполнила атмосферу тучами пыли. Впрочем, это была только вторая сильная буря, испытанная нами в южном Цайдаме

[1] Сажени три высотою при толщине у корня от 1 до $1^1/_2$ футов в диаметре ствола.

в течение всей первой половины сентября. Далеко не то ожидало нас в Северном Тибете.

Хитрость князя Дзун-засака. Последняя попытка отклонить нас от следования туда сделана была на Номохун-голе. Дзун-засак прислал нам с нарочным предложение итти в западный Цайдам, т. е. в Тайджинерский хошун, где, по уверению князя, можно было найти другого еще лучшего проводника. Кроме того, Дзун-засак ни с того ни с сего вдруг предложил устроить облаву на медведей, которых в это время действительно много шаталось по хармыку на Баян-голе. Но все эти услуги, конечно, были только уловкою, о чем мы сразу и смекнули. Как оказалось впоследствии, князю важно было задержать нас до тех пор, пока получится распоряжение от сининского губернатора, к которому еще от Курлык-бэйсе послан был гонец с извещением о нашем прибытии. К великому, вероятно, огорчению Дзун-засака, мы не искусились ни Тайджинерским хошуном, ни интересными медведями и, передневав на Номохун-голе, направились вверх по названной реке в горы Бурхан-Будда.

Хребет Бурхан-Будда и ущелье р. Номохун-гол. Сведения об этих горах уже были напечатаны в описании первого моего путешествия по Центральной Азии[1]. Теперь могу прибавить только, что и по новому пути, нами здесь пройденному, хребет Бурхан-Будда оказался так же дик и так же бесплоден. Подобный характер, несомненно, сохраняется и на всем протяжении этих гор.

Ущелье Номохун-гола почти сплошь обставлено громадными остроконечными скалами мелкозернистого грюнштейна ([84]). Сама река в своем среднем течении имеет от 5 до 7 сажен ширины при глубине (в малую воду) от 1 до 2 футов; в низовье ширина и глубина увеличиваются. Вне гор Номохун-гол вырыл себе в лёссовой и наносной (галечной) почве довольно глубокое траншееобразное русло. Местами такие обрывистые берега встречаются также в среднем и верхнем течении описываемой реки. Там, где ущелье ее немного расширяется, берега густо обрастают весьма похожим на тамариск, и называемым монголами балга-мото (Myricaria alopecuroides), кустарником, который поднимается до 13 000 футов абсолютной высоты. Кроме этого преобладающего вида, по ущелью Номохун-гола растут: лоза (Salix sp.) и сугак (Lycium turcomanicum); попадаются также: сабельник (Comarum Salessowii?), низкорослая ($^1/_2$—2 фута), облепиха (Hippophae rhamnoides) и вьющийся ломонос (Clematis orientalis).

В этих кустарных зарослях, обильных ключами, нам встречались пролетные и частью оседлые птицы: завирушка (Accentor fulvescens), алашанская горихвостка (Ruticilla alaschanica), дрозды (Turdus ruficollis?), плисицы (Motacilla baikalensis?), [синехвостка]—Nemura cyanura, [славковидный королек]—Leptopoecile sophiae, оляпка (Cinclus sordidus) и бекас-отшельник (Scolopax solitaria). Замечено было также несколько больших стад серых журавлей (Grus cinerea), которые высоко в облаках спешили прямо на юг и, по всему вероятию, в один мах пролетели через Северный Тибет. Из зверей, по скалам Номохун-гола, много куку-яманов (Pseudois nahoor), водятся также медведи (Ursus sp.) и аркары (Ovis hodgsoni?); но последние, как обыкновенно, избегают диких гор и держатся на южном, более мягком, склоне Бурхан-Будда.

---

[1] «Монголия и стран' тангутов», стр. 303—305 [в издании 1946 г. стр. 249—252].

Обходом по Номохун-голу мы сделали лишних 45 верст, но, по правде сказать, мало выгадали относительно удобства пути. Хотя мы и не переваливали через высокий хребет, все-таки путь по ущелью, нередко каменистому, да притом с частыми переправами с одного берега реки на другой, достаточно натрудил наших верблюдов. Не меньше досталась и лошадям, на беду которых у нас в это время имелось в запасе только две подковы из числа двадцати, купленных в Са-чжеу. Достать же подков в Цайдаме было негде, а запастись своими на все время путешествия невозможно. Притом китайские подковы—тонкие, хрупкие и без шипов—очень скоро портятся. При дальнем же пути, который нам теперь предстоял нередко по горам, некованные лошади легко могли захромать и сделаться совершенно негодными для верховой езды. Вот от каких, повидимому, пустяков зависят более или менее удобства, а иногда и самый успех путешествия.

Урочище Дынсы-обо. 18 сентября мы оставили позади себя хребет Бурхан-Будда и пришли в урочище Дынсы-обо, лежащее на абсолютной высоте 13 100 футов. Таким образом мы попали теперь на Тибетское плато, или, верней, на последнюю к нему ступень со стороны Цайдама. Характер местности и всей природы круто изменился. Мы вступали словно в иной мир, в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны хуланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы оронгó; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы áды. Не было конца удивлению и восторгу моих спутников, впервые[1] увидевших такое количество диких животных.

Появились также и новые птицы: тибетский больдурук (Syrrhaptes thibetanus) и земляные вьюрки (Pyrgilauda ruficollis, P. barbata n. sp.); кроме того, летало много вóронов (Corvus corax) и грифов (Gypaetus barbatus, Vultur cinereus, Gyps himalayensis), разыскивавших себе добычу.

Последней для них нашлось вдоволь на следующий же день, когда мы вшестером отправились на охоту и в короткий срок убили 13 зверей в том числе двух яков. Некоторые шкуры поступили в коллекцию; часть мяса была взята для еды, остальное брошено. Тут-то и начался пир волков, воронов и грифов. Мигом на убитом звере собиралась куча этих хищников, и в течение нескольких часов, уничтожалось даже большое животное, как, например, хулан.

Догадливый монгол. В помощь хищным птицам и зверям вслед за нами тихомолком приехал из Цайдама какой-то монгол, сообразивший по опыту прошлого моего путешествия, что мы набьем много зверей в окрестностях Дынсы-обо и рассчитывавший поживиться даровой добычей. На глаза к нам этот монгол не показывался, но, забравшись в горы, подобно грифу, следил за нашей охотой. Лишь только зверь был убит и, сняв с него шкуру или взяв часть мяса, мы отправлялись дальше, монгол тотчас являлся вместе с волками и грифами к добыче, резал мясо и таскал его в ближайшие ущелья, где прятал под большие камни; кроме того, брал бедряные кости, чтобы впоследствии полакомиться из них мозгом. В таком приятном занятии монгол провел целое утро совершенно incognito. Затем, наевшись вдоволь мяса, лег отдохнуть в ущелье непо-

---

[1] Кроме урядника Иринчинова, бывшего со мной в Северном Тибете зимой 1872—1873 года.

далеку от нашего стойбища. Случайно один из запоздавших на охоте казаков возвращался именно этим ущельем и неожиданно набрел на монгола. Предполагая, что это какой-нибудь вор, казак притащил до смерти перепугавшегося цайдамца к нашему стойбищу, где и разъяснилась вся суть дела.

Юрта взамен палатки. В Дынсы-обо мы впервые заменили свою палатку войлочной юртой, той самой, которая была куплена у князя Курлык-бэйсе. Правда, юрта эта оказалась весьма плохой, но мы ее починили и все время своего пребывания на плоскогорье Северного Тибета, т. е. в продолжение четырех месяцев, кое-как укрывались от бурь и холодов. Для казаков же достать юрты было невозможно, так что наши спутники провели осень и большую половину холодной зимы Тибета, словом, все время нашего здесь путешествия, в той же самой палатке, в которой укрывались от палящего солнца Хамийской пустыни. Впрочем, мы делились своей юртой со спутниками и в ней спали, кроме нас, препаратор, переводчик и двое казаков. Последние, однако, всегда предпочитали помещаться в своем обществе в палатке и по возможности уклонялись от приглашения ночевать в юрте.

Перемена абсолютной высоты и климата. Проведя двое суток в Дынсы-обо, мы направились прежним (1872—1873 годы) своим путем к горам Шуга, которые стояли недалеко впереди нас. Огромная абсолютная высота местности уже давала себя чувствовать одышкой, сердцебиением, скорой усталостью при ходьбе, в особенности быстрой или в гору, иногда головокруженьем, наконец, общим ослаблением сил. Конечно, все эти неблагоприятные проявления измененной деятельности организма сильней действовали вначале, пока не выработалась к ним привычка. К тому же и погода круто переменилась: начали перепадать бури, иногда со снегом или мелким градом[1]; сделалось холодно не только по ночам, но даже и днем. Неделю тому назад мы не знали, как укрыться от жаркого солнца Цайдама, теперь же по утрам приходилось надевать полушубки и теплые перчатки. Впрочем, лишь только стихал ветер, то при ясном солнце тотчас становилось тепло.

Хребет Шуга. Незаметно поднимаясь пологими долинами, мы достигли перевала через хребет Шуга. По барометрическому измерению этот перевал имеет 15 200 футов абсолютной высоты[2]. Спуск на противоположную сторону в долину р. Шуга несколько круче, но все-таки удобен для движения каравана.

Хребет Шуга, уже описанный в первом моем путешествии по Центральной Азии[3], тянется параллельно Бурхан-Будда и составляет в этом месте вторую, со стороны Цайдама, ограду высокого Северно-Тибетского

[1] Однажды во время метели слышны были удары грома. Град (величиной с кедровый орех), иногда падавший вместо снега, бил так сильно, что выделывал в глинистой почве частые и довольно глубокие ямки.

[2] По первому моему определению в 1873 году точкой кипения воды абсолютная высота того же перевала через хребет Шуга найдена в 15 500 футов.

[3] «Монголия и страна тангутов», стр. 305. К сожалению, в этом описании вкрались некоторые ошибки, неминуемые при расспросных сведениях. Так, хребет Шуга вовсе не упирается в равнины Цайдама, но, составляя вторую, параллельную Бурхан-Будда, ограду Северно-Тибетского плато, продолжается до среднего течения р. Шуга. Затем описываемый хребет, быть может, считается лишь границей Цайдама и Тибета, но не составляет такой же границы для Китая, так как ведению сининского амбаня подчинены тибетцы, живущие даже за хребтом Тан-ла, о чем будет говорено впоследствии.

плато. На восток описываемый хребет продолжается (по расспросным сведениям) до гор Урундуши; на западе же упирается в среднее течение р. Шуга, за которой являются новые, также параллельные наружной ограде, хребты.

От Бурхан-Будда хребет Шуга отличается тем, что, во-первых, в своей середине и на западной окраине имеет по нескольку снеговых вершин, а во-вторых, будучи расположенным на самом плато, развивает на обоих своих склонах менее дикие формы гор. Впрочем, близ гребня хребта Шуга, как уже сказано при первом его описании[1], громоздятся огромнейшие скалы известняка и эпидозита. Затем весь хребет, подобно Бурхан-Будда, крайне бесплоден.

Несмотря на раннюю осень, северный склон гор Шуга был покрыт снегом, который доходил почти до самого перевала. Такого снега мы не видали здесь даже в декабре и январе 1872—1873 годов. В нынешнем же году снег на горах Северно-Тибетского плато выпал рано, что, по приметам цайдамских монголов, предвещало суровую и снежную зиму. К счастью нашему, такое предсказанье исполнилось далеко не вполне.

При переходе через хребет Шуга я убил молодую яловую корову дикого яка. Мясо оказалось прекрасным и очень жирным, так что мы почти все забрали с собой. Шкура же, отлично вылинявшая, поступила в коллекцию. Но, чтобы не таскать эту шкуру понапрасну, мы закопали ее, вместе со шкурой убитого накануне хулана, в каменную осыпь на берегу р. Шуга, рассчитывая взять спрятанную кладь при обратном следовании из Тибета. Однако предположение это не сбылось, так как мы вышли впоследствии в Цайдам более западным путем. Шкуры же обоих зверей, как следует препарированные, до сих пор, вероятно, покоятся на том месте, где мы их положили.

Река Шуга-гол и ее долина. Выйдя на р. Шуга-гол, которая, получив начало в горах Урундуши[2], течет вдоль всей южной подошвы хребта Шуга, мы продолжали свое движение не прежним (1872—1873 годов) путем, к р. Мур-усу, при устье Напчитай-улан-мурени, но взяли направление более западное и двинулись сначала вниз по р. Шуга. Эта последняя, на пересечении ее старой нашей дорогой, течет на абсолютной высоте 13 700 футов, имеет сажен 6—8 ширины[3] и глубину около фута; дно и берега галечные. Верстах же в двадцати ниже галька заменяется песком и глиной; притом река делается вдвое шире и глубже.

Увеличению массы воды способствуют многочисленные ключи, рассеянные по долине обоих берегов среднего течения р. Шуга. Эти ключи образуют здесь довольно обширные болота, покрытые хорошей кормовой травой. Притом вся вообще долина имеет луговой характер и представляет собой лучшее место, какое приходилось нам видеть в Северном Тибете. Из трав здесь всего более растут; низкий (1 фут высотой) ковыль (Stipa sp.), а по ключам водяная сосенка (Hippuris sp.), затем нередки—касатик (Iris sp.), астрагал (Astragalus sp.), колосник (Elymus sp.), чеснок (Allium sp.), ломонос (Clematis orientalis?), ревень (Rheum spiciforme), [кермек]—Statice и небольшими кустиками какое-то бобовое; на солончаковых местах встречаются бударгана (Kalidium) и Reaumuria. Из

---

[1] «Монголия и страна тангутов», стр. 305 [в издании 1946 г. стр. 251].

[2] По расспросным сведениям ([85]).

[3] Между тем, зимой 1872/73 гг. р. Шуга имела, по накипям льда, около 40 сажен ширины. См. «Монголия и страна тангутов», стр. 305.

кустарников же кое-где попадаются: низкорослая ($^1/_2$ фута высоты) облепиха (Hyppophäe)[1], сабельник (Comarum) и даже (на $13^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты) невзрачный, ползучий по земле хармык (Nitraria Schoberi). Все эти растения во время нашего прохода давно уже окончили свою летнюю жизнь, и травы стояли совершенно пожелтевшими; только кое-где на ключевых болотах можно было еще встретить зеленеющие площадки.

Окрайние горы. Долина среднего течения р. Шуга имеет 6—8 верст ширины. Окрайние горы правого берега, т. е. хребет Шуга, тянутся параллельно реке и, близ ее поворота на северо-запад к Цайдаму, несколькими вершинами достигают пределов вечного снега. Но соединяется ли здесь хребет Шуга с западным продолжением Бурхан-Будда, т. е. с хребтом Толай, или, протягиваясь самостоятельно к западу, переходит на левую сторону описываемой реки под названием гор Гурбугундзуга—утвердительно сказать нельзя. Сколько кажется, первое предположение будет вернее, нежели последнее.

На левой стороне долины той же р. Шуга тянется сначала невысокий луговой и довольно плодородный хребет, который все крупнеет по мере удаления к западу и, наконец, от перевала Чюм-чюм вздымается в вечноснеговую громаду, названную мной хребтом Марко Поло. О нем речь будет впереди. Теперь же упомяну кстати, что р. Шуга, повернув на северо-запад, прорывает всю горную окраину к Цайдаму и, пробежав еще довольно далеко, на север по солончаковым равнинам, впадает, как нам сообщали, в соленое озеро ([86]).

Баснословное обилие травоядных зверей. Хорошие пастбища по долине среднего течения р. Шуга привлекают сюда массу травоядных зверей. По нашему пути вдоль реки беспрестанно встречались хуланы, яки и антилопы. С удивлением и любопытством смотрели доверчивые животные на караван, почти не пугаясь его. Табуны хуланов отходили только немного в сторону и, повернувшись всей кучей, пропускали нас мимо себя, а иногда даже некоторое время следовали сзади верблюдов. Антилопы оронго́ и а́да спокойно паслись и резвились по сторонам; или перебегали дорогу перед нашими верховыми лошадьми; лежавшие же после покормки дикие яки даже не трудились вставать, если караван проходил мимо них на расстоянии $^1/_4$ версты. Казалось, что мы попали в первобытный рай, где человек и животные еще не знали зла и греха...

Рисунок, набросанный на месте В. И. Роборовским и помещенный в настоящей книге, наглядно представляет все обилие животной жизни, встреченное нами в долине р. Шуга. Подобную картину с небольшими вариациями можно приурочить и к другим пастбищным местам Северного Тибета. Лишь только вырастет на них трава, тотчас являются стада травоядных зверей, которые живут здесь до тех пор, пока съедят весь корм; затем отправляются на другое пастбище и, таким образом, кочуя с места на место, прокармливаются круглый год.

В окрайних горах долины левого берега р. Шуга звери водятся также в большом числе, в особенности куку-яманы (Pseudois nahoor), нередки

---

[1] В укрытых ущельях, близ входа р. Шуга в окрайние к Цайдаму горы, облепиха изредка встречается (на абсолютной высоте около 13 тысяч футов) деревцом в три фута высотой.

и аркары (Ovis hodgsoni?); из птиц изобильны улары (Megaloperdix thibetanus).

На правом берегу той же реки хребет Шуга в этой своей части еще более бесплоден; тем не менее, по словам цайдамцев, здесь, как и во всем названном хребте, да, вероятно, и в других ему соседних, встречаются, хотя изредка, маралы (Cervus sp.), которые, быть может, заходят сюда из лесистых гор на верховьях Желтой реки.

Птицы и рыбы. Из птиц на ключевых болотах р. Шуга мы встретили пролетных журавлей (Grus nigricollis, G. virgo), турпанов и несколько черных аистов (Ciconia nigra). Из местных же пернатых здесь держались большие тибетские жаворонки (Melanocorypha maxima),

Животная жизнь в Северном Тибете (долина р. Шуга)

а на сухих лугах—Pyrgilauda ruficollis, Otocoris albigula (?) и Podoces humilis [рыжешейный вьюрок, рогатый жаворонок, саксаульная сойка].

В самых ключах и в особенности в глубоких ручьях, местами ими образуемых, водилось очень много рыб, но только двух видов—Schizopygopsis n. sp. и Nemachilus n. sp. [голец]. Первая из них достигала величины от $1^1/_2$ до $1^3/_4$ фута, самые же крупные экземпляры последней лишь немного превосходили 7 дюймов.

Наша охота. Мирная картина животной жизни, встреченная нами в долине р. Шуга, нарушилась вскоре по нашем туда прибытии. Сделав двойной переход вниз по реке, мы выбрали удобное место и остались здесь дневать с исключительной целью добыть шкур для коллекций; излишняя бойня, ради одной охотничьей потехи, не дозволялась. Да притом, откровенно говоря, при подобном обилии и непугливости диких животных, охота за ними теряет свой интерес и очень скоро надоедает даже страстному охотнику. Я сам испытал это в Северном Тибете. Здесь только сначала заришься на зверей, а потом, убивши десяток-другой, делаешься почти совершенно равнодушным, в особенности к хуланам и антилопам; дикие яки еще прельщают отчасти тем, что зверь этот иногда

бросается на охотника, следовательно, здесь является интерес борьбы. Но охота за более редкими животными, как, например, аркарами и медведями, попрежнему, сохраняет всю свою заманчивость.

В продолжение не более как трех часов, посвященных охоте утром нашей дневки, мы вчетвером убили 15 зверей, а именно: 4 оронго, 3 хулана и 8 куку-яманов. Последних всех до одного пришлось убить мне, притом в продолжение нескольких минут и не сходя с одного и того же места. Случай этот был один из самых удачных во всей моей долголетней и многоразличной охотничьей практике. Расскажу о нем подробно.

В ночь на 26 сентября, т. е. накануне нашей дневки в долине среднего течения р. Шуга, выпал небольшой снег, совершенно, впрочем, покрывший землю белой пеленой. Подобное обстоятельство явилось бы весьма важной подмогой при охоте в наших странах, так как «по пороше» удобно выследить зверя; но в Тибете, где все иначе, чем у нас, выпавший снег служил большой помехой, именно потому, что при ясном солнце блестел нестерпимо. Выслеживать же зверей здесь нет никакой надобности, так как обыкновенно с самого бивуака видишь целые стада желаемой добычи.

Обождав часов до 8 утра—спешить раньше было не к чему—мы вчетвером отправились на охоту. Трое—Ф. Л. Эклон, Егоров и Иринчинов пошли в степь за хуланами и антилопами, я же побрел в горы, стоявшие верстах в четырех от нас на левом берегу долины р. Шуга. Встречавшихся по пути зверей не стрелял, так как шел специально за аркарами и куку-яманами; притом нужно было познакомиться с характером гор. Когда я пришел туда, солнце поднялось уже достаточно высоко, и блеск снега, в особенности на горных склонах, был до того силен, что почти совсем не давал возможности смотреть вдаль. Притом этот самый снег сделал весьма скользкими и неудобными для ходьбы крутые скаты гор. При таких условиях трудно было надеяться на удачную охоту, так что, побродив немного, я хотел было уже повернуть назад, как вдруг заметил на вершине одной из скал куку-ямана. Загорелась охотничья страсть, нипочем стали снег и скользота—я и полез опять в горы по направлению замеченного зверя. Подкравшись из-за противоположной скалы и осторожно выглянув оттуда, я увидел куку-ямана, все еще стоявшего на той же самой скале. Раздался выстрел—и зверь кубарем полетел в ущелье. Насколько было возможно, поспешно прошел я разделявшее нас пространство и, поднявшись на скалу, заглянул вниз, чтобы заметить упавшую добычу... как вдруг увидел под самыми своими ногами, не далее полусотни шагов, большое (голов в сорок или пятьдесят) стадо куку-яманов, которые спокойно стояли кучею на обрыве скалы. Потемнело у меня в глазах от подобной неожиданности... Несколько мгновений не мог я опомниться... Затем, придя в себя, выбрал крупного самца и убил его из берданки наповал. После выстрела куку-яманы, не зная в чем дело, только столпились еще плотнее. Второй выстрел уложил второго самца, который кувырком покатился вниз на дно ущелья. Ошеломленное стадо сделало несколько прыжков и опять остановилось. Я послал третью, четвертую и пятую пули... После каждого выстрела куку-яманы, все еще не замечая меня вверху, только прыгали почти на одном месте. Наконец звери бросились вдоль скалы на другой отворот ущелья. С моей вершины это ущелье также было под ногами—стоило только подвинуться влево на несколько шагов. Так я и сделал. Опять полетели пули в окончательно обезумевших от страха куку-яманов, которые, наконец, пустились врассыпную куда попало, а главною кучею перебежали на другую сторону следующего большого

ущелья. Сюда я послал в зверей еще восемь пуль, на расстоянии 400 шагов, но безуспешно. Затем, выстрелив последним 21-м патроном, я положил свою берданку (ствол которой от стрельбы сильно нагрелся) на той скале, с которой стрелял, а сам спустился по крутому скату вниз и начал считать добычу. Всего в эту минуту я заметил шесть убитых куку-яманов, то свалившихся на дно ущелья, то оставшихся в различных положениях на выступах скал; раненые, конечно, ушли.

Не мешкая, отправился я к своему бивуаку, откуда с тремя казаками и В. И. Роборовским поехал опять в горы снимать шкуры с убитых зверей. Кроме шести экземпляров, мною первоначально виденных, казаки отыскали еще двух. Когда всех этих куку-яманов стащили в одно место, глазам не верилось, чтобы то была добыча минутной охоты—чисто как на бойне ([87]).

Часть мяса, весьма жирного, мы взяли с собою, а пять лучших шкур поступили в коллекцию; кроме того, туда попали еще четыре шкуры от зверей, убитых в то же утро другими нашими охотниками. Весь следующий день был посвящен окончательной обделке этих шкур, чем занялись Ф. Л. Эклон, препаратор Коломейцев и двое казаков.

Я же писал свой дневник и специальные по части зоологии заметки, следуя неизменному правилу записывать все виденное и наблюдавшееся на свежую память, под свежим впечатлением. Аккуратное соблюдение, или, лучше сказать, усвоение такой привычки безусловно необходимо для каждого путешественника. Полагаться на память невозможно, так как она, по словам Дарвина, «делается неверным стражем, когда один интересный предмет, ей вверенный, быстро сменяется другим, еще более интересным»[1].

Оригинальная долина. Спустившись вниз по р. Шуга до начала ее прорыва через горную окраину к Цайдаму, мы прошли еще верст десять в прежнем западном направлении по узкой долине, которая залегла между хребтами Гурбу-гундзуга и Гурбу-найджи с одной стороны и хребтом Марко Поло с другой. Долина эта, совершенно бесплодная, замечательна тем, что, имея только около пяти верст ширины, а местами и того менее, тянется на протяжении более ста верст, в прямом западном направлении, словно исполинская дорога между двумя громадными хребтами гор. Сначала, от р. Шуга, эта промежуточная равнина значительно повышается, а затем начинает полого склоняться к западу и, наконец, продолжается далее почти горизонтально, при абсолютной высоте около 14 000 футов. С обоих концов описываемой равнины ведут перевалы на юг через хребет Марко Поло, у восточной и западной окраин его главной вечноснеговой массы. Мы прошли теперь восточным перевалом, называемым Чюм-чюм; западным же, который носит имя Ангырдакчин, возвращались из Тибета.

Перевал Чюм-чюм. Подъем на перевал Чюм-чюм, несмотря на то, что его абсолютная высота 16 300 футов, весьма пологий и удобный. Сами горы хотя и высоки, но в общем несут мягкий характер и, ближе к наружной северной окраине, довольно обильны мелкою травою, на которой пасутся яки, хуланы и аркары. Много здесь также зайцев и тарабаганов; норы последних восходят почти до самого перевала; попадаются и медведи, которые охотятся за бесчисленными пищухами. Верхний пояс

---

[1] Кажется, в «Путешествии вокруг света на корабле «Бигль», под рукою нет этой книги.

тех же гор состоит из россыпей светлозеленого глинистого сланца; скал почти вовсе нет.

Южный склон перевала Чюм-чюм весьма короткий и еще более пологий; местность спадает всего на какую-нибудь тысячу футов. Здесь мы попали на высокое Северно-Тибетское плато и во все время дальнейшего пути по Тибету ни разу не спускались ниже 14 000 футов над уровнем моря; обыкновенно же находились на еще большей высоте.

Но неприветливо встретило нас могучее нагорье! Как теперь, помню я пронизывающую до костей бурю с запада и грозные снеговые тучи, низко висевшие над обширным горизонтом, расстилавшимся с перевала Чюм-чюм; как теперь, вижу плаксивую физиономию нашего проводника, бормотавшего, стоя рядом со мною, молитвы и сулившего нам всякие беды. Кто знает, думалось мне тогда, что ожидает нас впереди: лавровый ли венок успеха, или гибель в борьбе с дикою природою и враждебными людьми....

Трудное положение. Мрачные предзнаменования не замедлили явиться. После небольшого перехода от перевала Чюм-чюм проводник наш объяснил, что дальше он плохо знает дорогу, так как ходил по ней пятнадцать лет тому назад. «Худо впереди будет, все мы погибнем, лучше теперь назад вернуться», —не переставал твердить монгол, конечно, получивший, при отправлении с нами, различные внушения от князя Дзун-засака. Но так как тот же монгол многократно уверял нас до сих пор, что отлично знает путь в Лхасу, то, подозревая обман, я приказал наказать проводника. Кроме того, к нему приставлен был караул для предупреждения возможного бегства и вновь подтверждено, что если он вздумает умышленно завести нас куда-нибудь, то будет расстрелян. От страха монгол совсем потерял голову, да притом, кажется, и действительно не знал местности, так что следующий, правда, небольшой, переход мы сделали наугад и вышли на какую-то речку, которая, по соображениям, должна была впадать в Напчитай-улан-мурень [Чумар]— приток Мур-усу. Следуя вниз по незнакомой речке, мы встретили следы прошлогодней ночевки каравана на верблюдах. Последнее обстоятельство несомненно указывало, что то была партия богомольцев, так как торговые караваны ходят через Северный Тибет только на вьючных яках. Богомольцы, конечно, шли в Лхасу или возвращались оттуда, следовательно, мы не сбились с настоящего пути.

Снег и морозы. Но тут пришла новая беда. Снег, падавший каждый день с последних чисел сентября, но в малом количестве и обыкновенно тотчас растаивавший на солнце, в ночь на 3 октября выпал на 1/3 фута, а на следующий день подбавил вдвое более; притом мороз стал в 9°. Наши караванные животные почти совсем не могли отыскать себе корма, так что голодные верблюды съели друг на друге несколько вьючных седел, набитых соломою[1]. Лошадям же дано было по две пригоршни ячменя, который необходимо было беречь, как драгоценность. Весь аргал покрыло снегом, так что трудно было его отыскать, да притом, отсыревши, он горел крайне плохо. Приходилось сидеть или в дыму, или в холодной юрте без огня; с великим трудом сварили чай и мясо для еды. Итти вперед нечего было думать, в особенности с нашим проводником, так что целых двое суток мы провели на одном месте в ожидании лучшей погоды. На третий день немного разъяснило, но лишь только мы двину-

[1] Впоследствии мы заменили эту солому волосами диких яков.

Антилопа оронго́

лись вперед, как снова поднялась метель—и мы принуждены были остановиться, сделав восемь верст от прежнего своего бивуака. По счастию, новое место оказалось обильнее травою, так что мы, по крайней мере, перестали сильно тревожиться за участь своих караванных животных. Тем не менее, положение наше становилось весьма серьезным. Выпавший снег не таял, а ночной мороз вдруг хватил на 23°. Трудно было надеяться, что все это скоро кончится, наоборот, следовало ожидать еще худшего в будущем, тем более, что ежедневно мимо нашего стойбища проходили большие стада зверей, в особенности яков, которые направлялись на юго-восток в более низкую и теплую долину Мур-усу. «Звери предчувствуют тяжелую зиму и уходят отсюда»,—говорил наш проводник. «Худо нам будет, погибнем мы»,—твердил он, вместо того чтобы посоветовать что-либо в данном случае. Впрочем, он попрежнему постоянно давал один совет—возвратиться в Цайдам, но об этом я не хотел и слышать. «Что будет, то будет, а мы пойдем далее»,—говорил я своим спутникам и, к величайшей их чести, все, как один человек, рвались вперед. С такими товарищами можно было сделать многое!

Совсем иное изображал из себя наш монгол-проводник. От страха за свою будущую участь и от холода он сделался чуть живым—целый день не выходил из палатки, не переставая бормотать молитвы, охал и ныл. Немудрено, что подобные люди десятками гибнут в караванах богомольцев, следующих через Северный Тибет в Лхасу или возвращающихся оттуда обратно.

Еще двое суток провели мы в невольной стоянке на одном и том же месте, ожидая лучшей погоды; но морозы не прекращались и снег не таял. Между тем, наши верблюды и лошади стали видимо худеть от бескормицы. Нужно было двигаться вперед, хотя наугад, так как теперь невозможно было рассчитывать на занесенные снегом старые пастбища караванов и на кой-какие другие признаки истинного пути. Сначала, соблазняясь примером зверей, продолжавших попрежнему итти к юго-востоку, я хотел направиться туда же, выйти на устье р. Напчитай-улан-мурени, где мы были в 1873 году, и отсюда следовать вверх по р. Мур-усу; но так как этим окружным путем пришлось бы сделать лишнюю сотню верст и, быть может, ничего не выиграть относительно удобства движения, то мы направились попрежнему на юго-запад к горам Куку-шили, которые длинным белым валом виднелись на горизонте впереди нас.

Глазная болезнь. День был ясный, и снег блестел нестерпимо. От этого блеска сразу заболели глаза не только у всех нас, но даже у верблюдов и нескольких баранов, которых мы гнали с собою из Цайдама. Один из этих баранов вскоре совершенно ослеп, так что мы принуждены были его зарезать без нужды в мясе. Воспаленные глаза верблюдов пришлось промывать крепким настоем чая и спринцовать свинцовою примочкою. Те же лекарства служили и для нас. Синие очки, которые я надел, мало помогали, так как отраженный снегом свет попадал в глаза с боков; необходимы были очки с боковыми сетками, но их не имелось. Казаки, вместо очков, завязали свои глаза синими тряпками, а монгол прядью волос из черного хвоста дикого яка. Последний способ, употребляемый монголами и тангутами, весьма практичен, хотя, конечно, необходима привычка к подобной волосяной повязке.

Равнина по реке Напчитай-улан-мурени. Та холмистая равнина, по которой от перевала Чюм-чюм мы шли до сих пор и продолжали итти далее, залегла между двумя параллельными горными

хребтами—Марко Поло на севере, Куку-шили на юге—и представляла собою общий тип высоких долин Северного Тибета. При средней абсолютной высоте от 14 000 до 15 000 футов описываемая равнина широкою гладью уходила к западу за горизонт; восточная же ее часть, всхолмленная небольшими, в беспорядке насыпанными горами, примыкала к тому высокому плато, которое мы проходили зимою 1872—1873 годов между реками Уян-харза и Напчитай-улан-мурень[1]. Первая из них берет здесь свое начало; последняя вытекает, по всему вероятию, из крайней западной части хребта Марко Поло, или, быть может, из более западных его продолжений. Пробегая сначала в диагональном направлении, а потом вдоль северной подошвы Куку-шили, р. Напчитай-улан-мурень, в том месте, где мы теперь ее перешли, разделялась на два рукава, из которых каждый имел 8—10 сажен ширины, при глубине около двух футов. Летом, в период дождей, эта река, как и все другие реки Северного Тибета, сильно разливается, о чем можно судить по наносной на берегах гальке.

Почва описываемой высокой равнины глинистая и галечная, изредка песчаная, вообще весьма бесплодная. Только на лучших местах, каковыми являются берега Напчитай-улан-мурени да отдельные песчаные площади, растут врассыпную маленькими кустиками два-три вида злаков, между которыми изредка встречается бобовое, или сложноцветное растеньице. В остальных частях долины глинистая почва то совершенно оголена, то покрыта, словно красными коврами, небольшими кучами ползучих кустиков Reaumuria или желтовато-серыми пятнами Thylacospermum.

Но характерную черту восточной холмистой части все той же равнины, как и других подобных ей междугорных долин Северного Тибета, составляет обилие воды, являющейся то в виде маленьких озерков или ключей, то в виде речек, текущих с окрестных хребтов.

Утешительные предзнаменования. Небольшими переходами в три дня добрались мы до гор Куку-шили. В равнине Напчитай-улан-мурени, по которой теперь переходили, лежал везде снег глубиною в $^1/_4$ или $^1/_3$ фута; на горах же, даже небольших, этот снег был вдвое глубже. Погода стояла ясная, по ночам морозы переходили за 20°; но днем, когда стихал ветер, солнце грело довольно сильно, так что во время движения с караваном, переду тела, обращенному к югу, нередко было жарко, тогда как спине в это же время чувствовался холод.

От действия солнечных лучей кое-где начали показываться проталины. Были, кроме того, и другие утешительные предзнаменования, что вдруг выпавший снег и наступившие холода составляли явление исключительное и ненормальное для этих стран в столь раннюю еще пору года. Так, на одной из проталин мы поймали с десяток маленьких ящериц (Phrynocephalus sp.); медведи, несмотря на холод, не ложились в зимнюю спячку; наконец, встречались еще и пролетные птицы: турпаны, горные гуси (Anser indicus), даже песочники (Tringa temminckii?) и горихвостки (Ruticilla erythrogastra). Бедствовали они так же, как и мы. Несомненно, в это время в Северном Тибете погибло много пролетных пернатых.

Дурное топливо. Но донимали нас не столько холода, сколько трудность непривычным верблюдам добывать себе корм из-под снега, хотя и мелкого; затем невыносимый блеск этого самого снега, все сильнее портивший наши глаза; наконец, неимение для топлива хорошего, сухого аргала. Последний с каждым днем более сырел, так

[1] «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 307—308 [в издании 1946 г. стр. 252].

что нужны были долгие и необычайные усилия для разведения огня, в особенности при разреженном, и следовательно, бедном кислородом воздухе этой высоты. Часа по два обыкновенно возились мы с кипячением воды на чай, а для сварения мяса к обеду требовалось чуть не полдня времени. Для того же, чтобы хотя немного посидеть вечером без сильного дыма, но при огне в юрте, мы собирали сухие стволики Reaumuria, более похожие на ломаные баранки, чем на материал для топлива, и этими «дровами» согревали и освещали себя в течение какого-нибудь получаса.

Хребет Куку-шили. Хребет Куку-шили, в северной окраине которого мы остановились, перейдя равнину Напчитай-улан-мурени, составляет западное продолжение гор Баян-хара-ула и получает свое название[1] с низовьев названной реки. Отсюда он тянется, как нам сообщали, верст на 600, все в прямом западном направлении. Общий характер гор в их восточной, исследованной нами, части тот же, который свойствен и многим другим хребтам, расположенным внутри Северно-Тибетского плато. При огромной абсолютной высоте, превосходящей 16 000 футов, Куку-шили поднимается лишь от 1 000 до 2 000 футов над равнинами своей северной и южной подошвы. Гребень описываемого хребта ровный; отдельные вершины над ним почти не выдаются и не проходят за снеговую линию. Сами горы все куполообразные; скаты большею частью пологие, луговые, или реже—оголенные, глинистые; скал нет вовсе, только кое-где небольшие россыпи темносерого глинистого сланца и (в верхнем поясе) мелкозернистого серого гнейса. Растительность, как и следует ожидать, вообще бедная, хотя летом, по всему вероятию, довольно разнообразная. Кое-где и зимой мы встречали здесь иссохшие альпийские формы растений, каковы: Saussurea, Werneria, Anaphalis, Allium; в укрытых уже ущельях попадались даже крапива и мелкая полынь.

Но характерную принадлежность относительно флоры как гор Куку-шили, так и всех почти других хребтов Северно-Тибетского плато составляет тибетская осока (Kobresia thibetica n. sp.), растущая преимущественно на северных склонах гор[2] или в высоких долинах и образующая здесь обширные кочковатые болота, называемые монголами мото-ширик. Об этих болотах уже было дважды упомянуто в предыдущей главе; теперь скажу только, что своим происхождением они обязаны бурям и дождям. Последние доставляют в Северном Тибете летом в изобилии воду, которая застаивается на глинистой почве, поросшей названным растением, и способствует к его дальнейшему развитию. Затем сухою осенью вода эта испаряется, и зимние и весенние бури окончательно высушивают и выдувают слой почвы, не скрепленный корнями осоки. Так, из года в год оригинальные болота поддерживаются в своем существовании, а частью и вновь образуются. Они служат любимыми пастбищами диких яков, которых много мы встретили в горах Куку-шили.

Кроме того, здесь водятся аркары (Ovis hodgsoni?), много тарабаганов (Arctomys sp.) и зайцев (Lepus sp.). Луговые северные горные склоны изрыты бесчисленными норами пищух (Lagomys ladacensis?), за которыми охотятся кярсы (Canis ekloni n. sp.), волки (Canis chanko) и медведи (Ursus lagomyiarius n. sp.). В тех же норах живут земляные вьюрки

---

[1] Означающее в переводе «Голубой хребтик» [вернее: Синяя плоская возвышенность, или Синее нагорье, плоскогорье].

[2] На Тан-ла и далее к югу эта осока растет и на южных горных склонах.

(Pyrgilauda ruficollis, P. barbata n. sp.) и [саксаульные сойки]—Podoces humilis; по мото-ширикам изобильны большие тибетские жаворонки (Melancorypha maxima); на россыпях нередки улары (Megaloperdix thibetanus).

Новооткрытый медведь. Из всех этих зверей и птиц драгоценною для нас добычею был новый вид медведя, которого, как уже сказано в девятой главе, можно назвать Ursus lagomyiarius, т. е. медведь-пищухоед. Впрочем, для описываемого зверя годится название и Ursus hypernephes (медведь заоблачный), так как он обитает на плоскогорьях не ниже 14 000 футов абсолютной высоты ([88]). По величине новооткрытый медведь—с нашего обыкновенного (Ursus arctos); отличается

Тибетский медведь

от него, главным образом, качеством меха и цветорасположением. У самца задняя половина туловища темнобурая, с чалого цвета налетом[1], более резким на боках. Передние пахи рыжеватые, холка почти черная. Грудь рыжевато-белая, от нее через плечи на загривок, наполовину обхватывая с передней стороны холку, проходит широкая белая полоса. Голова светлорыжая, морда еще светлее, подбородок бурый, уши темнобурые. Верхняя часть и бока шеи почти одноцветны с боками туловища, горло одноцветно с грудью. Ноги почти черные, когти белые. Окраска медведицы гораздо светлее, так как концы волос на ее туловище имеют более длинные почти белые концы. Шерсть у самца, а еще более у самки, мягкая и густая, длиною до 4 дюймов; мех вообще превосходный. Общая длина добытого самца 6 футов 5 дюймов, высота у загривка 3 фута 7 дюймов; медведица имеет 5 футов 6 дюймов длины и почти 3 фута высоты.

Описываемый медведь обитает на всем пройденном нами плоскогорье Северного Тибета и, вероятно, распространяется отсюда далеко по тому же плоскогорью к западу. Быть может, вид этот живет также в Нань-

[1] Каждый отдельный волосок черноватый с алым концом.

шане и на верховьях Желтой реки[1]. В Северном Тибете, где местность совершенно безлесна, новооткрытый медведь избирает своим местопребыванием горные хребты, то дикие и труднодоступные, как, например, Бурхан-Будда, Шуга и др., то более мягкие и невысокие, каковы многие горные группы, расположенные на самом плоскогорье. В особенности много медведей за Тан-ла, где, как сообщали нам туземцы, летом звери эти иногда ходят по десятку экземпляров вместе, а в зимнюю спячку залегают целыми обществами.

Никогда не преследуемый человеком, тибетский медведь мало осторожен и притом, как все вообще животные и люди Центральной Азии, весьма труслив по своему характеру. Впрочем, тибетцы рассказывали

Медведь и кярсы на ловле пищух

нам с ужасом об этом звере, который, по их словам, весною, после зимней спячки, когда, следовательно, голоден, нападает даже на людей.

Обыденную пищу описываемого медведя составляют некоторые альпийские травы, вероятно иногда и звери, которых удается захватить врасплох, но всего более пищухи (Lagomys ladacensis?); последних мишка выкапывает из нор. Любопытно, что при подобных копаниях медведя нередко сопровождают кярсы (Canis ekloni), которые поживляются от трудов неповоротливого зверя и ранее его успевают хватать выскакивающих из нор пищух. Подобную картину мы сами видели в горах на верховьях р. Уян-харза: медведь весьма усердно раскапывал на скате горы пищуховы норы, а четыре кярсы хватали зверьков, выбегавших наружу. Медведь видел это, сердился, даже бросался на вертлявых кярс, но не мог отвязаться от их назойливости; по мере того как зверь переходил на другое место, кярсы следовали за ним.

Медведи, живущие в местностях Северного Тибета, ближних к Цайдаму, спускаются в августе на тамошние солончаковые равнины, и, как

[1] В Нань-шане и на Желтой реке мы только видели, но не добыли медведя.

уже было говорено в восьмой главе, проводят здесь два осенних месяца, питаясь ягодами хармыка. Интересно, каким образом медведи проведали про эти ягоды и как аккуратно знают время их созревания.

К зиме новооткрытый медведь, подобно нашему, сильно жиреет; в спячку ложится в начале ноября; встает в феврале. Логовищем выбирает пещеры, или навесы под скалами, обыкновенно обращенные к югу. Если грунт не слишком твердый, то выкапывает для себя небольшое углубление, в которое настилает корешков травы. Спит не крепко и в тихие ясные дни вылезает погреться на солнце.

Изгнание проводника. В горах Куку-шили нас ожидали еще бо́льшие, чем до сих пор, невзгоды. Забрались мы в окраину этих гор, но не знали, где их переваливать. Сплошной снег покрывал северный склон хребта и маскировал всякие приметы (следы тропинок, верблюжий помет, прежние ночевки караванов), по которым можно было бы хотя сколько-нибудь ориентироваться.

Проводник послан был на поиски перевала, но, как оказалось впоследствии, повел нас наугад трудным ущельем, по которому верблюды едва-едва взобрались на гребень Куку-шили. Здесь, к великому огорчению, мы увидели впереди себя лишь неширокую болотисто-кочковатую долину, а за нею опять сплошные горы.

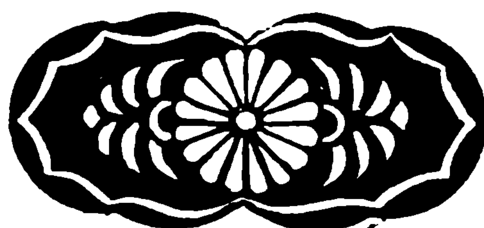
Серьезно допрошенный вожак объяснил, божившись всеми богами, что с пути мы не сбились, что он узнал теперь местность и что нам нужно будет только немного пройти встреченною долиною для окончательного выхода из гор. Сомнительными казались подобные рассказы, но поневоле им нужно было, хотя отчасти, верить. Назавтра мы пошли, по указанию того же проводника, вдоль упомянутой долины, где пришлось следовать то по кочковатым болотам, то, для избежания их, беспрестанно подниматься и спускаться по боковым горным скатам. Верблюды и лошади спотыкались, падали и черепашьим шагом ползли четырнадцать верст по этой мучительной для них местности. Затем долина вновь замкнулась горами. Монгол же стал уверять, что он «немного» ошибся и что необходимо вернуться ко вчерашнему стойбищу, а оттуда поискать выхода из гор в другом месте.

Тогда я решил окончательно прогнать никуда не годного вожака, который своими обманами уже немало наделал нам хлопот. Монголу дано было немного продовольствия и приказано убираться, куда знает. Сами же мы решили итти вперед, разъездами отыскивая путь. Правда, подобное решение представляло в перспективе много риска и трудов, но иного исхода, при данных обстоятельствах, не было. Все равно — не знающий пути вожак нас только бы обманывал и еще бог знает куда завел, затем, при встрече с тибетцами, несомненно, оклеветал бы. Теперь же, уповая лишь на самих себя, мы поневоле должны были осторожно ориентироваться в пути, и если могли ошибаться, то, по крайней мере, неумышленно.

Нельзя утвердительно сказать, нарочно ли, или по действительному незнанию пути завел нас проводник в трудную местность гор Куку-шили. Всего вернее, что плохой вожак—когда, наверное, имелись в Цайдаме десятки людей, отлично знающих путь в Лхасу,—послан был с нами для того, чтобы вести нас кое-как, изморить наших верблюдов и через то принудить возвратиться в Цайдам. Дать знающего вожака, но который действовал бы в том же направлении умышленно, Дзун-засак опасался, во-первых, потому, что не мог рассчитывать на бескорыстие своих под-

данных, а во-вторых, знал из моих слов, что в случае, если проводник заведет нас в Тибете куда-либо с дурным умыслом, то будет расстрелян. Плохой же вожак поневоле не мог покривить душою относительно подкупа с нашей стороны и был гарантирован, по крайней мере, от расстрела, так как, в сущности, являлся только «козлом отпущения». Сам же Дзун-засак оставался правым перед китайцами даже в том случае, если бы мы и с дурным вожаком пробрались через Северный Тибет. Но весьма вероятно также, что и плохой наш вожак, при своем отправлении, получил от князя внушение обманывать нас при всяком удобном случае, только не слишком мог пользоваться подобным советом, так как с первого же дня своей миссии понял, что с ним особенно церемониться и шутить не станут.

Как бы то ни было, но положение наше в это время оказалось весьма трудным. Прискорбно было даже подумать, что от какого-нибудь негодяя, не стоящего доброго слова, зависел довольно много успех славного дела, для которого уже было понесено столько трудов и лишений. Но, видно, такова участь всех моих путешествий в Центральной Азии, что судьба каждого из них не один раз должна была висеть на волоске...

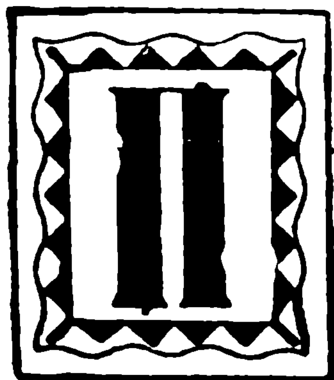
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НАШ ПУТЬ ПО СЕВЕРНОМУ ТИБЕТУ

(Продолжение)

[*11/23 октября—15/27 ноября 1879 г.*]

План дальнейшего движения.—Выход из гор Куку-шили.—Опять равнина.—Хребет Думбуре.—Разъезды для отыскания пути.—Горы Цаган-обо.—Следы прежних кочевок.—Верхнее течение Голубой реки.—Охота на диких яков.—Кратковременная дорога.—Трудности пути.—Река Токтонай-улан-муренъ.—Затруднительность летнего движения через Северный Тибет.—Неожиданная услуга.—Переход через р. Мур-усу.—Плато и хребет Тан-ла.—Ёграи и голыки.—Наш подъем на Тан-ла.—Нападение ёграев.—Горячие минеральные ключи.—Спуск с Тан-ла.—Новое повышение местности.—Тревожные вести.—Встреча тибетских чиновников.—Необходимость остановки.

рогнав от себя монгола, мы остались без проводника в пустыне Северного Тибета. На сотни верст вокруг нас расстилались необитаемые людьми местности — нечего, следовательно, было и думать о том, чтобы добыть нового проводника. Пришлось опять прибегнуть к разъездам как к единственному средству, которым можно было кое-что узнать про путь впереди и избавиться от напрасных хождений со всем караваном по неудобным местам.

Размыслив хорошенько, я решил прежде всего итти прямо на юг, чтобы попасть на р. Мур-усу, вверх по которой, как то было узнано еще в 1873 году[1], направляется в Лхасу караванная дорога монгольских богомольцев. По этой дороге мы рассчитывали, ориентируясь кой-какими приметами, более или менее правильно держать свой дальнейший путь.

Выход из гор Куку-шили. Но прежде всего необходимо было выбраться из гор Куку-шили, в которые завел нас прогнанный вожак. К общей радости, беда эта разрешилась скоро и удачно. На следующий же день мы угадали направиться одним из поперечных ущелий хребта и без всякого труда вышли в его южную окраину. Здесь перед нами раскинулась широкая равнина, за которою стояли новые горы.

---

[1] «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 337 [в издании 1946 г. стр. 254].

Как оказалось впоследствии, то был хребет Думбуре[1]. Через него должен был лежать наш дальнейший путь, направление которого теперь нужно было угадать; поэтому двое казаков посланы были в разъезд на один переход вперед. Сами же мы остались дневать, во-первых, для того, чтобы дождаться результатов разъезда, во-вторых, чтобы познакомиться с характером южного склона гор Куку-шили, и, наконец, чтобы просушить звериные шкуры, собранные за последнее время для коллекции. Погода тому благоприятствовала. После сильных холодов и снега, выпавшего в первой трети октября, теперь стало вновь довольно тепло. Снег на равнинах и южных склонах гор почти весь стаял, но северные горные склоны попрежнему были покрыты снежною пеленою.

Опять равнина. Вернувшиеся из разъезда казаки объяснили, что они ездили верст за двадцать вперед и что везде местность удобна для движения каравана. С большим вероятием можно было рассчитывать на таковой же характер равнины и по всему ее поперечнику; поэтому мы решили итти прямо к горам Думбуре и там уже поискать перевала через этот хребет. Переход совершен был в два дня совершенно благополучно. Небольшая задержка случилась только на речке Хапчик-уланмурень[2], на которой лед еще не держал верблюдов. Тогда казаки и солдаты прорубили и проломали, стоя выше колена в воде, поперечную канаву, по которой провели в брод всех вьючных животных,

Холмистая равнина, где мы теперь проходили, имела около 15 000 футов абсолютной высоты. На востоке она замыкалась соединившимися хребтами Думбуре и Куку-шили ([89]), к западу тянулась за горизонт между теми же горными хребтами. По нашему пути эта равнина в своей середине изобиловала небольшими ключевыми озерками, в которых водились мелкие вьюнки (Nemachilus n. sp.). Почва здесь была песчаная. По ней росли несколько видов злаков, астрагалы (Astragalus sp.), касатик (Iris sp.), лук (Allium platyspatum?), а также Saussurea, Werneria и Anaphalis,—словом, степная флора мешалась с альпийскою. Так и во всем Северном Тибете: то горные альпийские растения спускаются в долины, то, наоборот, степная флора лезет в горы.

Хребет Думбуре. Хребет Думбуре, как уже было сказано в девятой главе, стоит вместе с горами Куку-шили на протяжении Баянхара-ула и тянется к западу верст на 450 от низовья р. Хапчик-уланмурени[3]. Подобно многим другим хребтам Северно-Тибетского плато, он направляется прямо по параллели и имеет большею частью мягкие, удобно доступные формы; в восточной своей части несколькими отдельными вершинами и небольшими группами переходит за снеговую линию; в западной же половине Думбуре снеговых вершин, по собранным сведениям, нет вовсе.

Также бедны описываемые горы и скалами, которые, как везде в Северном Тибете, заменяются россыпями. По нашему пути высокие скалистые вершины виднелись лишь далее к востоку, а россыпи состояли из красного песчанистого известняка.

---

[1] Все названия рек, гор, урочищ и проч., по которым мы шли теперь без проводника, могли быть узнаны нами лишь на обратном пути от вожака-монгола, возвращавшегося с нами из Тибета в Цайдам.

[2] Впадающей, вероятно, в Мур-усу [левый приток Мур-усу, или Дре-чу, как называют в Тибете Янцзы].

[3] По расспросным сведениям, хребет Думбуре тянется на запад далее меридиана западного угла гор Тан-ла [оканчивается у меридиана 92°].

На северном склоне Думбуре изобильны кочковатые болота (мотоширики), по которым пасутся дикие яки; здесь же живут тибетские жаворонки (Melanocorypha maxima), и во множестве роют свои норы пищухи (Lagomys ladacensis?). За этими пищухами все еще продолжали охотиться медведи (Ursus lagomyiarius), и один из них, великолепный самец, был убит казаком Калмыниным. Вновь добытый экземпляр медведя красуется ныне в музее С.-Петербургской Академии наук вместе с самкою, убитою ранее того в горах Куку-шили препаратором Коломейцевым. Сало от обоих зверей поступило в число наших продовольственных запасов; мы ели его с дзамбою вместо масла, которого теперь не имелось. Зато мяса добывалось в изобилии, и мы ежедневно истребляли его вдоволь, вопреки уверению монголов, что на тибетских высотах подобная пища вредна. Это сущий вздор. Наоборот, при постоянных трудах в пути и на сильных здешних холодах мясная пища решительно необходима. Оттого монгольские богомольцы нередко и умирают по пути в Тибет, что при всем своем слабосилии еще постничают дорогою. Не следует только, как и везде, много наедаться перед самым сном; тогда является удушье и отдых становится беспокойным.

Разъезды для отыскания пути. Переход через Думбуре совершился не так удобно, как выход из Куку-шили. Из двух разъездов, посланных мною для осмотра местности, один привез известие, что по пути, им обследованном, пройти с караваном вовсе нельзя; другой же разъезд отыскал переход через горы, но переход трудный. Кроме перевала через главную ось хребта, пришлось еще дважды переходить боковые его гряды и все остальное пространство двигаться по замерзшим, притом большею частью покрытым снегом, кочковатым болотам. Наши животные и мы сами очень устали. Но еще сильнее мы были огорчены, когда с последнего перевала увидели впереди себя, вместо ожидаемой долины Мур-усу, новую поперечную цепь гор. Никто из нас, конечно, не знал, какие это горы и каков будет через них переход. Опять посланы были три разъезда; в один из них отправился я сам, чтобы лично удостовериться в характере местности. Ездили мы до поздней ночи и отыскали довольно порядочную реку, как оказалось впоследствии Думбуре-гол, которая направлялась прямо к югу, следовательно, вполне по нашему пути. Назавтра мы передвинулись на эту речку, и новые разъезды, отсюда посланные, привезли, наконец, радостную весть, что за горами впереди нас течет р. Мур-усу и что самый переход поперек гор ущельем Думбуре-гола весьма удобен. На следующий день рано утром мы двинулись в путь и вскоре очутились в долине желанной Мур-усу.

Горы Цаган-обо. Тот горный кряж, который прорывает в своем нижнем течении р. Думбуре-гол, называется монголами Цаган-обо, а тибетцами Лапцы-гари. Он составляет отрог хребта Думбуре и на небольшом пространстве окаймляет собою долину левого берега Мур-усу. Замечателен описываемый хребет тем, что изобилует скалами, правда большею частью сильно разрушенными атмосферными влияниями, но местами все еще достаточно грандиозными. Скалы эти близ прорыва Думбуре-гола состоят из темного известкового песчаника, а далее к западу, где вместе с тем и делаются выше,—из серого известняка.

По этим скалам водится множество куку-яманов (Pseudois nahoor), ранее того встреченных нами в большом количестве в горах Бурхан-Будда и Шуга. Вообще зверь этот весьма обыкновенен в Северном Тибете

и нередко держится здесь в хребтах сравнительно удободоступных, лишь бы имелись там скалы.

Следы прежних кочевок. В горах Цаган-обо, равно как в Думбуре, Куку-шили и кой-где на промежуточных равнинах, мы изредка встречали, кроме бывших караванных бивуаков, следы более продолжительного жилья человеческого: места стойбищ, надписи, высеченные на камнях и т. п. Впоследствии нам сообщали, что в вышеуказанных местностях некогда кочевали отделившиеся от тангутского племени голыков[1] роды гирджи и шоксар. Лет семьдесят тому назад их сильно побили китайские войска. Лишь немногие тогда избегли истребления и теперь в числе нескольких десятков семейств бродят где попало по Северному Тибету, при случае занимаются грабежом.

Верхнее течение Голубой реки. Река Мур-усу, берегов которой достиг теперь наш караван, составляет, как известно, верховья знаменитого Янцзы-цзяня, или Голубой реки, орошающей и оплодотворяющей своим средним и нижним течением лучшую половину собственно Китая. Ее истоки лежат на северном склоне гор Тан-ла, в 100 верстах западнее перевала через тот же хребет караванного пути монгольских богомольцев. По собранным сведениям, Мур-усу образуется на Тан-ла из многих ключей и небольших речек, текущих, вероятно, от вечных снегов. Новорожденная река стремится сначала к северу, а затем, огибая плато Тан-ла, направляется к северо-востоку; немного же ниже устья Токтонай-улан-мурени поворачивает прямо на восток, но, вероятно, не надолго; потом снова принимает северо-восточное направление. По впадении слева р. Напчитай-улан-мурени, Мур-усу поворачивает на юго-запад, затем почти прямо на юг. Здесь получает название Кин-ча-цзянь и течет спе́рва по неизвестной стране тангутов, или си-фаней; еще ниже составляет на некоторое время границу между Тибетом и Сычуанью; далее входит в пределы собственно Китая. В самой верхней части своего течения, т. е. от истоков до устья Напчитай-улан-мурени, или немного ниже этого устья описываемая река называется монголами Мур-усу; тибетцами же зовется сначала Люк-араб, потом Ды-чу[2] [Дре-чу]. Там, где через нее переходит караванная дорога, направляющаяся на Тан-ла, Мур-усу имеет в малую воду 30, местами 40 сажен ширины; в половодье же расширяется от 50 до 70 сажен. Далее вниз размеры реки, вероятно, быстро увеличиваются, ибо при впадении Напчитай-улан-мурени та же Мур-усу, измеренная мною в 1873 году по замерзшему льду, имела 108 сажен ширины и около 800 сажен от одного берега до другого при летнем разливе, обозначенном полосами наносной гальки. Течение Мур-усу быстрое; вода, по крайней мере осенью, голубоватая, весьма прозрачная. Глубина везде почти значительная—от 5 до 7 футов, местами и более; броды редки, да и то возможны лишь при низком стоянии воды. Летом, в период дождей, уровень реки сильно повышается, быть может на сажень и более. Замерзает Мур-усу в ноябре; вскрывается в марте; лед достигает 2—3 футов толщины. Рыбы в Мур-усу довольно много, но мы не могли ее поймать зимою. В общем, вероятно,

---

[1] Кочующих на Голубой реке много ниже устья р. Напчитай-улан-мурени. О них будет говориться далее.

[2] Мур-усу в переводе означает «Река вода» или вообще большая река. Люк-араб—в переводе «Бараньи ворота», а Ды-чу—«Коровья река». Последнее название дано Мур-усу, вероятно, по обилию на ней диких яков.

здесь преобладают те же виды, или по крайней мере роды, которые добыты были нами в р. Шуга и свойственны всей вообще Центральной Азии.

Из притоков описываемой реки самые большие впадают с левой ее стороны, именно: Токтонай-улан-мурень и Напчитай-улан-мурень [Чумар]. Первая из этих рек вытекает с западной окраины гор Тан-ла [из хребта Улан-ула], вторая—из хребта Марко Поло [и Куку-шили], или, быть может, еще западнее. С правой стороны Мур-усу, вероятно, не принимает больших рек, так как здесь сначала стоит плато Тан-ла, а затем высокий хребет Дачин-дачюм, быть может продолжающийся, хотя и под другими названиями, далеко вниз по правому берегу описываемой реки. На левой ее стороне сначала, по спуске с Тан-ла, местность довольно открыта, а затем встают хребты Цаган-обо, Думбуре, Куку-шили и Баян-хара-ула. Все эти горы сильно стесняют долину Мур-усу, так что лишь изредка эта долина имеет от 8 до 10 верст ширины, обыкновенно же гораздо уже. Почва на берегах Мур-усу, равно как в нижнем и частью среднем поясе окрестных гор, довольно плодородная; пастбища здесь хороши, в особенности для Тибета.

Охота на диких яков. По этим пастбищам бродят многочисленные звери: оронго, а́да, куланы и яки. Последние встречались нам нередко стадами, в которые скучивались десятки, иногда сотни[1] молодых самцов и самок с телятами. Старые же самцы бродили в одиночку или по нескольку штук вместе. Вот за этими-то старыми яками, иногда после раны бросающимися на стрелка, мы и охотились с постоянным увлечением. Интерес борьбы, и до известной степени опасность, невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще несколько сильных ощущений к тем многоразличным впечатлениям, которыми так богата жизнь каждого путешественника вообще, а странствователя по пустыням Центральной Азии в особенности. Помимо охот в одиночку, с подхода, практиковавшихся на дневках или по приходе на место бивуака[2], во время самого пути с караваном мы частенько охотились за яками обыкновенно с помощью двух наших собак, тех самых, которые отправились с нами из Зайсана и до сих пор путешествовали благополучно. Несмотря на свою непородистость, собаки эти отлично напрактиковались для охоты за зверями. Тонкость понимания дела у наших псов доходила даже до того, что они умели различать по звуку выстрел дробового ружья по птице и винтовки по зверю. В первом случае собаки, всегда следовавшие в хвосте каравана, настораживали уши и спокойно шли далее. Но лишь только раздавался отрывистый, словно щелкнувший орех, выстрел берданки или начиналась учащенная пальба из тех же берданок, псы в одно мгновение выносились вперед и во весь дух пускались за убегавшими зверями, из которых нередко ловили раненых, в особенности антилоп. Хуланов преследовать далеко не любили, так как по опыту знали, что зверь этот весьма вынослив на рану и, если только не убит наповал, то уходит далеко. Зато, когда встречались старые самцы яки, собаки усердствовали, сколько было сил и уменья. Заметив зверя часто еще издали, наши псы выбегали немного в сторону от каравана и ждали или выстрела,

---

[1] Тысячных стад диких яков, каковые встречались нам в горах Баян-хара-ула при первом (1872—1873 годы) путешествии по Тибету, в нынешнюю экспедицию мы не видали, вероятно, потому, что звери эти, напуганные ранним снегом, держались главными массами на нижней Мур-усу.

[2] Охоты эти, равно как нрав и образ жизни дикого яка, описаны в моей «Монголия и страна тангутов», стр. 311—321 [в издании 1946 г. стр. 255—262].

или сигнала к нападению. В том и другом случае пускались во весь мах и быстро догоняли тяжелого яка, хватали его за хвост и за боковые лохмы волос или с лаем забегали вперед, вообще всеми силами старались остановить зверя. Так обыкновенно и случалось. Испуганный и пустившийся на уход, но теперь рассвирепевший, як останавливался. С поднятым кверху хвостом и наклоненными рогами, он бросался то на одну, то на другую из надоедливых собак, которые, конечно, легко увертывались от ударов грузного зверя. Тем временем охотник спешил к добыче. Еще издалека раздалось несколько нетерпеливых выстрелов, заставивших яка броситься снова на уход, но собаки скоро опять его остановили. Тогда запыхавшийся охотник подбегает к зверю в меру близкого выстрела. Дрожащими от усталости и ажиатации руками он ставит, или, как в Сибири говорят, «бросает» на сошки свою винтовку, сам припадает к ней и начинает палить в яка. Последний обыкновенно выносит десяток и более пуль, прежде чем будет убит. Однако иногда, получив два-три удара, разъярившийся як бросается уже не от охотника, а прямо к нему, но всегда действует нерешительно, что, конечно, губит зверя и спасает стрелка. Ринувшись с места в сторону охотника, дикий як сам как будто пугается своей смелости, пробегает двадцать—тридцать, много полсотни шагов и останавливается в нерешимости. Стрелок не дремлет и пускает в зверя пулю за пулею из своей скорострелки. Словно в мишень бьют мелкие малокалиберные пули, но все-таки еще не могут одолеть могучего яка[1]. Последний, как ни в чем не бывало, постояв несколько секунд в своей любимой боевой позе, т. е. с опущенною головою и поднятым вертикально хвостом, снова бросается к охотнику, но, пробежав немного, или опять останавливается, или займется собаками, не перестающими теребить зверя. Между тем стрелок начинает расходовать уже другой десяток патронов[2], а як, видимо, слабеет от полученных ран. Движения зверя становятся менее порывистыми, гордая поза делается смиренною, поднятый кверху хвост опускается, голова никнет, туловище вздрагивает... Еще несколько мгновений предсмертной агонии и могучее животное падает на землю. Собаки, пока их не отгонят, все еще продолжают теребить уже мертвого яка. От убитого зверя мы брали обыкновенно лохматый его хвост, иногда кусок мяса или шкуры; остальное бросали в добычу волкам, воронам и грифам. Хищники эти в Тибете так наповажены, что всегда зорко следят за охотником и обыкновенно пользуются результатами его охоты.

Преследуемый без собак, раненый як лишь изредка бросается на охотника и опять-таки действует крайне глупо, нерешительно. В нынешнее путешествие по Тибету мне только однажды случилось испытать серьезное нападение этого зверя. Дело происходило в горах Думбуре на обратном пути нашем из Тибета во время дневки, устроенной накануне нового 1880 года. Как обыкновенно на дневках, утром мы отправились, в числе нескольких человек, в соседние бивуаку горы поохотиться за зверями главным образом за белогрудыми аргали. Не давалось также спуску волкам, кярсам и старым якам; но хуланы, равно как антилопы оронго

[1] Даже разрывные пули из штуцера Ланкастера, калибром в $4\frac{1}{2}$ линии, и те не сразу убивали старого яка. Он выносил обыкновенно пять-шесть таких пуль и лишь в редких случаях падал после двух-трех.

[2] Для скорости стрельбы эти патроны обыкновенно кладутся в снятую и положенную возле себя на землю фуражку.

и ада в то время нам уже так надоели, что на них почти не обращалось внимания. Долго бродил я по горам, но нигде не встретил ни аргали, ни кярсы или волка, шкуры которых нужны были для коллекции. Всюду попадались только хуланы и антилопы, да изредка, на мото-шириках, паслись дикие яки. Так прошло время до полудня, и я забрался верст за десять от своего стойбища. Отдохнув немного, я повернул назад другою окраиною гор и здесь, в одной из долин, встретил несколько старых яков. Звери подпустили к себе шагов на двести, и, выпустив с десяток пуль по одному из них, я, наконец, его убил. Затем, обойдя поспешно вокруг горы, через которую направились остальные яки, я опять встретил их и начал палить. Не помню уже, за которым выстрелом один из этих яков сначала приостановился, потом упал и покатился вниз по крутому снежному скату горы. Так зверь катился шагов сто, или даже более; затем остался лежать почти недвижимым. Но лишь только я начал подходить, як вскочил и быстро побежал по долине. Я послал ему вдогонку пулю, но напрасно. Тогда я вернулся к ранее убитому яку, осмотрел его и так как до бивуака было далеко, да притом шкура зверя местами оказалась попорченною во время драк в период течки, то я отрезал только хвост и заткнул его себе сзади за поясной ремень. Затем направился к бивуаку, как раз по той долине, по которой убежал сильно раненый як. Последний не мог уйти далеко и залег на равнине. Подпустив меня шагов на сто двадцать, зверь встал и сначала шагом, а потом рысью бросился прямо ко мне. В это время у меня осталось только два патрона. Первым из них я ударил яка шагов на семьдесят; вторым—шагов на пятьдесят. Однако зверь не повалился от этих новых пуль, но, пробежав еще шагов десять или двадцать, остановился против меня, с наклоненными рогами и поднятым кверху хвостом, которым беспрестанно помахивал. Ружье мое в это время было пусто, а рассвирепевший як стоял так близко, что можно было различить не только небольшие его глаза, но даже видеть, как краснели раны на груди и капала кровь из морды. Сильно испугался я в ту минуту.... Действительно, будь як поумнее и решительнее—он убил бы меня наверняка, так как на ровной степной долине спрятаться было негде, да и некогда. На крайний случай я поспешно вынул из-за спины заткнутый туда яковый хвост и повернул свою берданку ложем вперед, рассчитывая, при окончательном нападении зверя, бросить ему в глаза мохнатый хвост, а затем ударить со всего размаха винтовкою по голове; но что мог сделать подобный удар по гигантскому черепу, который не пробивает наискось попавшая штуцерная пуля! Минуту или две мы оба, т. е. як и я, оставались неподвижны, зверь только помахивал хвостом но не изменял своей позы и не подвигался вперед; затем опустил хвост и приподнял голову—знак, что раздраженное состояние начало успокаиваться. Тогда я решил отступать и, пригнувшись к земле, пополз прочь, не спуская глаз со зверя. Шагов через пятьдесят я выпрямился и пошел быстрее; як же продолжал стоять на прежнем месте и только поворачивал головою по мере того, как я делал круговой обход по узкой долине. Лишь удалившись шагов на двести от зверя, я вздохнул свободнее и быстро направился к своему бивуаку, давши мысленно клятву всегда брать с собою на звериную охоту в Тибете запасную пачку патронов. Медные гильзы последних, в достаточном количестве разбросанные нами по горам и долинам Северного Тибета, много лет еще будут напоминать туземцам, случайною находкою, о том, что здесь некогда путешествовали и охотились европейцы.

Кратковременная дорога. Двое суток дневали мы в долине Мур-усу; затем пошли вверх по этой реке довольно торною дорогою, пробитою караванами богомольцев и частью торговцев, следующих из Синина в Лхасу и обратно. Радовались и уповали мы, что дорога эта теперь не потеряется и что дальнейший путь наш будет сделан не наугад. Но надежды эти скоро рушились. Через тридцать верст от Думбуре-гола соблазнительная дорога исчезла — ее замели песком и пылью ветры пустыни. В то же время и Мур-усу круто повернула к югу и вошла в горы. Пришлось снова посылать разъезды. По счастью, мы теперь уже напрактиковались в местной ориентировке, и по самым ничтожным приметам могли довольно верно оценить то или другое направление пути. Так было и теперь. Разъезд направился на западный угол гор, которые стояли поперек Мур-усу, — и истинный путь был найден.

Трудности пути. Но прежде чем продолжать свое дальнейшее движение, мы должны были избавить себя от лишних вьюков, так как наши верблюды, истомленные огромною высотою, холодами, иногда бескормицею, начали сильно портиться; четверо из них уже издохли или так устали, что были брошены на произвол судьбы. Из пяти верховых лошадей, одна также издохла; остальные едва волокли ноги. Решено было оставить четыре вьюка со звериными шкурами, собранными на пути от Цайдама. Шкуры эти, упакованные в мешки, спрятаны теперь были в одной из пещер гор Цаган-обо и благополучно пролежали там до нашего возвращения.

Трудности пути начали отзываться и на всех нас. Не говоря уже про обыденные явления огромных высот — слабосилие, головокружение, одышку, иногда сердцебиение и общую усталость — то тот, то другой из казаков заболевали, всего чаще простудою или головною болью. По счастию, болезнь сильно не развивалась и обыкновенно проходила после нескольких приемов хины. Один только переводчик Абдул Юсупов, как более других слабосильный, чувствовал себя почти постоянно нездоровым и истреблял изрядное количество лекарств. Грязны все мы были до крайности; на сильных холодах часто невозможно было умыть хотя бы лицо и руки; притом постели наши состояли из войлоков, насквозь пропитанных соленою пылью. На этих войлоках мы валялись в холодной юрте по одиннадцати часов в сутки — иным способом невозможно было коротать длинные зимние ночи. Днем, когда зажигали в юрте аргал, то она почти всегда была полна дыму[1], в особенности в облачную погоду или при ветре, хотя бы слабом. Казакам приходилось еще хуже, так как они помещались в летней палатке и не могли достаточно защититься от бурь. На каждом переходе, даже небольшом, все мы сильно уставали, ибо, помимо вьючения и развьючения верблюдов, дорогою несли на себе ружья, патронташи и пр., всего чуть не по полпуду клади. Притом на самых переходах часто приходилось итти пешком, так как на холоде, и в особенности при буре, ехать долго шагом на верховой лошади или верблюде невозможно. Наконец, мы не имели возможности, хотя бы изредка, подкрепить себя рюмкою водки, потому что в наличности имелось всего четыре бутылки коньяку, который берегся на крайний случай.

Тибет давал себя чувствовать не только различными невзгодами, но и осязательными результатами негостеприимства своей дикой при-

[1] Так как в разреженном воздухе Тибетского плоскогорья дым вообще плохо поднимается кверху.

роды. Помимо изредка валявшихся людских черепов и костей караванных животных, на одном из переходов близ Мур-усу мы встретили труп монгола-богомольца, вероятно пешком пробиравшегося в Лхасу или, быть может, покинутого караваном по случаю болезни. Возле этого трупа, отчасти уже объеденного волками, грифами и воронами, лежали посох, дорожная сума, глиняная чашка и небольшой мешок с чаем. Пройдет немного времени—ветры пустыни заметут песком и пылью остатки умершего, или их стащут волки и грифы, и ничто не будет напоминать новым богомольцам о злосчастной судьбе одного из их собратий!

Река Токтонай-улан-мурень. Разыскав вновь истинное направление пути, кой-где обозначаемое полосками незадутой караванной дороги, мы прошли мимо двух довольно порядочных соленых озер, на которых видны были разработки соли, а затем вышли на берег реки Токтонай-улан-мурень—одного из больших притоков Мур-усу. Вновь встреченная река, по собранным впоследствии сведениям, вытекает из северного склона западной окраины Тан-ла[1]. На месте нашей переправы, следовательно, недалеко от своего устья, р. Токтонай-улан-мурень имела при самой малой воде сажен 10—12 ширины и глубину на бродах от 1 до 2 футов; главное русло сопровождалось несколькими небольшими рукавами. Наносы по обоим берегам, состоявшие из мелкой гальки и гравия, занимали около полуверсты в поперечнике. При летнем разливе все это пространство покрывается водою. Но и после спада воды наносные берега, как нам сообщали, настолько бывают зыбучи, что по ним вовсе нельзя переправиться ни на верблюдах, ни на яках.

Затруднительность летнего движения через Северный Тибет. Вообще летнее путешествие через Северный Тибет весьма затруднительно, во-первых, по случаю больших разливов рек, а во-вторых, по неимению топлива. Аргал, смачиваемый тогда постоянными дождями, часто бывает негоден для горения; другого же материала на подобную цель здесь не имеется. Те же дожди, мешающиеся по временам со снегом или градом, да притом нередко сопровождаемые бурями, немало будут донимать путешественников. Вот почему все караваны богомольцев и торговцев проходят по описываемой стране лишь осенью и зимою или раннею весною. Затем с марта или апреля до сентября сношения по северному пути между Лхасою и Сининoм прекращаются.

Неожиданная услуга. Небольшой переход от р. Токтонай-улан-мурень к югу привел нас опять на берег Мур-усу в семи верстах выше того места, где через эту реку переправляются богомольцы. Здесь опять явилась потерявшаяся было дорога, и встретилось сравнительно недавнее стойбище какого-то каравана, следовавшего в Лхасу. Караван этот случайно оказал нам огромную услугу, протоптав тропинку через покрытое снегом плато Тан-ла[2]. Это последнее могучим вздутием раскинулось теперь перед нами, и с вершины горы Бугу-магнай, лежавшей невдалеке от нашего стойбища, долго любовался я великолепным видом на громадную, сплошным снегом укрытую, покатость, венчаемую на горизонте длинною цепью вечноснеговых вершин.

---

[1] Если это верно, то Токтонай-улан-мурень длиннее Мур-усу, но во всяком случае беднее ее водою.

[2] Без этой случайной тропинки мы, по всему вероятию не могли бы перейти Тан-ла, так как подъем здесь со стороны Мур-усу тянется 125 верст; посылать разъезд на такое расстояние по снегу и на измученных лошадях было невозможно

Ёграй

П е р е х о д ч е р е з М у р - у с у. Река Мур-усу, в том месте, где через нее проходит караванная дорога монгольских богомольцев, течет на абсолютной высоте 14 600[1] футов и имеет 30 сажен ширины при малой воде. Глубина брода во время нашей переправы была $2^1/_2$ фута — и это, вероятно, наименьшая; течение быстрое. Сама река в конце октября большею частью уже замерзла, и лед почти везде держал человека, но не подымал еще верблюда, поэтому нам пришлось переправиться не замерзшим пока бродом. Переправа эта совершилась быстро и благополучно. Судя по наносному льду на берегах, вода в Мур-усу недавно, вероятно после снега, выпавшего в начале октября, была фута на два, или на три выше теперешнего своего уровня, так что, если бы мы явились на переправу неделями двумя раньше, то пришлось бы ожидать или спада воды, или прочного замерзания реки.

П л а т о и х р е б е т Т а н - л а. Тотчас за переправою, т. е. на правом берегу верхнего течения Мур-усу, местность начинает полого возвышаться к югу и образует здесь обширное плато, быть может, одно из самых высоких в Северном Тибете. По гребню этого плато тянется, в прямом восточно-западном направлении, вечноснеговой хребет, известный под названием Тан-ла. Название это может быть приурочено и ко всему плато, на котором там и сям разбросаны отдельные, иногда вечноснеговые, группы гор[2]. В промежутках их залегают местности всхолмленные, так что, в общем, плато Тан-ла представляет волнистую поверхность. Подъем здесь, как с северной стороны, так и спуск с южной весьма пологи, хотя самый перевал караванного монгольского пути имеет 16 700 футов абсолютной высоты. Но, несмотря на столь почтенную цифру, гребень этого перевала поднимается лишь на 2 100 футов над долиною Мур-усу и на 2 000 футов над долиною р. Сан-чю, протекающей у подошвы южного склона Тан-ла. Между тем, подъем на это плато с севера тянется 125 верст, а спуск к югу—75 верст, так что средним числом приходится на версту 17 футов подъема и 27 футов спуска. Тот и другой вообще до того пологи, что через Тан-ла удобно могла бы пройти железная дорога.

На главном гребне хребта, как и в других горах Северного Тибета, высокие, вечноснеговые вершины не тянутся сплошною линиею, но выдвигаются островами из общей массы гор. Впрочем, к западу от перевала караванной дороги, снеговые вершины, сколько было видно с горы Бугумагнай, кучнеют, и самый хребет делается еще более высоким. В этом, т. е. западном, направлении Тан-ла простирается, как нам сообщали, верст на 250 от перевала вышеупомянутой дороги и довольно резко оканчивается в обширных волнистых равнинах, уходящих к западу за горизонт. К востоку тот же хребет, от того же перевала, идет (по расспросным сведениям) снеговою грядою верст на 200; затем без вечноснеговых вершин продолжается еще восточнее, но как далеко—мы не могли узнать. Быть может—и я склоняюсь к этому мнению—что Тан-ла, т. е. как самый хребет, так и плато, его сопровождающее, продолжаются к востоку, хотя бы и в меньших, чем в западной своей части, размерах, до самого Кин-ча-цзяна, т. е. верхней Голубой реки, которая в том месте стремится почти прямо на юг. При таком положении Тан-ла, подобно Баян-хара-

[1] Исправлено по примечанию к четвертому путешествию (было указано 14 000 футов).

[2] Как, например, по нашему пути группа Меду-кун, горы Дорзы и Джома на северном склоне описываемого плато.

ула, разделяет собою истоки величайших рек восточной Азии: Янцзы-цзяна с одной стороны, Камбоджи и частью Салуэна—с другой ([90]).

Действительно, все реки северного склона Тан-ла текут в Мур-усу, т. е. в верхний Янцзы-цзян, который берет здесь свое начало. С южного же склона западной части Тан-ла вытекает, по собранным сведениям, большая река Зача-цампо, впадающая в озеро Митык-джансу. Последнее своим положением почти вполне сходится с нанесенным по расспросам на карте пундита Наин Синга озером Чаргут-чо. В это озеро, по добытым тем же пундитом сведениям, впадают еще несколько других рек, служащих стоками значительных также озер, расположенных южнее и западнее, вдоль северного склона северной Гималайской цепи.

Из Митык-джансу, или Чаргут-чо, по сведениям, нами полученным, течет к востоку река, впадающая в озеро Амдо-цонак, из которого выходит новая река, называемая тибетцами Нап-чю, а монголами Хара-усу. Эта-то река, известная далее вниз под названием Лу-цзе-цзян (по-тибетски Нге-кио) и другими названиями, является в Индо-Китай под именем Салуэна.

Таким образом, если действительно существует связь озера Митык-джансу с более западными озерами, как показано на маршрутной карте Наин Синга, то истоки Салуэна должны быть отодвинуты на плоскогорье Северного Тибета под 53° восточной долготы от Пулкова, почти при $32^1/_2°$ северной широты, следовательно, будут лежать лишь немного восточнее меридиана истоков Яру-цампо, т. е. верхней Брамапутры. При таком положении обе названные реки, т. е. Салуэн и Брамапутра, на громадном протяжении своего верхнего течения по плоскогорью Тибета стремятся с запада на восток невдалеке и параллельно друг другу, резко, впрочем, разделяясь могучею северной Гималайскою цепью ([91]).

В реку, вытекающую к востоку из оз. Митык-джансу, впадает, быть может, сток оз. Тенгри-нор ([92]); с севера в ту же реку, равно как в оз. Амдо-цонак и в р. Хара-усу, текут все реки и речки южного склона западной половины Тан-ла. В восточной части того же склона тех же гор, при нашем продолжении их до встречи с верхним Янцзы-цзяном, должны лежать истоки Ом-чю и Барун-чю, тех двух рек, которые, соединившись близ города Ча-му-то, образуют собою р. Лан-цзан-цзян, или по-тибетски Лакио. Она стремится на юг довольно долго, невдалеке от Кин-ча-цзяна, а затем через китайскую провинцию Ю-нань входит в пределы Индо-Китая, где известна под названием Меконга, или Камбоджи ([93]).

На самом хребте Тан-ла, в части его, нами виденной, снеговые вершины имеют, судя на глаз, не менее 19—20 тысяч футов абсолютной высоты. Скал очень мало, местами нет вовсе; их заменяют россыпи, также не слишком обильные и состоящие на обоих склонах описываемых гор из глинистого сланца.

Ледники на северном склоне спускаются почти до горизонтали перевала, следовательно, предел их, вероятно близко совпадающий с среднею высотою снеговой линии, лежит на абсолютной высоте около 17 000 футов. На южном склоне та же граница вечного льда и снега отодвигается еще выше, быть может, футов на 500 или около того[1]. Относительно климата плато Тан-ла, вследствие своей громадной высоты, находится еще в худших условиях, чем другие, более низкие, части Северного

[1] По случаю спешного движения и усталости мы не могли измерить барометрически высоту снежной линии на Тан-ла, тому же мешала и зимняя пора года.

Тибета. Бури господствуют здесь круглый год; зимою страшные морозы[1], летом, по словам туземцев, беспрестанно падают дождь, снег и град.

Растительность, как и следует ожидать, крайне бедная. В нижнем поясе, приблизительно до 16 000 футов абсолютной высоты, она та же, что и в остальных частях Северного Тибета, лишь несколько лучшая местами на южном склоне описываемого плато. Вверх же от 16 000 футов почти сплошь залегают кочковатые болота (мото-ширик), которые обильны также и на всем южном склоне. Этот последний замечателен присутствием горячих минеральных ключей, о которых будет сказано ниже.

Звери и птицы, обитающие на Тан-ла, те же, что и в остальных пройденных нами частях Северного Тибета. Притом дикие яки и хуланы восходят до высоты перевала, следовательно, почти до 17 000 футов над уровнем моря[2]; здесь же и тибетская пищуха (Lagomys ladacensis?) еще роет свои норы. Антилопы оронго и áда не поднимаются так высоко, хотя также нередки в нижнем поясе северного склона описываемого плато. На южном его склоне, где чаще кочуют туземцы, зверей мало, антилоп нет вовсе, а дикие яки заходят лишь изредка.

Из птиц на Тан-ла много ягнятников и снежных грифов, тибетских и чернолобых жаворонков (Melanocorypha maxima, Otocoris nigrifrons), земляных вьюрков (Pyrgilauda ruficollis) и [саксаульных соек]—Podoces humilis; встречаются зимующие Leucosticte haematopygia, а по россыпям нередки улары (Megaloperdix thibetanus).

Ё г р а и и г о л ы к и. Как ни невыгодно, повидимому, плато Тан-ла для жительства человека, тем не менее, здесь впервые мы встретили людей от самого Цайдама. То были ёграи, принадлежащие вместе со своими собратьями голыками[3] к тангутской породе. Притом обе эти орды, вероятно, представляют собою часть тех севернотибетских кочевников, которые известны под общим названием сок-па. Ёграи постоянно кочуют на Тан-ла, передвигаясь, смотря по обилию корма, с востока на запад и наоборот; кочевья же голыков находятся на Голубой реке, много ниже устья Напчитай-улан-мурени. Голыков мы не видали вовсе; но ёграев встретили при подъеме на Тан-ла, а затем даже воевали с ними за перевалом через этот хребет.

Сколько можно бегло судить по нескольким десяткам виденных нами ёграев, эти последние почти не отличаются от тибетцев, кочующих южнее Тан-ла. Впрочем, между теми и другими, несомненно близко сродными племенами, вероятно, существуют некоторые мелкие отличия, неуловимые для мимолетного наблюдателя, тем более при той обстановке, в которой мы находились. Так, один из виденных нами ёграев несколько разнился по физиономии от своих собратий. Было ли то случайное, индивидуальное уклонение или подобные экземпляры встречаются между описываемым племенем более часто—узнать мы не могли.

В следующей главе будет рассказано о виденных нами кочевых тибетцах, об их наружности, нравственных качествах, семейном быте, одежде, жилище, занятиях и пр. Все это почти целиком относится к ёграям. Длинные, косматые, на плечи падающие черные волосы, плохо

[1] Мы наблюдали на Тан-ла в начале ноября на восходе солнца 30°Ц, а в половине декабря—31,5°Ц.

[2] По Шлагинтвейту, дикие яки летом восходят в Западном Тибете до 19 500 футов абсолютной высоты.

[3] «Коло» у Гюка. «Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet» т. II, стр. 191 и 231—235.

растущие на усах и бороде, угловатая физиономия и голова, темносмуглый цвет кожи, грязная одежда, сабля за поясом, фитильное ружье за плечами, пика в руках и вечный верховой конь—вот что прежде всего бросилось нам в глаза при встрече с ёграями. Живут ёграи, как тибетцы, в черных палатках, сделанных из грубой шерстяной ткани. На стойбищах эти палатки не скучиваются, но обыкновенно располагаются попарно или по нескольку вместе, невдалеке друг от друга. Грабежи караванов, следующих в Лхасу с севера и обратно, в особенности монгольских богомольцев, составляют специальное и весьма выгодное занятие ёграев. Они караулят дорогу и перевал через Тан-ла, так что ни один караван не минует здесь их рук. Разбойники отбирают у путешественников часть денег и вещей, а затем отпускают подобру-поздорову далее. Если же караван многочислен и хорошо охраняется, то ёграи или отказываются от лакомой добычи или сообща с голыками собираются большою массою для нападения. Так, в 1874 году эти разбойники, в числе 800 человек, напали на караван китайского резидента, возвращавшегося из Лхасы в Пекин и везшего с собою, помимо разных вещей, около тридцати пудов золота. В охране при резиденте находилось двести солдат, но ёграи и голыки их разогнали и нескольких убили. Затем забрали золото и более ценные вещи, а в наказание за сопротивление уничтожили носилки резидента, так что этот последний, почти не умевший ездить верхом, много намучился при дальнейшем следовании в Синин через Северный Тибет.

Кроме грабежей, ёграи занимаются охотою и скотоводством. Последнее, несмотря на плохие пастбища и ужасный климат, идет у них успешно. Из скота содержатся яки, бараны и в меньшем числе лошади, неимоверно выносливые и весьма привычные лазить по крутым горам.

Всех ёграев считается до 400 палаток. Если положить средним числом по пяти душ обоего пола на каждую из них, то получится общее число мужчин и женщин до двух тысяч. Составляя один аймак, описываемое племя подчиняется начальнику голыков, которому платит ежегодно небольшую подать—по два гина[1] масла и по одной бараньей мерлушке с каждой палатки.

Голыки более многочисленны. Всего их три аймака, в которых до 1 500 палаток, следовательно, около 7 500 душ обоего пола[2]. Живут они, как сказано выше, на Голубой реке, гораздо ниже устья Напчитай-улан-мурени; занимаются скотоводством, охотою и частью добыванием золота, для чего иногда заходят далеко вверх по Мур-усу[3]. Грабежи—такой же промысел, как и у ёграев, только голыки нередко снаряжаются с подобной целью подальше, как, например, в Цайдам. Не отказываются при случае также грабить монгольских богомольцев и тибетских торговцев, следующих с товарами из Лхасы в города Донкыр и Синин или обратно. Эти торговцы даже чаще попадаются голыкам, чем ёграям, так как более ходят прямою дорогою, отворачивающей к востоку от караванного пути у южной подошвы Тан-ла. Как голыки, так и ёграи исповедуют буддизм красного толка[4], но не признают над собою ни далайламской, ни китай-

---

[1] Китайский гин—$1^1/_2$ фунта.

[2] Все сведения о голыках и большая часть об ёграях добыты по расспросам.

[3] Нам сообщили, что здесь каждый рабочий добывает в день промывкою, конечно, крайне грубою, от $^1/_2$ до 1 золотника золота.

[4] В Тибете, как известно, существуют три главные секты буддизма: секта пон-бо, самая древняя и более от других отличающаяся; секта красных, или красношапочных, т. е. носящих красную одежду, лам, основанная в VII или в VIII веке н. э., вместе

ской власти. Тем не менее, нередко посещают Лхасу, куда также ездит и нынешний начальник обоих племен Арчюм-бум[1]. Он возит подарки далай-ламе, дает также взятки и сининским властям (94).

Наш подъем на Тан ла. После переправы через Мур-усу тотчас начался наш подъем на Тан-ла, продолжавшийся восемь суток. Шли так медленно потому, что наши животные, и без того уже сильно усталые, чувствовали себя еще хуже на этой огромной высоте. Притом нужно было двигаться по обледенелой большею частью тропинке и местами, при переходах через голый лед, посыпать песок или глину для вьючных верблюдов, иначе они вовсе не могли итти. К этому присоединилась бескормица, сильные ночные морозы и встречные ветры, иногда превращавшиеся в бурю. В результате издохли еще четыре верблюда — всего 8 из 34, отправившихся в Тибет. Немало доставалось и лично всем нам. Случалось, например, что мы не могли отыскать на занесенной снегом почве несколько десятков квадратных сажен ровного пространства и принуждены были разбивать свой бивуак на кочках мото-шириков или, в лучшем случае, на выдутых бурями и изрытых пищухами площадках. Затем морозы, бури и прочие невзгоды донимали нас так же, как и прежде, пожалуй даже сугубо. В особенности трудно было делать съемку, ради которой у меня поморозились концы нескольких пальцев обеих рук.

На третий день своего подъема мы встретили небольшую партию ёграев, перекочевывавших с Тан-ла в бесснежную и более обильную кормом долину Мур-усу. Заметив издали наш караван и, вероятно, предполагая, что это монгольские богомольцы, несколько ёграев прискакали к нам и сильно были удивлены, увидев совершенно иных людей, которые притом нисколько их не боялись. Объясниться мы не могли, так как не говорили по-тибетски; ёграи же не понимали по-монгольски. Кончилось тем, что с помощью пантомим кое-как мы расспросили про дорогу, а ёграи получили от казаков несколько щепоток табаку, до которого они великие охотники.

В следующие дни мы опять встречали ёграев, иногда по нескольку раз в сутки, все они шли на Мур-усу. Эти встречные, вероятно, уже получили извещение о нашем проходе, так как менее нам дивились, наоборот, вели себя довольно нахально, за что, конечно, иногда получали внушения. Однако до серьезных ссор не доходило; мы даже купили у одной партии, ночевавшей вблизи нас, пять баранов и несколько гинов масла. Одно только казалось нам подозрительным, что приезжавшие ёграи всякий раз просили нас показать наши ружья и при этом горячо о чем-то спорили между собою. Подозрения эти вскоре оправдались на деле.

Двигаясь ежедневно средним числом верст по пятнадцати, но поднимаясь при этом лишь сотни на две или на три футов по отвесу, мы разбили, наконец, на восьмые сутки свой бивуак близ перевала через Тан-ла. Справа и слева от нас стояли громадные горы, поднимавшиеся приблизительно тысячи на две или на три футов над перевалом, следовательно имевшие от 19 до 20 тысяч футов абсолютной высоты. Обширные ледники, в особенности к западу от нашего бивуака, укрывали собою ущелья

с окончательным утверждением буддизма в описываемой стране; секта эта ныне распространена всего более в Восточном Тибете, затем в Непале, Бутане и Ладаке; секта желтых, или желтошапочных лам, основанная в XIV веке н. э. великим реформатором буддизма Дзонкабою. Последняя секта, господствующая ныне в Тибете и Монголии, самая многочисленная; ее главное отличие состоит в безбрачии лам.

[1] Слово «бум» в переводе означает «начальник».

и частью северные склоны этих гор, спускаясь по ним почти на горизонталь перевала. До ближайшего из этих ледников расстояние было менее версты, но сильная буря и наша усталость не давали возможности сходить туда и сделать барометрическое определение.

Тощая трава, прозябающая на северном склоне Тан-ла, всего более тибетская осока, поднялась на самый перевал, но южные склоны гор здесь оголены и покрыты мелкими россыпями глинистого сланца; скал вовсе не имелось. Самый перевал весьма пологий, едва заметный. Здесь стоит буддийское «обо», изукрашенное небольшими тряпочками, исписанными молитвами и повешенными на протянутых нитках, прикрепленных к воткнутым в землю жердям[1]; в кучах же камней, лежащих внизу валяются головы диких и домашних яков. Как обыкновенно, в подобных местах каждый проезжий буддист кладет свое приношение, всего чаще камень или кость; если же ни того, ни другого в запасе нет, то бросает на «обо» хотя бы прядь волос с своего коня или верблюда. Мы положили на «обо» Тан-ла пустую бутылку, но ее не оказалось там при обратном нашем следовании. Перевал, как уже было сказано ранее, имеет по барометрическому определению 16 700 футов абсолютной высоты; вечного снега здесь нет. Сначала версты на четыре раскидывается равнина, покрытая мото-шириком, а затем начинается также весьма пологий спуск на южную сторону описываемого плато.

На перевале мы сделали залп из берданок и трижды прокричали «ура». Звуки эти впервые разбудили здесь эхо пустынных гор. Действительно, нам можно было радоваться своему успеху. Семь с лишком месяцев минуло с тех пор, как мы вышли из Зайсана, и за все это время не имели сряду нескольких отрадных дней. Против нас постоянно были то безводная пустыня с ее невыносимыми жарами, то гигантские горы, то морозы и бури, то, наконец, вражда людская. Мы удачно поборол все это. Нам не давали проводников—мы шли без них, наугад, разъездами отыскивая путь, и почти не сделали шага лишнего благодаря своему удивительному счастью. Последнее было нашим постоянным спутником, как и в прежние мои путешествия. Счастье дало нам возможность случайно встретить вожаков-монголов в Нань-шане и выбраться оттуда в Цайдам; счастье послало нам в том же Нань-шане «Ключ благодатный», где так хорошо отдохнули наши верблюды, иначе не прошедшие бы через Тибет; счастье провело нас от Куку-шили за Тан-ла; счастье нередко помогало и в других, более мелочных, случаях нашей страннической жизни...

Нападение ёграев. День нашего перевала через Тан-ла ознаменовался событием, весьма для нас памятным, именно нападением ёграев.

Эти последние, вероятно с первой же встречи с нами, зарились на наш караван, но не решались еще пограбить нас, так как видели наше вооружение и знали, что имеют дело не с монголами. Тем не менее, с каждым днем ёграи становились смелее в обращении с нами и, наконец, ободренные, вероятно, нашею малочисленностью, решились действовать. В день перевала через Тан-ла, 7 ноября 1879 года, человек семь или восемь ёграев все время следовали верхом издали за нашим караваном и, нако

[1] Подобные «обо», по описанию путешественников, вообще весьма нередки в Тибете и встречаются иногда на самых высоких горах. Верующие буддисты считают особою угодою перед богом вешать здесь написанные на узких маленьких тряпочках избранные молитвы, которые колышутся, следовательно, как бы повторяются при всяком дуновении ветра.

нец, куда-то исчезли, проехав мимо нашего бивуака, расположенного в одиннадцати верстах южнее высшей точки спуска. Немного погодя те же ёграи вновь явились к нашему стойбищу, в числе уже около пятнадцати или семнадцати человек, и для предлога привезли на продажу масло. Пока шла торговля, один из прибывших ёграев украл складной нож, висевший на поясе нашего переводчика Абдула Юсупова. Когда этот последний начал требовать свою вещь обратно, то ёграй выхватил саблю и ударил ею Абдула по левой руке, но плохим клинком прорубил лишь шубу и халат, не нанеся значительной раны. Другой ёграй в ту же минуту бросился на Абдула с копьем. По счастью, находившийся вблизи прапорщик Роборовский успел схватить это копье и сломать его, прежде чем нанесен был удар. Тогда ёграи взялись за свои копья, сабли и пращи; двое зажгли фитили у ружей и бросились за ближайшую скалу, чтобы оттуда удобнее стрелять в нас; несколько человек схватились с казаками в рукопашную. Все это было делом одной минуты, так что мы едва успели взять свои винтовки. Однако сначала я не велел стрелять, хотя в нас и летели камни, весьма искусно бросаемые ёграями из кожаных пращей. Но вот из-за ближайшей скалы раздался выстрел, затем другой, и пули пролетели мимо нас. Медлить долее было невозможно — я скомандовал пальбу казакам. Загремели скорострелки, и после первого же залпа ёграи бросились на уход. Наши выстрелы их провожали, но вскоре я велел прекратить пальбу. Четверо разбойников были убиты и несколько ранены; остальные удрали в горы.

Вслед за тем мы перенесли свой бивуак, расположенный под скалами, на более открытое место и здесь к ночи устроили укрепление, составив квадрат из уложенных верблюдов и багажа. Поочередно двое казаков караулили; все прочие спали, не раздеваясь, с ружьями в руках и револьверами за поясом.

Остальное время дня после своего неудачного нападения ёграи ездили взад и вперед и по гребням ближайших гор, вероятно, наблюдая за нами и собираясь с силами. Всю ночь были слышны дикие крики в ближайших аулах—там для нас готовилось отмщение...

Незавидно, но в высшей степени интересно было в это время наше положение. С одной стороны наша маленькая кучка—всего двенадцать европейцев, с другой—целая орда дикарей, нам враждебных. Там—грубая физическая сила, здесь—сила нравственная. Эта-то нравственная сила должна была победить и победила !..

Утром следующего дня, лишь только взошло солнце, мы убрали свой бивуак. Три эшелона нашего каравана были поставлены рядом друг с другом. Впереди их собрались все мы кучею, с винтовками в руках, с револьверами у пояса; в сумке у каждого находилось по сто патронов; около четырех тысяч тех же патронов везлись на вьюках. В таком боевом порядке двинулись мы вперед к ущелью, которое лежало по пути недалеко впереди нас. Ёграи заняли это ущелье конною партией, стоявшею при входе, и несколькими стрелками, усевшимися (как было видно издали в бинокль) с фитильными ружьями на скалах; другая конная партия расположилась на скате горы прямо против нашей ночевки; наконец третья собралась немного сзади, вероятно для того, чтобы атаковать нас с тыла или, быть может, задержать наше отступление. Последнее, впрочем, для нас совершенно было невозможно, если бы даже и желалось. Куда мы могли отступать? Назад за Тан-ла? Но там бы мы встретили все тех же ёграев, притом ободренных нашею трусостью; да, наконец,

до Цайдама лежало более 700 верст, быстро пройти которые невозможно было с нашими усталыми верблюдами. Оставалось, следовательно, одно — пробиваться вперед.

Лишь только караван наш тронулся с места, ёграи, которых собралось всего человек 60 или 70, пришли в движение. Передняя партия построилась при входе в ущелье; задняя осталась наблюдать; средняя же поехала шагом на одной высоте с нами, только по противоположному скату гор, окаймлявших долину. Так прошли мы около двух верст под наблюдением и в сопровождении разбойников. В это время средняя их партия приблизилась к нам шагов на семьсот; недалеко также оставалось и до той кучи, которая заслонила вход в ущелье. Сократить еще расстояние не было расчета, так как ёграи на своих отличных конях в несколько мгновений могли прискакать к нам и наш главный шанс—дальнобойные, скорострельные ружья не могли бы быть пущены в дело как следует. Поэтому я решил палить отсюда. «На семьсот шагов поставь прицелы!»—скомандовал я своим спутникам, и затем, при слове «пли», двенадцать пуль ударили в ближайшую кучу ёграев. Не успели те опомниться, как прилетел другой залп, а за ним третий. Разбойники бросились на уход, врассыпную, в гору и слезли с коней, вероятно для того, чтобы изображать меньшую цель или даже отчасти прикрывать себя туловищами лошадей. Тем временем мы подняли прицелы у берданок на 1 200 шагов и послали залп в партию, стоявшую при входе в ущелье. Однако пули не долетели до ёграев и взрыли песок впереди их лошадей. Я велел казакам взять самый верхний прицел, и следующий залп был удачнее первого. Разбойники заволновались; после же еще двух залпов пустились также врассыпную на уход.

Так мы отделались от конных врагов, которых провожали то залпами, то одиночными выстрелами до тех пор, пока могли доставать наши пули. Были ли убитые или раненые и сколько—мы не могли видеть на пересеченной местности; да притом, пользуясь благоприятными минутами, нужно было спешить пройти ущелье. Людей, сидевших здесь на скалах с ружьями, уже не было видно; тем не менее, я отрядил двух солдат вверх на гору для осмотра местности. Сами же мы шли попрежнему кучею впереди верблюдов и держали ружья наготове. Но, к крайнему удивлению, в ущелье никого не оказалось, хотя видно было свежее место, где только что ночевали ёграи, караулившие этот важный для них пункт. Вероятно, видя, как далеко бьют наши ружья, защитники ущелья не пожелали испытать на себе действия этих ружей в более близком расстоянии и убрались подобру-поздорову, пока мы стреляли в конные партии. Из них задняя исчезла также неизвестно куда. Две же другие, разогнанные перед тем нашими выстрелами, собрались, быть может, совместно с защитниками ущелья на вершине горы и оттуда, вероятно, глазами грифов провожали наш караван. Последний благополучно миновал короткое ущелье и вышел на широкую равнину, где мы, со своими скорострелками, могли считать себя почти в безопасности.

Горячие минеральные ключи. При выходе из упомянутого ущелья нам встретились минеральные ключи, которые лежат на южном склоне Тан-ла по р. Тан-чю в двух местах, отстоящих одно от другого на 13 верст. Мимо верхних из этих ключей мы только прошли; возле же последних, находящихся на абсолютной высоте 15 600 футов, ночевали. При обратном следовании через Тибет из обоих ключей взяты были образчики воды, химическое разложение которой обязательно

сделано профессором дерптского университета, доктором К. Г. Шмидтом[1]. Результаты, им полученные, показывают, что описываемые ключи известково-щелочные, притом слабого минерального состава: в 1 000 частях воды сумма минеральных солей для верхних ключей—1,07, уд. вес—1,00095, для нижних—1,18, уд. вес—1,00113.

В верхних минеральных ключах собственно один только ключ, но могучий. Его температура, измеренная 11 декабря при обратном нашем пути, была +32°. Место, где бьет этот ключ, обставлено большими (8—10 сажен по отвесу) известковыми скалами, образованными частью накипями самой минеральной воды; внизу расстояние между скалами не более четырех сажен. Минеральный ключ выливается здесь из подножия скалы северного берега ущелья. Внутри этой скалы слышится постоянно глухой шум, клокот воды и равномерные удары, как бы молотом; сбоку лежит отверстие вроде трубы, из него выходит удушливый пар. Вода, выливаемая ключом, образует небольшой зимою не замерзающий ручей, который вскоре соединяется с речкою Тан-чю.

Нижние минеральные ключи расположены, как упомянуто выше, в 13 верстах от верхних, также на р. Тан-чю, к которой круто спускаются здесь луговые скаты окрестных гор. На левом берегу стоят небольшие (4—5 сажен высоты) скалы; поверх их видны конические отложения известкового туфа, некогда бывших здесь ключей. Ныне эти ключи существуют лишь по берегу (всего более правому) и местами по дну самой р. Тан-чю, на протяжении около ста сажен. Здесь эти ключи довольно многочисленны. Два из них бьют фонтанами фута на три или на четыре вверх; остальные—то выходят маленькими струйками, то с шипением вырываются из земли, то клокочут, словно в чаше, в собственных отложениях туфа. Наибольшая температура, найденная мною в нижних ключах как при переднем, так и при обратном нашем следовании[2], была + 52°. Там, где температура воды не слишком высока (19—20°), красовались, несмотря на зиму, зеленые водоросли, толклись мошки и играли рыбки—Nemachilus stoliczkai и Schizopygopsis n. sp.; их мы наловили в свою коллекцию. Кроме того, я убил здесь пару обитавших в скале филинов (Bubo sp.) и случайно зимовавшего крохаля (Mergus merganser). Впоследствии мы узнали, что на нижних минеральных ключах прежде, летом, ставились черные палатки и войлочные юрты, в которых жили больные, приезжавшие из Лхасы и из соседних частей Тибета для пользования минеральною водою. Но однажды ёграи и голыки уничтожили это стойбище, и с тех пор здесь никто не живет.

Нам не сказали, существуют ли подобные минеральные ключи в других частях южного склона Тан-ла, но они, по исследованию пундитов, встречаются также в горах, окружающих оз. Тенгри-нор.

С п у с к с Т а н - л а. Немного южнее нижних минеральных ключей высилась, недалеко вправо от нашего пути, вечноснеговая группа Мункар; ею заканчивались крупные горы, встреченные нами на южном склоне Тан-ла. Далее вниз попадались лишь холмы или горы невысокие, и местность приняла волнистый характер, такой же самый, как и на северной стороне того же плато; наклон его попрежнему был весьма пологий. Растительность встречалась та же самая, только мото-ширики еще

---

[1] Подробный анализ этого разложения помещен Шмидтом в «Bulletin de l'Académie Impériale de sciences de St.-Petersbourg», т. XXVIII, № 1.

[2] 8 ноября и 10 декабря 1879 года.

более заполнили собою местность. Впрочем, в нижнем поясе южного склона Тан-ла травянистая флора по горам несколько лучше; местами, по обрывам, здесь встречаются чернобыльник и крапива; кой-где попадаются и кустарники [курильский чай]—Potentilla. Трава на мото-шириках была выедена, вероятно скотом ёграев, а на горных скатах истреблена пищухами (Lagomys ladacensis?), норы которых встречались в бесчисленном множестве; крупных же зверей вовсе не было видно.

Климатические условия заметно изменились к лучшему—стало гораздо теплее. Несмотря на частые, почти ежедневные бури, являвшиеся всего более от юго-запада, термометр при наблюдении в час пополудни показывал обыкновенно выше нуля, иногда до +6°. Снег лежал только на северных склонах гор, да и то лишь до 15 500 футов абсолютной высоты. Река Тан-чю, вниз по которой пролегал наш путь, местами была еще не замерзшая. Погода день в день стояла ясная, как и в течение всего ноября[1].

На пятый день от перевала через Тан-ла мы спустились, при 14 700 футов абсолютной высоты, окончательно с этого плато и вышли на р. Сан-чю, которая впадает в Тан-чю, называемую монголами Бугын-гол. Эта последняя течет далее к юго-востоку и впадает в р. Нап-чю, или Хара-усу, по монгольскому названию [Салуэн].

На Сан-чю мы встретили впервые кочевья тибетцев, черные палатки которых виднелись врассыпную там и сям по долине; между ними паслись многочисленные стада яков и баранов. Впоследствии оказалось, что здешние тибетцы, равно как и их собратья, кочующие далее вниз по р. Тан-чю и на юг до границы далайламских владений, подведомственны не Тибету, а сининским, следовательно китайским, властям.

Новое повышение местности. Невысокая гряда гор, называемая Джугулун, окаймляет собою с юга долину р. Сан-чю и вместе с тем служит северною каймою нового повышения местности. Последняя в виде холмистого и болотистого (мото-ширик) плато тянется почти с одинаковою абсолютной высотой, около 15 500 футов, довольно далеко на юг, вероятно до хребта Самтын-кансыр, стоящего на южном берегу р. Нап-чю. Этот вечноснеговой хребет, виденный нами издали, составляет, мне кажется, крайний восточный отрог гор Ниенчен-тан-ла[2], следовательно северной Гималайской цепи, непрерывно протянувшейся сюда от самого Каракорума. Самтын-кансыр служит разделом вод, текущих с северного его склона в Хара-усу, а с южного в Яру-цампо, т. е. в верхнюю Брамапутру.

Путь наш по новому плато лежал попрежнему на юг. Характер местности здесь был всюду одинаков: невысокие куполообразные холмы, местами выравненные в небольшие хребтики, и между ними сплошь кочковатые болота; притом почва усыпана крупными гнейсовыми валунами. Тропинка отвратительная, в особенности для верблюдов, которым приходилось лазить то по камням, то по кочкам мото-шириков. Всюду встречались кочевья тибетцев, которые, завидя наш караван, обыкновенно подъезжали верхами и предлагали купить баранины, масла или чуры[3].

Тревожные вести. На втором переходе от Сан-чю нас встретили трое монголов, из которых один, по имени Дадай, оказался старин-

[1] В ноябре только три дня были облачны, да и то наполовину.
[2] Открытых пундитом к югу от оз. Тенгри-нор.
[3] Чур, чура или чурма—сушеный творог.

ным знакомцем из Цайдама; двое же других были ламы из хошуна Карчин[1]. Как Дадай, так и один из карчинских лам отлично говорили по-тибетски, чему мы несказанно обрадовались, ибо до сих пор шли без языка и объяснялись с местными жителями пантомимами.

Однако встреченные монголы привезли нам нерадостные вести. Они сообщили, что тибетцы решились не пускать нас к себе, так как еще задолго до нашего прибытия разнесся слух, что мы идем с целью похитить далай-ламу. Этому слуху все охотно поверили, и возбуждение народа в Лхасе было крайнее. По словам монголов, стар и мал в столице далай-ламы кричали: «Русские идут сюда затем, чтобы уничтожить нашу веру; мы их ни за что не пустим; пусть они сначала перебьют всех нас, а затем войдут в наш город». Для того же, чтобы подальше удержать непрошеных гостей, все нынешнее лето были выставлены тибетские пикеты от ближайшей к границе деревни Напчу до перевала Тан-ла; к зиме эти пикеты были сняты, так как в Лхасе думали, что мы отложили свое путешествие. Теперь же, ввиду нашего неожиданного появления, о чем дано было знать с первых тибетских стойбищ на Сан-чю, наскоро собраны были на границе далайламских владений солдаты и милиция, а местным жителям воспрещено под страхом смертной казни продавать нам что-либо и вообще вступать с нами в какие-нибудь сношения. Кроме того, из той же Напчу посланы были к нам двое чиновников с конвоем в десять солдат узнать подробно, кто мы такие, и сейчас донести об этом в Лхасу. Встреченные нами монголы отправлены были также с этим отрядом в качестве переводчиков, но наши новые знакомцы признали за лучшее ехать вперед и обо всем предупредить нас.

Встреча тибетских чиновников. В сопровождении монголов, которых, конечно, засыпали вопросами, мы сделали свой переход и, уже перед остановкою, встретили тибетских чиновников с их конвоем. Эти посланцы держали себя весьма вежливо и вошли в нашу юрту только по приглашению. Здесь прибывшие чиновники обратились к нам с расспросами о том, кто мы такие и зачем идем в Тибет. Я объяснил, что мы все русские и идем в Тибет за тем, чтобы посмотреть эту неизвестную для нас страну, узнать, какие живут в ней люди, какие водятся звери и птицы, какая здесь растительность и т. д.; словом цель наша исключительно научная. На это тибетцы отвечали, что русские еще никогда не были в Лхасе, что сюда с севера приходят только монголы, тангуты да сининские торговцы и что правительство тибетское решило не пускать нас далее. Я показал свой пекинский паспорт и заявил, что самовольно мы никогда не пошли бы в Тибет, если бы не имели на то дозволения китайского государя, что, следовательно, не пускать нас далее не имеют никакого права и что мы ни за что не вернемся без окончательного разъяснения этого дела. Тогда чиновники, вероятно заранее получившие приказание, как поступать в случае нашего упорства, просили нас обождать на этом месте до получения ответа из Лхасы, куда тотчас же будет послан нарочный с изложением обстоятельств дела. Ответ, как нас уверяли, мог получиться через двенадцать дней. На подобную комбинацию, как наиболее в данном случае подходящую, я согласился. Тогда тибетцы записали наши фамилии и число казаков, а также откуда выдан нам паспорт, и поспешно уехали в Напчу. Переводчики же монголы еще на некоторое

[1] Хошун Карчин лежит на верховьях р. Шара-мурени, к северо-востоку от Пекина и Жэ-хэ (95).

время остались с нами. Они ручались головою, что нас не пустят в Лхасу, и вместе с тем объясняли, вероятно по приказанию свыше, что китайцы в данном случае не виноваты, что китайский резидент в Лхасе будто бы много раз советовал правителям Тибета принять нас с почетом, но его просьбы и увещания остались напрасными. Мне же кажется, что именно китайцы-то и загородили нам дорогу в Тибет, хитро распустив слух о том, что тайная цель нашего путешествия есть похищение далай-ламы. Невежественная, фанатичная масса, конечно, охотно поверила такому слуху, как всегда и везде она поверит любой нелепости, лишь бы нелепость эта потворствовала ее излюбленным привычкам и не противоречила ее грубым идеалам. Для высшей иерархии Тибета также весьма желательно было не пускать нас к себе, во-первых, по подозрительности и недоверию к иностранцам вообще, а во-вторых, вследствие того опасения, чтобы наше посещение Лхасы не открыло бы сюда доступ и другим европейцам, в особенности миссионерам.

Необходимость остановки. Через день после отъезда тибетских чиновников и монголов-переводчиков к нам прибыло пятеро тибетских солдат из Напчу с предложением перенести нашу стоянку на другое, более удобное, место. Мы охотно согласились на это и, продвинувшись пять верст дорогою, ведущею в Напчу, свернули вправо, версты на две, на ключевой ручей Ниер-чунгу, вытекающий из подошвы горы Бумзà. Невольная остановка эта отчасти была нам кстати и во всяком случае неизбежна. Как мы, так и все наши животные сильно устали, в особенности после того, как в продолжение тринадцати суток, от самой Мур-усу, шли без дневок. Двое казаков простудились, а один из них, именно Телешов, даже потерял голос, так что почти не мог говорить более месяца. Отдых, следовательно, для всех нас был необходим. Затем, даже при решении итти далее, нам крайне трудно было бы это исполнить, так как от д. Напчу до Лхасы дорога для верблюдов весьма затруднительна, с такою же громоздкою кладью, какова была наша, совершенно невозможна. В Напчу караваны богомольцев обыкновенно оставляют своих верблюдов и следуют далее на яках, которых нанимают от местных жителей. Для нас подобных наемщиков, вероятно, не нашлось бы вовсе.

Наконец, в-третьих, совершенно бесцельно было бы ломить вперед, наперекор фанатизму целого народа. Положим, если бы достать вьючных яков или, в крайнем случае, бросив часть клади, взять наших усталых верблюдов, то можно было продвинуться еще немного вперед, но какую цель мог иметь подобный поход? Все мы должны бы были держаться в куче, постоянно сторожить и быть может, не один раз пускать в дело свои берданки. Научные исследования при подобных условиях были бы невозможны. Притом мы, конечно, сильно рисковали бы собою и во всяком случае надолго оставили бы по себе недобрую память. Лучшим исходом при подобных обстоятельствах было остановиться и ждать ответа из Лхасы. Так мы и сделали ([96])

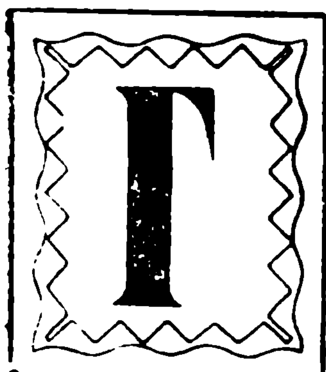

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОСТАНОВКА БЛИЗ ГОРЫ БУМЗА

[16/28 нобря—2/14 декабря 1879 г.]

Гора Бумза и ключ Ниер-чунгу.—Кочевые тибетцы.—Их наружный тип, одежда, жилище, пища, скотоводство, нравственные качества, семейная жизнь, язык и обычаи, административное разделение.—Тягостная наша стоянка.—Охота за ягнятниками и снежными грифами.—Сношения с местными жителями.—Тибетские солдаты.—Неудачная посылка в Напчу.—Торговый тибетский караван.—Монголы-переводчики.—Сведения, ими сообщенные: маршрут от Напчу до Лхасы; об этом городе; о далай-ламе; о населении Тибета.—Приезд посланцев из Лхасы.—Мое решение возвратиться.—Четвертый раз не попадаю в столицу Тибета.

ора Бумза́, близ восточной подошвы которой на абсолютной высоте 15 500 футов мы расположили свой бивуак, приобрела неожиданную известность, сделавшись крайним южным пунктом нашего путешествия по Тибету. Сама эта гора почти не выдается перед другими вершинами, рассыпанными на соседнем плато, и отличается лишь столовидною формою. Абсолютная высота Бумза́ 17 100 футов, но над своею подошвою она поднимается лишь на 1 600 футов. Восточный и южный скаты довольно обрывисты и изборождены небольшими скалами темного гнейса, богатого слюдою; вершина же совершенно плоская, усыпана крупно наколотыми кусками обыкновенного крупнозернистого красного гнейса. Из этих камней сложено здесь большое «обо».

Несмотря на свою громадную абсолютную высоту, гора Бумза́ не достигает снеговой линии; ее плоская вершина в конце ноября была почти свободна и от зимнего снега. Даже растительность здесь еще не исчезает: между камнями нам попадалась камнеломка и некоторые другие альпийские формы растений, а сотнею футов ниже, в ложбинах горных скатов, уже залегали кочковатые болота, изрытые норами пищух. С вершины Бумза́ совершенно ясно виден на юге вечноснеговой хребет Самтынкансыр, а на севере узкою полосою тянутся вершины Тан-ла; к западу же холмистое плато уходит за горизонт.

Из восточной подошвы описываемой горы вытекают многие ключи и, собравшись воедино, образуют ручей Ниер-чунгу, на котором мы устроили свой бивуак. Местность здесь была сравнительно удобная, в особен-

ности для Тибета. По крайней мере имелось вдоволь аргала на топливо, сносный подножный корм животным и незамерзшая ключевая вода; на что-либо другое мы не претендовали.

Кочевые тибетцы. В окрестностях нашей стоянки везде кочевали тибетцы, с которыми мы теперь и познакомились. К сожалению, знакомство было самое поверхностное, так как мы не имели в большей половине своего пребывания между этими тибетцами переводчика, услугами которого могли бы пользоваться. Выходило, что, живя среди мало извест-

«Обо» на вершине горы Бумза́

ного населения, мы должны были ограничиться лишь наблюдениями, которые сами бросались в глаза, и сведениями, которые случайно до нас доходили ([97]).

Их наружный тип. По своему наружному типу тибетцы, нами виденные, много походят на своих сородичей тангутов. В общем как те, так и другие не похожи ни на монголов, ни на китайцев, но отчасти напоминают наших цыган. Впрочем, если сделать более правильное, хотя и грубое описание физиономии описываемого народа, то следует предложить хорошенько смешать монгола с цыганом и эту смесь разделить пополам —в результате получится как раз тибетец[1]. Более же детальный портрет будет следующий: рост мужчин средний, лишь изредка высокий; грудь впалая; сложение вообще не сильное; цвет кожи темносмуглый, или даже светлокофейный; череп продолговатый, сжатый с боков, поэтому лицо вытянутое; лоб плоский; переносица вдавлена; нос всего чаще прямой и тонкий; скулы немного выдающиеся; глаза большие, черные, не косые и не глубоко посаженные; уши средней величины, не оттопыренные; губы иногда толстые; подбородок выдающийся; передние зубы широкие, редкие, посаженные у многих спереди десен и потому безобразно выдающиеся

[1] Следует оговорить, что здесь описываются лишь кочевые северные тибетцы. В Южном Тибете они, быть может, несколько иные, а в самой Лхасе, по описаниям путешественников, люди высшего сословия так же красивы, как и европейцы.

вперед; усы и борода растут плохо, да притом еще обыкновенно выдергиваются. Волосы на голове черные, длинные, сбитые клочковатыми прядями, словно хвосты у яков. Эти волосы никогда не стригутся, не чешутся и в беспорядке падают на плечи; сзади же заплетаются в косу, которой, впрочем, иногда и не бывает. Ламы бреют всю голову. Коса обыкновенно надставляется шелковыми нитками и украшается костяными кольцами, красными кораллами, бирюзою или медными и костяными бляхами. Кроме того, описываемые тибетцы нередко носят, обыкновенно в левом ухе,

Тибетец старик

серебряные, иногда очень большие серьги; на пальцы надевают серебряные перстни.

Тибетские женщины малорослы, грязны и вообще некрасивы, но изредка попадаются сносные физиономии; цвет лица светлее, нежели у мужчин; передние зубы более правильны. Волосы свои на голове тибетки разделяют спереди посредине пополам и заплетают их как здесь, так и сзади головы на множество мелких косичек, которые затем связываются на высоте плеч и на самых концах двумя поперечными лентами, украшенными, смотря по состоянию, кораллами, бирюзою, бубенчиками, серебряными или медными бляхами и даже китайскими медными монетами (чжосами). От середины верхней ленты спускается сзади, почти до полу, широкая, иногда тройная лента, украшенная подобным же образом. Кроме того, тибетки также носят в ушах серьги и кольца на руках. У детей обоего пола мы нередко видали на лицах багрового цвета лишаи, быть может результат постоянной нечистоты и летней сырости.

О д е ж д а. Зимняя одежда тибетцев, как у мужчин, так и женщин[1], состоит из длинной бараньей шубы, покрытой у более зажиточных

---

[1] Летнего одеяния тех и других мы не видали, но, судя по описанию миссионером Desgodins («La mission du Thibet», 1855—1870, p. 236) костюма женщин Восточного Тибета, летнее женское платье, вероятно, и у описываемых кочевников разнится от мужского (98).

далембой или красной шерстяной материей. Шуба эта подпоясывается таким образом, что образует на пояснице мешок; правый рукав у мужчин обыкновенно спущен, и рука остается голою, иногда даже в холод. Рубашек и панталон не носят; вместо последних надевают овчинные наколенники. Сапоги шьются из грубой шерстяной материи, украшенной красными и зелеными продольными полосами; голенища до колен, подошвы кожаные, чулков не знают. На голове оба пола носят бараньи или лисьи шапки, иногда же повязки из красной шерстяной материи; часто, несмотря на мороз, голова остается непокрытой.

За поясом, впереди живота, у мужчин всегда надета сабля с весьма плохим клинком, но часто снаружи богато отделанная серебром, бирюзою и крупными красными кораллами; кроме того, за поясом же торчит длинная трубка, а с левого бока висит ножик и мешочек с разными мелочами. За пазуху, или, вернее в мешок, образуемый подпоясанною шубою, кладется чашка, кисет с табаком и изредка даже платок, в который сморкаются. У женщин за поясом также висит ножик и мешочек с мелочами; иногда здесь привешиваются ключи и связка китайских медных монет.

Некоторые мужчины носят на правом плече сзади небольшие далембовые или суконные лоскутки, украшенные бирюзою, иногда кораллами. Лоскутки эти играют роль талисманов, предохраняют от болезней и разных бед; силу свою получают от священнодействий лам.

Ж и л и щ е. Жилище тибетца, как зимнее, так и летнее, составляет черная палатка, сделанная из грубой, сотканной из волос яка, материи. Форма этой палатки почти квадратная; высота в большой рост человека; площадь внутреннего пространства бывает различна, смотря по величине семьи и зажиточности хозяина. Подпорками внутри служат три деревянных кола, поставленные один посредине, два же другие по бокам крыши, почти плоской. От наружных верхних углов и от средины каждого бока протянуты веревки, прикрепленные к земле также кольями. Вверху, почти посредине крыши, сделано продольное отверстие для света и выхода дыма. На земле под этой щелью, в средине жилья, устроен квадратный глиняный очаг, в котором днем, по крайней мере зимою, постоянно горит аргал[1]; здесь же в плоском железном котле варится чай и еда. Возле очага разостланы для сиденья бараньи, иногда волчьи, шкуры, на которых, вероятно, и спят ночью. По внутренним бокам описываемой палатки складывается, в виде фундамента, сухой аргал, покрытый иногда в заднем углу грубою шерстяною материей. На таких подмостках лежит платье, запасы провизии и домашняя утварь. Последняя, впрочем, весьма незатейлива и состоит, кроме горшков и чашек, предназначенных отдельно для каждого члена семьи, из небольших деревянных кадок, где держат кислое молоко, а также из глиняных кувшинов, или, чаще, из пустых яковых рогов, в которых сохраняется свежее молоко. С наружной стороны почти каждой палатки устраивается из аргала загон для ночевки баранов.

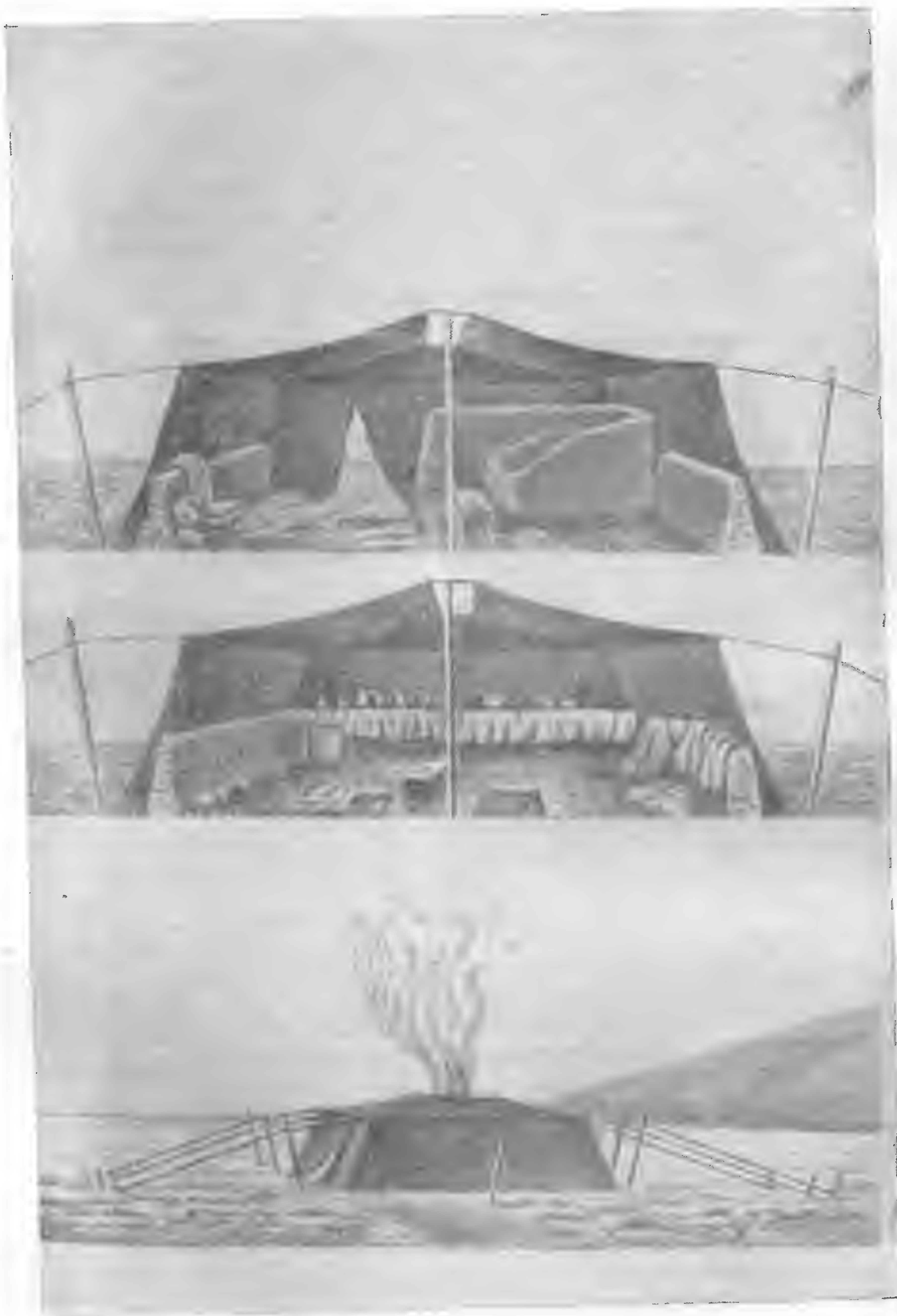
Несколько палаток, иногда с десяток и более, чаще же менее, соединяются в одно стойбище. Места таких стойбищ, равно как и продолжительность пребывания на них, сообразуются с временами года и достаточностью корма для скота. При обилии последнего у виденных нами тибетцев перекочевки с места на место должны производиться часто.

---

[1] Летом, в период дождей, мокрый аргал негоден для топлива; тогда тибетцы, вероятно, разводят огонь лишь изредка.

Типы тибетцев

Тибетская палатка

П и щ а. Главною пищей описываемых кочевников служит баранье или, реже, яковое мясо, которое они едят довольно часто сырым. Подобная привычка явилась, вероятно, вследствие затруднительности, иногда невозможности зажечь летом намоченный дождем аргал. Как бы то ни было, но свежему человеку противно смотреть на подобную мясную трапезу тибетцев, обыкновенно усевшихся предварительно вокруг очага. Каждому члену семьи, а также и гостям, если они хотят есть, хозяин бросает, словно собакам или зверям, по куску, тут же отрезанному, сырой говядины. Получивший свою порцию вынимает нож и начинает с жадностью есть окровавленное мясо. Кроме того, тибетцы по временам варят для себя суп из бараньих и яковых костей, сохранявшихся в продолжение трех или четырех месяцев. Кости эти предварительно толкутся, и их навар считается весьма полезным для здоровья.

Подспорьем к мясной пище служит чай с сушеным творогом, называемым чурою; кроме того, в чай подбавляется молоко и масло. Наконец, весьма любимым блюдом служит тарык, т. е. вскипяченное и потом скисшееся молоко. В изготовлении пищи, равно как и в посуде, у тибетцев такая же отвратительная нечистота, какая встречается у монголов, киргизов и у других азиатских номадов [кочевников].

С к о т о в о д с т в о. Исключительное занятие виденных нами тибетцев составляет скотоводство. Земледельческий район отодвигается далее, в местности, ближайшие к Лхасе и вниз по р. Тан-чю, где, верстах в ста ниже устья Сан-чю, скучено, как нам сообщали, довольно густое население тех же подведомственных Синину тибетцев, занимающихся земледелием. Из скота всего более содержатся яки и бараны; в меньшем числе лошади и козлы; обыкновенных коров здесь нет вовсе.

Яки, разводимые тибетцами, встречаются также в Северной Монголии и в горах Алашанских, но лишь в Тибете имеют свою настоящую родину. Здесь на необозримых высоких плоскогорьях, изрезанных горными хребтами, животное это находит все любимые условия своего существования: обилие воды, прохладу в разреженном воздухе и обширные пастбища. Однако последние доставляют лишь скудный корм, главным образом жесткую тибетскую осоку на мото-шириках; помимо этих болот, если и выдается где-нибудь подобие луга, то трава здесь, мелкая, едва поднимающаяся от земли, до того иссушивается бурями, что, как уже сказано в девятой главе, пасущиеся яки принуждены бывают не щипать, но лизать эту траву своим грубым языком. Несмотря на подобную пищу, тибетские яки дают такое же превосходное молоко, как и яки, пасущиеся на роскошных альпийских лугах восточного Нань-шаня. Помимо этого молока, из которого приготовляется отличное масло, тарык и чура, яки доставляют своим хозяевам мясо, кости и грубую шерсть, обстригаемую обыкновенно в феврале; кроме того, животные эти во всем Тибете служат, подобно монгольским верблюдам, для перевозки тяжестей и отчасти для верховой езды. По крутым горам и по самым опасным тропинкам вьючный или верховой як идет уверенною поступью и никогда не оплошает. Даже по льду он ходит и бегает хорошо; там, где очень скользко, катится на своих копытах, словно на коньках. Преобладающий цвет домашнего яка черный, иногда светлокоричневый или пегий; гораздо реже встречаются совершенно белые экземпляры или черные с белыми хвостами. Такие хвосты, как известно, дорого ценятся в Индии и Китае. Нрав описываемого яка дикий, свирепый, охотно они слушаются лишь своих пастухов. В нас же яки всегда узнавали чужих людей и иногда даже бросались к нашему

каравану, так что, во избежание свалки, мы принуждены были стрелять дробью в наиболее злых быков ([99]). В караване вьючные яки, у которых обыкновенно продето сквозь нос деревяннсе кольцо для веревки, заменяющей узду, не привязываются один к другому, подобно верблюдам, но идут свободно, кучею и даже кормятся по пути. На каждое животное кладется вьюк пудов в пять. Но для того, чтобы завьючить яка, необходимо уменье туземца, да и то иногда наиболее злые или же еще непривычные экземпляры бодают своих вожаков и сбрасывают вьюк.

Сравнительно с домашним яком Северной Монголии тибетский его собрат отличается меньшим обилием или даже отсутствием длинных волос

Тибетский домашний як

на спине и верхних боках туловища, чем весьма походит на живущего рядом яка дикого, несомненного прародителя домашней породы.

Бараны, содержимые тибетцами в неменьшем обилии, чем и яки, отличаются от баранов монгольских измененными рогами и отсутствием курдюка ([100]). Рост их большой, нрав дикий, окраска преимущественно белая; голова же черная или, реже, коричневая; нередки и пегие экземпляры; шерсть очень длинная, но грубая. Мясо вкуса незавидного; да и жирны описываемые бараны никогда не бывают, ксечно, вследствие плохих пастбищ. Баранье мясо для тибетцев, как и для всех номадов Азии, составляет любимое кушанье; молоко тех же баранов употребляется, как коровье, для еды и на масло; шерсть и шкура доставляют предметы одежды. Наконец, баран в Тибете служит вьючным животным и, с кладью в 25 фунтов, проходит целые тысячи верст[1]. Вместе с баранами тибетцы держат и коз, но в небольшом сравнительно количестве.

---

[1] Так, пундит Наин Синг во время своего знаменитого путешествия из Ладака в Лхасу в 1873 году вез свой багаж на 26 баранах, из которых 4 выдержали весь путь на протяжении около 2 000 верст.

Лошади тибетские небольшого роста с грубыми статьями и длинною шерстью, но весьма сильные и выносливые; нрава смирного. Они довольствуются самым скудным кормом; кроме того, взамен зернового хлеба едят сушеный творог (чуру), а некоторые даже сырое мясо. Тем и другим туземцы кормят своих коней, когда пастбища станут уже чересчур плохи, а также во время сильных зимних морозов. От твердой травы на мотошириках зубы здешних лошадей рано стираются.

Родившись и выросши на громадной абсолютной высоте, тибетские лошади не чувствуют усталости в здешнем разреженном воздухе и с седоком на спине быстро взбираются даже по крутым горам. К такому лазанью применены и вполне ступковидные, не знающие подков копыта описываемых лошадей.

Вообще скотоводство у тибетцев идет очень хорошо, чему трудно даже поверить, зная скудость здешних пастбищ и неблагоприятный климат. Но в Тибете, как и во всех пустынях Центральной Азии, существуют три великих блага для скота: обилие соли в почве,отсутствие летом кусающих насекомых и простор выгонов, по которым животные гуляют круглый год, не зная зимней неволи наших стран. Однако, несмотря на обилие скота, цены на него в Тибете довольно высоки. Так, на нашу звонкую монету, баран стоит 2 рубля; як—10 рублей; лошадь посредственная от 30 до 40 рублей; 1 гин[1] масла—20 копеек; 1 гин чуры—10 копеек. Свежее молоко достать обыкновенно очень трудно, и стоит оно от 7 до 10 копеек за количество, равное нашей бутылке. Для загона скота, в особенности баранов, тибетские пастухи употребляют кожаные пращи, которыми очень ловко бросают небольшие камни.

Нравственные качества. Из всех кочевников, виденных мною в Азии, тибетцы в нравственном отношении были наихудшие. Чуждые гостеприимства и добродушия, столь присущего монголам, не испорченным китайским влиянием, обитатели Северного Тибета, несмотря на свой пастушеский быт, могут поспорить относительно хитрости, жадности к деньгам, плутовства и лицемерия с опытными проходимцами любого европейского города. Всегда, лишь только нам приходилось иметь какие-либо сношения с описываемыми кочевниками, мы убеждались, что это люди без всякой совести и поголовные обманщики. Сначала мы полагали, что таково придорожное население, испорченное проходящими богомольцами; но монголы единогласно уверяли нас, что не лучшие люди живут в Лхасе, да и во всем Тибете. «Душа у них, как сажа,—говорили нам те же монголы,—обворовать, обмануть другого, в особенности чужестранца, считается чуть ли не доблестью в столице далай-ламы»[2]. Затем характерную черту описываемых кочевников, как и всех вообще номадов, составляет лень, чему, конечно, всего более способствует пастушеская жизнь.

Религия виденных нами тибетцев—буддизм, сколько кажется, красного толка; достоверно узнать об этом мы не могли ([101]). В исполнении обрядов своей веры тибетцы аккуратны и усердны до крайности. Всегда и везде они бормочут молитвы, смысла которых сами не понимают; притом еще зачастую вертят в левой руке небольшой цилиндр, в который вложены

---

[1] $1^1/_3$ нашего фунта.

[2] Такое показание и наши наблюдения совершенно противоречат описаниям большей части путешественников, обыкновенно восхвалявших нравственные качества тибетцев. Впрочем, миссионер Desgodins говорит то же самое, что и мы, относительно обитателей Восточного Тибета. «La mission du Thibet», 1855—1870, p. 231—233.

молитвы, писанные на клочках бумаги[1]. На шее почти все носят особые амулеты в виде довольно объемистого ящичка, иногда богато украшенного с передней стороны; в этот ящичек укладываются маленькие идолы, различные реликвии, написанные молитвы и заклинания, творимые ламами. Влияние последних на простой народ безгранично; их слова—закон для массы.

Любопытство и словоохотливость составляют также весьма заметную черту в характере описываемого народа. Низкопоклонство перед богатыми или власть имеющими лицами развито до крайней степени.

В разговоре со старшим, в особенности чиновником, тибетец только твердит: «лаксу», в знак одобрения речи начальника; совершенно же наоборот ведет себя относительно лиц низших или чем-нибудь от него зависящих.

Из похвальных качеств тибетцев можно указать лишь на то, что они в общем энергичнее монголов.

Семейная жизнь. В семейной жизни описываемых кочевников мы встретили замечательное явление, впрочем, уже наблюдавшееся путешественниками в Южном Тибете, Бутане и Ладаке, именно полиандрию, т. е. многомужество. Двое, трое, иногда четверо мужчин имеют одну общую жену[2], с которой живут без всякой ревности и ссор между собою; лишь изредка более зажиточные держат собственную жену, иногда двух(102). Сами женщины весьма легкого поведения и за деньги охотно продают свои ласки, даже с ведома мужей. Понятно, что при таких условиях семейная жизнь тибетцев не может отличаться особенными добродетелями. Притом холостые ламы вносят в народ еще бо́льший разврат, часто в самой противоестественной форме. В домашнем быту тибетские женщины нередко заправляют даже делами своих мужей. Обычай вымазывать черным лаком лицо перед выходом из дома, как то делается женщинами в Лхасе[3], здесь не существует.

Язык и обычаи. Язык виденных нами тибетцев, по словам бывшего у нас впоследствии в услужении монгола-переводчика, довольно хорошо объяснявшегося с туземцами, тот же, каким говорит народ в Лхасе. Но язык этот, по показанию того же монгола, много отличается от говора кукунорских тангутов, так что эти последние с трудом объясняются по приезде в Тибет. Мы сами, конечно, не могли сделать никаких лингвистических изысканий при той обстановке, в которой находились в Тибете(103).

Из обычаев тибетцев узнали также немногое. При визитах здесь меняются друг с другом, взамен наших карточек, так называемыми хадаками—небольшими, в виде платка или, чаще, полотенца, отрезками белой или зеленоватой шелковой материи различного качества, смотря по состоянию и взаимному отношению знакомящихся лиц. Обычай этот, существующий во всем Тибете, проник также к тангутам и частию к монголам, в особенности южным. Кроме того, при встрече и прощаньи, в особенности младшего со старшим, первый снимает шапку и наклоняет немного голову, высовывая при этом язык. В знак удивления те же тибетцы дергают себя за щеку. В разговорах с равными, подобно китайцам и монголам, нередко жестикулируют пальцами рук, показывая их лицу, с которым

[1] Подобный обычай обращения к богу весьма обыкновенен и у тангутов.

[2] Спрошенные нами по этому поводу тибетцы объяснили, не знаю насколько верно, что они держат одну жену на несколько человек мужчин для экономии платы податей, которыми в Тибете будто бы обложены и женщины.

[3] Huc. Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet, V. II, p. 258—260.

ведется речь: большой из пальцев означает одобрение или вообще хорошее качество, мизинец—наоборот; средние пальцы выражают и среднее качество вещи. Все мужчины, нередко и женщины, курят табак, но водки не пьют. Впрочем, пьянство в Центральной Азии—порок почти неизвестный. Каждый тибетец имеет свой особенный горшок и чашку, из которых пьет и ест отдельно от других членов семьи. Принимать пищу или питье из чужой посуды, в особенности от иностранца, считается осквернением и большим грехом. Чашки обыкновенно носятся за пазухою и, как у монголов, считаются предметом щегольства; поэтому нередко их вытачивают из дорогого дерева и отделывают серебром.

Обычай хоронить мертвых состоит в том, что их прямо выбрасывают в поле на съедение волкам, вóронам и грифам; но ламы, сколько кажется, закапываются в землю. В самой Лхасе, как нам сообщали и как известно от прежних путешественников, судьба мертвеца решается ламами, которые по гаданию определяют, каким образом должен быть погребен труп: сожжен ли, брошен ли в реку, закопан в землю, или отдан на съедение птицам и зверям. В последнем случае мертвеца отвозят в степь и здесь во время чтения молитв режут тело на куски, которые бросают собравшимся грифам. Птицы эти хорошо знакомы с подобною добычею и мигом во множестве слетаются на нее, не боясь вовсе людей; кости скелета разламывают и бросают тем же грифам. Память умерших свято почитается.

А д м и н и с т р а т и в н о е р а з д е л е н и е. Все вышепоименованные тибетцы, как уже было сказано ранее, подчиняются в административном отношении не далай-ламе, но китайским властям из Синина. Таким образом, округ сининского ведения захватывает громадный район через Куку-нор, Цайдам и Северо-восточный Тибет, до границ собственно далайламских владений, т. е. тибетской провинции Уй[1]. От горы Бумзá, где мы стояли, до этой границы было около десяти верст ([104]).

Подведомственные Синину тибетцы разделяются на семь аймаков[2], или орó по-тибетски. Три из этих аймаков кочуют по р. Сан-чю и на юг отсюда до границы владений далай-ламы; четыре остальных расположены по р. Тан-чю, вниз от выхода ее с плато Тан-ла. Верстах в ста отсюда скучено, как нам сообщали, довольно густое население тех же тибетцев, но оседлых и занимающихся земледелием. По реке там уже растет кустарник, вероятно Myricaria, а на горах можжевеловое дерево. В оседлом районе, в аймаке Напчу[3], живет и чиновник[4], заведывающий всеми семью аймаками. Вот их названия, с показанием приблизительного числа палаток:

Омбу	40	палаток	на р. Тан-чю
Джару	40	»	на р. Тан-чю
Мейму	100	»	на р. Тан-чю
Напчу	500	»	на р. Тан-чю
Бэри	200	»	по р. Сан-чю и отсюда к югу до границы далайламских владений.
Адык	60	»	по р. Сан-чю и отсюда к югу до границы далайламских владений.
Замыр	400	»	по р. Сан-чю и отсюда к югу до границы далайламских владений.
Всего	1 340	палаток	

[1] Уй, Уэй, Вей, О, Ю—у различных путешественников и географов.

[2] Не хошунов ли? Узнать достоверно мы не могли [хошунов].

[3] Одноименный с тибетскою деревнею Напчу, находящеюся недалеко к югу от северной границы далайламских владений на караванной дороге монгольских богомольцев.

[4] Вероятно, из туземцев, но утверждаемый в своей должности сининским губернатором. Имя этого чиновника при нас было Хор-Байху-Джибжид.

Полагая средним числом по пяти человек на каждую палатку, получится общее число описываемого населения около 7 000 душ обоего пола.

Тягостная наша стоянка. На бивуаке близ горы Бумза́ нам суждено было провести восемнадцать суток, в тревожном ожидании ответа из Лхасы. От этого ответа зависела участь дальнейшего нашего путешествия. Верилось и не верилось насчет получения дозволения посетить столицу далай-ламы, откуда, быть может, мы сходили бы и в другие части Тибета. На случай отказа в пропуске я решил тотчас же итти назад в Цайдам и посвятить предстоящую весну, а если будет возможно, то и лето, исследованию верховьев Желтой реки, где, как известно, не бывали еще европейцы.

Теперь же наше положение оказывалось вдвойне неблагоприятным: во-первых, по неизвестности дальнейшей судьбы нашей, а во-вторых, потому, что мы были заперты и впереди, и позади.

На Тэн-ла, как с большим вероятием можно было предполагать, нас ожидали ёграи; впереди стояли тибетские войска, которых, вместе с милицией, собрано было в деревне Напчу до тысячи человек. От этого отряда человек двести расположены были авангардом на границе далайламских владений.

Первые дни невольной нашей остановки посвящены были экскурсиям по окрестностям и писанию различных заметок; казаки тем временем заняты были починкою износившейся одежды и вьючных принадлежностей. Вскоре все это было покончено, и мы не знали, куда деваться от скуки, проводя целые дни и ночи в дымной, холодной юрте. Теперешнее бездействие тяготило, пожалуй, хуже, чем все труды предшествовавшего перехода по Тибету, тем более, что и нравственное наше состояние нельзя было назвать удовлетворительным, ввиду неизвестности дальнейшей судьбы нашей экспедиции. Выходило, что вместо желанного отдыха, мы нашли себе чуть не заточение, которое притом отзывалось и на здоровье всех нас, несмотря на то, что даже ночные караулы для казаков были отменены. Возможно было это сделать потому, что местные жители достаточно ознакомились с нашим оружием; притом по ночам светила полная луна, и обе наши зайсанские собаки чутко бодрствовали.

Охота за ягнятниками и снежными грифами. Единственным нашим развлечением была охота за ягнятниками и снежными грифами, которые беспрестанно прилетали к нашему бивуаку в надежде поживиться куском бараньего мяса. Никогда не преследуемые в Тибете человеком, наоборот, постоянно получающие от него подачки в виде мертвых тел, эти громадные и осторожные птицы вели себя крайне доверчиво.

Грифы были еще несколько осмотрительнее; но ягнятники садились прямо возле нашей кухни, иногда не далее двадцати или тридцати шагов от занятых варкою пищи казаков. Странно было даже с непривычки видеть, как громадная птица, имеющая около девяти футов в размахе крыльев, пролетала всего на несколько десятков шагов над нашею юртою или над нашими головами и тут же опускалась на землю. Стрелять дробью в такую махину казалось как-то стыдно да, пожалуй, часто и бесполезно; поэтому все ягнятники убивались пулями из берданок. Вскоре мы настреляли десятка два этих великолепных птиц, из которых шесть наилучших экземпляров взяты были для коллекции.

Снежные грифы[1], как сказано выше, вели себя осторожнее ягнятников. Они постоянно только парили над нашим бивуаком, а затем усаживались, иногда кучею, на скате горы, шагах в пятистах от нашего стойбища. Тогда все мы, двенадцать человек, посылали в них залп из берданок, но, к удивлению, большею частию безуспешно. Пробовал я стрелять в лет этих громадных птиц, но опять-таки мало выходило толку. Правда, пуля почти всегда громко щелкала в маховые перья могучих крыльев, но в самое туловище не попадала, хотя расстояние не превосходило двухсот или трехсот шагов и гриф, как обыкновенно, летел совершенно плавно. Впрочем, туловище самой птицы сравнительно невелико, немного больше гусиного, и попасть пулею в такую малую, притом движущуюся, цель, на значительную дистанцию, конечно, очень трудно. Выпустив несколько десятков патронов, я убил в лет только двух ягнятников и ни одного снежного грифа. Тогда решено было добыть этих птиц посредством отравленного мяса. Посыпав кишки и прочие внутренности зарезанного для еды барана синеродистым калием, мы выложили их на то место, где обыкновенно садились снежные грифы. Последние, конечно, точас заметили приманку, но сразу заподозрили что-то недоброе. Долго, пожалуй часа два или три, кружились терпеливые птицы над соблазнительною едою, садились возле нее на землю, затем опять поднимались, но все-таки не трогали. Тем временем успели отравиться два ягнятника, которых мы тотчас же убрали. Обстоятельство это еще более усилило подозрительность снежных грифов. Их собралось уже штук тридцать или сорок, круживших над местом приманки целою стаею, красиво пестревшею на темноголубом фоне ясного неба. Наконец вдруг один из грифов, быть может еще неопытный или наиболее жадный, стремглав наискось полетел к приманке, сел возле нее и принялся за кишки. Это было сигналом для остальных птиц, которые все сразу бросились к своему товарищу. Но не успели еще опуститься задние экземпляры, как стая снова поднялась и испуганно полетела прочь. Оказалось, грифы уже успели схватить отравленное мясо, и яд подействовал так быстро, что шестеро из них мгновенно упали мертвыми. За ними тотчас же были посланы казаки, которые и принесли добычу к нашему бивуаку.

Тем же синеродистым калием мы пробовали, по пути в Тибете, отравлять на ночь внутренности убиваемых яков или хуланов, но волки и кярсы чуяли запах яда и не трогали приманки. Неуспешна была также ловля вышеназванных зверей и капканами, которых у нас имелось несколько, но, к сожалению, все небольших, так что попавшийся в них волк или даже кярса легко высвобождали свои лапы. Лишь однажды, именно на нынешней стоянке, Ф. Л. Эклону удалось поймать кярсу благодаря тому, что зверь попал сразу в два капкана переднею и заднею лапами. Этот кярса, весьма обыкновенный во всем Северном Тибете, оказался новым видом, который я предлагал уже в девятой главе назвать Canis (Vulpes) ekloni. Имея хорошие, сильные капканы, в Северном Тибете можно добыть много как кярс, так и волков, ибо здешние звери не знают еще подобной ловушки.

---

[1] Собственно, гриф гималайский (Gyps himalayensis), как окрестил его впервые английский натуралист доктор Hute. Гораздо же удачнее эта птица, распространенная не только в Гималаях, но по всему Тибету и Тянь-шаню, названа нашим известным зоологом Н. А. Северцовым—Gyps nivicola, т. е. гриф снежный, так как он обитает в громадных горах вблизи снеговой линии. Впрочем, в Тибете описываемые грифы держатся и не в снеговых горах.

Сношения с местными жителями. Тибетцы, кочевавшие в окрестностях нашей стоянки, сначала сильно чуждались нас, так что лишь под угрозою грабежа продавали нам баранов. Но затем, освоившись с нашим здесь пребыванием, притом видя, что мы никому и ничего дурного не делаем, местные кочевники ежедневно стали являться к нам то в качестве зрителей, то приносили продавать масло и чуру или приводили на продажу баранов и лошадей. За все это запрашивали цены непомерные и вообще старались надуть всяческим образом. Вместе с мужчинами иногда являлись и женщины, которых влекло, главным образом, любопытство.

К сожалению, незнание языка чрезвычайно мешало нашим сношениям с туземцами. Объяснялись мы большею частию пантомимами или с помощью нескольких монгольских слов, которые понимали некоторые из тибетцев.

Типы приходивших к нам как мужчин, так и женщин втихомолку срисовывал В. И. Роборовский, всегда искусно умевший пользоваться для этого удобными минутами. Когда, в свою очередь, нам или чаще нашим казакам случалось заходить в палатки соседних тибетцев, то эти последние, видимо, старались поскорее выпроводить непрошеных гостей; ни разу не предлагали чаю или молока, что всегда делается в каждой монгольской юрте; словом, не высказывали гостеприимства—лучшего обычая всех азиатских кочевников ([105]).

Проход наш без проводника через Северный Тибет, побитие ёграев, о чем здесь везде уже знали, наше скорострельное оружие и уменье стрелять—все это производило на туземцев необычайное впечатление, еще более усилившееся теми нелепыми слухами, которые распускала про нас народная молва. Так, везде уверяли, что мы трехглазые, чему поводом служили кокарды наших фуражек; что наши ружья убивают на расстоянии необычайном и стреляют без перерыва сколько угодно раз, но сами мы неуязвимы; что мы знаем все наперед и настолько сильные в волшебстве, что даже наше серебро есть заколдованное железо, которое со временем примет свой настоящий вид. Ради этой последней нелепости тибетцы сначала не хотели продавать нам что-либо и лишь впоследствии разуверились в мнимой опасности, хотя все-таки не вполне.

Тибетские солдаты. Из отряда, выставленного на границе владений далай-ламы, при нас находились посменно пятеро солдат под предлогом охраны, в сущности, конечно, для того, чтобы наблюдать за нами. В этом откровенно сознались и сами солдаты, которые в большинстве были довольно услужливы, в особенности когда мы вдоволь кормили их бараниною. От солдат мы опять узнали, что против нашей горсти собран в Напчу большой отряд, которому предписано силою противиться нашему дальнейшему движению. «Под страхом смертной казни нам велено драться с вами, а не убегать,—простодушно объясняли солдаты, —но что мы можем сделать против ваших ружей и вашей смелости; при первых выстрелах с вашей стороны мы все побежим, а там пусть что будет, то будет. Да и наши начальники трусят не меньше нас; они постоянно молят бога, чтобы беда миновала».

Караульные солдаты принадлежали к войскам далай-ламы. Армия этого последнего, вероятно вследствие ограничения, сделанного китайцами, состоит только из тысячи человек регулярных солдат. Пятьсот из них набираются в собственно далайламской провинции Уй, другие

пятьсот присылаются из провинций Дзанг от банчин ирембучи, лица равноправного с далай-ламою в буддийской иерархии[1].

Разделяются тибетские солдаты на пеших и конных. Вооружение тех и других, сколько кажется, одинаково. Оно состоит из сабель, пик и фитильных ружей; последние, впрочем, далеко не у всех. Обмундирование не отличается от обыкновенной народной одежды. Набираются солдаты из тех семейств, где много мужчин. Эти семейства освобождаются от платежа податей. На службу поступают лет тринадцати или четырнадцати и служат до глубокой старости. От казны получают лошадь (кавалеристы), оружие, одежду и на продовольствие по три мешка ячменя в год; сверх того каждому солдату выдается ежегодно три лана жалованья. Откупиться от военной службы можно поставкою лошадей и продовольствия для войск. В случае нашествия неприятеля производится поголовное ополчение. В военном отношении тибетские солдаты, сколько мы их видели, ниже всякой критики.

Неудачная посылка в Напчу. Через неделю после нашего прибытия на ключ Ниер-чунгу, пользуясь сменой караульных солдат, я послал с ними в деревню Напчу казака и переводчика для того, чтобы купить чаю и дзамбы, бывших у нас на исходе. Кроме того, посланным поручено было разузнать, что возможно, относительно посещения Лхасы и про окрестную страну. Однако посланцы эти недалеко уехали. Их задержали в тибетском отряде, выставленном на границе, и не пустили далее, провизию же и чай обещали доставить по получении ответа насчет нас из Лхасы. Настаивать сильно из-за пустяков не следовало, и мы решили обождать.

Торговый тибетский караван. Спустя еще немного, невдалеке от нашего бивуака расположился на дневку караван тибетских торговцев, направлявшихся из Лхасы в Синин. Всего в этом караване было около двухсот вьючных яков, несколько верблюдов и 22 человека. Везли они в Синин—главный пункт торговли Северного Китая с Тибетом—сукно, курительные свечи и другие предметы для богослужения, священные буддийские книги, лекарства, пряности, сахар и пр. Товары эти идут из Синина частью в самый Китай, но всего более на север в Монголию. Обратно же из Синина в Лхасу направляются различные китайские и преимущественно пекинские товары, как-то: шелковые материи, далембы, фарфоровая посуда, седла, чугунные чаши, сапоги, огнива, ножи, трубки и разные другие поделки; возят даже такие мелочи, как, например, китайский уксус. Впрочем, самый провоз стоит недорого, так как вьючные яки довольствуются подножным кормом; время же, потребное для прохода—от двух до трех месяцев в один конец—мало ценится, как и у всех азиатцев вообще. Только разбойники ёграи и голыки нередко нападают на такие караваны; но более ловкие хозяева умеют откупиться и поладить с этими разбойниками, преследующими, главным образом, караваны монгольских богомольцев. Торговые караваны между Лхасою и Сининoм ходят ежегодно несколько раз осенью, зимою или самою раннею весною. Купцы (по-тибетски сумбуны) ездят почти одни и те же; для развлечения они берут иногда с собою и своих жен. Путем следования избирается или обыкновенная дорога северных богомольцев через Цайдам и Куку-нор,

---

[1] Банчин ирембучи, как известно, имеет свое пребывание в монастыре Дашилумпо, близ города Шигатзе, или Джигарчи, лежащего недалеко от правого берега Яру-цампо, к западу от Лхасы [вторая столица Тибета—Шигатзе, расположенная на берегу Брамапутры].

или более прямая, отворачивающая от вышеназванной на р. Тан-чю у южной подошвы Тан-ла.

Монголы-переводчики. Вместе с торговым караваном прибыли и трое наших знакомцев монголов, тех самых, которые впервые встречали нас с тибетскими чиновниками и теперь следовали на родину. Монголам этим мы несказанно обрадовались и тотчас же завербовали одного из них, именно цайдамца, к себе в переводчики, на случай движения в Лхасу, или в проводники, если придется возвращаться обратно. Два другие монгола—ламы, уроженцы хошуна Карчин, также не пожелали следовать далее с купеческим караваном, опасаясь нападения разбойников и присоседились к нам. Таким образом мы сразу приобрели двух переводчиков, которые очень много помогли нам в дальнейших сношениях с местными жителями. Монголы сообщили что, по слухам, в Лхасе идет сильный переполох вследствие нашего прибытия; народ возбужден, а власти не знают, что делать. Далее, те же монголы уверяли, что в столице далай-ламы наверное прибегнут теперь к различным гаданиям и шаманству, для чего в Лхасе имеется особая кумирня, где избранные ламы творят заклинания и при этом рубят саблями собачьи черепа. После такого волшебства жертва умирает, хотя бы находилась за тысячи верст. Даже китайцы веруют в силу подобных заклинаний и боятся их.

Сведения, ими сообщенные. Новоприбывшие монголы как теперь, так и после, при обратном нашем следовании через Тибет, сообщили нам, что знали про эту страну. Правда, сведения эти отчасти требуют проверки и во многом уже известны от прежних путешественников; тем не менее я постараюсь ниже передать то, что казалось нам более правдоподобным и менее известным.

Маршрут от деревни Напчу до Лхасы. Конечно, прежде всего мы расспрашивали про дальнейшую дорогу в Лхасу и наши переводчики дали нам следующие показания относительно маршрута из деревни Напчу в столицу далай-ламы.

Деревня Напчу на р. Хара-усу, или Нап-чю по-тибетски. Река эта вытекает из озера Амдо-цонак, лежащего верстах в 80—100 западнее Напчу; от этой деревни Хара-усу течет на юго-восток.

Стойбище Сан-шюн—до тридцати черных палаток. Дорога колесная; по пути две речки—Дзам-чю и Чюк-чю; обе текут с северо-востока и впадают в р. Хара-усу. Перевал через снеговой хребет Самтын-кансыр, который идет с запада и тянется далеко к востоку. Самый перевал, называемый Лан-лю, удобен для перехода верблюдов и даже телег. Вблизи него с запада стоит высокая снеговая вершина, называемая также Самтын-кансыр, а еще немного западнее другая высокая гора—Напчин-тан-ла. С южного склона горы Самтын-кансыр вытекает р. Уй-мурень, на которой стоит Лхаса ([106]).

Стойбище Редын—четыре черные палатки. Дорога колесная, идет сначала вниз по р. Уй-мурени; затем перевал через хребет Джок-цо-ла. С этих гор вытекает р. Дам-чю, впадающая в Уй-мурень.

Деревня Лха-гын-дзун на р. Уй-мурени—двенадцать домов, построенных из камня. Первые пашни; дорога колесная; по пути два небольших хребтика. Деревня Пон-до-дзун—до тридцати домов, на довольно большой реке Пон-чю. Через эту реку мост, сделанный из параллельно висячих железных цепей, между которыми вшита кожа, а на ней положены доски. Мост только для пешеходов; телеги и скот переправляют вплавь или в брод при малой воде. Пашни. Дорога колесная.

Деревня Лхюн-дюб-дзун—большая; пашни; дорога неколесная. В средине пути большой снеговой хребет Чок-ла, который идет к западу и верст через 250 или 300 (14 дней пути) соединяется с горами Самтынкансыр.

Деревня Ним-бу-дзун—четыре дома; пашни; дорога неколесная. По пути высокий, но не вечноснеговой хребет Го-ла; перевал через него недоступен для верблюдов; однако в крайности можно сделать обход.

Город Лхаса. Местность—равнина; дорога колесная.

Всего от Напчу до Лхасы считается около 450 китайских ли; напрямик же по карте расстояние равняется 250 верстам. Все вышеназванные станции казенные; на них содержат лошадей, мулов и яков для проезда чиновников и правительственных курьеров. Караваны ходят на яках или, в редких случаях, на верблюдах; последним мешает не столько самая дорога сколько недостаток корма в местах оседлых. Путь от Напчу до Лхасы продолжается на верблюдах четырнадцать суток, а на яках до двадцати.

О Лхасе. Про столицу далай-ламы нам довольно много рассказывал один из наших же переводчиков, именно лама из Карчина, шесть лет проживший в Тибете. Впрочем, сведения его почти те же, каковые известны от путешественников, лично побывавших в Лхасе[1].

Город этот, называемый монголами Барун-дзу (Западнсе святилище), или Мунху-дзу (Вечное святилище), расположен на абсолютной высоте 11 700 футов[2] в равнине на правом берегу р. Уй-мурени (по-тибетски Ки-чю), в одном дне верхового пути от впадения ее в Яру-цампо. Дома построены из глины и камней[3]. Постоянных жителей около двадцати тысяч, но с торговцами и богомольцами, приходящими зимою, цифра эта возрастает до сорока или до пятидесяти тысяч человек (108). Духовный т. е. ламский, элемент преобладает. По национальностям жители Лхасы состоят из тибетцев, китайцев, пебу, или индусов, приходящих из Бутана(109), и кашмирцев, известных под названием качи. Последние, все магометане, составляют отдельную общину, занимаются исключительно торговлею и имеют собственного старшину, признаваемого правительством. Пебу почти все ремесленники и славятся в особенности обработкою металлов. Китайцы, проживающие в Лхасе, занимаются также торговлею; кроме того, здесь, при китайском резиденте, состоит несколько сот солдат[4]. Товары в столицу далай-ламы привозятся главным образом из Китая, в меньшем количестве из Кашмира и Индии.

---

[1] Huc. Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet, 1844—1846, V. II, chap. VI, VII, VIII. Markham. Journey of Thomas Manning to Lhassa, 1811—1812, chap. V, VI, VII, VIII. Сведения пундитов, посещавших Лхасу в 1866, 1871 и 1873 годах. Вообще кроме пундитов из европейцев в нынешнем столетии в Лхасе были: Manning в 1811—1812 годах; Moorcroft (по свидетельству Гюка) в 1826—1838 годах; Huc и Gabet в 1846 году. В прежние столетия тот же город посетили: в XIV веке монах Odorico von Pordenone, что, впрочем, еще сомнительно; в XVII веке миссионеры Gruber и Dorville, в XVIII веке—иезуиты Desideri и Freyere; голландец Samuel van de Putte и капуцинский монах Orazio de la Penna, основавший в Лхасе миссию, которая процветала с 1719 по 1745 год. В 1760 году капуцинские монахи были изгнаны из столицы Тибета (107).

[2] По измерению пундитов.

[3] По словам Гюка, в одном из предместий Лхасы есть дома, построенные из бараньих и яковых рогов, скрепленных известью.

[4] Кроме Лхасы, китайское правительство содержит небольшие отряды в городах Шигатзе, Тингри, Гианце, в некоторых пограничных пунктах и на почтовой дороге из Лхасы в Сы-чуань.

Дороговизна в Лхасе на все очень велика; деньги дешевы и их много. Народ весьма испорчен нравственно; много воров и развратных женщин; между ламами сильно распространен грех содомский. Однако, по общему убеждению, все грехи эти будут богом прощены, так как они творятся в святом городе.

Местопребыванием далай-ламы служит обширный монастырь Буддала [потала], построенный на скалистом холме близ северо-западной оконечности Лхасы[1]. Летом же далай-лама живет в кумирне Норбулинка, лежащей невдалеке, западнее Буддалы. В самой Лхасе, кроме Буддалы, считается одиннадцать кумирен, вообще богатых и многолюдных. Помимо того, в ближайших окрестностях описываемого города построено также много кумирен, из которых самые знаменитые: Сэра, Брайбон и Галдан; их начальником считается сам далай-лама. Общее число лам в собственных владениях этого последнего наши монголы определяли до пятидесяти тысяч человек[2] (110).

О далай-ламе. О далай-ламе[3] мы узнали от своих монголов следующее. Предшественник нынешнего далай-ламы умер[4] в 1874 году в возрасте 22 лет. Как говорят, он был отравлен приближенными ламами, подкупленными светским правителем Тибета номун-ханом[5], с которым этот далай-лама не ладил.

Нынешний глава буддийского мира, составляющий, сколько кажется, тринадцатое перерождение далай-ламы, найден был[6] в Юго-восточном Тибете, в восьми днях верхового пути от Лхасы, в богатом тибетском семействе. Таким образом, новому тибетскому первосвященнику в то время, когда мы шли к нему, т. е. в 1879 году, от роду было только пять лет.

---

[1] Рисунок буддалы см. Markham, Journey of Thom. Manning to Lhassa, p. 256.

[2] Считая всех вообще бонз, т. е. тех, которые бреют голову и носят желтую одежду. Истинный же титул ламы в Тибете можно получить лишь по экзамену. Число таких ученых лам невелико. Desgodins. La mission du Thibet, p. 247.

[3] По буддийскому или, правильнее, ламайскому учению, реформированному в XIV веке н. э. тангутом Дзон-Кабою, далай-лама представляет собою воплощение будды Авалокитесвара—главного покровителя Тибета. Другим равным по святости лицом в ламайской иерархии считается банчин ирембучи (панче-лама), составляющий воплощение самого Дзон-Кабы. Но благодаря покровительству китайцев, начавшемуся со времени вступления на престол маньчжурской династии, следовательно, с половины XVII века н. э., далай-лама сделался первенствующим главою церкви и светским государем Тибета. Третьим лицом ламайской иерархии почитается ургинский кутухта [богдо-гэгэн].

[4] По верованию буддистов, как высшие патриархи церкви, т. е. далай-лама и банчин ирембучи, так равно и низшие ее жрецы кутухты и гыгены, представляющие собою земное воплощение меньших богов или душ праведных, не умирают, но только обновляют свой внешний образ, переходя из одного тела в другое.

[5] В Тибете правление вполне теократическое; все высшие должности заняты духовными лицами. Сам далай-лама не вмешивается в дела государственные, которыми заведует так называемый номун-хан и четыре выбираемые им помощника—калуны. Обычаи и воля правителей служат законом. Китайские резиденты, один или два, наблюдают за внешнею политикою, равно как за далай-ламою, его собратом банчин ирембучи и за высшими администраторами всего Тибета. Подчинение последнего Китаю выражается, внешним образом, в торжественном посольстве, которое, однажды в три года или в пять лет, посылает далай-лама в Пекин с подарками для богдо-хана. В ответ от него получает также подарки.

[6] Новый далай-лама избирается, как известно, на конклаве (111) высших кутухт Тибета из младенцев, родившихся в день смерти прежнего первосвященника. Китайское влияние играет при этом весьма большую роль. В своем звании далай-лама утверждается китайским императором; с четырехлетнего возраста вступает в отправление обязанностей, а с 18 лет считается совершеннолетним.

Обыденная жизнь далай-ламы не отличается от жизни других тибетцев. Пищею его также служит баранина, рис, дзамба, чай, масло, чура, тарык и изредка суп из старых толченых костей, который, по общему в Тибете поверью, укрепляет здоровье.

В известные дни тибетский полубог восседает в кумирне на престоле, к подножию которого подходят богомольцы; на их голову далай-лама кладет свою руку. Удостоиться подобного рукоположения считается величайшею благодатью, для получения которой верующие нередко тратят последнее состояние и рискуют всеми трудностями далекого путешествия. Да и в самой Лхасе можно видеть далай-ламу в кумирне, лишь заплатив за то не менее пяти лан; богатые же люди нередко делают большие приношения. Вообще в казну далай-ламы ежегодно поступают значительные суммы, которые идут на украшение кумирен, на содержание бесчисленных лам, наконец, вероятно, и расхищаются приближенными ламами. Последние всячески эксплоатируют имя и значение своего патрона. Так, не говоря уже о продаже различных амулетов и писанных заклинаний[1], самые нечистоты далай-ламы, приготовленные в виде небольших шариков, продаются на вес золота богомольцам[2]. Последние хранят, как величайшую святыню, подобную драгоценность, и глотают ее при тяжких болезнях, чтобы получить исцеление, или в час смерти для отпущения грехов.

Вообще жизнь далай-ламы крайне незавидная: за каждым его шагом следят приближенные ламы, номун-хан и китайские резиденты; нет возможности увернуться от подобной опеки, тем более юноше бесхарактерному и неразвитому, каковым, благодаря свсему воспитанию, вероятно, и бывает каждый далай-лама. Если же случайно появится на далайламском престоле человек талантливый и энергичный, то он неминуемо будет изведен своими приближенными.

Труп умершего далай-ламы хоронят на дворе Буддалы в сидячем положении; над ним выстраивают часовню с позолоченною крышею. Каждая из таких часовен имеет сажени две или три высоты, и только часовня пятого по счету далай-ламы значительно поднимается над прочими. Подобным же образом хоронят и банчин ирембучи; но могил этого последнего в Буддале только пять(112).

О населении Тибета. Относительно населения Тибета те же монголы, конечно, не могли иметь точных сведений. Тем не менее, ввиду полной гадательности цифр, которыми определяют число жителей этой страны различные географы, полагавшие сначала, согласно свидетельству монаха Orazio de la Penna(113), 33 миллиона, а затем спустившие эту цифру на пять или даже на четыре миллиона—не лишним будет привести те данные, которые получены нами от наших переводчиков. По их словам, у далай-ламы в провинции Уй—13 аймаков; у банчин ирембучи в провин-

---

[1] Между прочим, имеются писанные заклинания против действия ружейных пуль. Один из наших проводников обладал подобным сокровищем и хотя совершенно верил в его чудодействие но не хотел сделать на себе лично опыт, как то не раз шутя предлагали монголу наши казаки. Наконец, решено было испытать волшебный талисман на одном из купленных баранов. Долго рылся монгол в своей ладонке, при этом что-то шептал и, наконец, вытащил грязный исписанный лист бумаги, который повешен был на грудь несчастного барана. Сам монгол встал поодаль, выжидая со страхом и любопытством, что будет. Раздался выстрел, и баран, конечно, был убит наповал, волшебная же бумага оказалась простреленною пулею. Доказательство нелепости, кажется, было ясно. Но монгол этим не разуверился и простодушно объяснил нам, что, вероятно, сама бумага была фальшивая, без подписи далай-ламы.

[2] Говорят, что подобным же образом ценятся нечистоты и банчин ирембучи.

ции Дзанг—9 аймаков; в провинции Кам—64 аймака; наконец в четвертой тибетской провинции Нгари, вообще весьма слабо населенной, число аймаков наши рассказчики не знали. Таким образом, общее число аймаков в трех тибетских провинциях —86. Полагая круглым числом на каждый аймак даже по десяти тысяч душ обоего пола, мы получим цифру, меньшую миллиона. Затем, если прибавить сюда слабое население провинции Нгари и различных инородцев, обитающих в особенности в Восточном Тибете, то общая цифра населения этой страны едва ли превысит полтора миллиона. Вероятность такого вывода подтверждается еще и тем соображением, что весь Тибет, состоящий из высоких пустынных плоскогорий или из местностей, покрытых дикими горами, пожалуй, не может прокормить более густое население. Даже пастбища здесь вообще скудны, так что и для кочевой жизни мало простора; обширная же северная часть страны почти вовсе необитаема. Да, наконец, во всей Монголии, гораздо более обширной по пространству и более привольной пастбищами для скота, всего только 3—4 миллиона жителей, и значительно большему числу кочевников здесь негде уместиться (114).

П р и е з д п о с л а н ц е в и з Л х а с ы. На шестнадцатый день нашего стояния близ горы Бумза̀, именно 30 ноября, к нам, наконец, приехали двое чиновников из Лхасы в сопровождении начальника д. Напчу и объявили, что в ту же Напчу прибыл со свитою посланник (гуцав) от правителя Тибета номун-хана, но что этот посланник лично побывать у нас не может, так как сделался нездоров после дороги. Вместе с тем приехавшие объяснили, что по решению номун-хана и других важных сановников Тибета нас не велено пускать в Лхасу. На мой вопрос, какое участие принимал в таком решении китайский резидент, чиновники отвечали, что им до китайцев нет дела и что они повинуются лишь своим природным правителям; что, наконец, китайский резидент даже не знает о нашем прибытии. Последнее заявление, несомненно, было ложно; китайцы, конечно, желали быть лишь в стороне от этого дела. Притом самая болезнь главного посланника казалась подозрительною—отговорка нездоровьем составляет обыденную уловку азиатских правителей[1] и чиновников в затруднительных случаях. При таких обстоятельствах я велел своим переводчикам передать приехавшим чиновникам, что так как не они же уполномочены тибетским номун-ханом объявить мне мотивы и решение не пускать нас далее, то я желаю непременно видеться и переговорить с главным посланцем; затем прошу, чтобы о нашем прибытии тотчас было дано знать китайскому резиденту и от него привезено дозволение или недозволение итти нам в Лхасу, а равно присланы письма и бумаги, которые непременно должны быть получены из Пекина тем же амбанем на наше имя. Наконец я заявил, что если через два-три дня тибетский посланник к нам не приедет, то я сам пойду к нему в Напчу для переговоров. Чиновники обещали исполнить мои желания, но при этом умоляли, чтобы мы не двигались вперед, так как, в подобном случае, им не избежать сильной кары по возвращении в Лхасу.

Действительно, подобное наше движение, вероятно, было для тибетцев крайне нежелательно, так как через день после отъезда первых вестовщиков, к нам явился сам посланник со свитою. Немного ранее его приезда, невдалеке от нашего стойбища, были приготовлены две палатки, в которых прибывшие переоделись и затем пришли к нам. Главный посланец, как

[1] [Добавим: не только у азиатских, но и у европейских.]

еще ранее рекомендовали его нам прибывшие чиновники, был один из важных сановников Тибета, быть может, один из четырех калунов, т. е. помощников номун-хана; узнать про это обстоятельство мы не могли. Имя этого сановника было Чжигмед-Чойчжор. Вместе с ним прибыли наместники трех важных кумирен и представители 13 аймаков собственно далайламских владений.

Главный посланник был одет в богатую соболью курму, мехом наружу; спутники же его имели платье попроще.

После обычного спроса о здоровье и благополучии пути посланник обратился к нам с вопросом: русские ли мы или англичане? Получив утвердительный ответ на первое, тибетец повел длинную речь о том, что русские никогда еще не были в Лхасе, что северным путем сюда ходят только три народа—монголы, тангуты и китайцы, что мы иной веры, что, наконец, весь тибетский народ, тибетский правитель номун-хан и сам далай-лама не желают пустить нас к себе. На это я отвечал, что хотя мы и разной веры, но бог один для всех людей; что по закону божескому странников, кто бы они ни были, следует радушно принимать, а не прогонять; что мы идем без всяких дурных намерений, собственно посмотреть Тибет и изучить его научно; что, наконец, нас всего 13 человек, следовательно мы никоим образом не можем быть опасны. На все это получился тот же самый ответ: о разной вере, о трех народах, приходивших с севера и т. д. При этом как сам посланник, так и вся его свита, сидевшие в нашей юрте, складывали свои руки впереди груди и самым униженным образом умоляли нас исполнить их просьбу—не ходить далее. О каких-либо угрозах не было и помину; наоборот, через наших переводчиков прибывшие тибетцы предлагали оплатить нам все расходы путешествия, если мы только согласимся повернуть назад. Даже не верилось собственным глазам, чтобы представители могущественного далай-ламы могли вести себя столь униженно и так испугаться горсти европейцев. Тем не менее, это было фактом, и фактом знаменательным для будущих попыток путешественников проникнуть в Тибет.

Мое решение возвратиться. Хотя мы уже достаточно сроднились с мыслью о возможности возврата, не дойдя до Лхасы, но в окончательную минуту такого решения крайне тяжело мне было сказать последнее слово: оно опять отодвигало заветную цель надолго, быть может навсегда, и завершало неудачею все удачи нашего путешествия. Но итти наперекор фанатизма целого народа для нас было бесцельно и невозможно—следовало покориться необходимости.

Оставив в стороне вопрос об уплате издержек как недостойный чести нашей, я объявил тибетскому посланнику, что ввиду всеобщего нежелания тибетцев пустить нас к себе, я соглашаюсь возвратиться; только просил, чтобы посланники выдали мне от себя бумагу с объяснением, почему не пустили в столицу далай-ламы. Тогда тибетцы попросили дать им несколько времени на обсуждение подобного заявления и, выйдя из нашей юрты, уселись невдалеке на землю в кружок, где советовались с $^1/_4$ часа. Затем опять возвратились к нам, и главный посланник сказал, что требуемой бумаги он дать не может, так как не уполномочен на то ни далай-ламою, ни номун-ханом. Желая на всякий случай иметь подобный документ, я объявил, в ответ на отказ тибетцев: завтра утром мы выступаем с своего бивуака; если будет доставлена требуемая бумага, то пойдем назад, если же нет, то двинемся к Лхасе.

Тибетская женщина

Опять начался совет между посланцами, и, наконец, главный из них передал через нашего переводчика, что он и его спутники согласны дать упомянутую бумагу, но для составления ее всем им необходимо вернуться к своему стойбищу, расположенному верстах в десяти от нас, на границе далайламских владений. «Там,—добавил посланник,—мы будем вместе редактировать объяснения насчет отказа о пропуске вас в Лхасу, и если за это впоследствии будут рубить нам головы, то пусть уже рубят всем». В ответ я сказал посланнику, что путешествую много лет, но нигде еще не встречал таких дурных и негостеприимных людей, каковы тибетцы; что об этом я напишу и узнает целый свет; что рано или поздно к ним все-таки придут европейцы; что, наконец, пусть обо всем этом посланник передаст далай-ламе и номун-хану. Ответа на подобное нравоучение не последовало. Видимо, тибетцам всего важнее теперь было выпроводить нас от себя; об остальном же, в особенности о мнении цивилизованного мира, они слишком мало заботились.

Утром следующего дня, лишь только начало всходить солнце, тибетские посланцы снова приехали к нам и привезли требуемую бумагу. Началось чтение ее и перевод с тибетского языка на монгольский, а с монгольского, через казака Иринчинова, на русский.

Вот подлинный текст этого документа, перевод которого обязательно сделан профессором В. П. Васильевым (115):

«Так как Тибет страна религии, то случалось, что в него и прежде и после приходили известные (буквально—поименованные) люди из внешних стран. Но те, которые сыздавна не имели права приходить, по единогласному давнишнему решению князей, вельмож и народа, не принимаются, и велено не на живот, а на смерть охранять, о чем испрошено через живущего в Тибете амбаня высочайшее утверждение. Теперь же в местности Пон-бум-чун, принадлежащей к Цза-мар, в (стране) Нагчу в 10-й луне 13-го числа явились, с намерением итти в Тибет, чаган-ханов[1] амбань (генерал) Николай Шибалисики, тусулачи (помощник) Акэлонь, тусулачи Шивийковсики[2] с десятью слугами и солдатами. По известии об этом от местного начальства, многие тибетцы отправлены были для расспросов и когда они (т. е. мы) оставались на месте двадцать дней, посланные из (кумирен) Сэра, Брайбона и Галдана со многими тибетцами и светскими просили воротиться, и при личном свидании объясняли тщательно вышесказанные обстоятельства, что в Тибет нельзя приходить—(отвечали) что если вы все дадите письменное скрепленное удостоверение, что нельзя приходить, вернемся, иначе завтра же отправимся в Лхасу; почему мы и просили воротиться, как издревле кто бы ни пришел из не имеющих права приходить.

Наместник брайбонский Лобзан Дандор. Наместник в сэраском храме великой Яны Гэньдун Чойраг. Наместник в храме великого победоносца в Галдане Ринчэнь Санбо. Тибетский степной управитель всех светских, малый-ханбо Чжигмед Чойчжор. Цзэчжун (приближенный вельможа) Чжанчув Гэлэг. Цзэчжун Ешэй Даньцзинь. Шотсрун (чин) Дордж Да-дул. Шотсрун Ванчжали Норву. Управляющий Нагчу шотсрун Намч-

---

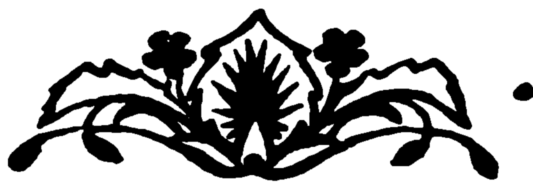
[1] Именем чаган-хан или цаган-хан, в переводе означающем «белый царь», монголы называют нашего императора.

[2] В паспорте, выданном нам из пекинского цзун-ли-ямына (палата внешних сношений) еще в 1876 году при отправлении на Лоб-нор была помещена фамилия подпоручика Швыйковского, тогда мне сопутствовавшего вместе с Эклоном, но вскоре, по болезни, оставившего экспедицию.

жел Дордже. Цзэчжун Чжалзан Нойруб. В год земли и зайца в 11 луне 3 числа».

По прочтении бумага за печатью посланника была передана мне. Тогда скрепя сердце я объявил, что возвращаюсь назад и велел снимать наш бивуак. Пока казаки разбирали юрту и вьючили верблюдов, мы показывали тибетцам свое оружие и опять уверяли, что приходили к ним без всяких дурных намерений; наоборот, с самыми дружескими чувствами. Поверили ли посланцы этому, или нет, но только, под влиянием успеха своей миссии, они весьма любезно распрощались с нами. Потом, стоя кучею, долго смотрели вслед нашему каравану, до тех пор, пока он не скрылся за ближайшими горами. Конечно, в Лхасе, да и во всем Тибете, возвращение наше будет представлено народу, как результат непреодолимого действия ламских заклинаний и всемогущества самого далай-ламы.

Четвертый раз не попадаю в столицу Тибета. Итак, нам не удалось дойти до Лхасы: людское невежество и варварство поставили тому непреодолимые преграды! Невыносимо тяжело было мириться с подобною мыслью и именно в то время, когда все трудности далекого пути были счастливо поборены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха. Тем более, что эта была четвертая с моей стороны попытка пробраться в резиденцию далай-ламы: в 1873 году я должен был, по случаю падежа верблюдов и окончательного истощения денежных средств, вернуться от верховья Голубой реки; в 1877 году, по неимению проводников и вследствие препятствий со стороны Якуб-бека кашгарского, вернулся из гор Алтын-таг за Лоб-нором; в конце того же 1877 года принужден был по болезни возвратиться из Гучена в Зайсан; наконец теперь, когда всего дальше удалось проникнуть в глубь Центральной Азии, мы должны были вернуться, не дойдя лишь 250 верст до столицы Тибета [116].

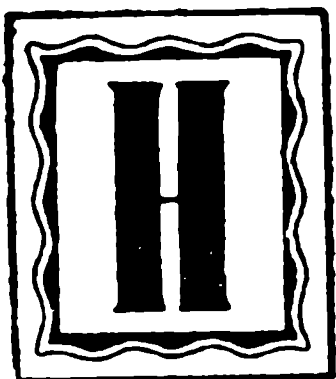

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЦАЙДАМ

[3/15 декабря 1879 г.—31 января /12 февраля 1880 г.]

Неудовлетворительность нового снаряжения.—Проводник Дадай.—Возможность обхода Тан ла.—Вновь поднимаемся на это плато.—Легенды о злом духе и о каменном граде.—Спуск по северному склону Тан ла.—Охота за уларами.—Тройной караванный путь.—Остановка в горах Цаган обо.—Геологическое действие тибетских бурь.—Охота на медведя.—Новый наш путь.—Нахальство тибетских хищников.—Белогрудый аргали.—Климат декабря.—Переход до хребта Марко Поло.—Описание этих гор.—Снежный буран.—Выносливость туземных лошадей.—Место размножения антилоп оронго.—Хребет Гурбу найджи.—Река Найджин-гол.—Зимующие птицы.—Выход в Цайдам.—Сведения о западной части этой страны.—Переход по южному Цайдаму.—Неприятности нашего вожака.—Прибытие в хырму Дзун-засак.

Необычайно скучными показались нам, в особенности первые, дни нашего обратного движения в Цайдам. Помимо недостижения Лхасы, как главной причины, вызывавшей общее уныние, невесело было подумать и вперед. Здесь перед нами опять лежали многие сотни верст трудного пути по Северному Тибету, на морозах и бурях глубокой зимы, которая теперь наступила. Притом с большим вероятием можно было рассчитывать, что на Тан-ла нас снова встретят ёграи, имевшие достаточно времени собраться с силами. Наконец, самое снаряжение нашего каравана теперь далеко нельзя было назвать удовлетворительным. Несмотря на все старания, во время стоянки на ключе Ниер-чунгу мы могли купить и променять только 10 лошадей; верблюдов, годных для пути, осталось лишь 26; из них почти половина были слабы, ненадежны. Затем, для собственного продовольствия, помимо баранов и масла, мы добыли только пять пудов дзамбы и полпуда скверннейшего кирпичного чая, который монголы совершенно верно называли «мото-цай», т. е. чай деревянный, так как его распаренные листья вполне походили на листья старого веника. В видах необходимой экономии чай этот, один и тот же, варился по нескольку раз, а дзамба выдавалась по небольшой чашке в день на человека. К довершению огорчений, мы даже не получили писем, присланных в Лхасу через наше посольство из Пекина. Тибетские посланцы категорически отказались от передачи нам этих писем, объясняя, что если они присланы китайскому резиден-

ту, то последний, по нашем уходе, отошлет всю корреспонденцию обратно в Пекин, что действительно потом и случилось.

Здоровье наше в общем также нельзя было похвалить, несмотря на долгий отдых, который все мы только что имели. Между тем, необходимо было держаться настороже, ради чего по ночам казаки дежурили попарно в три смены, мы же спали не раздеваясь; в караване все ехали, как и прежде, вполне вооруженные.

Проводник Дадай. Вместе с нами теперь отправлялись и приятели монголы, оказавшие нам немало услуг, в особенности в последние дни пребывания на ключе Ниер-чунгу. Как говорилось выше, двое из этих монголов были ламы из хошуна Карчин, а третий цайдамец, по имени Дадай; он приходился племянником тому самому Чутун-дзамбе, который служил нам проводником во время первого путешествия по Северному Тибету, в конце 1872 и в начале 1873 года[1]. Подобно своему дяде, Дадай отлично знал путь, так как уже восемь раз ходил из Цайдама в Лхасу проводником караванов, то богомольческих, то торговых. Хотя новый вожак взял с нас красную цену[2], но зато мы могли пользоваться от него необходимыми расспросами и пройти более пятисот верст по новым местностям.

Услуги Дадая сказались на первых же порах: с его помощью мы закупили свое скудное продовольствие, а на р. Сан-чю приобрели еще четырех верховых лошадей, которые для нас были крайне необходимы; затем Дадай секретно разведал, что вслед за нами на один переход, поедут тридцать тибетских солдат, обязанных ежедневно доносить в д. Напчу, что мы делаем; все же тибетские посланцы будут жить в той же Напчу, пока мы не перевалим за Тан-ла.

Возможность обхода Тан-ла. Помимо прямой караванной дороги через этот хребет, существует еще и другой обходный путь, которым можно избежать перевала, а главное—обойти ёграев. Таким путем пользуются иногда караваны, предпочитающие лучше пробыть лишних две-три недели в дороге, чем подвергнуться нападению разбойников. Обходный путь направляется из д. Напчу на западный угол Тан-ла, до которого считается от той же Напчу 22 дня пути на яках[3]. Дорогою здесь приходится переваливать два небольших горных хребта: Би-ла, в восьми днях пути от Напчу, и Кар-ла—в расстоянии еще четырех дней пути далее. Остальная местность—долины и холмистые степи; воды везде довольно. Кроме того, нужно переходить через большую реку Зача-цампо[4], которая течет на юго-запад в озеро Митык-джансу. Когда у них появляется падеж на скот, то его обгоняют кругом озера и болезнь прекращается(117).

От западного угла Тан-ла обходная дорога направляется к р. Думбуре-гол, где и выходит на северный, так называемый тайджинерский[5], путь. Следование сюда на яках продолжается еще 23 дня; так что всего на обход Тан-ла потребно 45 дней вьючного движения на яках и вдвое менее того на верблюдах. Наш проводник Дадай ходил два раза этим путем

[1] «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 336 [в издании 1946 г. стр. 272].

[2] 40 лан (120 кредитных рублей) при нашей верховой лошади и на нашем продовольствии.

[3] Вьючные яки в караване идут вообще весьма медленно—средним числом верст 15 в сутки, не более.

[4] Там, где через Зача-цампо переходит караванная дорога, река эта, по словам нашего вожака Дадая, имеет 67 рукавов.

[5] Потому что по Цайдаму он идет через Тайджинерский хошун.

и, конечно, мы теперь не упустили бы благоприятного случая посмотреть лишний клочок Тибета, если бы имели более надежных верблюдов.

Вновь поднимаемся на это плато. Простояв трое суток на р. Сан-чю, в ожидании пока Дадай разыщет и купит четырех верховых лошадей, мы отправились на Тан-ла прежнею дорогою вверх по р. Тан-чю. Подъем, как уже было говорено ранее, здесь прекрасный; итти с караваном удобно. Мешает только громадная абсолютная высота, но теперь мы достаточно к ней привыкли. В подмогу ночным караулам полная луна ярко светила ночью, так что ёграи врасплох застать нас не могли. К удивлению, мы нигде не встречали стойбищ этих разбойников, ни на минеральных ключах, возле которых теперь дневали, ни на том месте, где на нас произведено было нападение. Только дважды заметили вдали, на горах, нескольких всадников, которые быстро исчезли. Так совершенно спокойно поднялись мы и на перевал Тан-ла. Видимо стало, что ёграи не только не решались вновь напасть на нас, но даже укочевали с дороги в стороны, вероятно, опасаясь враждебных действий с нашей стороны.

Легенды о злом духе и каменном граде. При перевале через Тан-ла проводник сообщил нам две легенды, трактующие об этой местности. В первой из легенд говорится, что в давние времена на горе, близ перевала, жил злой дух, напускавший всякие беды на проходившие караваны. Умилостивить его невозможно было никакими жертвами. Тогда один из тибетских святых, ехавший из Лхасы в Пекин, поднявшись на Тан-ла, специально занялся искоренением опасного дьявола и так донял его своими молитвами да заклинаниями, что тот обратился в веру буддийскую и сделался добрым бурханом (божком), который теперь покровительствует путникам. С тех пор, уверенно добавил монгол, проходить здесь стало гораздо легче.

Вторая легенда гласит, что много лет тому назад, когда еще все буддийские святые пребывали в Тибете, халхаский хан Галдзу-Абуте направился сюда с войском, чтобы похитить далай-ламу и перевезти его на жительство в свои владения. Тибетцы не могли силою остановить монголов, но, с помощью своих святых, напустили на них каменный град, который побил множество неприятельских воинов; сверх того, часть их истребили дикие яки. Однако Галдзу-Абуте с уцелевшими шестнадцатью человеками дошел до Лхасы, завладел одним из важных хубилганов, т. е. святых, и с его согласия перевел этого святого на жительство в Ургу. С тех пор там пребывает великий кутухта[1]. Каменный же град, сыпавшийся с неба на монголов, до сих пор еще лежит на северном склоне Тан-ла в верховьях р. Тан-чю. Действительно, там, недалеко влево от нашего пути, верстах в десяти от перевала, на одной из речек, притекающих с западных гор, проводник указал нам большие кучи каменных шариков величиною от обыкновенного до грецкого ореха. Шарики эти оказались обыденными известковыми конкрециями (стяжениями), вымытыми, повидимому, из лёсса и нанесенными в кучи тою же речкою при большой воде. Пройдохи монгольские ламы набирают с собой целые вьюки этой святости в Халху и, конечно, дома не остаются в убытке.

---

[1] Известно, что великий кутухта имеет свое пребывание в Урге с 1604 года н. э.

Спуск по северному склону Тан-ла. Несмотря на чрезвычайно удобный подъем на Тан-ла и на облегченные до крайности вьюки, мы все-таки должны были заплатить дань этой трудной местности, в виде двух караванных верблюдов, которые, выбившись из сил, не могли итти далее. Кроме того, наметились еще несколько кандидатов на подобную же участь. Отдалить ее на время могло лишь то обстоятельство, что теперь, т. е. от перевала Тан-ла до р. Мурусу, нам приходилось итти вниз по пологой покатости. Правда, корм был здесь до крайности плохой и притом еще вытравлен скотом ёграев, прежде здесь кочевавших, но зато снегу осталось очень мало, сравнительно с тем, что было месяцем ранее. Тогда этот снег лежал на всем северном склоне Тан-ла сплошной массой на 1 фут глубины. Теперь же, от действия солнечных лучей, пыли, наносимой ветром, и прямого испарения в сильно сухой атмосфере, снег исчез и сохранился лишь в верхнем поясе Тан-ла, приблизительно до 16000 футов абсолютной высоты; да и то лежал не глубже, как на 2—3 дюйма. Однако морозы по ночам стояли попрежнему весьма сильные и в начале декабря, даже в более низкой долине р. Сан-чю, доходили до —33,5° на восходе солнца. Выгодно же для нас было то, что бури, случавшиеся как и прежде, очень часто и приходившие всегда от юго-запада или запада, дули постоянно нам взад или в левый бок; между тем в передний путь мы всегда почти имели эти бури навстречу.

Но вообще как в первый раз, так и теперь Тан-ла оставил в нас весьма тягостное впечатление. Просто не верилось, чтобы в подобной местности, где, помимо разреженного воздуха, круглый год холод, бури, дождь, снег или град, словом наихудшие климатические условия, могли проводить люди всю свою жизнь. Зато, вероятно, к ним и не приходила в голову мысль о том, что мир «приуготован для человека». Впрочем, кто знает, быть может, и ёграи умеют утешаться ребяческими вымыслами о своем благополучии.

Охота за уларами. На последнем переходе с Тан-ла нам удалось на дневке в горной группе Джола отлично поохотиться за альпийскими куропатками, или уларами[1].

В Центральной Азии известны три вида этой замечательной птицы, а именно: улар тибетский (Megaloperdix thibetanus), свойственный исключительно всему Тибету; улар гималайский (M. himalayensis), обитающий на Гималае, Тянь-шане, Сауре и, спорадически, в западном Нань-шане; наконец улар алтайский (M. altaicus), живущий в Алтае и Хангае. Образ жизни, голос и привычки[2] всех этих видов почти одинаковы.

Везде улар является жителем высоких диких гор и притом самого верхнего, альпийского, их пояса. В глубине Центральной Азии я нигде не находил эту птицу ниже 10 тысяч футов абсолютной высоты[3]; иногда же, как, например, на Тан-ла и в других хребтах Северного Тибета, улары поднимаются до 16 тысяч футов над уровнем моря. На подобных высотах, зи-

[1] Название это киргизское или вообще тюркское; монголы называют ту же птицу хайлык, а тангуты—кун-мо.

[2] Обо всем этом в добавление к нижесказанному см. «Монголия и страна тангутов», стр. 348 [в новом издании 1946 г. стр. 280—281, и т. II, стр. 128—129].

[3] В северных хребтах Центральной Азии, как, например, на Сауре и Алтае, улары спускаются ниже этого предела, в зависимости, конечно, от более низкого положения снеговой линии.

мой и летом, господствуют почти постоянные холода и непогода, пища здесь самая скудная, везде дикие скалы или безжизненные россыпи, но улары все-таки не покидают своей родины и не переходят в более низкий горный пояс. Разве зимой, когда выпадет снег, описываемые птицы спускаются из своих заоблачных высот пониже или, чаще, перекочевывают на южные малоснежные склоны гор. Холода улары не боятся и благополучно проводят долгие зимние ночи на морозах в 30°. Густое оперение птицы достаточно защищает ее в данном случае; притом к вечеру улар всегда позаботится набить полнехонький зоб корешками или травой, так что перевариваюшаяся до утра пища также способствует согреванию птицы.

Питается улар исключительно растительностью альпийских лугов: корнями трав и их свежими листьями; чеснок и лук составляют любимейшее кушанье, так что в тех горах, где подобной пищи много, мясо улара, вообще весьма вкусное, напоминающее мясо индейки, пропитывается неприятным чесночным запахом.

Весной, более или менее ранней, смотря по климату местности, улары разбиваются на пары, и с тех пор, до выхода молодых, самец усердно кричит, в особенности по утрам. Оплодотворенная самка устраивает гнездо на земле или в расселине скалы. Вылупившиеся цыплята, числом от 5 до 10, держатся с матерью и отцом, которые их очень любят и усердно охраняют. При опасности выводок спасается лётом, или, если цыплята еще малы, то они залегают между камнями; старики же в это время стараются отвлечь на себя внимание врага. Затем, когда опасность миновала, выводок скликивается и иногда переходит на другое место. Притаившегося улара, даже взрослого, чрезвычайно трудно заметить, в особенности в каменной россыпи.

Поздней осенью несколько выводков соединяются в одно стадо, которое живет дружно до весны и имеет общий ночлег в одном и том же месте. С такого ночлега улары поднимаются самым ранним утром, чуть забрезжит заря, и улетают на покормку на целый день, часто довольно далеко. При подъеме с места и во время полета птицы эти всегда громко кричат.

Главными врагами уларов служат орлы, в особенности хищный беркут; филин также, вероятно, истребляет этих птиц. Зато в глубине Центральной Азии они не преследуются человеком; тем не менее улары и здесь достаточно осторожны, за исключением разве Тибета.

Охота на уларов вообще весьма заманчива, хотя и сопряжена с большими трудностями по самому характеру местности, в которой обитает описываемая птица. Я всегда предавался этой охоте с увлечением и никогда не упускал удобного к тому случая. Всего лучше итти вдвоем за уларами, предварительно высмотрев и определив место, где находятся эти птицы. Последние, заметив охотника, обыкновенно пускаются бегом в гору; если же человек покажется вверху, то улары не бегут вниз горы, но тотчас же слетают и перемещаются на другую сторону ущелья. Там их встречает товарищ первого охотника и, пользуясь местностью, или подкрадывается к птицам, или, чаще, поджидает их, спрятавшись между камнями, так как севшие внизу улары непременно отправятся пешком вверх горы, иногда далеко. Вообще эта сильная птица отлично бегает по горам и, будучи подстреленной, почти всегда уходит от охотника. Притом улар чрезвычайно вынослив на рану; стрелять его нужно самой крупной дробью из отличного ружья, да и то редко когда убьешь наповал далее пятидесяти шагов. Если улары в большом стаде и притом не напуганы, то охот-

ники вдвоем или втроем могут вдоволь пострелять, подгоняя птиц от одного стрелка к другому. Весной охотиться на уларов можно, подкрадываясь к самцам, которые, сидя на скалах или прогуливаясь по россыпям, кричат, не умолкая, целое утро.

Но всего интересней бывает охота за описываемыми птицами, если подкараууливать их на месте ночлега. Правда, приходится, как, например, в Тибете, сидеть нередко на высоте, превосходящей вершину Монблана, на сильном морозе, иногда еще с ветром, зато интерес верной добычи искупает все эти невзгоды.

Местом своего ночлега улары выбирают, обыкновенно, одинокие скалы на высоких, трудно доступных горных вершинах. Под этими скалами, на земле, в защите от ветра, залегают на ночь плотной кучей. Подобные излюбленные уголки служат для ночевок описываемых птиц много лет сряду, судя по обилию помета, которого иногда можно собрать несколько десятков возов. Непуганные улары прилетают на ночлег тотчас по закате солнца; но там, где эти птицы испытали преследование человека, они являются только в поздние сумерки к месту своей ночевки. Тут-то и караулит охотник. Забраться в засадку следует раньше солнечного заката и хорошенько спрятаться; не худо также одеться потеплей.

Сидишь бывало в такой засадке и с нетерпением смотришь на солнце, которое как-то лениво прячется на западе горизонта. Нижние долины уже в тени, а между тем, вершины гор все еще освещены. Наконец солнце заходит, и зимняя багровая заря разливается на месте заката. Нетерпение и охотничья ажитация увеличиваются—прислушиваешься к каждому звуку, к каждому шороху... Вот стадо клушиц уселось ночевать на ближайшей скале; вот сокол-пустельга прилетел туда же; но уларов все еще нет. Наконец раздается вдали знакомый крик желанных птиц, и большое их стадо, обогнув дальние скалы, быстро несется вверх, затем опускается за две-три сотни шагов от места ночлега. Усевшись на землю, улары тотчас же бегут к своему знакомому уютному уголку. Еще несколько мгновений—и все стадо длинною вереницею подбегает к охотнику в меру близкого выстрела. Желанная минута! В темноте сумерек блеснут раз за разом два огонька, и загремит по ущельям эхо двух выстрелов. Улары поражены неожиданностью... однако, не желая расстаться с ночлегом, не улетают, но лишь отбегают в сторону. Тем временем охотник спешит зарядить свое ружье, не показываясь из засадки. Проходит минут пять—десять, и улары, не замечая никого, снова бегут к ночевке, иногда только с противоположной стороны. Теперь уже довольно темно, и птиц издали не видно, слышен лишь голос вожака. С замирающим сердцем всматриваешься в темноту и, наконец, различаешь близко бегущее стадо. Опять гремят два выстрела, и опять улары убегают прочь; но, спустя немного, снова возвращаются и снова попадают под выстрелы. Между тем уже совершенно стемнело, верно прицелиться невозможно. Тогда охотник выходит из засадки, собирает добычу и отправляется к своему бивуаку, огонек которого, словно маяк, блестит внизу, в ближайшей долине. Спуск с крутой горы, по каменной россыпи, притом с тяжелой ношей на плечах[1], весьма труден; часто скользишь, спотыкаешься и падаешь. Но когда вернешься к стойбищу и обогреешься при огне в юрте, тогда позабываешь все перенесенные невзгоды; остается только отрадное воспоминание об оригинальной охоте, испытать которую возможно лишь в далеких пустынях Центральной Азии.

[1] Тибетский улар ростом с самку глухаря; гималайский и алтайский еще больше.

Тройной караванный путь. Перейдя вновь Мур-усу, на этот раз уже по льду, имевшему $2^1/_2$ фута толщины, мы пошли далее прежним своим путем, оказавшимся действительно той самой дорогой, по которой ходят в Лхасу караваны северных богомольцев. Так продолжалось до небольшой реки Чю-нагма, впадающей слева в Мур-усу, или, верней, до первого крутого поворота к востоку этой последней. Здесь сходятся все три пути, ведущие в Тибет из Куку-нора через восточный Цайдам. Первый, главный из этих путей, направляется от хырмы Дзун-засак в Цайдаме через хребет Бурхан-Будда, или в обход его по ущелью р. Номохун-гол, затем переваливает горы Шуга, пересекает реку Шуга-гол и идет через р. Уян-харза на низовье р. Напчитай-улан-мурени, по которой спускается на Мур-усу; далее направляется вверх по ней. Этим путем, до устья Напчитай-улан-мурени, следовали мы в 1872—1873 годах, а до р. Шуга-гол шли и ныне из Цайдама. Второй, более короткий, путь, большей частью теперь нами также пройденный, ведет первой дорогой до р. Шуга-гол, потом направляется вниз по этой реке и, через перевал Чюм-чюм в хребте Марко Поло, выводит на высокое Тибетское плато; следуя отсюда в юго-западном направлении, пересекает среднее течение р. Напчитай-улан-мурени и, близ перевала хребта Куку-шили, соединяется с третьим, самым западным, путем. Этот последний ведет от хырмы Дзун-засак на протяжении 180 верст под горами тибетской ограды до урочища Голмык, откуда направляется вверх по р. Найджин-гол; далее, весьма трудным с севера подъемом переваливает хребет Гурбу-найджи, а затем более легким перевалом Ангыр-дакчин пересекает хребет Марко Поло; отсюда западный путь следует к юго-юго-западу на безыменные, сколько кажется, но весьма удобные перевалы через хребты Куку-шили и Думбуре; миновав последние горы, западный путь огибает с запада хребет Цаган-обо и выходит на р. Чю-нагма близ ее устья.

Из этих путей средний—самый короткий, но местами бескормный; западный, так называемый тайджинерский, труден своим подъемом с севера на хребет Гурбу-найджи; восточный —хотя более длинный, но удобней других относительно корма и неимения высоких перевалов; поэтому наиболее избирается караванами.

Остановка в горах Цаган-обо. Дойдя до гор Цаган-обо, мы провели здесь четверо суток, по случаю болезни казака Гармаева, который вдруг сильно захворал со всеми признаками тифа. Однако крепкий организм и усиленные приемы хины переломили болезнь, так что Гармаев, хотя полубольной и слабый, мог на пятые сутки кое-как ехать верхом. Проводник Дадай также постоянно жаловался на нездоровье, главной причиной которого было излишнее обжорство мясом; кроме того, наш проводник сильно страдал от паразитов, хотя ежедневно усердно истреблял их в своем одеянии. Не знаю почему, но ни у нас, ни у наших казаков подобных гостей не заводилось, хотя все мы носили до крайности грязное платье, так как мыть его теперь было невозможно. Впрочем, монголы говорят, что человек, не имеющий на себе паразитов, не угоден богу.

Снегу на горах Цаган-обо, несмотря на большую их абсолютную высоту, не было вовсе на южных склонах; на северных скатах тех же гор снег лежал, подобно тому как на Тан-ла, тонким слоем и то лишь в верхнем поясе хребта. Этот последний, противоположно многим другим горам внутренности Северно-Тибетского плато, изобилует скалами, состоящими из красноватого и серого известняка, сильно разрушенного атмосферными влияниями.

Геологическое действие тибетских бурь. Между последними на первом плане в Тибете стоят сильные и постоянные бури, которые, как уже говорилось ранее, во всех пустынях Центральной Азии производят на почву такое же разрушающее и вообще изменяющее действие, какое творит вода в других странах земного шара. В течение веков эти неустанные бури осаждают в замкнутых котловинах громадные лёссовые толщи атмосферной пыли, выдувают обширные площади прежних водяных осадков, переносят с места на место сыпучие пески, разрушают и сглаживают горные хребты. На Северно-Тибетском плато подобная работа ветров еще резче бросается в глаза: здесь все открытые западные склоны гор изборождены выдутыми слоями почвы, так что нередко представляют подобие гигантской лестницы. Затем отсутствие скал, разрушившихся россыпями, и преобладающие мягкие формы гор, рядом с неглубокими между ними долинами—обязаны своим происхождением тем же бурям• вместе с зимними морозами и летними дождями. Конечно, все эти причины оказывают разрушающее действие на горы и других частей нашей планеты, но обыкновенно не в такой сильной и постоянной напряженности, как в местностях описываемых.

Охота на медведя. Целые дни проводили мы в горах Цаган-обо на охоте за уларами и куку-яманами. Сверх того, мне удалось убить новооткрытого в Тибете медведя (Ursus lagomyiarius).

Случилось это таким образом.

Охотясь за уларами в ближайших к нашей стоянке скалах, Ф. Л. Эклон случайно вспугнул с зимней лежки медведя, но стрелять его не мог, так как ходил с дробовиком. На следующее утро мы вчетвером (я, Эклон, Коломейцев и Урусов) отправились на поиски за тем же медведем. На прежнем месте его не оказалось. Тогда мы решили рассыпаться по окрестным горам и искать медведя, того или другого, наудачу. Для себя я выбрал лучший район и полез вверх по россыпи. Подъем был чрезвычайно крутой, так что приходилось отдыхать через каждые 10—20 шагов; холодный ветер и мороз довершали трудности. Местами на скудных лужайках кормились улары, как нарочно подпускавшие к себе очень близко, но теперь на эту мелочь не обращалось внимания; все помыслы устремлены были на отыскание медведя. Однако зверя нигде не оказывалось, несмотря на то, что я лазил во все встречавшиеся по пути пещерки и прилежно осматривал в бинокль дальние скалы. Так прошло часа два или три, пока, наконец, я поднялся на самый гребень гор. Здесь выскочило стадо куку-яманов, в которых я и пустил из своего штуцера две пули; одна из них перебила ногу самке. Та сначала было залегла, затем снова вскочила и отлично взобралась на скалы, лежавшие еще выше. Туда же убежало все стадо, а за ним полез и я. Поднявшись опять сотни на две шагов, я начал осматривать новое открывшееся передо мною ущелье и сразу заметил, шагах в пятистах ниже, вправо от себя, лежавшего под скалой зверя, которого, вследствие его светлой окраски, принял сначала за тибетского волка. Затем в бинокль разглядел, что это был медведь, вылезший с своей зимней лежки в пещере погреться на солнце. Радостно забилось мое сердце при таком открытии. Но вместе с тем явилось и опасение, чтобы зверь не ушел ранее того, как я подойду к нему в меру меткого выстрела. Местность же не позволяла сделать обход; необходимо было спускаться по россыпи на глазах медведя. Так я и сделал. Держа наготове свой штуцер, чтобы стрелять хотя наудачу, если зверь вздумает уходить, я полез книзу по противоположной стороне ущелья. Камни

осыпи с шумом катились при каждом моем шаге; но медведь никем не пуганный и, быть может, никогда еще не видавший человека, продолжал спокойно лежать, изредка только поворачивая голову в мою сторону. Наконец я спустился до того места, откуда мог направиться к зверю незамеченным, пользуясь скалой, стоявшей между мной и медведем. Добравшись до этой скалы, я осторожно выглянул из-за нее и увидел, что медведь лежит на прежнем месте, в расстоянии, однако, еще более двухсот шагов, но ближе подкрасться было невозможно; я решил стрелять отсюда. Положив штуцер на выступ скалы и хорошенько прицелившись, я спустил курок. Грянул выстрел, затем другой—и медведь, убитый наповал, успел лишь немного вдвинуться в свою пещеру; между тем я вложил в штуцер новые патроны и послал еще два выстрела. Затем, видя, что зверь не шевелится, направился к нему все по той же россыпи, по которой при всем нетерпении спешно итти было невозможно; наконец я добрался до пещеры, у входа в которую лежал убитый медведь, оказавшийся великолепным экземпляром. Полюбовавшись зверем, я приступил к обдиранию шкуры, но явился Эклон, ходивший невдалеке, и мы вдвоем живо сняли кожу, не забыли также взять сало, которого, впрочем, оказалось немного; затем с тяжелой ношей стали спускаться вниз опять по россыпям, которыми почти сплошь усеян весь верхний пояс здешних гор. При выходе из них встретили возвращавшегося с пустыми руками солдата Урусова, передали ему свою добычу и втроем вернулись к бивуаку, где, конечно, еще долго рассказывались подробности удачной охоты.

Новый наш путь. От гор Цаган-обо мы свернули влево с нашего прежнего пути и направились далее тайджинерской дорогой. Помимо удобства движения через избранные перевалы, путь этот пролегал на протяжении более 500 верст по новым для нас местностям; сверх того мы раньше попадали в сравнительно теплый Цайдам. Необходимо было спешить, так как наши верблюды слабели с каждым днем, а запасы провизии истощались, за исключением одного мяса, которого можно было добыть охотой сколько угодно.

Новый путь лежал до перевала через Куку-шили невдалеке от старого и почти параллельно ему. Сначала мы обогнули горы Цаган-обо с западного их конца, а затем, поперек широкой равнины, направились к хребту Думбуре. Перевал здесь имеет 16 000 футов абсолютной высоты; подъем и спуск весьма пологи; но движение караванов затрудняется обилием мото-шириков.

Нахальство тибетских хищников. В южной окраине гор Думбуре мне удалось убить отличного яка, вполне годного для коллекции. Так как дело это было на закате солнца и притом довольно далеко от нашего бивуака, то я оставил зверя на месте до завтра, с тем чтобы ранним утром снять шкуру. Последняя была для нас необходима, ибо до сих пор мы еще не взяли в свою коллекцию ни одного яка—то не хотелось понапрасну таскать подобную тяжесть, то выбирали все лучшие и лучшие экземпляры. К большому огорчению и на этот раз мы не попользовались добычей, так как ночью волки совершенно испортили шкуру. Вообще в Тибете охотнику почти невозможно уберечь свою добычу от пернатых и четвероногих хищников. Не только убитый и оставленный в поле, но даже спрятанный зверь будет живо разыскан и съеден. Тут прежде всего помогают вóроны, которые обыкновенно следят за охотником; за ними являются грифы и волки. Притом эти хищники не дают спуску и друг другу: вóрон ест мертвого вóрона, гриф—мертвого грифа.

Во всем Северном Тибете, несмотря на баснословное обилье зверей, лишь случайно, в редкость, можно встретить труп животного или уцелевший скелет. Валяются только во множестве рога антилоп, черепа хуланов да головы или копыта диких яков, которых не могут одолеть ни волчьи, ни медвежьи зубы.

В тех же горах Думбуре казак Калмынин убил отличный экземпляр аркара, или белогрудого аргали (Ovis hodgsoni?).

Белогрудый аргали. Этот красивый зверь, помеченный на приложенном рисунке под сомнительным видовым названием[1], встре-

Белогрудый аргали

чается во всем Северном Тибете и, сколько кажется, исключительно здесь преобладает, по крайней мере в местностях, нами исследованных. Образ жизни и привычки описываемого аркара уже прежде изложены мной[2]; прибавлять нового нечего. Скажу только, что в Северном Тибете белогрудый аргали встречался нам обыкновенно изредка, вплоть до Тан-ла; но на самом этом плато не найден.

Климат декабря. Между тем наступил конец декабря, который весь был проведен нами в южной половине Северно-Тибетского плато. В общем месяц этот, вероятно, был здесь самый холодный, морозы на восходе солнца 26 раз переходили за 20°, в том числе 6 раз превышали 30°; minimum температуры равнялся—33.5°. Бури случались часто (всего 14), попрежнему с запада и реже с юго-запада; притом сила этих

[1] Так как виды горных баранов Центральной Азии далеко еще не установлены надлежащим образом, чему причиной их близкое сродство между собой и малое количество экземпляров в европейских музеях (118).

[2] «Монголия и страна тангутов», стр. 321—323. Здесь и на рисунке, приложенном ко II тому той же книги, описываемый аркар ошибочно назван Ovis polii. Последний свойственен, сколько кажется, только Тянь-шаню и Памиру (119).

бурь теперь усугубилась. Как обыкновенно, они начинались перед полуднем или вскоре после него и приносили тучи пыли, которая, если день был ясный, успевала ранее нагреться солнцем и в свою очередь достаточно нагревала атмосферу. Однако в течение описываемого месяца, при наблюдениях в 1 час пополудни, термометр ни разу не показывал выше нуля.

Противоположно ноябрю погода в декабре часто стояла облачная; ясных дней считалось 14, да и из них 6 дней были ясны лишь наполовину[1]. Снег падал 7 раз, но всегда в ничтожном количестве. Вообще в течение всего декабря почва Северного Тибета была свободна от зимнего покрова. Даже тот снег, который выпал здесь в начале октября и еще месяц спустя сплошь укрывал северные склоны гор вверх от 15 000 футов, почти совсем исчез в декабре. Уничтожился он, как было сказано, от наносной пыли и действия на нее солнечных лучей; частью же и прямо испарился в здешнем сухом воздухе.

Переход до хребта Марко Поло. Встретив новый 1880 год в северной окраине хребта Думбуре и переночевав на другой день на верховье р. Хапчик-улан-мурени, вода которой, как и в Думбуре-голе, соленая[2], мы пошли далее, но, отойдя только шесть верст от бивуака, вновь остановились. Причиной этому было то обстоятельство, что мне удалось с помощью наших собак убить двух отличных яков, одного старого, другого молодого. Оба зверя упали в расстоянии не более двухсот шагов друг от друга, а так как местность здесь изобиловала водой и кормом, то мы тотчас же остановились с целью исключительно заняться препарировкой убитых животных. На эту операцию потребовался целый день, который, по счастью, был тихий и довольно теплый.

Назавтра обе тяжелые, ночью замерзшие, шкуры прибавили немало клади нашим бедным, почти вконец истомленным верблюдам. Тем не менее мы сделали переход в 25 верст и добрались до южной окраины гор Куку-шили, а на следующий день перевалили через этот хребет. Перевал здесь имеет 15 200 футов абсолютной высоты, весьма полог и удобен для движения каравана.

На бивуаке в северной окраине того же хребта Куку-шили мы в последний раз отлично поохотились на яков. Хуланов и антилоп здесь также водилось множество, и, как обыкновенно в Северном Тибете, все эти звери почти не боялись человека. Возле самого нашего стойбища паслись табуном хуланы, а дикие яки лежали или бродили по окрестным горам, не обращая на нас никакого внимания.

От гор Куку-шили нынешний наш путь много уклонился от старого. Теперь мы пошли к северо-северо-востоку, поперек громадной равнины раскинувшейся до хребта Марко Поло. Это та самая равнина, по которой протекает р. Напчитай-улан-мурень и которую, идя вперед, мы диагонально пересекли в более восточной ее части. Только здесь, где теперь мы шли, описываемая равнина оказалась еще бесплодней и гораздо бедней водой. Река Напчитай в это время была покрыта толстым льдом, большей частью занесенным песком.

Описание этих гор. Обширный горный хребет, который встал теперь впереди нас, назван мной, как уже было сказано в девятой главе, именем знаменитого венецианского путешественника Марко Поло,

[1] Между тем, в ноябре нами наблюдался только 1 облачный день, да 3 дня были облачны наполовину.

[2] В низовье р. Напчитай-улан-мурени мы нашли в январе 1873 года воду также соленую.

исходившего Азию в конце XIII века. Этот хребет возникает невысокими горами на левом берегу среднего течения р. Шуги и тянется отсюда на запад, составляя внутреннюю ограду Северно-Тибетского плато к стороне более низкой цайдамской котловины. Таким образом, хребет Марко Поло принадлежит к системе собственно Куэн-люня; но как далеко идет на запад, достоверно узнать мы не могли (120).

Наиболее высокая, вечноснеговая часть описываемых гор лежит в их восточной половине между перевалами Чюм-чюм и Ангыр-дакчин. Близ последнего поднимается и высшая вершина всего хребта—гора Балдын-дорджи, или по-тибетски Ачюн-гончик[1], достигающая, быть может, 18 или 19 тысяч футов абсолютной высоты. Почти такая же вершина—Субэ стоит возле перевала Чюм-чюм. Этот перевал поднят над уровнем моря на 16 300 футов; перевал же Ангыр-дакчин лежит на 400 футов ниже. Отсюда, далее к западу, хребет Марко Поло нигде не представляет сплошной, вечноснеговой массы. Нам виднелись там только три вечноснеговые группы тех же гор: Шара-гуи, быть может, наиболее высокая после Балдын-дорджи, Умыкэ—в средине и, наконец, Харза—самая западная. По показанию нашего проводника хребет Марко Поло продолжается от последней группы еще далеко к западу, но не достигает там снеговой линии. Расспросами также дознано нами, что с северного склона снеговой группы Умыкэ вытекает р. Найджин-гол, о которой будет говориться далее. Верстах же в 40 северней группы Харза, в окрайних к Цайдаму горах, лежит озеро Хыйтун-нор, имеющее около сотни верст в окружности. Из него вытекает р. Уту-мурень, которая, подобно Найджин-голу, направляется на север в Цайдам в урочище Махай[2], где и теряется в солончаках. При выходе Уту-мурени из окрайних тибетских гор на ней залегает обильное водой и пастбищами цайдамское урочище Гаджир.

Подобно другим северотибетским горам, хребет Марко Поло почти не имеет скал, в особенности в верхнем своем поясе. Здесь везде только обширные россыпи, состоящие на северном склоне пройденных нами перевалов из сланцев: глинистого, кремнистого, кварцитового и талькового.

В общем хребет Марко Поло в своей вечноснеговой части крайне бесплоден, как на северном, так и южном склонах. Такое бесплодие характеризует, сколько кажется, и более западное продолжение описываемых гор, которые здесь, так же как и в вечноснеговых группах, стоят довольно крутой стеной в стороне Тибетского плато. Судя на глаз, по положению ледников северного склона и по высоте перевалов через хребет Марко Поло, снеговая линия должна проходить здесь на высоте немного более 16 500 футов.

Снежный буран. Те холмы, которые образуют предгорья выше описанного хребта от равнины Напчитай-улан-мурени к перевалу Ангыр-дакчин, совершенно бесплодны. Нам пришлось ночевать в подобной местности. Мало того, ночью поднялся сильнейший снежный буран с запада при морозе в 23°. Итти в путь нечего было и думать; между тем ни лошадям, ни верблюдам корма не имелось; бедные животные томились

---

[1] Названием этим, как синонимом Гурбу-найджи, ошибочно по указанию проводника названа была мной при первом путешествии по Тибету вся вечноснеговая часть хребта Марко Поло. Сам хребет Гурбу найджи, как теперь оказалось, лежит южнее и параллельно горам Марко Поло. «Монголия и страна тангутов», стр. 307 [в издании 1946 года стр. 253].

[2] Это урочище лежит к юго-западу от Сыртына (р. Уту-Мурень вытекает из гор Харза в хребте Марко Поло, а не из Хыйгун-нора].

голодом и дрожали от холода. Несладко было и всем нам. Наша юрта и казачья палатка были занесены ночью снегом и песком; ветер пронизывал даже войлоки. Утром, когда по обыкновенью заводились хронометры, их едва можно было держать в руках, до того они охладились ночью, несмотря на то, что лежали у меня под изголовьем и были завернуты в лисий мех. Аргалу для топлива отыскать было невозможно, запасного же имелось немного, да притом и зажечь его весьма было трудно в подобную погоду. Словом, Тибет на прощанье как будто хотел угостить нас еще раз всеми своими прелестями.

К полдню ветер стих и немного потеплело. Мы тотчас завьючили верблюдов; но лишь только двинулись с места, как снова заиграл снежный буран, не перестававший до ночи. Мы прошли, чуть не ощупью, 16 верст, перевалили весьма пологим подъемом и довольно сносным спуском через хребет Марко Поло и остановились ночевать при выходе из него, в совершенно бесплодном ущелье.

В ы н о с л и в о с т ь т у з е м н ы х л о ш а д е й. Таким образом наши животные уже другие сутки не имели корма. Положим, для верблюдов это дело привычное, но для лошадей не совсем. Тем из этих лошадей, которые ели мясо, мы дали по куску говядины; затем свели на ночь всех четырнадцать наших коней в кучу и высыпали им мешок пуда в два хуланьего помета, собранного дорогой. Голодные лошади с радостью бросились на такую пищу и живо подобрали весь помет. Тем должны были и удовольствоваться на всю долгую морозную ночь; назавтра же опять итти под верхом целый переход.

Но и баснословно же выносливы степные лошади вообще, а тибетские в особенности! Целые тысячи верст они выхаживали с нами, обыкновенно на самом скудном подножном корме, не только летом, но даже зимой; пили всякую воду; случалось, выносили продолжительную жажду и все-таки оказывались бодрыми, иногда даже не похудевшими заметно. Так, например, одна из подобных лошадей сходила взад и вперед из Кульджи на Лоб-нор; затем, после двух месяцев отдыха, прошла от той же Кульджи по Чжунгарии до г. Гучена и обратно в Зайсан—словом, сделала под верхом четыре тысячи верст, притом большей частью по пустыням, и почти не устала. Моя верховая лошадь—подарок Якуб-бека кашгарского, свезла меня из г. Курли в Кульджу, отсюда до Гучена и в Зайсан; затем целый год ездила здесь под верхом казака; потом снова подо мной прошла из Зайсана в Тибет до места нашего отсюда возврата, т. е. до ключа Ниер-чунгу; обратно перетащила меня через Северно-Тибетское плато и лишь перед выходом в Цайдам устала и была отдана монголам на р. Найджин-голе.

Притом нужно заметить, что в короткие зимние дни верховые лошади экспедиции, за исключением дневок, не имеют достаточно времени пощипать даже тот скудный корм, который встречается; так как после перехода, занимающего всегда бóльшую часть дня, кони пускаются на покормку лишь перед вечером часа на два-три, а ночью привязываются на длинные арканы; зерновой же хлеб получают лишь изредка, да и то обыкновенно в самом ограниченном количестве[1]. Правда, много лошадей и пропадает в экспедиции, но все-таки каждая из них выносит, более или менее продолжительно, такие трудности, какие и не снились европейским коням.

[1] От 3 до 4 пригоршней ячменя в сутки.

Место размножения антилоп оронго́. По выходе из хребта Марко Поло мы напали на западный край той оригинальной долины, которая, как уже говорено было в десятой главе, залегает между хребтами Марко Поло и Гурбу-найджи. Подобно тому как в восточной своей части, так и здесь, эта долина совершенно бесплодна; таковы же прилегающие к ней и скаты двух вышеназванных хребтов. На северном склоне южного из них, т. е. на горах Марко Поло, лежат обширные ледники, однако вода от этих ледников, по крайней мере зимой, не выбегает в описываемую долину. Летом, в июле, эта долина, по словам цайдамских монголов, оживляется кипучей животной жизнью. Сюда и в ближайшие горы во множестве стекаются тогда самки антилоп оронго́, чтобы выводить детей; самцы же остаются на своих местах. Взамен их, вслед за беременными самками, являются медведи, волки и грифы, чтобы пользоваться легкой добычей в течение всего периода родов, который продолжается с месяц. Затем оронго́, вместе с уцелевшими детенышами, расходятся обратно по своим местам.

Трудно сказать, что именно заставляет самок оронго́ отправляться выводить молодых в описываемую долину, тогда как в Северном Тибете можно найти много местностей, гораздо более для того удобных. Еще труднее объяснить, чем питаются стада этих антилоп во время своего пребывания в столь бесплодной местности. Быть может, оронго́ идут сюда в надежде, хотя на время, укрыться от своих врагов; но на деле выходит наоборот.

Вожак-монгол передал нам местную легенду, в которой говорится, что все оронго́, обитающие в Тибете, составляют приданое средней дочери какого-то духа, находящегося в горах Амнэ-мачин, на верховьях Желтой реки. Эта дочь, выйдя замуж, живет теперь на горе Балдын-дорджи, к подножью которой ежегодно и должны стекаться принадлежащие ей оронго́ для своей поверки и для вывода потомства.

Хребет Гурбу-найджи. Пересекши в диагональном направлении вышеописанную долину, мы пришли к подножью хребта Гурбу-найджи, или просто Найджи[1], подъем на который здесь весьма короток (менее версты) и не слишком крутой, так что на вьючных верблюдах едва ли можно подняться, разве с великим трудом. Абсолютная высота пройденного перевала оказалась в 14 600 футов.

Хребет Гурбу-найджи составляет западное продолжение гор Гурбу-гундзуга и, подобно первым, тянется параллельно хребту Марко Поло, с которым соединяется близ снеговой группы Шарагуи. С южной[2] стороны оба вышеназванные хребта омываются рекой Найджин-гол, которая отделяет их от передовой к Цайдаму тибетской ограды. Сами же Гурбу-найджи и Гурбу-гундзуга, поместившиеся на продолжении гор Шуга, составляют вторую, т. е. среднюю в этом месте, ограду Тибетского плато. Ни тот, ни другой хребет своими вершинами не достигают снеговой линии. Южный их склон совершенно бесплоден и для Гурбу-найджи весьма короток; северный же гораздо шире и, по крайней мере в Гурбу-найджи, плодороднее. Здесь по нашему пути, тотчас за перевалом, следовательно от высоты приблизительно 14 000 футов, появилась сносная кормовая трава и мелкие кустики сабельника (Comarum); футов на 500

---

[1] Название это в переводе означает «приятель». Оно дано описываемым горам вследствие какой-то легенды, которую толково разъяснить проводник наш не умел.

[2] [Видимо, описка—р. Найджи течет под северными склонами этих хребтов.]

Дунганы из окрестностей г. Синина

по вертикали ниже в ущелье показался дырисун, а еще футов через 200 или 300 явились облепиха и кустарник семейства бобовых.

Скал в описываемых горах, на всем южном их склоне и в верхнем поясе северного склона, нет вовсе; зато обильны россыпи слюдосодержащего глинстого сланца.

Река Найджин-гол. Река Найджин-гол, как сказано было выше, берет свое начало на северном склоне вечноснеговой группы Умыкэ в хребте Марко Поло; спустившись отсюда, течет довольно долго с запада на восток, разделяя хребет Торай от хребтов Гурбу-найджи и Гурбу-гундзуга, затем прорывает передовую горную окраину Тибета и выходит в Цайдамскую равнину. Здесь описываемая река течет еще верст 90 на север, наконец впадает в соленое озеро, которое имеет около 30 верст в окружности. Верстах в 25 или 30 к востоку от этого озера лежит другое озеро, меньшее по величине; в него впадает р. Баян-гол. В большую воду оба эти озера, как говорили нам монголы, соединяются между собой.

Перед выходом из гор Найджин-гол принимает справа р. Шуга, которая имеет (зимой) близ устья сажен 7—8 ширины и течет в глубоком коридорообразном русле. Подобное же русло вырыла в наносной (глина с галькой) почве своей долины и река Найджин-гол в среднем своем течении и нижнем до выхода в цайдамские солончаки. Ширина такого коридора, или траншеи, от 20 до 50 сажен; боковые стены в нем высятся от 10 до 15 сажен и совершенно отвесны. Они сильно разрушаются атмосферными влияниями; продукты такого разрушения частью уносятся водой, частью остаются на дне самого коридора. По нему река течет зигзагами, беспрестанно перебегая от одной стены к другой. В нижнем же течении Найджин-гола подобный коридор иногда суживается сажен на 10, так что река здесь скрывается как будто под землей.

Там, где мы вышли на Найджин-гол, его ширина простиралась от 8 до 10 сажен, если не считать попадавшиеся местами накипи льда; в среднем своем течении та же река, зимой здесь вовсе не замерзающая, расширялась, как и далее вниз, от 10 до 15 сажен, при глубине нередко в три или четыре фута; в низовье Найджин-гол опять суживается.

Характеристику долины верхнего и среднего течения описываемой реки, равно как долин рр. Номохун-гола и Шуги, да, вероятно, и всех других протекающих по горной тибетской окраине к Цайдаму, составляет обилие ключей, возле которых только и встречаются плодородные, травянистые или кустарные площадки. Сами же реки не оплодотворяют сполна своих долин, обрамленных высокими, также бесплодными, горами. По Найджин-голу подобная долина имеет от 1 до 1 $^1/_2$ версты ширины; ее глинистая почва то совершенно оголена, то покрыта редкими кустиками уродливой бударганы. Узкой полосой по берегу реки, да возле многочисленных ключей, растет кустарник балга-мото (Myricaria alopecuroides), который восходит почти до 13 000 футов абсолютной высоты, но имеет здесь не более двух футов высоты; по среднему течению Найджин-гола тот же кустарник делается ростом в 5—6 футов, и его нередко обвивает ломонос (Clematis sp.); кроме того, здесь появляется сильно колючая облепиха, а от 11 500 футов—Hedysarum и Ephedra [копеечник и хвойник]; еще футов на тысячу ниже, при выходе из гор, встречается уже растение пустыни—Calligonum mongolicum [джузгун монгольский].

Хребет Торай. По северную сторону Найджин-гола стоит хребет Торай и образует, подобно Бурхан-Будда с его западными про-

должениями, наружную окраину Тибетского плато, к стороне Цайдамской равнины. Он нигде не достигает снеговой линии, но дик и скалист, хотя скалы в обилии появляются лишь вниз от 12 000 футов, где вечные бури и непогоды Тибета уже не хватают с такой силой, как на самом нагорье. Преобладающими горными породами по Найджин-голу служат в верхнем и нижнем поясе описываемых гор темный доломит, а близ устья р. Шуги—слюдосодержащий глинистый сланец. Помимо скал, горные скаты глинистые, совершенно бесплодные.

По расспросным сведениям, хребет Торай тянется на запад по р. Уту-мурени; только западные его части принимают названия сначала Юсун-обо, а потом Цаган-нир [Цаган-нуру, т. е. белый хребет]. За Уту-муренью, по тем же расспросам, горная тибетская окраина, быть может местами двойная или тройная, продолжается попрежнему к западу так далеко, как тянутся равнины Цайдама—вероятно до соединения с системой Алтын-тага.

Идем вниз по Найджин-голу. Заплатив двумя брошенными верблюдами дань и хребту Гурбу-найджи, мы спустились отсюда на р. Найджин-гол. Местность понизилась на 12 500 футов; стало гораздо теплее; ходить сделалось легче. Юрту свою мы могли топить теперь дровами и спать без удушья, столь обыкновенного на высотах Тибета. Для животных появился хороший корм, которым они наедались до невозможности. Только тибетские лошади, от роду не видавшие кустарников, беспрестанно пугались их, пока через несколько дней не привыкли к подобному чуду.

В день выхода на Найджин-гол роздана была казакам последняя порция дзамбы; рису, с которым варился суп, осталось только лишь несколько горстей. На продовольствие охотой теперь уже нельзя было рассчитывать; поэтому я отправил вперед двух казаков разыскивать монголов, которые, по словам нашего вожака, должны были где-нибудь кочевать по Найджин-голу. С посланными уехали и двое карчинских лам, которым, вероятно, сильно надоело тащиться с нами. На прощанье старший лама принес мне в подарок огромный стручкообразный плод индийского дерева Calosanthes indica. Плод этот, называемый тибетцами медок-самбагá, почитается священным. Далай-лама иногда присылает его в подарок более знатным пилигримам.

Вслед за посланными вперед казаками поплелись и мы вниз по Найджин-голу. Итти здесь с караваном было затруднительно, так как приходилось неоднократно круто подниматься и спускаться, чтобы обходить отвесные берега, упирающиеся в самую реку. Эта последняя посредине текла незамерзшей, следовательно невозможно было пользоваться льдом для обхода обрывов. Но тот же самый лед местами образовывал большие накипи, через которые необходимо было посыпать глиной дорожку нашим верблюдам. Так прошли мы в первый день 16 верст, а на следующий 10 и, наконец, встретили стойбище из пяти юрт тайджинерских монголов. О них сообщили нам еще накануне возвратившиеся казаки, которые привезли с собой немного дзамбы и молока.

Место, где жили монголы, было отличное—обильное ключами, кормом и топливом. Здесь мы и расположились немного отдохнуть после всех передряг Тибета. Прежде всего купили у своих новых знакомцев дзамбы, масла, молока, несколько баранов и домашнего яка, мясо которого оказалось превосходным. Затем постриглись, побрились и вымыли свои грязные физиономии и головы; помыться же всем телом было невозможно из опа-

сения простуды. Между тем, от спанья на пыльных войлоках и постоянной нечистоты везде и во всем, тело наше покрылось таким слоем грязи, что ее можно было соскабливать ногтями; подошвы же ног, с которых по целым неделям не снимались валеные сапоги, много походили на верблюжьи пятки.

Назад на Тибет страшно было даже посмотреть: там постоянно стояли теперь тучи и, вероятно, бушевала непогода. Здесь же, на Найджин-голе, было довольно тепло, хотя изредка моросил снег—остаток тибетских буранов. Этот снег покрывал окрестные горы белой пеленой, но на долине реки быстро растаивал. Теперь оказалось возможным снять и лишнее теплое одеяние, без которого ходить и ездить верхом было несравненно удобней, в особенности при беспрестанных слезаниях с коня для делания засечек буссолью.

Зимующие птицы. В бесснежной долине Найджин-гола мы встретили довольно много птиц—оседлых и зимующих. Из последних почти все, а из первых многие нигде не найдены были на Тибетском плато в тех местах, по которым мы проходили. Для Цайдама же многие птицы тибетской горной окраины оказались общими, в особенности среди оседлых. Между ними наиболее обыкновенны были: скалистая куропатка (Caccabis magna) и хохлатый жаворонок (Otocoris nigrifrons); более редка—завирушка (Accentor fulvescens), частью, вероятно, здесь только зимующая; стенолаз (Tichodroma muraria), тибетский жаворонок (Melanocorypha maxima), пустынная синичка (Leptopoecile sophiae), а пониже саксаульная сойка (Podoces hendersoni).

Из зимующих птиц в большом весьма количестве найдены: горный вьюрок (Leucosticte haematopygia) и горихвостка (Ruticilla erythrogastra); обыкновенны были: [большая чечевица, вьюрок Адамса]—Carpodacus rubicilla, Montifringilla adamsi, чечетка (Linota brevirostis), оляпки (Cinclus kaschmiriensis, C. sordidus) и дупель-отшельник (Scolopax solitaria); четыре последние вида, вероятно, частью здесь и оседлы. В небольшом числе замечены были также кряковые утки (Anas boschas), болотные щеврицы (Anthus aquaticus), и на высоте 12 000 футов на ключевом болотце был убит водяной пастушок (Rallus aquaticus). Трудно понять, как попала сюда эта плохо летающая птица.

По среднему Найджин-голу в особенности много держалось горных вьюрков (Leucosticte haematopygia), которые иногда скоплялись такими огромными стадами, что однажды двойным выстрелом я убил 42 экземпляра. Довольно было по ключевым болотцам и дупелей-отшельников, которых нам, жителям севера, даже как-то странно было стрелять в половине января. Вообще давно мы не видали подобного обилья и разнообразья птиц, находившихся притом в превосходном пере, что, как известно, до крайности радует сердце орнитолога. И, вероятно, на Найджин-голе никогда еще не раздавалось столько выстрелов, сколько посылали мы теперь несчастным птичкам, которых Эклон и Коломейцев препарировали в несколько дней около сотни экземпляров.

Выход в Цайдам. Отдыхали мы двое суток, затем снарядились далее. Вьючных верблюдов теперь у нас осталось только 17, притом крайне плохих; впереди же предстоял, по словам монголов, трудный перевал. Поэтому мы наняли у тех же монголов до Цайдама шесть яков с платой за каждого 1 $^1/_3$ лана. С вьючением этих яков долго возились и монголы, и наши казаки, так что в первый день прошли немного. Погода стояла прелестная, тихая и теплая. Несмотря на 16 января, в 1 час попо-

лудни термометр в тени показывал +2,4°, а на солнце +10,5°. Река Найджин-гол была совершенно свободна от льда вниз от 11 500 футов абсолютной высоты.

На следующий день пришлось подниматься на перевал, который действительно оказался весьма крутым и каменистым. Он носит имя Куку-том и образуется осью хребта Торай, упирающейся в р. Найджин-гол. На противоположной стороне этой реки примыкают здесь также крутые горы, пройти по берегу невозможно. Сам перевал возвышается над долиной Найджин-гола не более как на тысячу футов; тем не менее, мы провозились здесь целых полдня. Усталые верблюды не могли взойти на гребень перевала—тому мешали крутизна и камни. Пришлось, поднявшись насколько было возможно, развьючивать этих верблюдов и на себе носить вверх вьюки; затем тащить туда же, местами на веревках, наиболее слабых верблюдов. Из последних один все-таки не мог взойти и был отдан монголам. Спуск с Куку-тома оказался хотя также крутым. но малокаменистым; мы живо его прошли. На самом перевале, как обыкновенно, стоит каменный обо́.

В расстоянии 8 верст от Куку-тома нам встретилась р. Шуга, которая впадает здесь в Найджин-гол. Она имела не более 7—8 сажен ширины и сплошь была замерзшей; течет, подобно Найджин-голу, в коридоре, отвесные бока которого высятся сажен на 15; ширина же от одной стены до другой сажен 50 или 70. Спуск в такую ямину весьма крут, подъем был еще хуже. Дорога прокопана здесь в отвесе берега каким-то добродетельным ламой, по обещанию богу, как сообщили наши спутники.

Дальнейший путь по Найджин-голу уже не представлял трудностей; тропинка шла по правой стороне реки, сначала близко, а потом вдали от нее. Обрывы берега были до того круты и отвесны, что мы, находясь возле воды, не могли ее достать. Корма животным также не имелось; на глинистой почве только кой-где росла корявая бударгана; прелестные ключи с их лужайками теперь исчезли; окрестные горы, как и прежде, были бесплодны.

Пройдя весьма удобным перевалом Гоно через небольшой выступ окрайних гор, мы ночевали на ключе Унцык-булак, который так запрятан, что его весьма трудно отыскать. Отсюда впереди уже виднелись терявшиеся в мутной, пыльной атмосфере Цайдамские равнины. До них оставался только один, правда большой, переход, сделанный нами на следующий день. Местность от окрайних гор верст на двадцать шла покато и совершенно была бесплодна; почва состояла из гальки или из сыпучего песка. Затем покатость кончилась, ее заменила солончаковая равнина; появились в обилии хармык и тамариск—характерные растения Цайдама. Наконец встретилось ключевое болотистое урочище Ара-толай, в котором мы и разбили свой бивуак. Местность понизилась теперь на 9 200 футов. Тепло стало, как настоящей весной—в полдень до +9° в тени; на солнечном пригреве встречались комары и пауки; видели даже чибиса (Vanellus cristatus), быть может прилетного или здесь зимовавшего.

Окрайние горы крутой стеной ушли к западу и востоку. В последнем направлении мы могли их проследить при дальнейшем своем пути к Дзунзасаку. Относительно же западного продолжения и направления тех же гор, равно как и обо всем западном Цайдаме, мы должны были удовольствоваться расспросами и кой-какими собственными соображениями.

С в е д е н и я о з а п а д н о й ч а с т и э т о й с т р а н ы. По словам цайдамских монголов, западная половина их страны, в общем,

походит на южную, т. е. представляет громадную солончаковую равнину, окаймленную высокими горами. В северной своей части эта равнина, вероятно, принимает холмистый, более пустынный характер, свойственный северо-восточным местностям того же Цайдама. Южные окраинные горы принадлежат, как уже говорилось несколько раз, к системе собственно Куэн-люня и, составляя высокую ограду Тибетского плато, тянутся непрерывно на запад, до соединения с системой Алтын-тага. Южный хребет этой последней, вероятно Чамен-таг, образует, быть может, северную границу западной части цайдамской котловины; но об этом можно говорить лишь гадательно.

Более вероятные сведения добыты нами об южной части западного Цайдама. Здесь, по словам монголов, в расстоянии шести дней верхового пути (т. е. около 200 верст) от урочища Галмык[1] лежит на р. Уту-мурени близ гор южной окраины урочище Гаджир, где живут тайджинерские монголы. Местность там обильна тростником и водой. От Гаджира опять-таки на запад, но с небольшим уклонением к северу, на расстоянии семи дней верховой езды (около 230 верст), находится урочище Гаст [Гас, Газ], обильное водой и кормом, ради чего здесь водится много хуланов и харасульт. В Гасте есть большое, около 100 верст в окружности (три дня верховой езды), озеро того же имени, поросшее частью тростником. Весной и осенью на нем много бывает пролетных птиц[2]. Другое озеро, небольшое, лежит невдалеке от первого.

Прежде в Гасте жили тайджинерские монголы, но были разграблены и побиты дунганами. С тех пор здесь живут только охотники из гг. Хотана и Черчена, некоторые вместе с семействами. Жилищами служат выкопанные в земле пещерки, вероятно в роде тех, какие мы неоднократно встречали в Сачжеуском Нань-шане.

От Гаста считается шесть или семь дней верхового пути (200—230 верст) до Лоб-нора; можно проехать также и в город Черчен. По всему же южному Цайдаму от самого Гаста, через Гаджир и Галмык до хырмы Дзун-засак идет хорошая дорога, которая ведет далее через Куку-нор в города Донкыр и Синин. Быть может, по этому пути в глубокой древности происходило сообщение между Хотаном и Китаем. Пройти здесь с караваном гораздо ближе и удобней, нежели тащиться из Хотана на Лоб-нор и далее через пустыню Лобнорскую. По указываемой дороге мы шли от урочища Ара-толай до хырмы Дзун-засак, и здесь путь возможен даже для колесной езды. От урочища же Галмык до Гаста, по словам монголов, только на трех переходах встречается голая бесплодная глина; затем везде на ночлегах корм и топливо. Относительно пути от Гаста до Черчена или на Лоб-нор подробностей рассказчики не знали (121).

Переход по южному Цайдаму. Передневав на ключах Ара-толай, мы наняли у кочевавших по соседству монголов пять вьючных верблюдов, взамен прежних яков, и пошли к хырме Дзун-засак. Путь наш теперь, на протяжении 180 верст, должен был лежать прямо на восток, в недальнем расстоянии от гор тибетской окраины, окаймленной,

---

[1] Лежит на нижнем Найджин-голе, недалеко от урочища Ара-толай.

[2] Интересное показание, противоречащее моим наблюдениям весеннего пролета на Лоб-норе, где почти все прилетные утки являлись от запада-юго-запада, а не с юга. «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 57 [в издании 1947 г. стр. 82—83]. Впрочем, исследование пролетных путей в Центральной Азии, прилежно мною исполнявшееся во время путешествий, требует для окончательных выводов ещё многих новых наблюдений.

как и прежде, широкой и бесплодной покатой на север полосой. Общий же характер собственно Цайдамской равнины был здесь одинаков с тем, какой мы встретили ранее на Баян-голе и вообще в южном Цайдаме. Почва состояла из соленой лёссовой глины, взъерошенной, словно паханое поле, и поросшей более или менее густо кустами хармыка и тамариска; реже встречаются здесь сугак (Lycium) и кендырь (Apocinum venetum?); на ключевых и болотных местах изобилен тростник. Но и эта злосчастная растительность покрывает лишь неширокую полосу, по которой вьется караванная дорога. Невдалеке от нее к северу виднеются совершенно голые, словно снег или лед на солнце, блестящие солончаки, занимающие обширное пространство по низовьям Баян-гола и Найджин-гола, вероятно, далеко также протянувшиеся и к западу. Здесь испарились последние остатки того обширного озера или даже внутреннего моря, которое, сравнительно еще недавно, наполняло весь южный Цайдам, и выравняло эту площадь в одинаковую абсолютную высоту 9 200 футов([1-2]).

Как бедна флора южного Цайдама, так бедна и фауна. Из зверей здесь живут: зайцы, лисицы, волки—все в достаточном количестве; изредка попадаются хара-сульты; осенью, на ягоды хармыка, приходят из Тибета медведи. Из птиц оседло живут: фазаны (Phasianus vlangalii), саксаульная сойка (Podoces hendersoni), во́роны (Corvus corax), жаворонки (Alaudula cheleensis), [кустарница]—Rhopophilus deserti; изредка попадаются пустынные синички (Leptopoecile sophiae); зимуют в большом числе горихвостки (Ruticilla erythrogastra) и Carpodacus rubicilla. Весной и осенью прибавляются утки, гуси и другие пролетные птицы, но, вероятно, также не в обилии.

На переход от урочища Ара-толай до хырмы Дзун-засак мы употребили десять дней; шли не спеша, так как иначе нельзя делать подробных наблюдений. На ключевых болотах, попадавшихся сравнительно изредка, мы встречали местами стойбища монголов. Их юрты всегда были запрятаны в зарослях тамариска, с целью укрыться от разбойников-оронгын; некоторые пастбища были покинуты за неимением корма. Вообще теперь вся трава и даже тростник, растущие здесь только по болотам, большей частью были выбиты скотом, так что местные стада, вероятно, лишь с трудом могли прокормиться до новой зелени. А это показывает, что большого количества скота держать здесь невозможно. Не может, следовательно, умножиться значительно и население Цайдама.

Окрайние тибетские горы все время тянулись невдалеке вправо от нас; по ним, да изредка по солнцу, только и можно было ориентироваться при съемке местности. Скучная эта работа, к счастью, на время кончилась по прибытии нашем на Номохун-гол. Здесь линия нового пути соединилась с прежней дорогой; ошибка вышла сравнительно небольшая—всего на 20 верст не сомкнулись мои маршруты.

Погода теперь, т. е. в последней трети января, стояла большей частью облачная, притом днем было довольно тепло, в особенности при безветрии; по ночам же выпадали значительные (до—20,2°) морозы. Сильно сухая атмосфера почти постоянно была наполнена пылью, словно дымом или туманом. Над Тибетом обыкновенно виднелись тучи, но в Цайдаме снег не падал; бурь также не было, хотя днем, да и ночью нередко дули преимущественно западные ветры.

Неприятности нашего вожака. На следующем переходе, за Номохун-голом, мы расположились бивуаком возле стойбища матери нашего проводника Дадая. Последний в это время ехал где-то

позади. Не видя своего возлюбленного сына, о котором слышала, что идет с нами, мать бросилась к нам с расспросами: где он и жив ли? Затем, получив успокоительный ответ, тотчас же спросила: не отпустил ли Дадай себе длинных волос, какие носят тибетцы? Вероятно, в подобном вольничаньи наш вожак был замечен и в прежние свои хождения в Тибет. Не успели мы еще ответить на последний вопрос, как подъехал сам Дадай и, — о ужас! — оказался с длиннейшими волосами. Тотчас же мать осыпала своего сына упреками и повела в юрту, откуда через час Дадай явился к нам гладко выбритым, только с косой на затылке. Но тут нашего вожака постигла новая беда. Оказалось, что перед отъездом в Тибет он искусил одну из знакомых девиц, на которой обещал жениться по возвращении из путешествия. Теперь прежняя любовь охладела, но невеста приехала в сопровождении своего брата и еще какой-то старухи. Сообща они набросились на Дадая, требуя исполнения его обещания, т. е. немедленной свадьбы. Главной приманкой в данном случае служили те 40 лан серебра, которые вожак должен был от нас получить. Бедный Дадай, еще не опомнившийся от маменькиной на словах и на деле головомойки, совсем растерялся и только с помощью казаков кое-как увернулся на время от своей назойливой невесты.

Прибытие в хырму Дзун-засак. Совершив еще два небольших перехода, мы прибыли 31 января 1880 года к хырме Дзун-засак, от которой четыре с половиной месяца тому назад отправились в Тибет. В течение этого времени мы прошли взад и вперед 1 700 верста. Из 34 взятых тогда верблюдов теперь вернулись только 13, остальные погибли от трудностей пути. Мы сами хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными и недобром поминали тибетские пустыни.

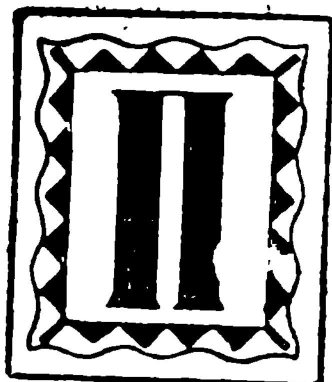

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИЗ ЦАЙДАМА НА КУКУ-НОР И В СИНИН

[*1/13 февраля—17/29 марта 1880 г.*]

Третий период путешествия.—Стоянка у Дзун-засака.—Восточный Цайдам.—Наш путь по нему.—Болото Иргицык.—Южно-Кукунорский хребет.—Дабасун-гоби.—Еще о горах Южно-Кукунорских.—Река Бухайн-гол.—Недолгая остановка на Куку-норе.—Описание этого озера: его бассейн, климат, флора, фауна и население.—Идем по южному берегу Куку-нора.—Река Ара-гол.—Остановка возле пикета Шала-хото.—Поездка в г. Синин.—Население его окрестностей: китайцы, дунганы, киргизы, тангуты, далды и монголы.—О Синине.—Свидание с местным амбанем.—Курьезные рассказы китайцев.—Снаряжение на дальнейший путь.

родолжая, по раз принятому хронологическому порядку, повествовать о ходе экспедиции, следует прежде всего сказать, что возвращением из Тибета закончился второй период нашего путешествия. Намечавшийся район будущих исследований должен был обнимать местности уж не столь дикие, хотя все-таки весьма малоизвестные и лежащие большей частью вне культурных районов китайского государства. Впрочем, теперь, в третий период путешествия, нам приходилось более, чем до сих пор, сталкиваться с местным населением—китайским и инородческим. Но, как и прежде, главным предметом наших занятий оставались исследования физико-географические и естественно-исторические, с уделением этнографическому отделу настолько, насколько возможно то было при исключительности нашего положения и при обширности других научных работ.

С т о я н к а у Д з у н - з а с а к а. Двухдневная стоянка возле хырмы Дзун-засак посвящена была просушке и окончательной укладке собранных в Тибете звериных шкур, закупке баранов для продовольствия, найму вьючных верблюдов на дальнейший путь; наконец, получению серебра и вещей, оставленных прошлой осенью на хранение у Камбы-ламы и князей Барун-засака и Дзун-засака. Как серебро, так и вещи наши сохранились в целости, за что Камбы-лама и оба князя получили подарки. При этом Дзун-засак уверял нас, что нынешней зимой, как некогда в зиму 1872/73 г., разбойники-оронгыны не грабили в его хошуне из опасения украсть вещи, оставленные русскими. Относительно же проводника, прогнанного нами из гор Куку-шили и возвратившегося в Цайдам, князь говорил, что он никак не ожидал подобного поведения от этого монгола и тогда же

велел его наказать. Конечно, такое объяснение было выдумкой, но для нас теперь это явилось безразличным[123]. Гораздо неприятней была история с письмами, которые перед уходом в Тибет прошлой осенью я передал Дзун-засаку с просьбой отослать их на Куку-нор и далее, в Синин, для отправления в Пекин нашему посольству. В письмах этих излагалось о пройденном нами пути от оазиса Са-чжеу в южный Цайдам и о будущих моих предположениях. Для бо́льшей вероятности дальнейшей отправки своих писем я послал вместе с ними револьвер в подарок кукунорскому правителю (тосолакчи) и был вполне убежден, что месяца через два, или даже скорей, о нас будут знать в Пекине, а затем и в России. Но вышло совсем не так. Были или не были отправлены письма из Куку-нора в Синин и кто виноват в дальнейшей их задержке,—мы достоверно не узнали. Только теперь Дзун-засак передал обратно мои писания, с уверением, что они возвращены из Синина по приказанию тамошнего амбаня (губернатора), не пожелавшего направить эту корреспонденцию в Пекин. Там о нас долго не имели никаких сведений, и это обстоятельство породило ложные слухи о нашей погибели в пустынях Тибета[124].

В о с т о ч н ы й Ц а й д а м. Восточный край Цайдама, где должен был лежать наш дальнейший путь, представляет в южной своей половине все те же солончаковые болота, только с несколько лучшей травянистой растительностью; в северной части, равно как и под окрайними горами, местность становится возвышенней, волнистей и в то же время бесплодней. Почва здесь состоит из глины и гальки, поросших редкой бударганой, или, местами, из сыпучего песка, на котором для путешественника, идущего с юга, впервые является саксаул. Окрайние восточные горы служат связью между хребтом Бурхан-Будда, хребтами на верхней Хуан-хэ и горами Южно-Кукунорскими; в то же время они окаймляют с запада высокое плато, протянувшееся от равнин Цайдама до верхней Хуан-хэ. Однако горы эти нигде не достигают снеговой линии и не имеют, сколько видно издали, гигантских размеров тибетских хребтов; притом поднимаются далеко не столь рельефной стеной, как эти последние.

П у т ь н а ш п о н и м. Быстро справились мы у Дзун-засака. Теперь никакой помехи нам не делали; наоборот, все спешили доставить что было нужно, лишь бы поскорей от себя выпроводить. Восемь вьючных верблюдов, в подмогу к нашим, тотчас были пригнаны из стад самого князя. Верблюды эти за плату в 15 лан должны были итти под нашим вьюком до Дулан-кита—ставки кукунорского правителя. Кроме двух погонщиков, прислан был и проводник, оказавшийся чуть не полным идиотом. Дзун-засак, вероятно, боялся, чтобы у более толкового человека мы не выпытали каких-либо особенных секретов, и снабдил нас таким олухом, от которого трудно было добиться нескольких слов. Впрочем, вожак этот знал дорогу и безмолвно ехал впереди нашего каравана. Двинулись мы теперь тем самым путем, по которому следовали взад и вперед при первом (в ноябре 1872 и феврале 1873 года) здесь путешествии; только через р. Баянгол перешли верстах в 7 или 8 ниже тогдашней переправы. Ширина реки по льду оказалась в 30 сажен; замерзших осенних разливов и зимних накипей льда не было.

От Баян-гола верст на 25 местность имела солончаковый и болотистый характер; там, где соли в почве было меньше, а ключей больше, росла хорошая кормовая трава и кочевали монголы. Затем появились сыпучие пески, сложенные ветрами, как обыкновенно, в более или менее высокие гряды или холмики и местами поросшие саксаулом.

Болото Иргицык. В северной окраине тех же песков лежит обширное ключевое болото Иргицык, через которое протекает р. Балгантай-гол принимающая далее к западу название Булунгир-гола. Это тот самый Булунгир, который мы переходили в конце августа 1879 года и по которому в низовье залегают обширные площади голой лёссовой глины, совершенно гладкой и твердой, словно утрамбованной.

На Иргицыке множество ключей с прекрасной водой; возле них растет густой, тростник. Остальная же площадь болота покрыта травой, представляющей для Цайдама отличное пастбище; но монголы здесь не живут из опасения разбойников-оронгын.

Местность на Иргицыке повышается против Баян-гола на 500 футов; притом по пути к Куку-нору это уже последнее из цайдамских болот. Здесь встречаются и последние цайдамские фазаны (Phasianus vlangalii), за которыми мы специально охотились на дневке, проведенной на Иргицыке. Кроме того, били зимующих здесь кряковых уток, но прилетных птиц еще не было видно, хотя утром 4 февраля уже слышался голос турпана. В ключевых ручьях, свободных от льда, водилось много рыбы (Schizopygopsis stoliczkai), прошедшей осенью добытой нами и в Баян-голе. Маленьким сачком, имевшим не более фута в диаметре обруча, В. И. Роборовский с одним из солдат наловил теперь в какой-нибудь час 19 экземпляров этих рыб. Некоторые из них имели длину бо́льшую, нежели поперечник самого сачка, и держались в таких мелких и узких ключиках, что при ловле можно было стоять на обоих берегах, не слишком даже расставивши для того ноги.

Встречные горы. Постоянно пыльная атмосфера мешала ясно видеть как горы восточной окраины Цайдама, так и те, которые стояли впереди нас. До этих последних уже было недалеко. Еще два перехода — и Цайдам остался позади. Впереди же нас встал невысокий узкий хребет, составляющий отрог Южно-Кукунорских гор, или, верней, той их части, которая тянется по южной стороне Дабасун-гоби. Впрочем, с этими горами описываемый хребет связывается лишь седловиной невдалеке к востоку от ключевого ручья Гашун, где лежал наш путь. Перевал здесь почти незаметен; сами горы состоят из конгломератов; в верхних частях ущелий северного склона виднелись небольшие хвойные леса и кое-где лежал снег. К западу от ручья Гашун описываемый хребет продолжается верст на восемьдесят и довольно резко оканчивается в бесплодных песчано-глинистых равнинах, протянувшихся к озерам Тосо-нор и Курлык-нор. Длинным рукавом залегает восточное продолжение тех же равнин по северную сторону только описанных гор — между ними и хребтом Южно-Кукунорским. В восточной своей части эта довольно узкая равнина делается сильно солончаковой, и здесь находятся два порядочных соленых озера — Сырхэ-нор и Дулан-нор.

Дулан-кит. Между ними лежит путь к кумирне Дулан-кит, расположенной в Южно-Кукунорских горах. На этом пути, близ р. Дулан-гол, выстроена небольшая хырма; возле нее обрабатываются и засеваются ячменем несколько десятин земли. В Дулан-ките имел некогда свое пребывание кукунорский ван, а теперь жил тосолакчи, временно исполнявший обязанности умершего вана. Тосолакчи этот оказался старым знакомцем и вскоре приехал к нам; между прочим, он уверял, что дважды посылал мои письма в Синин, но их оба раза возвратили по приказанию амбаня.

На дневке, проведенной возле Дулан-кита, как и в пройденном Цайдаме, к удивлению, нас весьма мало беспокоили монголы; наоборот, они

как будто старались избегать нас. Между тем, в первое мое здесь путешествие не было отбоя от посетителей, приходивших нередко с самыми нелепыми желаниями—то вылечиться от неизлечимой болезни, то помолиться на невиданных людей. Теперь ничего подобного не случалось; вероятно, вследствие запрещения местного начальства вступать с нами в близкие сношения, а также оттого, что при первом путешествии в этих краях мы являлись диковинкой, на которую интересно было хотя поглазеть. Теперь же интерес этот стушевался, тем более, что тогдашние молельщики, вероятно, на опыте познали, что особенных благ от моления на нас получить нельзя.

Но всего отраднее было нам встретить на горах возле Дулан-кита обширные леса, которых мы не видали от самого Тянь-шаня, т. е. в продолжение более девяти месяцев своего путешествия. Леса эти росли в полосе от 11 500 до 12 500 или, быть может, даже до 13 000 футов абсолютной высоты и состояли из древовидного можжевельника, называемого монголами арца (Juniperus pseudo Sabina), а также из тяньшанской ели (Abies Schrenkiana). То и другое дерево достигают здесь от 6 до 10 сажен высоты при толщине ели в 1 фут, а можжевелового дерева в 2 фута. Тотчас отправились мы в эти леса на охоту; но снег лежал здесь на $^1/_2$ фута и более глубины; в сугробах же на 2—3 фута. Птиц никаких не было видно; только высоко в облаках снежные грифы, у которых теперь наступил период спаривания, гонялись за своими самками. Зверей также мы не видали, хотя, по уверению монголов, здесь водятся маралы и кабарга.

Южно-Кукунорский хребет. Хребет Южно-Кукунорский, где мы теперь находились, возникает, как уже было говорено в восьмой главе, мелкими глинистыми холмами в северном Цайдаме, восточнее озера Бага-цайдамин-нор. Направляясь отсюда к востоку, новый хребет скоро крупнеет и на меридиане озера Курлык-нор поднимается, быть может, до 16 000 футов над уровнем моря. Далее, с немного разве меньшей высотой (нигде не достигая пределов вечного снега), описываемые горы тянутся в прежнем восточном направлении к озеру Куку-нор, и сплошной стеной окаймляют весь южный берег этого озера; затем, мельчая в своих размерах, уклоняются на юго-восток и оканчиваются, упираясь в северный изгиб Желтой реки. В самой средине общего протяжения Южно-Кукунорских гор от них отходит с юга крупная ветвь, которая тянется параллельно главному хребту и окаймляет обширную промежуточную равнину, известную под названием Дабасун-гоби.

В западной своей половине Южно-Кукунорский хребет, склоны которого вообще везде круты, отделяется от Нань-шаня долиною Бухайн-гола и широкой полосой холмов, залегающих вверх по этой долине. Притом той же западной части описываемые горы более дики, скалисты и бесплодней, нежели в своей части восточной. Здесь, на северном склоне главного хребта, все скаты луговые или поросшие кустарниками; скалы же, состоящие всего чаще из серого известняка и серого гнейса, обставляют обыкновенно лишь ущелья и только изредка появляются на вершинах и боках гор. Летом, в период дождей, много воды в виде ручьев и речек; наоборот, в западной части Южно-Кукунорского хребта и даже в восточной половине на южном склоне к Дабасун-гоби воды гораздо меньше.

Если следовать с запада, то первый лес на описываемых горах появляется на меридиане озера Курлык-нора. Лес этот состоит из древовидного можжевельника, или арцы—классического дерева для гор Центральной Азии. В средней части Южно-Кукунорского хребта можжевеловые леса

густеют, и в них появляется тяньшанская ель (Abies Schrenkiana). сначала в небольшой примеси, а затем местами делается преобладающей породой, в особенности на северных склонах ущелий. Еще восточней те же леса пропадают и заменяются кустарниками (Caragana jubata, Potentilla fruticosa. Spiraea mongolica? Salix sp.)[1], свойственными альпийскому поясу восточного Нань-шаня. Эти кустарники растут всего более на северном склоне восточной части Южно-Кукунорского хребта и густо укрывают горные скаты в полосе от $11^1/_2$ до $13^1/_2$ тысяч футов. Здесь же расстилаются и превосходные луговые пастбища, по которым местами кочуют тангуты.

Из млекопитающих в описываемых горах водятся: маралы, кабарга, куку-яманы, волки, лисицы, зайцы, барсуки и хорьки; изредка попадаются медведи и аркары. Птиц довольно много, и между ними встречаются представители орнитологической фауны восточного Нань-шаня, каковы: сифаньская [южнотибетская] куропатка (Perdix sifanica), альпийская синица (Poecile superciliosa), завирушка (Accentor rubeculoides), снегиревидная стренатка (Urocynchramus pylzowi) и др.

В Дулан-ките, как и у Дзун-засака, нам не хотели продать ни верблюдов, ни лошадей, отговариваясь неимением таковых для продажи. В сущности, местные власти опасались, чтобы мы. закупив новых животных, не направились бы куда-нибудь еще помимо Синина. Но подобное опасение явилось понапрасну. Целью нашей, самой задушевной, было теперь исследование верховьев Желтой реки, и мы спешили сначала в г. Синин, чтобы повидаться с тамошним губернатором, которому, хотя номинально, подчинены местности на верхней Хуан-хэ, и купить мулов, необходимых для горных экскурсий. Если же теперь мы желали купить верблюдов, то для того только, чтобы не возиться с наймом их и иметь под рукой свежих вьючных животных. Но покупка не удалась, и мы попрежнему должны были нанять у кукунорского тосолакчи за 30 лан серебра десять вьючных верблюдов, к счастью, уже прямо до г. Донкыра, лежащего невдалеке от Синина. С этими верблюдами и со своими калеками потащились мы далее, передневав возле Дулан-кита. Тропинка отсюда ведет прямо на перевал, в разлог между главным кряжем Южно-Кукунорских гор и их отрогом, облегающим с юга Дабасун-гоби. Как подъем, так и спуск весьма пологи и удобны для движения; высшая точка перевала имеет 12 100 футов абсолютной высоты. По горам, в особенности справа при подъеме от Дулан-кита, виднеются густые леса, в которых преобладает ель. В этих лесах, равно как на всех северных склонах и на самом перевале, лежал снег, хотя и не глубокий; однако монголы говорили нам, что нынешняя зима у них была особенно снежна(125).

Д а б а с у н - г о б и. Тотчас за перевалом перед нами раскинулась Дабасун-гоби—обширная солончаковая и частью степная равнина, покатая от гор к своей средине, где лежит соленое озеро Дабасун-нор. Это озеро имеет около 40 верст в окружности. Разработка соли производится под надзором китайского чиновника, а сама соль доставляется в города Донкыр [Хуан-юань] и Синин. С запада на восток Дабасун-гоби тянется более чем на 100 верст, а ширину, в западной своей половине, имеет более 25 верст. Почва здесь глинистая и солончаковая; воды мало; растительность бедная, совершенно степная. В лучших местах, лежащих ближе к окрайним северным горам и в самых этих горах, во время нашего прохода кочевали

---

[1] [Карагана—верблюжий хвост, курильский чай (Dasiphora fruticosa), таволга, ива].

тангуты с многочисленными стадами яков; последние теперь были острижены и выглядывали совершенными уродами.

Е щ е о г о р а х Ю ж н о-К у к у н о р с к и х. Сделав два небольшие перехода по западной части Дабасун-гоби, мы круто повернули на север к перевалу через главный кряж Южно-Кукунорских гор. Эти последние на южном своем склоне несут степной характер, свойственный соседней равнине. По ущельям и долинам залегают незначительные толщи наносной глины с галькой. Вверх от 12 000 футов появляются кустарники: Salix sp. и Caragana jubata [ива и карагана верблюжий хвост]—первые вестники растительности восточного Нань-шаня и вообще гор на верхней Хуан-хэ. Из птиц всего больше попадались нам теперь куропатки трех видов—Caccabis magna, Perdix barbata, Perdix sifanica; их мы настреляли несколько десятков, частью для еды, частью для коллекции.

Подъем и спуск, вообще перевал через хребет Южно-Кукунорский, несколько выше и круче, нежели перевал через отрог тех же гор у Дулан-кита; однако мы поднялись и спустились совершенно удобно. Высшая точка пройденного перевала имела, по барометрическому измерению, 13 200 футов абсолютной высоты. Соседние вершины поднимались, судя на глаз, еще тысячи на полторы или на две футов, так что в этом месте хребет Южно-Кукунорский высится около 15 000 футов над уровнем моря, и тысячи на четыре футов над поверхностью озера Куку-нора.

Здесь кстати сказать, что нынешние наши барометрические измерения абсолютных высот ближе к истине, нежели определения тех же высот точкой кипения воды[1] в первое (1870—1873 годы) путешествие. Однако разницы результатов, тогда и теперь полученных, не слишком велики и не превосходят, со знаками плюс—минус пятисот футов для громадных высот Тибетского нагорья.

Тотчас за перевалом, т. е. на северном своем склоне, Южно-Кукунорский хребет делается несравненно плодородней и обильней водой. Причина этого заключается, конечно, в том, что здесь гораздо более падают летние дожди, нежели на южном склоне тех же гор, или в тех частях, которые лежат по южную сторону Дабасун-гоби и западнее кумирни Дулан-кит. Под влиянием щедрого летнего орошения склон Южно-Кукунорского хребта, обращенный к озеру Куку-нору, покрыт, как было уже сказано, превосходными пастбищами и густыми зарослями альпийских кустарников. Но лесов настоящих здесь нет; только изредка в ущельях попадаются на скалах одинокие или небольшими кучками стоящие можжевеловые деревья. По дну тех же ущелий местами растут различные кустарники, свойственные восточному Нань-шаню. Вообще, луговая и кустарная флора описываемых гор весьма сходствует с флорой соседнего Нань-шаня; сходна также и фауна, в особенности орнитологическая.

Переночевав верстах в десяти за перевалом Южно-Кукунорского хребта, мы пошли далее широкой степной долиной р. Цайза-гол [Чедир]. Прекрасные пастбища этой долины, по которой везде виднелись кочевья тангутов, свидетельствовали уже о близости плодородных степей сз. Куку-нора. В тот же день с гор, ближайших к нашему бивуаку, мы увидели самое озеро, сплошь еще покрытое льдом. К сожалению, этот лед казался серым от пыли, нанесенной недавней бурей, так что Куку-нор явился мне теперь далеко не так нарядным, как весной 1873 года. Впрочем, здесь, как и на Лоб-норе, после всякой бури лед грязнеет от пыли; когда же эта

[1] Притом самодельным инструментом, заменявшим разбитый гипсометр.

пыль бывает вновь сдута или, что чаще случается, от нагревания солнцем протаивает внутрь самого льда, тогда его поверхность вновь становится стекловидно-блестящей.

Река Бухайн-гол. Пройдя широким поперечным ущельем небольшую горную гряду, замыкающую с севера долину р. Цайза-гол и составляющую рукав Южно-Кукунорского хребта, мы вошли в обширную долину р. Буйхан-гол, самого большого из притоков оз. Куку-нор. Судя по размерам этой реки, имеющей в низовье от 15 до 20 сажен ширины, и по рассказам местных монголов, определяющих длину ее течения на пятнадцать суток караванного пути, наконец, по положению западного Нань-шаня и гор Южно-Кукунорских, можно с достаточной вероятностью полагать, что Бухайн-гол вытекает из того снежного узла, где сходятся хребты Гумбольдта и Риттера. Направляясь отсюда к востоку-юго-востоку, описываемая река течет, вероятно, не по горной альпийской стране, но по широкой, возвышенной и испещренной холмами, или небольшими горами, местности, отделяющей западный Нань-шань от гор Южно-Кукунорских. Подобная местность виднеется от Куку-нора далеко вверх по Бухайн-голу[1], а также замечена была нами к северо-востоку по пути от озера Бага-цайдамин-нор в северном Цайдаме.

Недолгая остановка на Куку-норе. На Бухайн-голе мы поместились как раз в том месте, где провели неделю в марте 1873 года. От того времени еще до сих пор валялись здесь старые каблуки наших сапог; казак Иринчинов даже припомнил, чьи именно сапоги переделывал он здесь на сибирские ичиги, для которых каблуков не полагается.

Бухайн-гол в это время (20 февраля) разошелся лишь местами и только в самом низовье; все остальное было покрыто льдом; на озере Куку-нор полыней еще не было даже у берегов. Из прилетных птиц, кроме турпанов, появились до сих пор только чайки (Larus ichthyaetus), гоголи (Bucephala clangula) и утки—Anas boschas, A. aquta, A. crecca [кряква, шилохвость, чирок-свистунок]—все в самом скудном количестве, словно заблудившиеся.

Не лучше было на р. Цайза-гол[2], к устью которой мы перешли, передневав на Бухайн-голе. К сильному холоду, начавшемуся с поднятием нашим из Цайдама на более высокий Куку-нор, теперь присоединилась двухдневная буря, которая до того охладила атмосферу, что в ночь на 24 февраля грянул мороз[3] в—33°. Однако в тот же самый день, при тихой погоде, термометр в тени, в 1 час пополудни, показывал уже+3,5°, до того резки бывают, в особенности весной, крайности тепла и холода в здешних странах.

На Цайза-голе к нам явились неожиданные посетители, именно двое китайцев, присланных из Синина тамошним амбанем, получившим от цайдамских властей донесение о нашем возвращении из Тибета. Вероятно, опасаясь, чтобы мы не направились куда-нибудь помимо Синина, амбань выслал двух своих доверенных, из которых один, повидавшись с нами, должен был ехать обратно, а другой безотлучно следовать при нас, под

---

[1] Подробности о низовье Бухайн-гола см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 290, 291 и 342 [в новом издании 1946 г. стр. 241—242 и 276].

[2] Эта небольшая речка впадает в Куку-нор немного южнее устья Бухайн-гола. На карте, приложенной к моей книге «Монголия и страна тангутов», т. I, Цайза-гол ошибочно показана впадающей в Бухайн-гол.

[3] Такую низкую температуру мы наблюдали нынешней зимой лишь однажды, именно 2 декабря, за хребтом Тан-ла в. Тибете.

предлогом проводов; в сущности же, конечно, для более детальных наблюдений за тем, что мы делаем. На первых порах, не знаю для чего, этот китаец старался отклонить нас от следования по южному берегу Куку-нора, уверяя, вместе с подговоренными монголами, что этим путем мы сделаем большой круг, притом будем итти по местностям безводным и бескормным. Все это впоследствии оказалось выдумкой, и еще раз убедились мы, что невозможно полагаться на расспросы вообще, а на сведения, полученные от китайцев, в особенности. Для нас весьма важно было сделать съемку южного берега Куку-нора, так как западный берег того же озера и часть северного уже были сняты в 1873 году. Поэтому, несмотря на уверения о трудностях пути, я объявил, что пойду южным берегом и силой заставлю итти с собой погонщиков, нанятых с вьючными верблюдами в Дулан-ките. Как обыкновенно в Азии, подобное решение подействовало лучше всяких других убеждений.

Описание этого озера. Озеро Куку-нор, замкнутое со всех сторон горами и лежащее словно в чаше, на абсолютной высоте 10 800 футов[1], представляет форму груши, обращенной тупым концом к северо-западу, а суженным к юго-востоку. Длина озера в таком направлении занимает ровно 100 верст; наибольшая его ширина, от устья р. Галдын-хари до устья р. Улан-хошун, равняется 59 верстам; окружность, если измерять, пересекая по хорде заливы и полуострова, простирается до 250 верст. Берега, за исключением северного, более глубокого, довольно извилисты и местами образуют обширные, но обыкновенно мелководные, заливы. На озере пять островов; из них два, скалистые, лежат в его западной части; три же другие, низкие и песчаные, находятся невдалеке от северо-восточного берега.

Глубина всего Куку-нора, вероятно, не особенно велика. Промер, сделанный мной по льду с южного берега, в шести верстах восточней устья р. Галдын-хари, дал следующие результаты: в одной версте от берега 32 фута, в двух верстах 52 фута, а в трех—59 футов. Западная, более широкая, половина описываемого озера в то же время, вероятно, и наиболее глубокая; восточная же часть гораздо мельче. Здесь недалеко от берега лежат три песчаных острова; да и самый берег изобилует сыпучим песком, принесенным, вероятно, западными ветрами, которые господствуют большую часть года, в особенности зимой и весной. Эти-то ветры, надувая постоянно пыль и песок, обмеляют восточную часть Куку-нора. Лежащее здесь, невдалеке от большого озера, и отделенное от него песчаной грядой озеро Хара-нор несомненно было некогда частью самого Куку-нора. Подобной же песчаной грядой современем, вероятно, отделятся два большие залива в юго-восточной части описываемого озера; острова, здесь образовавшиеся, ныне уже намечают границу будущих песков.

Вообще Куку-нор, судя по его берегам, где местами даже недавние наносы залегают на несколько десятков сажен от воды, уменьшается в своих размерах и вследствие того, вероятно, солонеет. В давнее время озеро это занимало, быть может, всю площадь своих низменных берегов, вплоть до передовых скатов окрайних гор. Причины такого обмеления заключаются, вероятно, в постоянном засыпании песком и пылью, затем в малом количестве приточной воды, не возмещающей вполне убыль, производимую лет-

[1] По моему барометрическому измерению точкой же кипенья воды абсолютная высота Куку-нора была определена мной в 1873 году в 10 500 футов. По измерению экспедиции графа Сечени (K r e i t n e r, «Im fernen Osten», 1881, S. 723) абсолютная высота Куку-нора найдена равной 10 932 футам [3 333 метра].

ним испарением на обширной площади всего озера. Вода Куку-нора, по анализу дерптского профессора К. Г. Шмидта[1], в 1 000 частях содержит 11,1463 частей минеральных солей при удельном весе 1,00907; из этой суммы наибольшее количество, а именно 6,1683 частей, приходится на долю поваренной соли, которая, таким образом, является преобладающей.

В ясную, солнечную погоду кукунорская вода отливает великолепным темноголубым цветом. Поэтому монголы называют описываемое озеро «голубым»[2]; тангуты зовут его Цок-гумбум, а китайцы—Цин-хай. Летом, в конце июня, вода Куку-нора близ берегов нагревается[3] на 18—20°; средняя же ее летняя температура, конечно, меньше. Замерзает описываемое озеро в половине ноября, вскрывается в конце марта; лед достигает двух футов толщины и обыкновенно бывает гладкий, без торосов; в конце февраля мы наблюдали на этом льду узкие (1—2 фута в поперечнике), но длинные трещины, обнажавшие воду.

О происхождении Куку-нора у местных жителей сложена легенда, повествующая, что озеро это некогда было под землей в Тибете, там, где ныне стоит Лхаса, и лишь впоследствии перешло на свое нынешнее место[4]. Скалистые же острова принесены были сюда из Нань-шаня: большой остров—птицей, для того, чтобы замкнуть отверстие, через которое изливалась наружу вода, иначе бы затопившая весь мир; малый остров—злым духом, бросившим скалу в вышеупомянутую каменную замычку с целью вновь пустить воду, но, по счастью, не попавшим в цель. Этот последний остров состоит всего из нескольких белеющих издали небольших скал; он не обитаем людьми. На большом же острове, лежащем на самой середине Куку-нора и имеющем, как нам сообщали, от 8 до 10 верст в окружности, выстроена небольшая кумирня, возле которой живет в пещерах с десяток буддийских монахов. Они питаются молоком коз, пасущихся здесь же на острове, и приношениями богомольцев, посещающих этот остров зимой по льду. Летом отшельники совершенно отрезаны от остального мира, так как на всем Куку-норе нет ни одной лодки. Вот поистине подобающее место для монастыря и для подвижнической уединенной жизни.

Его бассейн. По своему положению, несмотря на величину, Куку-нор вполне может быть назван горным, альпийским озером. Как обыкновенно у таких озер, его бассейн весьма мал, сравнительно с площадью самого озера, принимающего лишь две более значительные речки— Бухайн-гол и Балема, или Харгын-гол. Остальные притоки Куку-нора, числом 23, в особенности текущие с южных гор,—все маленькие речки или даже такие, в которых вода бывает только летом в период дождей. По берегам большого озера местами раскидываются кочковатые болота в роде тибетских мото-шириков; но других второстепенных озер здесь нет, за исключением лишь оз. Хара-нор и трех небольших озерков на устье р. Ара-гол. Все остальное пространство берегов Куку-нора представляет собой степные равнины, более обширные на севере и западе; на востоке залегают сыпучие пески, которые главной своей массой доходят до окрайних гор.

[1] Bulletin de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg, т. XXVIII, № 1, стр. 6.

[2] «Куку» или по южному произношению «хуху»—голубой [вернее—синий] «нор» или «нур»—озеро.

[3] Измерено при летнем нашем посещении Куку-нора, о чем в семнадцатой главе.

[4] Легенда эта рассказана у Гюка «Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet», VII, p. 193—198, у Крейтнера «Im fernen Osten», 1881, S. 717—719, и в моей книге «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 279—281 [в издании 1946 г. стр. 233—235].

Головные уборы женщин племени далды

Эти последние с трех сторон—юга, востока и севера—облегают описываемое озеро; на западной же его стороне высоких гор близко к берегу нет. Здесь, как уже было ранее говорено, тянется вверх по Бухайн-голу обширное холмистое плато. Южные горы, т. е. хребет Южно-Кукунорский, стоят высокой стеной невдалеке от берега, так что оставляют лишь неширокую, местами значительно покатую, степную полосу. Северные горы— та ветвь Нань-шаня, которая тянется по южной стороне р. Тэтунг-гола— расположены в значительной дали от берега; поэтому полоса степей здесь гораздо шире. Восточные же горы опять придвигаются к Куку-нору. Эти горы связывают Нань-шань с хребтом, расположенным между сининской рекой и левым берегом верхней Хуан-хэ; в то же время они ограждают высокое кукунорское плато к сторонам более низкой сининской равнины. Но ни один из трех вышеуказанных окрайних кукунорских хребтов не достигает снежной линии.

Климат. Климат Куку-нора, т. е. самого озера и окружающих его степей, значительно разнится от климата окрайних гор. Там—обилие летней влаги и поэтому сырость; здесь—хотя летом дожди падают нередко, но далеко в меньшем количестве, и самый период их не так продолжителен. В прочие же времена года на Куку-норе большая сухость атмосферы, западные бури, в особенности весной, и сильные холода во время почти бесснежной зимы.

Флора. Такие условия, помимо солончаковой почвы, конечно, невыгодны для лесной и даже кустарной растительности; поэтому в равнинах Куку-нора ни той, ни другой нет. Лишь на Бухайн-голе, да и то вдали от берега озера, растет балга-мото, а в песках восточной части встречаются ель и низкий тополь. Затем, помимо кочковатых болот, на которых, между прочим, попадается тибетская осока (Kobresia thibetica), равнины Куку-нора порастают степной травой, превосходной для корма скота[1].

Фауна. На этих равнинах появляется и степная фауна, в которой преобладают северные тибетские виды, хотя встречаются также и виды, свойственные Гоби. Так, из крупных зверей на Куку-норе много хуланов (Asinus kiang) и дзеренов (Antilope gutturosa); изобильны волки (Canis lupus), лисицы (C. vulpes) и кярсы (вероятно, Canis ekloni); пищухи (Lagomys ladacensis?), живущие в норах, водятся здесь в бесчисленном множестве. В самом озере очень много рыбы, принадлежащей к одному только роду, именно Schizopygopsis. В первое путешествие мной добыт был здесь только один вид этого рода, названный профессором Кесслером моим именем Sch. przewalskii. Теперь нашлись еще один или два новых вида того же рода; кроме того, в береговых ключах и речках мы добыли еще два новых вида Diplophysa [губач]. Рыбной ловлей на Куку-норе, кажется, теперь никто не занимается; по крайней мере мы не видали здесь ни одного рыбака.

Обилье рыбы в описываемом озере привлекает сюда летом много орланов (Haliaëtus macei), чаек (Larus ichthyaëtus, L. brunneicephalus) и бакланов (Phalacrocorax carbo). Кроме того, в большом количестве здесь же гнездятся горные гуси (Anser indicus), турпаны (Casarca rutila) и кулики-красноножки (Totanus calidris). Из местных пернатых по степям Куку-нора изобильны: земляные вьюрки (Onychospiza taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis), [саксаульная сойка] Podoces humilis, пустынники (Syrrhaptes paradoxus, реже S. thibetanus), а по болотам тибетские жаворонки (Mela-

[1] Подробней флора Куку-нора будет описана в семнадцатой главе.

nocorypha maxima). Весной, вероятно и осенью, пролетных птиц, даже водяных, на Куку-норе бывает весьма немного, за исключением лишь орлов (Aquila clanga?) и сарычей (Archibuteo aquilinus? Buteo sp.), которым пищухи доставляют изобильный корм. Причинами такой бедности прилета, вероятно, служат: долгое замерзание Куку-нора весной, затем отсутствие лесных, кустарных или тростниковых зарослей по его берегам, наконец, самое положение озера как раз на меридиане наиболее широкого места Гобийской пустыни, через которую птицы летят по возможности сокращенными путями.

Население. В исторических судьбах многих кочевников Центральной Азии Куку-нор, по всему вероятию, играл важную роль. Помещенный на рубеже кочевой и культурной жизни, на границах народностей монгольской, китайской и тангутской, как раз на перепутье от Китая к Тибету, притом представляя собой превосходные пастбищные места, столь соблазнительные для номадов вообще,—бассейн этого озера с глубокой древности был театром набегов, завоеваний, грабежей, словом кровавых распрей за лакомый кусочек. Результатом всего этого являлось, с одной стороны, частая смена кочевых племен, а с другой—постоянное стремление китайцев подчинить их своей власти. Это последнее удалось вполне лишь в конце XVII и начале XVIII столетия при императоре Кан-си, достойном современнике нашего Петра Великого. Тогда же Куку-нор получил свое устройство, сохранившееся и доныне. Хотя коренными обитателями этого края могли считаться тангуты, известные под именем фань[1] или си-фань, но господствующим населением признаны были монголы, пришедшие на Куку-нор в половине XVII века и покорившие его под предводительством Гуши-хана. Эти монголы принадлежали елютскому племени хошотов; к ним впоследствии прибавились их же соплеменники тургоуты, хойты, чоросы и в небольшом числе халхасцы. Все они были разделены после переписи на 29 хошунов, или знамен, а их князья утверждены наследственными в своих званиях; притом определены были места сеймов и торговли. Но спокойствие на Куку-норе продолжалось недолго. Сначала произошло восстание некоего Лобцзан Данцзиня, которое, однако, было усмирено китайцами; затем случилось нападение чжунгар и новые беспорядки; наконец начались, или, верней, усилились, грабежи тангутов, не перестававших считать Куку-нор своим достоянием. Шайка этих разбойников в сообществе с шайками различных бродяг и золотопромывателей, гнездившихся в соседнем Нань-шане, почти вконец разорили кукунорских монголов в первой четверти нынешнего столетия. Тогда китайское правительство вновь приняло меры к умиротворению края уничтожением бродячих шаек грабителей, запрещением золотого промысла, главное же выселением всех тангутов на южный берег верхней Хуан-хэ. Спокойствие на время водворилось на Куку-норе. Но последнее дунганское восстание, охватившее в начале шестидесятых годов весь Западный Китай, вновь обрушилось великим бедствием на кукунорских монголов. Их грабили и убивали то сининские дунганы, то тангуты, разбои которых не прекращаются и до сих пор. Притом тангуты вновь занимают Куку-нор, и число их теперь здесь, пожалуй, больше, нежели монголов. Тангутский элемент заметно увеличился в кукунорской стране даже в течение семи лет, прошедших со времени моего первого здесь путешествия.

---

[1] «Фань» означает вообще инородец, а «си-фань»—западный инородец.

Об этих тангутах, называемых монголами хара-тангуты, т. е. черные тангуты, будет рассказано в следующей главе. Теперь упомяну только, что они управляются собственными старшинами и почти не признают над собой китайской власти.

Все монголы Куку-нора и сопредельных ему местностей на верхнем Тэтунге и в Цайдаме разделяются на 24 хошуна, которые, под надзором сининского амбаня, управляются двумя ванами: цан-хай-ваном, владеющим западной половиной кукунорской страны, и мур-ваном, которому принадлежит восточная часть того же Куку-нора. Кроме того, на правом берегу верхней Хуан-хэ расположены остальные 5 хошунов, прямо подчиненных сининскому амбаню. В этих хошунах, как говорят, население состоит почти исключительно из хара-тангутов или помеси их с монголами. Эти последние, вероятно, вследствие вековых притеснений, грабежей и вообще страдальческой жизни, выродились на Куку-норе в худших представителей монгольской породы[1].

Монгольские богомольцы, следующие из Халхи в Тибет или возвращающиеся обратно, обыкновенно проводят на Куку-норе лето для того, чтобы поправить своих верблюдов и самим отдохнуть на половине пути ([126]).

Идем по южному берегу Куку-нора. Проведя двое суток на устье р. Цайза-гол, мы направились к г. Синину по южному берегу Куку-нора. Здесь проложена торная дорога между берегом озера и его окрайними, т. е. Южно-Кукунорскими, горами. Эти последние против середины Куку-нора несколько понижаются, но затем вновь крупнеют и с прежней высотой тянутся к востоку; немного же далее юго-восточного угла озера его южный хребет мельчает в своих размерах и поворачивает на юго-восток к Желтой реке. Многочисленные речки, текущие летом из каждого ущелья южных гор, теперь почти все были высохшими, за исключением лишь более значительных, каковы с этой стороны Куку-нора: Хара-морите-гол[2] и Галдын-хари. По самым горам, не вытравленные зимой пастбища для лучшего роста новой травы сжигались теперь тангутами, так что мы нередко любовались по ночам даровой и прелестной иллюминацией.

Извилистый южный берег Куку-нора то близко подходит к окрайним горам[3], то значительно от них удаляется. Впрочем, ширина здесь степного, между озером и горами залегающего, пространства нигде не превосходит десяти верст; большей же частью гораздо менее. Притом степная равнина, между устьями двух вышеназванных рек и несколько далее к востоку, сильно поката от окрайних гор до самого берега Куку-нора.

На этом последнем, несмотря на конец февраля, еще не было растаявших заберегов или полыней, ради чего нам почти не встречались и пролетные водяные птицы[4]. Впрочем, в последние дни февраля погода наступила довольно теплая, настоящая весенняя. На солнечном пригреве появились пауки и мухи, а по утрам, если было тихо, слышалось громкое пенье тибетских жаворонков или писклывые голоса столь обильных на Куку-норе

[1] В добавление к вышеизложенному о населении Куку-нора см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 285—288 [в новом издании 1946 г. стр. 238—240].

[2] В переводе означает «река черной лошади».

[3] В особенности на восточной и западной окраинах озера. Вблизи последней, там, где горы оканчиваются мысом, видна пещера, которая, по уверению наших вожаков, продолжается под землей до самой кумирни Дулан-кит. В этой кумирне, по преданию, однажды пропали два теленка, которые вышли потом на Куку-нор из указанной пещеры.

[4] В течение февраля в пролете замечено было всего 11 видов птиц.

земляных вьюрков. Но только этими скудными проявлениями пробуждающейся животной жизни и отметила себя ранняя весна на Куку-норе.

Река Ара-гол. На седьмой день следования по южному берегу этого озера мы оставили его позади себя и направились вверх по долине р. Ара-гол, которая еще весьма недавно впадала в Куку-нор. Ныне же устье Ара-гола пересыпано песком, так что река эта не добегает до большого озера, но образует невдалеке от его берега три небольших озерка. Однако весьма возможно, что когда-нибудь при слишком большой воде Ара-гол восстановит свою прежнюю связь с Куку-нором.

Широкая долина описываемой реки, залегающая между хребтом Южно-Кукунорским и горами, ограждающими кукунорское плато с востока, тянется довольно далеко на продолжении юго-восточного берега озера, при одинаковой с ним абсолютной высоте. На этой долине в западной ее части мы встретили недалеко от своей дороги четыре небольших глиняных хырмы, в которых, по словам монголов, прежде жили китайские войска, числом до трех тысяч человек. Лет десять тому назад их побили хара-тангуты, и с тех пор эти хырмы опустели.

Остановка возле пикета Шала-хото. Небольшой и весьма пологий перевал отделяет по главному тибетскому пути бассейн Куку-нора от сопредельной ему части провинции Гань-су, принадлежащей уже собственно Китаю. Верстах в четырех за этим перевалом расположен китайский пикет Шала-хото, возле которого мы и остановились. Здесь вскоре явились к нам 15 китайских солдат при офицере. На другой день такой же отряд и также с офицером пришел из города Донкыра, лежащего в 26 верстах от Шала-хото. Как солдаты, так и офицеры должны были по приказанию сининского амбаня сопровождать меня в виде почетного конвоя при предстоящей поездке в г. Синин. Нужно сказать правду, что как теперь, так и прежде, благодаря, конечно, хлопотам нашего посольства в Пекине, китайские власти оказывали нам наружно полный почет, хотя в то же время исподтишка всячески старались затормозить наш путь и дискредитировать нас в глазах толпы. Так, например, такой же самый почетный конвой впоследствии провожал нашего переводчика и казака, отправленных мной с Желтой реки в Синин за покупками; проделывались и для этих посланных те же церемонии распускания знамен в попутных городах, высылались навстречу офицеры и т. п. Да и сами встречавшие и провожавшие нас чиновники, в особенности старшие, за исключением немногих, вели себя таким образом, что слишком ясно можно было заметить их презрение к ян-гуйзам и исполнение почетных церемоний только по необходимости, по приказу свыше.

Солдаты, которые теперь при нас находились, принадлежали к войскам территориальным. Одеты они были в форменные курмы, но уже не цветные, как у маньчжур, а в обыкновенные, из синей далембы. Народ был все мелкий, плюгавый. Вооружение состояло из фитильных ружей на сошках. Ружья эти, крайне грубой работы, имели короткие стволы, но большой калибр, линий в шесть или семь. Внутри пули для экономии свинца обыкновенно кладется небольшой камушек, да и самая пуля выливается меньшей против ствола калибра; порох сквернейший, собственного солдатского изготовления. Притом китайцы еще до сих пор не додумались прибивать заряд каким-нибудь пыжом, но прямо на насыпанный в ствол порох опускают сверху пулю. Огонь сообщается через полку, которая поджигается фитилем, вложенным в подобие нашего курка, но без пружины. Из подобного ружья мудрено убить человека даже на сотню шагов;

притом в дождь или сильный ветер вовсе нельзя стрелять, так как в первом случае смачивается, а во втором сдувается порох на открытой полке; нельзя также стрелять и вниз, ибо при наклонном положении ствола выкатывается ничем не прибитая пуля, а за ней высыпается и порох.

Фитильные ружья, употребляемые монголами и в особенности тангутами, гораздо лучше вышеописанных войсковых, так как имеют длинный ствол и пулю одинакового с ним калибра, притом заряд прибивается кусочком войлока. Но все-таки дальность боя и этих всегда гладкоствольных ружей не превосходит двухсот шагов, да и то с весьма малой меткостью. Изготовление же к выстрелу, даже поспешному, занимает много времени, ибо необходимо сначала установить ружье на сошки, поместиться самому возле него на коленях, вложить тлеющий фитиль в курок, снять покрышку с полки, затем прицелиться и стрелять. Если же горящего фитиля нет наготове, то прежде всего необходимо добыть огонь, вырубая его из кремня. После выстрела заряжение также весьма сложно и начинается с того, что вынимают зажженный фитиль из курка, насыпают из пороховницы в мерку, а иногда и прямо на ладонь заряд пороху, который кладут затем в ствол, забивают или спускают туда пулю, насыпают на полку порох, и если нужно тотчас стрелять, то опять вкладывают в курок тлеющий фитиль. Последний приготовляется из пеньки в виде тонкой веревки и помещается в особом кожаном мешочке сбоку приклада. Этот приклад делается длинным и узким, так что напоминает отчасти ручку пистолета; цевье же продолжается на всю длину ствола и имеет близ своего конца утолщение, к которому приделываются сошки. При ношении ружья на ремне за спиной сошки эти отгибаются кверху и удерживаются в таком положении затычкой, вкладывающейся в дуло ствола.

П о е з д к а в С и н и н. После дневки, проведенной на бивуаке близ пикета Шала-хото, я оставил свой караван под надзором прапорщика Эклона и налегке отправился в Синин. Со мной поехали прапорщик Роборовский, переводчик Абдул Юсупов и трое казаков. Китайские солдаты пешком провожали нас с двумя желтыми знаменами, которые были распущены при входе в г. Донкыр. Здесь подобное шествие мигом привлекло несметную толпу зрителей. Стар и мал, мужчины и женщины, выбегали на улицы и стояли шпалерами или бежали сзади нас, толкались и давили друг друга. Со всех сторон слышались крики, шум, брань, писк; словом, суматоха стояла невообразимая. Наконец мы вошли во двор своей квартиры и заперли ворота; но на улице все время продолжала стоять толпа, и лишь только показывался который либо из нас—повторялась прежняя история.

В Донкыре мы остались ночевать. Город этот по своему наружному виду ничем не отличается от прочих городов китайских и также обнесен глиняной зубчатой стеной. Число жителей, как нам передавали, простирается от 15 до 20 тысяч человек, помимо богомольцев и торговцев, временно здесь пребывающих. Вместе с Сининомъ описываемый город представляет важное место для торговли Китая с Тибетом.

Утром следующего дня мы выехали далее к Синину в сопровождении новой смены китайских солдат и попрежнему со знаменами. Вскоре конвой этот увеличился многочисленными добровольцами, которыми делались все попутно с нами ехавшие. Наконец вокруг нас составилась такая свита, что пришлось на минуту остановиться и прогнать всех излишних глазельщиков. Взамен них во второй половине пути начали являться различные посланцы сининского амбаня, каждый также с небольшой свитой. Лишь

в сумерки добрались мы до Синина и расположились здесь в отведенной нам квартире, той самой, где месяцев семь-восемь тому назад помещался со своими спутниками венгерский путешественник граф Сечени.

Всего от пикета Шала-хото до Синина около 70 верст. Бо̀льшую половину этого пространства дорога идет по горам; меньшую—по равнине р. Синин-хэ, протекающей возле Синина и впадающей в р. Тэтунг-гол [Датун-гол]. Окрайний к Куку-нору хребет, весьма невысокий к стороне этого озера, развивается к востоку, к Донкыру, в грандиозные альпийские формы. Такой же характер несут горы, лежащие северней Донкыра, а равно и хребет Ама-сургу, восточное продолжение которого наполняет все пространство между реками Синин-хэ и Хуан-хэ. Словом, здесь со стороны кукунорского плато к Синину являются те же, развивающиеся лишь в одну сторону, хребты окраины, какие вообще нередки в Центральной Азии.

Население окрестностей этого города. К северу от сининской равнины залегает холмистая и частью гористая местность вплоть до той ветви Нань-шаня, которая тянется по южною сторону р. Тэтунг-гол. Вся эта площадь, равно как сама сининская равнина, весьма густо заселены, несмотря на недавний дунганский погром. Впрочем, теперь еще можно видеть здесь некоторые деревни в запустении, но они быстро занимаются новыми поселенцами.

Народности, заселяющие вышеуказанный окрестный Синину район, по своему количеству могут быть поставлены в следующем порядке: китайцы, дунганы, тангуты, далды, монголы и киргизы.

Китайцы. Первые, т. е. китайцы, составляют преобладающий элемент, увеличивающийся, по усмирении дунганского восстания, притоком новых переселенцев из Внутреннего Китая, вероятно из соседних его частей. По образу своей жизни здешние китайцы не отличаются от других своих собратий и образуют, главным образом, земледельческий класс. Впрочем, в качестве торгового сословия, они многочисленны как в самом Синине, так и в других городах этой части провинции Гань-су.

Дунганы. Дунганы, т. е. окитаившиеся магометане, известные у китайцев под общим названием хой-хой, занимают, мне кажется, следующее по количеству место среди присининского населения. Несмотря на недавнюю страшную резню со стороны победителей-китайцев, число дунган, как они сами нам сообщали, еще простирается в местностях описываемых от 50 до 60 тысяч семейств. Быть может, такая цифра и преувеличена, но все-таки, сколько лично мне приходилось видеть, дунганское население в окрестностях Синина весьма многочисленно.

Эти дунганы, принадлежащие к секте шиитов, по наружному типу нисколько не походят на китайцев, отчасти напоминают наших татар и вообще указывают на свою принадлежность к тюркской породе. Сами они говорят, что пришли на нынешнее местожительство лет 400 тому назад из окрестностей Самарканда с имамом Раббанэ.

Ныне сининские дунганы, как и другие магометане Китая, сохранили твердо лишь свою веру да ненависть к китайцам; во всем же остальном совершенно походят на этих последних: носят такую же, как и китайцы, одежду, за исключением лишь небольшого колпачка или ермолки; голову бреют, оставляя косу на затылке; женщины-дунганки по одежде и прическе также не отличаются от китаянок.

Все описываемые дунганы говорят по-китайски—родной язык забыли; но богослужение производится на языке арабском. Пищу употребляют ту же самую, что и китайцы, за исключением свинины. По характеру они

немного энергичней китайцев; весьма трудолюбивы, поэтому хорошие земледельцы, но гораздо более имеют склонности к торговле и, как мы слышали, большие мастера наживать деньги (127).

Киргизы. Другие магометане, обитающие также невдалеке от Синина, в окрестностях г. Донкыра и частью на Куку-норе между тамошними тангутами и монголами,—это киргизы, число которых, вероятно, весьма невелико. Все они ведут кочевую жизнь и почти уже забыли родной язык. Его помнят только старики; молодежь же говорит по-монгольски, по-тангутски, иногда по-китайски. Одежду носят, как дунганы. Родной тип сохранился; равно крепка и вера магометанская.

Описываемые киргизы объясняют, что они пришли в Китай лет двести тому назад, в числе около 500 семейств, провожавших какого-то Тайджи-ахуна. Назад возвратиться не могли и остались кочевать в окрестностях Синина, бо̀льшая же часть ушла в Ала-шань[1].

В разгаре последнего дунганского восстания сининские киргизы, как они сообщали нашему переводчику, хотели было уйти назад в Самарканд, но не могли этого исполнить по неимению материальных средств; в то смутное время стада нельзя было распродать, хотя бы за убыточную цену.

Сравнительно небольшие примеры вышеописанных дунган и киргизов достаточно показывают, как легко перетасовываются азиатские племена и как трудно уследить их этнографическое родство (128).

Тангуты. Тангуты, или си-фани, представляющие по своему числу весьма крупную цифру населения, как местностей близ Синина, так и вообще этой части провинции Гань-су, подразделяются у китайцев на желтых (бэй-фань) и черных (хэй-фань). Первые, получившие свое название, быть может, по желтой одежде лам, известны монголам под названием вообще тангутов. Они занимают район к северу от сининской равнины и далее по горам, сопровождающим оба берега р. Тэтунг-гола. Одни из этих тангутов, преимущественно в местностях, ближайших Синину, живут оседло в китайских фанзах, смешанно с китайцами, или далдами и занимаются земледелием. Другие, обитающие в Тэтунгских горах, живут полуоседло в горных долинах, где устраивают для себя деревянные избы, но земледелием не занимаются; содержат только скот. Наконец третьи ведут кочевую жизнь в тех же горах и помещаются в черных палатках.

Черные тангуты[2], или по-монгольски хара-тангуты, наружным типом отличающиеся от других своих собратий, занимают бассейн верхнего течения Желтой реки и частью Куку-нор. Они разделяются на многие роды и большей частью не признают над собой китайской власти. Об этих тангутах будет рассказано в следующей главе[3]. Теперь упомяну только, что небольшая их часть, обитающая на самой Желтой реке, к югу и юго-западу от Синина, занимается земледелием; остальные ведут кочевую жизнь. Кроме того, в округе Хэ-чжеу, на юго-восток от Синина за Желтой

---

[1] В Ала-шане до последнего дунганского восстания действительно жили киргизы в числе, как нам сообщали, 200 семейств, кочевавших рассеянно между монголами. В конце восстания, когда победа склонилась на сторону китайцев, киргизы эти, как магометане, были вырезаны чуть не поголовно по приказанию алашанского князя, пожелавшего отличиться своим усердием перед пекинским двором. Ныне в Ала-шане киргизов осталось очень мало,—мы видели только одного, который сразу бросился в глаза своей большой бородой.

[2] Называются так, вероятно, по своим черным палаткам, в которых, впрочем, живут, как только что сказано, и многие из желтых тангутов.

[3] Кроме того, о тангутах вообще см. в моей «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 256—267 [в новом издании 1946 года стр. 221-227 и примечание 101 на стр. 316].

рекой, живут тангуты-салыры, исповедающие магометанство. Они вместе с дунганами были в восстании против Китая, но теперь усмирены и, сколько кажется, подчинены китайской власти.

Д а л д ы. Недалеко к северу от Синина обитает небольшой, но весьма интересный народ далды, или долды[1], который тангуты называют кар-лун, а китайцы туу-жень. Район, занимаемый этим оседлым племенем, лежит под Южно-Тэтунгскими горами в окрестностях городов Уям-бу и Му-байшинта. В значительном числе далды обитают в самых этих городах; остальные живут в деревнях смешанно с китайцами или тангутами и занимаются земледелием. Общее число описываемого народа узнать, конечно, нам было невозможно, но приблизительно оно простирается, быть может, до десяти тысяч душ обоего пола.

По своему наружному типу мужчины-далды много походят на китайцев и частью на монголов; одежду носят китайскую и бреют голову, оставляя косу на затылке. Далдянки отчасти напоминают наших деревенских женщин и совершенно отличаются от китаянок не только своей физиономией, но также костюмом, прической и особенным головным убором. Последний состоит из большого кокошника с бахромой спереди, закрывающей лоб; сзади кокошник покрывается куском синей далембы, которая опускается почти до поясницы. Поверх этой далембы, сверху того же кокошника, прикрепляется толстая прядь красных бумажных шнурков, проходящих на шею сквозь большие (дюйма 2—3 в диаметре) медные кольца, носимые в виде серег, только кольца эти не вдеваются в уши, но прикрепляются на голове тесемками. Красные шнурки на шее украшаются поддельными кораллами; сверх того вокруг шеи носится большое железное кольцо, обшитое красной далембой с костяными и фарфоровыми бляхами.

Волосы на голове далдянки разделяют по средине и пробор этот закрывают тесемкой; затем спускают волосы низко по бокам головы, а сзади завертывают на деревяжку в виде маленького шиньона. Изредка носят прическу, как у тангутских женщин: разделяют волосы посредине и заплетают их по бокам головы во множество косичек, концы которых зашиваются в куски далембы, носимой спереди груди. Одежда женщин состоит из безрукавного кафтана темносиней далембы, рубашки с цветными рукавами, темносиних далембовых панталон и китайских башмаков; кафтан подпоясывается далембовым кушаком с разноцветными концами.

Общий рост мужчин описываемого народа средний; женщины, большей частью, низкорослы; притом, сколько кажется, они веселого нрава.

Язык далдов состоит из смеси монгольских (всего более), тангутских, китайских и собственных слов. Вера—буддийская; какого толка—сказать не могу. Противоположно прежним отзывам[2] мы слышали теперь от монголов и китайцев похвалы описываемому племени за его трудолюбие и умственные качества. Сами далды о своем происхождении ничего не знают; так равно и китайцы не могли, или не хотели, сообщить нам что-либо на этот счет. Только у ордосских монголов сохранилось предание, что далды племя им родственное[3], случайно попавшее на нынешнее место жительства. Легенда об этом событии гласит следующее: Чингис-хан во время пребы-

---

[1] Название это монгольское.

[2] «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 226 [в новом издании 1946 г. стр. 199—200].

[3] Еще и поныне в северном Ордосе существует монгольский хошун Далды. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 128 [в новом издании 1946 г. стр. 130].

вания своего в Ордосе имел отличного коня, на котором в одни сутки ездил на Куку-нор для охоты за зверями. Однажды он взял с собой какого-то богатыря с отрядом воинов; на обратном пути этот богатырь заблудился вместе со своим войском и остался на жительство близ Синина. От этих-то воинов и произошли далды, которых ордосцы называют «цаган-монгол», т. е. белые монголы[1].

По всему вероятию, далды племя пришлое к Синину, быть может, откуда-либо с севера или с запада, подобно самаркандским киргизам. Давность такого переселения забыта самим народом, который понемногу смешался с китайцами и утратил родной облик. Только у женщин сохранился здесь тип, свидетельствующий о том, что они принадлежат скорее к арийской, нежели к монгольской расе. Почему женщины в данном случае оказались устойчивей мужчин—объяснить не умею ([129]).

М о н г о л ы. Наконец последний народ, обитающий в присининской части провинции Гань-су[2],—монголы, которые, всего вероятней, выселились сюда из Куку-нора. Ныне число их незначительно. Обитают полуоседло на севере от Синина возле кумирен Алтын и Чейбсен.

О С и н и н е. Теперь о самом Синине. Город этот лежит в долине того же названия на абсолютной высоте 7 560 футов[3] и в настоящее время имеет около 60 тысяч населения из китайцев и, в малом числе, дунган.

Фабричного производства здесь почти не существует, но зато весьма развита торговля с Тибетом. В Синин, а также и в Донкыр, тибетские купцы привозят свои товары и покупают товары китайские, которые приходят, главным образом, из Пекина; до последнего от Синина считается 48 станций. Привозимые в Синин товары вообще дороги, но местные продукты довольно дешевы[4].

Стены описываемого города очень толсты и высоки. В них, при начале магометанской инсуррекции, китайские войска два года выдерживали осаду дунган, наконец были выморены голодом и поголовно истреблены. Затем восемь лет Сининым владели дунганы; в конце же 1872 года китайцы вновь заняли этот город и в свою очередь истребили дунган.

В окрестностях Синина, в одном дне пути на юг от него, лежит в горах знаменитая тибетская кумирня Гумбум, откуда в XIV веке нашей эры вышел великий реформатор буддизма Дзон-Каба [Дзон-хава]. Ныне в Гумбуме около 2 000 лам, но до дунганского восстания, при котором описываемая кумирня была разорена, число этих лам простиралось до цифры вдвое большей[5]. Помимо того, в Гумбум ежегодно стекается множество богомольцев, в особенности монголов.

---

[1] Знаменитый наш синолог, покойный архимандрит Палладий, указывает, впрочем как предположение, на происхождение описываемого народа из города Далту или Дарту, построенного китайцами при Миньской династии на дороге от Су-чжеу в Хами. «Известия императорского Русского Географического общества», 1873 г., т. IX, стр. 306.

[2] Архимандрит Палладий (там же) упоминает еще о хамийских уйгурах в Гань-су, но мы о них не слыхали.

[3] По измерению экспедиции графа Сечени; нам не удалось определить абсолютную высоту Синина.

[4] Так, например, мы платили в Синине (считая на наши кредитные деньги): 1 фунт баранины 3 к.; 1 фунт свинины $4^1/_2$ к.; поросенок 1 р. 30 к.; утка 60 к.; курица 22 к.; десяток яиц 5 к.; 1 пуд пшеничной муки 1 р. 10 к.

[5] По свидетельству Гюка, «Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet», VII, p. 95. Нам же сообщали, еще в первое мое здесь путешествие, что до дунганского восстания в Гумбуме считалось около 7 000 лам.

Свидание с местным амбанем. На другой день прибытия в Синин я виделся с местным губернатором, или, по-китайски, амбанем. Свидание это было парадное, в присутствии других местных властей, и происходило в ямыне, т. е. в присутственном месте, в воротах которого выстроены были солдаты со знаменами. Несмотря на довольно холодный день, все присутствовавшие помещались в открытой фанзе; на дворе ее набилось народу видимо-невидимо. Когда все власти собрались и приехал сам амбань, мне дали знать, что нас ожидают. Я поехал верхом в сопровождении прапорщика Роборовского, переводчика и двух казаков. На улицах впереди, сзади и по бокам нас теснилась огромная толпа народа вплоть до самых ворот ямына, где мы слезли с лошадей и вошли во двор. Пройдя через этот двор, мы очутились во втором отделении внутренней ограды и здесь встретились с амбанем. Последний вежливо, но весьма холодно, раскланялся с нами и пригласил нас в фанзу, назначенную для приема. Здесь амбань уселся посредине, прямо против входа, и пригласил меня сесть рядом с собой; прочие же власти и вместе с ними Роборовский разместились возле боковых стен той же фанзы; переводчик Абдул стоял возле нас; казаки остались на заднем дворе.

После обычных вопросов о здоровье и благополучии пути амбань тотчас же спросил, куда я намерен итти далее. Я отвечал, что нынешней весной мы пойдем на верховья Желтой реки и пробудем там месяца три или четыре, смотря по тому, как много найдется научной работы. «Не пущу туда,—живо возразил амбань,—я имею предписание из Пекина, как можно скорей выпроводить вас отсюда и предлагаю вам итти в Ала-шань».

Пока переводчик передавал этот ответ, амбань пристально смотрел на меня, желая, вероятно, заметить, какое впечатление произведет столь решительный его тон. Улыбнулся я, выслушав приказание китайца, и велел переводчику отвечать амбаню, что на Желтую реку мы пойдем и без его позволения. Тогда амбань прибегнул к стращаньям другого рода. «Знаете ли,—начал он, помолчав немного,—на верхней Хуан-хэ живут разбойники-тангуты, которые, как мне хорошо известно, собираются умертвить всех вас в отмщение за побитие ёграев в Тибете. Тангуты народ храбрый, можно даже сказать—отчаянный. Я сам никак не могу с ними справиться, несмотря на то, что у меня много солдат и все они воины отличные. Если не верите мне, спросите у других здешних чиновников»,—добавил амбань, указывая на присутствующих. Все они начали кивать головами и что-то бормотать, а один из тех же чинов особенно поусердствовал: он встал и доложил амбаню, что на верхней Хуан-хэ живут даже людоеды.

Но и этот последний, самый, так сказать, тяжеловесный довод не произвел желаемого действия. Я опять повторил, что нам необходимо итти на Хуан-хэ, и мы пойдем туда, даже без проводника, как то не раз делали. Подумав опять немного, амбань начал торговаться относительно времени нашего пребывания на Желтой реке и предлагал всего пять-шесть дней; я же назначил срок три месяца и не уступал. Тогда изобретательный амбань прибегнул к новым увёрткам. Он требовал, чтобы, во-первых, я дал ему расписку в том, что беру на свой риск желаемое путешествие; во-вторых, обязался бы не переходить на правый берег Желтой реки; наконец по возвращении оттуда шел бы прямо в Ала-шань, не заходя на Куку-нор. Какая была побудительная причина устраивать подобную демаркационную линию, сказать трудно. Всего верней амбань желал по возможности скорей выпроводить нас из своих владений.

Дать требуемую расписку я охотно согласился[1], тем более, что этим мы избавлялись от китайского конвоя, который был бы великой обузой, а при действительной опасности ни от чего бы не защитил; наоборот, всего вероятней, сам бы стал под нашу защиту. Затем относительно двух других условий я отвечал уклончиво, обнадеживая, впрочем, амбаня в своей готовности исполнить его желания.

Затем аудиенция, продолжавшаяся около часа, кончилась, и мы поехали обратно на свою квартиру. Оттуда, по обычаю, посланы были амбаню подарки; но, к удивлению, он взял лишь некоторые вещи, от других же отказался, объясняя нашему переводчику, что боится быть уличенным во взяточничестве. Сам амбань прислал нам провизии и ведро крепкой китайской водки, которая весьма пригодилась для наших спиртовых коллекций.

Курьезные рассказы китайцев. В Синине, подобно тому как и в Донкыре, ворота дома, в котором мы помещались, целые дни были осаждаемы с улицы толпой зевак. При всяком удобном случае они лезли во двор и надоедали невыносимо не только нам, но даже китайской прислуге, при нас состоявшей. Более солидные китайцы держали себя вежливей; они только засыпали нашего переводчика расспросами, один другого нелепей. Так, например, многие были уверены, что у ян-гуйзов, т. е. заморских дьяволов, как называют китайцы всех вообще европейцев, нет костяной чашки на коленном сгибе; другие, и в том числе сам сининский амбань, спрашивали по секрету у того же переводчика: «правда ли, что я вижу на сорок сажен в землю и сразу могу отыскать там всякие сокровища?»; третьи уверяли, что бывшие недавно здесь перед нами ян-гуйзы[2] вытащили со дна Хуан-хэ волшебный камень, налитый внутри водой и стоящий десять тысяч лан золотом, и т. п. Но всего курьезней были объяснения, почему нас не пустили в Лхасу. Рассказ этот совершенно напоминает историческую легенду об основании Дидоною Карфагена; только действующими лицами являются не финикийцы и африканцы, но тибетцы и европейцы (130).

«Во времена весьма давние,—говорил нашему переводчику один из сининских купцов,—на границу Тибета пришел какой-то ян-гуйза (т. е. европеец) и хотел пробраться внутрь страны, но в пропуске туда получил отказ. Тогда пришелец просил, чтобы ему продали кусок земли, равный бычачьей шкуре. Тибетцы согласились на это, заключили форменное условие и взяли деньги. Иностранец, получив упомянутую шкуру, разрезал ее на тонкие ремешки, которыми обложил порядочное пространство, и объявил эту землю своей собственностью. Оспаривать такое право никто не мог. Относительно дальнейшей судьбы этой покупки предание не говорит; но только тибетцы с тех пор поклялись не пускать к себе столь хитрых европейцев».

Снаряжение на дальнейший путь. После свидания с сининским амбанем мы провели в том же Синине еще четверо суток, употребив все это время на закупку продовольствия и мулов, необходимых нам для следования в лесные горы на верхней Хуан-хэ. Предметы продовольствия, как-то: мука, рис, просо, гуамян, финтяуза, чай, сахар и пр. были приобретены довольно скоро и без всяких затруднений. Но с покуп-

---

[1] Расписка эта была препровождена сининским амбанем в Пекин и там передана в наше посольство.

[2] Граф Сечени с двумя своими спутниками.

кой мулов пришлось повозиться немало, несмотря на всю преданность и усердие нашего переводчика Абдула. Процедура этой покупки продолжалась целых три дня, в течение которых двор нашей фанзы с раннего утра до поздней ночи битком был набит народом. Тут собирались продавцы мулов со своими животными, барышники и всего более зеваки. Последних беспрестанно выгоняли находившиеся при нас полицейские, пуская в дело даже розги и палки, но и это мало помогало. Прогоняли одну толпу, через несколько минут набиралась другая, и опять повторялась прежняя история. Самый торг приводимых мулов сопровождался криками, бранью, иногда даже дракой между конкурентами. Как обыкновенно, с нас запрашивали непомерные цены, которые затем сбавлялись целыми десятками лан. В это время у нашего переводчика и продавца шли рукожатия, обязательно употребляемые в Китае при торговых сделках. Известное пожатие нескольких пальцев выражает здесь известную цену. Делается это таким образом, что покупатель и продавец засовывают друг другу руки в рукава верхнего одеяния и там уже жмут пальцы, чтобы скрыть свою сделку от лиц посторонних.

Наконец мы купили 14 мулов, за которых, вместе с вьючными для них седлами и вознаграждением барышникам, заплатили 529 лан, т. е. почти по 38 лан[1] за каждое животное. Цена эта была высокая, но, как обыкновенно для путешественников, нам везде и за все приходилось платить гораздо дороже.

С немалым трудом могли мы устроиться со своими коллекциями, которых невозможно было тащить на Желтую реку. На мою просьбу оставить эти коллекции на пикете Шала-хото, возле которого бивуакировал наш караван, сининский амбань не согласился, предлагая привезти коллекции в Синин на хранение. Но в таком случае мы поневоле должны были, вернувшись с Хуан-хэ, опять заходить в Синин и отказаться от Куку-нора, где необходимо было сделать съемку восточного и части северного берегов, а также исследовать летнюю флору и фауну. На наше счастье, в это время пришел в Синин из Ала-шаня торговый караван на семидесяти верблюдах, которые вскоре возвращались обратно. Мы разыскали прибывших с караваном монголов и за плату в пятьдесят лан наняли у них десять верблюдов для перевозки коллекции в Ала-шань. Таким образом покончены были наши дела в Синине, и мы выехали оттуда попрежнему в сопровождении солдат и нескольких чиновников; купленную кладь везли наши мулы с нанятыми погонщиками.

В Сининской равнине в это время, т. е. в половине марта, весна уже наступила, и жители принялись за полевые работы. Везде на полях рабочие копошились словно муравьи; по дороге беспрестанно попадались проезжие то верхом, то на мулах, то, реже, в двухколесных китайских телегах; в попутных деревнях также толпился народ. Словом, на каждом шагу чувствовалось, что находишься в пределах густо населенного Китая. Менее людно стало лишь за местечком Дуба-чен, где дорога вошла в горы и направлялась ущельем р. Синин-хэ до самого г. Донкыра. В нем мы опять ночевали, а на другой день, еще довольно рано, прибыли на свой бивуак.

[1] 114 наших кредит. руб.

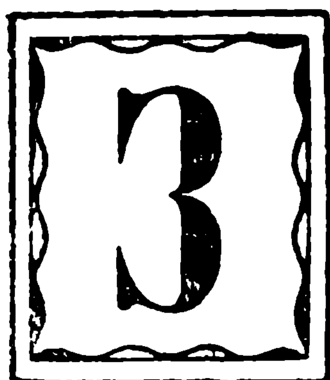

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХОВЬЕВ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

[*18/30 марта—10/22 мая 1880 г.*]

Общая характеристика бассейна верхней Хуан-хэ.—Частное описание того же верхнего ее течения.—Хара-тангуты.—Их шаманы.—Наш караван на вьючных мулах.—Переход в урочище Балекун-гоми.—Отрадная здесь стоянка.—Бедность флоры и фауны.—Состояние погоды.—Следование вверх по Желтой реке.—Безводное плато.—Хребет Сянь-си-бей.—Река Бага-горги.—Угрозы хара-тангутов.—Малозаметный пролет птиц.—Ушастый фазан.—Охота за ним.—Гора и кумирня Джахан-фидза.—Обилие лекарственного ревеня.—Переход к р. Уму.—Продолжение пути.—Растительная жизнь и погода в апреле.—Стоянка на р. Чурмын.—Новые разъезды.—Переход на Хуан-хэ.—Местность близ ее истоков.—Невозможность дальнейшего следования.

наменитая Желтая река, или Хуан-хэ, исследование истоков которой еще в глубокой древности составляло предмет заботливости правителей Китая[1], до сих пор скрывает эти истоки от любознательности европейцев. Тому причинами, во-первых, общая малоизвестность этой части Центральной Азии, а затем труднодоступность местности на верховьях описываемой реки. Местность эта лежит к югу от оз. Куку-нор в северо-восточном углу Тибетского нагорья, там, где под влиянием геологических и климатических условий мощное Тибетское плато обнажает свой горный скелет и превращается в дикую альпийскую страну. Впрочем, самые истоки Хуан-хэ находятся еще на плато Тибета; но вслед за тем новорожденная река вступает в область исполинских гор и здесь, стесняемая или преграждаемая этими горами, часто и прихотливо ломает направление русла на всем протяжении своего верхнего течения. Мы могли исследовать это течение на 250 верст вверх от города Гуй-дуя; на самом же истоке Желтой реки побывать нам не удалось (131).

[1] Эти исследования производились до начала нашей эры, равно как и в прошлом столетии. К путному и толковому они ни к чему не привели. Известно, что китайцы полагали, а быть может и до сих пор полагают, что настоящие истоки Хуан-хэ лежат в верховьях Тарима, вода которого, притекая в Лоб-нор, скрывается здесь будто бы под землей и вновь выходит на поверхность почвы, в виде многочисленных ключей, в степи Одонь-тала или Синь-су-хай (т. е. звездное море), лежащей на Тибетском нагорье к югу от оз. Куку-нор. Нелепость подобного мнения нечего и опровергать—достаточно указать лишь на то, что Лоб-нор имеет 2 500 футов абсолютной высоты, а степь Одонь-тала, по меньшей мере, поднимается на 12 000 футов над морским уровнем.

В вышеуказанном районе верхней Хуан-хэ местность резко представляет собой тройной характер: высокие, труднодоступные горы, степные плато между ними и лабиринт глубоких ущелий, изрезывающих эти плато.

Те горные хребты, которые расположены здесь, принадлежат к системе центрального Куэн-люня и также имеют главное направление с запада на восток. Одни из них стоят на продолжении тибетской, к стороне Цайдама, ограды; другие же, в большей или меньшей связи как между собой, так и с хребтами на главной оси Куэн-люня, наполняют местность к северу, до Кукунорских гор и большого восточного изгиба той же Хуан-хэ. Все эти хребты несут дикий, альпийский характер; но снеговой линии достигают лишь некоторые из них и притом отдельными своими частями.

В промежутках параллельных горных хребтов залегают, как выше упомянуто, степные плато, более или менее обширные. Эти плато занимают ныне места прежних озер, которые выливались по мере того, как нынешняя Желтая река прорывала себе путь через поперечные горные гряды. Но в период многих веков существования указанных озер в них отлагались приносимые речками с соседних гор массы валунов, гальки и песка, образовавшие громадные толщи. С этими толщами мешались также и лёссовые осадки, то водяные, то воздушные из атмосферной пыли. Последние преобладают в более обширных степных плато, вдали от главных хребтов самой верхней Хуан-хэ. Но как речные наносы, так и лёссовые толщи везде прорезываются здесь чрезвычайно глубокими, наподобие коридоров или траншей, ущельями, которые сопровождают течение каждой речки, хотя бы небольшой, и придают местности совершенно оригинальный и в то же время почти недоступный характер; тем более, что в подгорных долинах подобные траншеи стоят на продолжении каждого ущелья, даже в том случае, если вода в нем бывает лишь временно, в период сильных дождей.

В самых горах бока описываемых ущелий обставлены или чрезвычайно крутыми горными скатами, или отвесными, пробитыми водой, скалами. Речки несутся здесь со страшной быстротой по громадным валунам и нередко образуют водопады. Затем, по выходе из гор на соседнее плато, те же речки текут несколько спокойнее, а их ущелья, вырытые в наносной почве, делаются шире и достигают страшной глубины—не менее как в тысячу футов, иногда же и более; притом все эти ущелья несут одинаковый характер. Со стороны лугового плато подобная пропасть часто незаметна, пока не подойдешь к самому ее берегу. Здесь сначала на несколько десятков сажен, а иногда и более, идет довольно пологий наклон, за которым следуют отвесные обрывы, изборожденные поперечными трещинами. Эти обрывы имеют обыкновенно от 300 до 500 футов и даже более по вертикали; за ними почти всегда расположен крутой скат, нередко оканчивающийся у самой реки вторичным обрывом, но уже гораздо меньших размеров. Оголенные стены обрывов состоят из глины или песка с галькой и мелкими валунами; местами глина заменяется прослойками чистого песка; местами слои, более или менее толстые, состоят из одной лёссовой глины. Все это подвергается сильному выветриванию и разложению. Камни с отвесных стен беспрестанно валятся вниз, в особенности при ветре или после дождя и снега; часто случаются также обвалы, довольно большие. Вследствие того береговые обрывы описываемых ущелий представляют причудливые формы башен, столов, стен, пирамид и т. п.; боковые перпендикулярные трещины, или балки, обыкновенно недлинны, очень узки и недоступны. Только изредка по более широким и пологим из них проложены местными тангутами тропинки, ведущие на дно ущелий. Здесь, по широкой полосе

голых валунов, с шумом бегут речки, на берегах которых то справа, то слева являются островки лесов из тополя, облепихи и лозы. По дну же верхних поперечных балок, и преимущественно на северной стороне крутых боковых скатов окрайних стен ущелий, обыкновенно растут кустарники (акация, барбарис, шиповник, жимолость, кизил, смородина, рябина), образующие густейшие заросли. В верхних частях тех же ущелий, поближе к горам, лиственные деревья заменяются елью и древовидным можжевельником. В этих хвойных лесах, а еще более в кустарных зарослях или даже на открытых боковых скатах ущелий встречается разнообразная травянистая флора, весьма схожая с флорой соседних гор, но совершенно отличная от степной флоры ближайших плато. Таковая разница встречается и в фауне, которая в описываемых ущельях опять-таки много сходствует с фауной соседних гор. Но об этом речь впереди. Теперь же перейдем к описанию самой Желтой реки в исследованном нами районе ее верхнего течения.

Частное описание того же верхнего ее течения. Как раз на том месте, где верхняя Хуан-хэ, притекая с юга, упирается в горный массив Куку-нора и делает большой крутой изгиб к востоку, лежит крайний пункт оседлого населения по той же реке—урочище Балекун-гоми. Хуан-хэ протекает здесь на абсолютной высоте 8 600 футов и имеет, при малой воде, от 50 до 60 сажен ширины, местами же несколько более. Глубина значительная, так что бродов нигде нет. Скорость течения около 300 футов в минуту; но это при низком уровне воды, которая в то время бывает и не особенно мутная. Летом же, в период дождей, когда вода в Хуан-хэ сильно прибывает, увеличиваются как размеры самой реки, так и скорость ее течения; тогда вода становится почти желтой от лёссовой глины, которая характерными клубами мутится в волнах Хуан-хэ. Замерзает эта последняя возле Балекун-гоми, по словам туземцев, в ноябре, но лед бывает не сплошной и не прочный, так что сообщение по нему с одного берега на другой весьма затруднительно. Вскрывается в феврале.

Долина Желтой реки, возле Балекун-гоми, имеет от 2 до 3 верст ширины. Справа ее окаймляют высокие отвесные обрывы соседнего плато; слева та же долина обозначается обрывистым берегом невысоких гор из голой лёссовой глины, избороржденной оврагами, трещинами и ямами. По всей долине разбросаны кустарные заросли, состоящие подальше от реки из тамариска (Tamarix chinensis), барбариса (Berberis chinensis), хармыка (Nitraria Schoberi) и уродливой бударганы (Kalidum sp.) а поближе к Хуан-хэ и на островах, образуемых ее рукавами,—из лозы (Salix sp.) и облепихи (Hippophaë rhamnoides); здесь же встречаются небольшие рощи тополей (Populus Przewalskii n. sp.), на которых можно часто видеть висячие кустики омелы (Viscum album).

От Балекун-гоми Желтая река, как выше упомянуто, круто поворачивает прямо к востоку и сохраняет это направление на протяжении более 300 верст до города Лан-чжеу-фу, за которым снова круто заворачивает на север и, прорвав восточную окраину Нань-шаня, выбегает по более низким местностям провинции Гань-су в пустыни Ала-шаня и Ордоса. Нами прослежено это восточное течение Хуан-хэ лишь на протяжении 65 верст от Балекун-гоми до оазиса Гуй-дуя. На столь коротком расстоянии уровень описываемой реки спадает на 1 300 футов. Хуан-хэ бешено мчится словно в траншее по глубокому ущелью, образуемому справа обрывами высокого плато, а слева—такими же обрывами и сланцевыми ска-

лами Южно-Кукунорских гор. Лишь от устья р. Тагалын обрывы, сначала левого, а потом правого берегов, несколько отходят в стороны, и долина описываемой реки немного расширяется, но с тем, однако, чтобы снова замкнуться горами Дун-сянь, или Шимбу, стоящими на правом берегу немного ниже оазиса Гуй-дуя.

Этот последний образуется притекающими с юга от снеговых гор Джахар речками Муджик-хэ и Дун-хо-цзянь. Повыше их, с северных гор, в описываемую часть Хуан-хэ впадают небольшие также речки Джапачю, Доро, Тагалын и Безымянная[1]; при устьях трех первых расположены китайские и тангутские деревни. Наконец справа, немного ниже Балекун-гоми, в Хуан-хэ впадает р. Ша-кугу, пробегающая в глубокой траншее по луговому плато.

Сама Хуан-хэ возле Гуй-дуя немного разве шире, чем у Гоми и, пожалуй, не глубже, если только не мельче. Вообще на самом верхнем течении Желтой реки, от ее истоков до оазиса Гуй-дуя, не только пароходное, но весьма часто и лодочное плаванье невозможны.

Вверх от урочища Балекун-гоми, где в Хуан-хэ слева впадает р. Чапча-гол, до устья р. Бага-горги, следовательно на протяжении около 100 верст, Желтая река имеет направление от юго-юго-запада к северо-северо-востоку. Она прорезывает здесь обширное степное плато, раскинувшееся к югу от Южно-Кукунорских гор и огражденное на юге хребтом Сянь-си-бей на левом берегу описываемой реки и хребтом Джупар на правой ее стороне. Абсолютная высота этого плато немного более 10 000 футов; почва— частью песчаная, частью глинистая (лёссовая), покрытая хорошей кормовой травой, но воды здесь нет. Местами залегают обширные сыпучие пески, которые на большом протяжении придвигаются с запада к самой Хуан-хэ.

Характер этой последней здесь тот же, что и возле Балекун-гоми; только лесной и кустарной растительности, с поднятием вверх по течению, становится меньше. С левой стороны нет вовсе притоков, с правой же впадает неизвестного нам названия речка, которая в глубокой траншее пробегает, вероятно, вдоль всей южной части восточного плато. Ложе Желтой реки на описываемом ее протяжении врезано в почву на глубину бóльшую тысячи футов и сопровождается ущельем, имеющим сначала от 6 до 8 верст ширины, но далее к югу значительно суживающимся. Бока этого ущелья весьма круты; местами, в особенности на правой стороне реки, обставлены вверху отвесными обрывами. Таковые же обрывы, высотой 100—300 футов, сопровождают и побережную долину Хуан-хэ. Эта долина имеет не более одной версты, часто же менее, ширины и в излучинах реки покрыта тополевыми рощами.

От впадения р. Бага-горги вверх до прорыва второго поперечного хребта Хуан-хэ, или, как ее называют тангуты, Ма-чю[2], течет от юга на север с небольшим уклонением к западу. Слева от нее впадает р. Чурмын, справа почти тут же—р. Бáа, обе довольно значительные, протекающие также в глубоких траншеях вдоль неширокого плато, залегающего к югу от гор Сян-си-бей и Джупар. Абсолютная высота этого плато лишь немногим бóльшая, чем у того, которое лежит к северу от вышеназванных хребтов. Южное, т. е. вторичное, плато, почти все изрезано глубокими траншеями, сопровождающими как русла всех речек, так и стоящими на продолжении всех горных ущелий, хотя бы и безводных. Желтая река имеет здесь

[1] Название у этой речки, наверное, есть, но мы его не узнали.
[2] В переводе значит «большая река».

Хара-тангуты (си-фани) племени лунь-чу

от 40 до 50 сажен ширины, более извилиста и течет гораздо быстрей, чем возле Балекун-гоми. Разница же абсолютных высот этого урочища и устья р. Чурмын составляет лишь 600 футов. Зато ущелье Хуан-хэ на протяжении вторичного плато, которое эта река пробегает в диагональном направлении, еще более врезано в почву: при устье р. Чурмын такое ущелье имеет 1 600 футов, т. е. почти $^1/_2$ версты глубины! Верхние вертикальные обрывы футов в 500 или более по отвесу, притом сильно изборожденные, стоят здесь неприступной стеной со стороны лугового плато; затем следует крутой боковой скат, оканчивающийся более пологой равниной возле реки, которая течет узким (80—100 сажен ширины) коридором, обставленным вертикальными стенами высотой от 200 до 250 футов. Деревьев и кустарников в этой части Хуан-хэ мало; лишь кой-где под обрывами ее берегов зеленеют небольшие площадки. Та же покатая долина, которая залегает по обе стороны описываемой реки до окрайних крутых скатов, или местами до верхних обрывов ее ущелья, достигает от 2 до 3 верст ширины, имеет глинистую почву и несет пустынный характер.

Выше устья р. Ба́а Хуан-хэ еще более стесняется отвесными обрывами берегов и горами. Местами скалы суживают сажен на 25 русло реки, которая бешено несется по огромным валунам. Переправы здесь невозможны, разве зимой по льду, да и тот, вероятно, бывает непрочен или загроможден торосами.

Вторичный хребет, который верстах в 60 к югу от устья р. Ба́а прорывается Желтой рекой, стоит, по всему вероятию, на продолжении горной тибетской ограды к стороне южного Цайдама, вероятно в непосредственной связи с хребтами Шуга и Урундуши. Названия западной, т. е. находящейся на левом берегу Хуан-хэ, части описываемых гор мы не узнали; на восточной же стороне Желтой реки эти горы известны под названием хребта Дзун-мо-лун. Последний хотя весьма высок и дик, часто даже совершенно недоступен, но пределов вечного снега не достигает. Вечноснеговые горы в исследованном нами районе бассейна верхней Хуан-хэ на левом ее берегу находятся лишь в хребте Угуту, которого северо-западное продолжение, вероятно, служит восточной оградой Цайдама и связывается с горами Санси-бей. К югу от того же Угуту, собственно от вечноснеговой здесь группы, быть может, отходит поперечный кряж, ограждающий с востока оз. Тосонор и служащий связью с более южными хребтами. Из них, помимо Урундуши и Безымянного (сколько можно было узнать по расспросам) еще южнее стоит снеговой хребет Амнэ-мачин, или Амнэ-мусун[1], принуждающий Желтую реку тотчас после своего истока делать крутую дугу, хотя, по всему вероятию, не столь большую, как обыкновенно показывается на картах. Вообще разъяснить путаницу хребтов на истоках Хуан-хэ, равно как нанести точно на карту эти истоки, возможно лишь исследованиями европейских путешественников, но никак не по китайским описаниям или по расспросам туземцев. Сделать это пока еще не удалось. Одно только можно теперь сказать, что на истоках Хуан-хэ обширных снеговых гор нет; ибо Желтая река, насколько мы ее видели в верхнем течении, даже летом, в июне, периодически имела малую воду и прибывала только после дождей, чего не могло бы быть, если бы высокий уровень воды обусловливался летним таянием больших горных снегов (132).

Х а р а-т а н г у т ы. Население в исследованном нами районе бас-

[1] У китайцев Да-цзи-си-шань или Да-сюз-шань. По их описаниям, в этом хребте девять снеговых пиков, из которых средний поднимается выше других.

сейна верхней Хуан-хэ составляют хара-тангуты, небольшая часть которых живет оседло в местностях, ближайших к оазису Гуй-дуй; остальные ведут кочевую жизнь. Первые называются вообще джаху; вторые—рунва[1]. Последние разделяются на многие роды, управляемые выборными старшинами; китайской власти над собой почти не признают и податей Китаю не платят. Общее их число трудно определить даже приблизительно; тем не менее, оно должно быть весьма значительно, ибо на верхней Хуан-хэ хара-тангуты встречаются часто[2] и распространяются до самых истоков этой реки[3]. Отдельные роды живут почти в постоянной между собой вражде, главным образом из-за пастбищ.

По наружному типу хара-тангуты значительно отличаются от других своих собратий, равно как и от виденных нами тибетцев. У описываемого народа лицо шире, уши более оттопырены, а глаза, в особенности у молодых, посажены вкось; словом, более характерных признаков монгольской расы. Между мальчиками и юношами попадаются довольно красивые физиономии, но старики все очень безобразны; тем более, что цвет кожи, вообще коричневый, к старости делается еще темней. Усов и бороды хара-тангуты не носят, да и растут эти украшения у них, вероятно, плохо; голову свою бреют, оставляя иногда небольшую косу на затылке; серег в уши не вдевают. Из оружия имеют при себе длинную саблю за поясом; иногда же фитильное ружье и пику. Хара-тангутки небольшого роста, в молодости с сносными, иногда даже красивыми, физиономиями—все черноглазые и черноволосые, так же как мужчины. Как и везде, женщины описываемого народа падки на различные побрякушки и украшения. Волосы свои они разделяют посредине и сплетают во множество мелких косичек, которые сзади головы зашиваются в две широкие ленты, спадающие по спине. Эти ленты украшаются красными кораллами, серебряными или медными бляхами и раковинами; подобных украшений хара-тангутки много носят и на своем платье. Последнее, одинаковое как у женщин, так и мужчин, состоит из бараньей шубы, суконного или далембового халата, таковых же панталон и китайских сапог; вместо рубашек иногда надевают далембовые куртки; на голове оба пола носят далембовые, или бараньего меха, колпаки и иногда узкие шляпы. В теплую погоду шуба или халат спускаются с правого рукава, так что правая рука, плечо и часть груди остаются непокрытыми; подобный обычай [присущ] и женщинам.

Жилищем кочевых хара-тангутов служат черные палатки[4], такие же как и у тибетцев; разнятся они лишь формой внутреннего очага. Последний у описываемых кочевников имеет вид трехугольного, сверху открытого ящика, перегороженного поперек посредине. В одно из таких отделений насыпается бараний аргал, который затем понемногу перекладывается

---

[1] Впрочем, эти тангутские названия приурочиваются, сколько кажется, не только к описываемым, но и ко всем вообще тангутам, обозначая кочевой или оседлый образ их жизни.

[2] По нашему пути, на левом берегу Желтой реки, кочевали четыре хара-тангутских рода: чаври—в горах Балекун и частью в Южно-Кукунорских к северу от урочища Балекун-гоми; другой род (названия мы не могли узнать)—в небольшой долине р. Дзурге-гол; третий (название осталось также неизвестным)—на р. Бага-горги; четвертый лунь-чю—на р. Чурмын. На правом же берегу Хуан-хэ, в горах Джахар, кочевал род ваншу-тапшу.

[3] Собственно же тангутский район продвигается еще далее к югу—на Голубую реку (Кин-ча-цзянь) и до границ Сы-чуани. Вся эта местность известна тангутам под общим названием Амдо (133).

[4] Оседлые хара-тангуты живут в китайских фанзах.

в соседнее отделение, где горит огонь; зола выгребается снизу в особое отверстие. При этом нужно заметить, что хара-тангуты всегда топят аргалом, несмотря на обилие леса в их стране. Возле палаток иногда устраиваются из аргала или из сухого валежника загоны для баранов.

На стойбищах, вероятно для большей безопасности, хара-тангуты всегда располагаются по нескольку палаток вместе или в близком между собой соседстве. Палатки часто ставятся на косогорах—это, сколько кажется, нравится всем вообще тангутам. При каждой палатке всегда содержится несколько собак огромного роста, отчасти похожих на наших водолазов; эти очень злые собаки охраняют также и стада. Последние составляют единственное богатство хара-тангутов. Из домашнего скота они разводят всего больше яков и баранов (не курдючных); лошадей содержат немного; обыкновенных коров и верблюдов не имеют вовсе. Пастбища в земле описываемых тангутов отличные по горам, но при обилии скота они выедаются дочиста; тем более, что на степных плато, несмотря на богатство травы, часто вовсе нельзя жить по неимению воды, вероятно также и снега зимой. В эту пору года хара-тангуты переносят свои кочевья на дно глубоких ущелий, где, конечно, гораздо теплей.

Стада доставляют хара-тангутам их обыденную пищу: мясо, молоко и масло; к этому прибавляется еще джума[1], добываемая на месте, чай и дзамба, получаемые от китайцев. Последние два продукта, вместе с торговлей вообще, лучше всякой военной силы заставляют хара-тангутов ладить с китайцами и хотя номинально признавать над собой их главенство.

Подобно всем вообще тангутам, как равно монголам Куку-нора и Цайдама, хара-тангуты прячут свои запасы провизии, вероятно также деньги и другие мелкие вещи, в землю, закапывая подобный клад в самых укрытых незаметных местах, всего чаще на тропинках, где утоптанная вновь земля или положенный сверху камень не возбуждают особенного подозрения.

Нрав хара-тангутов вообще угрюмый и разбойничий. Мы никогда не видали у них улыбки или смеха; таковы же и дети, они не резвятся и не играют. Обращаясь друг к другу, всегда говорят «еро», что в переводе означает «товарищ». Мертвецов своих выбрасывают на поле на съедение птицам и зверям; умерших лам сжигают.

Жен описываемые кочевники имеют по одной, иногда монголок, захваченных во время набегов. Оседлые же хара-тангуты и, быть может, кочевые кукунорские, подобно тибетцам, держат одну жену на двух или трех мужей. Эта экономия установлена, как и здесь нам объясняли, в видах того, чтобы меньше платить податей, которыми обложены и женщины. Последние— хозяйки дома, но в то же время и «рабочий скот». Нам случалось неоднократно видеть, как эти женщины с ушатами на плечах отправлялись по утрам за водой в глубокие ущелья и тащили отсюда непосильные ноши далеко в крутую гору.

Язык хара-тангутов, как нам сообщали, значительно разнится от языка тибетцев, о чем уже упоминалось в двенадцатой главе. Религия — буддийская; какого толка—мы не узнали достоверно; виденные нами ламы носили одни красную, другие желтую одежду.

[1] Корешки Potentilla anserina [лапчатки гусиной], об этом растении будет рассказано в семнадцатой главе.

Несмотря на свой разбойничий нрав, хара-тангуты усердные богомольцы. Сплошь и кряду можно видеть здоровых мужчин с четками в руках, бормочущих походя молитвы. Ламы встречаются в каждой палатке; кумирни также нередки, даже в самых диких горах; в эти кумирни отдается часть награбленной добычи в отпущение грехов.

Их шаманы. Рядом с высоким почитанием религиозного культа у описываемых, как и у всех вообще, тангутов в сильной степени развиты суеверие и колдовство. Последним занимаются особые специалисты— шаманы, принадлежащие к сословию лам; по крайней мере они носят ламскую одежду. Эти шаманы, называемые теми же тангутами сакса, и монголами сангусва, отличаются от прочих тангутов необыкновенным головным убором, состоящим из огромной кучи волос, ссученных в виде тонких веревок и обвитых поверх головы наподобие чалмы. Волосы эти, частью собственные, в большинстве же приставные, взятые с утопленников, убитых лошадьми и вообще погибших неестественной смертью.

Подобно африканским колдунам, тангутские шаманы в числе прочих своих чудес могут производить дождь, отговаривать снег, град и другие неблагоприятные явления атмосферы. Нашему переводчику случилось однажды в оазисе Гуй-дуй видеть, как подобный шаман отговаривал град. Сначала колдун поставил перед собой с каким-то наговором деревянную чашку воды; затем распустил свои волосы и начал махать ими, продолжая наговаривать воду; далее брызгать водой во все стороны и на себя самого. Когда вся вода была израсходована, шаман повернул чашку вверх дном и стал представлять подобие стрельбы в направлении градовой тучи; причем всякий раз касался дна чашки указательным пальцем правой руки и громко произносил «бух», подражая звуку выстрела. Вся эта процедура занимала с $^1/_4$ часа времени, в течение которого град, обыкновенно падающий недолго, перестал. Все же присутствующие твердо были убеждены, что это случилось благодаря заклинаниям шамана.

Влияние этих пройдох на тангутов очень велико: шамана везде уважают, подают ему лучший кусок, боятся сказать лишнее слово. Нечего и говорить, что про чудеса их ходит множество рассказов. Так, нас уверяли, что однажды тангут украл у шамана корову, привел ее к себе домой и зарезал; затем мясо было положено в котел. Едва оно стало вариться, как вдруг превратилось в грибы, самую презрительную в глазах тангутов и монголов пищу. Однако, несмотря на такое превращение, вор со своим семейством съел приготовленное кушанье. Тогда тотчас заболели и умерли его жена, дети и, наконец, он сам; отрезанная же голова украденной коровы вернулась к своему хозяину [134].

Наш караван на вьючных мулах. По возвращении моем из Синина на бивуак близ пикета Шала-хото, два дня (15 и 16 марта) посвящены были переформировке нашего каравана. Все коллекции и кой-какие лишние вещи отправлялись теперь на десяти нанятых верблюдах под присмотром казака Гармаева в Ала-шань до нашего туда прибытия. С собой мы оставили лишь самое необходимое, да и то с запасом продовольствия набралось 14 вьюков, которые были возложены на вновь купленных мулов. С ними впервые пришлось нам теперь поближе познакомиться.

Мул, составляющий ублюдка от кобылы и осла, служит, как известно, вместо лошади, верховым, вьючным и упряжным животным во всем Китае. Здесь он действительно весьма полезное животное. Но при путешествии в местностях некультурных мул далеко не может заменить

верблюда, во-первых, потому, что слабосильнее его, а во-вторых, неспособен обойтись без хлебного (горох) корма, хорошей травы и воды. Кроме того, уход за мулами в караване требует гораздо больших хлопот, нежели за верблюдами: при малейшем недосмотре мулы сбивают себе вьюками спины, а ночью на бивуаке, когда верблюды лежат спокойно, мулы нередко дерутся между собой и часто, в особенности при непогоде, отрываются с привязей; необходим, следовательно, постоянный надзор, тогда как усталым в пути людям дорог ночной отдых.

Для вьючения на мула надевается деревянное седло; под него, во избежание надавливания спины, подшивается толстый войлок. Самый вьюк привязывается на особую, также деревянную, лесенку, которая потом накладывается на седло. К этому седлу лесенка должна быть пригнана плотно, а багаж расположен таким образом, чтобы каждая сторона имела одинаковый вес; иначе вьюк склонится на более тяжелую сторону и будет затруднять мула или совсем свалится на землю. Средний вес клади, которую может везти на себе хороший мул, составляет восемь пудов; при дальней же дороге должно класть не более шести пудов. Во время пути вьючные мулы не привязываются друг к другу, как верблюды, но идут свободно. Капризные животные часто забегают в стороны, а когда вьюк довольно тяжел, то ложатся на землю. Вообще, если при двадцати верблюдах достаточно трех или четырех погонщиков, то при стольких же мулах людей требуется вдвое более. Правда, по горам мул ходит гораздо лучше верблюда, но если вьюк громоздкий, то, не будучи плотно прикрепленным к седлу, он может ежеминутно свалиться вместе с лесенкой в пропасть. В пустынях же, в особенности по песку, мулы идут несравненно хуже верблюдов; скверно также ходить мулам и по степям, изрытым норами пищух, так как узкие копыта животного постоянно попадают в эти норы; наконец при переправах через реки, мулы гораздо хуже верблюдов переходят броды, в особенности по илистому дну. Словом, при путешествиях в Центральной Азии, из десяти раз на девять лучше формировать караван из верблюдов, нежели из мулов, даже в местностях гористых. С верблюдами переходили мы высокие горные перевалы в Тянь-шане, Нань-шане и Алтын-таге; с верблюдами прошли взад и вперед гигантское плоскогорье Северного Тибета; с верблюдами же проходили благополучно болота Цайдама и пески Ала-шаня. Вообще очень мало найдется в Центральной Азии местностей, где совершенно нельзя было бы пройти на «кораблях пустыни»; притом подобные места всегда можно обойти. К тому же верблюд животное спокойное, не требующее почти никакого за собой ухода. Он везет свободно вьюк в десять или двенадцать пудов, без долгой процедуры привязывания этого вьюка на лесенки и аптекарского уравновешивания обеих сторон. Опасно ходить с верблюдами лишь в тех горных странах, где слишком сыро или где изобильно растет ядовитый злак[1], который неразборчиво едят верблюды и потом издыхают. Эти-то две причины, помимо невозможности достать свежих верблюдов, понудили нас сформировать к верховьям Желтой реки караван на вьючных мулах. Но, будучи еще неопытными относительно мулов, мы сделали ту ошибку, что купили в числе их нескольких жеребцов, которые, по причинам неудобоописываемым, совершенно не годятся для похода. Кобылицы же мулов и их мерины гораздо спокойнее; только

---

[1] «Хоро-убусу», т. е. «ядовитая трава» у монголов. Быть может, Stipa inebrians, растущая и в Ала-шане.

своим отвратительным ржанием, которое, впрочем, всего чаще слышится от жеребцов, они немало досаждают нервам путешественника.

Переход в урочище Балекун-гоми. Оставшиеся от тибетского путешествия верблюды наши, числом девять, после двухнедельного отдыха возле пикета Шала-хото сделались еще хуже; вскоре двое из них издохли; остальные отданы были впоследствии на пастьбу в урочище Балекун-гоми. С великой радостью направлялись мы теперь сюда, заранее предвкушая всю прелесть весеннего пребывания в лесных, обильных водой, горах на верховьях Желтой реки. Юрта была уничтожена и заменена палаткой; излишнее теплое одеяние отправлено в Ала-шань; словом перед выступлением в путь мы перешли совсем на летнее положение.

От места нашего долгого бивуака до желанной Хуан-хэ расстояние оказалось только в 57 верст. Сначала мы поднялись на юго-восточную окраину Кукунорского плато, а затем перевалили два хребта: Южно-Кукунорский и Балекун. Последний невелик по длине и тянется сначала параллельно Южно-Кукунорским горам, а затем, соединившись с ними, упирается в левый берег Желтой реки. Оба хребта уступают по своей величине средней или западной части тех же Южно-Кукунорских гор и несут одинаковый мягкий характер; скал здесь мало, а лесов нет вовсе, только кой-где кустарники; северные скаты—луговые. Южный склон Балекуна в нижней своей половине состоит из наносов и голой лёссовой глины, сильно изборожденной рытвинами и ямами. Недалеко к северу от западной окраины того же хребта, лежит, как нам сообщали, довольно порядочное (более десяти верст в окружности) соленое озеро, из которого добывается соль в города Донкыр и Синин. Мимо этого озера идет, как говорят, колесная дорога из тех же городов в урочище Балекун-гоми.

С южного склона гор Балекун мы увидели Желтую реку, широкой лентой извивавшуюся в темной кайме кустарных зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположном берегу; там же мрачной трещиной извивалось ущелье р. Ша-кугу. Сама Хуан-хэ, сопровождаемая с востока высокой стеной обрывов, а с запада—горами желтого сыпучего песка, открывала далеко на юг свою глубокую котловину, врезанную в обширное степное плато, терявшееся в мутной атмосфере далекого горизонта.

Урочище Балекун-гоми составляет, как было выше упомянуто, крайний оседлый пункт на верхней Хуан-хэ. Здесь от крутого ее поворота на восток до оазиса Гуй-дуй лежат три Гоми, различающиеся в своих названиях прилагательными именами: Балекун-гоми—самое верхнее; Ха-гоми—среднее, расположенное на р. Тагалын, недалеко от ее впадения в Желтую реку; наконец Доро-гоми—лежащее верстах в пяти еще ниже. Во всех трех Гоми живут оседло в китайских фанзах хара-тангуты, подчиненные Синину. Их общее число простирается до 140 семейств, из которых половина, вместе с небольшим числом китайцев и монголов, находится в Балекун-гоми. Здесь на полях, орошаемых водой, отводимой арыками из р. Чапча-гол, возделываются пшеница и овес; других хлебов не сеют; абрикосовых и вообще плодовых деревьев нет. Описываемое поселение во время дунганского восстания было разорено, но теперь опять возобновилось. Прежде здесь находились китайские пикеты для наблюдения за кочевыми хара-тангутами; теперь эти пикеты заброшены.

Отрадная здесь стоянка. Придя в Балекун-гоми мы разбили свой бивуак в кустарных зарослях долины Хуан-хэ. Спусти-

лись мы теперь на 8 600 футов абсолютной высоты—так низко не были еще ни разу от самого Нань-шаня, т. е. в течение восьми месяцев. Притом, за исключением лишь беспокойной остановки возле пикета Шалахото, с самого начала декабря мы не останавливались нигде долее трех суток; следовательно, не только можно, но даже должно было воспользоваться хотя непродолжительным отдыхом в удобном для того месте. Последнее как раз теперь имелось налицо. Не говоря уже про широкую хольную реку [чистая река], каковой мы не видали от самой Урунгу, лесные и кустарные заросли по долине Хуан-хэ казались теперь особенно привлекательными после однообразия пустынь Тибета, Цайдама и Куку-нора. Тамошние холода заменились теплой, по временам даже жаркой, весенней погодой. Наконец возле нас теперь не было ни нахально-назойливых китайцев, ни докучливых монголов; местные же тангуты лишь изредка посещали наш бивуак. Словом, стоянка выпала великолепная во всех отношениях, и мы пробыли на ней десять суток. Впрочем, время это не было посвящено исключительно отдохновению. Каждое утро мы отправлялись на охотничьи экскурсии и иногда ловили рыбу в рукавах Желтой реки; другие работы экспедиции шли также своим чередом. Переводчик и двое казаков вновь были посланы в Донкыр купить еще вьючного мула и трех верховых лошадей; кроме того, привезти вдобавок к имевшемуся продовольствию муки, дзамбы и гороху для мулов, чего, вопреки ожидания, не нашлось в Балекун-гоми.

Бедность флоры и фауны. Надежды наши на богатую здесь флору и фауну далеко не оправдались. Долина верхней Хуан-хэ в описываемом месте, как уже говорилось выше, имеет от 2 до 3 верст ширины; она прорезывается главной рекой и ее рукавами, весной большей частью безводными. Окрестные обрывы и горы совершенно бесплодны. Вся растительная и животная жизнь скучивается к реке; но и здесь является далеко не в обилии. Пять-шесть видов кустарников, перечисленных в начале настоящей главы, образуют местами довольно густые заросли, между которыми, поближе к реке, поднимаются островками небольшие рощи тополей (Populus Przewalskii). В этих рощах и кустарниках, как вообще на лёссовой почве Центральной Азии, нет ни лугов, ни зеленого дерна—одна голая глина или занесенный пылью валежник. Только возле редких ключей попадаются небольшие зеленеющие площадки; местами, там, где просачивается подпочвенная вода, образуются небольшие болота, на которых растут кое-какие болотные травы, мелкий тростник и касатик, а по окраинам—редкий дырисун. Даже и травянистая флора описываемой части долины верхней Хуан-хэ очень и очень бедная, как то оказалось впоследствии, в конце мая, следовательно в лучший период растительной жизни.

Бедна также здесь и фауна. Крупных зверей нет вовсе; из других водятся лишь волки (Canis lupus), лисицы (Canis vulpes) и зайцы (Lepus sp.) да мелкие грызуны. Из оседлых птиц всего более хый-ла-по (Pterorhinus davidi) и голубых сорок (Pica cyanea); обыкновенны также по кустарникам синицы трех видов—Parus flavipectus, Poecile affinis, Orites calvus [белая лазоревка, буроголовая гаичка, долгохвостая синица], дятлы (Picus mandarinus) и полевые воробьи (Passer montanus); изредка попадаются фазаны (Phasianus strauchi). Пролетных видов в последней трети марта мы застали также немного; только журавли (Grus cinerea, чаще G. virgo) стая за стаей высоко неслись к северу; за ними спешили даурские галки (Monedula daurica), коршуны (Milvus melanotis) и водяные

щеврицы (Anthus aquaticus). Кроме этих видов и бакланов (Phalacrocorax carbo) по реке пролетных пернатых встречалось очень мало; даже утки (Anas boschas, A. querquedula, A. crecca), турпаны (Casarca rutila) и серые гуси (Anser cinereus) попадались лишь изредка, да и то большей частью оставшиеся для вывода молодых; еще реже были черношейные журавли (Grus nigricollis), гнездящиеся здесь на самых миниатюрных болотах. Вообще пролетные птицы, по крайней мере водяные и голенастые, за исключением немногих видов, вероятно, лишь в малом числе появляются на верхней Хуан-хэ, подобно тому как и на Куку-норе.

Ихтиологическая фауна описываемой части Желтой реки довольно разнообразна. Всего, как теперь, так и впоследствии, нами поймано в верхней Хуан-хэ и ее притоках 13 или 14 видов рыб[1], принадлежащих к пяти родам: Schizopygopsis, Nemachilus, Diplophysa, Squalius и Diptychus. Из общего числа добытых видов только три были прежде известны и описаны, а именно: Schizopygopsis przewalskii, Nemachilus stoliczkai и Squalius chuanchicus. Последний является единственным представителем рыб, свойственных как верхнему, так и среднему (в Ордосе[2]) течению той же Желтой реки.

Состояние погоды. Несмотря на раннюю еще пору года, именно на последнюю треть марта, погода в описываемой части Хуан-хэ, вследствие значительного понижения местности и голых глинистых или песчаных окрестностей, сильно нагреваемых в ясные дни, стояла теплая, по временам даже жаркая. Термометр в 1 час пополудни поднимался до +25,3°; Желтая река уже давно очистилась от льда, и температура ее воды доходила до +8°, в мелких же заливах и рукавах до +14°; 23 марта шел первый дождь; 24-го гремел первый гром; 25-го найден цветок одуванчика; тремя днями ранее того прилетели ласточки (Cotyle rupestris). К концу описываемого месяца листья на кустарниках—облепихе, барбарисе и лозе—начали распускаться; на мокрых лужайках трава к этому времени уже порядочно зеленела. Но рядом с такими проявлениями дружной весны нередко перепадали холода и шел снег, в особенности на горах, а утренние морозы доходили до—7,8°. Сухость воздуха вообще была очень велика, даже на самом берегу Желтой реки. Притом, как днем, так и ночью, часто случались бури, обыкновенно являвшиеся вдруг, порывами, и иногда быстро изменявшие свое направление с восточного на западное. Бури эти всегда приносили тучи пыли, которая густо наполняла атмосферу, так что всходившее или заходившее солнце то вовсе не было видно, то являлось бледным диском, как луна; небо же казалось серым, сумрачным. Тяжело дышалось подобным воздухом; грустно становилось на сердце при виде такого безобразия природы; тем более, что кипучей весенней жизни нигде заметно не было; даже пения птиц почти не слышалось. Только в кустарных зарослях голубые сороки своим трещаньем, а хыйла-по громким свистом немного оживляли тишину раннего утра; да кое-где, на ключевых болотах, изредка кричали гнездящиеся черношейные журавли, гоготали серые гуси и заунывно голосили турпаны.

[1] Кроме того, три вида—Squaliobarbus curriculus, Nemachilus robustus, Schizopygopsis pilzowi—добыты были нами в 1872 и 1873 годах в притоках той же верхней Хуан-хэ в восточном Нань-шане (в горах Гань-су). См. «Монголия и страна тангутов», т. II. Ихтиологический отдел обработан проф. Кесслером.

[2] Там нами добыто летом 1871 года всего 5 видов рыб: сом (Silurus asotus), карп (Cyprinus carpio), карась (Carassius langsdorfii), голавль (Squalius chuanchicus) и Megagobio nasutus. «Монголия и страна тангутов», т. II. Ихтиологический отдел обработан проф. Кесслером.

Следование вверх по Желтой реке. Все время, проведенное возле Балекун-гоми, мы неусыпно хлопотали, чтобы достать проводника на дальнейший путь. Многие из местных тангутов, несомненно, бывали на верховьях Хуан-хэ, но ни один из них не заикнулся об этом и полусловом. Их, видимо, страшила загадочная цель нашего путешествия, да кроме того, почти одновременно с нами приехал в то же Балекун-гоми доверенный сининского амбаня, под предлогом заготовить для нас проводника, но, в сущности, для того, чтобы запретить туземцам наниматься в вожаки или сообщать нам какие-либо сведения. Пришлось хорошенько припугнуть местного старшину, и тогда только явился проводник, почти слепой. Вожак этот, по имени Лаоцан, полутангут, полумонгол, знал местность верст на сто вверх по Хуан-хэ—не далее. Но мы теперь рады были и такому спутнику, рассчитывая впоследствии разъездами отыскивать себе дальнейший путь. Новому вожаку назначено было по 10 лан в месяц за его труды, но вместе с тем объявлено, что за каждый умышленный обман он будет неминуемо наказан.

30 марта мы двинулись вверх по Хуан-хэ. В тот же день вечером на вершинах береговых обрывов зажжены были костры—несомненно условный знак туземцев. Действительно, последние куда-то исчезли с долины Желтой реки, где мы находили лишь свежие, только что покинутые стойбища. Вероятно, здешние хара-тангуты, опасаясь нас, или переправились на противоположную сторону Хуан-хэ, или ушли в пески левого берега той же реки. Эти обширные пески придвигаются сюда с соседнего плато в недалеком расстоянии к югу от Балекун-гоми и тянутся верст на 40 вверх по Хуан-хэ; затем, после небольшого перерыва, появляются снова, но уже на площади менее обширной. Как обыкновенно, описываемые пески представляют собой лабиринт холмов, гряд и впадин, образовавшихся действием ветров. Поближе к Хуан-хэ в описываемых песках растут: чагеран (Hedysarum sp.), [хвойник]—Ephedra, кустарный чернобыльник (Artemisia campestris), карагана (Caragana tragacanthoides), [остролодка]—Oxytropis aciphylla и какой-то злак кустиком; местами попадаются сульхир (Agriophyllum gobicum?) и солодка (Glycyrrhiza glandulifera). Вверху на плато, в тех же песках изредка встречаются невысокие тополевые деревья, стволы которых иногда почти совсем занесены песком. Из крутых, местами чуть не отвесных к стороне Желтой реки, песчаных наносов нередко бьют быстрые шумящие ключи, возле которых являются густые заросли облепихи, лозы и высокие тополи; изредка растет здесь также тростник.

Первоначально путь наш от Балекун-гоми лежал почти возле самого берега Хуан-хэ. Здесь вскоре встретились прекрасные тополевые рощи, в которых изобильны были фазаны и мелкие пташки, все, впрочем, те же самые, что и возле Гоми. На ключевых, поросших тростником болотах гнездились черношейные журавли и серые гуси; у последних, несмотря на конец только марта, яйца оказались уже порядочно насиженными.

Всего лишь 30 верст могли мы пользоваться хорошей, удобной дорогой, т. е. итти по береговой долине Хуан-хэ. Затем долина это сузилась не более как на версту, а Желтая река стала подходить то под одну, то под другую сторону отвесных обрывов и песков, сопровождающих ее течение. Пришлось тащиться по этим пескам, где ноги вьючных мулов глубоко вязли в сыпучей почве. Наконец еще через 20 верст и такая благодать кончилась; отвесные обрывы берега Хуан-хэ, а выше их горы сыпучего песка совсем преградили нам путь. Нужно было остановиться и разыскивать, где воз-

можно подняться по тем же пескам на самое плато. Это следовало бы сделать несколько раньше, но проводник наш не сообразил или, вернее, не знал встреченного теперь препятствия. Выходило, что мы опять имели плохого вожака и шли вперед ощупью, словно в жмурки играли. С большим и большим трудом разыскали мы подъем на плато и взобрались туда с вьючными мулами; тогда путь сделался лучше, ибо по окраине этого плато песок большей частью сдут и обнажена узкая полоса твердой наносной почвы.

Безводное плато. Обширное плато, которое теперь явилось перед нами, раскидывается, как было говорено выше, между хребтом Сянь-си-бей с его северо-западным продолжением и отрогом Южно-Кукунорских гор, облегающих с юга Дабасун-гоби. По мере удаления к западу описываемое плато суживается, но, вероятно, тянется далеко, быть может, до восточной горной окраины Цайдама. Абсолюная высота в части, ближайшей к Хуан-хэ, превосходит 10 000 футов. Местами залегают сыпучие пески; но в общем описываемое плато представляет волнистую степную равнину, покрытую, по крайней мере там, где мы проходили, прекрасной кормовой травой, среди которой в изобилии попадается ковыль (Stipa orientalis). Однако тангуты здесь кочевать не могут по причине безводия и вероятного отсутствия снега зимой. Из зверей мы видели хара-сульт и хуланов; кроме того, обильны пищухи (Lagomys ladacensis?). Из оседлых птиц обитают здесь тибетские и кукунорские виды, как-то: Podoces humilis, Pyrgilauda ruficcolis, Onychospiza taczanowskii [саксаульная сойка, рыжешейный и горный вьюрки].

Климат, как и следует ожидать, гораздо суровей, чем в соседней долине Желтой реки. В начале апреля зелени на плато еще вовсе не было; во время нашей здесь ночевки с 3-го на 4 апреля термометр на восходе солнца показал 17,8° мороза.

С подъемом на вышеописанное плато нам предстоял большой безводный переход; но воды с собой взять мы не могли, так как и без того вьючные мулы едва взобрались вверх по сыпучему песку. Между тем, выйдя на торный путь вдоль гребня крутого к Хуан-хэ ската, мы соблазнительно замечали внизу там и сям зеленеющие кучки тополей, обозначавшие присутствие ключевой воды. Добыть ее необходимо было во что бы то ни стало; поэтому, встретив ключ поближе других, мы решили действовать. Развьючив мулов и оставив при багаже двух казаков, мы спустились с мулами и лошадьми вниз на замеченный ключ, версты за три, если считать зигзаги, которые пришлось делать по крутому скату. Вода оказалась прелестной, место тенистым, прохладным. Мы напоили своих животных, напились сами чаю, позавтракали, а затем, завьючив немного воды, опять поднялись к своему багажу и успели пройти в тот же день еще верст десять, несмотря на поднявшуюся после полудня бурю от северо-запада. Только одна из наших зайсанских собак куда-то отлучилась и, к общему сожалению, пропала.

Переночевав в безводном, но обильном хорошим подножным кормом месте, на следующий день с восходом солнца мы двинулись далее. Пошли, как и вчера, напрямик, поперек частых длинных увалов, которыми испещрена здесь степь и которые имеют преобладающее направление от северо-запада к юго-востоку. Увалы эти, по всему вероятию, образовались из надутого бурями песка, который впоследствии под влиянием летних дождей порос травой и таким образом закрепился. В этих однообразных по форме и величине увалах нетрудно заблудиться, что и действительно

теперь случилось с нами. Впрочем, мы вскоре опять взяли истинное направление, благодаря ориентировке на высокую гору Амнэ-ваиен, которая, однако, словно маяк, возвышается в юго-восточной части плато по окраине сыпучих песков. Гора эта почитается у тангутов священной. По преданию, на нее сошел с неба и несколько времени жил какой-то святой. С тех пор от описываемой горы невозможно безнаказанно ничего взять, даже маленького камушка. Тангуты ездят сюда только молиться. Сама гора скалистая, покрытая на южном склоне небольшим хвойным лесом.

На небольшой речке Дзурге-гол, возле которой мы разбили свой бивуак, миновав благополучно безводное плато, впервые от Балекун-гоми встретились нам хара-тангуты, кочевавшие здесь в числе около 60 палаток. Эти тангуты, несомненно, заранее были предуведомлены насчет нас, но ни один из них не явился к нам на бивуак.

Хребет Сянь-си-бей. Следующий небольшой переход привел нас в горы Сянь-си-бей, или по-тангутски Кучу-дзорген. Этот хребет, нигде не достигающий снеговой линии, там, где мы его видели, в общем имеет довольно мягкие формы и луговые скаты, покрытые отличной травой. Лесов здесь нет вовсе; в ущельях же северного склона растут кустарники Caragana jubata, Salix, Spiraea, Hippophaë rhamnoides [т. е. карагана—верблюжий хвост, ива, таволга, облепиха], свойственные горам Южно-Кукунорским и альпийской области восточного Нань-шаня; к этим кустарникам здесь прибавляется лишь жимолость (Lonicera rupicola, var.). Летом травянистая, в особенности альпийская, флора, по всему вероятию, довольно богата.

Пройденный нами весьма удобный перевал через Сянь-си-бей лежал на 12 600 футов абсолютной высоты; ближайшие вершины поднимаются над ним приблизительно еще тысячи на $1^1/_2$ футов. Скал довольно, в особенности в верхнем поясе; нередки здесь также россыпи. Те и другие, по нашему пути, состояли из тонкослоистого серого известняка.

Фауна описываемых гор, как, вероятно, и всех других на верхней Хуан-хэ, весьма сходствует с фауной восточного Нань-шаня. Из зверей в хребте Сянь-си-бей водятся: медведи и кабарга; затем волки, лисицы и зайцы; многочисленны также пищухи (Lagomys ladacensis?) и слепыши (Siphneus sp. ([135])). Из птиц в верхнем поясе тех же гор оседло живут: ягнятники, грифы, улары (Megaloperdix thibetanus), сифаньские куропатки (Perdix sifanica), тибетские жаворонки (Melanocorypha maxima); в устьях долин—земляные вьюрки (Onychospiza taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis) и [саксаульная сойка]—Podoces humilis. По кустарникам летом гнездятся; снигиревидная стренатка (Urocynchramus pylzowi), красногорлый соловей (Calliope tschebaiewi), завирушка (Accentor rubeculoides); изредка вертишейка (Iunx torquilea) и кукушка (Cuculus canorus); на альпийских же лугах—горная щеврица (Anthus rosaceus).

На востоке хребет Сянь-си-бей прорывается Желтой рекой и продолжается по восточную ее сторону под именем Джупар. Эти последние горы, сколько было видно издали, выше и притом довольно обильны хвойным лесом. На западе тот же Сянь-си-бей тянется, вероятно, до крайнего к Цайдаму хребта, приходящего, быть может, от снеговой группы Угуту́. Вообще положение горных хребтов верхней Хуан-хэ, за исключением нами виденных, нанесено на карту гадательно. Расспросами проводника, а впоследствии местных тангутов, мы решительно ничего узнать не могли. И сколько портилось всегда крови при подобных расспросах!

С каким лихорадочным любопытством внимаешь бывало рассказу туземца и какие нелепости или ложь слышишь постоянно!

С ближайшей к перевалу через Сянь-си-бей горной вершины, куда я взобрался, охотясь на уларов, открывалась обширная панорама впереди нас лежавшей местности. Справа, на западе, виднелась вечноснеговая группа Угуту́; слева, к востоку, убегала опять степная равнина, по которой черной змеей вился глубокий коридор Желтой реки и менее рельефно извивались подобные же траншеи ее боковых притоков; далее к югу вновь поднимались высокие горы, нагроможденные и перепутанные в диком хаосе. Можно было только заметить, что главные хребты стояли перпендикулярно Хуан-хэ; второстепенные боковые ветви исчезали в общей панораме. Там и сям виднелись, по горным скатам, темные площади кустарников и белели пятна еще не растаявших ледяных накипей возле ключей; на более высоких вершинах кое-где лежал зимний снег, но вечноснеговых гор, за исключением Угуту́, заметно не было.

Река Бага-горги. Переход в 27 верст привел нас от гор Сянь-си-бей на р. Бага-горги, или по-тангутски Шань-чю—первый от Балекун-гоми значительный левый приток верхней Хуан-хэ. Описываемая река вытекает, вероятно, из снеговых гор Угуту́ и имеет в малую воду, каковая была теперь, сажен пять ширины, при глубине от 1 до 3 футов; летом же принимает бо̀льшие размеры, так что переправа, в особенности после дождя, иногда невозможна. Подобно верхней Хуан-хэ и всем ее притокам, Бага-горги вырыла себе глубокое ущелье, дно которого в нижнем течении реки не более версты шириной, но лежит на тысячу слишком футов ниже поверхности соседнего плато. Верхние отвесные бока этого ущелья изрезаны глубокими поперечными балками и сильно разрушаются под влиянием морозов, бурь и атмосферных осадков. Там же, где боковые скаты, заполняемые верхними осыпями, становятся только более или менее крутыми, равно как иногда по дну боковых балок, густо растут, преимущественно на северных сторонах, кустарники: сибирская акация [карагана сильная]—(Caragana frutescens), шиповник (Rosa sp.), кизилник (Cotoneaster sp.), барбарис (Berberis vulgaris, B. chinensis), таволга (Spiraea sp.), [сибирка алтайская]—Sibiraea laevigata, жимолость (Lonicera n. sp., L. hispida), сугак (Lycium chinense); реже обыкновенная рябина (Sorbus aucuparia, var.) и смородина (Ribes Meyeri, R. pulchellum); на оголенных склонах тех же боковых скатов местами встречается дырисун (Lasiagrostis splendens). Берега самой Бага-горги свободные от валунов, поросли высокой лозой (Salix sp.), облепихой (Hippophaë rhamnoides) и, в меньшем количестве, тополями (Populus Przewalskii, n. sp.). Облепиха иногда достигает здесь 40 футов высоты и до 1 фута в диаметре ствола; тополи же встречаются до 70 футов высотой при 2 футах толщины. В ущельях правых притоков той же Бага-горги появляется тяньшанская ель (Abies Schrenkiana), которая вверх от 11 000 футов мешается с можжевеловым деревом (Juniperus pseudo Sabina) и становится преобладающим видом. Впрочем, как ель, так и можжевельник растут лишь на боковых, нередко чрезвычайно крутых, скатах ущелий: ель на северных склонах, можжевеловое дерево на склонах южных.

В этих кустарных и лесных зарослях, настолько запрятанных в ущельях, что сверху их видно не иначе, как подойдя к самому обрыву плато, водятся: ушастые фазаны (Crossoptilon auritum), изредка фазаны обыкновенные (Phasianus strauchi), сифаньские куропатки (Perdix sifanica), дятлы (Picus mandarinus), голубые сороки (Pica cyanea), коршуны (Milvus melanotis),

дрозды (Merula kessleri), вертишейки (Iunx torquila), горихвостки (Ruticilla hodgsoni, R. nigrogularis), синицы (Parus minor, Poecille affinis), стренатки (Emberiza cia), пеночки (Reguloides superciliosus, Abrornis affinis), завирушки (Accentor multistriatus), [вьюрок Давида]—Carpodacus davidianus, [чечевица]—Carpodacus dubius, [пищуха] —Certhia familiaris и прелестный, вновь здесь открытый [славковидный королек]—Leptopoecile elegans; по оголенным обрывам держатся кеклики (Caccabis magna) и гнездятся грифы, в особенности Gyps himalayensis. Рядом с этими последними в тех же обрывах живут куку-яманы, а в лесах и кустарниках из зверей водятся: маралы, кабарга, медведи и изредка кабаны[1].

Все эти звери отлично защищены неприступной местностью, а потому и не тревожатся близким соседством хара-тангутов, кочующих притом в описываемых ущельях преимущественно зимой. Впрочем, теперь, в первой половине апреля, на Бага-горги местных дикарей еще было достаточно. Наше появление поразило их удивлением и страхом, несмотря на то, что, вероятно, все хара-тангуты были извещены своими собратьями из Балекунгоми о движении нашем вверх по Хуан-хэ. Здесь даже знали, как оказалось впоследствии, о побитии нами ёграев на Тан-ла—опять доказательство, как далеко и быстро разносятся вести в пустынях Центральной Азии.

У г р о з ы х а р а - т а н г у т о в. Однако вновь встреченные хара-тангуты решились попугать нас, вероятно, в надежде преградить нам дальнейший путь и поскорей выпроводить от себя непрошеных гостей, каковыми, кстати вспомнить, мы появлялись почти везде во время своего путешествия. На другой день прибытия на Бага-горги к нашему стойбищу подъехал верховой туземец, что-то прокричал нашему вожаку и быстро ускакал. Пока переводилось сказанное с тангутского языка на монгольский, а затем на русский, незнакомец уже скрылся. Оказалось, что это был посланец от хара-тангутов, объявивший нам, что вскоре все мы будем убиты. Сильно сожалели мы, что сразу не могли узнать в чем дело, а то непременно несколько пуль полетели бы в догонку подобного вестовщика. Тем не менее, пришлось быть настороже и перейти на военное положение, особенно ввиду того, что небольшое тангутское стойбище, находившееся вблизи нас, ночью куда-то исчезло. Опять устроен был строгий ночной караул, в который посменно становились солдаты и казаки, а все остальные люди спали с оружием; днем мулов и лошадей мы пасли не далее винтовочного выстрела от своего бивуака; на охоту ходили с револьверами у пояса; половина наличного числа людей всегда должна была находиться дома, т. е. на стойбище. Наконец бдительный надзор держался и за нашим проводником, который, впрочем, страшно струсил, ввиду сделанных тангутами угроз и наших приготовлений. Однако вся эта гроза разрешилась ничем; тангуты на нас не нападали, а мы продолжали попрежнему заниматься своим делом. Впоследствии наши отношения к местному населению сделались более мягкими, и хотя мы не вступали с туземцами в особую дружбу, но и не враждовали открыто. Тем не менее, во все время пребывания среди хара-тангутов верхней Хуан-хэ мы держали себя весьма осторожно, твердо памятуя, что подобная осторожность служила лучшим залогом нашей безопасности.

М а л о з а м е т н ы й п р и л е т п т и ц. В глубоком ущелье Бага-горги теперь опять стало тепло, иногда даже жарко, как и возле

[1] Ни одного из этих зверей добыть нам не удалось, ни теперь, ни впоследствии; в других ущельях и горах верхней Хуан-хэ пора для звериной охоты была плохая, да и заняты мы были, по части коллекций, специально птицами и растениями.

Балекун-гоми; многие гнездящиеся птицы уже заняли свои места. Из пролетных более других заметны были: горихвостки (Ruticilla hodgsoni. R. nigrogularis) и [вьюрок Давида]—Carpodacus davidianus, а во второй половине апреля—горные щеврицы (Anthus roseceus) и [горный вьюрок]—Fringillauda nemoricola. Но вообще пролет птиц на верхней Хуан-хэ в течение всего апреля, как и ранее того, в последней трети марта, был весьма бедный, притом малозаметный. Причины этому, вероятно, заключаются в том, что из видов, гнездящихся на севере в нашей Сибири, лишь немногие направляются туда прямым меридиональным путем через Тибетское нагорье и Куку-нор. Те же птицы, которые гнездятся как в горах верхней Хуан-хэ, так и в восточном Нань-шане, где встречают северную границу своего распространения, вероятно, частью зимуют в глубоких ущельях верховий Желтой реки или в ближайших к югу местностях. Мы сами нашли в Южно-Кукунорских горах зимующими, правда не в обилии: Urocynchramus pylzowi и Accentor rubeculoides [овсянка Пыльцова, завирушка], а в горах возле пикета Шала-хото—Merula kessleri, Carpodacus davidianus и Carpodacus rubicilloides [дрозд Кесслера, вьюрок Давида, большая чечевица]. Весной эти близко зимующие виды или прямо приступают к гнездению на местах своей зимовки, или, подвигаясь лишь недалеко к северу, являются сюда почти незаметно.

Ушастый фазан. В продолжение восьми суток, проведенных на Бага-горги, мы усердно охотились за птицами для своей коллекции, но всего более преследовали ушастых фазанов. Эта великолепная птица, известная тангутам под названием шярама и впервые описанная знаменитым Палласом под названием Crossoptilon auritum, ростом бывает в обыкновенного петуха, но кажется более крупной вследствие своего длинного, широкого хвоста и рыхлого оперения. Последнее все однообразного голубовато-серого цвета; бока головы покрыты яркокрасной бородавчатой голой кожей; клюв желтовато-роговой. Подбородок и верхняя часть горла белые; таковой же окраски длинные ушные перья, по своей форме и положению отчасти напоминающие рога. Хвост на вершине синевато-стального цвета, частью с зеленоватым отливом; боковые перья того же хвоста, в числе от 4 до 7 с каждой стороны, имеют у основания широкую белую полосу; четыре средних хвостовых пера приподняты выше прочих, удлинены, рассучены и изогнуты на своих вершинах. В общем хвост, достигающий в длине от 20 до 22 дюймов и чрезвычайно красящий птицу, представляет крышеобразную форму. Ноги красного цвета, сильные, у самцов со шпорами.

Помимо вышеописанного ушастого фазана, этот род, отличающийся от прочих фазанов сильно удлиненными ушными перьями и особой формой хвоста, представляет еще три известных до сих пор вида, а именно Crossoptilon mantchuricum—в горах к западу от Пекина; Crossoptilon thibetanum—в Восточном Тибете; Crossoptilon drouynii—в горах западной Сы-чуани. Впрочем, последние два вида, быть может, тождественны между собой ([136]).

В районе моих путешествий в Центральной Азии ушастый фазан Crossoptilon auritum найден был в хребте Алашанском, в восточном Нань-шане и в горах бассейна верхней Хуан-хэ[1]. Местопребыванием описываемой птицы, которая поднимается до 11 000 футов абсолютной высоты,

[1] Миссионер Давид нашел этот вид также в горах западной Сы-чуани. Мы слышали от тибетцев, что шярама, т. е. Crossoptilon auritum, водится в горах по дороге от д. Напчу в Лхасу ([137]).

служат леса лиственные и хвойные—безразлично, главным образом густые кустарные заросли в тех же лесах. В особенности привольно ушастым фазанам в глубоких речных ущельях бассейна верхней Хуан-хэ, где недоступная местность представляет надежное убежище, да притом здешние тангуты вовсе не преследуют эту птицу; кроме того здесь круглый год изобилен корм и много воды; зимой же не бывает снега и продолжительных сильных холодов.

Пища ушастого фазана исключительно растительная; корни трав, почки деревьев, цветы барбариса, всякие ягоды, а зимой главным образом джумà, т. е. корешки Potentilla anserina [лапчатки гусиной], которые описываемая птица выкапывает своими сильными ногами. Вода, сколько кажется, составляет необходимость для шярама, хотя в горах Алашанских мы находили эту птицу в совершеннно безводных ущельях. Держится ушастый фазан обыкновенно на земле и ходит здесь мерной поступью с хвостом, поднятым кверху, как у нашего петуха; на деревья взлетает для ночевки или для покормки. Бегает чрезвычайно быстро и при опасности больше надеется на свои ноги, нежели на крылья. Летает вообще плохо, поднимается тихо, без шуму и на лету весьма напоминает нашего глухаря.

Зимой ушастые фазаны встречаются всего чаще небольшими стайками, вероятно выводками; к весне же разбиваются на пары, из которых каждая занимает определенную область. В это время изредка слышится ранним утром или днем в дождливую погоду крик самца, громкий, но какой-то дребезжащий. Этот крик приблизительно можно передать слогами: **ка́, кà, тэ́-гэ-ды, тэ́-гэ-ды...**—повторяемые три или четыре раза за один прием. Голос же самки тихий и глухой, составляет что-то среднее между кохтаньем полевой тетерки и буканьем удода. В период спариванья самцы иногда заводят между собой драки, но обыкновенно незадорные и непродолжительные. Гнездо устраивается на земле, и в нем бывает от 5 до 7 яиц величиной с куриные, серовато-оливкового цвета. При выводке, обыкновенно позднем, держатся оба старика; но при опасности они не выказывают горячей привязанности к своим детям.

Охота за ним. Охота за ушастыми фазанами весьма затруднительна по самому характеру местности, в которой они держатся, тем более, что здесь не может помочь собака и весьма мало помогает товарищ охотника. Следует просто бродить по лесу, высматривая птицу. Заметить ее в густых зарослях весьма трудно и еще труднее подкрасться в меру выстрела. Притом ушастый фазан, благодаря своему густому рыхлому оперенью[1], весьма вынослив на рану и часто пропадает для охотника, не только будучи подстреленным в крыло, но даже смертельно раненным. Наконец во время самой охоты приходится постоянно лазить то по густым зарослям иногда колючих кустарников, то взбираться на отвесные скалы или на крутые горные скаты, и зачастую не окупать этих трудностей даже единым выстрелом по желанной птице. Впрочем, на верхней Хуан-хэ, где ушастых фазанов вообще много, охота за ними была гораздо добычливее и сравнительно легче, нежели в восточном Нань-шане весной 1873 года[2].

[1] Перья ушастого фазана так рыхлы и мягки, что ими пользуются для подстилки своих гнезд почти все местные птицы.

[2] Об ушастом фазане см. «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 353—355 [в новом издании 1946 г. стр. 284—286], и т. II, стр. 121—122. Тогдашние наблюдения теперь пополнены и частью исправлены.

Всего заманчивей и успешней были теперь для нас охоты ранней зарей, подкарауливая ушастых фазанов на лесных лужайках. В особенности сильно запечатлелась в моей памяти одна из подобных охот на той же Бага-горги. Мы отправились перед вечером вчетвером (я, Роборовский, Телешов и Коломейцев) верхами версты за четыре от своего стойбища, взяли с собой войлоки и одеяла для ночевки, чайник для варки чая и кусок баранины на жаркое, словом, снарядились с известным комфортом. Перед закатом солнца добрались до места охоты и, оставив лошадей с казаком Телешовым на полянке, недалеко от ручья, пошли в ближайшие кустарники караулить ушастых фазанов на их ночевках. Выбрали для этого большие врассыпную стоящие ели, под которыми имелись несомненные признаки частого здесь пребывания описываемых птиц. Уселись и ждем. Солнце опустилось за горы, и мало-помалу птицы начали думать о ночлеге. Стая голубых сорок прилетела к ключику близ наших елей, покопошилась несколько минут на земле и с своим обычным трещаньем отправилась в густой кустарник. Большие дрозды (Merula kessleri) один за другим начали прилетать с разных сторон на те же ели, гонялись здесь друг за другом, с чоканьем и трещаньем перелетали с одного дерева на другое или лазили по густым веткам; между тем один из тех же дроздов громко пел на вершине дерева. Голос этого дрозда много походит на голос нашего дрозда певчего. Невольно припомнились мне теперь наши весенние вечера, в которые, бывало, на родине, я слушал пенье птиц, стоя на тяге вальдшнепов в лесу. И мысль моя далеко унеслась по пространству и по времени... Чем более надвигались сумерки, тем неугомоннее становились дрозды, наконец стихли все разом; смолкли и мелкие пташки (синички, пеночки, Carpodacus [чечевицы]), пищанье которых мешалось с криками дроздов; стало все тихо кругом, словно в лесу не было ни одного живого существа... Луна поднялась на востоке горизонта; вечерняя заря догорала на западе, и мы, не дождавшись фазанов, которые, вероятно, остались ночевать в другом месте, спустились к своему бивуаку. Здесь горел огонь, казак сварил чай и зажарил на вертеле баранину. Мы поужинали с прекрасным аппетитом; затем на мшистой почве разостлали войлоки, седла положили в изголовья и легли спать. Но не спалось мне! Великолепна, хороша была тихая весенняя ночь. Луна светила так ярко, что можно было читать; вокруг чернел лес; впереди и позади нас, словно гигантские стены, высились отвесные обрывы ущелья, по дну которого с шумом бежал ручей. Редко выпадали нам, во время путешествия, подобные ночевки—и тем сильнее чувствовалось наслаждение в данную минуту. То была радость тихая, успокаивающая, какую можно встретить только среди матери-природы...

Наконец дремота одолела, и я заснул, но в течение ночи просыпался несколько раз. Все так же было тихо и спокойно кругом; лишь журчал внизу ручей, да изредка фыркали привязанные лошади. Взглянешь на луну, та стоит еще высоко, следовательно до утра не близко; перевернешься на другой бок, плотней закутаешься в меховое одеяло и опять забудешься сладким сном. К утру похолодело; луна ушла за горы, и, наконец, чуть заметная полоска света забелела на востоке. Пора вставать и итти в засадки. Казак встал еще раньше и опять вскипятил чай. Быстро сброшены были теплые одеяла, надето охотничье платье и замерзшие, но у огня теперь отогретые сапоги. Затем мы проглотили по чашке горячего чая и отправились в засадки, боясь не упустить дорогое время. Но оно еще не наступило, еще все спало в лесу—и мы не опоздали, заняв

Лекарственный ревень

свои места; пришлось даже подождать с $^1/_4$ часа или около того. Но вот хрипло прокричала сифаньская куропатка, и послышалось трещанье голубых сорок, ночевавших в ближайших кустах. Вслед за тем раздался громкий крик ушастого фазана, в ответ которому закричали другие пары из разных уголков лесных ущелий... Радостно забилось сердце охотника. Надёжда на желанную добычу заменила все другие помыслы и мечты: только минуты ожиданья казались теперь слишком долгими.

Между тем уже порядочно рассвело, и голоса проснувшихся птиц быстро огласили лес: слышался громкий свист хый-ла-по, чоканье дроздов, писк синиц и завирушек; но ушастые фазаны кричали лишь изредка, тихо подвигаясь из леса на поляны. Наконец вдали от меня мелькнули эти птицы—то два самца дрались между собой. Затем прокричала и выбежала на дальний обрыв новая пара—опять-таки вне моего выстрела. Досада и чуть не отчаяние начали овладевать мной; тем более, что со стороны товарищей уже раздался выстрел, конечно по ушастому фазану. Несколько раз меня подзадоривало встать из засадки и итти искать фазанов наудачу по лесу; но я решился выдержать искушение до конца, несмотря на то, что достаточно продрог на утреннем морозе. Настойчивость эта была, наконец, вознаграждена. После того, как уже взошло солнце, пара ушастых фазанов показалась из кустов шагах в сорока от моей засадки. Красивые птицы шли мерным шагом, не подозревая вовсе опасности. Первым выстрелом я убил самца, вторым ранил самку, которая, однако, успела убежать и скрыться в ближайшем лесу. Затем с своей добычей я отправился к месту ночлега, где товарищи, убившие также одного фазана, уже дожидались меня с оседланными лошадьми. Впоследствии охоты наши за ушастыми фазанами были еще удачней, так что мы в течение трех недель добыли для своей коллекци 26 экземпляров этой великолепной птицы.

Гора и кумирня Джахан-фидза. Река Бага-горги была крайним пунктом, до которого проводник наш кое-как знал дорогу. Далее пришлось опять начать разъезды, являвшиеся делом чрезвычайно трудным в здешней местности изборожденной горами и ущельями. Однако мы решились производить эти поиски, в надежде, хотя ощупью пробраться на истоки Хуан-хэ.

После того как леса на Бага-горги были достаточно обшарены, мы перекочевали верст на десять южней, к подножью высокой и скалистой горы Джахан-фидза. Бивуак наш расположился на луговом плато, возле ущелья сажен в полтораста глубиной. Бока этого весьма узкого ущелья местами были совершенно отвесны и обставлены огромными скалами темносерого глинистого сланца. Страшно было взглянуть в такую пропасть, по дну которой с шумом прыгала по камням небольшая речка, отделяющая гору Джахан-фидза от другой вершины столь же высокой, но менее скалистой.

У северного подножья первой горы прилепилась небольшая кумирня, где живет гыген из Гумбума. Молиться сюда приходят хара-тангуты, которые, несмотря на свой разбойничий нрав, весьма усердные буддисты. Мы сами видели, как богомольцы, с молитвами и падая ниц через каждые три шага, обходили вокруг всей горы Джахан-фидза. Эта гора расположена в западной окраине хребта Угуту̀ и имеет приблизительно около 14 000 футов абсолютной высоты. Вершина ее состоит из громадных скал серого полукристаллического известняка; боковые скаты поросли густыми кустарниками Caragana jubata, Potentilla fruticosa,

Salix, Spiraea[карагана—верблюжий хвост, курильский чай—Dasiphora fruticosa, ива, таволга], свойственными здешней горной альпийской области, а пониже—высокими елями и можжевеловыми деревьями. Эти последние, равно как и ели, растут всего более по крутым скатам соседнего ущелья, достигая здесь нередко громадных размеров. Так, можжевеловое дерево (Juniperus pseudo Sabina) имеет обыкновенно от 40 до 50 футов высоты при толщине ствола от 1 до 2 футов; нередки же экземпляры высотой в 60 футов и от 4 до 5 футов толщиной. Охотиться на горе Джахан-фидза запрещено; поэтому здесь, в скалах, спокойно живут куку-яманы, грифы, улары, а пониже, в лесах,—кабарга и ушастые фазаны.

Обилие лекарственного ревеня. Но всего замечательней то количество лекарственного ревеня (Rheum palmatum), которым изобилуют здешние леса. Тангуты не выкапывают его на продажу; китайцы же боятся проникать в эти места, поэтому ревень растет здесь в невероятном обилии, и корни его достигают громадных размеров. Один из таких корней, взятый нами в коллекцию, весил, будучи сырым, 26 фунтов, а высушенным—до 12 фунтов[1]. Подобные великаны встречаются здесь нередко, иногда целыми обществами, словно в огородах.

Вообще на горе Джахан-фидза и в ближайших ее окрестностях можно добыть несколько тысяч пудов великолепного ревеня, который так дорого у нас продается. Притом же не одна только описываемая местность, но и весь бассейн верхней Хуан-хэ изобилуют этим растением. Только в горах (как, например, в восточном Нань-шане), доступных китайцам, лекарственный ревень усердно отыскивается и выкапывается, почему с каждым годом становится более редким. В районе же кочевий хара-тангутов, куда, как выше упомянуто, китайцы боятся проникать, описываемое растение размножается и растет без всякой помехи.

Лекарственный ревень описан довольно подробно в моей книге «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 235—238[2], здесь скажу только, что ревень, растущий в горах верхней Хуан-хэ и изображенный на приложенном рисунке, отличается от наньшанского более вырезанными своими листьями, так что, по мнению известного ботаника К. И. Максимовича, составляет разновидность типичного Rheum palmatum (138). Прибавить также следует, что описываемое растение на своей родине пользуется исключительным климатом, который характеризуется обильными летними дождями и сильной сухостью атмосферы в остальные времена года. Следовательно, корень лекарственного ревеня имеет достаточно влаги для своего питания и роста, но вместе с тем не подвергается порче от сырости в период приостановки растительной жизни.

Переход на р. Уму. Тепло, которое немного приласкало нас в долине Хуан-хэ и на Бага-горги, с поднятием на высокое (11 800 футов абсолютной высоты) плато возле г. Джахан-фидза опять заменилось частыми холодами, по временам снегом и бурями, приносившими, как обыкновенно, тучи пыли. Притом воздух был сух до крайности, а это обстоятельство, вместе с ночными морозами и периодическими непогодами днем, как нельзя более задерживало развитие всей растительности вообще. Луговые горные склоны и степь, несмотря на половину апреля, отливали

---

[1] Этот корень передан в С.-Петербургский Ботанический сад [ныне Ботанический институт Академии наук СССР].

[2] [В новом издании 1946 г. стр. 206—208].

лишь желтовато-серым цветом иссохшей прошлогодней травы; в соседних глубоких ущельях, хотя кустарники в эту пору года уже зеленели, но и в них лишь кое-где под скалами или на обрывах на солнечном пригреве можно было встретить одинокий цветок.

Не лучше было и на р. Уму, к которой мы перешли, простояв шесть суток возле г. Джахан-фидза. Новая наша стоянка расположилась на той же абсолютной высоте и на том же степном плато, по которому, поближе к горам, везде кочевали хара-тангуты. Последние теперь уже достаточно пригляделись к нам и даже стали заводить с нами сношения. Так, во время стоянки возле кумирни Джахан-фидза, тамошний гыген прислал нам в подарок немного джумы и масла и пособил купить баранов, которых прежде того местные жители не хотели продавать. Затем к нам приехал один из хара-тангутских старшин и просил вылечить его от лихорадки, что было исполнено после нескольких приемов хины. Тем не менее, хара-тангуты ничего не хотели сообщить нам про окрестную страну и на все наши расспросы или отговаривались незнанием, или выдумывали нелепости.

Ущелье по среднему течению р. Уму, впадающей в Бага-горги, также поросло на скатах, обращенных к северу, густым еловым лесом, а на скатах южных—можжевеловыми деревьями. Ели (Abies Schrenkiana) достигают здесь громадных размеров; нередки экземпляры от 80 до 100 футов высотой при диаметре ствола в 3 или даже 4 фута на высоте груди человека. Почва еловых лесов перегнойная, обыкновенно поросшая мхом, который весной до того здесь высыхает, что под ногами рассыпается пылью. Подлесок состоит из густых кустарных зарослей, еще более преобладающих в нижнем течении той же р. Уму, где хвойные леса исчезают; взамен их являются, все по тем же крутым скатам северного склона ущелья, небольшие рощи из осины (Populus tremula), белой и гималайской березы (Betula alba, B. Bhojpattra). Птицы в лесах на р. Уму были те же самые, что на Бага-горги и возле Джахан-фидза. Прибавились только вновь прилетевшие вертишейки (Junx torquila); добыт был впервые клест-еловик (Loxia curvirostra) и новый вид поползня, который назван мною Sitta eckloni (189).

Охота в лесах Уму, как и во всех других на верхней Хуан-хэ, весьма затруднительна, в особенности за мелкими птичками. Маленького певуна часто вовсе нельзя заметить в густых сучьях громадной ели или в чаще кустарников, когда на них развернутся листья. Тогда даже медведя не увидишь здесь на расстоянии—десяти-двадцати шагов, как то иногда и случалось с нами. Притом многие из убитых птичек пропадают, застревая в ветвях высоких деревьев, или сваливаясь в гущу кустарников, или, наконец, падая в недоступные пропасти, куда не один раз безвозвратно скатывались и убиваемые нами ушастые фазаны.

Недостаток подножного корма принудил меня на третий день нашего пребывания на р. Уму послать разъезд отыскать стоянку получше. Но таковой поблизости не оказалось; вся степь дочиста была выбита тангутским скотом. Тогда отправлен был новый разъезд, и ему велено ехать возможно дальше. Сами же мы остались на прежнем месте, где наши мулы, лишенные своего любимого гороха и даже сносного подножного корма, видимо худели с каждым днем. Притом животные эти, непривычные к суровым климатическим условиям и вообще к походной жизни, после первых дней пути от Балекун-гоми стали понемногу слабеть и портиться, несмотря на то, что вьюки, по мере расходования нашей провизии

и запасного гороха для тех же мулов, становились все легче и легче. В особенности невыносливыми оказались жеребцы, столь ретивые и неугомонные при избалованной жизни. Не знаю почему, но эти жеребцы-мулы, месяц тому назад ни днем, ни ночью не дававшие прохода кобылам, теперь же бродившие по степи с поникшей головой и согнутым исхудалым телом, дрожавшим от холода, постоянно напоминали мне великосветских кавалеров, столь изящных в салонах и, по большей части, никуда негодных вне их.

Продолжение пути. Через трое суток после своего отправления, посланные в разъезд казаки возвратились с известием, что они побывали верст за 40 от нынешнего бивуака и встретили довольно большую речку—Чурмын, как оказалось впоследствии, удобную для новой стоянки и экскурсий. Туда решено было перекочевать. Назавтра мы завьючили своих мулов и поплелись с ними сначала через ущелье р. Уму, а затем по степному плато, где местами почва сплошь была изрыта пищухами. В эти бесчисленные норки мулы беспрестанно проваливались своими копытами и через то еще более измучивали себя. Наконец через 13 верст встретилось новое ущелье какой-то небольшой речки, и мы остановились здесь ночевать. В этом ущелье, несколько удаленном от гор и открытом на юг, растительная жизнь была развита гораздо более, чем то мы видели до сих пор. В гербарий сразу было собрано 22 вида цветов; зато лесу нашлось сравнительно немного—только небольшие рощи возле самой речки.

По выходе из ущелья путь наш вновь лежал по степному плато, на котором трава кое-где начинала уже зеленеть; в изобилии попадался также здесь иссохший прошлогодний ковыль (Stipa orientalis), и вообще корм был хороший, нетронутый. По нему паслись хуланы; но тангуты кочевать здесь не могут вследствие безводия. Накануне ночью шел дождь, утро было сырое, прохладное. По степи везде слышалось пение полевых жаворонков (Alauda arvensis) и прелестный голос степного чеккана (Saxicola isabellina). Но вся эта обстановка сразу круто изменилась, лишь только мы подошли к совершенно незаметному издали обрыву ущелья р. Чурмын. Тогда под самыми нашими ногами вдруг раскрылась страшная пропасть, на дне которой был иной мир и растительный, и животный. Здесь, вверху—безводная, покрытая лишь мелкой травой степь, со степными зверями и птицами; там, внизу—шумящая река, зеленеющий лес, лесные птицы и звери... Такой контраст—больший, чем на тысячеверстном пространстве в пустыне и вообще в странах равнинных—теперь встречался всего на расстоянии двух-трех верст спуска и около полутора тысяч футов вертикального поднятия!

Бока ущелья, прорытого р. Чурмын в верхней своей половине, как обыкновенно, отвесны и сильно изборождены. Почва здесь состоит из наносов песка, гальки и мелких валунов, а также из лёссовой глины. Та поперечная балка, по которой мы спускались, местами имела не более 8 или 10 сажен ширины. Страшно было здесь итти, ибо камни постоянно падали с отвесных стен, сажен 50—70 высотой. Местами из этих стен выдавались конусы или огромные глыбы, которые чуть держались в вышине. Того и гляди все это рухнет вниз, что действительно здесь нередко и случается.

Спустившись к р. Чурмын, мы нашли листья на деревьях и кустарниках почти вполне развернувшимися, собрали 21 вид новых цветов и вообще встретили довольно полное развитие весенней растительности.

Поговорим теперь немного о ней, а кстати и о погоде в течение минувшего апреля.

Растительная жизнь и погода в апреле. В глубокой долине Хуан-хэ и по глубоким ущельям ее притоков растительная жизнь, как уже было сказано, начала пробиваться еще с конца марта. Месяц спустя, то есть в конце апреля, кустарники и лиственные породы деревьев в тех же ущельях почти вполне зазеленели, и вместе с тем обильно начали прибывать цветущие травы. Так, в последней трети апреля мы собрали в гербарий 57 видов цветов, что с прежде найденными составило к 1 мая 75 видов. Однако все эти цветы большей частью являлись в ограниченном числе и весьма мало украшали почву; тем более, что собственно в лесах цветов в это время встречалось еще очень мало. Все они росли по крутым боковым скатам ущелий, или в глубоких балках, вдали от воды, часто на голой глине или гальке,—повидимому, в условиях, самых неблагоприятных.

Наиболее характерными представителями ранней весенней флоры служили: на крутых боковых скатах и обрывах ущелий, равно как и в поперечных здесь балках, цветущие кустарники—сибирская акация (Caragana frutescens) и карагана (Caragana tragacanthoides)[1], обыкновенный барбарис (Berberis vulgaris), красивый темнорозовый чагеран (Hedysarum multijugum n. sp.), сугак (Lycium chinense), смородина (Ribes Meyeri) и жимолость (Lonicera syringantha n. sp.); из трав же—касатик (Iris) двух новых видов, хохлатка (Corydalis stricta), горошек (Vicia n. sp.), змеедушник (Scorzonera austriaca), молочай (Euphorbia) двух-трех видов, быть может новых; гималайская купена (Polygonatum cirrhifolium) и красивая пахучая сиренью Stellera Chamaejasme; здесь являлись также и растения пустыни—желтоцвет (Adonis apennina var.) и дикая рута (Peganum harmala). По самому дну ущелий начало цвести балгамото (Myricaria germanica), на гальке Lagotis brachystachya n. sp.), а возле ключей млечник приморский (Glaux maritima). В лесах в это время зацветали: мышьяк (Thermopsis lanceolata, Th. alpina), одуванчик (Taraxacum sp.), джума (Potentilla anserina) и лютик (Ranunculus pulchellus). Замечательно, что между вышеперечисленными растениями преобладали цветы желтые, подстать здешней желтоватой лёссовой почве.

В общем, как ни отрадны были для нас леса на верхней Хуан-хэ, но сами по себе они мало заслуживают похвалы: в этих лесах все является как-то уродливо, как-то выкроено по узкой мерке; все они растут клочками или небольшими площадками, запрятанными в глубоких ямах — вверх, на простор не показывается ни одно дерево, ни один кустарник. Там, в степях, равно как и в соседних горах, даже в конце апреля, едва начинала пробиваться зелень, и только кое-где можно было встретить одинокий касатик (Iris songarica) или фиалку (Viola pinnata), развертывающийся молочай (Euphorbia sp.) и бледножелтый первоцвет (Primula flavan. sp.). Периодические холода, в особенности ночные морозы и нередко падавший снег сильно задерживали здесь развитие растительной жизни; к ним прибавлялась еще и сухость воздуха, в особенности для степей.

Вообще в течение всего апреля редко выпадали хорошие, ясные и теплые дни, каковые мы привыкли встречать в эту пору весны в нашей Европе. Здесь, в глубине Азии, резкие контрасты физической природы пополнялись и резкими контрастами климата. В тихую ясную погоду ста-

[1] [Караганы сильная и многолистная].

новилось жарко, как летом; но вдруг налетал ветер, и в одну минуту делалось холодно; поднималась буря—воздух наполнялся тучами пыли; падал дождь или снег—становилось мокро и сыро; но лишь только выглядывало солнце, влага быстро исчезала, и через несколько часов везде попрежнему было страшно сухо, как в воздухе, так и в почве.

Стоянка на р. Чурмын. Бивуак на р. Чурмын устроен был нами в прекрасном месте, возле небольшого ключика, под тенью громадных тополей. Их свежая листва, как и зелень всего окрестного леса, в котором неумолкаемо раздавалось пение птиц, а по утрам и вечерам слышалось токованье фазанов, производили отрадное, успокаивающее впечатление. Тепло было, как настоящим летом. Словом, май встретил нас действительно по-майски. Однако, несмотря на прекрасный свежий корм, наши мулы продолжали портиться, и вскоре трое из них один за другим издохли; издохла также и верховая лошадь.

На Чурмыне кочуют хара-тангуты племени лунь-чю; но они теперь перебрались уже на лето в соседние горы, и в ущелье окрест нас никого не было. Однако вскоре к нам приехал местный старшина с несколькими людьми; они привезли на продажу яковое масло, которое мы купили с большим удовольствием. Затем немного спустя к нам неожиданно явились пятеро китайцев, посланные, как оказалось, сининским амбанем с известием, что получены бумаги на мое имя из нашего посольства в Пекине. Но вместо того, чтобы прислать нам эти бумаги, сининский амбань оставил их у себя, отговариваясь опасением грабежа со стороны хара-тангутов; в сущности же для того, чтобы хотя подобной удочкой поскорей вытащить нас с верховий Желтой реки. Но и на этот раз амбаню не посчастливилось. Как ни желательно было нам поскорей узнать, что делается на родине и на белом свете вообще, но все-таки мы не могли ради этого жертвовать своими прямыми задачами и отправили китайцев обратно в Синин с просьбой к амбаню поберечь полученную посылку до нашего возвращения. Последнее, впрочем, не слишком замедлилось, только не ради скорейшего чтения присланных писем и газет, а вследствие непреодолимых местных препятствий.

Новые разъезды. Разъезд, посланный мною вскоре по прибытии на р. Чурмын, вернулся лишь на четвертые сутки после своего отправления и привез нерадостные вести. Казаки ездили верст за 40 или более вверх по Хуан-хэ, но пройти здесь с вьючными мулами или вообще с караваном оказалось невозможным: беспрестанно глубокие ущелья, громадные горы, притом всюду бескормица. Тогда я решил попытать счастье в другом месте и поехал сам к устью р. Чурмын посмотреть, не возможно ли здесь переправиться на противоположную сторону Хуан-хэ. Разъезд этот также не привел к благоприятным результатам. Тем не менее решено было перейти всем караваном к устью Чурмына и заняться там более подробным исследованием окрестной местности.

Переход на Хуан-хэ. Из глубокого ущелья, где мы стояли, необходимо теперь было вновь подняться на степное плато, пройти по нему верст восемь, а затем опять спуститься уже к Хуан-хэ, ложе которой углублено здесь в почву на 1 600 футов. Третья или даже бо́льшая часть этого отвеса занята вверху вертикальными обрывами, причудливо изломанными и изборожденными; затем, как обыкновенно, следует крутой скат, нередко поросший кустарниками; далее покатая к реке равнина с глинистой, лёссовой почвой и, наконец, вторичные обрывы, в которых, словно в узком коридоре, течет сама Желтая река. Эта последняя имеет

здесь сажен 40—50 ширины, глубину везде не меньшую сажени, воду светлую, зеленоватую и течение чрезвычайно быстрое.

В трех верстах выше устья Чурмына в ту же Хуан-хэ впадает р. Баа, которая прибегает с востока и приносит мутную желтую воду. Верстах в 60—70 от устья этой последней реки через нее переходит, как мы узнали впоследствии, караванная дорога, ведущая из Синина через Гуй-дуй в Сы-чуань. По этой весьма трудной дороге ходят только на яках, главным образом купцы из Сы-чуани. Они привозят для хара-тангутов различные товары (чай, далембу, серебряные бляхи, металлические изделия и проч.), которыми торгуют в продолжение двух или трех зимних месяцев; затем возвращаются обратно. Путь этих купцов в один конец продолжается с месяц.

Долина Хуан-хэ при устье р. Чурмын расширена версты на три и несет пустынный характер. Лесов здесь нет вовсе, только кое-где по берегу реки встречаются небольшие заросли лозы и облепихи, или одиноко торчит тополевое дерево. По самой же долине растут врассыпную: мелкая полынь, бударгана Reaumuria songarica [реамюрия джунгарская], да изредка хармык и дырисун. Несмотря на страшную глубину ущелья Хуан-хэ, спуск сюда по нашему пути был весьма удобный и тянулся зигзагами на протяжении около пяти верст. Зато стоянка выпала незавидная, как раз на самом устье Чурмына, где мы отыскали несколько деревцов лозы и облепихи, под которыми приютилась наша палатка.

Местность близ ее истоков. Горы, лежавшие впереди нас на юге, насколько мы могли их видеть, стояли по обеим сторонам Желтой реки, перпендикулярно к ней. Главный гребень отстоял от устья р. Баа верст на 60. Хуан-хэ на всем этом пространстве имела почти прямое южное направление и ясно прорывала вышеупомянутый горный хребет, который в восточной своей части называется Дзун-мо-лун; название тех же гор на западной стороне Желтой реки узнать мы не могли. Лишь впоследствии расспросами добыли те скудные и, быть может, не совсем верные сведения, что вслед за прорывом описываемого поперечного хребта Желтая река (если следовать вверх по течению) уклоняется не надолго к юго-востоку для обхода вечноснеговых гор Амнэ-мачин или Амнэ-мусун. Эти горы и безымянный хребет на западном продолжении Дзун-мо-луна находятся в связи как с горами тибетской окраины к южному Цайдаму, так и со снеговой группой Угутӱ. Про самые истоки Хуан-хэ никаких расспросных сведений добыть мы не могли. Нам сказали только, что через эти истоки, т. е. через Одонь-тала, пролегает из Синина в Лхасу дорога, которая ныне почти заброшена.

На хребте Дзун-мо-лун виднелся местами снег, но тангуты говорили, что этот снег летом растаивает. Сами же горы, равно как их западная безымянная половина, высоки, дики и изборождены частыми глубокими ущельями. Скаты преимущественно луговые, но скал мало; в верхнем поясе россыпи. В ущельях, а также на северных горных склонах растут кустарники и изредка попадаются березовые рощи; в верхних частях тех же ущелий виднелись небольшие хвойные леса. Воды везде довольно. Пастбища хороши, но они в течение лета вытравливаются скотом хара-тангутов, кочующих везде по описываемым горам, даже в местностях самых недоступных.

Невозможность дальнейшего следования. На Хуан-хэ мы провели четверо суток в тщетных поисках переправы через эту реку. Брода на ней нигде не оказалось. Необходимо, следовательно,

было выстроить плот, но для него, помимо большой потери времени и труда, не имелось достаточно материалов; да притом весьма сомнительна была безопасность подобной переправы с богажом и мулами при быстром течении и обилии здесь громадных камней в русле Желтой реки. Наконец местность на противоположной ее стороне не обещала ничего для нас хорошего, так как вся была изрезана ущельями, а с юга загромождена попрежнему высокими горами.

Таким образом со всех сторон явились препятствия неодолимые — дальнейший путь в прежнем направлении был невозможен. Исход из подобного положения представлялся двояким: или попытаться обойти с запада снеговую группу Угуту̀ и мимо озера Тосо-нор пройти на истоки Хуан-хэ; или, отказавшись от этих истоков, направиться старым путем через Балекун-гоми в оазис Гуй-дуй, переправиться здесь через Желтую реку и заняться исследованием ближайших снеговых гор.

Первая попытка, при всей ее желательности, ставила неминуемые вопросы: возможно ли нам без проводника пробраться через несколько кряжей высоких гор и вынесут ли наши усталые мулы эту трудную дорогу? Откровенные ответы на подобные вопросы, в особенности на последний, могли быть только отрицательными. При таких же условиях слишком опрометчиво бы было рисковать временем, трудом и собранными уже коллекциями для цели, почти недостижимой. Правда, на те же истоки Хуан-хэ без особенного труда можно сходить из Цайдама по Тибетскому плато, но теперь для нас и это было невозможно по неимению верблюдов.

Так пришлось с горестью отказаться от заманчивого выполнения намеченной цели и посвятить наступавшее лето исследованию окрестностей оазиса Гуй-дуй, оз. Куку-нор и восточного Нань-шаня. В этих местностях мы нашли богатую естественно-историческую, в особенности ботаническую, добычу, которая, хотя отчасти, вознаградила нас за неудачную попытку пробраться на истоки Хуан-хэ (140).

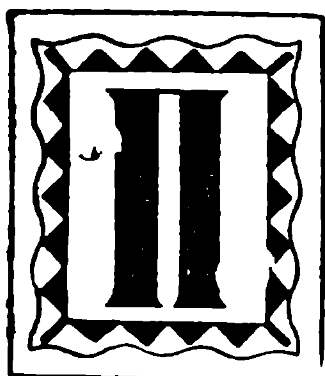
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХОВЬЕВ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

[11/23 мая—23 июня/5 июля 1880 г.]

(Продолжение)

Возвращение на р. Бага-горги.—Прелестные здесь уголки.—Следование в Балекун-гоми.—Начало летних дождей.—Новый путь.—Урочища Ха-гоми и Доро-гоми.—Переход на переправу через Хуан-хэ.—Оазис Гуй-дуй. Горы к югу от него.—Их флора и фауна.—Наше пребывание в этих горах.—Охотничьи экскурсии.—Восхождение на гору Джахар.—Возвращение в Гуй-дуй.—Переход на Кукунорское плато.

орешив возврат от устья р. Чурмын в Балекун-гоми, мы завьючили после полудня 11 мая своих мулов и поднялись к вечеру из глубокой ямины Хуан-хэ на соседнее плато, где прошли еще немного и остановились ночевать; воду, которой нет в здешней степи, привезли с собой. Каким-то просторным казался теперь бивуак в широкой, степной равнине после долгого пребывания на дне узких, сумрачных ущелий. Зато там было тепло; здесь же, на высокой степи, мороз ночью грянул в —12,5°. Между тем в это время уже насчиталось, правда почти исключительно в ущельях, 117 видов цветущих растений. Однако и те цветы, которые кое-где встречались по степи, не погибли от подобного холода. Замороженные касатики (Iris songarica, Iris ensata) ломались в руках, словно стружки, но лишь только взошло и обогрело солнце—они цвели и красовались как ни в чем не бывало; не погибли также крупноцветная карагана (Caragana grandiflora) и прелестно пахучая жимолость (Lonicera rupicola var.), растущая по здешним степям ползучим кустиком в два-три дюйма высотой, в ущельях же достигающая роста в 2 фута. Эту жимолость мы взяли теперь в свой гербарий. Для последнего на нынешнее лето оказалось у нас всего лишь около пятисот листов пропускной бумаги, привезенной еще из Петербурга; китайская же, купленная в Синине, была вся плохого качества[1]. Поэтому для экономии мы укладывали теперь собираемые растения не только в отдельные листы, но и в промежутки этих листов. При таком способе гербаризации выигрывается много относительно излишнего расходования

---

[1] Корейская бумага, которую во время экспедиции 1871—1873 годов мы имели из Пекина, превосходна для сушки растений; но этой бумаги не нашлось в Синине.

бумаги и объема собранных пачек; следует только в промежутки листов класть растения, уже высушенные предварительно в листах цельных.

Прелестные здесь уголки. Спустившись в ущелье Бага-горги невдалеке от устья этой речки, там, где некогда стоял китайский пикет, теперь заброшенный, мы нашли здесь прелестное местечко с ключевой водой и отличным кормом. Громадные тополи футов 70—80 высотой, при диаметре ствола от 4 до 5 и даже до 6 футов, образовали здесь небольшую рощу, по которой, местами густым подлеском, росли облепиха и лоза. Весенней негой веяло в этом милом уголке; прохладный воздух дышал ароматом свежей зелени; всюду пели птицы, красовались цветы... Словом, было так хорошо, в особенности при контрасте с соседней местностью, что мы остались на дневку без особенной в том нужды. Но нам и дальше посчастливилось. Сделав небольшой переход вверх по той же Бага-горги, мы вновь встретили здесь местечко еще более обильное лесом и кустарниками[1], которые теперь цвели и красиво пестрили собой крутые боковые скаты ущелий. В тех же кустарниках попадались: цветущая земляника (Fragaria elatior) и кардамина (Cardamine macrophylla), а также начинали быстро развиваться могучие листья и цветовые стебли лекарственного ревеня. Их с жадностью пожирали медведи, которых однако добыть нам не удалось.

Следование в Балекун-гоми. Проведя еще двое суток в ущелье Бага-горги в занятиях по сбору вновь цветущих растений и на охоте, мы выбрались из этого ущелья на соседнее плато и направились прежним путем в Балекун-гоми. Промоченные сильным проливным дождем, мешавшимся со снегом, пришли мы на другой день в горы Сянь-си-бей, где опять-таки дневали. На этой дневке собрано было еще 22 вида новых растений. Из кустарников в вышепоименованных горах теперь цвели альпийская карагана (Caragana jubata), сплошь усыпанная бледно-розовыми цветами, и жимолость (Lonicera rupicola var.); среди же трав более других красовались: Incarvillea compacta n. sp. с крупными розовыми цветами, мелкий голубой касатик (Iris gracilis n. sp.), гималайская буковица (Trollius pumilus), заячий мак (Adonis coerulea n. sp.) и Przewalskia tangutica[2], новый род и новый вид, установленные академиком Максимовичем. Но вообще растительная жизнь в горах Сянь-си-бей только что начинала развиваться, и очень многие виды трав еще не раскрывали своих цветов.

Пройдя в следующие три дня сначала по безводному степному плато, а потом по пескам левого берега Желтой реки, мы достигли того места ее долины, где изобильно растут тополевые рощи. В этих рощах мы охотились более чем полтора месяца тому назад. Однако и теперь, несмотря на закончившийся весенний прилет, вновь появившихся птиц здесь было очень немного. Лишь по ключевым болотам гнездились водяные курочки (Ortygometra bailloni, Gallinula chloropus) и изредка лысухи (Fulica atra), да неумолкаемо пели камышевки (Calamodyta orientalis); в самом лесу замечены были вновь только китайские горлицы (Turtur chinensis) и китайские вьюрки (Chlorospiza sinica). Не лучше было и в растительном мире, как здесь, так и возле Балекун-гоми, куда мы пришли, сделав еще один переход. Среди кустарников в этой местности теперь начинали цвести

[1] Поименованными в предыдущей главе при описании растительности р. Бага-горги.

[2] Это растение, равно как и Incarvillea compacta, попадались нам зимой в иссохшем виде и в Северном Тибете.

тамариск и хармык; барбарис уже оканчивал свое цветение; из цветущих же трав по лесам в изобилии встречался лишь мышьяк [термопсис] (Thermopsis lanceolata).

Начало летних дождей. Между тем для здешних местностей наступил период дождей, продолжающийся все лето, в высоких же горах захватывающий частью и осень[1]. Собственно атмосферные осадки начали перепадать с половины апреля, но со второй половины мая дождь или, выше 11 000 футов абсолютной высоты, снег падали в горах почти каждый день; часто также случались и грозы, хотя вообще несильные. Так продолжалось в течение июня, июля и первой трети августа, словом до выхода нашего с Тибетского нагорья в Ала-шань. В 1872 году в продолжение лета, проведенного нами в восточном Нань-шане, шли также почти непрерывные дожди, заменившиеся осенью частым снегом. Вместе с тем мы наблюдали тогда, что, при полном отсутствии летних бурь, атмосферные осадки приносились, главным образом, слабыми юго-восточными ветрами или падали во время частых затиший. Ныне для восточного Нань-шаня подтвердилось то же самое; на верхней же Хуан-хэ и на оз. Куку-нор почти все дождевые тучи приносились несильными западными, или, вернее, западно-юго-западными ветрами[2], даже в тех нередких случаях, когда внизу дул ветер восточный.

В девятой главе настоящей книги уже была объяснена причина подобного явления тем предположением, что дожди Северного Тибета, со включением сюда оз. Куку-нор и бассейна самой верхней Хуан-хэ, приносятся из-за Гималаев юго-западным индийским муссоном, который, по мере своего поднятия в высшие широты, принимает все более и более западное направление. В восточный же Нань-шань еще достигает юго-восточный муссон, разливающий влагу на весь собственно Китай. От встречи этих двух муссонов, весьма ослабевших при своем дальнем пути, происходят частые летние затишья в восточном Нань-шане, нередкие также и на верхней Хуан-хэ. Затем образованию обильных летних дождей в вышеуказанных местностях, равно как, вероятно, и во всем Северном Тибете, пособляет здешняя глинистая почва, не скоро пропускающая в себя атмосферные осадки[3], которые быстро испаряются вновь, лишь только проглянет жгучее летнее солнце. Тогда все мигом высыхает, а испаренная влага опять образует богатые электричеством облака, которые, охладившись в верхних слоях атмосферы, вновь падают дождем или снегом на землю. Но вообще все эти осадки, как летом, так и в особенности осенью, в большем количестве выпадают в самых горах, нежели в долинах, помещенных среди тех же гор. Более же обширные степные местности, как, например, Куку-нор, вероятно также и луговые плато на верхней Хуан-хэ, осенью пользуются совершенно сухой погодой, которая с сентября наступает и во всем Северном Тибете ([141]).

Обильные дожди, падающие в высоких горных областях в перемежку со снегом, весьма способствуют значительному понижению летней темпе-

[1] Как то показали мои наблюдения в восточном Нань-шане в сентябре и первой трети октября 1872 года. «Монголия и страна тангутов», т. II, Метеорологические наблюдения, стр. 69—73.

[2] В моем метеорологическом журнале направление ветра отмечалось всегда к стороне его большего склонения, поэтому западно-юго-западные ветры записаны западными.

[3] Известно, что лёсс, вследствие своей пористости, легко пропускает воду; но если лёссовая почва сверху размята и смочена, то она делается непроницаемой для воды.

ратуры на всем Северно-Тибетском нагорье[1]. Они же обусловливают собой, главным образом, и летнее разлитие всех здешних рек, в том числе Желтой и Голубой. Однако громадные летние разливы в нижнем течении двух последних[2] происходят не столько от дождей Северного Тибета, которому принадлежат лишь самые верховья знаменитых китайских рек, сколько от тех же дождей, падающих в обширных бассейнах их среднего течения, т. е. уже в пределах собственно Китая. Тамошние же дожди приносятся из Китайского моря юго-восточным муссоном([142]).

Новый путь. Дурная, дождливая погода принудила нас провести трое суток возле Балекун-гоми, на одном из островов, образуемых рукавами Хуан-хэ. Вода в последней прибыла за это время на несколько футов и еще более окружила наш остров; однако нашелся брод, по которому мы перевели вьючных мулов. В подмогу к ним теперь явились пять верблюдов, оставленных нами для поправки при следовании в передний путь. Однако верблюды эти, вероятно, вследствие дурного присмотра нисколько не поправились, так что двое из них вскоре были брошены; зато трое остальных выходили до конца экспедиции.

Одновременно с выступлением из Балекун-гоми в оазис Гуй-дуй, где, как было решено еще на Чурмыне, мы должны были переправиться на южную сторону Хуан-хэ, переводчик Абдул Юсупов с одним из казаков отправлены были в Синин за получением присланных из Пекина бумаг. Сами же мы поплелись сначала прежним путем, а затем с перевала через хребет Балекун свернули вправо и перешли Южно-Кукунорский хребет восточней, нежели в марте при следовании на Хуан-хэ. Теперешний перевал, также весьма удобный, имел 11 400 футов абсолютной высоты. Как раз близ него пришлось нам провести ночь, в течение которой выпал довольно порядочный снег. Утро наступило отвратительное: кругом засыпанная снегом почва, темнобурые надвинувшиеся на горы облака, ветер и холод. С трудом спустились мы с гор на довольно широкую степную равнину, составляющую, при абсолютной высоте 10 900 футов, юго-восточное продолжение Кукунорского плато; но, пройдя здесь немного, принуждены были опять остановиться, так как вновь предстоял спуск в глубокую долину Хуан-хэ. Между тем не перестававший дождь до того размочил лёссовую почву ущелий, что не только верблюды, но даже мулы скользили и падали; на сапоги наши беспрестанно налипали чуть не полупудовые куски той же лёссовой глины. Поневоле пришлось ждать, пока проглянет солнце и высушит дорогу. По счастью, такая благодать не замедлилась. К полудню дождь перестал, облака рваными кучами потянулись по горам, наконец показалось солнце, и, как обыкновенно здесь, через два-три часа везде было почти совсем сухо. В то же время нам открылся прекрасный вид на бесчисленные ущелья, глубокими траншеями бороздившие почву в различных направлениях; позади этого хаоса на юге высилась и ярко блестела своими снегами горная группа Джахар. К ней теперь устремились все наши помыслы; но прежде все-таки необходимо было итти в Гуй-дуй.

Урочища Ха-гоми и Доро-гоми. Спустившись по ущелью р. Тагалын, где местами приходилось итти то по крутым глинистым

[1] Из наших наблюдений нынешнего года максимум температуры в марте было +25,3°; в апреле +25,3°; в мае +24,8°; в июне +33,7° (в глубокой долине Хуан-хэ близ Гуй-дуя), на нагорье же +25°; в июле +26,7°.

[2] Так, Голубая река, или Ян-цзы-цзян, у Хань-коу летом поднимается обыкновенно на 40—45 футов выше своего зимнего уровня.

скатам, то по узким, словно мостики, перешейкам, образуемым разрушениями лёсса, мы достигли сначала урочища Ха-гоми, а немного далее — урочища Доро-гоми. Первое из них лежит на том же Тагалыне; второе — на самой Хуан-хэ. В обоих живут оседло хара-тангуты, в числе около 70 семейств. Поля, хотя и небольшие, но прекрасно обработанные и орошенные арыками. На них сеют пшеницу, ячмень, лен, горох, бобы; реже — овес, гречиху и коноплю. На тех же полях растут большие ивы и тополи, которые доставляют летом прохладу и весьма украшают местность. Кроме того, от этих деревьев, в особенности от ивы, получают, как и везде в Китае, дрова с весьма благоразумным расчетом. Именно ствол дерева срубают на высоте более сажени от земли, самый же обруб покрывают глиной для предупреждения высыхания. От такого пня вскоре вырастают новые густые ветви, которые впоследствии также идут на дрова. Таким образом одно и то же дерево, через известные промежутки времени, доставляет топливо, притом само сохраняется и принимает красивую шарообразную форму. Из плодовых деревьев в описываемых поселениях растут только абрикосы.

Переход на переправу через Хуан-хэ. Немного ниже Доро-гоми Хуан-хэ подходит к обрывам своего левого берега. Необходимо подняться вверх на громадные (футов 600—700) лёссовые толщи, а затем спуститься вновь к реке, миновав ее недоступную излучину. Тропинка идет сначала на расстоянии полуверсты глубоким коридором с совершенно отвесными боками; местами этот коридор до того узок, что те из наших мулов, которые были завьючены большими ящиками, пройти не могли. Пришлось делать выбоины в глиняных стенах, дабы расширить путь. Затем нужно было подниматься по чрезвычайно крутому скату одного из боков того же ущелья и, наконец, взобравшись наверх, тотчас снова спускаться, но уже по более открытому ущелью. Здесь кстати сказать, что все обрывы состояли исключительно из лёссовой глины без примеси слоев гальки.

Местный тангутский старшина, вероятно по приказанию сининского амбаня, в свою очередь получившего внушение из Пекина благодаря хлопотам там нашего посольства, выслал для проводов нашего каравана через вышеописанное трудное ущелье целую сотню рабочих мужчин и женщин. Правда, с большим успехом можно бы было обойтись здесь и десятью человеками или того менее, но ведь в Китае люди и время не ценятся—там, где достаточно двух-трех человек, наряжают столько же десятков. Так было и теперь: нам помогали всего несколько рабочих; остальные смотрели, советовали и приказывали.

В тот же день вернулись наши посланные из Синина и привезли с собой пекинскую посылку. В ней были письма, полученные в разное время посольством на наше имя, и газета «Неделя» за весь минувший год. Ровно 14 месяцев, т. е. от самого выхода из Зайсана, мы не имели никаких вестей с родины и не знали, что творится на свете. Понятно, с какой лихорадочной радостью принялись мы теперь за чтение и каким праздником был для нас этот день.

Вместе с тем Абдул рассказал, что сининский амбань опять сильно рассердился, узнав от нашего же переводчика, что мы идем не в Синин и далее в Ала-шань, а через Гуй-дуй в горы к югу от этого оазиса. Сначала амбань, принимавший Абдула, как некогда и меня в ямыне в присутствии старших чиновников и со всем парадом, отвечал, что не пустит нас на южную сторону Желтой реки. Когда же наш переводчик, вообще весьма мало

церемонившийся при объяснениях с китайскими властями, категорически объявил, что мы и без позволения пойдем в желаемые горы, как сходили на Хуан-хэ до устья Чурмына, тогда амбань перестал упорствовать в отказе и только просил не заходить далеко на юг к Сы-чуани; но подобный поход и без того не входил в нашу программу.

Через Желтую реку мы переправились в два приема на большой барке, посредством которой производится немного ниже г. Гуй-дуя сообщение между обоими берегами Хуан-хэ. Ширина ее здесь при средней воде 60 сажен; абсолютная высота 7 300 футов; течение очень быстрое. Вниз по реке незначительное плавание производится на особых оригинальных плотах, состоящих из нескольких надутых воздухом бараньих шкур, сверху скрепленных тонкими жердями, настланными тростником. На таком маленьком плоту помещается небольшая кладь и человек, который только правит своей посудиной, быстро несущейся по волнам.

Оазис Гуй-дуй. Оазис Гуй-дуй [Гуйдэ], на котором мы теперь очутились, лежит, как уже было говорено ранее, в 65 верстах ниже Балекун-гоми и образуется двумя небольшими впадающими справа в Хуан-хэ речками—Муджик-хэ и Дун-хо-цзян. Весь этот оазис состоит из небольшого областного города Гуй-дуй, или Гуй-дэ-тин, и нескольких сот фанз, рассыпанных вверх по двум названным речкам, из которых получается вода для орошения полей. Общее число жителей простирается, как нам говорили, от 6 до 7 тысяч душ обоего пола—наполовину китайцев, наполовину хара-тангутов рода дунцзу. Только женщин в Гуй-дуе гораздо больше, чем мужчин, по той причине, что последних много было побито во время недавней магометанской инсуррекции.

Описываемый оазис весьма плодороден и, как везде в Китае, населен до крайности. Городские жители занимаются торговлей; деревенские—земледелием. Между теми и другими много страдающих зобом, калек, изуродованных оспой или покрытых язвами; то же самое замечено было нами и среди присининского населения.

Из хлебов в Гуй-дуе засеваются те же, что и в урочищах Ха-гоми и Доро-гоми. Только здесь больше разводят на полях арбузов и дынь: в садах же достаточно фруктовых деревьев—главным образом груш и абрикосов; есть также мелкие черешни. Последние теперь, т. е. в начале июня, уже поспели; ячмень и пшеница колосились.

Торговля в самом Гуй-дэ-тине ничтожная; по мелочам продаются лишь предметы обихода для местных жителей.

В Гуй-дуе мы расположились близ места переправы, вдали от города, но и здесь не избавились от многочисленных зрителей. Последние постоянно осаждали наш бивуак и следили за каждым нашим движением. Видевшие нас хотя несколько минут тотчас же начинали с жаром передавать свои впечатления вновь приходившим, которые, в свою очередь, делали то же самое относительно следующих посетителей. Несколько мужчин и женщин собирали выброшенные возле нашей кухни кости и тут же вступали за них в драку между собой. Другие с корзинами в руках постоянно наблюдали за нашими животными и назахват бегали подбирать их помет. Даже если кто-нибудь из нас отправлялся за известным делом, то местные леди издали следили за таким кавалером и тотчас же бросались к оставленному им сокровищу. Подобные картины приходилось нам наблюдать не только в Гуй-дуе, но и везде в Китае, где густота населения, несмотря на его копотливое трудолюбие, порождает такую крайнюю нищету, о каковой в Европе пока еще не имеют понятия.

Весьма удивляло также гуйдуйских жителей, что мы, т. е. я и оба других офицера, будучи людьми чиновными, ходим на охоту, да и на бивуаке постоянно заняты работой, притом носим простую одежду. Подобное удивление, даже частью сожаление, постоянно выражали все азиатцы, с которыми нам приходилось сталкиваться во время своих путешествий. По понятиям тамошних людей, чиновник, в особенности большой, должен ничего не делать; чем ленивей и тупоумней он, тем важней и, так сказать, соответственней своему занятию.

Горы к югу от него. После дневки в оазисе Гуй-дуй мы отправились в горы, лежащие недалеко к югу отсюда. Эти горы расположены изолированной группой на обширном лёссовом плато. В ближайшей к Гуй-дую своей части они известны туземцам под названием Муджик, а выше, в снеговой группе, называются Джахар, или Джахар-дзорген. Общее направление имеют с запада на восток, где и оканчиваются, как нам сообщали, вблизи какого-то города Бонэн. Таким образом весь хребет не велик по протяжению; притом лишь в западной своей части достигает снеговой линии. От других виденных нами хребтов на левом берегу верхней Хуан-хэ описываемый отличается, по крайней мере на своем северном склоне, меньшим количеством траншееобразных ущелий; зависит это, вероятно, от меньшего числа текущих здесь речек. Затем во всем остальном хребет Джахар сходствует с другими хребтами верхней Хуан-хэ. Как там, так и здесь склоны гор крутые, характер дикий, формы массивные; но скал, за исключением лишь самого верхнего пояса альпийской области, мало. Взамен их вверху залегают россыпи, а пониже наносы и лёссовая глина. Из горных пород в нижнем и среднем поясе преобладает темносерый глинистый сланец, а в верхнем—красный сиенитовый гранит.

Их флора. На северном склоне описываемых гор, почти от самого их подножья, т. е. от 10 000 футов абсолютной высоты, вверх тысячи на полторы футов по вертикали, растут леса[1], запрятанные в ущелья, как и везде на верхней Хуан-хэ. Казалось бы, здесь летних дождей очень достаточно для увлажнения почвы, а между тем деревья и сопутствующие им кустарники все-таки прячутся в ущелья; да и в них растут почти исключительно на северных склонах. Вероятно, жгучее действие солнечных лучей, весьма сильное в разреженном воздухе этих довольно южных и высоко поднятых стран крайне неблагоприятно для древесной и кустарной растительности; притом в ущельях те же растения лучше укрываются от зимних сухих бурь и морозов. Описываемые леса состоят из гималайской березы (Betula Bhojpattra), ели (Abies Schrenkiana) и древовидного можжевельника (Juniperus pseudo Sabina); в меньшем количестве попадаются рябина (Sorbus aucuparia) и осина (Populus tremula). Из всех этих деревьев только древовидный можжевельник не чуждается южных склонов ущелий и по ним заходит даже в альпийскую область. В самых лесах деревья рассажены довольно редко, а почва обыкновенно выстлана мхом; иногда попадаются, как и у нас, муравьиные кучи; изредка мы находили даже сморчки. Густой подлесок, в особенности возле ручьев и вообще в нижнем поясе ущелий, образуют кустарники: барбарис двух видов (Berberis vulgaris? B. diaphana), последний с тройчатыми колючками в $1^1/_2$ дюйма длиной, пахучая жимолость (Lonicera syringantha n. sp.), та же, что и на Бага-горги, смородина (Ribes Meyeri), желтый и белый

[1] Ниже этим лесам расти здесь негде.

курильский чай (Potentilla fruticosa, P. glabra), сибирская акация (Caragana frutescens), шиповник белый и красный (Rosa sericea, R. Przewalskiana), Cibiraea laevigata и отлично пахучая Daphne tangutica n. sp. По берегам речек растут: лоза (Salix sp.) и сабельник (Comarum Salessowii), реже Myricaria germanica и таволга (Spiraea mongolica); на более открытых горных склонах—кизилник (Cotoneaster sp.), а на глиняных обрывах—Myripnois uniflora.

В тех же лесах развивается множество травянистых растений, из которых в первой половине июня цвели: земляника (Fragaria elatoir), василистник (Thalictrum baicalense, Thalictrum foetidum), кардамина (Cardamine macrophylla), гималайская купена (Polygonatum cirrhifolium), мышьяк (Thermopsis lanceolata, Th. alpina), анемон (Anemone micrantha), альпийская астра (Aster alpinus), камнеломка (Saxifraga n. sp.), герань (Geranium Pylzowi n. sp.), несколько видов Astragalus и Oxytropis, Fritillaria Przewalskii n. sp., [астрагал, остролодка и рябчик Пржевальского], мытник (Pedicularis chinensis, P. kansuensis n. sp.), фиалка (Viola thianschanica n. sp.), медунка (Medicago platycarpos), кукушкины слезки (Orchis salina), сибирско-американская Peristylus bracteatus [пололепестник], красивый, миниатюрный касатик (Iris gracilis n. sp.) и другой вид касатика—Iris ensata, встречающийся от восточной России до Японии; по скалам и обрывам лепятся здесь папоротники (Cheilanthus argentea, Polypodium sp.); наконец теперь начинал цвести лекарственный ревень (Rheum palmatum var.), весьма обильный не только в здешних лесах, но и в нижнем поясе альпийской области.

Эта последняя в вертикальном отношении занимает в описываемых горах полосу между $11^1/_2$ и 15 тысячами футов абсолютной высоты; нижняя, меньшая, половина такого района принадлежит области альпийских кустарников, верхняя, бо́льшая—области альпийских трав. В той и другой растительная жизнь может похвалиться большим разнообразием, но, как обыкновенно в высоких горах, период этой жизни бывает весьма короток. Только два летних месяца—июнь и июль—красуются здесь различные цветы, да и то почти ежедневно подвергаются то морозам, то снегу. Но привычны растения гор к подобным невзгодам и не погибают от них. Даже нежные цветки, каковы мак, касатик, горошек и др., будучи ночью засыпаны снегом и заморожены холодом, вновь начинают цвести как ни в чем не бывало, лишь только отогреет их дневное светило. Те же самые морозы и снег не убивают в альпийской области и насекомых; как только стихнет непогода, сейчас являются здесь бабочки, мухи, комары, пауки не только на лугах, но и вблизи вечного снега. Все спешат пожить и порадоваться в короткие промежутки солнечного света и тепла...

В области альпийских кустарников растут: два вида рододендров, усыпанные в июне—один (Rhododendron capitatum) лиловыми, другой (Rhododendron Przewalskii) крупными белыми цветами, альпийская карагана (Caragana jubata), также залитая в это время розовыми цветками, низенькая, всего от $^1/_2$ до $^3/_4$ фута, малина (Rubus sp.), таволга (Spiraea sp.), альпийская лоза (Salix sp.) и желтый курильский чай (Potentilla fruticosa). Три последних вида, вместе с маленькой ($^1/_2$—1 фут высоты) облепихой заходят далеко в область альпийских трав. Из травянистых растений в той же альпийской области чаще других встречаются: великолепный полевой мак (Cathcaria integrifolia n. sp.) в 2—3 фута высотой, нередко с 5-ю или 7-ю цветовыми головками на одном стебле, притом иногда 7—8 дюймов в диаметре развернутого цветка, мак голубой

Дзерен

(Meconopsis racemosa, M. quintuplinervia n. sp.), курослепник (Caltha palustris), Coluria longifolia n. sp.—единственный вид, который известен был до сих пор на Алтае, гималайская буковица (Trollius pumilus) и гималайского же рода Cremanthodium discoideum n. sp., хохлатка (Corydalis linarioides n. sp., C. trachycarpa n. sp.), касатик (Iris ensata), одуванчик (Taraxacum sp.), мыкер (Polygonum viviparum), осока (Carex sp.), анемон (Anemone micrantha), первоцвет (Primula farinosa), низенькие — ревень (Rheum pumilum n. sp.), мытник (Pedicularis cranolopha n. sp.), молочай (Euphorbia sp.), валериана (Valeriana n. sp.) и вероника (Veronica sp.), бузульник (Senecio altaicus), Anaphalis Hancockii, Anaphalis lactea n. sp., шесть-семь видов — по большей части новых—Astragalus и Oxytropis [астрагалы и остролодки]; красивое, но неприятно пахучее зонтичное Hymenolaena n. sp., Hesperis aprica(?), Lancea thibetica, Trigonotis petiolaris n. sp. etc.

С поднятием вверх разнообразие цветов и их количество уменьшаются; притом растения делаются карликами, нередко в один или два дюйма высотой. Вместе с тем появляются и новые виды, прозябающие исключительно на пределах растительности. Из таких видов можно поименовать: стелющийся ревень (Rheum spiciforme), который встречается также на Гималае и в южной Сибири, хохлатка (Corydalis melanochlora n. sp.), лук (Allium sp.), молочай (Euphorbia sp.), Oxygraphis glacialis, Lagotis brevituba n. sp., Dilophia fontana n. sp., Dryadanthe Bungeana, Saussurea sp., Arenaria kansuensis n. sp. В верхнем поясе альпийской области обильны болота, которых весьма мало в поясе альпийских кустарников и нет вовсе в области лесов.

При абсолютной высоте в 15 000 футов на северном склоне описываемых гор растительность совершенно исчезает и начинается область голых россыпей. В них нет вовсе растений, даже лишаев, хотя, при хорошей погоде, довольно часто попадаются здесь мухи и пауки.

Ф а у н а. Подобно флоре, фауна описываемых гор, как и других на верхней Хуан-хэ весьма сходствует с фауной восточного Нань-шаня (гор Гань-су). Из крупных зверей в лесах живут: медведь, марал, косуля и кабарга; в скалах альпийского пояса водятся куку-яманы (Pseudois nahoor); мелкие грызуны [мыши, полевки, пищухи]—(Mus, Arvicola, Lagomys) попадаются также везде по горам; есть зайцы, лисицы и волки, но сурков (Arctomys) мы не встречали. Среди птиц больше разнообразия. В лесах много ушастых фазанов (Crossoptilon auritum), но других куриных, свойственных восточному Нань-шаню (Ithaginis geoffroyi, Tetrastes sewerzowi, Tetraophasis obscurus [т. е. фазана сермуна, рябчика Северцова и короткохвостого фазана кундыка] здесь нет. Из мелких певунов в тех же лесах обыкновенны: дрозд Кесслера (Merula kessleri), водяная горихвостка (Chaemarrhornis leucocephala), пеночки (Phyllopneuste xanthodryas, Abrornis affinis), синицы (Poecile affinis, Lophophanes beavani?) [чечевица, тимелия]—Carpodacus dubius, Trochalopteron ellioti и др. В кустарниках альпийской области часто слышится трещанье [пестрогрудой камышевки]—Dumeticola affinis; кроме того попадаются: красногорлый соловей (Calliope tchebaiewi), горная щеврица (Anthus rosaceus), снегиревидная стренатка (Urocynchramus pylzowi), а по лугам там же поет наш полевой жаворонок (Alauda arvensis).

В самом верхнем поясе альпийской области в диких скалах и россыпях, между которыми разбросаны жалкие лужайки, слышится прекрасное пенье непальской завирушки (Accentor nipalensis) и встречается [красный

вьюрок]—Pyrrhospiza longirostris; здесь же встречается великолепный голубой чеккан (Grandala coelicolor), и в течение круглого года живут улары (Megaloperdix thibetanus).

Наше пребывание в этих горах. Пройдя от г. Гуй-дуя верст 40 вверх по р. Муджик-хэ, на нижнем течении которой почти сплошь расположены пашни и фанзы оседлых хара-тангутов рода дун-цзу, мы достигли лесных гор Муджик. Из этих гор китайцы и тангуты сплавляют в Гуй-дуй лес, вниз по той же Муджик-хэ, весьма быстрой и мелкой. Бревна пускаются в речку поодиночке и хотя они беспрестанно застревают в камнях, но рабочие, идущие пешком по берегу, вновь их освобождают и, таким образом, с большой потерей времени и труда, доставляют к месту назначения. Помимо Гуй-дуя лес этот отправляется и далее вниз по Хуан-хэ.

Местность, в которой теперь мы разбили свой бивуак, была гораздо доступней, нежели по ту сторону Хуан-хэ. Вновь цветущих растений нашлось довольно много; но из птиц, против прежних, прибавились только три вида: Trochalopteron ellioti, Lophophanes beavani?, Dumeticola affinis [тимерия, рыжешейная синица, пестрогрудая камышевка], последняя, впрочем, встречалась лишь в кустарниках альпийской области. Ушастых фазанов было довольно, но теперь они начинали линять и не годились для чучел; притом в коллекцию уже достаточно набралось этих птиц.

Бо́льшее разнообразие растительности нашлось с переходом нашим в альпийскую область гор Джахар. Здесь мы расположились сначала пониже, а затем перекочевали на 12 400 футов абсолютной высоты на р. Джахар-чю, впадающую в Муджик-хэ. Бивуак наш теперь находился невдалеке от снеговых гор, среди альпийских лугов, покрытых пестрым ковром различных цветов, но проклятые непогоды сильно мешали экскурсиям. Дожди, падавшие очень часто и в лесной области гор, здесь шли решительно каждые сутки, нередко мешаясь со снегом; по временам поднимались даже метели, как бы в глубокую зиму, по ночам перепадали морозы (до —2°). Сырость стояла ужасная; холод принуждал нас надевать полушубки. Однако, несмотря на все это, многие десятки видов альпийских трав цвели совершенно по-летнему. Случалось, что ночью снег засыпал сплошь эти цветы и холод их замораживал, так что ранним утром альпийские луга похожи были на наши равнины при первопутье зимой. Но вот поднималось солнце—снег быстро растаивал, нагнутые и замороженные головки цветов, как, например, мака, астры, курослепника, буковицы и др., вновь выпрямлялись, оживали и к полдню красовались как ни в чем не бывало...

На отличных пастбищах гор Джахар и Муджик кочуют хара-тангуты рода ваншу-тапшу. Общее их число простирается, как нам сообщали, до тысячи палаток. На нас смотрели недоверчиво и подозрительно; даже в стойбищах, ближайших к нашему бивуаку, ни разу не хотели пустить к себе в палатки, хитро отговариваясь тем, что при своей бедности они не могут принять столь высоких гостей.

Охотничьи экскурсии. Кроме сбора растений, мы не забывали и охотничьих экскурсий, как только позволяла погода. Отправлялись обыкновенно в ближайшие скалы и там охотились, главным образом, за голубыми чекканами (Grandala ceolicolor). Эта великолепная птичка, ростом с певчего дрозда, открыта впервые Гульдом на Гималае, затем найдена миссионером Давидом в западной Сы-чуани, а мной—в восточном Нань-шане и в горах верхней Хуан-хэ. Оперение самца хотя скромное,

но чрезвычайно красивое: крылья и хвост черные, все же остальные перья прекрасного яркоголубого цвета, точь-в-точь цвет голубого шелка; самка имеет пеструю, невзрачную окраску.

Везде Grandala coelicolor держатся только в высочайших горах и притом в самом верхнем их поясе, обыкновенно в скалах вблизи снеговой линии. Отсюда описываемые птички слетают на соседние скудные луга, где ловят насекомых, составляющих, сколько кажется, их единственную пищу. Живут обыкновенно обществами в несколько десятков экземпляров; гнездятся, вероятно, также по соседству друг с другом.

Охота за голубыми чекканами насколько заманчива для орнитолога, настолько же и трудна: необходимо забраться в высокий пояс гор, где вечная непогода, неприступные скалы, громадные россыпи... Ходьба адская даже по лугам, которые везде здесь чрезвычайно круты. Притом Grandala coelicolor хотя вообще мало осторожны, так как никогда не преследуются человеком, но часто бывают недоступны для охотника, сидя на высоких скалах; убитые же птицы нередко пропадают, заваливаясь между крупными камнями россыпей или в глубокие трещины. Случается, что, пролазавши целый день и сильно уставши, возвращаешься ни с чем к своему бивуаку.

Но иногда выпадает и удачная охота, обыкновенно в том случае, когда застанешь голубых чекканов во время их покормки на лугах между скалами; здесь описываемых птичек бить нетрудно в лет и сидячих. Если луг—любимый голубыми чекканами, то они посещают его аккуратно во время жировки и возвращаются вскоре даже после выстрелов; нужно засесть и ждать—сами прилетят к охотнику. Так мы и охотились в горах Джахар, где, в продолжение трех дней, убили 25 экземпляров Grandala coelicolor—добыча дорогая для орнитологической коллекции. Чарующее впечатление производит эта красивая птичка, сидящая, словно цветок, на лугу или порхающая по скалам. Иногда даже жалко стрелять в милое, доверчивое создание. И всякий раз, убивши голубого чеккана, сначала несколько минут полюбуешься им, а потом уже спрячешь в свою сумку.

Немало оригинальности придает подобной охоте сама местность. Приходится лазить или сидеть на высоте в 13—14 тысяч футов, нередко в облаках, иногда даже выше их. Во все стороны раскрывается далекий, необъятный горизонт; смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь... Вдруг над самой головой, с особенным дребезжащим шумом крыльев, плавно пролетит громадный гриф или ягнятник; невольно провожаешь глазами эту могучую птицу. То раздается громкий голос улара или прекрасное пенье непальской завирушки (Accentor nipalensis) и [красного вьюрка]—Pyrrhospiza longirostris, сожителей голубого чеккана; с окрестных скал нередко валятся камни и с шумом летят далеко вниз в пропасти; то вдруг станет совершенно тихо, словно в горах нет ни одного живого существа... Но вот набежит облако и обдаст сыростью, или осыплет снежной крупой, или, наконец, разразится недолгим бураном... Однако непогода мало страшит горных птиц; иногда даже во время сильной метели слышится их пенье; впрочем, сам голубой чеккан поет довольно плохо.

В о с х о ж д е н и е   н а   г о р у   Д ж а х а р. Для определения высоты снежной линии тех гор, в которых мы теперь находились, мною предпринято было 14 июня восхождение на снеговую группу Джахар, лежавшую к западу-юго-западу от нашей стоянки. Со мной отправились В. И. Роборовский и один из солдат. Поехали мы от своего стойбища часов в семь утра, верхами, так как до подножья снеговых гор расстояние было

около семи верст. Дорожки здесь не имелось; лошади шли напрямик, притом с большим трудом, в особенности во второй половине пути, где часто встречались камни и кочковатые болота. Альпийские луга, с поднятием вверх, становились все беднее и беднее, хотя кустарники Potentilla fruticosa, Salix sp., Spiraea sp., Hippophae rhamnoides [курильский чай, ива, таволга, облепиха] поднялись до 13 500 футов абсолютной высоты; далее вверх лишь тощие цветки едва показывались от земли, хотя все-таки мы здесь нашли 10 цветущих видов, не встреченных нами в той же альпийской области. Наконец, при абсолютной высоте в 15 000 футов исчезла травянистая растительность и начались голые россыпи. Лошади наши были оставлены еще раньше под присмотром солдата; там же для облегчения мы оставили и свои ружья. Затем, карабкаясь вверх по россыпям, достигли границы нерастаявшего зимнего снега, который имел 2—3 ф. глубины, местами и более. Здесь вновь сделано было барометрическое определение абсолютной высоты. Оказалось, что снеговая линия на северном склоне описываемых гор проходит на абсолютной высоте 15 500 ф., следовательно опускается значительно ниже, чем на плоскогорье Северного Тибета под той же широтой; притом обширных ледников в снеговой группе Джахар нет, вероятно потому, что для них мало здесь места.

Итти далее вверх по твердому снегу было довольно легко, и через несколько сот шагов мы достигли вершины ближайшей горы. Рядом с ней далее к востоку поднимались еще две-три вершины, превосходившие нашу, сколько можно было судить на глаз, футов на 400 или на 500. Наша же гора имела 15 800 футов абсолютного поднятия. С ее вершины, невдалеке к югу, видны были еще две отдельные небольшие снеговые группы; западная из них называется тангутами Мыргыма. На южном склоне снеговой группы Джахар вечного снега, сколько кажется, нет; да и во всем этом хребте, как нам сообщали, других снеговых вершин не имеется.

Между тем ясная с утра погода перед полуднем начала портиться. Появились сначала кучевые облака, которые, быстро сгущаясь, обратились в тучи; вершины гор закурились туманом—верный знак непогоды. Необходимо было спешить обратно к лошадям. Не успели мы еще дойти до них, как поднялась сильная метель, не перестававшая до самого возвращения нашего на бивуак.

Возвращение в Гуй-дуй. Обследовав альпийскую область гор Джахар, мы решили не итти далее к югу, а возвратиться через Гуй-дуй на Куку-нор. Движение в южном направлении к горам Дзун-мо-лун и далее было бы чрезвычайно затруднительно, так как опять пришлось бы лазить по глубоким ущельям и посылать разъезды для отыскания пути. Ни наши лошади, ни мулы, теперь немного отдохнувшие и поправившиеся, не выдержали бы столь трудной дороги. Да притом в местностях, ближайших к нынешней нашей стоянке, мы, несомненно, встретили бы, относительно флоры и фауны, то же самое, что уже нашли до сих пор на верхней Хуан-хэ. Более же дальнему движению в южном направлении, помимо усталости наших животных, легко могли помешать горные реки, летом сильно здесь разливающиеся. Наконец урывком в месяц или два невозможно бы было исследовать даже часть той громадной альпийской страны, которая служит переходом от Тибета к собственно Китаю. Для этого необходима особая экспедиция, требующая, при благоприятных обстоятельствах, не менее года, или даже двух лет времени.

Сообразив все вышеизложенное, мы сняли свой бивуак на альпийских лугах гор Джахар и прежним путем отправились в Гуй-дуй. В первый

день спустились в лесную область, а назавтра совсем вышли из гор. Взамен недавнего холода и ужасной сырости теперь стало тепло и сухо. Можно было спокойно просушить собранные чучела птиц и растения; последних набралось в гербарий с начала весны уже более 400 видов.

Мимоходом наш переводчик узнал теперь, что в Восточном Тибете недавно родился новый далай-лама, которому поверили на месте его родины и у тангутов в стране Амдо. Другие же тибетцы не хотят признавать новорожденного, считая попрежнему истинным далай-ламой того, который живет в Лхасе. Начались раздоры, дошедшие до кровавых столкновений. В них приняли участие и китайские войска, отправившиеся нынешней весной из г. Хо-чжеу к верховьям Желтой реки для усмирения раскольников-тангутов. Однако, по слухам, эти последние побили китайцев и отняли у них обоз. Самозванец же далай-лама увезен своими приверженцами и спрятан в горах. Насколько все это верно, сказать трудно.

Переход на Кукунорское плато. В Гуй-дуе нас опять встретил посланный сининского амбаня с предложением итти, не заходя на Куку-нор, прямо через Синин в Ала-шань. Вероятно, наше присутствие чересчур беспокоило подозрительного амбаня; поэтому он и старался так усердно поскорей нас от себя выпроводить. Со своей стороны, мы также не церемонились с назойливым правителем Синина и, не слушая его увещаний, отправлялись туда, куда нам было нужно. Так и теперь сининский посланец был отправлен обратно, сами же мы пошли на Куку-нор. Через Хуан-хэ переправились опять в два приема на прежнем месте и в прежней барке. Вода Желтой реки в это время стояла на гораздо низшем уровне, чем три недели тому назад, вероятно потому, что несколько дней сряду не было сильных дождей. Однако в ту же ночь разразилась гроза с проливным дождем, и на другой день вода в Хуан-хэ сильно поднялась, притом от растворенной лёссовой глины сделалась совершенно мутной, почти желтого цвета. Тот же самый ливень наделал и нам немало хлопот, затопив неожиданно наш бивуак. Пришлось ночью в совершенной темноте прокапывать канавы, чтобы спустить воду, а затем спать на измокших войлоках.

На другой день взошедшее солнце быстро высушило почву, и мы благополучно, хотя с большим трудом, перебрались через лёссовые обрывы, упирающиеся в Хуан-хэ. Как и в первый раз, для помоги нам было собрано около сотни тангутов и тангуток, опять-таки весьма мало помогавших и остававшихся только зрителями нашего перехода. На дне ущелья лёссовая глина, растворенная дождем, представляла собой густой сироп, в котором вьючные мулы и мы сами вязли по колено. Выбравшись из этой несносной грязи, мы разбили свой бивуак в последний раз на берегу Хуан-хэ. В ее глубокой долине жара теперь доходила до +33,7° и чувствовалась особенно сильно после недавних морозов и метелей гор Джахар. Впрочем, температура опять быстро понизилась, лишь только, пройдя ущельем р. Тагалын, мы взошли на Кукунорское плато. Этим подъемом и закончилось трехмесячное наше исследование бассейна верхней Хуан-хэ, т. е. тех местностей северо-восточного угла Тибетского нагорья, которые прилегают к собственно Китаю и несут частью тибетский, частью китайский характер, без исключительного преобладания одного над другим.

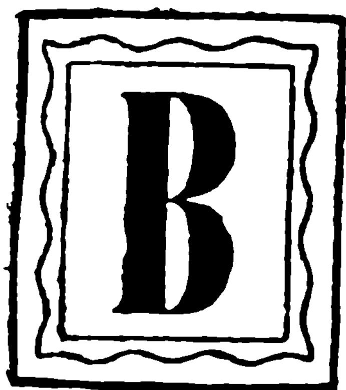

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ЛЕТНЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ ОЗ. КУКУ-НОР. ВТОРИЧНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО НАНЬ-ШАНЯ

[24 июня/6 июля—10/22 августа 1880 г.]

Идем долиной р. Ара-гол.—Стоянка на берегу Куку-нора.—Следование по восточной его стороне.—Растительность береговой полосы.—Джума.—Бивуак на устье р. Балема.—Охота за горными гусями.—Выбор возвратного пути через Ала-шань.—Местность от Куку-нора до кумирни Чейбсен.—Наше здесь следование.—Постоянные дожди.—Старые знакомцы в Чейбсене.—Водяная молельня.—Хребет Южно-Тэтунгский.—Растительность его альпийского пояса.—Флора лесной области.—Фауна тех же гор.—Местные тангуты.—Наше пребывание в описываемых горах.—Кумирня Чертынтон.—Хребет Северно-Тэтунгский.—Последние впечатления гор.—Переход до города Да-и-гу.—Спуск с Тибетского нагорья к Ала-шаню.

Выбравшись 23 июня из глубоких ущелий Хуан-хэ на плато Куку-нора, мы продолжали свой путь к названному озеру степной, довольно широкой равниной, которая залегает по р. Ара-гол и продолжается в том же юго-восточном направлении до отрывистых спусков к самой Желтой реке. С юга эту высокую долину окаймляет, как было уже ранее говорено, хребет Южно-Кукунорский; с севера—хребет Ама-сургу, на продолжении которого в северо-западном направлении стоят новые горы, отделяющие плато Куку-нора от бассейна Сининской реки.

Дожди, немного было утихшие после гор Джахар, теперь начались попрежнему, сопровождались обыкновенно грозами и нередко падали ливнями. Эти ливни, смывая лёссовую глину, затопляли более низкие места и до крайности мутили воду в речках; невозможно было напиться или сварить чай, не дав почерпнутой воде хотя немного отстояться. Затем измокший аргал вовсе не горел, деревьев же или кустарников нигде не было; пришлось разрубить для топлива палки от верблюжьих седел и довольствоваться полусваренной бараниной. Те же самые ливни уничтожили бесчисленное множество пищух (Lagomys ladacensis?), столь обильных на Куку-норе. Теперь эти пищухи беспрестанно валялись мертвыми возле своих нор; многие были залиты в тех же норах. Везде по степи летали коршуны, вороны и орланы, собирая легкую добычу. Вероятно, подобные истории случаются нередко как здесь, так и во всем Северном Тибете, чем, до известной степени, приостанавливается необычайное размножение плодливого зверька.

Стоянка на берегу Куку-нора. Устье р. Ара-гол пересыпано, должно быть недавно, песком, так что ныне река эта не впадает в Куку-нор, но образует недалеко от его берега три небольших пресноводных озера. Возле северного из этих озер мы разбили свой бивуак. Место для стоянки здесь было хорошее, и мы пробыли на нем четверо суток, т. е. все последние дни июня, занимались рыбной ловлей, охотой и собираньем довольно скудной степной флоры. При ясной погоде купались в Куку-норе, берег которого отстоял от нашего бивуака лишь на одну версту. Купанье было превосходное: вода имела от 18 до 20° тепла; дно же, при небольшой глубине, состояло из мелкого песка, сбитого волнами в твердую массу, словно асфальт.

На озерах, образуемых р. Ара-гол, в большом количестве держались со своими молодыми турпаны и горные гуси (Anser indicus); кроме того, здесь встречалось много гагар (Podiceps cristatus), которые еще высиживали яйца на своих пловучих, из травы сделанных, гнездах. Найдена была также большая редкость, именно яйца черношейного журавля (Grus nigricollis), впервые открытого мной на том же Куку-норе в 1873 году. Нынешней весной мы добыли в свою коллекцию шесть экземпляров этих редких журавлей и нашли два их гнезда. Вообще на Куку-норе, сколько можно было теперь видеть, не только прилетные, но и местные птицы большей частью гнездятся поздно, вероятно вследствие продолжительных весенних холодов. Кроме того, несмотря на обилие воды и болот, многие пролетные голенастые и водяные вовсе не остаются здесь для вывода молодых[1].

Несмотря на высокое положение местности и на дождливую, весьма прохладную погоду, летом на болотах Куку-нора множество мошек и комаров[2], которые в тихие дни изрядно донимали как нас, так и наших животных. Жертвой этих кровопийц сделался знаменитый наш баран, по прозванию Ёграй, который куплен был еще в Тибете и с тех пор ходил при караване вожаком вновь приобретаемых баранов. Теперь этот Ёграй ослеп от укусов мошек и был оставлен на месте нашей стоянки—убить старого спутника рука не поднималась. Другой такой же баран из Цайдама прошел с нами взад и вперед по Северному Тибету, выходил три месяца на верховьях Желтой реки и теперь еще здравствовал, исполняя должность вожака при новых своих собратиях. Впоследствии этот самый баран дошел от Куку-нора до средины Гоби и здесь на пятой тысяче верст своего пути был оставлен монголам, так как сильно подбил копыта на гальке пустыни.

Следование по восточной стороне Куку-нора. От р. Ара-гол мы прошли в три дня к устью р. Балема. Расстояние здесь 73 версты. Дорога идет то по самому берегу Куку-нора, то, гораздо чаще, отходит от него в сторону, пересекая по хорде полуострова или избегая песков. Последние весьма здесь обильны и, как обыкновенно, насыпаны холмами от 200 до 400 футов высотой. Южная гряда описываемых песков

---

[1] Как, например, кроншнеп (Numenius major), сукален (Limosa melanuroides), бекас (Scolopax gallinago), шилоклювка (Recurvirostra avocetta), чибис (Vanellus cristatus), серые и малые журавли (Grus cinerea, G. virgo), серый гусь (Anser cinereus) и даже утки (Anas boschas, A. clypeata, A. penelope, Tadorna cornuta).

[2] Противоположно прежним рассказам монголов, уверявших нас, при первом здесь путешествии, что летом на Куку-норе нет вовсе этих насекомых. Впрочем, Муркрофт встретил их в обилии даже на гораздо большей абсолютной высоте (15 250 футов) на оз. Мансороар в Юго-западном Тибете (113).

протягивается от Куку-нора до самых окрайних гор. Северная же песчаная группа вытянута больше по берегу описываемого озера, от которого отделяет гораздо меньшее, но более соленое оз. Хара-нор, по всему вероятию некогда бывшее частью Куку-нора. Те же самые пески, приносимые западными ветрами, сильно уже обмелили обширный залив, вдавшийся между северной и южной песчаными группами, как равно образовали три песчаных острова, лежащих невдалеке от восточного берега Куку-нора.

По пути здесь нам очень мало попадалось кочевников; все они ушли на лето в соседние горы, где стадам привольней без мучающих насекомых и притом корм лучше. Лишь не доходя немного до р. Балема, мы встретили походную кумирню, состоящую из десятка черных палаток и вдвое большего числа юрт; в тех и других жили сотни две лам тангутских и монгольских.

Растительность береговой полосы. Флора Куку-нора, как и следует ожидать, небогата разнообразием видов. В самом озере растет по дну, да и то не в обилии, один только вид водоросли (Conferva sp.); затем ни тростника, ни каких-либо других водяных растений нет. По равнинным берегам, на почве глинистой (лёссовой) преобладает дырисун (Lasiagrostis splendens); там же, где к глине подмешаны песок или гравий, обильно растут: ковыль (Stipa orientalis), мелкий розовый лук (Allium sp.), мышьяк (Thermopsis lanceolata) и гулявник (Sisymbrium n. sp.); реже—[астра]—Calimeris altaica, Anaphalis lactea n. sp., [житняк]—Hypecoum leptocarpum [хвойник односеменной]—Ephedra monosperma; последний, впрочем, чаще встречается на песке по берегу самого озера. На старых стойбищных местах густо растет мелкая лебеда (Chenopodium Botrys) и весьма изобильны шампиньоны (Agaricus sp.). В сыпучих песках восточного берега произрастают: кустарный чернобыльник (Artemisia campestris), розовый астрагал (Astragalus sp.), ломонос (Clematis orientalis var.), Hymenolaena n. sp., белый василистник (Thalictrum petaloideum), колючий низкий кустарник [остролодка]—Oxytropis aciphylla; нередки ель (Abies Schrenkiana) и тополь (Populus Przewalskii n. sp.), тот же, что на Желтой реке, но только здесь являющийся маленьким деревцом или чаще даже кустом. По Бухайн-голу обилен балга-мото (Myricaria sp.), но его нет по другим притокам Куку-нора.

Большее разнообразие флоры встречается на местах болотистых, часто покрытых здесь маленькими кочками, как в Тибете. Но в этих болотах преобладают: обыкновенная осока (Carex sp.) и осока тибетская (Kobresia thibetica n. sp.), весьма нередки лютик (Ranunculus sp.), подорожник (Plantago sp.) и [таран Лаксмана]—Polygonum Laxmanni; красиво пестрят сплошной зеленый фон своими цветами: белый касатик (Iris ensata), розовый первоцвет (Primula sibirica), малиновая [орхидея]—Orchis Salina, желтый и белый мытники (Pedicularis chinensis n. sp., P. cheilantifolia); на более же топких местах по озеркам растут: водяная сосенка (Hippurus vulgaris), водяной лютик (Ranunculus aquaticus) и пузырчатки (Utricularia vulgaris)

Д ж у м á. Кроме того, на Куку-норе, как и во всей тангутской стране, растет джума—Potentilla anserina, [гусиная лапчатка], небольшое травянистое растение, принадлежащее к семейству розоцветных. Трава эта весьма обыкновенна также в Европе и известна у нас под названиями гусиной лапки, бедренца, столистника и др. В тангутской стране, т. е. в Северо-восточном Тибете, джума встречается всего чаще на старых покинутых стойбищах и по лужайкам в горных лесах; не чуждается также открытых

безлесных гор, растет там в долинах, где побольше влаги и почва перегнойная; в открытых сухих степях джумы нет.

Описываемое растение доставляет маленькие удлиненной формы съедобные клубни, которых при одном корне обыкновенно бывает несколько. Вкусом своим эти клубни в сыром виде отчасти напоминают свежие орехи; сваренные же весьма походят на фасоль или молодой картофель и, будучи приправлены маслом с солью, составляют весьма питательную, вкусную пищу. Копают джуму ранней весной и осенью, т. е. в то время, когда жизнедеятельность растения приостановлена. Этой копотливой работой занимаются тангутские женщины; добытые клубни моют и просушивают на солнце.

У всех тангутов джума составляет любимую еду и служит лакомством. Ею же питаются слепыши (Siphneus), весьма обильные в здешних местах ([144])

Вид оз. Куку-нор с сев. берега (от устья реки Балема).

и ушастые фазаны. Первые добывают клубни описываемого растения под землей, последние выкапывают их своими сильными ногами. Мы сами всегда старались добыть джумы от тангутов и обыкновенно ели ее с большим удовольствием.

Бивуак на устье р. Балема. Река Балема, называемая монголами Харгын-гол, при устье которой расположился теперь наш бивуак, составляет, после Бухайн-гола, самый большой приток оз. Куку-нора. Она вытекает из ближайших частей восточного Нань-шаня, имеет в низовье от 15 до 20 сажен ширины и при малой воде везде проходима в брод. Летом же, в период дождей, вода в описываемой реке сильно прибывает и делается чрезвычайно мутной от размываемой лёссовой глины. Эта муть образует в Куку-норе при устье Балема большую (версты 4—5 в диаметре) круглую площадь, которая своим желтоватым цветом резко отличается от темноголубой воды самого озера.

В реке Балема при ее устье много рыбы Schizopygopsis przewalskii, ради чего здесь держится множество орланов (Haliaetus macei), чаек (Larus ichtyaëtus) и бакланов (Phalacrocorax carbo). По окрестным болотам как и на других болотах Куку-нора, очень много гнездится куликов-красноножек (Totanus calidris) и горных гусей (Anser indicus). О последних поведем теперь речь.

Охота за горными гусями. Этот красивый гусь, впервые добытый в Индии и потому названный знаменитым Латамом «индийским

(Anser indicus)»[1], гораздо правильней мог бы получить название «гуся горного», так как водится исключительно в горах и на высоких плоскогорьях Центральной Азии. Здесь он распространяется от Индии до Сибири и заходит по Тянь-шаню в наш Туркестан; в собственно Китае не встречается.

Везде описываемый вид гнездится исключительно по горным болотам и речкам или по озерам на высоких плато, как, например, на Куку-норе. Сюда горные гуси прилетают ранней весной—в конце февраля или в начале марта. С прилета держатся небольшими (5—20 экземпляров) стайками; затем приступают к гнездению, вероятно, на болотах, за неимением вблизи скал, на которых в горах эти гуси обыкновенно делают свои гнезда. В период спаривания самец нередко гоняется на лету за самкой и при этом кувыркается в воздухе, подобно нашему ворону. Нрава горный гусь довольно смирного, притом весьма любопытен, в особенности если не в стаде: спугнутая пара нередко налетает на охотника, присевшего в траве или прилегшего на землю. Голос описываемого вида какой-то хныкающий, но довольно громкий.

Гусенята, которых в одном выводе бывает от 5 до 8, держатся вместе со своими родителями по речкам, болотам или озерам, возле которых вывелись. Старики в это время начинают линять, и к началу июля, когда молодые почти уже выросли, старые до того вылинивают, что летать вовсе не могут. В эту пору горные гуси, довольно беспечные в другое время года, делаются весьма осторожными. На больших озерах, как, например, на Куку-норе, где горных гусей очень много, десятки выводов соединяются вместе и общими силами охраняют свою безопасность. Обыкновенно стадо ходит по берегу озера или на ближайших к нему болотах, пощипывая траву; но, заметив охотника, хотя бы за версту, все гуси опрометью бросаются к озеру и отплывают вдаль; бегают очень быстро, пожалуй, быстрей человека.

Придя теперь на Куку-нор в конце июня, мы встретили там много выводов горных гусей, но, несмотря на усердное преследование, не могли сначала добыть ни одного молодого,—на открытых равнинных берегах подкрасться на выстрел к стаду было невозможно. Наконец, во время стоянки на устье р. Балема, мне посчастливилось отлично поохотиться на описываемых гусей.

По приходе на место бивуака на другое утро я отправился с препаратором Коломейцевым на озерки, лежавшие верстах в пяти от нашей стоянки и довольно далеко от берега самого Куку-нора. На одном из этих небольших, довольно мелких озер, расположенных среди болот, мы застали стадо горных гусей, молодых и линяющих старых, штук около семидесяти. Я пошел к птицам напрямик; по неглубокому, но довольно топкому озеру; Коломейцев же караулил с другого берега. Гусиное стадо, видя невозможность уйти куда-либо, оставалось на одном месте, то сплываясь в кучу, то расплывалось. Я приблизился к птицам шагов на 70 и, выбрав ту минуту, когда гуси сплылись в кучу, пустил в них два заряда. Полоса убитых и раненых обозначила дорогу, по которой летела дробь. Поспешно стал я вновь заряжать свое нескорострельное ружье, стоя по пояс в воде; между тем гуси, видя на противоположной стороне озера Коломейцева, преградившего им путь, не уходили, но, совершенно растерявшись, плавали взад и вперед на прежнем месте и даже подплывали ближе ко мне. Лишь

[1] Тот же вид позднее назван Северцовым Anser skorniakowii.

только ружье было заряжено, я опять сделал два выстрела в ближайшую кучу. Опять крик и смятение в стаде, но уходить оно не думает... Снова зарядил я ружье и снова с того же места выпалил из обоих стволов — гуси все-таки не уходят... Опять заряжаю ружье и еще выстреливаю; затем еще и еще. Так стрелял я с одного места 12 раз; наконец гуси опомнились и в рассыпную бросились уходить на болота. Тогда я отправился собирать убитых и набрал их 21 экземпляр, хотя, конечно, можно было взять только застреленных наповал; раненые же все ушли. Между тем Коломейцев, которому не пришлось стрелять с противоположного довольно глубокого берега, обойдя озеро, пришел ко мне. Тогда мы вместе забрали убитых гусей и потащили их в ближайшее тангутское стойбище, где, весьма кстати, находились в это время двое наших казаков, приехавшие покупать баранов. Эти казаки забрали на лошадей тяжелую добычу и повезли ее на бивуак.

Выбор возвратного пути через Ала-шань. Прибытием нашим на устье р. Балема завершилась съемка оз. Куку-нора. Не снятой оставалась лишь часть береговой полосы на протяжении 25 верст от нынешней нашей стоянки до устья р. Улан-хошун, где заканчивалась съемка 1873 года. Но здесь берег Куку-нора тянулся почти в прямом северо-западном направлении, которое можно было нанести на карту одной засечкой от устья р. Балема, не предпринимая обхода вверх по этой реке для переправы на другую ее сторону.

Гораздо важней для нас было решить вопрос, каким путем возвращаться домой: тем ли, которым ныне мы сюда пришли, т. е. через Са-чжеу, Хами и по Чжунгарии в Зайсан; или выбрать направление через Ала-шань на Ургу, по которому мы возвращались с Куку-нора в 1873 году. Первый путь был сравнительно легче и притом представлял возможность сделать по местам повторные наблюдения, что вообще весьма важно при путешествии в диких, малоизвестных странах. Но и при направлении через Алашань, а затем срединой Гоби мы также дополняли свои прежние здесь исследования; тем более, что некоторые из них производились при первом путешествии грубыми инструментами[1]. Наконец, как для того, так и для другого из возвратных путей необходимы были верблюды, которых мы нигде не могли достать теперь на Куку-норе[2]. При следовании же на Сачжеу и Хами верблюды нашлись бы только в цайдамском Сыртыне, но еще вопрос: продали ли бы нам их там, или нет? С своими же наличными мулами и тремя уцелевшими верблюдами мы, наверное, могли дойти до Ала-шаня и там, также наверное, достать вьючных верблюдов. Таким образом, шансы расчета сильно склонялись на сторону алашанского пути, и он был избран окончательно.

Местность от Куку-нора до кумирни Чейбсен. 6 июля покинули мы свой бивуак на берегу Куку-нора, а на другой день совсем распрощались с этим озером. Его бассейн отделялся теперь по нашему пути от притоков Сининской реки лишь невысокой седловиной[3],

[1] Так, например, вместо барометра, мы имели тогда лишь самодельный гипсометр; вместо хронометра, при определении широт, употреблялись простые часы и т. п.

[2] Мы даже не видели теперь здесь ни одного верблюда; думаю, что сининский амбань распорядился угнать с нашего пути этих животных, опасаясь, чтобы мы, добыв свежих верблюдов, не отправились вновь в Тибет.

[3] Барометрического измерения сделать здесь не удалось; но приблизительно, на глаз, эта седловина, равно как и перевал через такую же седловину от Куку-нора к г. Донкыру, едва ли поднимаются более тысячи футов над уровнем самого Куку-нора.

которая в то же время служит связью между окрайним хребтом восточного берега Куку-нора и мощными горами на северной стороне того же озера. Эти последние горы принадлежат системе Нань-шаня, состоящего здесь, т. е. в восточной своей части, из трех главных хребтов: наружного к стороне Гоби, которому собственно и приурочивается китайское название Нань-шань, или Сюэ-шань[1], и двух внутренних, сопровождающих течение р. Тэтунг-гол. Последние горы лежат, по всему вероятию, на восточном продолжении хребта Гумбольдта и известны китайской географии, как свидетельствует барон Рихтгофен[2], под названием Тшетри-шань, хотя на месте мы не слыхали подобного названия. За неимением, кроме того, отдельных названий хребтам по обеим сторонам р. Тэтунга я обозначил их, еще при первом здесь путешествии, Северно-Тэтунгским и Южно-Тэтунгским хребтами[3]. Для устранения сбивчивости буду следовать и теперь той же номенклатуре.

Вслед за вышеуказанным невысоким перевалом от Куку-нора в бассейн Сининской реки вновь раскидывается довольно обширное луговое плато, ограниченное с юга горами, лежащими северней г. Донкыра, с запада окрайним к Куку-нору хребтом, а с севера и востока отрогами Южно-Тэтунгских гор. Это плато имеет абсолютную высоту, равную с Куку-нором.

Земледелия здесь нет; только кочуют тангуты, с небольшим числом монголов и киргизов. Флора степная, но уже отчасти напоминающая соседний Нань-шань. Из млекопитающих здесь еще живут хуланы и пищухи (Lagomys ladacensis), которых нет далее к востоку. Там, вслед за горами, окаймляющими описываемое плато, раскидывается обширная холмистая и частью гористая местность, прилежащая к Синину; она орошается речками, текущими с Южно-Тэтунгских гор и впадающими в Сининскую реку. Вся эта площадь занята густым оседлым населением из китайцев, дунган, тангутов и далдов([145]). Кроме бесчисленных деревень, нередки и города, как Му-байшинта или Сэн-гуань, Шин-чен и Уям-бу. Опустошительная магометанская резня, продолжавшаяся здесь, то в больших, то в меньших размерах, с лишком десять лет, почти не оставила следов: все теперь вновь занято и заселено, частью прежними бежавшими жителями, частью, вероятно, новыми переселенцами из внутреннего Китая([146]).

Наше здесь следование. Восемь суток, с двумя в том числе дневками, употребили мы на переход от устья р. Балема до кумирни Чейбсен, той самой, которая в 1872 и 1873 годах служила базисом, так сказать, наших исследований в этой части провинции Гань-су. От Чейбсена же мы пошли тогда обходным (через верховья р. Тэтунга) путем на Куку-нор, так как прямая дорога лежала по местностям, занятым дунганами. Теперь мы двинулись этой прямой дорогой, хотя опять-таки уклонились от нее к югу, сами не знаем для чего, — так вел проводник, сининский китаец, сопутствовавший нам в качестве соглядатая и на Куку-норе. Вероятно, подозрительный сининский амбань не желал, чтобы мы шли через обильно населенный дунганами город Сэн-гуань или Му-байшинта, опасаясь каких-либо с нашей стороны тайных сношений

[1] Последнее название означает «Снежные горы»; первое — «Южные горы», так как они лежат к югу от городов Лянь-чжеу, Гань-чжеу, Су-чжеу и др., находящихся в узкой культурной полосе по окраине пустыни.

[2] «China», стр. 267 и карты 2, 3, 8, 9 и 11.

[3] «Монголия и страна тангутов», стр. 230 [в издании 1946 г. стр. 213].

с этими заклятыми врагами китайцев. Поэтому нас и обвели южней на большую деревню Бамба, также, впрочем, населенную магометанами. Эти последние сильно угнетаются китайцами и, при первом удобном случае, несомненно, станут поголовно на сторону всякого китайского неприятеля.

В горах, лежащих западнее деревни Бамба, мы дважды дневали, специально для сбора новых растений, которых нашлось здесь более 100 видов. Очень многие из них свойственны и хребтам по р. Тэтунгу; только в описываемых горах лесов нет; все они вырублены окрестными жителями для построек.

Миновав деревню Бамба, мы вступили в район оседлого населения. Насколько хватал глаз, вниз по холмам и долинам к Сининской реке все было сплошь обработано и заселено; клочка нигде не оставалось незанятого. Сверху, с гор, виднелся, как и везде в собственно Китае, чистый муравейник. На полях, превосходно обработанных, засеяны были ячмень, пшеница, горох, бобы; в меньшем количестве—лен, конопля и картофель. Все эти хлеба созревают здесь лишь в августе; поля же не орошаются арыками, так как летних дождей чересчур довольно.

Постоянные дожди. Эти самые дожди, то вперемежку, то иногда по целым дням и ночам сряду, нередко с грозами, сильно донимали нас как на Куку-норе, так и теперь. Сырость везде была ужасная; по временам становилось холодно, как осенью. Все мы ходили в мокром или сыром одеянии; собранные растения часто нельзя было просушить; ружья и револьверы ржавели до крайности. Словом, теперь повторилось то самое, что мы испытали в тех же местах летом и осенью 1872 года. По счастью, изредка проглядывавшее солнце пекло очень сильно, иначе наши коллекции погибли бы от сырости.

Старые знакомцы в Чейбсене. Перейдя по каменному мосту, близ небольшого города Шин-чен, реку Бугук-гол и сделав еще один переход, мы достигли кумирни Чейбсен [Чойбзен], возле которой расположились бивуаком[1]. Все здесь живо помнилось, несмотря на то, что минуло более семи лет после нашего пребывания в этих местах. Нашлись старые знакомые: донир (настоятель), нираба (эконом) и еще один лама в кумирне, с которыми некогда мы шли сюда из Ала-шаня, а также монгол Джигджит, ходивший с нами в качестве проводника и переводчика по горам Северо- и Южно-Тэтунгским. Все эти люди с непритворным радушием, даже большой радостью, встречали теперь нас. Между тем в настоящее путешествие мы почти нигде не приобретали друзей. Причины тому разные; главная же—недоброжелательство китайцев, распускавших про нас нелепые слухи; притом мы теперь мало встречали монголов, несравненно более добродушных, чем тангуты, не говоря уже о китайцах.

Водяная молельня. Новостью в Чейбсене было теперь для нас несколько водяных молелен—хурдэ, как их называют монголы, устроенных на ближайшей речке. Эти молельни, весьма обыкновенные в Тибете[2], частью и в других странах буддийского мира, состоят из большого железного цилиндра, укрепленного на деревянном столбе фута три высотой. Такой столб утвержден вертикально в обыкновенном мельничном колесе небольших размеров, горизонтально положенном. Струя

[1] Эта кумирня описана в моей книге «Монголия и страна тангутов», стр. 226—228 [в издании 1946 г. стр. 200—201].

[2] Однако у кочевых тибетцев и у хара-тангутов на Желтой реке мы не видали описываемых молелен.

воды направленная на упомянутое колесо, приводит его в быстрое вращательное движение, которое, помощью столба, сообщается и железному цилиндру. Последний снаружи выкрашен почти всегда в красный цвет и испещрен какими-то надписями, вероятно священными. Внутрь цилиндра кладутся верующими написанные на листочках бумаги или на тряпках молитвы, которые, находясь без перерыва в движении, тем самым как бы постоянно взывают к богу. Подобная машина в верхней своей части помещается в деревянном ящике, поддерживаемом на углах четырьмя столбиками. Один из боков этого ящика делается решетчатым, три остальные сплошь забираются досками; сверху устраивается крыша, покатая на две стороны.

Конец съемки. С приходом в Чейбсен окончилась маршрутно-глазомерная съемка, которую я вел от самой р. Урунгу[1]; предстоявший теперь путь через Ала-шань до Урги был снят еще в 1873 году. Всего в течение нынешней экспедиции снято было мной 3 850 верст. Если приложить сюда 5 300 верст, снятых при первом путешествии по Монголии и Северному Тибету, да 2 320 верст моей же съемки на Лоб-норе и в Чжунгарии, то в общем получится 11 470 верст, проложенных вновь на карту Центральной Азии. При этом следует сказать, что как ни проста сама по себе глазомерная съемка бусолью, но она достаточно утомляет дорогой, в особенности при жаре, так как для засечек часто приходится слезать с лошади; да и по приходе на место переноска снятого на чистый планшет всегда отнимает час или два времени. Притом сама съемка является лишь небольшой частью различных научных работ во время путешествия.

Хребет Южно-Тэтунгский. Передневав возле Чейбсена и завербовав снова к себе в вожаки и переводчики тангутского языка монгола Джигджита, мы отправились прежним путем в горы Южно-Тэтунгские, куда пришли в два перехода. Под горами везде встречалось, как и прежде, густое население: китайцы, в небольшом числе тангуты и далды.

Хребет Южно-Тэтунгский, равно как и другой, стоящий по северную сторону р. Тэтунг-гол, уже описаны в моей книге «Монголия и страна тангутов» под общим названием гор Гань-су[2]. Теперь придется сделать лишь кое-какие дополнения, в особенности относительно флоры и частью фауны этих хребтов. Оба они, как было говорено ранее, сопровождают течение р. Тэтунг-гол, или Да-тун-хэ[3], которая впадает в Хуан-хэ и в своем низовье принимает справа Сининскую реку. Истоки Тэтунга лежат на меридиане западной окраины Куку-нора и от этих истоков, вероятно, разделяются оба тэтунгские хребта, которые ранее того, т. е. западнее, быть может, составляют один главный хребет, протянувшийся сюда от снеговых гор Гумбольдта и Риттера. Этот хребет, вероятно, также пускает от себя второстепенные ветви, с одной стороны к Бухайн-голу, а с другой — более значительные, к окрайнему на стороне пустыни хребту того же Нань-шаня; быть может, здесь даже возникают и другие параллельные или поперечные гряды. Впрочем, все это лишь гадательные предположения, которые могут быть подтверждены или отвергнуты только исследованиями европейских путешественников.

Южно-Тэтунгский хребет, поднимающийся своими вершинами до

---

[1] С небольшим перерывом по восточному Цайдаму, от Хырмы Дзун-засак до Куку-нора, где мы шли по старому пути, снятому в 1873 году.

[2] Том I, стр. 229—243 [в новом издании 1946 г. стр. 202—215].

[3] По монгольскому названию Улан-мурэнь.

14 000 футов над уровнем моря, или немного более[1], нигде не достигает снеговой линии, но несет совершенно дикий, альпийский характер[2]; притом северный склон этих гор, в их восточной части, изобилует лесами и вообще богатой растительностью, начиная с альпийского пояса.

Этот пояс в описываемых горах лежит приблизительно вверх от 10 или 10½ тысяч футов абсолютного поднятия. Южный его район, от 10½ до 12 тысяч футов абсолютной высоты, принадлежит области альпийских кустарников; верхний от 12 до 13 или 13½ тысяч футов абсолютной высоты — области альпийских трав. Далее вверх следуют голые скалы и россыпи, между которыми, еще футов на 500 по вертикали, попадаются кое-где маленькие, невзрачные лужайки. Впрочем, такие границы можно обозначить лишь приблизительно, так как они изменяются, смотря по положению не только целого хребта, но и отдельных гор; притом нередко растительные области заходят одна в другую. Однако во всяком случае предельные линии лесной, кустарной и травянистой растительности в обоих тэтунгских хребтах лежат гораздо ниже, чем в горах на верхней Хуан-хэ и даже в хребте Южно-Кукунорском[3]. Впрочем, в последнем леса (исключительно

	Леса		Альпийские кустарники		Альпийские травы	
	от	до	от	до	от	до
	в тысячах футов.					
Джахар (сев. склон)	10	11½	11½	13	13	15
Угуту (сев. склон)	10½	12	12	?	?	
Южно-Кукунорский	11½	12½—13	11½	13	13	
	южный склон		(на сев. склоне)			
Южно-Тэтунгский (сев. склон)	8	10—10½	10½	12	12	13—13½

хвойные) растут лишь на южном склоне. В горах же верхней Хуан-хэ все леса запрятаны в глубокие, более теплые ущелья, а сами горы расположены в близком соседстве высоких степных плато, ради чего, помимо более южного положения, снеговая линия поднимается здесь более вверх, чем в восточном Нань-шане.

Растительность альпийского пояса. Области альпийских кустарников Южно-Тэтунгских гор принадлежит 12 кустарных видов[4], которые, за исключением лишь двух — Potentilla fruticosa, Cara-

[1] Гора Соди-соруксум одна из самых высоких в Южно-Тэтунгских горах, имеет 13 600 футов абсолютной высоты по определению точкой кипения воды во время первого моего здесь путешествия; но мне кажется, что цифра эта увеличилась бы при более правильном барометрическом определении абсолютной высоты той же горы, чего, однако, сделать нам не удалось.

[2] За исключением лишь самой западной своей части от верховьев Тэтунга к Куку-нору. См. «Монголия и страна тангутов», стр. 254 и 255 [в издании 1946 г. стр. 280].

[3] Вот приблизительные границы растительности вышеназванных горных хребтов:

[4] В Северо-Тэтунгских горах растительность как лесная, так и альпийская та же самая, но в общем не столь обильная.

gana jubata [курильский чай, карагана-верблюжий хвост], растут исключительно на северном склоне описываемого хребта, да и здесь занимают главным образом скаты, обращенные к северу. Из этих кустарников на первом месте должны быть поставлены рододендры [рододендроны] четырех видов (Rhododendron capitatum, Rh. anthopogonoides, Rh. thymifolium, Rh. Przewalskii), все новых, привезенных мной еще из первого здесь путешествия; затем следуют: альпийская карагана (Caragana jubata), желтый и белый курильский чай (Potentilla fruticosa, P. glabra), низкая лоза (Salix sp.) и [сибирка алтайская]—Sibiraea laevigata; на открытых площадках обыкновенна малина (Rubus Idaeus), весьма схожая с нашей, только ростом 1—$^1/_2$ фута; по берегам же речек растет еще более низенькая альпийская облепиха (Hippophäe sp.) с крупными (в горошину) ягодами.

Кроме этих кустарников, специально принадлежащих альпийской области, сюда заходят из лесов: белый шиповник (Rosa sericea), барбарис (Berberis dasystachya n. sp.), деревом растущая облепиха (Hippophaë rhamnoides) и древовидный можжевельник (Juniperus pseudo Sabina), последний поднимается вверх до 12 000 футов абсолютной высоты. Почва кустарных зарослей, обыкновенно весьма густых, почти везде выстлана мхом.

Из трав между альпийскими кустарниками красуются в июле[1]: генцианы (Gentiana barbata, G. Olivieri var., G. straminea n. sp.), мытники (Pedicularis labellata, P. Przewalskii n. sp.), герань (Geranium Pylzowi n. sp.), крупная альпийская астра (Aster alpinus), крупный мыкер (Polygonum viviparum), колокольчик (Adenophora sp.), зверобой (Hypericum Przewalskii n. sp.), мелисса (Dracocephalum tanguticum n. sp.), бузульник (Senecio Sagitta n. sp.), живокость (Delphinium Pylzowi n. sp.), [сосюрея]—Saussurea pygmaea n. sp., Saussurea phaeantha n. sp., Saussurea nigrescens n. sp. Там же по небольшим лугам возле ключей и речек цветут: тмин (Carum sp.), горошки [остролодки]—(Oxytropis sp., O. ochrocephala n. sp., O. kansuensis n. sp., O. strobilacea), лютик (Ranunculus affinis), маленькие генцианы (Gentiana aristata n. sp., G. aperta n. sp.), Anaphalis alata n. sp., [горноколосник]—Umbilicus sp., [володушка]—Bupleurum miltinerve, Swertia marginata, etc. Вообще луга альпийских кустарников роскошны своей травянистой флорой, в особенности в середине лета.

В области альпийских трав кустарные породы исчезают; растут одни лишь травы, обыкновенно мелкие, невзрачные. Преобладающих, хотя бы на небольших площадках, видов нет—все перемешано, пестрота. Характерными здесь растениями являются: лук синий и желтый (Allium cyaneum n. sp., A. chrysanthum n. sp.), гималайская буковица (Trollius pumilus) и гималайская скерда (Crepis glomerata), мыкер (Polygonum viviparum), камнеломка (Saxifraga n. sp., S. hirculus), три вида прикрыта (Aconitum gymnandrum n. sp., A. Anthora, A. rotundifolium), генциана (Gentiana Przewalskii n. sp.), ясколка (Cerastium melandrum n. sp.), голубой мак (Meconopsis racemosa n. sp.), уже отцветший, вероника (Veronica sp.), хохлатки (Corydalis linarioides n. sp., C. trachycarpa n. sp., C. dasyptera n. sp.), астрагал (Astragalus scythropus n. sp.), Cremanthodium plantagineum n. sp., Cremantodium discoideum n. sp., [сосюрея]—Saussurea stella n. sp., гималайская Saussurea hieracifolia, Hymaenolaena sp., Omphalodes

[1] Нижепоименованные виды могут быть приняты характерными для летней флоры не только Южно-Тэтунгских гор, но и всего восточного Нань-шаня (гор Гань-су).

blepharolepis n. sp. и два-три вида мелких злаков. По скалам, опять-таки всего чаще на их северных склонах, растут: очиток (Sedum n. sp.), сухоребрица (Draba sp.) и Isopyrum grandiflcrum. в половине июля уже отцветшиii.

В самом верхнем поясе альпийских лугов, там, где они перемешиваются с россыпями, встречаются Saussurea medusa n. sp. [сосюрея], Cremanthodium humile n. sp., Arenaria kansuensis n. sp. [песчанка ганьсуйская], Corydalis melanochlcra n. sp. [хохлатка] и невзрачный, стелющий по земле свои листья, ревень (Rheum spicifcrme) с длинным (3—4 фута) и ветвистым, но тонким нелекарственным корнем.

Ф л о р а л е с н о й о б л а с т и. Лесная область в горах Южно-Тэтунгских занимает северный склон хребта от самой долины р. Тэтунга. т. е. от 8 000 футов абсолютного поднятия вверх до 10 или $10^1/_2$ тысяч футов. Впрочем, густые леса оканчиваются футов на 500—700 ниже этого предела, и только можжевеловое дерево восходит до границы кустарной растительности. К западу от устья р. Рангхта, т. е. вверх по р. Тэтунгу, леса идут приблизительно верст на 70—80 или, быть может, на 100; далее заменяются кустарниками. К востоку же лесная область, вероятно, протягивается до самого окончания Южно-Тэтунгских гор близ впадения Сининской реки в Тэтунг. В меньшем обилии, спорадически, леса растут и в Северно-Тэтунгских горах, опять-таки всего больше на их северном склоне, хотя встречаются здесь и на склоне южном, в ущельях, обращенных к северу.

Нигде в Центральной Азии, не исключая даже Тянь-шаня и верхней Хуан-хэ, я не встречал таких прекрасных и разнообразных по своему составу лесов, как описываемые. Они покрывают крутые склоны гор и густыми зарослями одевают ущелья, по дну которых везде с шумом бегут быстрые, светлые потоки. Там и сям среди яркозеленой листвы выступают голые гнейсовые и гранитные[1] скалы разнообразных, иногда причудливых форм. Всюду тень, прохлада, благодать; притом неумолкаемое почти пенье птиц дополняет общую отрадную картину лесной жизни...

Древесные породы тэтунгских лесов следующие.

Береза—Betula Bhojpattra [гималайская береза] с буровато-красной опадающей корой, которую тангуты употребляют для заверток вместо бумаги. Дерево это, достигающее от 40 до 60 футов высоты, при диаметре ствола от $^1/_2$ до 1 фута, преобладает до верхней границы лесов. Береза белая (Betula alba), наша обыкновенная, растет лишь в нижнем поясе гор и встречается реже, нежели предыдущий вид. Осина (Populus tremula) также только в нижнем лесном поясе, иногда сплошными площадями; достигает от 50 до 70 футов высоты и от 1 до 2 футов толщины; но гораздо чаще встречается меньших размеров. Ель (Abies Schrenkiana) растет лишь в самом нижнем поясе лесов, нередко сплошным насаждением; достигает 40—50 футов высоты, при толщине $^1/_2$—1 фут; иногда же является могучим деревом от 80 до 100 футов высотой при 2—3 футах толщины. Сосна (Pinus leucosperma n. sp.), отличающаяся по исследованию академика К. И. Максимовича от обыкновенной сосны (Pinus silvestris) только более крупными и белыми семенами; растет там же, где и ель, нередко сплошными площадями; достигает от 60 до 70 футов высоты и от 1 до $1^1/_2$ фута толщины. Можжевеловое дерево (Juniperus pseudo Sabina) от 30 до

[1] Красный среднезернистый гранит встречается в среднем поясе Южно-Тэтунгских гор по р. Рангхта-гол. При первом описании тех же гор эта порода не была названа.

40 футов высотой, при толщине от 1 до 2 футов; растет в изобилии, исключительно на южных скатах гор, в поясе от 9 до 12 тысяч футов абсолютной высоты. Тополь (Populus suaveolens), распространенный от Алтая до Камчатки и Японии, встречается изредка по дну ущелий в нижнем лесном поясе; ростом бывает от 50 до 60 футов при 2 футах толщины. Рябина красная (Sorbus aucuparia var.) представляет, как и на верхней Хуан-хэ, крупноцветную разновидность; достигает 15 футов высоты. Рябина гималайская (Sorbus microphylla) с белыми, алебастрового цвета ягодами; достигает таких же размеров, как и вид предыдущий. Оба они обыкновенны во всем лесном поясе. Облепиха (Hippophäe rhamnoides), то деревцом, от 15 до 20 футов высотой, то кустарником, сплошь растет на островах речек, вниз от 9 000 футов абсолютной высоты. Наконец ива (Salix sp.) трех видов растет там же, где и облепиха; изредка встречается по горным склонам.

Кустарники описываемых лесов еще более разнообразны и всего роскошней развиваются в ущельях по берегам горных речек. Вот перечень этих кустарников.

Барбарис трех видов (Berberis chinensis, B. diaphana n. sp., B. dasystachya n. sp.), из которых два последние достигают двухсаженной высоты и усажены колючками в $1^1/_2$ дюйма длиной; два вида смородины (Ribes pulchellum, R. Meyeri); крыжовник (Ribes stenocarpa n. sp.) в сажень высотой, с крупными, но кислыми желтоватыми ягодами, встречается только в нижнем лесном поясе; два вида шиповника, с белыми и красными цветами (Rosa sericea, R. Przewalskiana); двухсаженный жасмин (Philadelphus coronarius), дико растущий от Гималаев до Японии; семь видов жимолости (Lonicera coerulea var. tangutica, L. hispida, L. chrysantha var. longipes, L. microphylla var. Sieversiana, L. nervosa n. sp., L. tangutica n. sp., L. syringantha n. sp.), из которых первый доставляет съедобные, попарно сидящие, продолговатые синие ягоды; три вида бересклета (Evonymus sachalinensis, E. nana, E. Przewalskii n. sp.); два вида кизильника (Cotoneaster nigra? C. rotundifolia), боярка (Crataegus n. sp.), даурская, калина (Viburnum dauricum), крушина (Rhamnus virgata), гималайская бузина (Sambucus adnata), малина (Rubus pungens?), таволга (Spiraea longigemmis n. sp.), отлично пахучая Daphne tangutica n. sp.; два вида караганы (Caragana frutescens, C. chamlagu), лоза (Salix sp.); Eleutherococcus senticosus, свойственный лесам Амура; Hydrangea pubescens, белолозник (Eurotia ceratoides), Potentilla fruticosa var. и Caryopteris tangutica n. sp. Таким образом на небольшом сравнительно пространстве растут 13 видов деревьев и 36 видов кустарников. Если же сюда приложить еще 12 кустарных видов, свойственных альпийской области, то мы получим всего 61 вид деревьев и кустарников, произрастающих в восточном Нань-шане.

Травянистая флора тех же лесов весьма богата и разнообразна. Наиболее характерными ее представителями в середине лета являются: земляника (Fragaria elatior), теперь поспевшая, но с водянистыми ягодами; недоспелка (Cacalia Roborowskii n. sp.), бузульники (Senecio tanguticus n. sp., S. Virgaurea n. sp., S. Przewalskii n. sp.), лекарственный ревень (Rheum palmatum), довольно редкий, водосбор (Aquilegia ecalcarata n. sp.), живокость (Delphinium grandiflorum), прикрыты (Aconitum Lycoctonum, реже A. volubile), колокольчики (Adenophora) четырех видов, герань (Geranium pratense), грушевка (Pyrola rotundifolia), горошек (Vicia unijuga), майник (Majanthemum bifolium), кровохлебка (Sanguisorba

officinalis), мытники (Pedicularis lasiophrys n. sp., P. rudis n. sp.. P. muscicola n. sp.), из которых последний красиво выстилает мшистую почву, в особенности хвойных лесов, своими розовыми цветами; рядом с ним, в тех же хвойных лесах, местами прокидываются маленькие орхидеи (Gymnadenia cucullata, Peristylus viridis, Goodyera repens). Далее следуют—вонючка (Cimicifuga foetida), василистник (Thalictrum sp.), очиток (Sedum Aizoon), пижма (Tanacetum sp.), китайская ромашка (Pyrethrum sinense). Doronicum stenoglossum n. sp., Podophyllum Emodi, Aralia sp., Hymaenolaena n. sp., Anaphalis margaritacea, Triosteum pinnatifidum n. sp., Codonopsis viridiflora n. sp., синюха (Polemonium coeruleum), репейник (Agrimonia pilosa), кипрей или Иван чай (Epilobium angustifolium), местами сплошь по луговым площадкам верхнего лесного пояса; лактук (Lactuca sp.), бальзамина (Impatiens nolitangere), тмин (Carum sp.), тот же, что и в альпийской области; гималайский зверобой (Halenia elliptica), джума (Potentilla anserina), крапива (Urtica dioica var.), белый касатик (Iris ensata) нередко сплошь по долинам нижнего лесного пояса; хвощ (Equisetum arvense), несколько видов злаков—Poa serotina, Avena sp., Bromus sp. [мятлик, овсюг, костер], вьющиеся ломоносы (Clematis orientalis, C. aethusaefolia), живучка (Ajuga sp.), саранка (Lilium tenuifolium), змееголовник (Dracocephalum altaiense var.); три последние вида встречаются преимущественно по открытым горным склонам. Лесную почву часто выстилают мхи: в лиственных лесах—Hypnum sp., в хвойных—Mnium sp.; те и другие нередко лепятся по скалам. В тех же горных лесах мы нашли 11 видов папоротников. Из них Aspidium filix mas, Nephrodium sp., Cystopteris montana(?) принадлежат лиственным лесам; Aspidium aculeatum, Polypodium Dryopteris—лесам хвойным. Кроме того, в тех и других, под скалами и на самых скалах, растут папоротники: Cystopteris fragilis, Adiantum pedatum, Adiantum Roborowskii n. sp., Polypodium n. sp., Asplenium sp., Cheilanthes argentea. Наконец, в лесах восточного Нань-шаня обыкновенны грибы, притом те же самые, которые растут и у нас: боровики, березовики, подосиновики (эти три вида редки), сыроежки, рыжики, волнушки, масляники, шампиньоны и другие, несъедобные, которых назвать не умею. Местами тангуты, как и все их собратья, вовсе не употребляют грибов в пищу; изредка, и то неохотно, едят ягоды.

Ф а у н а т е х ж е г о р. Несмотря на обилие лесов в восточном Нань-шане, здесь вообще мало млекопитающих как по числу видов, так и по количеству экземпляров. Тому причинами служат для крупных зверей довольно густое население описываемых гор, а для мелких, хотя бы грызунов, вероятно, слишком сырой климат во время лета. Малое же количество этих грызунов обусловливает, в свою очередь, и бедность мелких хищников, которые ими питаются. Правда, теперь мы пробыли в восточном Нань-шане слишком короткое, притом самое плохое, время для исследования млекопитающих; зато летом и осенью 1872 года и весной 1873 года достаточно обшарили эти самые горы. Но как тогда, так и теперь, нашли здесь всего лишь 18 диких видов млекопитающих[1], принадлежащих к трем отрядам: хищных, грызунов и жвачных. Из них альпийской области свойственны: куку-яман (Pseudois nahoor), сурок (Arctomys sp.), два вида пищухи (Lagomys thiebetanus?, Lagomys sp.) и полевка (Arvicola sp.).

[1] Или 22 вида, если приложить три вида—Antilope gutturosa, Canis corsac, Spermophilus sp. [дзерен, корсак, суслик], найденные в степной полосе к северу от р. Чагрын-гол, и рысь (Felis lynx), которая, как говорят, водится в лесах тэтунгских гор.

В лесах живут: медведь (Ursus sp.), весьма редкий, марал (Cervus sp.), косуля (Cervus pygargus), кабарга (Moschus moschiferus), волк (Canis lupus)[1], лисица (Canis vulpes), барсук (Meles sp.) и хорек (Mustela sp.); изредка попадаются дикая кошка (Felis sp.) и летяга (Pteromys sp.); по открытым долинам и луговым горным скатам весьма обыкновенны слепыши (Siphneus sp.); здесь же встречаются в небольшом числе и зайцы (Lepus sp.).

Из домашних животных жителями тех же гор содержатся 11 видов: кочевниками (тангутами)—обыкновенная корова, як, хайнык (помесь яка с коровой), лошадь, баран и коза; оседлыми (китайцами и дунганами)—осел, мул, свинья и кошка; собака встречается у тех и других.

Несравненно богаче восточный Нань-шань птицами, которых в оба путешествия мы нашли здесь 150 видов[2], располагающихся следующим образом по отрядам(147):

	Оседлые	Прилетающие гнездиться	Пролетные	Всего
Хищные (Accipitres)	6	9	3	18
Воробьиные (Passeres).	31	62	6	99
Кричащие (Scansores).	2	1	—	
Голубиные (Columbae)	1		—	4
Куриные (Gallinae)		1	—	10
Голенастые (Grallae)		1	9	10
Плавающие (Natatores)	—	1	5	6
Итого	49	78[3]		150

В общем орнитологическая фауна описываемых гор резко отличается от соседней монгольской и северо-тибетской, но весьма сходствует с западно-китайской. Притом же здесь встречаются многие гималайские виды, обыкновенно достигающие северной границы своего географического распространения[4].

Вот наиболее характерные птицы восточного Нань-шаня:

В альпийской области самого верхнего ее пояса (голых скал и россыпей): грифы (Vultur monachus, Gyps himalayensis), ягнятник (Gypaëtus barbatus), улар (Megaloperdix thibetanus), белоспинный голубь (Columba leuconota), альпийская клушица (Pyrrhocorax alpinus), голубой чеккан (Grandala coelicolor), вьюрки (Pyrrhospiza longirostris, Fringillauda nemo-

[1] Кроме того, туземцы сообщали нам о другом каком-то волке; быть может, то тибетский Canis chanko.

[2] Считая в том числе несколько видов, свойственных степной полосе к северу от р. Чагрын-гол. Из этих 150 видов 11 оказались новыми для науки и описаны мною в «Монголия и страна тангутов», т. II, Орнитологический отдел. Ныне для восточного Нань-шаня прибавился лишь один новый вид—Pyrgilauda kansuensis [гансуйский вьюрок].

[3] Из этого числа 7—8 видов, быть может, частью оседлы.

[4] Поименование этих видов см. «Монголия и страна тангутов», т. II, Орнитологический отдел стр. II.

ricola), непальская завирушка (Accentor nipalensis), горный стриж (Cypselus pacificus), кашмирская ласточка (Chelidon kashmiriensis).

В области альпийских лугов и кустарников: сифаньская куропатка (Perdix sifanica), горная щеврица (Anthus rosaceus), красногорлый соловей (Calliope tschebaiewi) [большая чечевица] — Carpodacus rubicilloides, [пестрогрудая камышевка]—Dumeticola affinis; по речкам—кашмирская оляпка (Cinclus kashmiriensis) и водяная горихвостка (Chaemarrhornis leucocephala). Два последние вида проходят также через всю лесную область.

В лесном поясе: ушастый фазан (Crossoptilon auritum), фазан обыкновенный (Phasianus strauchi), рябчик (Tetrastes sewerzowi), кундык (Tetraophasis obscurus), сермун (Ithaginis geoffroyi), дрозды (Merula kessleri, M. gouldii, Turdus auritus), горихвостки (Ruticilla hodgsoni, R. frontalis, R. nigrogularis), пеночки (Phyllopneuste plumbeitarsa, Ph. xanthodryas, Abrornis affinis), дятел (Picus mandarinus), кукушка (Cuculus canorinus), гималайский снегирь (Pyrrhula erythacus), [вьюрок Давида]—Carpodacus davidianus [чечевица]—Carpodacus dubius, Pterorhinus davidi [тимелия]—Trochalopteron ellioti. В хвойных лесах прибавляются: поползень (Sitta villosa), пищуха-сверчок (Certhia familiaris), корольки (Troglodytes fumigatus, Regulus himalayensis), хохлатая синица (Lophophanes dichroides), сойка (Garrulus brandtii), дубонос (Mycerobas carnipes); в более широких долинах поет полевой жаворонок (Alauda arvensis) и громко кричит большая щеврица (Corydalla richardii). Из водяных птиц гнездится лишь один горный гусь (Anser indicus), да и то в местностях, ближайших к оз. Куку-нор; из голенастых—горный кулик (Ibidorhyncha struthersii) и, быть может, изредка серая цапля (Ardea cinerea, var. brag.).

Из гадов в восточном Нань-шане водятся лишь 2 вида змей [узорчатый полоз, подкаменщик]—Elaphis dione, Trigonocephalus intermedius и наша обыкновенная лягушка Rana temporaria[148]. Рыб нами найдено 6 видов: Schizopygopsis stoliczkai, Schizopygopsis pylzowi, Squaliobarbus curriculus, Diptychus n. sp., Nemachilus robustus, Diplophysa sp.? Царство насекомых, хотя не обильно, но, сколько кажется, и не бедно, в особенности в самом нижнем горном поясе.

Местные тангуты. Население Северно- и Южно-Тэтунгских гор составляют тангуты, в меньшем количестве китайцы. Последние, с небольшим числом дунган, обитают лишь по р. Тэтунгу в городах Ю-нань-чен и Тэтунг[1] на верхнем течении названной реки, а затем в деревнях вниз от кумирни Чертынтон. Тангуты или кочуют по горам в своих черных палатках, или, изредка, ведут полуоседлую жизнь по горным долинам, помещаясь здесь в деревянных избах.

Об этих тангутах уже было рассказано в моей «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 256—267[2]. Поэтому теперь ограничусь лишь кратким конспектом большей частью прежних сведений, так как при настоящем путешествии мы пробыли среди описываемого народа лишь короткое время.

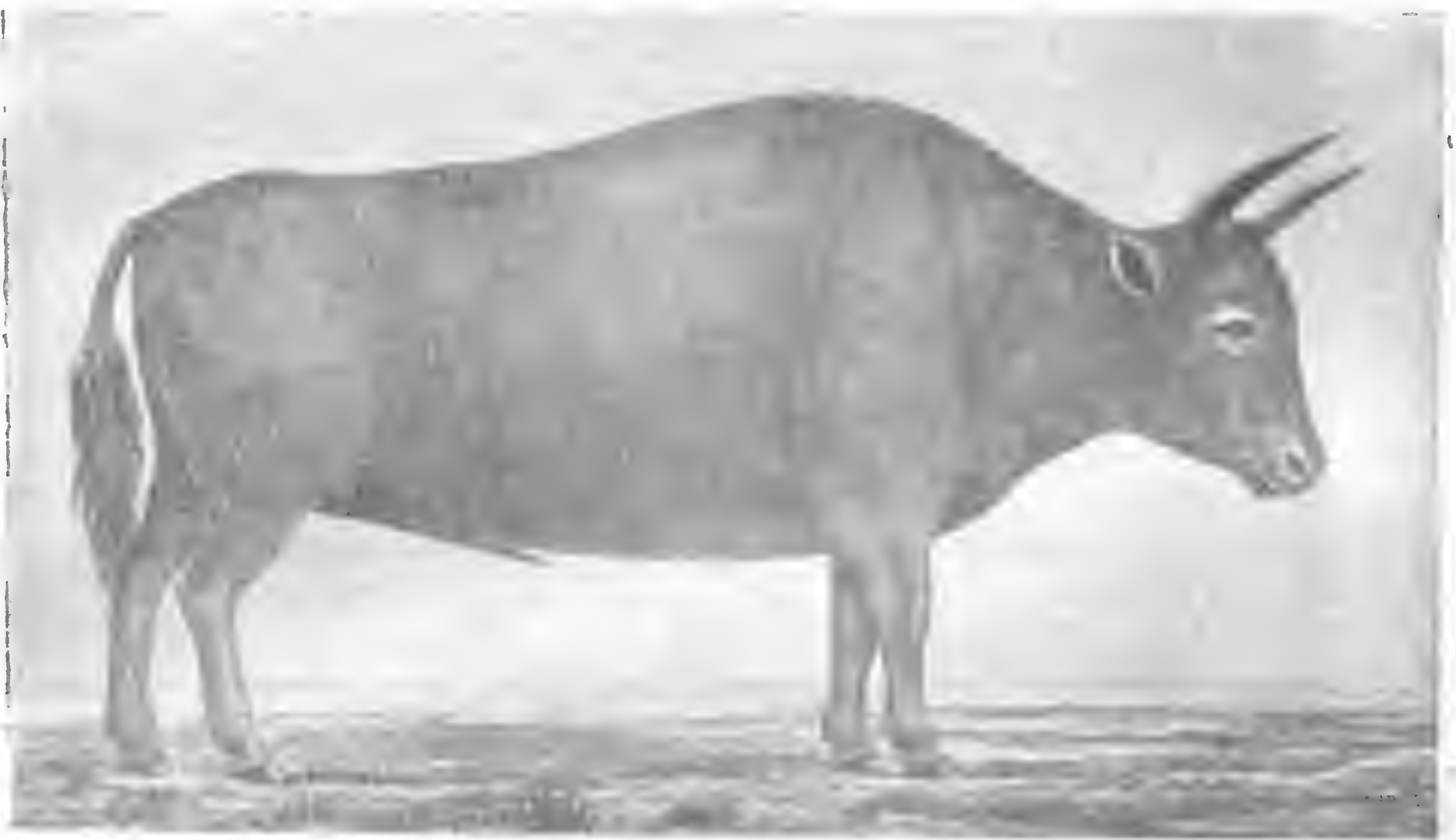
По наружному типу наньшанские или вообще ганьсуйские тангуты

[1] Хотя член недавней экспедиции графа Сечени, капитан Крейтнер, говорит (Im fernen Osten, s. 712), что я ошибочно поставил на карте, приложенной к моей «Монголия и страна тангутов», т. I, город Тэтунг на верхнем течении р. Тэтунг-гола, но так как на этот город, в означенном месте, мне много раз указывали туземцы, то я оставляю его на карте и при настоящей книге, впредь до разъяснения дела очевидцем-путешественником [149].

[2] [В издании 1946 г. стр. 221—227].

отличаются от своих собратий, живущих на верховьях Желтой реки, т. е. от хара-тангутов. Так, у наньшанских тангутов уши гораздо меньше и цвет кожи светлее; многие физиономии весьма напоминают цыган.

Одежду описываемые тангуты нередко носят китайскую. Собственное же одеяние как мужчин, так и женщин состоит летом из короткого шерстяного армяка или куртки, китайских или самодельных сапог и войлочной шляпы; рубашек и панталон почти не носят, так что голени ног обыкновенно остаются голыми. Мужчины бреют свои волосы и оставляют лишь одну косу на затылке. Женщины разделяют волосы посредине, заплетают их по бокам головы во множество мелких косичек, которые затем зашиваются в две далембовые, украшенные бляхами и бусами, ленты,

Хайнык

носимые спереди груди. Кроме того, женщины румянят себе лицо, употребляя для этого летом землянику, а в другие времена года—китайские румяна.

Рост мужчин средний, иногда большой; женщины малорослы. Религия булдийская, в большой силе; кумирен довольно; лам не меньше, чем у монголов. Обращаясь один к другому, или к лицам посторонним, те же тангуты говорят не «оро́», как их собратья на верховьях Желтой реки, но «ака́», что в переводе означает «милостивый государь» или «господин». Для приветствия при встрече вытягивают горизонтально обе руки и произносят «ака́-тэ̆му» или просто «тэму», т. е. «здравствуй». Хадаки при визитах и знакомствах во всеобщем употреблении.

Главное занятие горных тангутов составляет скотоводство. Из скота всего более содержат яков и баранов; в меньшем количестве коров, лошадей и коз. От помеси яка с коровой получается хайнык, которого, подобно яку, употребляют для вьючной и верховой езды. Кочевые тангуты земледелия не знают. Из промышленности обрабатывающей между ними развито лишь сучение яковой или, реже, бараньей шерсти для собственной одежды и для холста на палатки. Сучение это производится как мужчи-

нами, так и женщинами на длинной палке с рогулькой, через которую проходит нитка с висячим веретеном. Подобная работа производится даже походя, причем сучильная палка втыкается за ворот верхней одежды. Кроме того, немногие из тех же тангутов занимаются точением деревянной посуды. Пища описываемого народа состоит из дзамбы, молока в различных видах, масла, чая, изредка мяса и джумы.

Деревянные избы, в которых живет небольшая часть наньшанских тангутов[1], своим наружным видом напоминают подобные же избы в нашей Белоруссии. Строятся они весьма плохо самими тангутами из тонких бревен, нередко без всякого сруба; щели в стенах замазываются глиной. Крыша делается плоской из жердей, засыпанных сверху землей; в этой

Тангутская изба в Южно-Тэтунгских горах (в Гань-су)

крыше устраивается довольно большое квадратное, закрываемое ставней отверстие для света и выхода дыма от очага. Последний расположен всегда посередине избы, пол которой земляной; по бокам устроены невысокие глиняные нары для сиденья на них и спанья; входная дверь делается со стороны задворка, в который на ночь загоняется скот. Вообще подобное помещение достаточно комфортно, сравнительно с тангутской черной палаткой, в которой невозможно укрыться ни от дождя, ни от холода.

Наше пребывание в описываемых горах. После дневки, проведенной в альпийской области южного склона Южно-Тэтунгского хребта, мы перешли на северную его сторону тем самым перевалом, через который не один раз ходили при первом здесь путешествии. Абсолютная высота этого перевала, по барометрическому измерению, оказалась в 12 500 футов[2]; подъем с юга удобный; спуск к северу на истоки р. Рангхта весьма крут, в особенности в верхней своей половине. Через указанный перевал постоянно сновали китайцы с вьючными ослами и мулами,

[1] Эти избы мы встретили в Южно-Тэтунгских горах по р. Рангхта.

[2] Точкой кипенья воды абсолютная высота того же перевала определена была мной при первом здесь путешествии в 13 000 футов.

на которых везли лес в г. Уям-бу и другие соседние местности. Те же китайцы вырубили на топливо почти все кустарники по окрестным горам на южной стороне перевала. Некоторые из них приезжали сюда верст за 20—30 с корзинами на ослах собирать помет. Словом, прежняя малолюдность Южно-Тэтунгских гор, каковую мы встретили здесь в 1872 и 1873 годах, ныне исчезла. На р. Рангхта появились теперь даже харчевни, в которых продавали корм для ослов и мулов, а также чай и лапшу с кунжутным маслом—любимое кушанье китайского простонародья.

Прежде чем спуститься в лесную область, мы провели двое суток у южной подошвы горы Соди-соруксум, одной из самых высоких в Южно-Тэтунгском хребте. Опять охотились здесь за уларами; голубых же чекканов (Grandala coelicolor), некогда впервые тут встреченных, не нашли. Места кругом все были знакомые, достаточно уже прежде нами обшаренные; поэтому между пернатыми не попадалось ничего нового. Зато растения, благодаря особенному усердию В. И. Роборовского в собирании их, прибывали значительно с каждым днем как в альпийской области, так и в лесной. Сюда спустились мы сначала в середину и расположились бивуаком в живописном ущелье р. Шугры-чю, впадающей в Рангхта. Место это, на котором мы также прежде стояли несколько раз, лежало в стороне от проезжей китайской дороги, следовательно можно было отдыхать и наслаждаться прелестью окрестных лесов. Неохотно расстались мы на третьи сутки с этим золотым местечком и перекочевали на устье р. Рангхта. Здесь палатка наша опять была поставлена под тем самым тополем, под которым мы бивуакировали не один раз 7—8 лет тому назад. И как все живо помнилось, даже до малейших подробностей! Старые знакомцы тангуты также посещали нас, и довольно дружелюбно. Китайцы же привезли из-за гор несколько корзин превосходных абрикосов, которые продали нам, конечно, с хорошим барышом. Красавец Тэтунг дико бурлил теперь вблизи нас по своему каменистому ложу. Ширина этой реки близ устья Рангхта около 25 сажен; вода светлая, зеленоватая; когда же, после дождей, она прибывает, то делается весьма мутной от лёссовой глины, смываемой рекой в своих верховьях.

Погода во время нашего пребывания в горах Южно-Тэтунгских, или, вернее, с половины июля, стояла, против ожидания, хорошая, большей частью ясная. Дожди, хотя и падали нередко с грозами, но продолжительного ненастья не случалось. Ветры дули лишь слабые, преимущественно с востока; всего же чаще выпадали затишья. Солнце по временам пекло довольно сильно, но все-таки максимум температуры в тени, при наблюдениях в 1 час пополудни, равнялся лишь +26,7°, да и то в сравнительно низкой долине Тэтунга[1]. В ясные ночи падала сильная роса. Однако, несмотря на эту росу и на 25, считавшихся в течение всего июля, дней с дождем, здешние балованные относительно влаги растения начинали уже блекнуть на открытых склонах южного горного пояса.

Через Тэтунг мы перешли по деревянному мосту, устроенному в трех верстах выше кумирни Чертынтон и памятному нам еще от первого здесь путешествия. Мост этот построен в полном смысле на «курьих ножках», так как устои, состоящие из деревянных бревен, не вкопаны в землю и ничем прочно не утверждены, но прямо поставлены на выдающихся близ воды скалах. Сверху этих устоев положены горизонтально бревна, на выдвинутых концах которых держится настилка. Все это от времени сильно

---

[1] Там же в июне 1872 года мы наблюдали максимум температуры 31,6°.

покривилось набок. Тем не менее через описанный мост пока еще ходят благополучно. Так перешли и мы; затем, перевалив упирающийся в Тэтунг небольшой отрог северных гор, расположились близ кумирни Чертынтон (Чортэнтан).

Кумирня Чертынтон. Эта тангутская кумирня по величине и отделке много уступает Чейбсену, но зато расположена в живописнейшей местности на левом берегу Тэтунга, под громадными отвесными скалами, на которых часто можно видеть спокойно пасущихся куку-яманов. Число лам простирается до 800; живут они в нескольких десятках, быть может и сотне, глиняных фанз, густо скученных в две группы. Впереди до берега Тэтунга расстилается большой луг, который без особенного труда можно было бы обратить в прекрасный сад с плантацией лекарственного ревеня. Но грубые, ленивые ламы подобным занятием не интересуются; взамен сада на том же лугу устроены водяные молельни, или «богомольники», как называли их наши казаки. На противоположной Чертынтону стороне Тэтунга ближайшие горы покрыты сплошным хвойным лесом, в котором сосна и в особенности ель достигают огромных размеров. В этом лесу, вероятно принадлежащем кумирне, охота запрещена, а потому здесь держатся в достаточном числе маралы и кабарга; много также различных птиц. В особенности хорошо большое ущелье в том же лесу, немного дальше вниз по Тэтунгу. В этом ущелье скота не пасут, да и никто почти туда не ходит; трава по лужайкам не измята; густые кустарные заросли стоят непроницаемой стеной. Здесь отлично бы было зимовать натуралисту-путешественнику, если судьба когда-либо забросит его в тэтунгские горы.

В Чертынтоне мы также встретили нескольких прежних знакомцев, но бывший здесь гыген, наш приятель, к сожалению, умер; место его пока еще оставалось вакантным.

Хребет Северно-Тэтунгский. Отпустив домой чейбсенского проводника Джигджита и наняв на его место, впрочем всего лишь на два перехода, вожака-тангута, мы оставили 2 августа кумирню Чертынтон и направились в горы Северно-Тэтунгские. Хребет этот, как было говорено прежде, сопровождает левый берег р. Тэтунга и в общем много походит на горы по южной стороне той же реки. Только в северном хребте меньше лесов, но более высоких вершин[1], из которых одна, именно Конкыр, вечноснеговая. В ближайшем же расстоянии от нашего пути стояла высокая гора Гаджур с громадной скалистой вершиной и небольшим там озерком Демчук.

С севера описываемый хребет окаймляется в своей восточной части рекой Чагрын-гол, впадающей в Хуан-хэ. До последней протягиваются и горы Северно-Тэтунгские. Перевал через них по нашему пути лежал на абсолютной высоте 11 800 футов[2]; как подъем, так и спуск здесь весьма пологи и удобны.

Последние впечатления гор. На указанном перевале пришлось проститься с грандиозными горами, в которых мы так часто бродили всю нынешнюю весну и почти целое лето. Впереди, за исключением окрайнего к Ала-шаню хребта, уже не предстояло видеть подобных гигантов; утомительно однообразная пустыня залегла более чем на тысячу верст в поперечнике...

---

[1] Всего этих вершин, называемых тангутами амнэ, т. е. прародитель, в Северно-Тэтунгских горах 10, а в Южно-Тэтунгских 3; они поименованы в моей книге «Монголия и страна тангутов», стр. 230 [в издании 1946 г. стр. 203].

[2] 12 000 футов по прежнему определению точкой кипения воды.

Опередивши немного караван, я выбрал более открытое на перевале местечко и отсюда несколько минут пристально смотрел на великолепную панораму позади оставшихся гор. Оба хребта—Северно- и Южно-Тэтунгский—раскидывались передо мной и убегали вдаль на запад, теряясь в легком синеватом тумане, наполнявшем атмосферу. Невдалеке к северу высилась скалистая вершина Гаджура, не окутанная, против обыкновения, облаками. Внизу под самыми моими ногами темнело глубокое ущелье, а множество других ущелий, больших и малых, близких и далеких, бороздили горы, извиваясь во всевозможных направлениях.

На сколько хватал глаз, все было перепутано, изломано, исковеркано... Там и сям, на общем зеленом фоне гор, выделялись более темные площади лесов и кустарников или голые желтовато-серые скалы. Любовались глаза, радовалось сердце. Но в то же время грустное чувство охватывало душу при мысли, что сейчас придется надолго, быть может навсегда, расстаться со всеми этими прелестями. О! Сколько раз при своих путешествиях я был счастлив, взбираясь на высокие горные вершины! Сколько раз завидовал пролетавшему там мимо меня грифу, который может подняться еще выше и созерцать панорамы, еще более величественные! Лучшим делается человек при подобной обстановке; словно, поднимаясь в высь, он отрешается от своих мелких помыслов и страстей. И надолго, на целую жизнь, не забываются подобные счастливые минуты...

Переход до г. Да-и-гу. В горах Северно-Тэтунгских мы также не нашли прежнего безлюдья; наоборот, здесь теперь почти везде кочевали тангуты, а через перевал, взад и вперед, ездили китайцы. Последние встретились нам в достаточном числе на р. Чагрын-гол, хотя все-таки здесь еще много было разоренных дунганами китайских фанз и заброшенных полей. По долине Чагрын-гола местами расставлены были китайские пикеты, которые охраняли, да, вероятно, и теперь охраняют большую колесную дорогу из г. Лань-чжеу на Хуан-хэ, через г. Пин-фан-сянь в города Лянь-чжеу, Гань-чжеу и далее в западный край. Дорога эта служит главным и притом единственным удобным путем сообщения Западного Китая с притяньшанскими землями(150).

К северу от того же Чагрын-гола до окрайнего, к стороне Ала-шаня, хребта залегает холмистое степное плато с средней абсолютной высотой около 9 000 футов. На восток это плато расширяется и, вероятно, протягивается до Желтой реки; к западу же, вверх по Чагрыну, суживается. Везде здесь прекрасные пастбища, на которых китайцы пасут большие стада баранов; по долинам речек много китайских же деревень. Вместе с тем на описываемом плато появляются дзерены (Antilope gutturosa), которые на Тибетском нагорье водятся еще только в степях оз. Куку-нор[1]. За этими антилопами мы усердно поохотились. Кроме того, в той же Чагрынской степи добыли новый вид земляного вьюрка, названного мною Pyrgilauda kansuensis [ганьсуйский вьюрок].

Погода с начала августа опять испортилась: постоянно было облачно, каждый день шел дождь. Видно, теперь эти дожди хотели наверстать свое за июль. Не будь в последней половине этого месяца хороших, ясных дней, мы никогда не могли бы собрать и как следует просушить столько растений, сколько теперь попало их в наш гербарий. В нем по сбору нынешнего года считалось всего 897 растительных видов.

---

[1] Подробности о дзерене см. «Монголия и страна тангутов», стр. 18—21 [в издании 1946 г. стр. 56—58].

Спуск с Тибетского нагорья к Ала-шаню. Проблуждав немного возле города Да-и-гу[1], все еще не оправившегося со времени дунганского разорения, мы вошли в окрайний к стороне Алашаня хребет, который один только отделял теперь нас от пустыни. Ее желтые сыпучие пески уже виднелись впереди и невольно нагоняли тревожные мысли о благополучии дальнейшего пути.

Сам окрайний хребет, составляющий в описываемой своей части восточную оконечность гор, протянувшихся от Желтой реки к Са-чжеу, Лоб-нору и далее, развивается, подобно другим хребтам Центральной Азии, окаймляющим также высокие плато, лишь к стороне более низкой алашанской равнины; наоборот, на южном своем склоне имеет короткий скат и сравнительно мягкие формы. Ближайшие вечноснеговые вершины— Кулиан и Лиан-чжу—лежали западнее нашего пути, направлявшегося от г. Да-и-гу к г. Даджину. Здесь окрайний хребет почти совсем безлесен[2], нет даже кустарников; преобладают лишь травы, в особенности дырисун и кустарная ромашка Calimeris alissoides [астра]. Всюду чувствуется влияние соседней пустыни, в особенности вниз от $7^1/_2$ тысяч футов абсолютной высоты. Отсюда, чуть не с каждой сотней футов спуска, горы становятся все бесплодней; в наружной же их окраине залегает почти голая глина. Формы окрайнего хребта в указанном пространстве не слишком дикие; скалы небольшие, состоящие из глинистого сланца; ущелья узкие, все поперечные хребту, т. е. сбегающие от высокого плато к алашанской равнине. Воды мало, в особенности в нынешнем году; некоторые речки теперь совсем пересохли. В тех же горах, как и возле кумирни Чертынтон, встречается каменный уголь, кое-где разрабатываемый китайцами.

Спустившись 9 августа через вышеописанный хребет, мы остановились в двух верстах от города Даджина и здесь дневали. Местность понизилась на 6 400 футов. Недавняя прохлада гор заменилась теперь жаром и крайней сухостью атмосферы. Вся природа совершенно изменилась, словно мы перенеслись бог знает на какое расстояние. Притом лишь только мы разбили свой бивуак, как поднялась сильная западная буря, наполнившая воздух тучами удушливой пыли. То был привет нам от пустыни...

---

[1] Теперь мы шли без проводника, по старым воспоминаниям.

[2] Небольшие еловые леса мы видели лишь в самом верхнем поясе северного склона описываемых гор при первом здесь путешествии. Теперь наш путь лежал немного западней, и лесов здесь вовсе не было.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПУТЬ ЧЕРЕЗ АЛА-ШАНЬ И СРЕДИНОЮ ГОБИ.

[11/23 августа—29 октября/10 ноября 1880 г.]

О Гоби вообще.—Местные условия почвы, климата, растительной и животной жизни.—Ала-шань; его климат, флора, фауна и население.—Общее впечатление от пустыни.—Наш путь из г. Даджина.—Пески Тынгери.—Сульхир и Pugionium.—Одичавшие лошади. —Неожиданный пролет птиц.—Переход в г. Дынь-юань-ин.—Алашанские князья.—Следование по северному Ала-шаню.—Аймак уротов.—Общий характер средней Гоби.—Новый аргали.—Путь наш до хребта Хурху.—Описание этих гор.—Дальнейшее наше следование.—Новые караванные пути.—О монголах.—Климат сентября.—Степная полоса северной Гоби.—Прибытие в Ургу.—Переезд до Кяхты.—Итог научных результатов моих путешествий в Центральной Азии.—Благодарность спутникам.—Заманчивость странической жизни.

Предстоявший нам путь от г. Даджина до Урги, ранее пройденный мной в 1873 году, лежал как раз поперек самого широкого места всей Гоби[1]. На 10° от юга к северу залегла здесь великая азиатская пустыня, раскинувшаяся с запада на восток, от Памира до Хингана—на 50° долготы, или на 4 000 верст. Вся эта громадная площадь, некогда бывшая дном обширного внутреннего Азиатского моря, но тем не менее представляющая довольно высокое плато, резко отделяется горными хребтами от прилежащих к ней стран ([151]). Такими естественными границами служат: на севере—Алтай, Хангай, Кэнтей [Хэнтэй] и южные отроги Яблонных [Яблоновых] гор; на востоке—малоизвестный меридиональный хребет Большой Хинган; на юго-востоке—различные параллельные и террасами расположенные хребты, далеко протянувшиеся к западу и юго-западу от горного массива, находящегося севернее Пекина; на юге—громадная цепь гор (Нань-шань, Алтын-таг, Тугуз-дабан и западный Куэн-люнь) от верхней Хуан-хэ до Памира; наконец на западе—Памир, западный Тянь-шань и горы от оз. Эби-нор до оз. Улюнгура ([152]). Из окрайних хребтов только Тянь-шань и в особенности Алтай[2] далеко вдаются

[1] Названием «гоби» монголы обозначают вообще степь или пустыню, более равнинные места в которой, как и равнины вообще, называются ими «тала». К тому и другому названиям прилагается еще нарицательное—«гадзыр», т. е. местность [земля], так что номады всегда говорят: «гоби-гадзыр», «тала-гадзыр», т. е. «степь-местность», «равнина-местность».

[2] По недавнему исследованию подполковника Певцова, о чем будет изложено далее.

внутрь самой Гоби, в юго-восточном углу которой изолированной стеной высится хребет Алашанский. Другие горные группы, там и сям разбросанные по пустыне, достигают лишь незначительных размеров и всего чаще являются весьма пологими, реже скалистыми холмами. Они почти не нарушают утомительного однообразия местности, которая в общем представляет то равнинную, то гораздо чаще волнистую поверхность.

Абсолютная высота Гоби не равномерна. Наиболее низкие ее части лежат в бассейне р. Тарима[1] в Чжунгарии[2] и в середине кяхтинско-калганского пути[3]. Затем крайние пределы, в которых варьируется поднятие остальной пустыни над уровнем океана, заключаются между 3 500 и 5 000 футов; изредка подъем доходит до 5 200 и даже 5 500 футов[4].

Но как в более низких, так и в более высоких частях Гоби орошение ее крайне бедное, за исключением разве северной и восточной окраин. Из больших рек пустыне принадлежит сполна лишь Тарим, образующий своим конечным разливом озеро Лоб-нор; затем более других значительны Урунгу в Чжунгарии и Керулюн [Керулен или Хэрлэн-гол] на северо-востоке Гоби; в юго-восточном ее углу является на время Хуан-хэ, с трех сторон огибающая Ордос. Другие речки, стекающие с окраин гор или с восточного Тянь-шаня, за исключением немногих, обыкновенно пропадают, лишь только покажутся в пустыне. Также мало здесь и озер, да и те почти все соленые. Лоб-нор, по крайней мере своей западной половиной, делает в этом случае исключение. Из других более значительных озер можно назвать: два Далай-нора на восточной окраине Гоби, Аяр-нор и Эби-нор в Чжунгарии и Сого-нор [и Гашиун] на устье р. Эцзинэ[5]. Из озер осадочной соли самые большие Джаратай-дабасу в Ала-шане и Дабасун-нор в Ордосе(154).

Ключи редки в пустыне, в особенности там, где залегают сыпучие пески; притом вода этих ключей иногда бывает соленой или с примесью каких-либо других минеральных частиц. Наконец колодцы, доставляющие главным образом воду для обитателей Гоби, во многих ее местах также не обильны, можно даже сказать редки. Все они неглубоки[6], воду имеют большей частью соленую, иногда известковую, нередко весьма противную на вкус(155).

М е с т н ы е   у с л о в и я   п о ч в ы. Почва Гоби состоит из щебня или гальки, иногда с гравием, из сыпучего песка, наконец из лёссовой глины. Однако в различных частях пустыни тот или другой род почвы преобладают неодинаково. Так, сыпучие пески, вероятные остатки прежних мелей и дюн внутреннего моря (156), залегают всего более в южной Гоби—от бассейна Тарима через Ала-шань в Ордос, а также в Чжунгарию; спорадически, сравнительно небольшими площадями, встречаются и в

---

[1] Озеро Лоб-нор имеет 2 500 футов абсолютной высоты, а города, лежащие на трех главных реках, из которых образуется Тарим: Кашгар—4 000 футов, Яркенд—3 900 и Хотан—4 500 футов.

[2] От 1 800 до 2 500 футов по диагональному пути из Гучена в Зайсан; озеро Эби-нор в той же Чжунгарии имеет, как исключение, лишь 700 футов абсолютной высоты.

[3] До 2 000 футов абсолютной высоты.

[4] Колодец Ма-лян-чуан (5 500 футов) в хамийской пустыне и колодец Дзере-худук (5 400 футов) в средней Гоби (153).

[5] Большое пресноводное озеро Денгис, или Баграчь-куль, лежащее у южной подошвы Восточного Тянь-шаня, более принадлежит горам, нежели пустыне.

[6] По нашему пути из г. Дын-юань-ина в Ала-шане до Урги мы не встречали колодца глубже 13 футов (один Гун-худук 22 фута); обыкновенно же эти колодцы имели воду на глубине от 3 до 5—7 футов под поверхностью почвы.

других местах пустыни. Щебень или галька—продукты разложения и выветривания местных горных пород, а также гравий, иногда с примесью голышей халцедона, агата и кварца—наполняют собой среднюю, самую бесплодную, часть Гоби, простираясь отсюда и в Чжунгарию. Лёссовая глина составляет почти везде подпочву сыпучих песков, примешивается к щебню и гравию, наконец залегает сама по себе в чистом виде или в виде солончаков, разбросанных спорадически, но опять-таки всего более в южной, средней и западной частях пустыни.

Эта последняя на севере, востоке и юго-востоке, под влиянием сравнительно обильных атмосферных осадков, покрывается лучшей растительностью, становится богаче водой и превращается в степь.

Климат. Климат Гоби характеризуется своей крайней континентальностью, и, за исключением южных частей пустыни, весьма большой, суровостью. Даже в Юго-восточной Монголии, под 42° северной широты, мы наблюдали в конце ноября морозы до —32,7°[1]; тогда как в северной Гоби и в Чжунгарии охлаждение воздуха зимой иногда переходит точку замерзания ртути[2]. Притом сильные ночные морозы продолжаются день в день через всю зиму; нередко выпадают и весной. Но в тех же самых местах летом наступает чуть не тропическая жара[3], в особенности чувствительная при отсутствии лесной тени и при крайней сухости атмосферы. Оголенная почва пустыни нагревается в это время обыкновенно от 50 до 60°, иногда даже более[4]; между тем как зимой та же почва охлаждается до —26.5°, вероятно и более[5]. Переходы от холода к теплу весной и, наоборот, осенью обыкновенно бывают весьма круты.

Рядом с весьма низкой температурой зимой и весьма высокой летом в Гоби является постоянно крайняя сухость воздуха[6], в особенности в центральной и южной частях пустыни; северная же и восточная ее окраины пользуются летом сравнительно достаточным количеством атмосферных осадков. Эти осадки приносятся на северную окраину Гоби северными и северо-восточными ветрами, которые, пройдя от Полярного моря через Сибирь, осаждают свою влагу на северных склонах пограничных гор[7] и лишь небольшой остаток этой влаги проливают на соседнюю пустыню, но этого довольно, чтобы превратить ее в степь. В восточной же и юго-восточной Гоби летние дожди приносятся из Китайского моря юго-восточным муссоном, достигающим здесь своей крайней западной границы. Остальные части описываемой пустыни, в особенности бассейн Тарима, получают дождь или снег, как большую редкость. Впрочем, в средней Гоби иногда,

---

[1] 29 ноября 1871 года.

[2] Такие морозы мы наблюдали каждую ночь с 5 по 10 декабря 1877 года в южной Чжунгарии под 45° северной широты. В Урге подобное охлаждение атмосферы зимой случается также нередко [и доходит до —45°].

[3] Максимум температуры в тени, наблюдавшийся мною в Галбын-гоби в августе 1873 года =36,6°, в Ордосе в июле 1871 года =37,2°; в Хамийской пустыне в июне 1879 года =38,1°; в Ала-шане в июле 1873 года =45°. Последняя температура была наивысшая и притом лишь однажды замеченная мною в Центральной Азии.

[4] 27 июля 1870 года мною наблюдалась в Ордосе температура поверхности глины в 2 часа пополудни =70°. Впрочем, такая температура замечена во все мои путешествия лишь однажды; выше же 60° поверхность почвы в южной Гоби нагревается нередко.

[5] Указанная температура наблюдалась 6 декабря 1870 года возле колодца Улан-обо почти в средине пути из Урги в Калган.

[6] Даже до 1% относительной влажности, как то наблюдалось мной 17 марта 1871 года близ местечка Хобр в Юго-восточной Монголии.

[7] Оттого там и растут прекрасные леса, которых нет на южных склонах Алтая, Хангая и Кэнтея.

но не каждое лето, случаются единичные ливни, образующие кратковременные потоки и более продолжительные озера на ровных глинистых площадях. Зимой снег вообще редок в Гоби; в южных же ее частях снега почти вовсе не бывает.

Наконец последнюю характерную черту климата описываемой пустыни составляют сильные бури, которые всего чаще случаются весной и зимой; реже появляются летом и осенью. Их направление почти исключительно северо-западное; только на Лоб-норе, где, как вероятно и во всем бассейне Тарима, зимой вовсе не бывает бурь, весной эти бури приходят от северо-востока, т. е. со снегов Тянь-шаня и из более холодных частей средней Гоби. Причины собственно гобийских бурь и их постоянное северо-западное, изредка западное, направление, объясняются близким соседством более низкого и теплого Китая, куда стремится холодный воздух с нагорья, а затем значительной в ясные дни разницей температуры воздуха в той же пустыне на обращенной к солнцу стороне всех выдающихся предметов и на их стороне теневой[1]. Оба эти фактора всего напряженнее действуют весной, оттого и бури в это время года в Гоби случаются всего чаще. Те же бури почти всегда наполняют атмосферу тучами мельчайшего песка и пыли, которые, оседая в замкнутых котловинах, образуют в течение веков лёссовые толщи([157]).

Р а с т и т е л ь н о с т ь. Все вышеизложенные условия почвы и климата гобийской пустыни крайне неблагоприятны для здешней растительности. Самые злейшие ее враги—засуха, жары, морозы, бури и соль в почве, действуя в большей или меньшей совокупности, обусловливают, с одной стороны, бедность, а с другой—своеобразность растительных форм пустыни; притом воспитанные в такой среде здешние растения отличаются крайней неприхотливостью и живучестью вообще.

Наиболее плодородные части Гоби лежат в ее степных окраинах—северной, восточной и юго-восточной; там местами являются превосходные луга. В самой пустыне сравнительно большее количество растений можно встретить на лёссовой глине по влажным окраинам солончаков и возле редких ключей; затем по окраинам сыпучих песков и на лёссовых площадях внутри их; настоящие же солончаки и щебенные степи самые бесплодные.

Но общую характеристику флоры пустыни, как и степных окраин Гоби, составляет отсутствие деревьев[2] и лугового дерна. Первые не могут, вероятно, вынести засухи и крайностей здешнего климата, а также устоять против сильных бурь; дерновый же покров, как продукт влажности и перегнивания предшествовавших травянистых поколений, не может образоваться на лёссовой почве и в сухом климате пустыни. Поэтому вся растительность Гоби, даже в лучших ее частях, рассажена кустиками, почти вовсе не прикрывающими желтоватого и буровато-красноватого фона почвы. Притом, несмотря на видимое однообразие физических условий, различные части описываемой пустыни все-таки сохраняют специальные, к данной местности приуроченные виды. Так, например, джингил (Halimodendron argenteum) и кендырь (Apocynum venetum), столь обильные

---

[1] Об этом уже было объяснено в главах II и IX настоящей книги.

[2] Исключение в данном случае должно быть сделано лишь для небольшого уголка в аймаке уротов к югу от Галбын-гоби; там довольно много ильмовых деревьев (Ulmus campestris) ([158]).

на Тариме, не встречаются в восточной половине Гоби[1]; сульхир (Agriophyllum gobicum), изобильный в Ала-шане, не растет на нижнем Тариме; нет здесь также хармыка (Nitraria Schoberi), дырисуна (Lasiagrostis splendens) и саксаула (Haloxylon ammodendron), хотя три этих растения свойственны всей внутренней Азии от Каспийского моря до собственно Китая; [дикая редька]—Pugionium двух видов встречается исключительно на песках Ордоса и Ала-шаня; тамариск не растет в Ала-шане, средней и северной Гоби, но преобладает на Тариме (Tamarix laxa) и в Ордосе по долине Хуан-хэ (Tamarix Pallasii, T. elongata, и т. д. Конечно, в данном случае весьма важны почвенные и климатические условия, но и помимо их, вероятно, существуют какие-либо иные причины, которые приковывают растительную жизнь к той или другой местности пустыни. Из других характерных кустарников для этой последней можно поименовать: Reaumuria songarica, Zygophyllum xanthoxylon, Calligonum mongolicum, Atraphaxis compacta, Atraphaxis lanceolata, Convolvulus tragacanthoides, Caragana Bungei, Caragana sp., Artemisia campestris, Tragopyrum sp. etc. Из трав, кроме уже названных сульхира и дырисуна, наиболее характерными служат: различные солянки—Kalidium, Kochia, Salicornia, Salsola, Halogeton, Suaeda, Agriophyllum, лук (Allium), полынь (Artemisia), Zygophyllum mucronatum n. sp., Peganum Harmala, Psamma villosa (на песках). Tribulus terrestris, Sophora alopecuroides, Marrubium lanatum, Glaux maritima, Arnebia, Adonis, Statice(159), виды злаков, сложноцветных, и др. Притом во многих местах почва пустыни абсолютно бесплодна и иногда на десятки верст совершенно оголена.

Животная жизнь. Относительно своей фауны Гоби представляет отдельную зоологическую область, но в общем не может похвалиться богатством животного царства. Правда, в некоторых здесь местностях — в степных полосах, в горах, по рекам и озерам—животные скопляются, нередко в обилии, но в самой пустыне они встречаются сравнительно редко; здесь только множество ящериц, беспрестанно снующих под ногами путника. Притом не только некоторые птицы, но даже звери Гоби ведут кочевую жизнь в зависимости, главным образом, от большего или меньшего достатка корма. Относительно этого последнего животные пустыни вообще весьма неприхотливы и еще более воздержаны относительно питья; некоторые из мелких млекопитающих—Meriones, Lagomys, [песчанки и пищухи], вероятно, не пьют во всю свою жизнь, довольствуясь сочными солянковыми растениями или свежей травой в степях, а зимой изредка выпадающим снегом.

Всего в собственно Гоби с Ордосом и Ала-шанем нами найдено как в настоящее, так и в прежние здесь путешествия 46 видов диких млекопитающих[2]; в Чжунгарии с долиной р. Урунгу—21 вид; на Лоб-норе с нижним Таримом—20 видов[3]. Из них исключительно Чжунгарии свойственны от 8 до 10 видов, а Лоб-нору с Таримом от 8 до 12 видов. Следовательно, во всей Гоби найдено нами 62—68 видов[4] диких млекопитающих;

[1] Оба эти растения встречены были нами в последний раз в оазисах Хами и Сачжеу.

[2] Если же выбросить горы (Алашанские, Муни-ула, Хара-нарин-ула и Хурху) да степные окраины Гоби, то число видов млекопитающих собственно для пустыни уменьшится более чем наполовину.

[3] В моем отчете «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 30, поименовано лишь 16 видов; к ним следует прибавить летучую мышь и три вида грызунов [в новом издании 1947 г. стр. 43].

[4] Сомнение в точном счете видов представляют грызуны и летучие мыши.

кроме того, 11 видов домашних[1]. Первые следующим образом распределяются по отрядам:

	Собственно Гоби с Ордосом и Ала-шанем[2]	Чжунгарская пустыня с долиной р. Урунгу	Нижний Тарим с Лоб-нором
Рукокрылые (Chiroptera)	3	—	1
Насекомоядные (Insectivora)	4	1	2
Хищные (Carnivora)	8	6	6
Грызуны (Glires)	21	5	7
Толстокожие (Pachidermata)	—	1	1
Однокопытные (Solidungula)	—	3	—
Жвачные (Ruminantia)	10	5	3
Всего	46	21	20

Из этого общего числа видов наиболее характерными можно назвать: для Чжунгарии—дикую лошадь (Equus przewalskii), хулана (Asinus onager), джигетая (Asinus hemionus), сайгу (Antilope saiga) и дикого верблюда, (Camelus bactrianus ferus); для Лоб-нора с нижним Таримом—также дикого верблюда, тигра (Tigris regalis), кабана (Sus scrofa) и марала (Cervus sp.); для собственно Гоби с Ордосом и Ала-шанем—дзерена (Antilope gutturosa), хара-сульту (Antilope subgutturosa), два вида аргали (Ovis argali, Ovis darwinii n. sp.), куку-ямана (Pseudois burrhel)[3], горного козла (Capra sibirica)[4] и пищуху (Lagomys ogotono). Волк, лисица, заяц (2—3-х видов), песчанки (Meriones), еж (Erinaceus auritus?) и тушканчики (Dipus) водятся повсеместно; но медведя[5] нигде нет(160).

Истинное же богатство Гоби составляют домашние животные, во множестве разводимые здешними кочевниками. На просторе пустыни, при обилии соли и отсутствии летом мучающих насекомых, а зимой глубокого снега, стада у номадов живут привольно и плодятся обильно. Правда, иногда слишком суровая зима или чересчур жаркое, совершенно бездождное лето, наконец, повальные болезни, производят страшные опустошения среди скота, но эти потери впоследствии быстро и пополняются. Из домашних животных в Гоби всего более баранов (курдючных), рогатого скота, верблюдов и лошадей; в горах Алашанских и в окрестностях Урги разводятся яки[6]; козы встречаются также повсюду, равно как и собаки, при юртах кочевников.

Из царства пернатых в Гоби, с приложением сюда пустынь Таримской и Чжунгарской, нами найден 291 вид, с следующим подразделением на отряды(161) и по образу жизни:

[1] В том числе 4 вида (кошка, свинья, осел, мул) разводятся лишь китайцами в местах оседлых.

[2] А также с горами Алашанскими, Муни-ула, Хара-нарин-ула и Хурху.

[3] В горах Алашанских и Хара-нарин-ула.

[4] В горах Хурху.

[5] Медведь водится лишь в Восточном Тянь-шане, который во всех почти отношениях не принадлежит Гоби, хотя и далеко в нее вдается.

[6] Кроме того, яки разводятся в большом количестве близ г. Улясутая и вообще в Северо-западной Монголии, не принадлежащей к Гоби по своему физическому характеру. [Небольшое количество яков имеется и в горах Гобийского Алтая].

	Оседлые	Прилетающие гнездиться	Пролетные и зимующие
Хищные (Accipitres) .	9	17	4
Воробьиные (Passeres)	39	73	38
Кричащие (Scansores)	5	1	—
Голубиные (Columbae)	1	4	1
Куриные (Gallinae)	9	1	1
Голенастые (Grallae)	—	28	15
Плавающие (Natatores)	—	18	27
Всего	63	142	86

Из этого списка видно, что число оседлых птиц в Гоби весьма невелико; притом значительно большая их часть не принадлежит самой пустыне. Также и гнездящиеся птицы избирают здесь для себя преимущественно горы, реки, озера, степные площади, словом лучшие места. На них, главным образом, останавливаются и пролетные виды, большая часть которых спешит без оглядки перенестись через пустыню. Впрочем, в восточной половине Гоби пролет птиц, как показали мои последние наблюдения, весьма значительный, тогда как западная половина той же Гоби, в особенности Таримская и Чжунгарская пустыни, тщательно избегаются пролетными птицами.

Среди оседлых пернатых наиболее характерными для Гоби можно назвать: больдурука (Syrrhaptes paradoxus), ворона (Corvus corax) и мохноногого сыча (Athene plumipes), распространенных повсеместно, саксаульную сойку (Podoces hendersoni), другой вид которой—Podoces biddulphi—обитает лишь в Таримской пустыне ([162]), саксаульного воробья двух видов (Passer ammodendri, Passer timidus n. sp.)—первый найден лишь в Чжунгарии, последний всюду, где растет саксаул, ушастого жаворонка (Otocoris albigula), которого нет лишь на Тариме, пустынного вьюрка (Erythrospiza mongolica), избегающего луговых степей, земляного вьюрка (Pyrgilauda davidiana), наоборот свойственного лишь степной полосе, монгольского жаворонка (Melanocorypha mongolica) и маленького жавороночка (Alaudula cheleënsis), обитающих также в степных частях Гоби.

Из прилетающих гнездиться птиц пустыне свойственны: коршун (Milvus melanotis), удод (Upupa epops), чеккапы (Saxicola atrogularis, S. isabellina)—последний вид, впрочем, лишь в степях, сорокопуты (Lanius arenarius, L. phoenicurus), изредка малые журавли (Grus virgo), а по соляным озерам—утка-пеганка (Tadorna cornuta) и турпаны (Casarca rutila).

Из класса пресмыкающихся Гоби, как было упомянуто выше, обильна ящерицами, которых здесь известно до сих пор 25 видов, принадлежащих почти исключительно двум родам: Phrynocephalus и Podarces—подрода Eremias [круглоголовки и ящурки]. Местами эти ящерицы чрезвычайно многочисленны; наибольшее их разнообразие встречается в Ала-шане и вообще в южной Гоби. Змеи в пустыне довольно редки. Нами найдено всего 8 видов[1], из которых более обыкновенны Zamenis spinalis и Trigono-

[1] С долинами Хуан-хэ и нижнего Тарима.

cephalus intermedius [спиннополосатый полоз и подкаменщик]. Черепахи (Trionyx sinensis) водятся лишь на Хуан-хэ в Ордосе. Здесь встречаются также, местами в большом количестве, обыкновенная и зеленая лягушки (Rana temporaria, Rana esculenta), не найденные в других частях Гоби[1]. Зато жабы попадаются нередко по ключевым болотцам пустыни: в западной ее части Bufo viridis, а в восточной Bufo raddei[2].

Ихтиологическая фауна Гоби распределена главным образом по ее окраинам там, где являются более значительные реки и озера. Но и здесь царство рыб не богато. Характеризуется оно, как в Тибете, преобладанием двух семейств: карповых (Cyprinidae) и вьюнковых (Cobitidae).

В общем для всей Гоби можно наметить шесть или семь изолированных и резко между собой отличающихся ихтиологических областей: а) бассейн Тарима с Лоб-нором, б) среднюю Хуан-хэ, огибающую Ордос; в) оз. Далай-нор и речки Юго-восточной Монголии; г) р. Керулюн с другим Далай-нором и его притоками, в северо-восточном углу Монголии; д) оз. Улюнгур с р. Урунгу в Чжунгарии[3] и е) восточный Тянь-шань с его речками и озерами, из которых наибольшее Баграч-куль[4]. Общее число известных до сих пор в этих бассейнах рыб простирается до 40 видов.

Ала-шань. Теперь более подробно об Ала-шане, через который должен был лежать наш дальнейший путь.

Спустившись к подножью восточного Нань-шаня, путешественник, направляющийся к северу, тотчас же попадает в пустыню Алашанскую. Взамен прежних обильно орошенных гор, одетых луговой и лесной зеленью, перед глазами путника является необозримая волнистая равнина, безводная и в большей своей части покрытая сыпучим песком. Желтовато-серая, пыльная атмосфера висит над этим песчаным морем, раскинувшимся с востока на запад от Алашанского хребта до р. Эцзинэ [Эдзин-гол], а с юга на север—от узкой культурной полосы вдоль подножья Нань-шаня до абсолютно почти бесплодной Галбын-гоби. В северо-восточном Ала-шане те же сыпучие пески, суженные хребтами Алашанским и Хан-ула, прорываются еще далее к северо-востоку, сначала по левому берегу Хуан-хэ, а затем, перейдя в Ордос, принимают восточное направление и тянутся по правому берегу Желтой реки дальше меридиана города Бауту [Баотоу]. Таким образом площадь описываемых песков залегает от запада к востоку верст на 900, при наибольшей ширине в своей средине верст на 300 или около того. Однако пространство это не сплошь покрыто сыпучим песком. Последний расположен полосами более или менее широкими[5]; в промежутке же этих полос являются то солончаки, то площади лёссовой глины. Сам песок очень мелкий, красновато-желтого цвета, всюду насыпан в твердой лёссовой подпочве тысячами тысяч мелких (от 40 до

---

[1] Но, вероятно, они водятся в северной и восточной степных окраинах Гоби. Обыкновенная лягушка (Rana temporaria), кроме Ордоса, найдена была нами в Гань-су, на Куку-норе и на верхней Хуан-хэ; зеленая же (Rana esculenta) только в Ордосе (163).

[2] Восточнее Хами и нижнего Тарима Bufo viridis не найдена; в остальной Гоби встречается лишь восточноазиатская жаба Bufo raddei, добытая нами также на Куку-норе и на верхней Хуан-хэ.

[3] Впрочем, этот район по своему ихтиологическому характеру относится более к Северо-западной Монголии, не принадлежащей Гоби.

[4] Рыбы из речек, текущих с северного склона Нань-шаня, вовсе неизвестны; быть может, эти речки составят также особый ихтиологический район.

[5] По словам местных монголов, песчаные полосы в Ала-шане имеют общее направление от юга к северу. Местами эти полосы достигают от 50 до 60 верст в ширину; гораздо же чаще бывают не шире 15—20 верст или того менее.

60 иногда до 100 футов высотой) холмиков и увалов, с выдутыми в промежутках их впадинами—издали точь-в-точь сильно взволнованное и вдруг застывшее море. Конечно, каждая буря изменяет очертания этих песчаных волн, но общий вид песков остается одинаковым. И подобно тому как на море проплывший корабль не оставляет следа, так и в песках пустыни след человека, животного или даже целого каравана заметается ветром и исчезает навсегда. Во время бури тучи того же песка поднимаются в воздух и грозят гибелью заблудившемуся путнику.

Кроме лёссовых и солончаковых площадей, среди песчаной пустыни Ала-шаня кое-где поднимаются невысокие группы холмов или отдельные горки, обыкновенно также глинистые и совершенно бесплодные. Только два хребта: Алашанский и Хан-ула—первый на востоке, второй—на севере описываемой страны[1], нарушают однообразие здешней местности, по всему вероятию, бывшей некогда, как и вся Гоби, дном обширного центральноазиатского моря.

Абсолютная высота Алашанской пустыни в ее восточной окраине колеблется между 5 800 и 4 200 футов и лишь озеро осадочной соли Джаратай-дабасу на северо-востоке имеет 3 600 футов абсолютного поднятия; здесь самое низкое место во всей исследованной до сих пор части Ала-шаня. Его орошение, как и следует ожидать, крайне бедное. Речки, сбегающие с северо-восточного склона Нань-шаня, оплодотворяют лишь узкую полосу вдоль подножия этих гор, а затем теряются в песчаной пустыне. Только на западной ее окраине Эцзинэ-гол пробегает несколько далее на север и образует при своем устье одно или два озера. С Алашанских гор выбегает к западу лишь одна речонка, на которой стоит город Дынь-юань-ин, единственный в Ала-шане[2]; с Хан-ула речек не течет вовсе. Затем внутри описываемой страны, по словам туземцев, кое-где встречаются небольшие соленые озера; ключи здесь также очень редки, и лишь колодцы доставляют воду местным жителям([164]).

Климат Ала-шаня отличается от климата соседних частей Гоби тем, что здесь, т. е. в Алашанской пустыне, по крайней мере в восточной ее части, летом не особенно редко падают дожди. Они приносятся, вероятно, юго-восточным китайским муссоном, который достигает здесь своей крайней западной границы. Но количество выпадающей влаги всетаки ничтожно и сухость воздуха в пустыне вообще страшная в течение круглого года. Бури в Ала-шане также нередки, в особенности весной. Во время зимы почва свободна от снега, который изредка выпадает в небольшом количестве и тотчас же растаивает. Летние жары в песках нестерпимы. В особенности невыносима, как говорят, бывает жара в местности Бадан-джарин [Бадан-джаранг], лежащей в 15 днях пути к западу-северо-западу от города Дынь-юань-ина. В Бадан-джарине, по словам монголов, сыпучие пески достигают размеров небольших гор[3] и страшно накаляются летним солнцем. «Жарко, как под этим котлом»,—говорил

[1] Кроме того, по сообщению монголов, в северо-западном углу Ала-шаня стоят значительные горы—Ёграй-ула. Алашанский хребет и Хан-ула описаны в моей «Монголия и страна тангутов», стр. 171—174 и 182 [в издании 1946 г. стр. 160—163 и 168—169].

[2] Кроме того, по сообщению монголов, в северо-западном углу Ала-шаня лежит город Сого, не принадлежащий, однако, ведению алашанского князя и населенный китайцами. По прежним расспросам, от Дынь-юань-ина до названного города десять дней караванного пути; впрочем, расстояние это, вероятно, более.

[3] Кроме того, в Бадан-джарине, по сообщению монголов, лежат пять небольших соленых озер.

рассказчик-монгол, показывая пальцем в огонь, на котором варился наш обед.

Бадан-джарин служит местом ссылки алашанских преступников. Хорошо же, должно быть, это место, если сравнительно с ним остальной Ала-шань считается благодатной страной!

Флора. Как однообразна Алашанская пустыня своим внешним видом, так однообразна она и своей органической жизнью, являющейся притом лишь в скудном количестве форм. Из растений здесь чаще всего встречаются различные солянковые, обыкновенно весьма обильные водянистым соком, который не испаряется через плотную наружную кожицу листьев или хвощеобразных ветвей; другие растения также почти всегда кривые, уродливые или сильно колючие. Одинокий цветок можно встретить только как редкость, и притом он всегда производит грустное впечатление, являясь словно заблудившимся среди этого царства смерти[1]. Наиболее разнообразная флора описываемой пустыни встречается на окраинах сыпучих песков, там, где к ним подмешивается лёссовая глина, а также на лёссовых площадях, не слишком соленых. В первом районе растут: из кустарников—хармык (Nitraria Schoberi), Calligonum mongolicum, Zygophyllum xanthoxylon, Eurotia ceratoides, Caryopteris mongolica, Artemisia campestris [джузгун монгольский, парнолистник, терескен, кариоптерис, чернобыльник] и какой-то кустарник семейства бобовых с кожистыми неопадающими листьями([165]); из трав—лук трех новых видов—Allium mongolicum, A. polyrhizum, A. Przevalskianum [луки монгольский, многокорневой, Пржевальского], Lagochilus diacanthophyllus, Inula ammophila [девясил], Tournefortia Arguzia, изредка Carduus leucophyllus и Echinops Turczaninowii [чертополох и ежевник].

Многие из этих растений попадаются также и на глинистых площадях. Сверх того, там являются: Reaumuria songarica [реамюрия], мелкие семена которой монголы употребляют в пищу, ревень (Rheum uninerve), Tribulus terrestris, Zygophyllum mucronatum n. sp., Umbilicus ramosissimus, Astragalus melilotoides [якорцы, парнолистник, горноколосник, астрагал]. Там, где лёссовая глина влажна от подземного питания водой, растут: дырисун (Lasiagrostis splendens), довольно, впрочем, редкий, и различные солянки: Salicornia herbacea, Halogeton arachnoideus, Salsola gemmascens, Kochia millis, Kochia scoparia, Suaeda salsa (?), Kalidium foliatum, Sympegma Regelii [солерос, галогетон, солянка почечконосная, кохия, шведка, поташник, бударгана]. В самых песках, спорадически, но почти всегда во впадинах или ямах, между холмиками и увалами, произрастают: сульхир (Agriophyllum gobicum), доставляющий местным монголам съедобные семена, мохнатый и обыкновенный тростники (Psamma villosa, Phragmites communis)[2], [«дикая редька»]—Pugionium dolabratum n. sp. местами весьма обильная; из кустарников: саксаул (Haloxylon ammodendron), произрастающий лишь в северном Ала-шане, обыкновенно редким насаждением, притом большими площадями и не исключительно во впадинах песчаных холмов; акация (Caragana Bungei), Myricaria platyphylla n. sp. и чагеран (Hedysarum arbuscula n. sp.), залитый во второй половине августа красивыми, совершенно как розовый горошек, цветками.

[1] Флора Алашанского хребта довольно разнообразна, но этот хребет не принадлежит пустыне.

[2] Ползучие корневища этого последнего в 2—3 сажени длиной, иногда инкрустированные известью, будучи выдуты ветром, нередко вьются по поверхности песка.

Фауна. Фауна Алашанской пустыни так же бедна, как и ее флора. За все здесь путешествия[1] мы нашли только 9 видов диких млекопитающих. Из них хара-сульта (Antilope subgutturosa) и волк (Canis lupus) — самые крупные; затем следуют: лисица (Canis vulpes), заяц (Lepus sp.), еж (Erinaceus auritus), летучая мышь (Vespertilio sp.), тушканчик (Dipus sp.) и два вида песчанок (Meriones). В хребтах Алашанском и Харанарин-ула водятся: марал (Cervus sp.), кабарга (Moschus sp.)[2], аргали (Ovis sp.) и куку-яман (Pseudois burrhel), но звери эти не принадлежат пустыне.

Среди птиц больше разнообразия. Из оседлых наиболее характерными служат: больдурук (Syrrhaptes paradoxus), саксаульная сойка (Podoces hendersoni), саксаульный воробей (Passer timidus n. sp.), мохноногий сыч (Athene plumipes), пустынный вьюрок (Erythrospiza mongolica), пустынная славка (Sylvia aralensis) и пустынный жавороночек (Alaudula cheleënsis); из прилетающих гнездиться—коршун (Milvus melanotis), удод (Upupa epops), славка-пересмешка (Sylvia curruca), черногорлый чеккан (Saxicola atrogularis), пустынный сорокопут (Lanius arenarius) и малый журавль (Anthropoides virgo), изредка попадающийся летом возле колодцев. Пролетных осенью птиц мы встретили, против ожидания, в значительном количестве, но об этом речь впереди.

Из пресмыкающихся Алашанская пустыня весьма богата ящерицами, как по сравнительному числу видов, так и в особенности по количеству экземпляров. Местами эти ящерицы попадаются чуть не на каждом шагу. Все они принадлежат к двум родам: Phrynocephalus и Podarces[3]. К первому относятся три вида: Phrynocephalus przewalskii n. sp., Phr. affinis n. sp., Phr. versicolor n. sp., привезенные из первого моего здесь путешествия, и один или два вида (еще не описанные), добытые при настоящем путешествии. К роду же Podarces (подрода Eremias) принадлежат шесть или семь видов, а именно: Podarces quadrifrons n. sp., P. brachydactyla n. sp., P. kessleri n. sp., P. pylzowi n. sp., P. przewalskii n. sp., P. argus, Podarces sp.([166]). Змей в той же Алашанской пустыне найдено нами три вида: Zamenis spinalis, Taphrometopon lineolatum и Trigonocephalus intermedius, а земноводных один вид—Bufo raddei [монгольская жаба]. Рыбы в Алашане нет вовсе, так как ей негде водиться; насекомых также очень мало.

Население. Население Ала-шаня незначительно, как и следует ожидать при бесплодии этой страны. По сообщению местного князя, в его владениях ныне до трех тысяч юрт[4], следовательно, около 15 000 душ обоего пола, в том числе до сотни киргизов, некогда перешедших сюда с Куку-нора[5]. В административном отношении Ала-шань составляет один аймак, разделенный на три хошуна; последние делятся на восемь сумо. Управление сосредоточено в руках цынь-вана, т. е. князя второй степени.

По своему наружному типу алашанские монголы, принадлежащие к племени олютов, резко отличаются от коренных монголов—халхасцев, и нередко весьма походят на китайцев, конечно вследствие помеси с этими

---

[1] В 1871, 1872, 1873 и 1880 годах.

[2] Эти два вида водятся лишь в лесном Алашанском хребте.

[3] Специальное описание пресмыкающихся Ала-шаня, равно как и других добытых при первом моем путешествии в Центральной Азии, сделано академиком А.А. Штраухом и помещено во II томе «Монголия и страна тангутов».

[4] По прежним сведениям («Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 160), в Алашане всего около одной тысячи юрт. Впрочем, истины узнать невозможно.

[5] См. главу XIV.

последними. Одежду часто также носят китайскую. Женщины отличаются своей толщиной; поведения они самого легкого. Лам, т. е. лиц духовных, среди населения множество; кумирен также немало. Народ живет бедно, притом сильно отягчен податями, собираемыми в пользу местного князя.

Земледелия алашанцы не знают; занимаются исключительно скотоводством, главным образом разведением верблюдов, на которых возят соль в ближайшие китайские города и берут подряды для доставки в различные места китайских товаров.

О б щ е е в п е ч а т л е н и е [о т] п у с т ы н и. Тяжелое, подавляющее впечатление производит Алашанская пустыня, как и все другие, на душу путника. Бредет он с своим караваном по сыпучим пескам или по обширным глинисто-солончаковым площадям и день за днем встречает одни и те же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустение. Лишь изредка пробежит вдали робкая хара-сульта, юркнет в нору испуганный тушканчик, глухо просвистит песчанка, затрещит саксаульная сойка или с своим обычным криком пролетит стадо больдуруков... Затем нередко по целым часам сряду не слышно никаких звуков, не видно ни одного живого существа, кроме бесчисленных ящериц... А между тем летнее солнце печет невыносимо и негде укрыться от жары; нет здесь ни леса, ни тени; разве случайно набежит кучевое облако и на минуту прикроет путника от палящих лучей. В мутной желтовато-серой атмосфере обыкновенно не колыхнет ветерок; являются только частые вихри и крутят горячий песок, или соленую пыль...

Вплоть до заката жжет неумолимое солнце пустыни. Но и ночью здесь нет прохлады. Расскаленная днем почва дышит жаром до следующего утра, а там опять багровым диском показывается дневное светило и быстро накаляет все, что хотя немного успело остынуть в течение ночи...

Зимой картина пустыни изменяется, но только не внешним видом все той же унылой природы, а главным образом относительно климатических условий. Взамен невыносимых жаров теперь наступают столь же невыносимые холода[1], от которых трудно спасаться человеку, при неимении прочного жилья и древесного топлива. Частые бури еще более усиливают ледянящую стужу. Там, где несколько месяцев ранее стояли тропические жары, теперь наступают чуть не полярные холода—и много нужно жизненной энергии, в особенности для растений, чтобы не погибнуть при подобных крайностях климата, не говоря уже о других невзгодах здешней мачехи-природы...

Начнем снова о путешествии.

Н а ш п у т ь и з г. Д а д ж и н а. Передневав возле г. Даджина, окрестности которого, некогда разоренные дунганами, стояли и теперь в том же запустении, какими мы их видели семь лет тому назад, мы пошли в Ала-шань прежним своим путем. Только на этот раз имели двух проводников[2], довольно хорошо знавших дорогу. По пути, по крайней мере на первых трех переходах до границы Ала-шаня, не было прежнего безлюдья, но довольно часто попадались китайцы, которые пасли казенных лошадей. За неименьем лучшего корма, эти лошади довольствовались бударганой и другими солянковыми травами пустыни.

---

[1] По крайней мере в северных пустынях, каковы Чжунгарская и средняя Гоби.

[2] В 1873 году, при возвращении из Тибета, мы шли через южный Ала-шань без проводника и ради этого чуть было не погибли, заблудившись в пустыне. См. «Монголия и страна тангутов», стр. 361 и 362 [в издании 1946 г., стр. 296—297].

Перейдя Великую стену, которая тянется в четырех верстах северней Даджина и представляет здесь собой не что иное, как сильно разрушенный глиняный вал сажени три высоты, мы ночевали в первый день возле китайской фанзы Ян-джонза, где и прежде останавливались два раза. Упоминаемая фанза представляет собой тип большей части деревенских построек этой части Китая. Она окружена для безопасности от нападений высокой глиняной стеной, внутри которой находятся все помещения. Только колодец выкопан вне этой ограды и достигает замечательной глубины—180 футов[1]. Вода в нем отличная. Ее температура, измеренная теперь нами 11 августа, имела +13,3°, почти столько же (+13,7°), как и 31 мая 1873 года; но 16 июня 1872 года, при первом нашем здесь следовании, вода того же колодца имела лишь +6°. Как и в прежние разы, пришлось таскать воду для пойла наших животных посредством длинной веревки на блоке; черпалкой служил кожаный на обруче мешок, вмещавший в себе три или четыре ведра. В один из таких приемов мы вытащили вместе с водой жабу (Bufo raddei), которая, вероятно, неосторожно спрыгнула в глубину колодца, но не расшиблась и жила благополучно в подземной прохладе.

От фанзы Ян-джонза наш путь[2] лежал к востоку-северо-востоку вдоль сыпучих песков, которые необъятной массой уходили на север. Мы же шли по глинисто-солончаковой бесплодной и безводной равнине, кое-где всхолмленной невысокими горками. Абсолютная высота местности, понизившаяся от г. Даджина к фанзе Ян-джонза до 5 800 футов, теперь почти не изменялась и держалась около этой цифры. Погода стояла облачная и весьма прохладная. Так шли мы верст 90, пока, наконец, широкая гряда все тех же песков стала нам поперек. Тогда пришлось итти на протяжении 14 верст по голому песку, к счастью, смоченному в ту же ночь довольно сильным дождем. Ради такой благодати трудный переход совершен был весьма удобно, и мы еще довольно ранним утром прибыли на ключ Баян-булык.

Пески Тынгери. Те пески, в которых мы теперь находились. известны монголам под названием Тынгери [Тэнгри], т. е. «небо», за свою необычайную обширность. Они представляют собой тип всех вообще сыпучих песков Центральной Азии, да по всему вероятию и нашего Туркестана, где эти песчаные массы известны под названием барханов. Правильной определенной формы барханы не имеют, так как их архитектура зависит от силы и направления ветра, неровностей почвы, качества самого песка и т. д. В общем же описываемые пески представляют запутанную сеть невысоких (от 40 до 60, редко 100 футов) холмов и валообразных гряд между этими холмами. На наветренной стороне песок от давления ветра сложен довольно твердо, так что нога вязнет в песке не глубоко; притом скат здесь обыкновенно гораздо положе. На стороне же подветренной, в особенности у холмов, скат весьма крутой, и песок здесь очень рыхлый, вполне сыпучий.

Между песчаными холмами образуются воронкообразные ямы или продольные ложбины, часто достигающие в глубину до самой подпочвы. Последняя в песках Тынгери, как и в большей части других песков, состоит

[1] А не 203 фута, как то было помечено мною («Монголия и страна тангутов» т. II, Метеорологические наблюдения, стр. 61) при первом здесь путешествии, когда длину веревки, на которой вытаскивают воду, мы измеряли шагами и притом украдкой.

[2] Карта нашего пути через Ала-шань и далее срединой Гоби не приложена к настоящей книге, потому что она уже находится при [книге] «Монголия и страна тангутов». [Этот путь показан на сводной карте маршрутов путешествия 1879—1880 годов, приложенной к настоящему изданию].

из солончаковой глины, утрамбованной, словно выметенный ток. Воды нигде нет, за исключением лишь редких ключей; в некоторых, правда, также весьма редких местах, плохую соленую воду можно достать на глубине трех-четырех футов, копая глинистую подпочву песков.

Последние в главной своей массе вовсе лишены растительности, появляющейся, как было говорено выше, лишь на окраинах песчаных площадей, да изредка на дне ложбин и воронкообразных ям. Впрочем, в указываемых местах флора пустыни довольно разнообразна, и мы сбрали в песках Тынгери 17 видов растений, еще не бывших в гербарии нынешнего года. Из этих растений наиболее замечательными и характерными для Ала-шаня служат: сульхир и Pugionium.

С у л ь х и р. Сульхир, принадлежащий к семейству солянковых растений, распространен по всей Центральной Азии до 48° северной широты, и растет исключительно на голом песке. Представляет собой два вида Agriophyllum gobicum и A. arenarium. Первый преобладает в Ала-шане, Ордосе, вообще в южных и восточных частях Гоби; последний занимает район более западный и распространяется через наш Туркестан до Каспийского моря. Кроме того, мы встречали сульхир[1] на верхней Хуан-хэ и в Цайдаме; в Северном Тибете этого растения нет.

Как выше сказано, сульхир растет исключительно на голом песке. Просачивающаяся внутрь такого песка дождевая вода, затем, по мере испарения в наружном песчаном слое, вновь поднимающаяся вверх, служит для питания как описываемого растения, так и других, здесь произрастающих. Недаром почти все эти растения имеют чрезвычайно длинные корни, которыми вытягивают влагу со значительной глубины. И чем сравнительно более падает водяных осадков, тем, конечно, растительность в песках лучше. Сам сульхир растение однолетнее, достигающее в Ала-шане при благоприятных условиях до 3 футов высоты, при толщине стебля в $^1/_2$ дюйма; впрочем, гораздо чаще попадаются вдвое меньшие экземпляры.

Сульхир дает не только прекрасный корм монгольскому скоту, но своими мелкими, как мак, семенами доставляет важный продукт питания алашанским монголам. Вопреки поговорке: «не посеешь—не пожнешь», алашанцы, в особенности в более дождливое лето, собирают в конце сентября обильную жатву на своих песках. Затем тут же, на готовых токовищах, каковыми служат все оголенные места лёссовой подпочвы, обмолачивают собранный сульхир. Семена его сначала поджаривают, а потом мелют ручными жерновами и получают вкусную муку, которой питаются в течение круглого года. Кроме того, сульхир служит во время зимы главной пищей бесчисленных стад больдуруков, прилетающих в Ала-шань на зимовку из более северных частей Гоби; тёми же семенами, вероятно, питаются и зерноядные пташки при осеннем перелете через пустыню([167]).

P u g i o n i u m. Другое замечательное, хотя далеко не столь полезное для туземцев растение песков Ала-шаня—это Pugionium, называемое монголами дзерлик-лобын, т. е. «дикая редька». Действительно, его сырые плоды имеют редечный или горчичный вкус и запах; китайцы же собирают молодые первогодные экземпляры самого растения, солят их и едят как овощь. Pugionium до последнего времени составляло большую редкость, так как известно было лишь по двум веточкам, добытым в прошлом веке естествоиспытателем Гмелином, вероятно от богомольцев, возвратившихся

---

[1] Который именно из двух вышеназванных видов—неизвестно, так как по случаю зимнего времени мы не могли собрать экземпляров в свой гербарий.

из Тибета в Северную Монголию. В 1871 году мне удалось впервые встретить и собрать описываемое растение в Ордосе. В числе привезенных тогда нами экземпляров нашлось два вида; из них один определен был академиком К. И. Максимовичем, как уже известный через Гмелина — Pugionium cornutum, а другой — как новый, названный Максимовичем Pugionium dolabratum. Различаются они, главным образом, формой своего плода; который у первого вида весьма походит на двойной кинжал, а у последнего обрублен или как бы отгрызен на заостренном конце; кроме того, есть различия в форме листьев и цветка. Оба растения, сколько кажется, двулетние; они принадлежат к семейству крестоцветных и формой своей отчасти напоминают кустарник. Ствол имеют не более фута в длину, да и тот обыкновенно почти весь запрятан в сыпучем песке. С вершины такого ствола, на второй год жизни растения, отрастает густая, шарообразная или, чаще, овальная куча тонких и ломких, но густых и сильно переплетающихся между собой веточек, на концах которых развиваются невзрачные белые или розоватые цветки. Густая зеленая шапка ветвей Pugionium обыкновенно лежит на песке и имеет фута 3—4 по наибольшему диаметру, фута 2—3 по наименьшему и фута 2 в толщину [высоту]; в Ордосе же встречались нам экземпляры гораздо больших размеров. В песках Тынгери мы нашли теперь лишь Pugionium dolabratum. Оно попадалось довольно часто отдельными кустиками, росшими по окраинам сыпучих песков, реже внутри их. В половине августа описываемое растение уже отцветало, но плоды были еще зелены. Только на одном экземпляре мы нашли зрелые семена, которые и были собраны для С.-Петербургского ботанического сада.

Одичавшие лошади. По сообщению монголов, в песках Тынгери до сих пор еще живут одичавшие лошади, ушедшие в пустыню при разорении Ала-шаня дунганами в 1869 году. С тех пор эти лошади бродят и плодятся на воле[1], весьма осторожны и на водопой ходят лишь по ночам, или на те ключи, возле которых нет людей. Однако в последние годы местные монголы частью перестреляли описываемых лошадей, подкарауливая их на водопоях, частью переловили там же в петли. Осталось лишь несколько десятков экземпляров, большая часть которых живет в местности Ган-хай-цзы, лежащей верстах в 40 к северо-северо-западу от ключа Баян-булык. В названном урочище есть небольшое соленое озеро и два ключа, из которых пьют одичавшие лошади. Со временем они, вероятно, также будут переловлены монголами.

В Ордосе, после разорения его дунганами, в том же 1869 году появилось очень много одичавшего скота, в особенности рогатого, который и найден был мной в 1871 году в поросшей кустарниками долине Хуан-хэ[2]. Ныне, по сообщению алашанских монголов, из этого скота уцелели лишь несколько экземпляров; остальные переловлены и перебиты местными жителями.

Неожиданный пролет птиц. Вопреки ожиданию мы встретили теперь в Ала-шане, да и далее встречали по пути срединой Гоби, довольно сильный пролет птиц. Напрямик через пустыню летели из Сибири не только сильные птицы, например лебеди, гуси, журавли, но даже и

[1] В июне 1873 года, следуя обратно из Тибета по Ала-шаню, мы встретили в тех же песках Тынгери, на ключе Баян-булык, небольшой табунок из пяти одичавших лошадей, которые, завидев нас, быстро умчались в пустыню.

[2] «Монголия и страна тангутов», стр. 145 и 146 [в издании 1946 года стр. 142—143].

слабые птички, каковы: погоныши (Ortygometra bailloni), мухоловки (Erythrosterna albicilla, Hemichelidon sibirica), варакушки (Cyanecula coerulecula), камышевки (Locustella certhiola), стренатки (Emberiza pusilla, Cynchramus schoeniclus), корольки (Reguloides superciliosus), горихвостки (Ruticilla aurorea), Nemura cyanura и др.; совсем плохо летающие лысухи (Fulica atra) и водяной пастушок (Rallus aquaticus) встречены были также на пролете в пустыне[1].

В общем валовой пролет происходил с 10 августа по 20 сентября; далее летели лишь отсталые или случайно запоздавшие экземпляры. В августе пролетных птиц, преимущественно мелких пташек, считалось 37 видов; в сентябре, когда всего более летели водяные, в пролете насчитывалось, кроме прежних, 48 видов; наконец один вид — Bucephala clangula [гоголь] — замечен был в начале октября. Таким образом, на осеннем пролете через пустыню наблюдалось теперь нами 86 видов птиц, притом многие в большом количестве экземпляров. Такое наблюдение показывает, что пернатые, по крайней мере осенью, не слишком-то облетают восточную половину Гоби и следуют из Восточной Сибири напрямик в Китай. Между тем, лежащие западнее Ала-шаня пустыни Хамийская и Лобнорская, гораздо больше избегаются пролетными птицами[2], по причине своей крайней дикости и бесплодия, а главное потому, что вслед за ними тотчас же лежит высокое и пустынное нагорье Северного Тибета; тогда как, перелетев через восточную Гоби, птицы сразу попадают в теплый, плодородный Китай и уже без труда следуют далее на юг или остаются зимовать. Весной, когда в Гоби еще стоят сильные холода, а корму и воды гораздо меньше, нежели осенью, те же пролетные птицы, возвращаясь в Сибирь, стараются пересечь пустыню в возможно кратчайшем направлении и следуют, главным образом, по собственно Китаю вдоль хребтов, ограждающих плато Монголии, до последней необходимости подняться на нагорье. Тогда, вероятно, число пролетных птиц в Ала-шане и средней Гоби гораздо меньше, нежели осенью, что отчасти и подтверждается наблюдавшейся мною в марте и апреле 1872 года бедностью весеннего пролета в Юго-восточной Монголии от кяхтинско-калганской дороги до северного изгиба Хуан-хэ включительно[3]. Лобнорские мои наблюдения весной 1877 года[4] также показали, что даже сильные водяные птицы, в бесчисленном множестве появляющиеся в феврале на Лоб-норе, прилетают туда не напрямик из Индии через Тибет, а следуют от запада-юго-запада из окрестностей Яркенда и Хотана, где они пересекают Тибетское нагорье в самом узком его месте. Многие же обыденные в Сибири виды, каковы бекасы, дупеля, чибисы, перепела и разные мелкие пташки, вовсе не показываются при весеннем пролете на Лоб-норе, — они, по всему вероятию, облетают Таримскую и Чжунгарскую пустыни вдоль западных окраин хребтов Центральной Азии.

Перелет через пустыню всегда недешево обходится пернатым странникам. Правда, наиболее сильные из них, в особенности лебеди,

[1] Водяной пастушок встречен был лишь однажды на ключе Чиргу-булык близ Галбын-гоби.

[2] Осенью 1879 года наблюдалось нами в Цайдаме и Северном Тибете пролетных птиц: в августе 28 видов; в сентябре 10; в октябре 1. Всего за осень — 39 видов.

[3] «Монголия и страна тангутов», стр. 199—200 [в издании 1946 г. стр. 180—181], и т. II, отдел II, Птицы. Таблицы прилета и отлета, стр. 171—176.

[4] «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», стр. 56—63 [в издании 1947 г. стр. 81—89].

журавли и гуси, в один мах стараются перенестись через Гоби и потому летят обыкновенно чрезвычайно высоко, в облаках; но более слабые пташки принуждены бывают делать свой перелет станциями, низко над землей. отыскивая удобные уголки для отдыха и покормки. Такими местами служат колодцы, возле которых обыкновенно встречаются лужицы разлитой при водопое скота воды, редкие ключи, озерки, заросли дырисуна, саксаула или бударганы. В столь непригодных для себя местах ютятся пролетные пташки; часто же и таких пристанищ не находят; тогда гибнут от голода, жажды и усталости. В особенности плохо приходится пролетным птицам, если их захватит буря в пустыне; тогда даже сильные летуны останавливаются, и случается, что журавли, гуси, утки пережидают непогоду или ночуют в сухих логах и на голом песке. И если в местах своих зимовок. да большей частью и на местах вывода, птицы северной Азии почти не знают, как птицы Европы, усердного преследования со стороны человека. зато на своих перелетах через пустыню они, по всему вероятию, гибнут в немалом количестве.

Переход в г. Дынь-юань-ин. Перед самым переходом через поперечную гряду песков Тынгери к нам приехали высланные алашанским князем навстречу трое монголов и в том числе старый приятель наш Мукдой. С этими посланцами мы и дневали возле ключа Баян-булык. На небольшом здесь болотце, в какие-нибудь $^1/_4$ десятины, держалось много пролетных дупелей (Scolopax stenura, S. heterocerca) и погонышей (Ortygometra bailloni). Последние большей частью были до того утомлены перелетом, что мы ловили их руками; на дупелей же отлично поохотились. Затем двойным переходом перешли мы на небольшое соленое озерко Серикдолон, которое расположено в песках и имеет не более $^1/_4$ версты в окружности. Соль лежит здесь довольно толстым, словно лед, слоем; сверху вода на $^1/_2$ фута. Возле этого озерка, поросшего по берегам тростником (Phragmites communis) и тростеполевицей (Calamagrostis Epigejos), выкопана небольшая яма, в которой можно найти лишь с десяток ведер почти пресной воды; сразу мы не могли напоить своих животных. Между тем стоило только выкопать колодец в сажень глубиной и воды было бы достаточно, но об этом никто не заботится, несмотря на то, что через названное место монголы ездят довольно часто.

От Серик-долона нам пришлось вновь итти верст 15 по сыпучему песку. Путь здесь местами обозначен кучками сложенных камней. Видели мы опять роковую тропинку, по которой ошибочно направились в июне 1873 года и чуть было не заблудились в пустыне[1]. Зато от кумирни Соктокуре[2] дорога пошла отличная, колесная до самого Дынь-юань-ина[3]. На следующем бивуаке близ колодца Шангын-далай нас встретил казак Гармаев, отправленный в Ала-шань с коллекциями еще весной из Синина. Гармаев очень кстати привез с собой целый вьюк прекрасных арбузов и дынь, которыми мы отлично полакомились.

Следующие три перехода до города Дынь-юань-ин были сделаны вполне благополучно; донимали нас только сильные жары, ради чего мы выходили еще в потемках. Сыпучие пески попрежнему тянулись влево от нашего пути, то приближаясь к дороге, то удаляясь от нее; местами приходилось пересекать неширокие песчаные рукава, вдавшиеся, словно

---

[1] «Монголия и страна тангутов», стр. 360—363 [в издании 1946 г. стр. 296—297].

[2] [Согту-хурэ]—в переводе означает «пьяная кумирня».

[3] Дорога эта ведет из г. Дынь-юань-ин в г. Дырисун-хото и далее в г. Лан-чжеу на Хуан-хэ.

языки, в глинисто-солончаковую площадь, по которой мы теперь следовали. Абсолютная высота местности, понизившаяся близ колодца Тосун до 4 400 футов, снова поднялась на 5 000 футов в г. Дынь-юань-ине, куда мы прибыли 24 августа[1] и поместились в заранее приготовленной загородной фанзе.

Вышеназванный город известен китайцам под названием Ва-ян-фу, а монголам—Алаша-ямын[2], единственный в Ала-шане, лежит в 15 верстах к западу от Алашанского хребта[3], на небольшой речке, притекающей с горы Бугутуй. Как и все города Китая, он обнесен глиняной зубчатой стеной, имеющей лишь полторы версты в окружности. Внутри этой стены живет владетельный князь и помещаются лавки торговцев, главным образом китайцев из города Нинг-ся [Нинся]. Вне стены стоят несколько сот фанз, которые некогда были разорены дунганами, равно как и загородный дворец князя; все это и поныне еще не возобновлено. Число жителей ни прежде, ни теперь узнать мы не могли; без сомненья, это число слишком невелико.

На другой день нашего прибытия в Дынь-юань-ин к нам явился прежний знакомый и приятель лама Балдын Сорджи[4], только что возвратившийся из Пекина и привезший нам письма и газеты, обязательно высланные из посольства. Балдын Сорджи попрежнему состоит доверенным лицом у местных князей; он немного постарел, но все-таки энергичен, как и в былое время. Между прочим, Сорджи сообщил нам, что несколько лет тому назад в северо-восточном углу Ала-шаня, в местности Чаджин-тохой, на левом берегу Желтой реки, поселились трое миссионеров. Двое из них приезжали в Дынь-юань-ин и жили здесь около года. Зная хорошо китайский язык, они часто беседовали с Балдын-Сорджи об истинах религии; но, сколько мы могли заметить, лама не вынес из этих бесед даже смутных понятий о сущности христианства. Охотников креститься в алашанском городе также не нашлось; между тем в Чаджин-тохое число прозелитов([168]), по словам того же Сорджи, доходит до 300 человек, хотя крестятся почти исключительно из-за материальных выгод.

Алашанские князья. По смерти старого алашанского вана, последовавшей в 1877 году, его место занял старший сынÁpия; средний, Сия, пожалован гуном, т. е. князем шестой степени; младший, попрежнему, остался гыгеном[5]. Все эти три князя были воспитаны своим отцом на китайский лад, так что гораздо более походят на китайцев, нежели на монголов. Старший сын, нынешний ван Ала-шаня, по наружности толстый и косой; Сия роста среднего, также толстый и пухлый, словно из теста сделанный; гыген, наоборот, худощавый, слабого сложения и, несмотря на то, что имеет уже лет под тридцать, выглядит совершенным мальчиком.

Ван правит Ала-шанем; братья ему помогают. Вернее, однако, что ни один из князей ничего не делает; жизнь ведут праздную и только часто ссорятся друг с другом. Впрочем, общая забота алашанских князей заключается в том, чтобы, правдой и неправдой, возможно больше вытянуть

---

[1] От г. Даджина до г. Дынь-юань-ина по нашему пути вышло 283 версты.

[2] То-есть «управление Ала-шаня».

[3] Хребет этот описан в «Монголия и страна тангутов», стр. 171—179 и 363—368; [в издании 1946 г. стр. 160—166 и 292—295] теперь в названные горы мы не заходили.

[4] О нем см. «Монголия и страна тангутов», стр. 164 [в издании 1946 г. стр. 156].

[5] Прежние наши сведения о князьях Ала-шаня см. «Монголия и страна тангутов», стр. 162—164 [в издании 1946 г. стр. 155—157).

с своих подданных. Ради этого помимо податей в казну вана поступают различные сборы как деньгами, так и скотом; нередко князья прямо отнимают у монголов хороших верблюдов и лошадей, возвращая взамен плохих животных. Притом ван открыл значительный для себя источник дохода, раздавая за деньги своим подданным мелкие чины, которыми нередко украшаются даже пастухи и слуги княжеские. За малейшую вину эти новоиспеченные чиновники опять разжалываются; затем им вновь возвращается прежний чин, а ван получает новое приношение.

Оба других князя устраивают театральные представления, в которых участвуют сами, исполняя и женские роли; даже гыген не стыдится наряжаться женщиной и плясать перед своими верующими. В такой театр приглашаются жители Дынь-юань-ина, а также приезжие зажиточные монголы; каждый гость обязан сделать подарок деньгами, а за неимением их—продуктами или скотом.

Вообще все три алашанских князя — выжиги и проходимцы самой первой руки. Несмотря на сделанные нами им хорошие подарки, князья. и в особенности ван, не стыдились выпрашивать через своих приближенных подарить то то, то другое. Со своими подчиненными князья обращаются грубо, деспотично, притом постоянно прибегают к шпионству. Одним словом, в этот раз нашего пребывания в г. Дынь-юань-ине алашанские князья произвели на меня неприятное, отталкивающее впечатление. Прежде, восемь лет тому назад, они были еще юношами, хотя также испорченными. Теперь же, получив в свои руки власть, эти юноши преобразились в самодуров-деспотов, каковыми являются весьма многие азиатские правители.

Следование по северному Ала-шаню. Девять суток, проведенных нами в Дынь-юань-ине, посвящены были снаряжению на дальнейшее следование в Ургу. Путь предстоял неблизкий, более чем в тысячу верст и притом дикой срединой Гоби. По счастью, время наступало осеннее, наилучшее для переходов в пустыне. Во всяком случае необходимо было приобрести надежных животных, и мы, продав вану своих мулов[1], наняли у того же вана 22 вьючных верблюда[2], с платой по 12 лан за каждого до Урги. Уставшие лошади также были сбыты и заменены новыми; только три верблюда-ветерана, остаток зайсанского каравана, опять поплелись с нами.

Утром 2 сентября мы выступили из Дынь-юань-ина и на четвертом переходе ночевали возле соленого озера Джаратай-дабасу, отстоящего на сотню верст от алашанского города. Местность по пути была, как и прежде: волнистые площади солончаковой глины или сыпучие пески, местами поросшие саксаулом. В нынешнее лето в северном Ала-шане вовсе не падало дождей; поэтому погибла и скудная травянистая растительность пустыни. Погода, несмотря на сентябрь, стояла теперь жаркая[3]; не холодно было и по ночам.

Джаратай-дабасу имеет около 50 верст в окружности и лежит на абсолютной высоте 3 600 футов[4], следовательно представляет самое низкое место во всей исследованной части Ала-шаня. Превосходная осадоч-

[1] Тех самых, с которыми ходили на Желтой реке.
[2] При этих верблюдах погонщиками следовали шестеро монголов под надзором нашего приятеля Мукдоя.
[3] До +28,5° в тени в 1 час пополудни.
[4] По новому барометрическому измерению; прежнее определение точкой кипения воды дало 3 100 футов.

ная соль залегает пластом от 2 до 6 футов толщиной; ее разработка производится в ничтожных размерах и составляет монополию алашанского князя[1].

Северней Джаратай-дабасу местность становится, сколько кажется, еще бесплодней: всюду песок или соленая глина, а по ним саксаул, хармык, бударгана—и только. Ближе к горам Хан-ула мало даже и этих прелестей. Тем не менее, как здесь, так и ранее по северному Ала-шаню нам нередко встречались стойбища монголов; их верблюды и бараны (другого скота нет) довольствуются лишь саксаулом и бударганой. Смотря на таких злосчастных кочевников, невольно думалось: где же нельзя жить человеку, если он может проводить весь век в подобной пустыне? Тем не менее, люди здесь живут и, быть может, чувствуют себя счастливыми.

Миновав колодец Боро-сончжи, возле которого. заблудившись, мы чуть было не погибли в июле 1873 года[2], и ключ Хара-моритэ, где мы стояли десять суток в октябре 1871 года по случаю серьезной болезни тогдашнего моего спутника М. А. Пыльцова, мы пришли на озерко Куку-нор, которое лежало верст на пять в стороне от настоящего пути нашего, но куда я нарочно свернул, чтобы передневать возле воды и поохотиться. Так и вышло. На небольшом названном озерке, имеющем версты полторы в окружности и местами поросшем возле берега тростником, держались пролетные лебеди, гуси и множество уток. Охота наша была очень удачна; тем более, что усталым пролетным птицам некуда было улететь и они, после выстрелов, покружившись немного, снова возвращались на прежнее место.

Следуя затем от оз. Куку-нор мимо гор Хан-ула к северу, мы перешли широкую гряду невысоких гранитных холмов, которыми здесь расплывается хребет Хара-нарин-ула, окаймляющий долину левого берега Хуанхэ на ее северном изгибе. Абсолютное поднятие местности прибавилось лишь на 400 футов, тогда как в средней части Хара-нарин-ула разница абсолютных высот долины Желтой реки и плато, лежащего по северную сторону названных гор, доходит до 2 400 футов[3].

Невдалеке за подъемом нам встретилась по пути кумирня Баянтухум, в которой живет до трехсот лам. Отсюда мы должны были по заранее принятому решению итти все старым путем, оставить влево, т. е. к западу от себя, дорогу, по которой обыкновенно следуют из Урги в Тибет караваны халхаских богомольцев, равно как и направляются из Ала-шаня в Ургу караваны местных монголов. Последние ездят на поклонение ургинскому кутухте или иногда возят китайский рис из г. Нинг-ся. Проехать до Урги можно здесь и в экипаже, в особенности в двухколесной китайской телеге, конечно с большим или меньшим трудом. Мало того, в том же китайском экипаже можно пробраться и в Тибет, конечно помучившись немало в песках Ала-шаня и на болотах цайдамских.

Аймак урòтов. Севернее Баян-тухума вскоре окончилась земля алашанская, и мы вступили в аймак монголов-уротов, вдавшийся здесь узким клином между Ала-шанем и Халхой. Зато к востоку названный аймак простирается далеко, до самой земли цахаров, гранича на юге с Ордосом и кукухотоскими тумытами, а на севере с Халхой и аймаком сунютов.

---

[1] Более подробно об описываемом озере см. «Монголия и страна тангутов», стр. 118 [в издании 1946 г. стр. 168].

[2] «Монголия и страна тангутов», стр. 370—372 [в издании 1946 г. стр. 296—297].

[3] Там же стр. 182 [или стр. 169].

В административном отношении описываемый аймак разделяется на шесть хошунов[1].

Пройденный теперь нами западный крайне бесплодный угол земли уротов замечателен тем, что здесь появляются в немалом количестве ильмовые деревья (Ulmus campestris), составляющие величайшую редкость в остальной Гоби. Растут эти ильмы по сухим руслам дождевых потоков, нередко в виде аллей, и достигают от 20 до 40 футов высоты при диаметре ствола от $1^1/_2$ до 2, изредка до 3 футов. Само по себе дерево корявое, невзрачное, но оно производит отрадное впечатление среди голой пустыни. Подростков ильмов нигде здесь нет, так как их поедает монгольский скот; поэтому со временем, когда старые деревья погибнут, на смену им нового поколения не явится.

Общий характер средней Гоби. От пройденной нами южной границы аймака уротов, приблизительно с 41 северной широты и по нашему пути до 45 той же широты включительно, залегает средняя полоса Гоби, та полоса, которая по своему характеру значительно разнится и от песчаной пустыни Ала-шаня, и от северных соседних степей. Это пустыня щебневая или галечная, пожалуй, самая дикая и бесплодная во всей Гоби, в особенности если принять в расчет ее обширное протяжение к северо-востоку и к западу, где она, вероятно, сливается с пустынями Хамийской и Чжунгарской. Преобладающей почвой является галька с примесью лёсса; нередки также солончаки и площади намытой во время ливней лёссовой глины; спорадически, но сравнительно изредка, встречаются сыпучие пески; безводие всюду крайнее, отчего флора, а вместе с ней и фауна, весьма бедные. В поперечном направлении, нами пройденном, описываемая средина Гоби состояла из двух несколько различных частей, разделенных почти по средине хребтом Хурху. К югу от него залегает местность с меньшей (от 4 100 до 3 500 футов) абсолютной высотой, притом еще достаточно обильная сыпучими песками; северней же вышеназванных гор местность значительно повышается (от 3 700 до 5 300 футов абсолютной высоты), кое-где становится плодородней, и сыпучие пески почти исчезают. Но как там, так и здесь преобладают волнистые галечные равнины, по которым разбросаны, чаще, впрочем, в северной половине, небольшие хребтики и группы скалистых холмов из глинистого сланца и гнейса, реже из гранита, грюнштейна и песчаника.

Флора средней Гоби, как выше упомянуто, крайне бедная. Из кустарников в южной половине нашего пути обилен был лишь саксаул по пескам, а в северной—врассыпную попадались кусты золотарника—Caragana pygmaea (?) [карликовая карагана]; там и здесь нередко встречался сильно колючий Convolvulus Gortschakowii [вьюнок Горчакова]; иногда, в южной части, попадались кустики дикого монгольского персика (Amygdalus mongolica n. sp.). По окраинам выжженных солнцем лёссовых площадей, на которых во время изредка случающихся в пустыне ливней образуются временные озера, росли: хармык, бударгана, Reaumuria songarica [реамюрия] и кое-где Calligonum mongolicum [джузгун монгольский]; из трав же—дырисун, полынь, лебеда, несколько видов сложноцветных и злаков. Представители двух последних семейств, а также дикий лук [многокорневой]—Allium polyrhizum в большем обилии являются на песчаном грунте в распадках холмов, севернее гор Хурху. Затем собственно галечная почва пустыни нередко совершенно оголена.

---

[1] «Монголия и страна тангутов», стр. 101 [или стр. 114].

Из млекопитающих описываемой полосе средней Гоби свойственны: хара-сульта, волк, лисица, заяц, еж и песчанка. Из оседлых птиц довольно много больдуруков и рогатых жаворонков (Otocoris albigula); реже попадаются пустынный жавороночек (Alaudula cheleënsis), каменный воробей (Pyrgita petronia) и каменный голубь (Columba rupestris). Ящерицы летом, вероятно, здесь весьма обильны, но осенью, во время нашего прохода, мы встретили, да и то в малом числе, лишь один вид Phrynocephalus sp., чуть ли не тот же самый, который найден был прошедшей осенью в Северном Тибете, а нынешней весной в оазисе Гуй-дуй на верхней Хуан-хэ.

Новый аргали. Но самое замечательное животное средней Гоби—это, конечно, аргали, два экземпляра которого добыты были нами южней гор Хурху. Сравнивая этого аргали с другими видами доселе известных горных баранов (аргали и аркаров), нужно заметить отличающихся между собой сравнительно слабыми признаками,—нельзя не признать, что описываемый вид—новый, который я предлагаю назвать именем недавно умершего знаменитого английского натуралиста Чарльза Дарвина—Ovis darwini. Новооткрытый аргали роста довольно крупного: 6—7-летний самец имел высоту с головой 4 фута 7 дюймов, у загривка 3 фута 6 дюймов, весил около 6 пудов. Рога его своей формой походят на рога тибетского Oviss hodgsoni и по наружному изгибу имеют 2 фута 11 дюймов длины, при 1 футе 3 дюйма в окружности у основания. Общий цвет шерсти темнобурый, более густой в задней части туловища и местами с малозаметной проседью; конец морды, слезные ямки, внутренняя сторона ушей, нижняя часть ног, средина брюха, задняя сторона ляжек, окаймленная рыжеватой полосой, хвост и седловидное пятно на передней части спины—седого цвета; шерсть на загривке и седловидном пятне волнистая, значительно удлиненная.

Аргали Дарвина впервые найден был нами южней гор Хурху, именно в каменистых холмах на южной и северной окраинах Галбын-гоби. Противоположно всем своим собратьям описываемый вид держится в крайне бесплодных и безводных местностях. Только в распадках холмов и коегде по ущельям растут здесь хармык, бударгана да изредка лук. Вероятно, поедая эти весьма сочные растения, зверь может подолгу обходиться без воды; притом, несмотря на скудность корма, оба добытых самца аргали были очень жирны.

По своему характеру новооткрытый аргали мало осторожен, потому что не преследуется человеком. Конечно, местные монголы непрочь бы были полакомиться вкусным мясом описываемого зверя, но убить его, по крайней мере взрослого самца, решительно не могут из своих фитильных ружей. Действительно, выносливость на рану всех вообще горных баранов очень велика, но аргали Дарвина в этом отношении, кажется, перещеголял своих собратий: помещенный на приложенном рисунке самец был пробит пулей из берданки в самое сердце и все-таки еще бежал в гору около трехсот шагов.

Кроме окрестностей гор Хурху, описываемый аргали спорадически распространен, вероятно, и в других частях средней Гоби. Быть может, к этому виду относятся и те аргали, которые живут на Хан-ула и в северной безлесной части Алашанского хребта([169]).

Путь наш до хребта Хурху. На бивуаке возле кумирни Баян-тухум оказалось, что ни один из монголов, находившихся погонщиками при нанятых у алашанского вана верблюдах, не знает пути,

по которому мы желали следовать в Ургу; пришлось далее брать местных проводников, обыкновенно не более как на один или на два перехода. Хорошо еще, что со мной была прежняя съемка, так что я мог прямо называть колодцы, куда следовало итти; да и то с проводниками немало было возни, в особенности впоследствии[1]. Путь наш, как уже было сказано, лежал через западный угол земли уротов, по местности крайне бесплодной. Верблюды еще могли найти здесь для себя корм, но верховым лошадям приходилось плохо, тем более, что лишь при крайней голодовке мы могли

Аргали Дарвина

давать им по ковшу хлеба (рис, ячмень, просо), взятого из Ала-шаня. Но, привычные ко всяким невзгодам, кони пустыни шли попрежнему бодро и даже не худели заметно.

На ключах Чиргу-булык, где была сделана дневка, встретилось много пролетных уток, и мы опять отлично за ними поохотились. Окрестности того же Чиргу-булыка совершенно пустынны, и лишь возле самых ключей залегает несколько крохотных площадок зеленой травы, донельзя выеденной монгольским скотом. На корм последнему идут также толстые стебли Cynomorium coccineum [циноморий краснеющий, гойо], довольно здесь обильного. Монголы сами употребляют в пищу это растение, сварив его предварительно. Слышали мы также от монголов, что сушеное Cynomorium вывозится в Китай, где служит прохлаждающим средством во время сильных жаров.

От Чиргу-булыка мы шли более тридцати верст по саксаульнику, росшему, как обыкновенно, на сыпучем песке; вправо от нас, невдалеке, тянулись те же пески, совершенно оголенные. Затем, перейдя узкий попе-

[1] Местность в пустыне обыкновенно так мало представляет предметов для ориентировки, что пройти здесь без туземца-вожака большей частью невозможно.

речный рукав этих песков, мы вышли вновь на галечные площади, впереди всхолмленные каменистыми увалами. За этими увалами раскинулась совершенно бесплодная Галбын-гоби, которая, по словам монголов, тянется с востока на запад на двадцать дней пути. В поперечнике, нами пройденном, Галбын-гоби имела 27 верст в ширину; абсолютная высота местности, полого понижавшейся сюда от окрайних гор долины Хуан-хэ, спустилась на 3 500 футов. В самой северной окраине Галбын-гоби, близ колодца Сучжан-хара-тологой, мы переступили границу Халхи, т. е. Северной Монголии, и вошли в аймак Тушету-хана(170).

Вышеназванный колодец, имевший в 1873 году 5 футов глубины, теперь оказался глубиной лишь в 4 фута, конечно вследствие заноса песком. Последний обыкновенно исподволь засыпает колодцы в пустыне[1]; во время же ливней эти колодцы, большей частью выкопанные в логах, нередко уничтожаются сразу наносами мимолетных потоков. Для предохранения от песчаных заносов наружное отверстие колодцев делается весьма небольшое, притом, после доставания воды, обыкновенно закладывается камнем или какой-либо другой покрышкой.

Несколько гряд невысоких, большей частью также каменистых холмов, протянувшихся к западу и юго-западу и залегавших по нашему пути на протяжении 35 верст в поперечнике, отделяют Галбын-гоби от другой столь же почти низкой (3 700 футов абсолютной высоты) и бесплодной равнины, раскинувшейся у подножья гор Хурху и, сколько было видно, далеко протянувшейся к северо-западу[2]. В этих холмах впервые был встречен и добыт аргали Дарвина; в упоминаемой же равнине найден был последний по нашему пути саксаульник[3]. Наконец, на северной окраине той же равнины, на ключе Борцзон, мы пересекли караванный путь, ведущий, как нам еще прежде сообщали, из городов Куку-хото и Бауту в Хами и Са-чжеу. Не знаю, насколько справедливо сведение относительно последнего направления, но для первого оно подтвердилось теперь встреченным нами обратным караваном из 200 верблюдов, на которых возили из Куку-хото в Хами продовольствие и предметы обмундирования для китайских войск, расположенных в притяньшанских оазисах.

Хребет Хурху, открытый мной в 1873 году, составляет, как оказывается, благодаря недавним исследованиям подполковника Певцова[4], крайний восточный угол южного Алтая, который, не прерываясь, тянется сюда из Чжунгарии. Этот юго-восточный Алтай, сравнительно невысокий и, по всему вероятию, довольно узкий, вздымается, как свидетельствует Певцов[5], до пределов вечного снега в горах Ихэ-богдо и Цасату-богдо, лежащих на 45° северной широты и под 70° и 71° восточной долготы от Пулкова. Изменяя, немного восточнее названных вершин, свое прежнее восточно-юго-восточное направление на юго-восточное, тот же Алтай еще более мельчает[6], но потом снова повышается в группе

---

[1] Так, колодец Хадын-хумо, лежавший на нашем пути недалеко от южной окраины Галбын-гоби и еще довольно обильный водой в 1873 году, во время нынешнего нашего прохода был уже совсем уничтожен песком.

[2] К юго-востоку от нашего пути эта равнина, вероятно, сливается с Галбын-гоби.

[3] По сообщению монголов, саксаул изредка встречается и северней гор Хурху, там, где залегают площадки сыпучего песка (171).

[4] «Краткий очерк путешествия по Монголии и Внутреннему Китаю», «Известия Русского Географического общества», 1880, т. XVI, выпуск V, стр. 435—457 (172).

[5] Там же, стр. 442.

[6] «Тянется по пустыне одиноким хребтом, возвышаясь не более 3 500 футов над ней», —по подлинным словам Певцова, там же, стр. 443.

Гурбун-сэйхын [Гурбан-сайхан], юго-восточное продолжение которой, как сообщали нам еще в 1873 году местные монголы, и есть хребет Хурху. По сведениям, тогда же нами добытым, этот хребет тянется на юго-восток до окрайних гор долины Хуан-хэ[1]; но, по расспросам Певцова, юго-восточное продолжение Гурбун-сэйхына оканчивается в Галбын-гоби[2], приблизительно под 42° северной широты и под 76,5 восточной долготы от Пулкова, следовательно вышеуказанной связи, вероятнее, не существует. Тем более, что, по словам Певцова, горы, лежавшие на его пути по восточной стороне Галбын-гоби, «не имели ничего общего ни в орографическом, ни в геогностическом смысле с горами к западу от нее».

Таким образом, связуя данные и сведения, добытые Певцовым и мной, получаем тот в высшей степени интересный факт, что южный Алтай не оканчивается, как до сих пор полагали, в северо-западной Гоби, но тянется в диагональном направлении поперек этой пустыни чуть не до самого Инь-шаня.

Хребет Хурху в направлении, нами пройденном, имел не более десяти верст в поперечнике и едва ли возвышался более чем на тысячу футов над своим подножием, так что абсолютная его высота, по всему вероятию, не превосходит 6 000 футов. С такими же размерами горы уходили к юго-востоку и на северо-запад от нашего пути. Весь хребет изборожден частыми ущельями; гребни гор между ними узки и коротки; всюду высятся сравнительно небольшие, но сильно выветрившиеся скалы из сланцев и сиенитового гранита[3]. Продукты разложения этих пород усыпают горные склоны и чрезвычайно затрудняют ходьбу по ним.

Ключей в горах мало; но колодцев довольно много, и возле них теперь везде жили монголы со своими стадами. Для последних корм здесь довольно сносный, так как хребет Хурху не столь бесплоден, каковым он показался нам в 1873 году. На горных склонах в изобилии здесь растут кипец и чернобыльник, а по дну больших ущелий нередки дырисун и хармык; здесь же в одиночу попадаются ильмовые деревья. Кроме того, из кустарников разбросанно встречаются по горам: Ephedra [хвойник], золотарник, дикий персик и Zygophyllum xanthoxylon [парнолистник желтодревесинный].

Из крупных млекопитающих в Хурху водится горный козел или по-монгольски улан-яман (Capra sibirica?), весьма осторожный зверь. Убить его тем трудней, что нет почти возможности подкрасться по здешним россыпям, которыми усеяны все горы; притом острые камни этих россыпей чрезвычайно портят обувь. Несмотря на самое усердное преследование, мы могли добыть лишь один экземпляр довольно молодого самца,

Из оседлых птиц в тех же горах Хурху мы встретили: ягнятника (Gypaëtus barbatus), бурого грифа (Vultur monachus), стенолаза (Tichodroma muraria) и очень много кекликов (Caccabis chukar), которых далее по Гоби уже не видали: из пролетных—завирушку (Accentor erythropygius), стренатку (Emberiza godlewskii), Nemura cyanura и Carpodacus davidianus [синехвостку, вьюрок Давида]. Осень в описываемых горах, во время нашего там пребывания (22 и 23 сентября), уже вполне наступила: трава посохла и пожелтела, листья на кустарниках и ильмах наполовину

---

[1] «Монголия и страна тангутов», стр. 374 [или стр. 299—300].

[2] «Голыб-гоби» у Певцова. В своей восточной части она, как оказывается, заворачивает, почти прямо на север.

[3] По прежнему (1873 год) нашему пути через хребет Хурху, который мы пересекли тогда немного западнее. чем теперь, преобладал порфир.

опали, а горные козлы вылиняли и носили отличную, хотя еще короткую, зимнюю шерсть.

Дальнейшее наше следование. Поохотившись двое суток в горах Хурху, мы пошли далее, направляясь, как и прежде, почти меридионально на север. Перейдя довольно широкую замкнутую на западе долину, а затем северный, более низкий, расплывшийся отрог хребта Хурху, мы вступили снова в обширные волнистые равнины, местами вспученные то пологими увалами, то одинокими группами скалистых холмов. С таким характером пустыня тянулась по нашему пути верст на 250 в поперечнике, до почтовой улясутайской дороги, за которой начиналась уже степная полоса северной Гоби.

Абсолютная высота местности, понизившаяся у южной подошвы гор Хурху до 3 700 футов, снова увеличилась на северной стороне тех же гор сначала до 4 800, а потом до 5 400 футов. Такое поднятие залегало до колодца Будун-шабактай, откуда вновь явилось пологое понижение к северу, достигшее опять 3 700 футов у колодца Тугрюк, но уже более не повторявшееся до самой Урги. Пустыня попрежнему была бесплодна; только севернее Хурху в ней чаще и чаще начали попадаться, обыкновенно в разлогах холмов, площади со степным характером. Колодцев встречалось достаточно, как прежних, так и вновь выкопанных; все они были неглубоки (4—6 футов) [1] и воду имели сносную, хотя нередко соленую. Мы шли, как и прежде, довольно большими переходами, почти без дневок. Палатка в конце сентября заменена была юртой, полученной от алашанского вана. Хотя в новом помещении было тесней и темней, но зато лучше можно было укрываться от бурь, являвшихся почти ежедневно в последней трети сентября. В конце этого месяца, возле колодца Дебер, мы перевалили на вторую половину пути, от г. Дынь-юань-ин до Урги, где расстояние, нами пройденное в 1873 году, равнялось 1 066 верстам, а понынешнему пути, местами несколько сокращенному, уменьшилось до 1 047 верст.

Новые караванные пути. В пройденном нами районе от хребта Хурху до почтовой улясутайской дороги прежде пролегало лишь два торговых караванных пути из Куку-хото в Улясутай [2]. Ныне же проложено было несколько дорог, которые вели из того же Куку-хото и г. Бауту на запад и северо-запад в Хами и Улясутай [3]. Сообщение по этим путям велось оживленное, и мы нередко встречали караваны, которые везли предметы продовольствия, вооружения и обмундирования для китайских войск в западном крае. Усиленная доставка производилась теперь в видах ожидавшегося китайцами столкновения с нами из-за обладания Кульджею.

Таким образом, китайские войска, расположенные в притяньшанских оазисах и намеревавшиеся действовать против нас, имели две операцион-

---

[1] Только колодец Тирис имел 13 футов глубины.

[2] Вероятно, по более южному из этих путей, который мы пересекли возле колодца Бадун-шабактай, следовал осенью 1878 года из Улясутая в Куку-хото подполковник Певцов.

[3] Всего мы встретили ныне (от южной подошвы хребта Хурху до почтовой улясутайской дороги) восемь караванных путей, которые наш путь пересекал: у ключа Бор-цзон, кол. Тала-булык, кол. Дзере-худук, в 10 верстах севернее этого колодца, кол. Дебер, кол. Будун-шабактай, в 10 верстах севернее кол. Тирис, и, наконец, близ колодца Добо, где сходятся торговые дороги из Калгана и Куку-хото. Некоторые из этих, большей частью параллельных, путей проложены, вероятно, для удобства покормки караванных животных и, быть может, далее к западу сливаются между собой.

ные линии, сходившиеся в Хами[1] и обе крайне невыгодные. Первая из этих линий вела от г. Лань-чжеу на Желтой реке вдоль северной подошвы Нань-шаня на города Лянь-чжеу, Гань-чжеу, Са-чжеу и Ань-си, а отсюда до Хами на протяжении около 400 верст по бесплодной и маловодной пустыне. Вторая же операционная линия была еще хуже, так как она направлялась из городов Куху-хото и Бауту прямо через пустыню в Хами и требовала вьючной перевозки предметов по местности, большей частью крайне бесплодной, на протяжении 1 500 верст. Затем от Хами до городов Шихо и Джинхо, где были собраны главные массы китайских войск, приходилось перевозить, правда уже по колесной дороге, все снабжение армии на протяжении еще от 800 до 900 верст. Ныне, с уступкой китайцам Кульджи, их военное положение на западе относительно нас премного улучшилось именно тем, что для китайской армии явилась возможность иметь операционную базу в обширном и плодородном Илийском крае, а не за тысячи отсюда верст, да притом позади пустыни.

О монголах. Вступив на северной окраине Галбын-гоби в пределы Халхи, мы еще чаще, нежели до сих пор, стали встречать монгольские кочевья, состоявшие обыкновенно из одиночных юрт, редко из двух-трех вместе. Ни одного клочка пригодного для пастьбы скота не оставалось незанятым. Пустыня, как и вся вообще Гоби, обитаема до последней возможности. И если население всей Монголии, заключающей в себе более 64 000 кв. миль, простирается лишь до трех или, много, до четырех миллионов душ (173), то большему числу кочевников здесь негде уместиться. Уже теперь нередко, как, например, в Алашане и средней Гоби, номады живут, конечно по необходимости, а не по доброй воле, в таких местах, которые поражают путешественника своим крайним бесплодием. Приволье кочевой жизни—это Северная и Восточная Монголия; но и там обилие стад, а вместе с ними номадов, существующих этими стадами, едва ли может быть значительно умножено.

Каждая часть хошуна имеет определенный район для своего кочеванья[2]. Истребив корм на одном месте, стойбище (будет ли то одна юрта или несколько) переходит на другое и живет там, пока хватит пастьбы для скота. Иногда, в особенности в средней Гоби, соблазняясь спорадически выпадающими плодородными, но безводными площадками, монголы живут верст за пять, даже за десять, от колодцев и ежедневно ездят туда за водой; скот гоняют на водопой через день или два, а верблюдов поят даже через четыре или пять суток. Зимой, если выпадет снег, номады спешат на пастбища совершенно безводные, а потому летом нетронутые, и здесь живут, пока хватит корма или снега, заменяющего воду для животных и для самих монголов.

Климат сентября. Вместе с окончанием первой половины нашего пути из Ала-шаня до Урги окончился и сентябрь месяц. Относительно своего климата он характеризовался: постоянно ясной погодой, частыми бурями в последней трети и, в общем, почти летней теплотой.

В Ала-шане и прилегающем к нему уголке земли уротов, в первых двух третях описываемого месяца, дневное тепло доходило до +27,5°

[1] См. главу IV.

[2] Сведения о быте монголов, об их нравственных качествах, религиозных воззрениях, административном разделении и пр. изложены в моей книге «Монголия и страна тангутов», глава II.

в тени; по ночам также ни разу не было мороза. С переходом нашим за хребет Хурху, т. е. с поднятием более к северу, стало холодней, хотя все-таки днем термометр в тени поднимался до +20,2°. Первый ночной мороз (—4,5° по восходе солнца) случился 21 сентября; затем до начала октября считалось еще четыре таких мороза и наибольший из них был —8,3 . Слабые ночные ветры обыкновенно мешали охлаждению атмосферы и поднимали ртуть термометра выше точки замерзания. Погода в сентябре стояла почти постоянно ясная; иногда по нескольку суток сряду ни днем, ни ночью, не было видно ни малейшего облачка. Вполне облачных дней считалось только 3; кроме того, 4 дня были облачны наполовину. В продолжение всего месяца только трижды падал небольшой дождь, других водных осадков не было вовсе; сухость атмосферы, в особенности при ветре, стояла страшная.

В первых двух третях сентября ветры не имели преобладающего направления; бури были редки (всего 4); случались и затишья. С 20 же числа бури являлись почти каждый день (всего 9), исключительно с запада и северо-запада. Как обыкновенно в Центральной Азии, если такая буря начиналась с восходом солнца или продолжалась от ночи, то становилось холодно; если же буря поднималась около полудня, когда почва уже нагревалась солнечными лучами, то ветер был теплый. Впрочем, ночные бури случались редко (всего 3); в это время обыкновенно дули лишь слабые ветры. В Ала-шане бури всегда поднимали в воздух тучи пыли и песка; северней же гор Хурху,—где сыпучих песков очень мало, а почва покрыта галькой или травой, там и в сильную бурю атмосфера стояла ясной.

Степная полоса северной Гоби. Перейдя почтовую дорогу, которая ведет из Калгана в Улясутай[1], мы вступили в степную полосу северной Гоби. Взамен прежних волнистых и бесплодных равнин местность представляла теперь перепутанную сеть невысоких увалов и холмов, принадлежащих, по всему вероятию, расплывшейся восточной части Хангая. Далее же к северу появились выровненные, хотя и невысокие, хребты, которые составляют крайние юго-западные отроги Кэнтея. Абсолютная высота по нашему пути не превосходила 5 200 футов и не опускалась ниже 4 200 футов; на последнем уровне лежит сама Урга([174]). Галечная почва средней Гоби заменилась теперь почвой песчано-глинистой[2], покрытой прекрасной для корма скота травой. И чем далее подвигались мы к северу, тем лучше и лучше становились пастбища, по которым везде паслись многочисленные стада местных монголов. Эти последние, коренные халхасцы, выглядывали гораздо бодрее своих собратий, виденных нами в средней Гоби. Точно так же умножилась и животная жизнь: появились, местами в обилии, дзерены (Antilope gutturosa), всюду виднелись норы тарабаганов (Arctomys sp.), находившихся теперь в зимней спячке, весьма многочисленны были полевки (Arvicola sp.) и пищухи-оготоно (Lagomys ogotono); зимние запасы сена у нор последних местами, словно частые кочки, пестрили степь. Гнездившиеся птицы теперь уже улетели, а из оседлых чаще других попадались рогатые жаворонки (Otocoris albigula) и земляные вьюрки (Pyrgilauda davidiana).

---

[1] Почти на средине этой дороги, от станции Саир-усу, отделяется ветвь на Ургу. Наш путь пересекал названную почтовую дорогу между станциями Лоуса и Киринджирим, в равном расстоянии от той и другой.

[2] Сначала верст на 80 к северу от почтовой улусутайской дороги залегал песок с гравием.

Однако текучей воды попрежнему не имелось, лишь чаще стали попадаться ключи; колодцы также были нередки и вода в них встречалась большей частью хорошая. Несмотря на обилие пастбищ, местами корм был уже выеден дочиста, в особенности в ближайших окрестностях почтовой улясутайской дороги. От нее до Урги мы шли 12 суток, с одной в том числе дневкой. Попутной дороги, как и прежде, не было, хотя нередко попадались, обыкновенно ненадолго, тропинки, которыми степь перекрещивается во всевозможных направлениях.

Верст за сотню от Урги, немного южней ключа Хайрхын [Хайрхан], мы вышли снова на покинутый в северном Ала-шане, близ кумирни Баян-тухум, путь халхаских богомольцев, следующих в Тибет. Тропинка явилась торная; по ней нередко встречались нам небольшие караваны богомольцев, направлявшихся в Ургу для поклонения тамошнему кутухте. С собой эти молельщики обыкновенно гонят скот, который они продают в Урге, а вырученные деньги отдают в кумирни и тратят на собственное содержание. В конце концов домой возвращаются ни с чем, «промаливаются», как объяснял наш казак-переводчик.

По мере того как мелькали дни октября, погода становилась суровей, и близилось время зимнее. Ночные морозы уже доходили до —13°, да и днем при ветре было довольно холодно; 12 октября моросил первый снег, а пять суток спустя на Ганги-дабане мы нашли снежный покров уже в 2—3 дюйма глубиной.

Прибытие в Ургу. Следующий за Ганги-дабаном наш бивуак был на Бугук-голе, первой речке, встреченной нами от самого Нань-шаня. Один только переход отделял теперь нас от Урги, и под влиянием столь радостной мысли путь 19 октября длился невыносимо долго, в особенности в первой своей половине. Как нарочно, местность здесь холмистая, не открывающая далекого горизонта. Наконец с последнего перевала перед нами раскрылась широкая долина р. Толы, а в глубине этой долины, на белом фоне недавно выпавшего снега, чернелся грязной, безобразной кучей священный монгольский город Урга ([175]). Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое здание нашего консульства. Тут же и быстрая Тола струила свою светлую, еще незамерзшую воду; справа на горе Хан-ула, чернел густой, нетронутый лес. Обстановка пустыни круто изменялась. Попадали мы словно в иной мир. Близился конец девятнадцатимесячным трудам и многоразличным невзгодам. Родное, европейское чувствовалось уже недалеко. Нетерпение наше росло с каждым шагом; ежеминутно подгонялись усталые лошади и верблюды... Но вот мы, наконец, и в воротах знакомого дома, видим родные лица, слышим родную речь... Радушная встреча соотечественников, обоюдные расспросы, письма от друзей и родных, теплая комната, взамен грязной, холодной юрты, разнообразные яства, чистое белье и платье—все это сразу настолько обновило нас, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчивого сна...

Город Урга лежит на правом берегу р. Толы и состоит из двух частей: монгольской, гораздо чаще называемой монголами Да-курень, или Богдо-курень[1], и китайской, находящейся отсюда в расстоянии пяти верст к востоку и именуемой китайцами Майма-чен[2]. В обоих городах до 30 000

[1] Первое название означает в переводе «большое стойбище», второе—«священное стойбище». Подробней об Урге см. «Монголия и страна тангутов», стр. 5—10 [в новом издании 1946 г. стр. 47—50].

[2] В переводе [с китайского] «торговый город».

жителей: в Майма-чене—главным образом торгующих китайцев, в Дакурени—монгольских лам. Здесь же в одной из кумирен имеет свое местопребывание великий кутухта всей Монголии[1], на поклонение которому стекается, в особенности к новому году[2], множество богомольцев. Кроме того, в Урге пребывают два амбаня (губернатора)[3], заведующие управлением как самой Урги, так и двух восточных аймаков Халхи—Тушету-хана и Цэцэнь-хана; два другие западные аймака той же Халхи—Джасакту-хана и Сэйн-нойна [Сайн-нояна] находятся в подчинении китайскому дзянь-дзюню (начальник военного округа) в Улясутае.

В монгольском городе проживает несколько наших торговцев, занимающихся мелочной продажей русских товаров, главным же образом транспортировкой чая в Кяхту. Двухэтажный дом нашего консульства, с двумя флигелями и другими постройками, стоит в середине между китайским и монгольским городами на возвышении, недалеко от берега Толы.

Ургу мы застали на военном положении. Китайцами выстроена была даже небольшая глиняная крепость близ западной окраины монгольского города; в ней помещалось несколько сот китайских солдат. Кроме того, в Урге было собрано до четырех тысяч монгольского войска. Вся эта оборванная орда, силой согнанная из степных улусов, вооруженная лишь стрелами, пиками и в малом числе фитильными ружьями, конечно, еще менее китайского воинства годилась на какое-либо военное действие. Притом северные монголы ни за что не пошли бы против нас, а всего вероятней по объявлении войны поголовно бы стали на нашу сторону.

Переезд до Кяхты. В Урге караван наш был расформирован. Нанятые до Ала-шаня верблюды отправились обратно; трое же наших ветеранов-верблюдов, выходивших всю экспедицию, равно как и верховые лошади, были проданы. Затем, отдохнув пять суток, мы отправились в Кяхту на монгольских почтовых, по станциям, содержимым теми же монголами, Таких станций от Урги до Кяхты одиннадцать на пространстве около 300 верст. О каждом проезжем, по крайней мере чиновнике, дается вперед знать из ургинского ямына (управления); тогда на станциях заготавливаются лошади и юрты для помещения как самого чиновника, так и его прислуги. Багаж, сколько бы его ни было, везется на подводах или вьючных верблюдах. Китайские власти за такой провоз обыкновенно ничего не платят; но русские, по заведенному обычаю, дают, в виде подарка, на каждой станции три металлических рубля. Мы же платили по пяти лан, так как везли с собой, кроме небольшого багажа, все свои коллекции, весившие с укупоркой более восьмидесяти пудов.

От ургинских соотечественников мы получили для проезда тарантас и китайскую телегу. Последняя представляет утвержденный на двух прочных колесах, довольно обширный, со всех сторон закрытый ящик, с небольшой лазейкой спереди или в одном из боков. Помещаться в подобном экипаже всего удобнее лежа, притом задом к лошадям, иначе ноги будут выше головы. Как тарантас наш, так и телега везлись верховыми монголами. Для этого к наружному концу оглобель, перпендикулярно к ним, привязывается длинная и довольно толстая жердь. Каждый ее конец берется двумя всадниками, из которых один кладет означенную

[1] Два других важных кутухты Монголии находятся один в Куку-хото, другой в Пекине.

[2] Который празднуется монголами, как и китайцами, в конце нашего января или в начале февраля.

[3] Один—из маньчжур, другой—из придворных монгольских князей.

жердь к себе на седло впереди живота, а другой тянет за веревку, привязанную к концу той же жерди. Затем лошади пускаются вскачь, и тарантас, а еще более двухколесная телега, прыгают по всем встречным кочкам и камням[1]. Проскакав минут двадцать или с полчаса, запряженные в экипаж верховые монголы сменяются другими, так что при каждой телеге или тарантасе, от станции до станции, следует с десяток и более всадников.

Местность от Урги до Кяхты покрыта отрогами Кэнтея [Хэнтэя], той горной системы, узел которой лежит верстах в 120 или 150 к северо-востоку от Урги. Реки, стекающие с названных гор к западу, впадают в Орхон, приток Селенги, следовательно относятся к бассейну Байкала; к востоку же с Кэнтея вытекают Керулюн [Керулен] и Онон, принадлежащие верховьям Амура.

Горные хребты по нашему теперешнему пути имели общее направление с востока на запад, достигали, и то местами, лишь средней высоты и несли почти везде мягкий характер. На северных своих склонах они иногда были покрыты лесами из белой березы, сосны и лиственицы; реже попадаются здесь черная береза, кедр и осина. Но вообще леса эти не обширны, и горные скаты изобилуют гораздо более прекрасными лугами, которые залегают также везде и по долинам. Орошение довольно значительно; из рек наибольшие: Хара-гол и Иро, притоки Орхона. Абсолютная высота местности (по почтовой дороге) начинает от Урги уменьшаться и уже на р. Хара-гол достигает лишь 2 600 футов; затем на р. Иро ниспадает на 2 100 футов, а в Кяхте вновь немного увеличивается до 2 400 футов.

Кочующих монголов по пути нам везде попадалось много; живут они большей частью богато. Довольство отражается и на их общем типе: рост высокий или средний, сложение плотное, лицо свежее; таковы же и женщины. Притом здешние монголы, сколько кажется, гораздо меньшие ханжи, нежели их собратья в других частях Монголии; по крайней мере мы не слышали постоянного бормотания молитв, как у алашанцев или кукунорцев.

Погода во время нашего пути из Урги в Кяхту стояла хорошая — ясная и маловетреная; снег лежал неглубоко — дюйма на 3—4; ночные морозы доходили до —19,3°. Ежедневно мы делали только по две станции, чтобы не опережать много багажа, который тащился шагом, — где на двухколесных телегах, где на вьючных верблюдах. Наконец 29 октября, после полудня, мы увидели вдали белые шпицы кяхтинских церквей и со слезами на глазах приветствовали этот первый символ своей родины. Немного спустя караван наш встретили пограничный комиссар и несколько кяхтинских купцов, проводившие нас в город на приготовленную заранее квартиру, где мы прожили более недели, окруженные чисто родственной заботливостью гостеприимных кяхтинцев.

Итоги научных результатов моих путешествий в Центральной Азии. Так закончилось выше описанное, третье для меня по счету, путешествие в Центральной Азии. Подобно двум первым, оно представляет собой научную рекогносцировку посещенных местностей. Иного результата наши странствия иметь и не могли, как по многим пробелам личной нашей подготовки, так и по самому характеру пройденных стран, где против путешествен-

---

[1] Впрочем, дорога от Урги до Кяхты довольно сносная, в особенности караванная ([176]).

ника нередко встают и люди и природа, где иногда с винтовкой в руках приходится прокладывать себе путь, а сплошь и кряду сначала заботиться, чтобы не погибнуть от жажды или голода и затем уже справлять научные работы. Но утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые поведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание, в своих различных отраслях, обогатятся сторицей против того, что им дали нынешние наши путешествия (177). Пока же сведем итоги сделанного нами в Центральной Азии.

За все три здесь путешествия[1] нами пройдено по местностям, большей частью малоизвестным, а нередко и вовсе неизвестным, 22 260 верст[2], из которых 11 470 верст (весь передний путь) сняты глазомерно[3]. Астрономически определена широта 48 пунктов[4]; посредством барометра Паррота, а при первом путешествии анероида и гипсометра, определена абсолютная высота 212 точек[5]. Ежедневно три раза, в продолжение всех путешествий, производились метеорологические наблюдения[6]; иногда измерялась температура почвы и воды; психрометром по временам определялась влажность воздуха. Постоянно велся общий дневник, и, по мере возможности, производились этнографические исследования.

В области естествознания, относительно которого пройденные нами местности Центральной Азии были до сих пор почти вполне неведомы, производились специальные исследования над птицами и млекопитающими, а затем составлялись коллекции, в которые собрано:

	видов	экземпляров
Млекопитающих	около 90	около 408
Птиц	» 400	» 3 425
Пресмыкающихся и земноводных	» 50	» 976
Рыб	» 53	» 423
Насекомых	?	» 6 000
Растений	1 500	» 12 000

Кроме того, собирались образчики горных пород во всех попутных хребтах.

Зоологический сбор передан в музей С.-Петербургской Академии наук; гербарий—в Ботанический сад; небольшая минералогическая коллекция—в геологический кабинет С.-Петербургского университета. Часть собранных коллекций, в которых оказалось много новых для науки видов,

[1] Полагаю более удобным представить результаты всех трех моих путешествий, а не исключительно настоящего, так как эти путешествия имели своим предметом одни и те же исследования, в одной и той же Центральной Азии.

[2] При первом (Монгольском) путешествии—11 100 верст; при втором (Лобнорском)—3 980 верст; при третьем (Тибетском)—7 180 верст.

[3] В масштабе 10 верст в дюйме.

[4] Долготы, определенные при втором и третьем путешествиях, посредством зенитных расстояний луны, оказались ненадежными, так как небольшой универсальный инструмент (с делениями лимба на 20″), употреблявшийся при наших наблюдениях, был хорош для определения широты (по высоте Полярной звезды и по полуденным высотам солнца), но груб для тонких наблюдений лунных расстояний. Наблюдать в трубу того же универсального инструмента покрытия звезд было невозможно, по малой зрительной силе этой трубы.

[5] Здесь показана лишь цифра вычисленных (полковником Шарнгорстом и капитаном Гернетом) высот; показания же барометра записывались во время Лобнорского и Тибетского путешествий в общий журнал метеорологических наблюдений через каждый переход или через два перехода.

[6] Кроме того, взамен показания минимального термометра, ежедневно наблюдалась температура при восходе солнца.

как животных, так и растительных, описана академиками Максимовичем[1] и Штраухом[2], покойным профессором Кесслером[3] и мною[4]; несравненно же большее количество добытого материала остается пока еще необработанным.

Благодарность спутникам. Но если мне и выпала счастливая доля совершить удачно три путешествия в Центральной Азии, то успех этих путешествий—я обязан громко признать—обусловливался в весьма высокой степени смелостью, энергией и беззаветной преданностью своему делу моих спутников. Их не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадные, уходящие за облака, горы Тибета, ни леденящие там холода, ни орды дикарей, готовые растерзать нас... Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, среди многоразличных невзгод и опасностей, являвшихся непрерывной чредой,—мои спутники свято исполняли свой долг, никогда не падали духом и вели себя, по истине, героями. Пусть же эти немногие строки будут хотя слабым указанием на заслуги, оказанные русскими людьми делу науки, как равно и ничтожным выражением той глубокой признательности, которую я навсегда сохраню о своих бывших сотоварищах...

Заманчивость страннической жизни. В заключение, да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям.

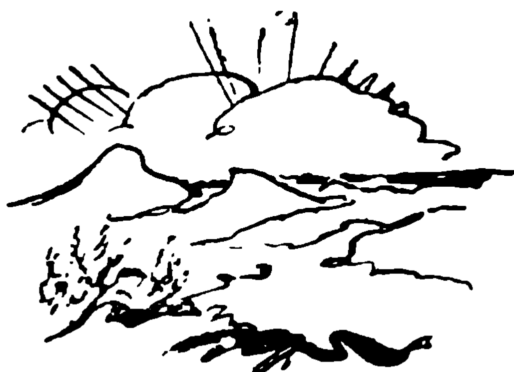
Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мной, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо—свобода, правда дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотой и широким привольем жизни дикой, наукой и знанием из жизни цивилизованной. Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильней оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья. Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, повременам неприветливую, но зато свободную и славную страническую жизнь... ([178]).

[1] «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum», Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XXII—XXVII.

[2] «Пресмыкающиеся и земноводные». «Монголия и страна тангутов», т. II, отд. III.

[3] Там же. Отдел IV. Рыбы и «Beiträge zur Ichthyologie von Central Asien» Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XXV.

[4] «Монголия и страна тангутов», т. II, отд. 1. О климате, отд. II. Птицы.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

К главе первой

1. Об окончании своей второй центральноазиатской экспедиции и событиях в Китае в 1877—1878 гг. подробно излагает Н. М. Пржевальский в полевом дневнике, избранные выдержки из которого мы привели во втором издании его работы «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», М., 1947.

2. Под презервами автор понимает консервированные продукты, выдерживающие долгое хранение. В основе—французское preserver или английское preserve, что значит сохранять; на английском так же называется варенье. В этом смысле понятно, когда Пржевальский пишет, что употребление презервов вызывает жажду и они портятся в условиях жаркого климата.

3. Научный инструментарий, взятый Н. М. Пржевальским в дорогу, невелик, но разрешал ему выполнять все полевые работы, связанные с задачей научной рекогносцировки. Хронометры и универсальный инструмент были использованы для определения астрономических пунктов, барометр—для вычисления атмосферного давления и проверки гипсометра, посредством которого определяют абсолютную высоту места более точно, чем по анероиду. Буссоль Шмалькальдера удобна при съемках, ею легко и сравнительно точно можно брать засечки на выдающиеся ориентиры и измерять углы. Термометры и психрометры используются для измерения температуры и влажности воздуха.

4. Мысли, изложенные здесь Н. М. Пржевальским, сохранили свою актуальность и сейчас, но только частично. Конечно, прав наш путешественник, когда противопоставляет пустыни Центральной Азии и Америки. Первые действительно гораздо труднее для освоения. Но вряд ли можно утверждать, что быт кочевников «не изменился со времен глубочайшей древности». В этом случае пришлось бы отрицать всякую эволюцию хозяйственных форм, материальной культуры. Железные дороги уже приблизились к пустыням Центральной Азии. Человек воздействует на природу, осваивает пустыню, использует ее богатства. Особенно поучителен в этом отношении опыт Советского Союза. У нас построены и строятся грандиозные оросительные системы в пустынных районах Средней Азии, сооружены заводы в Каракумах. Все новые и новые площади пустынь используются для посевов ценных земледельческих культур. В Тибетском же нагорье или в песках Такла-макан, конечно, мало что изменилось со времени путешествий Пржевальского.

5. Самая высокая вершина в группе Мус-тау в хребте Саур поднимается до высоты 3 805 м над уровнем океана. Географическая характеристика Пограничной Джунгарии дана акад. В. А. Обручевым в его одноименном труде (т. 3, вып. 1, Ленинград, 1932).

6. Ныне принимается уровень озера Улюнгур, равный 446 м, а озеро Бага-нур лежит на 2 м выше и получает воду по мелководной дельтовой протоке реки Урунгу, последняя почти целиком стекает в Улюнгур.

7. Это наблюдение очень любопытно. Почти все последующие путешественники пишут о пресноводности озера Улюнгур или что оно имеет слабо солоноватую воду. И это тем более интересно, что Улюнгур, будучи замкнутым озером, обладает большой площадью испарения и находится в климатических условиях, весьма способствующих громадному испарению. Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет: «... вода в озере пресная, но, как это иногда бывает в среднеазиатских пресноводных бассейнах, приобретает у берегов, в особенности в мелких местах, солоноватый вкус, причем в зависимости от места солоноватость эта весьма различная» («Западная Монголия и Урянхайский край», т. I, СПб., 1914, стр. 299). Единственным объяснением пресноводности озера может быть предположение, что Улюнгур сравнительно недавно изолировался

от системы Иртыша, к ней он некогда, конечно, принадлежал. На это указывает очень близкое соседство северного залива озера с долиной реки, от которой оно отделено только невысоким увалом. Таким образом и река Урунгу принадлежала к бассейну Иртыша и только в недалеком геологическом прошлом обособилась.

8. Попытку спуститься вниз по реке Урунгу на плоту сделал М. В. Певцов. Однако эта попытка чуть не окончилась для него и его спутников катастрофой. Стремительная местами река несла плот и кидала его, как щепку, на скалы, карчи, вертела десять минут в водовороте и, наконец, выбросила на широкий каменный мыс. («Путевые очерки Чжунгарии», Записки Западно-Сибирского отд. Русского Географического общества», т. I, 1879, стр. 35).

9. Упоминаемый вид куропатки, видимо, не Perdix cinerea, а скорее P. daurica (даурская куропатка).

10. Чингиль не длиннее Булугуна. Начинаются они в одном горном узле Монгольского Алтая, их долины разделяются его южным отрогом. Здесь Пржевальский оставляет Джунгарию и входит в пределы современной Монгольской Народной Республики (Кобдоский аймак). Долина Булугуна пустынна в своих низовьях, выше появляется обильная урёмная растительность, а также лиственичный лес по склонам гор

11. Пржевальский упоминает названия западномонгольских племен дюрбетов, хашатов, хойтов, олютов; к последним он относит и торгоутов. К этому списку можно добавить и дзахачинов, живущих по соседству на восток от булугунских торгоутов в Монгольской Народной Республике.

Далее приводится рассказ о большом переселении калмыков с Волги в Джунгарию и Алтай, которое происходило во второй половине XVIII века.

К главе второй

12. Ныне считается уже устаревшим представление о Ханхайском море, которое не существовало на месте Гоби, так же как не существовало и единого Арало-Каспийского моря.

Почти для всей Гоби уже давно был присущ континентальный режим. В третичное время в Центральной Азии существовали только сравнительно небольшие морские заливы, как, например, в Кашгарии. В Средней же Азии, в западной ее части, широко разливалось сарматское море (миоцен), протянувшееся от Австрии и Польши до Аральского моря. Но уже в плиоцене и в четвертичное время Каспийское и Аральское моря не представляли единого бассейна.

13. Пржевальский еще не знал об открытой экспедициями М. В. Певцова и Г. Е. Грумм-Гржимайло в 1889—1890 гг. Турфанской или Люкчунской впадины. В этой впадине в 1893—1895 гг. работала русская метеорологическая станция, данные которой обработал известный геодезист и географ А. А. Тилло. Он установил, что дно этой впадины, солончак,—озеро Боджанте, находится на 130 м ниже уровня океана. Ныне на новых картах можно увидеть высотную отметку—154 м.

14. О происхождении лёсса среди ученых много спорили и много спорят еще сейчас. Этим широко распространенным в природе отложениям посвящена громадная литература на всех главных языках мира. Существует ряд теорий, по-разному объясняющих накопление лёссовых толщ. Одна теория считает лёссы аллювиальным образованием, другая эоловым (Ф. Рихтгофен, В. А. Обручев), а третья почвенным (элювиальным); по последней теории лёссы не принесены ветрами, а образовались на месте из разнообразных мелкозёмистых, богатых карбонатами пород в результате выветривания и почвообразования в условиях сухого климата (Л. С. Берг). Подробно о лёссах, из новых изданий, излагается в труде Л. С. Берга «Климат и жизнь», Географгиз, М. 1947, стр. 156—307. Мощность лёссов, как теперь установлено, никогда не достигает такой мощности в 2 000 футов (610 м), как это указывает Н. М. Пржевальский.

15. В Среднеазиатских наших пустынях растут другие виды саксаула: белый, или песчаный—Haloxylon persicum и черный—H. aphyllum.

16. Животные употребляют в пищу только молодые побеги чия (дэриса); старые же стебли настолько деревянистые и жесткие, что по возможности их избегают есть.

17. Asinus hemionus и A. onager ныне считаются одним видом A. hemionus (кулан).

18. Эти слова—название масти лошадей: «кёр»—каурая, «сур»—мышастая.

19. Насколько трудна охота за дикими лошадьми, видно из следующего. Всем, доставившим шкуры этого редкого животного: Н. М. Пржевальскому, В. И. Роборовскому и П. К. Козлову, Я. П. Шишмареву, Д. А. Клеменцу, самим не удалось добыть лошади, они привезли шкуры животных убитых местными охотниками; только Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло наблюдали диких лошадей в Джунгарии и сами добыли двух жеребцов. Увлекательное описание этой редкой охоты приводит Г. Е. Грумм-Гржимайло в своем «Описании путешествия в Западный Китай», т. I, 1896, стр. 188—211.

20. Пржевальский здесь перечисляет ряд путешественников, из которых П. С. Паллас—великий натуралист и энциклопедист второй половины XVIII столетия и начале XIX. М. В. Певцов—один из крупнейших русских исследователей Центральной Азии, после смерти Пржевальского в 1888 г. он принял руководство его экспедицией в Тибет. Форзейт (Форсайт)—глава английской миссии в Восточный Туркестан, отправленной к Якуб-беку, когда тот в течение короткого времени возглавлял Джеты-шаар, государство в Кашгарии. Шеу (Р. Шоу) в 1868—1869 гг. прошел из Индии через Куэнь-лунь в Кашгарию. Беллю (Беллью) и Нэй Элиас—путешественники по Центральной Азии. Второй из них пересек Монголию с юго-востока на северо-запад в 1872 г. и вышел через Кобдо в Сибирь. Джон Белль оф Энтермони в качестве врача сопровождал русскую экспедицию в Сибирь посланника Измайлова в начале XVIII столетия. Дюгальд—секретарь иезуитского ордена, собрал и издал в 1735 г. первый из больших сборников, где печатались материалы, сообщения и работы иезуитов-путешественников по Азии. Он опубликовал также съемки и астрономические наблюдения, выполненные монахами в Китае.

21. Жорж Кювье (1769—1832)—знаменитый французский натуралист, автор новой (после Линнея) зоологической классификации. Исследователь анатомии и палеонтологии. Автор теории катастроф, по которой отрицаются переходы между видами. Переходы от одной геологической эпохи в другую сопровождались катастрофами, уничтожающими старые жизненные формы, но затем зарождались новые. Эта теория была «революционна на словах и реакционна на деле» (Ф. Энгельс).

К главе третьей

22. Бурундуком называют также сам костылек, который продевается между ноздрями верблюда.

23. З. Л. Матусовский—русский топограф и путешественник по Монголии и Китаю. Автор первого систематического описания Китайской империи, где дается характеристика этого государства по провинциям. Опубликовал свое «Географическое обозрение Китайской империи» в Петербурге в 1888 г. П. А. Рафаилов—также топограф, сопровождавший Г. Н. Потанина в его маршрутах по Западной Монголии и Джунгарии. В данном случае Н. М. Пржевальский ссылается на маршрут экспедиции Потанина в 1877 г. от Кобдо на Баркуль и Хами, откуда эта экспедиция прошла в Монголию, в город Улясутай.

24. Дорога бэй-лу ныне превращена в автомобильный тракт, который связывает собственно Китай со столицей западного Китая—Урумчи (китайское название Дихуа). Тракт от г. Ланьчжоу направляется к Линчжэ (Ганьчжоу), Сучжоу, Аньси, Хами (Баркуль остается севернее), Гучену, Урумчи, Шихо, Кульдже и подходит к границе с Советским Союзом. Протяжение этого тракта от Ланьчжоу до Кульджи приблизительно 2 500 км.

25. Восточный Тянь-шань, постепенно снижаясь и расплываясь, уходит на восток в Гоби, где дает ряд крупных поднятий в Монголии: Атас, Чингис, Цаган-богдо и др. На юго-восток от Тянь-шаня лежит пустынное нагорье Бэй-шань, которое является связующим звеном между Тянь-шанем и Нань-шанем.

К главе четвертой

26. Такая передача Кульджи и Кульджинского края имела место в 1881 г. на основании Петербургского русско-китайского договора. Кульджа в течение долгого времени оставалась центром торговли Китая с Россией и Советским Союзом.

27. Как в данном случае, так и прежде Пржевальский пишет о знаменитом дунганском восстании, которое разрослось в большое повстанческое движение, охватившее громадные территории Западного Китая и вовлекшее и мусульманское население Кашгарии. Восстание началось в 1864 г. и было жестоко подавлено китайцами в 1878 г. Свидетелем и очевидцем конца этого движения был наш путешественник, который сообщает немало интересных для историка сведений и наблюдений об этом периоде истории Западного Китая. Особенно любопытным представляется описание встречи Пржевальского с владетелем Кашгарии Якуб-беком, которое приводится в его книге «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор».

28. Ныне все мусульманское население Кашгарии восприняло древний этнический термин и называет себя уйгурами. Этноним «таранча» ныне не употребляется. Словом «чанту» монголы называют узбеков и уйгуров. Известно, что эти два народа очень близки друг к другу в этнографическом и языковом отношении.

29. Это замечание переводчика Абдула Юсупова соответствует истине.

30. Действительно, через Ала-шань и севернее озер Сого и Гашиун и далее на запад в Минь-шуй и Хами проходит один из известных караванных путей, на значительных участках используемый для колесного движения.

31. История показала, что Пржевальский был прав. Узловое транспортное и торговое значение оазиса Хами в Синьцзяне исключительно большое.

32. Александр Иванович Кояндер—действительный член Русского Географического общества с 1881 г., дипломатический работник, позже русский генеральный консул в Каире. Будучи главой русской дипломатической миссии в Пекине, вел переговоры с китайским правительством по поводу путешествия Пржевальского и его возможных маршрутов. Он покровительствовал путешественнику и помогал ему советом. В письме от 26 апреля 1878 г. Кояндер пишет Пржевальскому:

«Я надеюсь, что здешние китайцы написали представителям своей власти в краях, через которые Вы будете проходить, быть с вами любезнее и внимательнее, чем в Гучене. Таково, по крайней мере, впечатление, оставленное на меня последним моим разговором с ними по этом предмету. Но, многоуважаемый Николай Михайлович, не могу не попросить вас быть во время вашего путешествия насколько возможно осторожным. В настоящее время на китайцев можно еще менее полагаться, чем обыкновенно, вследствие некоторых обстоятельств, которые было бы неудобно приводить в этом письме. Считаю, однако, необходимым предупредить вас об этом, чтобы вы могли быть всегда настороже» (Н. Ф. Дубровин. Н. М. Пржевальский, СПб., 1880, стр. 275).

33. Курма—верхняя одежда (курточка) китайского солдата: далемба—хлопчатобумажная материя, очень распространенная в Монголии и Китае, бывает самой разнообразной расцветки.

34. «Нравственное очищение» китайской армии, о котором пишет Пржевальский, можно наблюдать сейчас на примере китайской красной армии, уже много лет героически борющейся за демократический и суверенный Китай. Китайцы—солдаты красной армии показывают образцы стойкости, преданности делу и целям борьбы. С другой стороны, гоминдановская правительственная армия, несмотря на оснащение ее «всеми усовершенствованиями европейской военной техники», и до сих пор сохранила многие черты той армии, которую описал наш наблюдательный путешественник.

35. Пустынные горы Бэй-шань являются промежуточным звеном в гигантской горной цепи Тянь-шань—Нань-шань. Позже Пржевальского их изучал Г. Е. Грумм-Гржимайло в 1889—1890 гг., который дает характеристику Бэй-шаня в своем «Описание путешествия в Западный Китай», т. 2, глава IV, стр. 128—155 (1899). В. А. Обручев во время своей центральноазиатской экспедиции 1892—1894 гг. также посетил Бэй-шань. Географическая и геологическая характеристика этих гор сделана этим автором во 2-м томе его книги «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань» (глава 26, стр. 483—535, СПб., 1901). По Обручеву, горы Бэй-шань очень пустынны и однообразны, но нередки тут небольшие оазисы с колодцами или ключами, обладающими часто солоноватой водой. Пустынное выветривание наложило свой отпечаток, горные породы обнажены. Преобладают здесь граниты и гнейсы. Высоты в Бэй-шане поднимаются до 2 000 м в центре и опускаются до 1 350 м на северной окраине. Ландшафты Бэй-шаня скудны и маловыразительны: «Почти на всем протяжении мы ехали в течение двух недель по гористой местности, причем то пересекали отдельные горные цепи, то промежуточные между ними группы и цепи холмов и рассеянные между ними долины и котловины. Нигде не было ни высоких перевалов, ни тесных ущелий; дорога шла прямо или слегка извиваясь по долинам, сухим руслам, логам, незаметно переваливая из одной в другую» (В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.-Л., 1940, стр. 208 и сл.).

36. Река Булунцзир, или Булун-дзир, более известна под названием Сулэй-хэ. Эта река имеет большое экономическое значение как питающая ряд богатых оазисов. Воды реки прорываются на запад в пустыню и оканчиваются в небольшом соленом озерке Халачи, окруженном солончаками. В низовьях река постепенно иссякает, много ее воды разбирается на орошение, но много влаги также расходуется на фильтрацию и испарение. Легенда о том, что воды реки вновь выступают на поверхности, имеет интерес в связи с палеогеографическим прошлым долины и реки Сулэй-хэ и озера Лоб-нор. В. А. Обручев обнаружил в низовьях реки Сулэй-хэ озерные осадки, несомненно говорящие о том, что здесь были некогда водоемы гораздо больших размеров, чем современные остаточные озерки. В этих озерных отложениях, из-за отступания и сокращения озера и понижения его уровня, река Сулэй-хэ начала углубляться, образуя узкую долину, местами ущелье.

В геологическом прошлом, видимо, существовала прямая гидрографическая связь бассейна Лоб-нора и Сулэй-хэ. Для Лоб-нора доказано высокое стояние его вод, при котором уровень озера имел совсем другую глубину и размеры. Достаточно

и ныне поднять уровень Лоб-нора только на 100 м, чтобы его воды слились в озеро Халачи и затопили в низовьях р. Сулэй-хэ.

37. В Центральной Азии абсолютный максимум температуры 48° в тени отмечен в г. Люкчуне, в Турфанской впадине. Однако эта величина как будто не предел и объясняется слишком малым сроком и плохой регулярностью метеорологических наблюдений в Центральной Азии. Вполне вероятно, что при накоплении таких наблюдений этот максимум может быть несколько повышен.

38. Оазис Са-чжеу (не нужно путать с оазисом Су-чжоу, расположенным восточнее) называется также Дунь-хуан и находится на реке Дан-хэ, вытекающей из гор Нань-шаня и впадающей слева в Сулэй-хэ. Абсолютная высота Дунь-хуаня 1 216 м.

К главе пятой

39. Пески эти действительно тянутся широтно вытянутой полосой от Са-чжеу до самого Лоб-нора. Западное окончание их видел Пржевальский, когда шел из Лоб-нора на Алтын-таг.

40. Граф Сечени—руководитель австро-венгерской экспедиции в Китай, в которой принимали участие также И. Крейтнер, упоминаемый Пржевальским, и геолог Л. Лочи; совершил в 1877—1880 гг. большой маршрут от Шанхая на запад, дошел до провинции Гань-су, но не смог пройти в Тибет и ушел на юг—в Бирму. Сачжеуские власти пытались отговорить Пржевальского итти далее в Тибет и ссылались при этом на пример экспедиции Сечени, повернувшей отсюда в сторону от предполагаемого маршрута в Тибет. Сечени был в Са-чжеу только на 2 месяца раньше Пржевальского. Но эти примеры не подействовали на Пржевальского, который пишет: «К сожалению, в данном случае китайцы напали на человека не слишком сговорчивого. У меня таких 11 (кроме переводчика—таранчи из Кульджи) молодцов, с которыми можно пройти весь свет» (из письма к русскому поверенному в Пекине от 11 сентября 1879 г.). Китайские власти рассчитывали, что Пржевальский испугается трудностей пути и последует примеру Сечени, но решимость нашего путешественника спутала все расчеты китайского правительства, которое вынуждено было в данном случае уступить настойчивости, но зато втайне предпринять меры, чтобы не допустить русскую экспедицию в Южный Тибет, Лхасу.

41. Эти пещеры и оазис Са-чжеу посетил и подробно описал В. И. Роборовский (см. «Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии», вып. 1 и 2, СПб., 1900, стр. 151—220). См. также интересную статью академика С. Ф. Ольденбурга «Пещеры тысячи Будд», напечатанную в журнале «Восток», кн. 1, Всемирная литература, П. 1922, стр. 57—66 с иллюстрациями. Ольденбург, будучи крупным специалистом по буддизму, исследовал эти пещеры во время своего путешествия в Западный Китай в 1914—1915 гг.

К главе шестой

42. Замечание Н. М. Пржевальского, что местные жители в Центральной Азии различают под разными названиями отдельные части горного хребта, но не дают одного названия для всей системы или большого хребта, совершенно правильно. С этим обстоятельством пришлось столкнуться очень многим путешественникам, которые нередко местные названия одного участка переносили на весь хребет. Названия, предложенные впервые Пржевальским для хребтов Гумбольдта и Риттера, как и для некоторых других объектов, прочно вошли в картографию нашего времени.

43. Картина хребтов Гумбольдта, Риттера и связи Нань-шаня с Алтын-тагом, нарисованная Пржевальским, в общем правильная, хотя автор часто оговаривается: «по всему вероятию», «весьма вероятно» и т. д.

На юг от Ань-си Западный Нань-шань имеет много горных хребтов: Ема-шань, Буруту-курук, Гумбольдта, Цаган-оботу, Риттера, Мушкетова, Гомын-ула, Курлык-дабан. Действительно, Нань-шань соединяется с Алтын-тагом посредством хребта Анимбар, но хребет Чимен-таг на одних картах показан как разделяющий котловины оз. Аяг-кум и западной части Цайдама, т. е. как лежащий гораздо южнее Алтын-тага, а на других картах в непосредственной близости от последнего.

Относительно положения хребтов Гумбольдта и Риттера В. А. Обручев пишет, что Пржевальский ошибался, полагая, что они перпендикулярны друг другу: «...Очевидно, что хребты Гумбольдта и Риттера не соединяются, как полагал Пржевальский, а тянутся более или менее параллельно друг другу, разделены широкой, продольной долиной Халтан-гола и представляют две совершенно самостоятельные цепи Нань-шаня; ошибка Пржевальского вполне объясняется тем, что он прошел по пустыне Сыртын в 150 в. к западу от предполагаемого горного узла и на таком расстоянии оба хребта, сближающиеся в верхней части долины Халтын-гола, могли казаться сливаю-

щимися... я прошел в 110 в. восточнее Пржевальского, т. е. всего в 40 в. от предполагаемого горного узла и, следовательно, должен был хорошо видеть этот узел, если бы он действительно существовал; на месте узла оказалась долина Халтын-гола, уходившая за горизонт» (В. А. Обручев. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань, т. 2, СПб., 1901, стр. 46).

44. Названный вид Triticum strigosum (Agropyrum strigosum)—несомненно другой, так как указанный вообще не встречается в Центральной Азии.

45. Высота снеговой линии на хребте Гумбольдта, определенная в 4 500—4 800 м, весьма значительная и является результатом пустынного климата, господствующего в западной части Нань-шаня. Однако во внутренних частях Нань-шаня и Тянь-шаня положение снеговой линии еще выше. В. А. Обручев отмечает исключительную сухость климата во внутренних хребтах Западного Нань-шаня.

46. Горные бараны куку-ямэны как форма, водящаяся в Нань-шане, так и форма алашанская ныне в систематике млекопитающих объединены в один вид—Pseudois nahoor.

47. Здесь Пржевальский впервые ставит вопрос о границах воздействия китайского и индийских муссонов: первые, по мнению путешественника, достигают Восточного Нань-шаня, а вторые—Северного Тибета. Проблема муссонов, выраженных в Азии более ярко и сильно, чем где-либо во всем мире, очень занимала выдающегося русского климатолога и географа А. И. Воейкова. Муссонам Азии он посвящает много работ, ссылаясь при этом на наблюдения и соображения Пржевальского, впрочем, не всегда с ним соглашаясь. К этому мы сможем еще вернуться ниже, в наших примечаниях к девятой главе.

48. Это ярко приведенное сравнение гор западного и восточного Нань-шаня сделано лаконично, выпукло и наглядно. Оно лишний раз говорит, что Пржевальский был замечательным географом, который видел явления и процессы, происходящие в природе, в их органической взаимосвязи. С этого времени в географии принято делить Нань-шань на Западный и Восточный, иногда—на Западный, Средний и Восточный, придерживаясь в этом разделении физико-географического принципа, в то время как в геолого-тектоническом и орографическом отношении весь Нань-шань, его многочисленные хребты представляют единое целое.

К главе седьмой

49. Подразумевается музей Зоологического института Академии наук СССР в Ленинграде.

50. Эти подгорные покатые равнины действительно очень характерны для горных районов Центральной Азии, располагающихся в пустынных и полупустынных условиях. В географической и геологической литературе они получили название «бэлей». Бэль—монгольское слово и основное его значение—«темя»; в переносном значении оно монголами употребляется для обозначения таких равнин, опоясывающих горные хребты или горы. Бэли хорошо были описаны Г. Н. Потаниным: «Оригинальный вид здешним хребтам придает необыкновенное развитие их подножий, так называемых по-монгольски бэлей. Получается такое впечатление, как будто эти хребты были до половины своей высоты погружены в воды, и под водой на их подножья отлагались наносы, сглаживаемые водными течениями. Может быть, ровные скаты, окружающие хребты Гобийского Алтая, как и прочие панели, произошли и не под водой; я употребил это выражение только как средство придать больше наглядности описанию» («Монголо-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», т. 1, СПб, 1893, стр. 494).

Позже бэли Гобийского Алтая изучались В. А. Обручевым, который так же предложил их назвать пьедесталами, подчеркивая тем самым их положение основания, на котором как бы насажена верхняя часть хребта, горы. Пьедесталы имеют разное развитие, иногда они совсем погребают гору, которая, разрушаясь, уменьшается а материал поступает на увеличение бэлей. Тогда только по редким выходам коренных пород можно догадаться, что под бэлями находится разрушенный горный хребет.

К главе восьмой

51. Цайдам был посещен Пржевальским в первом, третьем и четвертом путешествиях в Центральную Азию. Постепенно для самого путешественника вырисовывалась география этой гигантской, высоко расположенной впадины. В данном случае только западная граница Цайдама не ясна Пржевальскому. Между тем в 1884 г. он прошел по центральному и западному Цайдаму, установил границу последнего и открыл в прилегающих хребтах Куэнь-луня ряд новых неизвестных горных цепей.

Впадина Цайдама в направлении с северо-запада на юго-восток протянулась на 600 с лишним км, ширина ее по меридиану до 250 км, самые низкие места, занятые солончаками и остаточными озерами, находятся на высоте 2 700 м над уровнем моря.

52. Хошун—древняя монгольская административная единица, владение феодального князя. Ныне сохранилась в территориях с монгольским населением в Джунгарии, Куку-норе, западной части Гань-су и во Внутренней Монголии. В Монгольской Народной Республике хошуны упразднены.

53. Этот термин Пржевальский записал в форме «хырма», но правильная его монгольская форма «хэрым», т. е. крепость, крепостная, городская стена. Великая китайская стена монголами так же называется «хэрым», первыми русскими путешественниками (Ив. Петлин) еще в начале XVII века записанная в форме «крым». Термин этот очень древний, исходные его формы уходят в домонгольское прошлое. С ним связано рождение географического названия «Крым» (полуостров) и, может быть, слова «Кремль».

54. Вряд ли при таком порядке монголы могли бы оказать вооруженное сопротивление грабителям, если за жизнь каждого они должны отвечать перед китайской администрацией.

55. Судя по описанию, здесь упоминается хребет Мушкетова, названный так В. А. Обручевым в честь своего учителя, во время посещения им в путешествии 1892—1894 гг. восточной части Цайдама (см. его «Центральную Азию, Северный Китай и Нань-шань», т. 2, СПб, 1901, стр. 53).

56. Название «Сыртын» перекликается с аналогичными названиями «Сырт» (вспомним хотя бы Большой Сырт). В основе лежит термин «сырт», означающий плоскую, высокую равнину, плато, плоскогорие, плоский, но круто обрывающийся гребень хребта. Напомним, что по-монгольски «сэртэнг»,—стоячий, торчащий.

57. Этой же дорогой позже прошел В. А. Обручев, который говорит, что в 5—6 верстах к северу от озера Ихэ-цайдамин-нур тянется подножье хребта Мушкетова, возвышающегося тут на 15—16 тысяч футов. Озеро питается ключами и небольшими речками, имеет 9—10 верст длины (упомянутое сочинение, т. 2, стр. 60).

58. Эти же озера Ихэ- и Бага-цайдамин-нур посетила экспедиция В. И. Роборовского в 1893—1895 гг. По данным этого путешественника, вода во втором озере насыщена солью, кругом озера простираются прекрасные пастбища, где пасутся тысячи голов скота. Озеро питается ледниковой водой Таталын-гола, которая ночью несет много воды, днем же она очень мелка, так как таяние снегов и льдов в горах ночью прекращается, а днем оно происходит энергично, поэтому воды до озера доходят только к вечеру (В. И. Роборовский. Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии, ч. 1, вып. 3, СПб, 1903, стр. 451—452).

59. Хребет Риттера не подходит к озеру Бага-цайдамин нур, впадина которого окаймляется другими предгорьями, имеющими тут свои местные названия.

60. Значение кустарников в деле образования кустовых или кучевых песков очень большое. Иногда в пустынях ландшафт создается такими песчаными образованиями. Происхождению этих песчаных скоплений посвящена не одна работа (см. В. А. Обручев. «Кучевые пески как особый тип песчаных скоплений». Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 1—24).

61. Не следует путать два одноименных озера Тосо-нор, упоминаемые Пржевальским. Название это значит «жирное озеро» и очень часто встречается в землях, населенных монголами. Судя по современным картам, Баян берет начало недалеко от Тосо-нора в горах Амнэ-кыр и Бурхан Будда, но не из озера, которое, видимо, замкнутое и не имеет стока. В своих низовьях Баян-гол постепенно иссякает в солончаках Цайдама, и остатки его впадают в небольшое озеро (Хулустаин-нур?).

62. Титул цин-хай-ван значит князь провинции. Куку-нор, или по-китайски «Цин-хай» (синее озеро, море). Тосалакчи—титул помощника, заместителя.

К главе девятой

63. Этот абзац, написанный в виде введения к географической характеристике высокого Тибетского нагорья, является очень ярким и часто цитируется многими последующими авторами, касающимися вопросов географии Центральной Азии или при составлении описаний путешествий Пржевальского.

64. Д'Анвиль (1697—1782)—европейский картограф, исправивший карту Азии, составленную французским ученым Делилем, и автор атласа Китайской империи. Исправления эти оказались возможными в результате сведений, собранных русскими в Сибири, Монголии, Северном Китае, а также миссионерами в Южной Азии.

65. Францисканец Одорик из Порденона, уроженец Италии, в 1325—1326 гг. в качестве миссионера проник в Лхасу из Восточного Китая, где жил три года. В то

время он был первым из европейцев, видевшим Лхасу и описавшим ее по собственным впечатлениям. Ниже, в главе двенадцатой, Пржевальский почему-то сомневается, был ли Одорик в Лхасе.

66. Это перечисление, по существу, является краткой историей исследования Тибета, в то время совсем плохо известного. Пржевальский правильно отмечает, что случайные путешествия сюда миссионеров не дали большого материала по географии Тибета и что важные заслуги в этом принадлежат пундитам (вернее, пандитам, от английского pundit). Идея использовать индусов для исследования запретного Тибета родилась у англичан в Индии. Капитан Монтгомери, ведавший съемкой Индии, создал специальное бюро по подготовке индусов к топографической службе и описанию районов. Пандиты сделали очень много, и благодаря им запретная Лхаса была прекрасно известна англичанам. Когда военная экспедиция англичан в Тибет в 1903—1904 гг. дала им возможность, наконец, посетить Лхасу, то они ничего существенно нового не могли сообщить об этом городе и как-либо дополнить донесения пандитов. Хорошо описал Лхасу Сарат-Чандра-дас, который прожил в городе две недели в 1881 г., т. е. примерно в те же годы, когда путешествовал Пржевальский. На русском языке имеется отчет Сарат-Чандра-даса «Путешествие в Тибет», перевод с англ. СПб, 1904 г.

Интересную и смелую поездку в Тибет и Лхасу совершил русский ученый-востоковед, бурят по национальности, Г. Ц. Цыбиков, который в 1899—1902 гг. по заданию Географического общества отправился в путь, переодевшись буддистом-паломником, пришедшим на поклонение лхасским святыням. Он оставил большую книгу, где подробнее и лучше других дает описание Лхасы, ее монастырей, тибетского ламаизма, быта тибетцев и т. д. (см. его «Буддист-паломник у святынь Тибета», издание Русского Географического общества, Петроград, 1918, 472 стр. К книге приложено много прекрасных фотографий).

История исследования Тибета подробно изложена Н. В. Кюнером в его первом выпуске «Описания Тибета», Владивосток, 1907.

67. Такое деление Тибета на три резко отличающиеся географические области: южную, северную и восточную до сих пор является наиболее общепринятым. Английский исследователь Тибета Уорд называет Восточный Тибет, из-за большого его расчленения многочисленными большими реками, областью речных ущелий.

68. Данный горный хребет в географии известен под названием Ниенчен-тангла, с высотами, в отдельных вершинах превышающими 7 200 м.

69. Этот хребет, как выяснил во время четвертого путешествия Н. М. Пржевальский, является восточным продолжением Чамен-тага и показан им как соединяющийся с Алтын-тагом.

70. Все хребты, перечисленные Пржевальским, ныне считают принадлежащими к системе Куэнь-луня. Некоторые географы даже хребты Нань-шаня считают также куэньлунскими и выделяют их под названием Среднего Куэнь-луня.

71. Ныне, конечно, имеются карты Тибета, дающие более детальные и точные данные по орографии Тибетского нагорья, чем то, что привел Пржевальский. Однако часто очень трудно сопоставить названия, приводимые автором, с названиями, принятыми в современной картографии. Это объясняется двумя причинами: 1) На картах хребты в ряде случаев поименованы иначе. Это понятно, если вспомнить, что местное население называет отдельные небольшие отрезки хребтов разными именами. Последние часто переносятся путешественниками на весь хребет; 2) Разнонаписанием географических названий, разной транскрипцией их и неправильной записью на слух чуждых европейскому уху азиатских топонимов. Например, Пржевальский написал названия хребта Солома и реки Напчитай-улан-мурень, видимо, гораздо более близкие к формам: Сал-ама и Хабцитай-улан-мурэн. В основе этих названий лежат слова: сала—ветвь, часть, приток или рукав реки; ам—рот, ущелье, горный проход; хабцгал (хавцал)—ущелье, теснина; улан—красный, мурэн—река. Из этого примера видно, как трудно привести к единообразному написанию географические названия Центральной Азии. Изучение географии этой части света очень затрудняется таким положением.

72. Зато в четвертом путешествии в Центральную Азию Пржевальский открыл несколько больших озер, в частности в верховьях Хуан-хэ, которые и окрестил озерами Русским и Экспедиции. Озера действительно характерный элемент сухого Тибетского нагорья.

73. Камбоджей автор называет реку Меконг, самую большую реку Индо-Китая, истоки которой лежат в Тибете. Меконг в верхнем течении описал П. К. Козлов (см. его «Монголия и Кам», М., 1947). Встречающееся у Пржевальского название реки Мурусу относится к верхней тибетской части китайской реки Янцзы.

74. А. И. Воейков, обработавший метеорологические наблюдения Пржевальского, не согласен с мнением последнего о направлении индийского муссона. Пржеваль-

ский писал, что «обильные летом атмосферные осадки на Северно-тибетском нагорье приносятся из-за Гималаев юго-западным муссоном Индийского океана». Таким образом западно-юго-западные ветры, с которыми связано осадкообразование в Северном Тибете, есть окончание юго-западного индийского муссона. Воейков подчеркивает, что в Северной Индии, в долине Ганга, муссон имеет востоко-юго-восточное направление, т. е. он приносит влагу с Бенгальского залива.

В восточной части Гималаи резко снижаются, на их южном склоне находится самое дождливое место на земном шаре, в летнее время все горные плоские равнины покрываются водами, превращаясь в мелкие мутные озера, с которых происходит, в условиях знойной Индии, громадное испарение.

Главное направление муссона у подножия Восточных Гималаев южное и юго-юго-западное, воздух этого муссона проникает в Гималаи не только по ущельям, но и переваливая через хребет, попадает в Тибет. Эти индийские массы влажного воздуха уже дальше переносятся на восток господствующими в Тибете западными ветрами. В Тибете нет четкой сезонной смены направлений ветров, которая характерна для муссонной циркуляции; поэтому считать, что Тибет—муссонная область, по мнению Воейкова,—нельзя (А. И. Воейков. О климате Центральной Азии. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии, Отдел метеорологический, СПб., 1895, стр. 273—275).

75. Мото-ширики, видимо, правильнее мод-ширэх, т. е. простегнутые, прошитые деревом.

76. Современная систематика оставила название отрядов однокопытных—Solidungula и жвачных—Ruminantia.

77. Альфред Рессель Уоллес (Wallace)—выдающийся английский натуралист XIX и начала XX столетия. Путешественник и автор многих работ по теории естественного отбора. Стоял на позициях дарвинизма. Сам Дарвин не раз подчеркивал, что Уоллес самостоятельно пришел к теории естественного отбора. Пржевальский ссылается на сборник избранных статей, опубликованный на английском языке в 1870 г. и переведенный на русский язык.

78. Як дикий и як домашний— все же лишь разные формы одного и того же вида Poephagus grunniens.

79. Говоря о роде Arvicola, автор имеет в виду не водяных крыс, как это принято ныне, а полевок вообще.

80. Систематическое деление птиц на группы, как здесь приводится Пржевальским, теперь устарело и не встречается. Это же касается классификации, применяемой ниже в главах XVII и XVIII для млекопитающих и птиц (стр. 324, 337 и сл.).

81. Первые две птицы—одного вида: центральноазиатские канюки Buteo hemilasius, третья—балобан—Falco cherrug.

82. В Тибете лежит самый высокий предел горного земледелия на земном шаре. Пржевальский ссылается на показание пандита Наин Синга, который видел в 1873 г. посевы ячменя на абсолютной высоте 15 200 футов (4 633 м). Именно Наин Синг открыл самый высокий предел земледелия на земле. В специальной литературе высота, определенная Наином Сингом, приводится более точно, а именно—4 646 м над уровнем океана (см. Г. В. Ковалевский. Вертикальные земледельческие зоны и верхние границы сельскохозяйственных растений в горах земного шара, «Известия Государственного Географич. общества, т. 70, вып. 4—5, М.—Л., 1938, стр. 480—511).

При оценке точности приводимой цифры нужно иметь в виду, что определение высоты было сделано Наином Сингом путем измерения атмосферного давления, т. е. барометрическим методом. А этот метод при небольшом количестве измерений на одном и том же пункте и при большом расстоянии от опорных метеорологических станций, да еще в условиях континентального климата с резко меняющейся погодой, как это имеет место в Тибете, может дать значительные ошибки. К этому следует добавить, что к нашему времени накопились и другие данные, которые, бесспорно, позволяют утверждать, что именно в Южном Тибете культура ячменя поднимается до высот 4 200—4 600 м, культура пшеницы—до 3 900 м, в Лхасе на высоте 3 658 м произрастают плодовые деревья, есть также апельсины, но плоды их, правда, тут не вызревают. В Батинге (Восточный Тибет) на высоте 2 521 м плодоносят суходольный рис, кукуруза, виноград. «В Тибете расположены самые высокие на земле точки культуры ячменя, овса, проса, обыкновенной и татарской гречихи, гороха, бобов, репы, редьки, персика, апельсинового дерева и грецкого ореха» (там же, стр. 487).

83. Настоящая глава, по существу, представляет систематическое географическое описание Северного Тибета, сделанное на основании собственного изучения и с использованием всей литературы того времени. В этой главе Пржевальский выступает не только как путешественник, а как географ, которому под силу такого рода всестороннее обобщение.

К главе десятой

84. Грюнштейны, или зеленокаменные породы,—сборное название для некоторых магматитовых пород, куда входят например, диабазы, порфириты.

85. Верховья р. Шуга-гол до сих пор не нанесены на карту и не обследованы.

86. Расспросные сведения на этот раз оказались совершенно правильными. Шуга действительно прорывает ущельем горы, окаймляющие с юга Цайдам и, широко разливаясь в последнем, образует обширные солончаки и доносит остатки своих вод до оз. Дабусун.

87. Пржевальский был замечательный охотник, терпеливый, страстный и смелый. Прекрасный стрелок, он редко приходил с охоты с пустыми руками. Однако следует отметить, что случай, подобный рассказанному, вряд ли может вызвать восхищение читателя. Бить одного за другим доверчивых и непуганых куку-яманов, не сходя с места, едва ли делает честь такому великому охотнику, как Николай Михайлович. Думаю, что это понял и сам путешественник, когда охотничий азарт прошел и было видно, что это не охота, а сделано «чисто как на бойне». Ведь использовать все мясо, шкуры и черепа убитых животных экспедиция все равно не могла.

88. Название этого медведя Ursus hypernephes (медведь заоблачный) не удержалось в зоологии. В литературе он известен, как медведь пищухоед; современное латинское его название Ursus pruinosus.

К главе одиннадцатой

89. Эти хребты на востоке не соединяются, так как хребет Думбуре, окаймляя с юга долину Хапчик-улан-муреня, упирается в реку Мур-усу (верховья Янцзы).

90. Хребет Тангла действительно один из самых длинных хребтов Тибета. Он поднимается до высот, превышающих 6 000 м, и в своей восточной части разделяет воды Янцзы и Салуэна, а также Меконга и Салуэна (Луцзяна). Верховья Салуэна находятся в широкой межгорной долине, простирающейся между хребтами Тангла и Ниенчин-тангла.(У Пржевальского Тан-ла).

91. Истоки Брамапутры лежат на целых 9° западнее Салуэна, который начинается примерно на меридиане Лхасы, где Брамапутра—уже большая река и переправа через нее происходит на паромах. Западнее истоков Салуэна располагается высокая и бессточная часть Северного Тибета, характеризующаяся ландшафтом высокогорных пустынь с частыми большими и малыми озёрами, которые питаются короткими реками, стекающими с близлежащих гор. Озера вытянуты широтно, почти все они имеют яркие следы более высокого стояния вод и былой гидрографической связи.

92. Тенгри-нор бессточное, замкнутое озеро.

93. Меконг, известный в Тибете под названием Дза-чу, начинается восточнее истоков Салуэна, на северном склоне восточной оконечности хребта Тангла. На широте 28° все три великие реки: Салуэн, Меконг и Янцзы протекают параллельно в глубоких и диких ущельях, все на расстоянии всего каких-нибудь 60 км.

94. С голоками (н'голоками) встречалась экспедиция В. И. Роборовского; он и П. К. Козлов посвящают им небольшие характеристики (см. «Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии под начальством В. И. Роборовского, ч. 1, вып. 2, СПб., 1900, стр. 384—385 и П. К. Козлов, «Монголия и Кам», т. I, ч. 2, СПб., 1906, стр. 322—330).

95. Карчин—монгольское племя, живущее во Внутренней Монголии и Монгольской Народной Республике; правильное название—харчин.

96. Пока Н. М. Пржевальский смело двигался на юг к Лхасе, преодолевая на своем пути все препятствия, которые чинили ему природа и люди, между правительством Китая и русским посланником в Пекине шла оживленная переписка относительно судьбы путешественника. Китайцы сообщили, что после выхода Пржевальского из Цайдама, им ничего неизвестно об экспедиции, местность же между Цайдамом и Сычуанью и население, промышляющее грабежами, таковы, что китайское правительство не может взять на себя ответственность за жизнь Пржевальского: «Поистине нельзя нам вполне гарантировать путешественнику защиту и покровительство. К тому же теперь подошло время, когда снег заваливает горы до такой степени, что зимой и весной прекращается всякое сообщение, и пройти через горы нет никакой возможности» (по Н. Ф. Дубровину. Н. М. Пржевальский, СПб., 1890, стр. 322).

В ответ на это признание китайского правительства представитель России сообщил, что китайцы преувеличивают трудности пути в Тибете, что смог доказать тот же Пржевальский, когда он с несколькими спутниками проник из Куку-нора в Северный Тибет. Учитывая осторожность, энергию, опыт Пржевальского, можно быть уверенным, что путешественник благополучно прошел самую

тяжелую часть пути—Северный Тибет и приблизился к местам с оседлым тибетским населением. Здесь же китайское правительство может оказать содействие Пржевальскому, которому выдало паспорт и разрешение на проезд через Тибет в Лхасу.

Но Николай Михайлович не знал об этой переписке, хотя все время и подозревал китайскую администрацию в том, что больше половины затруднений, которые пришлись на долю экспедиции от оазиса Са-чжеу до встречи с тибетскими чиновниками,—дело ее рук. Поэтому понятными кажутся те далеко не лестные оценки, на которые не скупится автор этой книги, направляя их по адресу китайских чиновников и начальников. Китайский резидент в Лхасе, конечно, приложил руку к тому, чтобы миссия Пржевальского в Лхасу не увенчалась успехом, хотя официально это так и осталось неизвестным.

К главе двенадцатой

97. Этот этнографический очерк тибетцев написан Пржевальским на основании очень небольшого знакомства его с тибетцами за время вынужденной стоянки экспедиции на горе Бумза. Он в целом, конечно, представляет большой интерес как написанный очевидцем, попавшим в неизведанный и совершенно новый этнографический мир. Пржевальский оговаривается, что он описывает только северные кочевые племена тибетцев. И действительно, южные тибетцы в этнографическом отношении отличны от северных, на юге живут тибетцы-земледельцы, и конечно, эта форма хозяйства очень сильно выделяет их от скотоводов кочевников; материальная и духовная культура в значительной степени испытывает влияние их хозяйственной деятельности.

В характеристике, сделанной Пржевальским, обращает внимание его сравнение тибетцев высшего сословия Южного Тибета, которые «так же красивы, как европейцы». Такое сравнение весьма условно, ибо и понятие «красоты» также весьма условно. Это сказано человеком с европейскими вкусами и европейской цивилизации. Ему противна и нечистоплотность кочевников. При этом нужно учитывать, в каких условиях жили и живут и сейчас номады Тибета, Монголии, Джунгарии, Куку-нора. Когда представляются конкретно материальные условия их жизни, условия быта, работы, тогда объяснима и их «нечистоплотность». Ведь сам Пржевальский, после больших переходов и больших путешествий, оглядывая себя и товарищей, восклицает: «На кого мы похожи!» Рваные, грязные, усталые, они нередко производили впечатление «диких» людей, их вид удивлял местное население.

И здесь Пржевальский обвиняет кочевников Тибета, да заодно и Монголии, в лени и трусости, а тибетцев в лени и воровстве. Как мы отмечали в книге «Монголия и страна тангутов» (1946, стр. 310, примечание 47), многие из этих качеств объясняются положением данных стран как колоний Китая, воздействием ламаизма на население. Ламы учат и призывают к бездействию, к покорности, к непротивлению. Обнищание же кочевых народов Центральной Азии приняло массовый характер и громадные размеры. Конечно, обобщение Пржевальского о тибетских кочевниках, что «это люди без всякой совести и поголовные обманщики», сделано без большого сравнительного материала и с поспешностью.

Некоторые путешественники по Тибету отмечают разбойничьи повадки кочевого населения Северного Тибета, с которыми нередки были вооруженные столкновения, а путешественник французский географ Дютрейль де-Ренс был убит тибетцами в конце своей экспедиции. В течение долгого времени, с 1891 по 1894 г., он и Ф. Гренар изучали Кашгарию (вышли из г. Ош, ныне Киргизской ССР) и Тибет. По дороге в Лхасу их задержали, заставили ждать, как и Пржевальского, ответа высшего духовенства. Между тем суровой тибетской зимой гибли от голода и холода верблюды, остались живыми только два. Морозы доходили до —30°. В Лхасу путешественники так и не проникли, а пошли к истокам Меконга и перевалили в бассейн Янцзы. У путешественников была украдена лошадь. Началась перестрелка, Дютрейль был смертельно ранен, а затем труп его был сброшен в реку. Экспедиция эта сделала богатые географические наблюдения; к счастью, все дневники и багаж экспедиции не пропали. Б. Б. Барадийн—русский ученый, бурят по происхождению, сделавший богатое этнографическими исследованиями путешествие в Тибет, пишет, что так уж повелось—изображать тангутов как воровской, разбойничий и дикий народ. Барадийн же утверждает, что тангуты добродушны, обладают смекалкой, свободолюбивы и прямы в обращении. Их нельзя огульно обвинять в бесчестии, им присуще и благородство (Б. Б. Барадийн. См. «Известия Русского Географического общества» за 1908 г.). Помимо работы Барадийна, удостоенной премии Н. М. Пржевальского, интересный этнографический материал о тибетцах можно найти в упомянутой работе П. К. Козлова, в книге Г. Ц. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета», Петроград, 1918, у У. Рокхиля—«В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету». Перевод

с английского, СПб., 1901. Большой историко-этнографический материал приведен у Г. Е. Грумм-Гржимайло в его «Описании путешествия в Западный Китай», 3 тт. СПб., 1896—1907. Не забыл дать характеристику племен, живущих в Северном и Восточном Тибете и наш замечательный путешественник Г. Н. Потанин, который отмечает радушие и гостеприимство тангутов и то, что рабочие проводники-тангуты, сопровождавшие караван, оказывались достойными людьми, с которыми легко было ладить. «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», т. I, СПб., 1893.

Эти свидетельства русских путешественников (Барадийна, Грумм-Гржимайло. Потанина) можно было бы продолжить высказываниями иностранцев о нравах и характере тибетцев. Впрочем, эти высказывания очень разноречивы (Дегодин, Тэрнер, Рокхиль, Гренар и др.).

98. A. Desgodins—аббат Август Дегодин, католический миссионер, путешественник и исследователь Тибета, автор ряда работ по географии, этнографии и языкам Тибета, составитель тибетского словаря и грамматики.

99. По наблюдениям многих путешественников, яки довольно смирные и небодливые животные. Действительно, яки стремительно бросаются ко всему неизвестному, ко всему движущемуся, они быстро несутся к цели, но у самой цели внезапно останавливаются, внимательно смотрят, а затем спокойно отходят в сторону. Но не дикостью и свирепостью нужно объяснять такие качества яка, а его безграничным любопытством, толкающим на такие поступки.

100. Отсутствие курдюка у тибетских баранов отличает их от породы овец, разводимых монголами или тюркским населением Синьцзяна, где преобладают курдючные или полукурдючные овцы. Пржевальский в своих дневниках отмечает, что бараны Куку-нора и в бассейне верхней части Хуан-хэ, разводимые тангутами, также некурдючные: «Мясо плохое; очень жирные не бывают. Вероятно, курдючным баранам нельзя жить в местностях гористых,—трудно ходить по горам. В Цайдаме курдючных баранов также мало; притом у них курдючки небольшие, продолговатые».

101. Пржевальский говорит здесь о секте буддистов-красношапочников, которая в Тибете противопоставляется секте желтошапочников. Красношапочники ныне в меньшинстве, они являются «староверами», более многочисленны желтошапочники, последователи учения ламы Дзонхавы, учения, господствующего сейчас в Тибете и Монголии. Впрочем, не только население, но и высшее духовенство одинаково терпимо относятся к обоим направлениям и к их ламам.

102. Это наблюдение Пржевальского для Северного Тибета расширяет границы института «полиандрии», до нашего путешественника, известного в Южном Тибете и на южных склонах Гималайского хребта, в местах, населенных тибетцами или народностями, близкими к ним. О полиандрии позже пишет П. К. Козлов в своей книге «Монголия и Кам»: «В семейном быту тибетцев практикуется многомужие—полиандрия. Иногда у одной женщины бывает до семи мужей, которые должны быть непременно братьями; лица посторонние в такой союз не допускаются. Ребенок, происходящий от такого полиандрического брака, считает своим отцом того, на кого мать указала ему как на отца, прочие же мужья матери считаются дядями ребенка. Фамилии в смысле именно семьи в Тибете неизвестны, про детей говорят, что они дети такой-то женщины, а имя отца вряд ли когда и упоминается. Случается также что более состоятельные тибетцы имеют не только одну, но и две жены» (т. I, ч., 2, СПб., 1906, стр. 294).

На полиандрию обращает внимание и другой известный исследователь Тибета У. Рокхиль, но ошибочно ограничивает полиандрию только земледельческим населением страны.

Интересное наблюдение о полиандрии сделал Г. Ц. Цыбиков, который пишет: «В семейной жизни у тибетцев существует, между прочим, полиандрия и полигамия. При этом нам довелось только узнать, что женитьба нескольких братьев на одной и выход нескольких сестер за одного считается идеалом родственных отношений» («Буддист-паломник у святынь Тибета», Русское Географическое общество, Петроград, 1918, стр. 177). Явление полиандрии (греческое слово) ныне рассматривается как пережиток группового брака, на что обратил внимание Ф. Энгельс в своей известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где пишет: «...многоженство—привилегия богатых и знатных, и жены достаются главным образом путем покупки рабынь; большинство народа живет в моногамии. Такое же исключение представляет многомужество в Индии и Тибете; его несомненно небезынтересное происхождение из группового брака еще подлежит дальнейшему изучению. Впрочем, в своей практике многомужество кажется гораздо более терпимым, чем ревнивый режим магометанских гаремов» (Госполитиздат, М., 1945, стр. 70—71).

Полиандрия—форма брака, характерная для отсталых народов Азии, впрочем имеющая очень небольшое распространение, гораздо меньшее, чем полигамия, т. е. многоженство.

103. Тибетский язык «бод-скат» морфологически относится к большой группе азиатских языков, куда входят также китайские, бирманские и таи языки. Словарный запас—односложные слова, одни и те же слова могут иметь; различное содержание в зависимости от тона произношения. Диалекты в Тибете сильно отличаются друг от друга. Центральный диалект—главный, на нем говорит население Лхасы и густо населенной долины Брамапутры. Этот диалект «бэке» является сейчас и государственным языком Автономного Тибета. Современный язык имеет мало общего с древним и письменным языком, поэтому замечание Пржевальского о том, что тибетцы бесконечно бормочут молитвы, не понимая их содержания, совершенно справедливо.

Северо-тибетское наречие, на котором говорят кукунорские тангуты, настолько отлично от лхасского, что южные тибетцы почти совсем его не понимают.

Письменность тибетцев или тибетский силлабарий происходит из Индии и уходит своими истоками в санскрит. Буквы, состоят из 30 знаков. Тибетская орфография очень сложна, в словах обычные немые графемы, ныне не читаемые.

104. Административное деление в этой части Китая ныне подверглось значительным изменениям. Возникли две новые западные провинции: Цин-хай с центром в Синине и Сикан (Восточный Тибет) с центром в Кандине (Дань-зян-лу).

105. Такое отношение к посетителям, видимо, объяснялось боязнью местного населения своих начальников, получивших соответствующие указания из Лхасы. Иначе как рассматривать описание обычая приема гостя в тибетской палатке, данное П. К. Козловым? («Монголия и Кам», т. 2 стр. 293).

106. Эти названия записаны Пржевальским со слов монгола. Поэтому и название реки Ки-чу (Джи-чу), на которой стоит Лхаса, превратилось в Уй-мурень (быть может, Ой-мурэн, что по-монгольски значит лесная река, а быть может, и по названию тибетской провинции Уй).

Гора Напчин-тан-ла оказалась одним из главных хребтов Тибета—Ниенчин (Нянчэн) Тан-ла, по западной части которого проходит водораздел между бассейном Индийского океана и бессточных бассейнов Центральной Азии. Нап-чу, видимо, правильнее Нуп-чу—верховья Салуэна.

107. Интересующихся историей исследования Тибета мы отсылаем к труду Н. В. Кюнера «Географическое описание Тибета», Владивосток, 1907, в первом выпуске которого содержится большой обзор всех путешествий в Тибет с древних времен до 1905 г. В этом обзоре можно встретить и все фамилии исследователей Тибета, упоминаемых Пржевальским. У Кюнера в примечаниях есть также и ссылки на литературу.

108. Лхасса (Лхаса) расположена на высоте 3 658 м над уровнем океана; постоянных жителей 20 тысяч, из которых большинство ламы. Но так как сюда собираются богомольцы со всех концов буддийского мира, то в городе всегда населения больше указанной цифры в 2—2,5 раза.

109. Бутан и Кашмир—феодальные княжества в северной пригималайской Индии.

110. Лучшее, на русском языке, описание города Лхасы с многочисленными прекрасными фотографиями и даже планом города принадлежит Г. Ц. Цыбикову в упомянутом сочинении.

111. Конклав—собрание кардиналов для избрания римского папы—главы католической церкви; Пржевальский по аналогии перенес этот термин для обозначения собрания высшего духовенства ламаизма для избрания нового далай-ламы.

112. О далай-ламе см. в книге П. К. Козлова «Тибет и далай-лама», Петроград, 1920, а также 8-ю и 9-ю главы сочинения Цыбикова (стр. 251—277). В этом же сочинении можно найти много данных об организации тибетской церкви, административном управлении, описания многочисленных крупных монастырей Тибета. Большинство далай-лам по достижении юношеского возраста умерщвляется ближайшими сановниками, высшим духовенством. В прошлом столетии было убито 5 далай-лам, все в возрасте от 10 до 20 лет. После смерти далай-ламы он, как бессмертный, «перерождается» в младенца, родившегося в тот же день. Выбор нового младенца находится в руках высших лам. Пока далай-лама подрастет, Тибетом управляет регент. Пржевальский шел к Лхасе, когда очередному, тринадцатому, перерожденцу было только 3 года, а не 5, как передали ему монголы, которые обычно прибавляют год, считая возраст с момента зачатия ребенка.

Тринадцатый далай-лама Тубдан-Чжамцо родился в 1876 г. в провинции Уй, его полное имя: Агван-Лобсан-Тубдань-Чжамцо-чжингбрал-ванчук-Чоглой-Намчжал. Он избежал участи своих предшественников и прожил до 1933 г., заключив регента в тюрьму, где тот был задушен. Во время английской военной экспедиции в Лхасу из Индии в 1903—1904 г. далай-лама бежал на север в Монголию, в Ургу. По свидетельству П. К. Козлова, позже имевшего свидание с далай-ламой в монастыре Гумбум во время экспедиции 1907—1909 гг., Тубдан-чжамцо сказал нашему путе-

шественнику: «Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой, богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением». Далай-лама сам пригласил Козлова приехать к нему в Лхасу («Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», Петроград, 1923 г. стр. 505—506, изд. 1947 г., стр. 277). После смерти этого далай-ламы власть перешла к молодому ламе Ретину, который будет регентом до 1951 г.

113. Orasio de la Penna—миссионер Капуцинского ордена, организовал в Лхасе в первой половине XVIII столетия миссию. Этого монаха упоминает Пржевальский в списке путешественников, побывавших в Лхасе.

114. Пржевальский очень осторожно определял «на глаз» количество населения отдельных частей Центральной Азии. До сих пор это точно неизвестно, число жителей Тибета у разных авторов колеблется от 750 тысяч до 6 миллионов человек только для Автономного Тибета. Наиболее близки к действительности, видимо, цифры: 4—6 миллионов для всего («Большого») Тибета, в Автономном же Тибете вряд ли больше 3 миллионов человек.

115. Профессор и академик В. П. Васильев (1818—1900)—известный русский востоковед, крупнейший синолог, историк буддизма, знаток китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского и санскритского языков. Ему были не чужды и вопросы географии Азии, которыми он охотно занимался. Он первый сообщил о молодых вулканах в Маньчжурии, перевел на русский язык «Географию Тибета» Миньчжул Хутукты» (1895). Большая и разносторонняя деятельность этого востоковеда оставила глубокий след в востоковедении, многие его работы были переведены на западноевропейские языки.

116. На этом не окончились попытки Пржевальского попасть в Лхасу, столицу Тибета, закрытую в то время для европейцев. Но и впредь эти попытки не дали желанного результата. Лхаса так и осталась мечтой, не претворившейся в жизнь.

К главе тринадцатой

117. В действительности орография и гидрография района, расположенного на запад от маршрута Пржевальского, оказалась более сложной и в общем мало похожей на те сведения, которые он собрал путем расспросов.

118. Современная систематика горных баранов белогрудого аргали считает местной формой вида Ovis ammon, к этому же виду относятся также и другие формы баранов, упоминаемые Пржевальским—O. darvini, O. argali.

119. В новом издании (1946 г.) первого тома на стр. 262—263 Пржевальский дал описание этого горного барана под названием Ovis poli, мы тогда же указали его настоящее видовое название. Баран Марко Поло, известный под названием качкара, является другой среднеазиатской формой того же вида Ovis ammon Poli, рога которого достигают громадных размеров; он свойственен главным образом Памиру.

120. Очень трудно указать действительное протяжение хребта Марко Поло, так как он на западе без заметных рубежей переходит в хребет Пржевальского. Если условно принять длину хребта от реки Уян-харза на востоке до меридиана 92°, то протяжение его окажется 375 км.

121. В данном случае расспросные сведения о западном Цайдаме и путях здесь оказались близкими к действительности. Впрочем, Пржевальский сам эти сведения проверил в четвертом своем путешествии, когда прошел по южному и западному Цайдаму, посетил урочище Гас и, перевалив через Алтын-таг, вышел к Лоб-нору («От Кяхты на истоки Желтой реки», СПб., 1888, гл. VI, VII, стр. 219—284).

122. Что Цайдам некогда был покрыт водой и представлял громадное внутреннее море, в этом как будто можно не сомневаться, хотя наука еще не располагает большим количеством фактов, категорически утверждающих такое предположение. Но когда высохло озеро-море,—сказать трудно. Пржевальский пишет, что это произошло сравнительно недавно; мне кажется, правильнее понимать так: «в сравнительно недавнем геологическом прошлом».

К главе четырнадцатой

123. Пржевальский правильно подозревал князя во лжи. Дзун-засак действительно послал в Тибет малоопытного человека, что видно из показаний В. А. Обручева, посетившего Цайдам через 13 лет и имевшего беседу с соседним князем Курлык-бейсе: «Во время чаепития князь выразил свое удовольствие по поводу нашего

знакомства и заметил, что мы хорошие люди, обходительные, не то, что те русские, которые были в Цайдаме тринадцать лет тому назад (третья экспедиция Пржевальского), держали себя с нами свысока, а их переводчик-бурят пьянствовал у монголов и в пьяном виде угрожал разными враждебными действиями». «Понятно,—прибавил князь,— что я старался выпроводить этих гостей поскорее и дал им в проводники к границе Тибета самого негодного из моих людей, опасаясь отпустить с ними хорошего человека» («От Кяхты до Кульджи». Путешествие в Центральную Азию и Китай; М.-Л., 1940, стр. 126—127).

124. Действительно слухи о гибели экспедиции Пржевальского ходили упорные и проникли они на страницы столичной печати в Петербурге. Подробнее об этом сказано во вступительной статье к этой книге.

125. Южно-Кукунорский хребет (тибетское—Танегма) позже был посещен экспедицией Роборовского, Обручева, Лоци и других, в отчетах которых содержится дополнительный материал об этих горах. Местное название хребта—Курлык-ула или Курлык-даба (Журавлиные горы или перевал) на современных картах закрепляется для западной части хребта.

126. Описание Куку-нора в значительной части повторяет содержание главы XI книги «Монголия и страна тангутов» того же автора. Новым данным об озере посвящены наши примечания 115—119 к изданию 1946 г. (стр. 319), почему мы, дабы не повторяться, ограничиваемся этой ссылкой. В конце описания Куку-нора Пржевальский также посылает читателя к первому своему отчету о путешествии в Центральную Азию. См. также наши примечания к книге «Монголия и страна тангутов», 1946, №№ 121—124 и 126. Подробно история Куку-нора дана в работе Г. Е. Грумм-Гржимайло «Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора», «Известия Русского географического общества», том 39, вып. 5, 1903, а также в его «Описание путешествия в Западный Китай», т. II и III, СПб., 1899 и 1907 гг. См. также В. М. Успенский «Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Кукэ-нора». «Записки Русского Географического общества по отделению этнографии», т. 6, СПб., 1880, отдел 2, стр. 57—196.

127. О дунганах Пржевальский сообщает в первых двух книгах о путешествиях в Центральную Азию: «Монголия и страна тангутов» и «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Происхождение дунган достаточно не выяснено. Упоминаемая секта шиитов является религиозным течением ислама, в котором различают две главные секты—сунитов и шиитов, находящихся в активной религиозной борьбе между собой. К шиитам относится часть населения Ирана, Индии, Ирака.

128. Это замечание в равной степени относится отнюдь не только к азиатским племенам. О каких киргизах идет речь, сказать на основании данного коротенького описания невозможно. Пржевальский пишет, что одного виденного им в Ала-шане киргиза можно было сразу отличить по большой бороде. Но известно, что ни киргизы, ни казахи не имеют сколько-нибудь пышной растительности на лице. Наоборот, бороды и усы их редкие, прямо растущие. К тому же среди киргизов, казахов и монголов был очень распространен обычай выщипывать волосы на лице. Н. В. Кюнер в обзоре племен, населяющих Тибет и соседние, прилегающие к нему, территории, говорит о «тюркских кочевниках, проникающих сюда изредка из бассейна Тарима и известных тибетцам под именем «хор» или «каче» (магометанин)». См. его «Описание Тибета», ч. 2, этнографическая, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 22.

129. Об этом интересном племени часто упоминают путешественники, посетившие Куку-нор. Но все же о нем имеется очень мало этнографических данных. Видимо племя это по своему происхождению монгольское (см. наше примечание №95 к книге «Монголия и страна тангутов», М., 1946, стр. 315).

130. Дидона—основательница Карфагена. По греко-римской мифологии Дидона—сестра тирского царя Пигмалиона, который погубил ее мужа. Дидона на корабле бежала с родины и приплыла к африканскому побережью. Здесь у ливийцев Дидона купила землю размером с воловью шкуру. Ливийцы охотно согласились отдать ей такое количество земли. Но Дидона обманула их, разрезав шкуру вола на тонкие ремешки, отгородив таким образом большую площадь, на которой и построила Карфаген. Удивительно совпадение сюжета, даже в деталях, этой легенды со сказаниями других народов. Что легенды и народные сказки имеют у разных, очень далеко живущих друг от друга, народов одни и те же сюжеты и отличаются вариантами, известно уже давно. Обширный фольклорный материал у тибетцев, монголов, тюркских народов Центральной Азии собрал Г. Н. Потанин. Это собрание—плод громадного труда, оно представляет большую ценность. Однако следует отметить, что Потанин, увлекаясь восточной мифологией и наблюдая сходство во многих сюжетных линиях Востока и Запада, иногда приходил к неверным конечным выводам о заимствовании многих сюжетов и тем самобытных русских сказок с Востока. Потанин срав-

нивал сказки и легенды азиатского и европейского (и ближневосточного) происхождения и проводил между ними поразительные параллели. Потанин в нескольких вариантах записал сказку о царе Мидасе. Эти варианты им найдены в Тибете, в Монголии. Л. С. Берг нашел эту же легенду у иссыккульских калмыков (журнал «Землеведение», т. XI, 1904, вып. 1—2, стр. 9). Представляется интересным привести здесь один из вариантов этой легенды, записанной Потаниным в Монголии: «В древности был Эльджиген-чиктей-хан (Ослиноухий хан). Он казнил всех, кто ему стриг волосы. Позвал он мальчика, сына одной бедной женщины; та скатала хургулов (хургул—шарик, собственно помет бараний) из муки на молоке из своей груди и на сахаре и сказала сыну: «Когда будешь брить хана, ешь это!» Мальчик взял шарики и пошел к хану; во время бритья он остановился и стал есть их. Хан спросил: « Что ты ешь? Дай мне один». Мальчик дал ему один шарик. Хану понравилось, и он остальные выпросил у мальчика. Когда съел их, спросил у мальчика: «Из чего это сделано?» И когда тот рассказал ему состав шариков, хан сказал: «Ну, я теперь пил молоко твоей матери и потому не могу тебя казнить. Иди домой, но никому не говори, что видел».

Пошел мальчик домой; идет полем, трава (олен) колышется; он думает, что она спрашивает его, что он видел, и так ему хочется сказать ей. Не вытерпел и сказал траве: «У нашего хана ослиные уши. Манай хан ельджиген чиктей». Идет дальше; мыши выглядывают из нор и пищат: «Чирт, чирт!» Он думает, что они его спрашивают, что он видел, и так ему опять захотелось сказать. Не утерпел и сказал мышам: «У нашего хана ослиные уши». Идет дальше; стоит дерево, ветви его качаются в воздухе. Он думает, что дерево спрашивает его, что он видел? Опять ему хочется сказать, и он сказал дереву: «У нашего хана ослиные уши».

Поехал хан по своему ханству, трава качается и нашептывает: «Вот едет хан с ослиными ушами!» Дерево шумит листьями: «Вот едет хан с ослиными ушами!» Тогда хан подумал: «Теперь узнали не только все подданные, но и трава, и лес, и звери». И перестал казнить». («Очерки Северо-Западной Монголии», т. IV, СПб, 1883, стр. 294—295).

К главе пятнадцатой

131. Как известно, следующее четвертое путешествие по Центральной Азии привело Пржевальского к истокам Хуан-хэ. Свой отчет об этой экспедиции он так и назвал «От Кяхты на истоки Желтой реки....» и т. д. 1888 г.

132. Небольшие речки, составляющие Хуан-хэ выше двух озер, открытых Пржевальским, все же берут начало в снеговых и ледниковых горах, как, например, истоки, лежащие в хребте Баян-хара. Однако площадь, занятая здесь снегами и ледниками, как будто и не очень большая. Отсутствие же паводка на Хуан-хэ в летнее время может быть объяснено холодным и суровым летом на высочайших горах Тибета, где нет интенсивного таяния, как в горах, скажем, Тянь-шаня.

133. Стране Амдо посвящена работа П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» (Москва—Петроград, 1923, второе издание—Географгиз, Москва, 1947).

134. Хара-тангуты—монгольское название тибетского племени панака, в переводе значит «черные тибетцы». О них можно найти данные у П. К. Козлова в его отчетах о центральноазиатских путешествиях. В своем последнем отчете о поездке в Центральную Азию Н. М Пржевальский вновь возвращается к характеристике этого племени. (см. его «От Кяхты на истоки Желтой реки», СПб., 1888, гл. 5, стр. 183—185). Очень интересным представляется показание путешественника о шаманах, пользующихся большой популярностью и правами наряду со служителями ламаистской церкви. Последующие этнографические исследования подтвердили наблюдение Н. М. Пржевальского. Ламаизм, как более поздняя религия, воспринял много от местного шаманизма и включил ряд доламаистских верований и обычаев в свой ритуал и свою систему. О тибетцах панака см. также Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. 3, СПб., 1907, стр. 15—18.

135. Вероятно, речь идет не о слепыше—Siphneus, а о цохоре Myospolax.

136. Все перечисленные фазаны называются ушастыми. Систематика фазанов ныне подверглась ревизии, в результате чего пересмотрено положение и место отдельных видов и форм.

137. Миссионер Давид Арманд, путешественник и исследователь Сычуани и Тибета (вторая половина XIX века). Собрал большие коллекции, главным образом зоологические (402 вида, из которых 163 оказались новыми), обработанные частично им самим, а также сотрудниками музея естественной истории в Париже. Не ограничиваясь сбором зоолого-ботанических коллекций, Давид Арманд внес много нового в географию и геологию Восточного Тибета.

138. Ревень, описанный Пржевальским в Северном Тибете, является только подвидом Rheum palmatum, ныне известен как ревень тангутский—Rheum palmatum var. tangutica.

139. Белобровый поползень как вид в современной систематике птиц не носит имя помощника Пржевальского Эклона, а известен как Sitta leucopsis.

140. Пржевальский не оставил своего намерения исследовать верховья Хуан-хэ. В своем четвертом центральноазиатском путешествии он достигает истоков этой великой китайской реки, открывает здесь большие озера.

На этот раз Пржевальский проникает сюда со стороны Цайдама и через хребет Бурхан-Будда (см. «От Кяхты на истоки Желтой реки», СПб., 1888, глава 4 и 5, стр. 142—218).

К главе шестнадцатой

141. Мнение А. И. Воейкова по этому поводу мы привели выше, в примечании 74.

142. Это наблюдение автора полностью соответствует действительности. Все реки, берущие начало в Центральной Азии, в том числе и в Тибете, до выхода за пределы этих областей имеют в общем скромные размеры, делаясь полноводными, великими реками уже в районах обильно орошаемых летними муссонами. Таковы Инд и Брамапутра, Меконг и Салуэн, Янцзы и Хуан-хэ.

К главе семнадцатой

143. Пржевальский ссылается на показания Муркрофта, который еще в 1812 г. прошел в Тибет. Для этого Муркрофт выдал себя за кашмирского купца, скупающего шерсть. Прекрасно владея языком кашмирцев, Муркрофт был принят кашмирскими торговцами в свою среду, почему смог в течение нескольких лет жить в Лхасе, экскурсируя в ее окрестностях. Он посетил и изучил высокогорное тибетское озеро Манасаровар, откуда, якобы, берут свои истоки Ганг и Сэтлэдж, и опроверг эти предположения. В 1838 г. во время путешествия был убит разбойниками. Среди вещей путешественника оказались карты, рисунки, записки.

144. См. примечание 135.

145. О племени далды сказано Пржевальским в его «Монголии и стране тангутов» (1946, стр. 195 и 196 и наше примечание 95 на стр. 315). Интересные данные о далдах сообщает Г. Н. Потанин, который предпочитает называть это монгольское племя «широнголами». По данным этого путешественника, широнголов в Амдо 50 тысяч человек. В их языке заметно много чуждых, немонгольских элементов тангутских, тюркских, китайских. Так, например, тюркские слова «таш»—камень, «бадзыр»—базар, город, «ана»—мать—у широнголов произносятся как вошедшие в родной язык. Произношение исконно монгольских слов отлично от халхаского. Так, звук «х» у широнголов заменяется гортанным «кх», в начале слова «х» произносится, как «ч»; «л» в конце слова переходит в «р», почему слово «монгол» звучит—«монгор», аффрикат «дж» у широнголов обязательно заменяется аффрикатом «дз». Есть также и ряд других изменений, делающих фонетику широнгольского языка отличной от языка монголов, живущих на севере, в Монгольской Народной Республике. Широнголы по религии буддисты и мусульмане, но у тех и у других очень развито шаманство. Подробно о широнголах рассказано у Потанина в его «Тангутско-тибетской окраине Китая», в главе 5, стр. 342, СПб., 1893.

146. Речь идет все о том же крупном дунганском восстании, которое охватило весь Западный Китай и о котором неоднократно пишет Пржевальский в своей книге «Монголия и страна тангутов».

147. Ныне не применяется подобное разделение птиц на приведенные Пржевальским отряды.

148. Вероятно, другой вид бурой лягушки из той же группы Rana chensinensis.

149. Под названием Тэтунг, в современной транскрипции—Датун, известно два города. Один из них Бэй-Датун (Северный Датун) действительно расположен в среднем течении реки Тэтунг, второй же город под этим названием лежит километрах в пятидесяти южнее, на том левом притоке р. Синин-хэ, у устья которого стоит губернский город Синин. Поэтому можно сказать, что Пржевальский прав, считая, что город Тэтунг расположен на одноименной реке, но и капитан Крейтнер справедливо полагал, что в другом месте должен быть Датун. В данном случае Пржевальский ссылается на работу офицера топографической службы Крейтнера (Kreitner)—«Im fernen Osten». Труд этот сначала был напечатан на венгерском языке в 1890 и 1896 гг., а затем и на немецком—в 1893 и 1898 гг.

150. Речь идет об известной дороге, идущей от главного города провинции Ганьсу— Ланьчжоу в Сицьцзян до города Урумчи через Сучжоу, Ань-си и Хами. Ныне на всем протяжении эта дорога преобразована в автомобильный тракт.

К главе восемнадцатой

151. Представление о том, что Гоби является дном «обширного внутреннего азиатского моря», не соответствует современным научным представлениям. Рихтгофен назвал это гипотетическое море Ханхайским, от китайских слов хан+хай, т. е. сухое море. В. А. Обручеву посчастливилось впервые найти остатки континентальных млекопитающих в ханхайских отложениях и тем самым поставить под сомнение морское происхождение гобийских осадков. В течение последующего времени находки костного материала ископаемой фауны окончательно опровергли теорию о Ханхайском море. Теперь установлено, что большая часть Гоби уже с начала мезозойского времени не имела морского покрытия. Ханхайские или, как их теперь называют гобийские отложения—суть континентальные отложения частых озер, дельт или рек относящихся к разным возрастам от мелового времени до верхнетретичного.

152. Границы Гоби у разных авторов, исследователей Центральной Азии, разные. Некоторые выделяют из Гоби пустыню Такла-макан, как самостоятельную и резко отграниченную территорию. Укажу только что вряд ли можно рассматривать Гоби как граничащую на северо-востоке с Большим Хинганом, где ландшафт отнюдь не гобийский, не пустынный.

153. Здесь Пржевальский приводит большую таблицу с указанием абсолютных высот, измеренных им для 32 пунктов Гоби и Северной Монголии. Сейчас она не представляет большого интереса, почему редактор счел возможным ее опустить.

154. Этим списком, конечно, не ограничивается список больших гобийских озер. К последним относятся также озера Бон-цаган, Орок-нур и много других.

155. Наоборот, колодцы в северной части Гоби, как правило, пресные, богатые водой и действительно мелкие.

156. Такое предположение оказывается несостоятельным, учитывая то, что сказано нами в примечании 151. Пески Гоби большей частью аллювиальные или эоловые, но отнюдь не морские.

157. Эта точка зрения на механизм образования лёсса не является универсальной. Более подробно об этом сказано в примечании 14.

158. В западной части Гоби помимо ильма (хайляса) весьма обычны по оазисам разнолистные тополи Populus diversifolia.

159. Не все из перечисленных видов кустарников имеют русские общепринятые названия, поэтому мы приводим перечень гобийских растений в сокращенном виде.

Кустарники: реамюрия джунгарская, парнолистник, джузгун монгольский, курчавка скученная, курчавка кустарная, вьюнок трагановый, карагана Бунге и другие караганы, полынь-чернобыльник и др.

Из других видов растительности:

Солянки: поташник, кохия, солерос, галогетон, шведка, кумарчик, а также: лук, полынь, парнолистник, дикая рута, тростник, якорцы, талкан обыкновенный, шандра, молочник приморский,.... адонис сибирский, кермек.

160. Количество видов млекопитающих, присущих Гоби, теперь, конечно, увеличилось, главным образом за счет грызунов, новые сборы которых были сделаны в основном русскими путешественниками, последователями Пржевальского. Однако и крупные млекопитающие не все были известны Пржевальскому. В частности, это касается медведя, о котором автор говорит, что его нигде нет. Ныне уже доказано наличие своеобразного гобийского медведя в Западной, Заалтайской Гоби, водящегося в пустынных горах Цаган-богдо, Хуху-тумурты, Чингис-ула.

161. И в данном случае разделение млекопитающих и птиц, приведенное автором в этих двух таблицах, ныне устарело.

162. Эту саксаульную сойку нашел на Тариме и подробно описал Пржевальский во время второго своего центральноазиатского путешествия к Лоб нору. Тогда он назвал ее Podoces tarimensis т. е. таримской саксаульной сойкой, не зная, что эта сойка уже раньше получила название Podoces biddulphi, которое и приводит Пржевальский в настоящем отчете.

163. Более вероятны другие виды лягушек: Rana chensinensis, R. nigromaculata.

164. В Алашанской пустыне наименьшие абсолютные высоты приурочены к озерам Гашиун и Сого, питаемым р. Эдзин-гол. Здесь местность опускается до 820 м над уровнем океана. В долине Гойцво у озера Ухсын-нур еще ниже, уровень этого озера только 761 м. Сого или Чжен-фань (Минь-цинь)—небольшой городок, рас-

положенный в 100 км к северо-востоку от Ляньчжоу, в выступе Великой китайской стены, на границе с пустыней.

165. По всей вероятности, здесь речь идет о вечнозеленом кустарнике пиптантусе монгольском (Piptantus mongolicum), описанном В. Л. Комаровым в отдельной статье, помещенной в Ботаническом журнале СССР за 1933 г., т. 18, вып. 1—2, стр. 55—59. Этот кустарник впервые описал академик К. И. Максимович по сборам Пржевальского.

166. Все эти виды пресмыкающихся относятся к родам круглоголовок и ящурок.

167. Сбор семян сульхира, или цульхира, практикуется монголами и за пределами Ала-шаня. В южной части Монгольской Народной Республики монголы часто собирают семена этой солянки на гобийских песках и заготавливают их впрок на зиму.

168. Прозелиты, т. е. обращенные в какую-нибудь религию, в данном случае новообращенные в христианство.

169. Найденный Пржевальским горный баран в гобийском районе Галбын-гоби, южнее гор Хурху (юго-восточная оконечность Гобийского Алтая), назван был именем Дарвина—Ovis darvini, но ныне систематики не выделяют его в самостоятельный вид, а относят к виду Ovis ammon, имеющему большой ареал распространения в Центральной Азии.

170. Аймак Тушету-хан—один из аймаков Автономной Монголии; ныне такого названия не сохранилось в Монгольской Народной Республике. По современному административному делению, Н. М. Пржевальский вышел в Умуни-гоби аймак, т. е. в Южно-Гобийский аймак МНР.

171. О распространении саксаула в Гоби нами сказано в примечаниях 80—81 к «Монголия и страна тангутов» Пржевальского (1946, стр. 313). О монгольском саксауле см. А. А. Юнатов «Заметка о саксауле в Монголии», Ученые записки Монгольского Государственного Университета им. маршала Чойбалсана, том 1 вып. 1, Улан-Батор, 1946, стр. 99—106.

172. Здесь Пржевальский ссылается на труд М. В. Певцова, одного из крупнейших русских путешественников, географов и геодезистов, исследователей Азии. В данном случае имеется в виду путешествие Певцова 1878—1879 гг., когда он прошел из Русского Алтая, через Монголию в город Куку-хото (Гуй-суй, Гуй-хуа-чен) во Внутренней Монголии. Полный отчет об этом путешествии Певцов опубликовал в Омске в 1883 г. в пятой книге «Записок Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества». О М. В. Певцове см. В. В. Обручев и Н. Г. Фрадкин. По внутренней Азии, Географгиз, М., 1947, стр. 5—42).

173. Это определение количества монголов, живущих в Центральной Азии, очень близко к современным определениям. Очень трудно сказать, сколько же всего монголов живет оседло или кочует во Внутренней Монголии, Северном Тибете, Куку-норе, Джунгарии. Здесь никогда не было переписей населения. Наиболее вероятна цифра 3 миллиона человек, т. е. столько, сколько считал Пржевальский.

174. Город Урга, ныне Улан-Батор, лежит в глубокой долине реки Толы выше уровня моря на 1 297 м.

175. О новом городе Урге (Улан-Баторе) мы специально писали в примечаниях 12 и 15 к «Монголии и стране тангутов». Сейчас Улан-Батор никак нельзя назвать «грязной, безобразной кучей». Много прекрасных европейских зданий украшают столицу Монгольской Народной Республики. Весь город пересекается прямыми улицами, некоторые из них покрыты асфальтом.

176. Сейчас между Улан-Батором и Кяхтой построено хорошее автомобильное шоссе.

177. Эти глубоко верные мысли Пржевальского блестяще оправдались. Пржевальский своими рекогносцировками действительно указал пути в Центральную Азию, его работы там вызвали столь большой интерес, что породили организацию многих экспедиций в Тибет, Джунгарию, Кашгарию и Монголию. Последующие экспедиции расширили наши представления о Центральной Азии и собрали материал большой научной ценности.

178. Эти слова могут служить прекрасным эпиграфом к следующей книге Н. М. Пржевальского «От Кяхты на истоки Желтой реки». Даль манит... Через три года после возвращения в Россию из первого тибетского путешествия наш странник вновь отправляется в путь, в тот же высокий и холодный Тибет. Который раз на благо науки, на славу отчизны Николай Михайлович меняет «удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную страническую жизнь».

СПИСОК ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Первый столбец—названия, приводимые у Н. М. Пржевальского; второй столбец—наиболее принятые ныне латинские названия, соответствующие видам, упоминаемым автором; третий столбец—русские названия. Виды, отмеченные во втором столбце словами «так же», в настоящее время указываются под теми же названиями, какие были приняты во времена Н. М. Пржевальского.

Abrornis affinis	Phylloscopus affinis	пеночка
Accentor erythropygius	Prunella collaris	альпийская завирушка
Accentor fulvescens	Prunella fulvescens	бледная завирушка
Accentor montanellus	Prunella montanella	горная завирушка
Accentor nipalensis	Prunella nipalensis	непальская завирушка
Accentor rubiculoides	Prunella rubiculoides	завирушка
Accentor multistriatus	Prunella strophiatus	полосатая завирушка
Accipiter	Так же	хищные
Aegialites cantianus	Aegialophilus alexandrinus	морской зуек
Aegialites curonicus	Charadrius dubius	малый зуек
Aegithalus pendulinus	Remiz pendulinus	ремез
Alauda arvensis	Так же	полевой жаворонок
Alaudula cheleensis	Calandrella pispoletta	серый жаворонок
Alaudula zaidamensis	Alauda arvensis	полевой жаворонок
Anas acuta	Так же	шилохвость
Anas boschas	Anas platyrhyncha	кряква
Anas crecca	Qerquedula creca	чирок-свистунок
Anas clypeata	Spatela clypeata	широконоска
Anas penelope	Mareca penelope	свиязь
Anas querquedula	Querquedula querquedula	чирок-трескунок
Anser cinereus	Anser anser	серый гусь
Anser cygnoides	Cygnopsis cygnoides	сухонос
Anser indicus	Так же	горный гусь
Anser skorniakowii	Anser indicus	горный гусь
Anthus aquaticus	Anthus spinoletta	горный конек
Anthus rosaceus	Так же	монгольский конек
Antilope gutturosa	Procapra gutturosa	дзерен
Antilope saiga	Saiga tatarica	сайга
Antilope subgutturosa	Gazella subgutturosa	джейран
Anthropoides virgo	Grus virgo	журавль-красавка
Aquila clanga	Так же	большой подорлик
Archibuteo aquilinus	Buteo hemilasius	центральноазиатский канюк
Archibuteo strophiatus	Buteo hemilasius	центральноазиатский канюк
Ardea cinerea	Так же	серая цапля
Arctomys roborowskii	—	сурок
Arctomys sp.	Marmota sp.	сурок
Arvicola sp.		полевка
Asinus hemionus	Equus hemionus	кулан
Asinus kiang	Equus hemionus	кулан
Asinus onager	Equus hemionus	кулан
Athene plumipes	Так же	сыч

Bos grunniens	Poephagus grunniens	як
Bubo sp.	Так же	филин
Bucephala clangula	Так же	гоголь
Budytes citreola	Motacilla citreola	желтоголовая трясогузка
Budytes flava	Motacilla flava	желтая трясогузка
Bufo radde	Так же	монгольская жаба
Bufo viridis	Так же	зеленая жаба
Buteo sp.	Так же	канюк
Caccabis chukar	Alectoris kakelik	кэклик
Caccabis magna	Alectoris magna	большой кэклик
Calamodyta orientalis	Acrocephalus arundinaceus	дроздовидная камышевка
Calandrella brachydactyla	Calandrella cinerea	малый жаворонок
Calobates boarula	Motacilla cinerea	горная трясогузка
Calliope tschebaiewi	Luscinia pectoralis	черногрудая красношейка
Camelus bactrianus ferus	Так же	дикий верблюд
Canis corsac	Vulpes corsac	корсак
Canis chanko	Canis lupus	волк
Canis eckloni	Vulpes eckloni	большой корсак
Canis lupus	Так же	волк
Canis vulpes	Vulpes vulpes	лисица
Caprimulgus europaeus	Так же	козодой
Caprimulgus sp.	Так же	козодой
Capra sibirica	Так же	горный козел
Capra sp.	Так же	горный козел
Carassius lansdorfii		карась
Carassius vulgaris	Так же	карась
Carnivora	Так же	хищные
Carpodacus dawidianus	Montifringilla davidiana	вьюрок Давида
Carpodacus dubius	Erythrina thura .	чечевица
Carpodacus rubicilla	Erythrina rubicilla	большая чечевица
Carpodacus rubicilloides	Erythrina rubicilla	большая чечевица
Carpodacus erythrinus	Erythrina erythrina	обыкновенная чечевица
Casarca rutila	Tadorna ferruginea	красная утка
Certhia familiaris	Так же	пищуха
Cervus albirostris	Так же	китайский олень
Cervus elaphus	Так же	благородный олень
Cervus pygargus	Capreola pygargus	косуля
Cervus sellatus	Cervus albirostris	китайский олень
Cervus sp.	Так же	олень
Chaemarrhornis leucocephala	Так же	белошапочная горихвостка
Charadrius xanthocheilus	Charadrius dominicus	белокрылая ржанка
Chelidon kashmiriensis	Delichon urbica	городская ласточка
Chelidon lagopoda	Delichon urbica	городская ласточка
Chiroptera	Так же	рукокрылые
Chlorospiza sinica	Chloris sinica	китайская зеленушка
Cicada querula	Так же	цикада
Cinclus kaschmiriensis	Cinclus cinclus	оляпка
Cinclus sordidus	Cinclus cinclus	оляпка
Ciconia nigra	Так же	черный аист
Cobitidae	Так же	—
Columbae	Так же	голубиные
Columba leuconota	Так же	белогрудый голубь
Columba rupestris	Так же	скалистый голубь
Corvus corax	Так же	ворон
Corvus frugilegus	Так же	грач
Corvus monedula	Coloeus monedula	галка
Corvus orientalis	Corvus corone	ворона
Corydula richardii	Anthus richardii	степной конек
Cotyla rupestris	Riparia rupestris	горная ласточка
Crossoptilon auritum	Так же	ушастый фазан
Crossoptilon mantchuricus	Так же	ушастый фазан
Crossoptilon thibetanum	Так же	ушастый фазан

Crossoptilon drouynii	Crossoptilon crossoptilon	ушастый фазан
Cuculus canorus	Так же	кукушка
Cygnus bewickii	Cygnus minor	малый лебедь
Cyanecula coerulecula	Luscinia svecica	варакушка
Cynchramus schoeniclus	Emberiza schoeniclus	камышовая овсянка
Cyprinidae	Так же	карповые
Cyprynus carpio	Так же	сазан
Cypselus murarius	Apus apus	черный стриж
Cypselus paciffícus	Apus paciffícus	белопоясный стриж
Diplophysa	Nemachilus	губач
Diptychus	Так же	осман
Dipus	Так же	тушканчик
Dumeticola affinis	Tribura thoracica	пестрогрудая камышевка
Elaphe dione	Так же	узорчатый полоз
Emberiza cia	Так же	горная овсянка
Emberiza cioides	Так же	красноухая овсянка
Emberiza godlewskii	Так же	овсянка Годлевского
Emberiza huttoni	Emberiza buchanani	овсянка Бьюкенена
Emberiza pithyornus	Emberiza citrinella	обыкновенная овсянка
Emberiza pusilla	Так же	овсянка крошка
Equus przewalskii	Так же	лошадь Пржевальского
Ephippigera vacca	Так же	—
Erythrospiza mongolica	Bucanetes githagineus	пустынный снегирь
Erythrosterna albicilla	Muscicapa parva	малая мухоловка
Eremias pylzowii	Eremias vermiculata	ящурка
Eremias sp.	Так же	ящурка
Eryx jaculus	Так же	степной удавчик
Erinaceus auritus	Так же	ушастый еж
Falco tinnunculus	Cerchneis tinnunculus	пустельга
Falco sacer	Falco cherrug	балобан
Felis lynx	Так же	рысь
Felis sp.	Так же	кошка
Fregilus graculus	Pyrrhocorax graculus	альпийская галка
Fringillauda nemoricola	Montifringilla nemoricola	горный вьюрок
Fulica atra	Так же	лысуха
Galerida magna	Galerida cristata	хохластый жаворонок
Galeodes sp.	Так же	—
Grallatores	—	голенастые
Gallinae	Так же	куриные
Gallinula chloropus	Так же	камышница
Garrulus brandtii	Garrulus glandarius	сойка
Glires	Так же	грызуны
Gobio	Так же	пескарь
Grandula coelicolor	Так же	большая голубая горихвостка
Grus cinerea	Grus grus	серый журавль
Grus nigricollis	Так же	черный журавль
Grus virgo	Так же	журавль-красавка
Gymnodactylus sp.	Так же	геккон
Gypaetus barbatus	Так же	ягнятник
Gyps hymalayensis	Gyps fulvus	белоголовый сип
Haliaetus albicilla	Так же	орлан белохвост
Haliaetus macei	Haliaetus leucoryphus	орлан долгохвост
Hemichelidon sibirica	Muscicapa sibirica	мухоловка-касатка
Hirundo rustica	Так же	ласточка касатка
Ibidorhyncha sturthersii	Так же	серпоклюв
Insectivora	Так же	насекомоядные
Ithaginis geoffroyi	Так же	фазан сермун
Junx torquila	Так же	вертишейка

Lagomys ladacensis	Ochotona ladacensis	ладакская пищуха
Lagomys sp.	Ochotona sp.	пищуха
Lagomys oghotono	Ochotona daurica	даурская пищуха
Lanius arenarius	Lanius isabellinus	пустынный сорокопут
Lanius isabellinus	Так же	пустынный сорокопут
Lanius phoenicurus	Lanius collurio	сорокопут жулан
Larus brunneicephalus	Так же	тибетская буроголовая чайка
Larus ichthyaetus	Так же	черноголовый хохотун
Leptopoecile elegans	Так же	славковидный королек
Leptopoecile sophiae	Так же	славковидный королек
Lepus sp.	Так же	заяц
Leucosticte haematopygia	Так же	—
Limosa melanuroides	Limosa limosa	большой веретенник
Linota brevirostris	Acanthis flavirostris	горная чечетка
Locustella certhiola	Так же	сверчок Палласа
Lophophanes beavani	Parus rufónuchalis	рыжешейная синица
Lophophanes dichroides	Parus dichrotus	двухцветная синица
Loxia curvirostra	Так же	клест еловник
Megagobio nasutus	Так же	—
Megaloperdix altaicus	Tetraogallus altaicus	алтайский улар
Megaloperdix himalayensis	Tetraogallus himalayensis	гималайский улар
Megaloperdix thibetanus	Tetraogallus thibitanus	тибетский улар
Melanocorypha maxima	Так же	большой жаворонок
Melanocorypha mongolica	Так же	монгольский жаворонок
Meles sp.	Так же	барсук
Meles taxus	Meles meles	барсук
Mergus merganser	Так же	большой крохаль
Meriones	Так же	песчанка
Merula gouldii	Turdus castanea	каштановый дрозд
Merula kessleri	Turdus kessleri	дрозд Кесслера
Milvus melanotis	Milvus korschun	черный коршун
Monedula daurica	Coloeus monedula	галка
Montifringilla adamsi	Так же	вьюрок Адамса
Montifringilla leucura	Montifringilla nivalis	альпийский вьюрок
Motacilla baikalensis	Motacilla alba	белая трясогузка
Motacilla paradoxa	Motacilla alba	белая трясогузка
Moschus mochiferus	Так же	кабарга
Moschus sp.	Так же	кабарга
Mus sp.	Так же	мышь
Mustela foina	Martes foina	каменная куница
Mustela sp.	Так же	куница
Mycerobas carnipes	Так же	арчевый дубонос
Myodes sp.	Lagurus sp.	лемминг (пеструшка)
Natatores		плавающие
Nemachilus	Так же	голец
Nemachilus robustus	Так же	голец
Nemachilus stoliczkai	Так же	голец Столички
Nemura cyanura	Tarsiger cyanurus	синехвостка
Numenius major	Numenius cyanopus	дальневосточный большой кроншнеп
Nucifraga caryocatactes	Так же	кедровка
Orites calvus	Aegithalos caudatus	долгохвостая синица
Onychospiza taczanowskii	Montifrigilla mandelli	горный вьюрок Манделли
Ortygomera bailloni	Parzanapusilla	курочка крошка
Oscines, Scansores	—	кричащие
Otocoris albigula	Eremophila alpestris	рогатый жаворонок
Otocoris nigrifrons	Eremophila alpestris	рогатый жаворонок
Ovis argali	Ovis ammon	горный баран
Ovis darvini	Ovis ammon	горный баран
Ovis heinsii	Ovis ammon	горный баран
Ovis hodgoni	Ovis ammon	горный баран
Ovis sp.	Так же	горный баран

Pachydermana	Так же	толстокожие
Pantholops hodgsoni	Так же	антилопа оронго
Pandion haliaetus	Так же	скопа
Panurus barbatus	Panurus biarmicus	усатая синица
Parus bucharensis	Parus major	большая синица
Parus flavipectus	Parus cyanus	белая лазоревка
Parus minor	Parus major	большая синица
Parus piceae	Parus ater	синица московка
Passer ammodendri	Так же	саксаульный воробей
Passer montanus	Так же	полевой воробей
Passer timidus	Passer ammodendri	саксаульный воробей
Passeres	Так же	воробьиные
Pastor roseus	Так же	розовый скворец
Perca fluviatilis	Так же	окунь
Perdix barbata	Perdix daurica	куропатка даурская
Perdix cinerea	—	серая куропатка
Perdix sifanica	Perdix hodgsoniae	южнотибетская куропатка
Petrocincla saxatillis	Monticola saxatillis	пестрый каменный дрозд
Phalacrocorax carbo	Так же	баклан
Phasianus insignis	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus mongolicus	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus sp.	Так же	фазан
Phasianus saitscheuensis	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus schawi	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus strauchi	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus tarimensis	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus torquatus	Phasianus colchicus	фазан
Phasianus vlangalii	Phasianus colchicus	фазан
Phrynocephalus affinis	Так же	ящерица круглоголовка
Phrynocephalus quadrifrons	Так же	ящерица круглоголовка
Phrynocephalus przewalskii	Так же	ящерица круглоголовка
Phrynocephalus versicolor	Так же	ящерица круглоголовка
Phrynocephalus sp.	Так же	ящерица круглоголовка
Phyllopneuste indica	Phylloscopus griseolus	индийская пеночка
Phyllopneuste plumbeitarsa	Phylloscopus nitidus	зеленая пеночка
Phyllopneuste tristis	Phylloscopus collibita	пеночка кузнечик
Phyllopneuste viridana	Phylloscopus nitidus	зеленая пеночка
Phyllopneuste xanthodryas	Phylloscopus borealis	пеночка таловка
Pica cyanea	Cyanopica cyana	голубая сорока
Pica leucoptera	Pica pica	сорока
Picoides tridactylus	Так же	трехпалый дятел
Picus canus	Так же	седоголовый дятел
Picus leuconotus	Dendrodromas leucotos	белоспинный дятел
Picus mandarinus	Dryocopos mandarinus	китайский дятел
Picus minor	Dryobates minor	малый дятел
Podarces	Eremias	ящурка
Podarces argus	Eremias argus	монгольская ящурка
Podarces brachyodactyla	Eremias przewalskii	ящурка Пржевальского
Podarces kessleri	Eremias przewalskii	ящурка Пржевальского
Podarces przewalskii	Eremias przewalskii	ящурка Пржевальского
Podarces pylzowi	Eremias vermiculata	ящурка
Podiceps cristatus	Так же	чомга
Podoces biddulphi	Так же	таримская саксаульная сойка
Podoces hendersoni	Так же	монгольская саксаульная сойка
Podoces humilis	Так же	саксаульная сойка
Poecile affinis	Parus atricapillus	буроголовая гаечка
Poecile superciliosa	Parus superciliosa	быстрокрылая синица
Poephagus mutus	Poephagus grunniens	як
Procapra picticauda	Так же	антилопа ада
Pseudois burrhel	Pseudois nahoor	куку-яман
Pseudois nahoor	Так же	куку-яман
Pteromys sp.	Так же	летяга
Pteorrhinus davidi	Janthocinkla davidi	—

Pyrgilauda barbata	Montifringilla blanfordi	вьюрок Бланфорда
Pyrgilauda davidiana	Montifringilla davidiana	вьюрок Давида
Pyrgilauda ruficollis	Montifringilla ruficollis	рыжешейный вьюрок
Pyrgilauda kansuensis	Montifringilla kansuensis	ганьсуйский вьюрок
Pyrgita petronia	Petronia petronia	каменный воробей
Pyrrhocorax alpinus	Pyrrhocorax pyrrhocorax	клушица
Pyrrhospiza longirostris	Pyrrhospiza punicea	красный вьюрок
Pyrrhula erythacus	Erythrina erythrina	чечевица
Rallus aquaticus	Так же	пастушок
Rana esculenta		зеленая лягушка
Rana temporaria		бурая лягушка
Recurvirostra avocetta	Так же	шилоклювка
Reguloides superciliosus	Phylloscopus inornatus	пеночка зарничка
Regulus himalayensis	Regulus regulus	желтоголовый королек
Rhopophilus deserti	Так же	кустарница
Ruminantia	—	жвачные
Ruticilla alaschanica	Phoenicurus alacschanica	алашанская горихвостка
Ruticilla aurorea	Phoenicurus aurorea	сибирская горихвостка
Ruticilla erythrogastra	Phoenicurus erythrogaster	краснобрюхая горихвостка
Ruticilla frontalis	Phoenicurus frontalis	белолобая горихвостка
Ruticilla hodgsoni	Phoenicurus hodgsoni	горихвостка Ходсона
Ruticilla nigrogularis	Phoenicurus schisticeps	седоголовая горихвостка
Ruticilla phoenicurus	Phoenicurus phoenicurus	обыкновенная горихвостка
Ruticilla rufiventris	Phoenicurus ochruros	горихвостка чернушка
Salicaria turtoides	Acrocephalus arundinaceus	дроздовидная камышевка
Saxicola atrogularis	Oenanthe deserti	пустынная каменка
Saxicola isabellina	Oenanthe deserti	пустынная каменка
Saxicola morio	Oenanthe pleschanka	каменка плешанка
Saxicola salina	Oenanthe deserti	пустынная каменка
Schizopygopsis przewalskii	Так же	—
Schizopygopsis pylzowi	Так же	—
Schizopygopsis stoliczkai	Так же	—
Schizopygopsis sp.	Так же	—
Scolopax heterocerca	Cappella stenura	азиатский бекас
Scolopax gallinago	Capella gallinago	бекас
Scolopax solitaria	Capella solitaria	горный дупель
Scolopax stenura	Capella stenura	азиатский бекас
Serinus ingifrons	Serinus pusillus	красношапочный вьюрок
Silurus asotus	Parasilurus asotus	амурский сом
Sitta eckloni	Sitta leucopsis	белобровый поползень
Sitta uralensis	Sitta europaea	европейский поползень
Sitta vilosa	Так же	мохнатый поползень
Siphneus sp.	—	слепыш
Solidungula	—	однокопытные
Spermophilus sp.	Cittelus sp.	суслик
Squaliobarbus curriculus	Так же	—
Squalius chuanchicus	Так же	елец
Squalius sp.	Так же	елец
Stellio sp.	Так же	—
Sterna hirundo	Так же	речная крачка
Sturnus purpurescens	Sturnus vulgaris	скворец
Sus scrofa	Так же	кабан
Sylvia aralensis	Sylvia nana	пустынная славка
Silvia cinerea	Sylvia communis	серая славка
Sylvia curruca	Так же	славка завирушка
Syrrhaptes paradoxus	Так же	саджа
Syrrhaptes thibetanus	Так же	тибетская саджа
Tadorna cornuta	Tadorna tadorna	пеганка
Taphrometopon lineolatum	Так же	стрела змея
Taratoscincus keyserlingii	Taratoscincus scincus	сцинковый геккон
Tetraophasis obscurus	Так же	короткохвостый горный фазан кундык

Tetrastes sewerzowi	Так же	рябчик Северцова
Tichodroma muraria	Так же	стенолаз
Tigris regalis	Felis tigris	тигр
Tinca vulgaris	Так же	линь
Totanus calidris	Tringa totanus	травник
Totanus ochropus	Tringa ochropus	черныш
Tringa temminckii	Calidris temminckii	белохвостый песочник
Trigonocephalus intermedius	Cottus intermedius	подкаменщик
Trionyx sinensis	Amyda sinensis	мягкопанцырная китайская черепаха
Trochalopteron ellioti	Ianthocincla elliotii	тимелия
Troglodytes fumigatus	Troglodytes troglodytes	крапивник
Turdus auritus	Так же	золотой дрозд
Turdus ruficollis	Так же	темнозобый дрозд
Turdus viscivorus	Так же	дрозд деряба
Turtur auritus	Streptopelia turtor	горлица
Turtor chinensis	Streptopelia chinensis	китайская горлица
Upupa epops	Так же	удод
Urocynchramus pylzowi	Так же	овсянка Пыльцова
Ursus arctos	Так же	бурый медведь
Ursus hypernephes	—	медведь пищухоед
Ursus lagomynarius	Ursus pruinosus	медведь пищухоед
Vanellus cristatus	Vanellus vanellus	чибис
Vespertilio sp.	Так же	летучая мышь
Vulter cinereus	Aegypius monachus	черный гриф
Vulter monachus	Aegypius monachus	черный гриф
Zamenis spinalis	Coluber spinalis	спинополосатый полоз

СПИСОК ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Первый столбец—названия, приводимые у Н. М. Пржевальского; второй столбец—наиболее принятые ныне латинские названия, соответствующие видам, упоминаемым автором; третий столбец—русские названия. Виды, отмеченные во втором столбце словами «так же», в настоящее время указываются под теми же названиями, какие были приняты во времена Н. М. Пржевальского.

Abies Schrenciana	Picea Schrenkiana	тяньшанская ель
Aconitum Anthora	Так же	аконит желтый, прикрыт
Aconitum gymnandrum	Так же	аконит, прикрыт
Aconitum Lycoctonum	A. umbrosum	аконит тенелюбивый, прикрыт
Aconitum Napellus	Aconitum soongaricum	аконит джунгарский, «иссыккульский корешок»
Aconitum rotundifolium	так же	аконит круглолистный, прикрыт
Aconitum volubile	A. volubile var. latisectum	аконит вьющийся, прикрыт
Adenophora Gmelini	Ad. himalayna	колокольчик гималайский
Adenophora sp.	так же	колокольчик
Adiantum pedatum	так же	адиантум
Adiantum Roborowskii	так же	адиантум Роборовского
Adonis	A. sibiricus	адонис сибирский, желтоцвет
Adonis apennina-var.	A. sibiricus	адонис сибирский, желтоцвет
Adonis coerulea n. sp.	A. coerulea	заячий мак
Agaricus sp.	Psalliota campestris	шампиньоны
Agrimonia pilosa	так же	репейник
Agriophyllum	так же	кумарчик
Agriophyllum arenarium	так же	кумарчик песчаный
Agriophyllum gobicum	так же	сульхир, кумарчик гобийский
Ajuga sp.	так же	живучка
Alhagi camelorum	так же	джантак

Allium chrysanthum	так же	лук желтый
Allium cyaneum	так же	лук синий
Allium mongolicum	так же	лук монгольский
Allium platyspathum	так же	лук широкочехольный
Allium polyrhizum	так же	лук многокорневой
Allium Przewalskianum	так же	лук Пржевальского
Allium sp.	так же	дикий лук
Allium Szovitsii	так же	лук Шовица
Allium tenuissimum	так же	лук тонкий
Amygdalus mongolica n. sp.	Prunus mongolica	дикий монгольский персик
Anaphalis alata	так же	
Anaphalis Hancockii, n. sp.	A. Hankochii	
Anaphalis lactea	так же	
Anaphalis margaritacea	так же	
Anaphalis sp.	так же	
Anemone micrantha	A. obtusiloba	ветреница, анемон
Anemone sylvestris	так же	ветреница лесная, анемон
Apocynum pictum	так же	кендырь
Apocynum venetum	A. lancifolium	кендырь ланцетолистный
Aquilegia ecalcarata	так же	водосбор
Aquilegia sibirica	так же	водосбор сибирский
Aralia sp.	A. chinensis	—
Archangelica sp.	так же	дягиль
Arenaria formosa	так же	песчанка
Arenaria kansuensis	так же	песчанка ганьсуйская
Arnebia fimbriata n. sp.	так же	
Arnebia guttata	так же	
Artemisia campestris	так же	чернобыльник
Artemisia n. sp.	A. campestris	чернобыльник
Artemisia pectinata	так же	полынь
Artemisia sp.	так же	полынь
Aspidium aculeatum	Polystichum aculeatum	многорядник
Aspidium filixmas	Dryopteris filixmas	мужской папоротник
Asplenium sp.	так же	костенец
Aster alpinus	так же	альпийская астра
Astragalus sp.	так же	астрагал
Astragalus alpina affinis	A. alpina	астрагал альпийский
Astragalus confertus	так же	астрагал плотный
Astragalus melilotoides	так же	астрагал
Astragalus monophyllus	так же	астрагал однолистный
Astragalus scythropus	так же	астрагал
Atragene alpina var. sibirica	A. sibirica	княжик сибирский, вьюнец
Atraphaxis compacta	так же	курчавка скученная
Atraphaxis lanceolata	A. frutescens	курчавка кустарная
Avene sp.	так же	овсюг
Berberis chinensis	B. sinensis	барбарис китайский
Berberis dasystachya	так же	барбарис
Berberis diaphana	так же	барбарис
Berberis integerrima	так же	барбарис.
Berberis vulgaris	так же	барбарис обыкновенный
Betula alba	так же	белая береза
Betula Bhojpattra	B. utilis	гималайская береза
Bromus sp.	так же	костер
Bupleurum multinerve	так же	володушка
Cacalia Roborowskii	так же	недоспелка
Calamagrostis sp.	так же	вейник
Calimeris alyssoides	Aster alyssoides	астра
Calimeris altaica	Heteropappus altaicus	астра алтайская
Callianthemum rutaefolium	C. alatavicum	—
Calligonum mongolicum	так же	джузгун монгольский

Caltha palustris	так же	курослепник
Capparis herbacea	C. spinosa	каперцы
Caragana Bungei	так же	карагана Бунге
Caragana chlamlagu	C. opulens	карагана
Caragana frutescens	C. erinacea	карагана колючая
Caragana frutescens	C. jubata	карагана гривастая, верблюжий хвост
Caragana frutescens	C. opulens	карагана сильная
Caragana grandiflora	C. opulens	карагана сильная
Caragana jubata	так же	карагана гривастая, верблюжий хвост
Caragana pygmaea	так же	золотарник, карагана карликовая
Caragana tragacanthoides	C. pleiophylla	карагана многолистная
Caragana traganthoides	так же[1]	
Cardamine macrophylla	так же	сердечник, кардамина
Carduus leucophyllus	так же	чертополох
Carex sp.	так же	осока
Carex ustulata		осока[1]
Carum sp.	так же	тмин
Caryopteris mongolica	так же	кариоптерис монгольский
Caryopteris tangutica	так же	кариоптерис тангутский
Cathcaartia integrifolia n. sp.	Meconopsis integrifolia	палевый мак
Cerastium melanandrum	так же	ясколка
Cheilanthes argentea	так же	краекучник
Chenopodium Botrys	так же	марь душистая
Cimicifuga foetida	так же	вонючка
Clematis aethusaefolia	C. aethusifolia	ломонос
Clematis orientalis	так же	ломонос восточный
Clematis orientalis	C. orientalis var. intricata	ломонос восточный
Clematis songarica var. integrifolia	C. songarica	ломонос джунгарский
Clematis sp.	Clematis tangutica	ломонос тангутский
Codonopsis viridiflora	так же	кодонопсис
Coluria longifolia n. sp.	C. longifolia	
Comarum Salessowii	C. Salessoviana	сабельник
Conferva sp.	так же	зеленые нитчатковые водоросли
Convolvulus arvensis	так же	вьюнок полевой
Convolvulus Gortschakowii	так же	вьюнок Горчакова
Convolvulus tragacanthoides	так же	вьюнок трагантовый
Corydalis dasyptera n. sp.	C. dasyptera	хохлатка
Corydalis linarioides n. sp.	C. linarioides	хохлатка
Corydalis melanochlora	так же	хохлатка
Corydalis stricta	так же	хохлатка
Corydalis trachycarpa n. sp.	C. trachycarpa	хохлатка
Cotoneaster multiflora	так же	кизильник многоцветный, иргай
Cotoneaster nigra	C. melanocarpa	кизильник чернoплодный
Cotoneaster rotundifolia	так же	кизильник
Cotoneaster sp.	так же	кизильник
Cotoneaster vulgaris	C. integerrima	кизильник, шомпольник
Crataegus pinnatifida	C. altaica v. incisa	боярышник алтайский
Crataegus	так же	боярышник.
Cremanthodium discoideum n. sp.	C. discoideum	кремантодиум дисковидный
Cremanthodium humile	так же	кремантодиум низкий
Cremanthodium plantagineum	так же	кремантодиум подорожниковый
Crepis glomerata	так же	гималайская скерда
Crepis Pallasii	так же	скерда Палласа
Cynanchum acutum	так же	ластовень

[1] Должно быть, другой вид, так как в Центральной Азии этот вид не встречается.

Cynomorium coccineum	так же	циноморий краснеющий
Cystopteris fragilis	так же	пузырник ломкий
Cystopteris montana	так же	пузырник горный
Daphne tangutica	так же	волчеягодник тангутский
Delphinium grandiflorum	D. sparsiflorum	живокость
Delphinium Pylzowi	так же	живокость Пыльцова
Dilophia fontana	так же	—
Dodartia orientalis	так же	—
Dontostemon perennis	так же	—
Doronicum stenoglossum	так же	—
Draba alpina var algida	D. algida	крупка
Draba sp.	так же	крупка
Dracocephalum altaiense var.	D. altajense	змееголовник алтайский
Dracocephalum nutans	так же	змееголовник поникший
Dracocephalum tanguticum	так же	змееголовник тангутский
Dryadanthe Bungeana	так же	—
Echinops Turzaninowii	так же	ежовник
Elaeagnus hortensis v. spinosa	E. angustifolia v. orientalis	джида
Elaeagnus sp.	E. angustifolia orientalis	джида
Eleutherococcus senticosus	так же	
Elymus junceus	Psathyrostachys juncea	колосник
Elymus sp.	Psathyrostachys sp.	колосник
Elyna n. sp.	Cobresia Royleana	кобрезия
Ephedra monosperma	так же	хвойник односемянный
Ephedra sp.	так же	хвойник
Epilobium angustifolium	Chamaenerium angustifolium	кипрей или Иван-чай
Equisetum arvense	так же	хвощ полевой
Evonymus sachalinensis	так же	бересклет сахалинский
Euphorbia blepharophylla	так же	молочай
Euphorbia subcorbata	так же	молочай
Euphorbia sp.	так же	молочай
Eurotia ceratoides	так же	терескен, белолозник
Evonymus nana	так же	бересклет низкий
Evonymus Przewalskii	так же	бересклет Пржевальского
Festuca sp.	так же	кипец
Fragaria elatior	F. roientalis	земляника
Fritillaria Przewalskiin. sp.	F. Przewalskii	рябчик Пржевальского
Fumaria officinale	F. Vaillantii	дымянка
Galium verum	так же	подмаренник
Gentiana aperta	так же	горечавка
Gentiana aristata	так же	горечавка, генциана
Gentiana barbata	так же	горечавка, генциана
Gentiana decumbens	так же	горечавка генциана
Gentiana Olivieri var.	так же	горечавка
Gentiana prostrata	так же	горечавка
Gentiana Przewalska n. sp.	G. Przewalskii	горечавка Пржевальского
Gentiana sp.	так же	горечавка
Gentiana straminea	так же	горечавка
Gentiana tenella	так же	горечавка, генциана
Geranium collinum	так же	герань
Geranium pratense	так же	герань луговая
Geranium pseudo-sibiricum	так же	герань
Geranium Pylzowi n. sp.	G. Pylzowianum	герань Пыльцова
Glaux maritima	так же	млечник приморский

Glycyrrhiza glandulifera	так же	солодка
Goodyera repens	так же	орхидея
Gymnadenta cucullata	Neottianthe cucullata	орхидея
Gympocarpus Przewalskii	так же	—
Halenia elliptica	так же	гималайский зверобой
Halimodendron agrenteum	H. halodendron	джингил
Halogeton arachnoideum	H. arachnoideus	галогетон
Halogeton sp.	так же	галогетон
Haloxylon ammodendron	так же	саксаул зайсанский
Haloxylon Regelii?	Iljinia Regelii	
Hedysarum arbuscula	так же	копеечник, чагеран
Hedysarum multijugum, n. sp.	H. multijugum	копеечник, чагеран
Hedysarum	H. myltijugum	копеечник
Hedysarum sp.	так же	чегеран, копеечник
Hedysarum?	так же?	—
Hesperis aprica	Malcolmia africana	
Hippophae rhamnoides	так же	облепиха
Hippophae sp.	H. rhamnoides	облепиха
Hippuris sp.	H. vulgaris	водяная сосенка
Hippuris vulgaris	так же	водяная сосенка
Hordeum pratense	H. brevisubulatum	ячмень
Hydrangea pubescens	так же	—
Hymaenolaena sp.	так же	—
Hymaenolaena	так же	—
Hymenolaena n. sp.	Pleurospermum sp.	—
Hypecoum erectum	так же	житник
Hypecoum leptocarpum	так же	житник
Hypericum Przewalskii	так же	зверобой Пржевальского
Hypnum	так же	мох гипновый
Impatiens nolitangere	так же	бальзамина, недотрога
Incarvillea compacta n. sp.	I. compacta	инкарвилия
Inula ammophila	так же	девясил
Iris Bloudowi	так же	желтый касатик
Iris ensata	так же	касатик
Iris gracilis	так же	касатик
Iris songarica	так же	касатик джунгарский
Iris tenuifolia	так же	касатик узколистый
Iris sp.	так же	касатик
Isopyrum grandiflorum	—	Paraquibgia grandiflora
Juniperus communis	J. sibirica?	обыкновенный можжевельник
Juniperus pseudo Sabina	J. pseudosabina	древовидный можжевельник (арца)
Juniperus Sabina	так же	казачий можжевельник
Kalidium	K. foliatum	поташник
Kalidium	K. gracile	бударгана
Kalidium foliatum	так же	поташник
Kalidium gracile	так же	бударгана
Kalidium sp.	так же	бударгана
Kobresia thibetica—n. sp.	Cobresia tibetica	тибетская осока
Kochia	Kochia sp.	— прутняк
Kochia mollis	— Echinopsilon divaricatum	кохия веничная
Kochia scoparia	так же	
Lactuca sp.		лактук
Lagochilus diacanthophyllus	L. Roborowskii	—

Lagotis brachystachya	так же	
Lagotis brevituba	так же	
Lancea thibetica	так же	
Larix sibirica	так же	сибирская лиственипа
Lasiagrostis splelendens	так же	дэрисун, чий блестящий
Leontopodium alpinum	Leontopodium типа L. alpinum Cass.	эдельвейс
Ligularia macrophylla	Так же	бузульник
Lilium tenuifolium	так же	саранка, лилия узколистная
Lonicera chrysantha var. longipea	так же	жимолость
Lonicera coerulea var. tangutica	L. tangutica?	жимолость
Lonicera hispida	так же	жимолость
Lonicera microphylla var. Sieversiana	L. microphylla	жимолость
Lonicera nervosa	так же	жимолость
Lonicera n. sp.	Lonicera sp.	жимолость
Lonicera rupicola, var.	L. tibetica	жимолость тибетская
Lonicera sp.	так же	жимолость
Lonicera syringantha n. sp.	L. syringantha	жимолость
Lonicera tangutica n. sp.	L. tangutica	жимолость
Lycium	L. turcomanicum	сугак, дереза, ак-чингиль
Lycium chinense	так же	сугак
Lycium ruthenicum	так же	сугак, дереза, ак-тыкен
Lycium turcomanicum	так же	сугак, дереза, ак-чингиль
Majanthemum bifolium	так же	майник
Marrubium lanatum	так же	шандра
Meconopsis quintuplinervia	так же	
Meconopsis racemosa n. sp.	M. racemosa	голубой мак
Medicago platycarpas	Trigonella platycarpos	пажитник, медунка
Medicago sativa	так же	люцерна
Mnium sp.	так же	мох мниум
Mulgedium tataricum	так же	молокан
Myosotis sp.	так же	незабудка
Myricaria	так же	мирикария
Myricaria alopecuroides	так же	балга-мото
Myricaria germanica	M. squamosa	балга-мото
Myricaria platyphylla	так же	
Myricaria sp.	M. alopecuroides	балга-мото
Myripnois uniflora n. sp.	M. uniflora	
Nephrodium sp.	Dryopteris sp.	щитовник
Nitraria Schoberi	так же	селитрянка Шобера, хармык
Nitraria sphaerocarpa	так же	селитрянка вздутоплодная
Nonnea caspia	N. picta	
Omphalodes blepharolepis n. sp.	O. blepharolepis	
Orchis salina	O. umbrosa	орхидея, ятрышник теневой
Orchis salina	так же	кукушкины слезки, ятрышник
Orchis sp.	так же	ятрышник
Oxygraphis glacialis	так же	
Oxytropis aciphylla	так же	остролодка
Oxytropis falcata	так же	остролодка
Oxytropis kansuensis	так же	остролодка ганьсуйская
Oxytropis ochrocephala	так же	остролодка
Oxytropis sp.	так же	остролодка
Oxytripis strobilacea	так же	остролодка
Oxytropis tragacanthoides	так же	остролодка трагантовая

Paeonia anomala	так же	пион
Papaver alpinum	P. nudicaule	альпийский мак
Parrya stenocarpa	так же	
Pedicularis cheilantifolia	так же	мытник
Pedicularis chinensis	так же	мытник китайский
Pedicularis comosa	так же	медовая трава, мытник
Pedicularis cranolopha	так же	мытник
Pedicularis kansuensis	так же	мытник ганьсуйский
Pedicularis labellata	так же	мытник
Pedicularis lasiophyrus	так же	мытник
Pedicularis muscicola	так же	мытник
Pedicularis pilostachya	так же	мытник
Pedicularis Przewalskii	так же	мытник Пржевальского
Pedicularis rudis	так же	мытник
Peganum Harmala	так же	дикая рута, адраспан
Peristylus bracteatus	Coeloglossum bracteata?	полелепестник
Peristylus viridis	Coeloglossum viride	полелепестник зеленый
Phelipaea salsa	Orobanche salsa	заразиха
Philadelphus coronarius	так же	чубушник, дикий жасмин
Phragmites communis	так же	тростник
Physolychnis alaschania	Lychnis alaschanica	—
Pinus leucosperma	так же	сосна
Pinus Sylvestris	так же	сосна обыкновенная
Plantago sp.	так же	подорожник
Pleurogyne rotata	так же	синий зверобой
Poa serotina	P. palustris	мятлик болотный
Poa sp.	так же	мятлик
Podophyllum Emodi	так же	
Polemonium coeruleum	так же	синюха
Polygonatum cirrhifolium	так же	гималайская купена
Polygonum Bellardi	P. patulum	горец
Polygonum Laxmanni	так же	таран Лаксмана
Polygonum sibiricum	так же	горец сибирский
Polygonum viviparum	так же	мыкер, горец живородящий
Polypodium Dryopteris	Dryopteris Linneana	щитовник
Polypipodium sp.	так же	многоножка
Populus alba	так же	белый тополь
Populus diversifolia	так же	тогрук, тополь разнолистный
Populus nigra	так же	осокорь
Populus Przewalskii	так же	тополь Пржевальского
Populus sp.	так же	тополь
Populus suaveolens	так же	тополь душистый
Populus tremula	так же	осина
Potentilla anserina	так же	лапчатка гусиная, джума
Potentilla bifurca	так же	лапчатка вильчатая
Potentilla dealbata	так же	лапчатка
Potentilla fruticosa	Dasiphora fruticosa	курильский чай
Potentilla fruticosa var.	Dasiphora fruticosa var. tangutica	курильский чай
Potentilla glabra	Dasiphora daurica	курильский чай, даурский
Potentilla multifida	так же	лапчатка
Potentilla sp.	Dasiphora fruticosa	курильский чай
Primula farinosa	так же	первоцвет
Primula flava	так же	первоцвет
Primula sibirica	так же	первоцвет сибирский
Przewalskia tangutica	так же	—
Psamma arenaria?	так же	песчаный тростник
Psamma villosa	Arundo villosa	тростник
Pugionium	так же	дзерлик-лобын (дикая редька)
Pugionium cornutum	так же	дзерлик-лобын (дикая редька)

Pugionium dolabratum	так же	дзерлик-лобын (дикая редька)
Pulsatilla vulgaris	P. ambigna	голубой прострел
Pyrethrum sinense	так же	китайская ромашка
Pyrethrum sp.	так же	ромашник
Pyrola rotundifolia	так же	грушанка
Pyrus sp.	Malus sp.	дикая яблонь
Ranunculus affinus	так же	лютик
Ranunculus aquaticus	Batrachinum divaricatum	водяной лютик
Ranunculus pulchellus	так же	лютик
Reaumuria songarica	так же	реамюрия джунгарская
Reaumuria sp.	R. songarica и R. kaschgarica var. Przewalskii	реамюрия джунгарская и реамюрия кашгарская
Reaumuria trigyna	так же	реамюрия
Rhamnus virgata	так же	крушина
Rheum palmatum	R. palmatum var. tangutiam	ревень тангутский
Rheum uninerve	так же	ревень
Rheum spiciforme	R. reticulatum	ревень сетчатый
Rheum leucorhizum	R. nanum	ревень низкий
Rheum pumilum	так же	ревень
Rheum rhaponticum	так же	черенковый ревень
Rhododendron anthoponoides	так же	рододендрон
Rhododendron capitatum	так же	рододендрон
Rhododendron Przewalskii	так же	рододендрон Пржевальского
Rhododendron thymifolium	так же	рододендрон
Ribes aciculare	Grossularia acicularis	крыжовник игольчатый
Ribes Meyeri	так же	смородина
Ribes nigrum	так же	черная смородина
Ribes pulchellum	так же	смородина
Ribes stenocarpa	так же	крыжовник
Rosa pimpinellifolia	R. spinosissima	желтоцветный шиповник
Rosa Przewalskiana	так же	шиповник Пржевальского
Rosa sericea	так же (?)	шиповник
Rosa sp.	так же	шиповник
Rubus Idaeus	так же	малина
Rubus pungens?	Rubus sp.	малина
Rubus sp.	так же	малина
Salicornia herbacea	так же	солерос
Salix alba?	S. babylonica	ива вавилонская
Salix sp.	так же	тальник, лоза, ива
Salsola	так же	солянка
Salsola abrotanoides	так же	солянка
Salsola gemmascens	так же	солянка почечконосная (тетыр-туркменск).
Salsola kali[1]	так же	солянка
Salsola n. sp.	Salsola sp.	солянка
Salsola sphaerophysa	так же	солянка
Sambucus adnata	S. javanica	гималайская бузина
Sanguisorba officinalis	так же	кровохлебка
Saussurea hieracifolia	так же	соссюрея
Saussurea medusa	так же	соссюрея
Saussurea nigrescens	так же	соссюрея
Saussurea n. sp.	Saussurea sp.	соссюрея
Saussurea phaeantha	так же	соссюрея
Saussurea pygmea	так же	соссюрея карликовая
Saussurea sorocephala	так же	соссюрея
Saussurea sp.	так же	соссюрея
Saussurea stella	так же	соссюрея

[1] Повидимому, другой вид, так как данная солянка в Центральной Азии отсутствует.

Saxifraga hirculus	S. hirculus var. vestita	камнеломка болотная
Saxifraga n. sp.	S. Przewalskii S. egregia S. tangutica	камнеломка
Saxifraga n. sp.	S. unguiculata	
Saxifraga n. sp.	Saxifraga sp.	камнеломка
Scirpus maritimus var. affinis	Bolboschoenus affinis	ситовник
Scorzonera austriaca	так же	змеедушник, козелец
Sedum Aizoon	S. aizoon	очиток
Sedum n. sp.	Rhodiola algida	
Sedum quadrifidum	Rhodiola quadrifida	—
Senecio altaicus	так же	бузульник алтайский
Senecio Przewalskii	так же	бузульник Пржевальского
Senecio Sagitta	так же	бузульник
Senecio tanguticus	так же	бузульник тангутский
Senecio Virgaurea	так же	бузульник
Sibiraea laevigata	S. altajensis	сибирка алтайская
Sisymbrium brassicaeformae	S. brassiciforme	гулявник
Sisymbrium n. sp.	Torularia glandulosa	четочник
Sophora alopecuroides	Goebelia alopecuroides	талхак обыкновенный
Sorbus aucuparia	S. tianschanica	рябина тяньшанская
Sorbus aucuparia	так же	рябина обыкновенная
Sorbus microphylla	так же	рябина гималайская
Sphaerophysa salsula	так же	буян (казахск.)
Spiraea hypericifolia	так же	таволга
Spiraea longigemmis n. sp.	так же	таволга
Spiraea mongolica	так же	таволга монгольская
Spiraea sp.	так же	таволга
Statice aurea	так же	кермек золотистый
Statice sp.	так же	кермек
Stellera Chamaejasme	так же	стеллера
Sterigma sulfureum	Sterigmostemum tomentosum	—
Stipa orientalis	так же	ковыль восточный
Stipa sp.	так же	ковыль
Suaeda salsa	так же	шведка солончаковая
Suaeda sp.	так же	шведка
Swertia marginata	S. erythrosticta	—
Sympegma Regelii	так же	бударгана
Tamarix chinensis	так же	тамариск китайский
Tamarix elongata	так же	тамариск
Tamarix laxa	так же	тамариск
Tamarix Pallasii	так же	тамариск Палласа
Tamarix sp.	так же	тамариск
Tanacetum sp.	Pyrethrum sp,	ромашник
Tanacetum sp.	T. vulgare	пижма
Taraxacum glabrum	T. glabrum?, T. nivale?	одуванчик
Taraxacum sp.	так же	одуванчик
Thalictrum alpinum	так же	василистник альпийский
Thalictrum baicalense	так же	василистник байкальский
Thalictrum fcetidum	так же	василистник вонючий
Thalictrum petaloideum	так же	василистник ложнолепестковый
Thalictrum sp.	T. Przewalskii	василистник Пржевальского
Thermopsis alpina	так же	мышьяк (термопсис) альпийский
Thermopsis lanceolata	так же	мышьяк ланцетолистный
Thylacospermum	T. ruprifragum	
Thylacospermum n. sp.	T. ruprifragum	
Tournefortia Arguzia	T. sibirica	—
Tragopogon ruber	так же	козлобородник

Tragopyrum sp.	Atraphaxis sp.	курчавка
Tribulus terrestris	так же	якорцы стелющиеся
Trigonotis petiolaris n. sp.	T. petiolaris.	
Triosteum pinnatifidum	так же	—
Triticum strigosum	Agropyrum strigosum	пырей
Trollius asiaticus	так же	купальница азиатская
Trollius pumilus	так же	купальница стелющаяся, гималайская буковица
Tulipa uniflora	так же	тюльпан
Typha stenophylla	T. angustata	куга, рогоз
Ulmus campestris	так же	ильм
Ulmus campestris	U. pumila	ильм (берест) приземистый
Umbilicus ramosissimus	Cotyledon ramosissima	горноколосник
Umbilucus sp.	Orostahys fimbriata	горноколосник
Urtica dioica	так же	крапива двудольная
Urtica sp.	U. hyperbora	крапива
Utricularia vulgaris	так же	пузырчатка
Valeriana Jaeschkei?	так же	валериана
Valeriana sp.	так же	валериана
Veronica sp.	так же	вероника
Viburnum dauricum	так же	даурская малина
Vicia sp.	так же	вика
Vicia unijuga	так же	вика
Viola pinnata	так же	фиалка перистая
Viola sylvestris var. rupestris	так же	фиалка лесная
Viola thianschanica	так же	фиалка тяньшанская
Viscum album	так же	омела
Voungia flexuosa	Crepis flexuosa	скерда
Werneria	W. nana	
Werneria nana	так же	
Werneria sp.		
Zygophyllum xanthoxylon	так же	парнолистник желтодревесный
Zygophyllum macropterum	так же	парнолистник
Zygophyllum mucronatum n. sp.	так же	парнолистник

Таблицы для перевода мер длины и веса в метрические

Таблица 1

Версты в километрах

1 верста = 1,06680 километра

Версты		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		1,067	2,134	3,200	4,267	5,334	6,401	7,468	8,534	9,601
10	10,668	11,735	12,802	13,868	14,935	16,002	17,069	18,136	19,202	20,269
20	21,336	22,403	23,470	24,536	25,603	26,670	27,737	28,804	29,870	30,937
30	32,004	33,071	34,138	35,204	36,271	37,338	38,405	39,472	40,538	41,605
40	42,672	43,739	44,806	45,872	46,939	48,006	49,073	50,140	51,246	52,273
50	53,340	54,407	55,474	56,540	57,607	58,674	59,741	60,808	61,804	62,941
60	64,008	65,075	66,142	67,208	68,275	69,342	70,409	71,476	72,542	73,609
70	74,676	75,743	76,810	77,876	78,943	80,010	81,077	82,144	83,210	84,277
80	85,344	86,411	87,478	88,544	89,611	90,678	91,745	92,812	93,878	94,945
90	96,012	97,079	98,146	99,212	100,279	101,346	102,413	103,480	104,546	105,613
100	106,680	107,747	108,814	109,880	110,947	112,014	113,081	114,148	115,214	116,281

Таблица 2

Сажени в метрах

1 сажень = 2,13360 метра

Сажени		1	2	3	4	5	6	7	8	
		2,13	4,27	6,40	8,53	10,67	12,80	14,94	17,07	19,20
10	21,34	23,47	25,60	27,74	29,87	32,00	34,14	36,27	38,40	40,54
20	42,67	44,81	46,94	49,07	51,21	53,34	55,47	57,61	59,74	61,87
30	64,01	66,14	68,28	70,41	72,54	74,68	76,81	78,94	81,08	83,21
40	85,34	87,48	89,61	91,74	93,88	96,01	98,15	100,28	102,41	104,55
50	106,68	108,81	110,95	113,08	115,21	117,35	119,48	121,62	123,75	125,88
60	128,02	130,15	132,28	134,42	136,55	138,68	140,82	142,95	145,08	147,22
70	149,35	151,49	153,62	155,75	157,89	160,02	162,15	164,29	166,42	168,55
80	170,69	172,82	174,96	177,09	179,22	181,36	183,49	185,62	187,76	189,89
90	192,02	194,16	196,29	198,42	200,56	202,69	204,83	206,96	209,09	211,23
100	213,36	215,49	217,63	219,76	221,89	224,03	226,16	228,30	230,43	232,56

Таблица 3

Футы в метрах

1 фут = 0,304800 метра

Футы		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		0,30	0,61	0,91	1,22	1,52	1,83	2,13	2,44	2,74
10	3,05	3,35	3,66	3,96	4,27	4,57	4,88	5,18	5,49	5,79
20	6,10	6,40	6,71	7,01	7,32	7,62	7,92	8,23	8,53	8,84
30	9,14	9,45	9,75	10,06	10,36	10,67	10,97	11,28	11,58	11,89
40	12,19	12,50	12,80	13,11	13,41	13,72	14,02	14,33	14,63	14,94
50	15,24	15,54	15,85	16,15	16,46	16,76	17,07	17,37	17,68	17,98
60	18,29	18,59	18,90	19,20	19,51	19,81	20,12	20,42	20,73	21,03
70	21,34	21,64	21,95	22,25	22,56	22,86	23,16	23,47	23,77	24,08
80	24,38	24,69	24,99	25,30	25,60	25,91	26,21	26,52	26,82	27,13
90	27,43	27,74	28,04	28,35	28,65	28,96	29,26	29,57	29,87	30,18
100	30,48	30,78	31,09	31,39	31,70	32,00	32,31	32,61	32,92	33,22

Таблица 4

Дюймы в сантиметрах

1 дюйм = 2,54000 сантиметра

Дюймы		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		2,54	5,08	7,62	10,16	12,70	15,24	17,78	20,32	22,86
10	25,40	27,94	30,48	33,02	35,56	38,10	40,64	43,18	45,72	48,26
20	50,80	53,34	55,88	58,42	60,96	63,50	66,04	68,58	71,12	73,66
30	76,20	78,74	81,28	83,82	86,36	88,90	91,44	93,98	96,52	99,06
40	101,60	104,14	106,68	109,22	111,76	114,30	116,84	119,38	121,92	124,46
50	127,00	129,54	132,08	134,62	137,16	139,70	142,24	144,78	147,32	149,86
60	152,40	154,94	157,48	160,02	162,56	165,10	167,64	170,18	172,72	175,26
70	177,80	180,34	182,88	185,42	187,96	190,50	193,04	195,58	198,12	200,66
80	203,20	205,74	208,28	210,82	213,36	215,90	218,44	220,98	223,52	226,06
90	228,60	231,14	233,68	236,22	238,76	241,30	243,84	246,38	248,92	251,46
100	254,00	256,54	259,08	261,62	264,16	266,70	269,24	271,78	274,32	276,86

Таблица 5

Пуды в тоннах

1 пуд=0,016380496 тонны

Пуды		1	2	3	4	5	6	7	8	9
	0	0,01638	0,03276	0,04914	0,06552	0,08190	0,09828	0,11466	0,13104	0,14742
10	0,16380	0,18019	0,19657	0,21295	0,22933	0,24571	0,26209	0,27847	0,29485	0,31123
20	0,32761	0,34399	0,36037	0,37675	0,39313	0,40951	0,42589	0,44227	0,45865	0,47503
30	0,49141	0,50780	0,52418	0,54056	0,55694	0,57332	0,58970	0,60608	0,62246	0,63884
40	0,65522	0,67160	0,68798	0,70436	0,72074	0,73712	0,75350	0,76988	0,78626	0,80264
50	0,81902	0,83541	0,85179	0,86817	0,88455	0,90093	0,91731	0,93369	0,95007	0,96645
60	0,98283	0,99921	1,01559	1,03197	1,04835	1,06473	1,08111	1,09749	1,11387	1,13025
70	1,14663	1,16302	1,17940	1,19578	1,21216	1,22854	1,24492	1,26130	1,27768	1,29406
80	1,31044	1,32682	1,34320	1,35958	1,37596	1,39234	1,40872	1,42510	1,44148	1,45786
90	1,47424	1,49063	1,50701	1,52339	1,53977	1,55615	1,57253	1,58891	1,60529	1,62167
100	1,63805	1,65443	1,67081	1,68719	1,70357	1,71995	1,73633	1,75271	1,76909	1,78547

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Первое тибетское путешествие Н. М. Пржевальского *Э. М. Мурзаев.* 5

Предисловие. *Н. Пржевальский.* 17

Глава I. **Снаряжение экспедиции в Зайсане. Путь по Чжунгарии долиною р. Урунгу.** План и состав экспедиции.—Окончательное снаряжение в Зайсане: запасы продовольственные; боевые и охотничьи; для научных работ; одежда, обувь и жилище; подарки туземцам; деньги; укладка багажа; экспедиционные животные.—Важность вооружения экспедиции.—Предположенный путь.—Проводник Мирзаш.—Выступление из Зайсана.—Мысли у порога пустыни.—Первые дни путешествия.—Местность от Зайсана до оз. Улюнгура.—Описание этого озера.—Городишко Булунтохой.—Река Урунгу.—Ее нижнее течение.—Местная флора и фауна—. Соседняя пустыня.—Среднее течение Урунгу.—Путь наш вверх по этой реке.—Зимовка бежавших киргизов.—Верхняя Урунгу.—Река Булугун.—Охота на кабанов.—О торгоутах .19—36

Глава II. **От Алтая до Тянь-шаня.** Чжунгарская пустыня.—Форма ее поверхности.—Лёсс. — Орошение. — Климат. — Причины центрально-азиатских бурь.—Флора описываемой пустыни: саксаул, дырисун.—Фауна: дикая лошадь, дикий верблюд.—Наш путь от озера Гашун-нор.—Обманчивость расстояний.—Равнина к югу от Алтая.—Состояние погоды.—Горы Хара-сырхэ и Куку-сырхэ.—Общий характер пройденной пустыни.—Предгорья Тянь-шаня.—Всегдашние затруднения с проводниками.—Выход в Баркульскую равнину .37—55

Глава III. **От Баркуля до Хами.** Обыденный порядок нашей походной жизни: ночевка; снимание бивуака; движение в пути; устройство нового стойбища; продовольствие и ежедневные занятия; двойные переходы, дневки.—Баркульская равнина.—Город Баркуль.—Дальнейшее наше движение.—Дороги вдоль Тянь-шаня.—Прелестная стоянка.—Пройденный Тянь-шань.— Леса северного его склона.—Перевал.—Южный склон.—Переход до Хами 56—67

Глава IV. **Оазис Хами и Хамийская пустыня.** Общие условия образования оазисов Центральной Азии.—Описание оазиса Хами.—Туземцы.—Стратегическое и торговое значение Хами.—Наше там пребывание.—Осмотр города.—О китайских войсках.—Их безобразное состояние.—Сборы в дальнейший путь.—Выступление.—Топографический рельеф Хамийской пустыни.—Ее ужасающая дикость.—Памятный ночной переход.—Станция Ку-фи.—Горы Бэй-сянь.—Кое-что о переходе через пустыню.—Река Булюнцзир.—Прибытие в оазис Са-чжеу. .68—85

Глава V. **Оазис Са-чжеу. Предгорья Нань-шаня.** Общая характеристика оазиса Са-чжеу.—Его флора, фауна и население.—Окрестности описываемого оазиса.—Наш в нем бивуак.—Назойливость городской толпы.—Недружелюбие китайских властей.—Закупка продовольствия.—Продолжение пути.—Святые пещеры.—Переход до р. Дан-хэ.—Обман про-

водников.—Передовой уступ Нань-шаня.—Среднее и верхнее течение р. Дан-хе —Разъездами отыскиваем путь.—Случайная встреча монголов.—Они указывают нам дорогу в Цайдам.—Прекрасная стоянка.—Причины подозрительности китайцев . . . . 86—99

Глава VI. **Хребет Нань-шань.** Две характерные части Центральной Азии.—Хребты Гумбольдта и Риттера в Нань-шане.—Связь этого последнего с Алтын-тагом.—Нань-шань близ Са-чжеу.—Средний пояс северного склона описываемых гор.—Его флора и фауна.—Область альпийских лугов.—Пояс каменных россыпей.—Область вечного снега.—Фауна альпийской области.—Климат западного Нань-шаня.—Сравнение этих гор с их восточной окраиной 100—109

Глава VII. **Наше пребывание в Нань-шане.** Отдых в горах.—Новый марал.—Перебираемся в альпийскую горную область.—Неудачные здесь охоты.—Посещение ледника.—Возвращение на прежнюю стоянку.—Переход за главный кряж Нань-шаня.—Описание его южного склона.—Новая поездка к ледникам.—Пропажа унтер-офицера Егорова; поиски его; неожиданная встреча.—Переход в равнину Сыртын.—Оригинальные подножья центральноазиатских гор .110—125

Глава VIII. **Цайдам.** О Цайдаме вообще.—Местные монголы.—Грабежи их оронгынами.—Северный Цайдам.—Его флора и фауна.—Равнина Сыртын.—Ее жители.—Избранный нами путь.—Мираж.—Большой безводный переход.—Местность до оз. Ихэ-цайдамин-нор.—Описание этого озера.—Дальнейшее наше движение.—Пашни цайдамских монголов.—Хармык.—Тамариск.—Князь Курлык-бэйсе.—Крутое наше с ним обращение.—Комическая закупка продовольствия.—Озера Курлык-нор и Тосо-нор.—Климат августа.—Крайне бесплодная местность.—Река Баян-гол.—Невольные ошибки.—Выход на старый путь.—Возня с князем Дзун-засаком.—Результаты первого перисда путешествия .126—146

Глава IX. **Северный Тибет.** О Тибете вообще.—Его малоизвестность.—Тому причины.—Различные части Тибета.—Окрайние горы северной половины этой страны.—Куэн-лунь.—Внутреннее плато.—Хребты на нем.—Их общий характер.—Равнины.—Озера и реки.—Климат.—Флора.—Фауна: млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся и земноводные; рыбы.—Минеральное царство.—Жители .147—165

Глава X. **Наш путь по Северному Тибету.** Неблагоприятные нам напутствия.—Обходная дорога.—Номохун-хото.—Хитрость князя Дзун-засака.—Хребет Бурхан-Будда и ущелье р. Номохун-гол.—Урочище Дынсы-обо.—Догадливый монгол.—Юрта взамен палатки.—Перемена абсолютной высоты и климата.—Хребет Шуга.—Река Шуга-гол и ее долина; окрайние горы.—Баснословное обилие травоядных зверей.—Птицы и рыбы.—Наша охота.—Оригинальная долина.—Перевал Чюм-чюм.—Трудное положение.—Снег и морозы.—Глазная болезнь.—Равнина по р. Напчитай-улан-мурень.—Утешительные предзнаменования.—Дурное топливо.—Хребет Куку-шили.—Новооткрытый медведь.—Изгнание проводника . . . . .166—183

Глава XI. **Наш путь по Северному Тибету** (Продолжение). План дальнейшего движения.—Выход из гор Куку-шили.—Опять равнина.—Хребет Думбуре.—Разъезды для отыскания пути.—Горы Цаган-обо.—Следы прежних кочевок.—Верхнее течение Голубой реки.—Охота на диких яков.—Кратковременная дорога.—Трудности пути.—Река Токтонай-улан-мурень.—Затруднительность летнего движения через Северный Тибет.—Неожиданная услуга.—Переход через р. Мур-усу.—Плато и хребет Тан-ла.—Ёграи и голыки.—Наш подъем на Тан-ла.—Нападение ёграев.—Горячие минеральные ключи.—Спуск с Тан-ла.—Новое повышение местности.—Тревожные вести.—Встреча тибетских чиновников.—Необходимость остановки 184—204

Глава XII. **Остановка близ горы Бумза.** Гора Бумза и ключ Ниер-чунгу.—Кочевые тибетцы.—Их наружный тип, одежда, жилище, пища, скотоводство, нравственные качества, семейная жизнь, язык и обычаи, административное разделение.—Тягостная наша стоянка.—Охота за ягнятниками и снежными грифами.—Сношения с местными жителями.—Тибетские

солдаты.—Неудачная посылка в Напчу.—Торговый тибетский караван.—Монголы-переводчики.—Сведения, ими сообщенные: маршрут от Напчу до Лхасы; об этом городе; о далай-ламе; о населении Тибета.—Приезд посланцев из Лхасы.—Мое решение возвратиться.—Четвертый раз не попадаю в столицу Тибета . .205—226

Глава XIII. **Возвращение в Цайдам.** Неудовлетворительность нового снаряжения.—Проводник Дадай. —Возможность обхода Тан-ла.—Вновь поднимаемся на это плато.—Легенды о злом духе и о каменном граде.—Спуск по северному склону Тан-ла.—Охота за уларами.—Тройной караванный путь.—Остановка в горах Цаган-обо.—Геологическое действие тибетских бурь.—Охота на медведя.—Новый наш путь.—Нахальство тибетских хищников.—Белогрудый аргали.—Климат декабря.—Переход за хребет Марко Поло.—Описание этих гор.—Снежный буран.—Выносливость туземных лошадей.—Место размножения антилоп оронго.—Хребет Гурбу-найджи.—Река Найджин-гол.—Зимующие птицы.—Выход в Цайдам.—Сведения о западной части этой страны.—Переход по южному Цайдаму.—Неприятности нашего вожака.—Прибытие в хырму Дзун-засак .227—247

Глава XIV. **Из Цайдама на Куку-нор и в Синин.** Третий период путешествия.—Стоянка у Дзун-засака.—Восточный Цайдам.—Наш путь по нему.—Болото Иргицык—Южно-Кукунорский хребет.—Дабасун-гоби.—Еще о горах Южно-Кукунорских.—Река Бухайн-гол.—Недолгая остановка на Куку-норе.—Описание этого озера: его бассейн, климат, флора, фауна и население.—Идем по южному берегу Куку-нора.—Река Ара-гол.—Остановка возле пикета Шала-хото.—Поездка в г. Синин.—Население его окрестностей: китайцы, дунганы, киргизы, тангуты, далды и монголы.—О Синине.—Свидание с местным амбанем.—Курьезные рассказы китайцев.—Снаряжение в дальнейший путь . . . . .248—268

Глава XV. **Исследование верховьев Желтой реки.** Общая характеристика бассейна верхней Хуан-хэ.—Частное описание того же верхнего ее течения.—Хара-тангуты.—Их шаманы.—Наш караван на вьючных мулах.—Переход в урочище Балекун-гоми.—Отрадная здесь стоянка.—Бедность флоры и фауны.—Состояние погоды.—Следование вверх по Желтой реке.—Безводное плато. — Хребет Сян-си-бей. — Река Бага-горги. — Угрозы хара-тангутов.—Малозаметный пролет птиц. Ушастый фазан.—Охота за ним.—Гора и кумирня Джахан-фидза.—Обилие лекарственного ревеня.—Переход к р. Уму.—Продолжение пути.—Растительная жизнь и погода в апреле.—Стоянка на р. Чурмын.—Новые разъезды.—Переход на Хуан-хэ.—Местность близ ее истоков.—Невозможность дальнейшего следования .269—296

Глава XVI. **Исследование верховьев Желтой реки** (Продолжение). Возвращение на р. Бага-горги.—Прелестные здесь уголки.—Следование в Балекун-гоми.—Начало летних дождей.—Новый путь.—Урочища Ха-гоми и Доро-гоми.—Переход на переправу через Хуан-хэ.—Оазис Гуй-дуй.—Горы к югу от него.—Их флора и фауна.—Наше пребывание в этих горах.—Охотничьи экскурсии.—Восхождение на гору Джахар.—Возвращение в Гуй-дуй.—Переход на Кукунорское плато . . .297—309

Глава XVII. **Летнее посещение оз. Куку-нор. Вторичное обследование Восточного Нань-шаня (гор Гань-су).** Идем долиной р. Ара-гол.—Стоянка на берегу Куку-нора.—Следование по восточной его стороне.—Растительность береговой полосы.—Джума.—Бивуак на устье р. Балема.—Охота за горными гусями.—Выбор возвратного пути через Ала-шань.—Местность от Куку-нора до кумирни Чейбсен.—Наше здесь следование.—Постоянные дожди.—Старые знакомцы в Чейбсене.—Водяная молельня.—Хребет Южно-Тэтунгский.—Растительность его альпийского пояса.—Флора лесной области.—Фауна тех же гор.—Местные тангуты.—Наше пребывание в описываемых горах.—Кумирня Чертынтон.—Хребет Северо-Тэтунгский.—Последние впечатления гор.—Переход до города Да-и-гу.—Спуск с Тибетского нагорья к Ала-шаню . 310—331

Глава XVIII. **Путь через Ала-шань и срединою Гоби.** О Гоби вообще.—Местные условия почвы, климата, растительной и животной жизни.—Ала-шань; его климат, флора, фауна и население.—Общее впечатление

от пустыни.—Наш путь из г. Даджина.—Пески Тынгери.—Сульхир и Pugionium.—Одичавшие лошади.—Неожиданный пролет птиц.—Переход в г. Дын-юань-ин.—Алашанские князья.—Следование по северному Ала-шаню.—Аймак уротов.—Общий характер средней Гоби.—Новый аргали.—Путь наш до хребта Хурху.—Описание этих гор.—Дальнейшее наше следование.—Новые караванные пути.—О монголах.—Климат сентября.—Степная полоса северной Гоби.—Прибытие в Ургу.—Переезд до Кяхты.—Итог научных результатов моих путешествий в Центральной Азии.—Благодарность спутникам.—Заманчивость страннической жизни 332—364

Примечания и комментарии редактора 365

Список латинских названий животных с указанием их русских названий 384

Список латинских названий растений с указанием их русских названий 390

Таблицы перевода мер, употреблявшихся Н. М. Пржевальским, в метрические меры 400

Содержание 403

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт *А. М. Оленев*
Худож. редактор *В. В. Щукина*
Техн. редактор *К. В. Крыночкина*
Обложка работы художника *Н. П. Полянского*

Сдано в производство 11/II—48. Подписано к печати 28/IV—48. А 03536. Формат 70×108/16. Печатных листов $25^1/_2$ + вклейки и карты $3^1/_8$ п.л. Уч.-изд. л. 35,2. Цена 14 руб. Переплет 1 р. 50 к.
Заказ № 129. Тираж 20000.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9